

МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА:

**Актуальные проблемы
содержательного анализа
общественно-политических
текстов**

Выпуск 2

МЕТОДОЛОГИЯ
ИССЛЕДОВАНИЙ
ПОЛИТИЧЕСКОГО
ДИСКУРСА:

**Актуальные проблемы
содержательного анализа
общественно-политических
текстов**

Выпуск 2

**Под общей редакцией
И. Ф. Ухвановой-Шмыговой**

**Минск
БГУ
2000**

УДК 801.73

ББК 81.2.-7

М54

Составление и общая редакция:

доктор филологических наук,
профессор *И. Ф. Ухванова-Шмыгова*

Рецензент:

доктор филологических наук, профессор
Минского государственного лингвистического университета
А. П. Клименко

Методология исследований политического дискурса:

М54 Актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов. Вып. 2 / Сост. и общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Мн.: БГУ, 2000. – 479 с.

ISBN 985-445-396-0.

Данная монография освещает ряд теоретических парадигм, методологических программ и конкретных методик, а также их использование в практических исследованиях открытого множества речевых практик – в сфере политической, религиозной, педагогической, межнациональной коммуникации. Работа носит междисциплинарный характер, вписываясь, тем не менее, в рамки учебных курсов, читаемых на социально-гуманитарных факультетах классических университетов.

Книга может служить в качестве учебного материала для слушателей курса "Дискурсные и текстологические методики в социологическом исследовании", читаемого на отделении социологии факультета философии и социальных наук БГУ, а также как дополнительная литература по дисциплинам "Теоретическая социология", "Методология и методика социологических исследований", "Социология массовой коммуникации". Наличие теоретических обзоров, материалов к словарю и библиографии обеспечивает автономию текстовому пространству книги.

Для специалистов в области теории и практики коммуникации, социологии, социальной психологии, лингвистики, семиотики, культурологии, а также преподавателей и студентов.

УДК 801.73

ББК 81.2.-7

ISBN 985-445-396-0

© Ухванова И. Ф., 2000

Памяти
Адама Евгеньевича
Сутруна-Белевича

ПРЕДИСЛОВИЕ

В коллективной монографии рассматривается широкий круг актуальных, однако недостаточно изученных проблем. Настоящее исследование, объединенное общностью целей и задач по своим подходам и решениям, безусловно, носит в определенной степени поисковый характер.

В центре внимания книги – стратегические подходы к изучению общественно-политических текстов как вербализованных социальных действий и общественно-политического дискурса как вербализованных социально-значимых событий. Мы сосредоточили свое внимание на различных аспектах проблемы – методологических и философских, теоретических и коммуникативных, технологических и специальных. Оценив адекватность и эффективность различных стратегий и методик, мы выявили общую тенденцию к сближению подходов, в том числе сближению качественной и количественной методологических парадигм. По нашему глубокому убеждению, интегративность естественна для изучения такого исследовательского поля, как текст и дискурс, которым занимается сегодня практически вся гуманитарика. Пересечение интересов различных дисциплин влечет за собой пересечение методик, а значит рождение новых подходов, а вместе с ними – рождение новых дисциплин.

Мы посчитали необходимым включить в книгу материалы о современном состоянии не только теории, но и практики исследовательской работы, в связи с чем остановились на исследованиях, проводимых в режиме так называемого "кейс-стади" – анализа отдельного случая. Для нас важно было также максимально расширить объект исследования, в результате чего в поле исследования вошли такие дискурсные практики, как философская, педагогическая и религиозная, а также коммуникация в организациях, межкультурный и национально-консолидирующий дискурс.

Настоящая книга – вторая в нашей тематической серии. Коллектив авторов пополнился новыми именами, хорошо известными в странах дальнего и ближнего зарубежья, расширился круг дисциплин, представители которых посчитали целесообразным участвовать в нашем научном форуме и предложить для всеобщего обсуждения свои взгляды на проблему, свой поворот темы.

Мы хотели бы выразить благодарность нашим рецензентам: профессору кафедры лексикологии английского языка Минского

государственного лингвистического университета Анне Петровне Клименко, заведующему кафедрой социологии Белорусского государственного университета профессору Альберту Николаевичу Елсукову, доцентам этой кафедры Елене Евгеньевне Кучко и Леониду Владимировичу Абушенко, а также заведующей кафедрой социальной коммуникации Ольге Викентовне Терещенко за поддержку издания и конструктивную критику. Наша благодарность непосредственно участникам издания этой книги, исполнителям проекта – авторам и переводчикам. Особая благодарность нашим литературным редакторам и корректорам Игорю Антоновичу Дылевскому, Марии Иосифовне Карпович, Галине Алексеевне Пушне, Галине Владимировне Лозовской. Большая работа по оформлению книги была проделана аспирантами БГУ и МГЛУ Н.В. Курилович и А.А. Маркович, старшим преподавателем кафедры социальной коммуникации БГУ Н.А. Елсуковой, лаборантами БГУ Е.М. Павловской, М.А. Хориной, О.С. Доронь, Е.Е. Трощенко.

Мы также хотим выразить благодарность фонду Фулбрайта, ибо его гранты дают возможность расширять наше участие в профессиональных форумах международного уровня, развивать сотрудничество со специалистами других стран, работающих, как и мы, над проблемой понимания и трактовки текстов, а значит, в конечном итоге, проблемой общения между людьми разных взглядов, культур, поколений, цивилизаций. Наша непосредственная благодарность адресована и профессору университета штата Миннесота Джозефу Местенхаузеру, способствовавшему вовлечению авторов данной книги в научную дискуссию международного уровня. Мы благодарны сотрудникам архивного центра Независимого института социальных, экономических и политических исследований (НИСЭ-ПИ), предоставившим материалы для исследования.

Надо сказать, что некоторые работы не попали в этот выпуск. Но в скором времени планируется публикация Выпуска 3. Просим высылать замечания, предложения, рецензии на данную работу, новые статьи, обзоры, заказы на книгу по адресу: Беларусь, 220000, Минск, ул. Мясникова, 38, к. 208, БГУ, кафедра английского языка и речевой коммуникации. E-mail address: **oukhvanova@fef.bsu.unibel.by**

ВВЕДЕНИЕ

ЛИНГВИСТИКА И СОЦИАЛЬНЫЕ НАУКИ В АСПЕКТЕ ИНТЕГРИРОВАНИЯ

Каждое научное направление, каждая дисциплина одновременно и открыты и закрыты. Иначе говоря, интегративные процессы в образовании и исследовательской работе так же естественны, как и процессы дифференциации. И это не удивительно. Каждая наука имеет свой предмет и объект знания. *Предмет знания* обеспечивает ее самостность, идентифицирует ее среди других наук, в то время как *объект знания* неизбежно выводит на интегративные тенденции, ибо определяет поле, которое эта область знания обрабатывает.

Количество областей знания естественным образом ограничено. Соответственно, науки нередко вынуждены "топтаться на одном и том же поле", строя высокие метаязыковые заборы, чтобы защитить свою "чистоту". Такое может происходить не только с молодыми, но и зрелыми науками. И вопрос здесь не в том, насколько твердо стоит наука на ногах, а, видимо, в том, какова общая культура научного сообщества, насколько распространены ценности плюрализма, ибо именно они помогают осознать значимость множественности, вместе с которой приходит понимание, что потерять свое лицо можно и со свитой охраны и даже находясь на пьедестале, если эта множественность случайна и хаотична. Если же науки начинают толпиться, борясь за место под солнцем, и выстраиваются в "парад звезд" – кто важнее, кому принадлежит лидерство, то неизбежны научные потери.

Интегративность – это естественный процесс "взросления" наук. Наука развивается вширь (экстенсивно) и вглубь (интенсивно, сущностно) в поисках значения (исследование самозначимого единичного) и значимости, валентности (типологические исследования) как прикладная наука (ориентированная на субъект-объектные отношения, технологический аспект) и в качестве коммуникативной науки (ориентированной на субъект-субъектные отношения, стратификационный аспект).

В этой связи уместно сопоставить русскоязычный термин "социально-гуманитарный блок знаний" и англоязычный *social science and humanities*. Первый термин только подчиняет гуманистику социально-политической науке, тогда как второй утверждает их рав-

ноправие. Нам кажется, что продуктивнее не подчинять одни науки другим, а соподчинять их. Только в этом случае мы сможем реализовать потенциал каждой отрасли знания и обеспечить их полноценное взаимодействие.

Мы предлагаем ряд тезисов, относящихся к современному полю гуманистики.

Тезис 1. Интегративные процессы в современной гуманистике основываются на том, что гуманитарное знание текст-центрично (дискурс-центрично), то есть его источник и конечный результат – текст. Именно он является вербальным событием гуманитарной науки, то есть дискурсом. Будучи источником, средством и результатом, текст неизбежно становится также и предметом исследований, в результате чего мы констатируем появление *дискурсных направлений в психологии, дискурсной философии, истории, лингвистики и т. д.* Такой подход способствует рождению нового знания, которое можно было бы назвать *дискурс-знанием* (т. е. знанием с учетом того, каким образом данное конкретное знание репрезентировано). *Что мы понимаем под дискурс-знанием? Является оно теорией, методологией или, быть может, философией знания? Ответ будет верным, если мы союз "или" заменим союзом "и". Это и то, и другое, и третье. И не только. Дискурс-знание – это вместе с тем коммуникация и технология знания.*

Тезис 2. Современное гуманитарное и социальное знание строится не на трех, как еще в недавнем прошлом, "китах": методология (философия) – теория – практика, а на четырех или даже пяти основаниях. Гуманистику пронизывают различные методологии, философии, теории, технологии и коммуникации, образуя сложное единство. *Иначе говоря, любое знание не только множественно* (является одним из знаний), *но также технологично* (конструируется в результате целенаправленной деятельности) и *коммуникативно* (конституируется речевыми практиками).

Тезис 3. Технологии и коммуникации – такое же самостоятельное поле исследования, как методология и теория. *Позволим себе здесь небольшое отступление и поговорим о лингвистике в аспекте ее интегрирования в область социального знания.* Лингвистика раздвоена. Наука о языке как средстве общения (назовем ее условно лингвистика 1) давно находится в противоречии с наукой о языковом использовании (лингвистика 2, или речеведение, речевая

коммуникация). Появление таких лингвистических дисциплин, как прагмалингвистика и этнолингвистика, психоллингвистика и социоллингвистика, не спасает положения, потому что они сами как бы разрываются между различными ориентациями. Так возникли прагматика языка и прагматика речи, этнолингвистика языка и этнолингвистика речи и т. д., причем ведущая роль так и остается за лингвистикой 1.

Речевая коммуникация стала по существу самостоятельной дисциплиной, имеющей свои ответвления, как-то речевая конфликтология. Уже существуют речеведческие кафедры в Санкт-Петербурге, Москве, Минске, по этому направлению защищены диссертации, как говорится, "процесс пошел".

Ее принципиальное отличие от лингвистики 1 – внимание к функционированию языка на макроуровне, вовлекающем в свою орбиту *не только* макротексты самого различного формата (отчеты, газетные и журнальные издания, книги, теле- и радиопрограммы), *а также* речи, пресс-конференции, избирательные кампании, фильмы, спектакли, интермедии, *но и* целое множество так называемых сопутствующих кодов *и в первую очередь* речеповеденческий и перформативный (общение с учетом невербального поведения – языка тела, одежды, символики). Осознание значимости коммуникативных и технологических практик привело к зарождению новых дисциплин в русле социологии (социальная коммуникация) и журналистики (технология коммуникации).

Что же мы наблюдаем? Новый источник зарождения нового знания и, соответственно, новых дисциплин. Отсюда – следующий тезис. **Тезис 4.** Сегодня ***открытие нового знания в гуманитарной сфере происходит*** не на встрече (или, как было принято говорить, на стыке) наук, а ***на "встрече субъектов"***, их опыта, знаний, культур, текстов, историй, то есть ***мы отмечаем тенденцию объективизации субъект-субъектных отношений*** во всех областях гуманитарного знания.

И, наконец, **тезис 5.** Встреча субъектов – ***основа интегративных подходов***. А изучение этого явления – общая задача лингвистов, специалистов в области теории коммуникации, социологов и политологов. Ее решение мы видим на двух направлениях: с учетом образовательных и исследовательских тенденций.

Первое направление – обучение. Обучение молодежи в области социальных и гуманитарных дисциплин, как свидетельствует международный опыт организации университетского образования, должно строиться на "перекличке" профессий: обязательные курсы и спецкурсы, составляющие ядро профессиональной подготовки, включая специализацию и набор факультативов из смежных дисциплин, которые студенты выбирают по своему "вкусу" с целью расширения профессиональных знаний за счет интердисциплинарного материала.

Например, будущим специалистам в области социальных наук предлагаются лингвистические курсы. То есть мы говорим об интердисциплинарности в другом аспекте. *Для нас интердисциплинарность – это вовлечение разных дисциплин в отношения не примыкания, а согласования и управления.*

Второе направление – область исследования. Заслуживают всяческой поддержки создание интердисциплинарных лабораторий и проектов (как внутриуниверситетских, так и межуниверситетских), организация интердисциплинарных конференций, круглых столов, совместные публикации.

Эти принципы заложены *в структуре данной монографии.* Первые пять частей – взгляд на проблему дискурс- и текст-исследований с позиции всех возможных исследовательских измерений. Это – *методологические и философские, семиотические и коммуникативные, а также технологические подходы.* Совершенно естественно сюда вошли также специальные аспекты, ибо в пространстве политического дискурса есть место для управленческих (коммуникация в организациях) и воспитательных проблем (педагогический и религиозный дискурсы).

Наше исследование продолжает дискуссия о соотношении новых тенденций и традиций в теории и практике контент-анализа. Далее мы знакомим читателя с новыми исследованиями, проведенными с использованием качественных методик, позволивших продвинуться в области операционализации качественных категорий и определения сильных сторон данных методик, а также их узкоцелевого назначения. В заключение – традиционные для нас обзоры оригинальной англоязычной литературы по большинству заявленных направлений.

Часть первая

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

1.1. ПОЗИТИВИСТСКАЯ, ИНТЕРПРЕТАТИВНАЯ И КРИТИЧЕСКАЯ ПАРАДИГМЫ

В основе всякой научной деятельности – установление принципиальной взаимосвязи между теорией, методологией и методами. Существуют так называемые доминирующие, репрезентативные типы методологий, которые образуют научные парадигмы или, как их принято называть в английском языке, перспективы (*perspectives*). В русле этих парадигм и ведутся современные гуманитарные исследования.

Программой работы, трактующей понятие "парадигма", явилась работа Т.Куна "Структура научных революций" (Кун, 1975). Парадигма, согласно Куну, – это результат признания научным сообществом фундаментальных теоретических положений, которые определяют модель постановки проблем и их решений. Парадигма – это своего рода дисциплинарная матрица, то, что объединяет и конституирует членов научного сообщества.

Предложенное Куном определение, однако, не внесло единства в понимание термина, а, наоборот, породило различные его трактовки – от узкой до широкой. Так, парадигмой может быть признана и область знания, и дисциплина, и даже научное направление или научная школа, из чего следует, что существует столько парадигм, сколько есть групп "одинаково думающих" ученых. Не удивительно, что при таком подходе в качестве парадигм могут быть взяты такие научные направления, как феноменология, экзистенциализм, символический интеракционизм, марксизм, социолингвистика, герменевтика, феминизм и др. Для нас же они остаются научными направлениями или дисциплинами, не претендующими на так называемые парадигмальные гносеометодологические установки. Соответственно, парадигму мы определяем как установку гносео-методологического характера, обладающую максимальным объединительным потенциалом.

Парадигматический подход к классификации научных дисциплин и областей был представлен в XX в. двумя направлениями, то есть существовал в рамках так называемой диадической модели, включающей в себя *позитивистскую* и *интерпретативную* парадигмы.

Вторая половина века расширила данную модель до трехчленной, добавив *критическую парадигму* (или критическую теорию, критический подход).

Рассмотрим эти определяющие модели познания с учетом их исторической значимости и взаимодополняемости.

1.1.1. Позитивистская парадигма

Позитивизм (от лат. *positivus* – положительный) понимается нами как установочный принцип получения знания в результате не философского, а сугубо научного (сциентистского) познания (*Новейший философский словарь*, 1998, 527). Позитивистский стиль мышления возник как реакция на мировоззренческие сдвиги, которые произошли в Европе конца XVIII – начала XIX в. Новая парадигма опиралась на критику метафизических спекулятивных размышлений и схоластических концепций. Под ее влиянием в область социогуманитарного познания внедрялись строгие научные методы (прежде всего наблюдение и эксперимент), т. е. она опиралась на методологический и аксиологический сциентизм.

Основоположником позитивизма и позитивистской социологии по праву считают французского философа О. Конта, который в своих трудах ("Курс позитивной философии", "Рассуждение о духе позитивной философии", "Позитивистский катехизис" и др.) изложил методологические установки позитивизма, а также очертил контуры новой науки – социологии. Дальнейшая разработка идей позитивизма связана с такими именами, как Г. Спенсер, Л. Кетле, Дж. Милль, Э. Дюркгейм и др. На протяжении XX ст. практически все социальные ученые активно апеллируют к наследию классиков позитивизма, либо включая выдвинутые ими идеи в свои теории, либо преодолевая их.

В XX в. позитивизм нашел свое выражение и продолжение в методологии *эмпиризма*, фиксирующей мир непосредственно, без аналитических обоснований. Эмпирическое направление формировалось как естественнонаучная ориентация в структуре социогуманитарного знания. Эта ориентация адаптировала основные постулаты позитивистского типа, которые приводили к довольно жестким принципам: а) верификация (истинность научных знаний должна устанавливаться только на основе эмпирических процедур); б) "количественность" (социальные явления должны быть квантифицированы); в) наблюдаемость ("субъективные аспекты" поведения можно исследовать только

через открытое, наблюдаемое поведение).

Идеи эмпиризма в социологии сопровождались переносом акцента с теории на прикладные исследования. Центром формирования эмпирической социологии стал Чикагский университет, где в 20–30-е гг. XX ст. развернулись прикладные исследования (У. Томас, Ф. Знанецкий, Р. Парк, Э. Берджесс).

Нельзя не упомянуть *математическую социологию*, которая возникла благодаря усилиям П. Лазарсфельда и его коллег в 50-е гг. Особое внимание Лазарсфельд уделял методологическим проблемам. С его точки зрения, методология есть прежде всего деятельность, связанная с критическим анализом и оценкой методов и процедур социологического исследования, выявлением смысла и значений используемых понятий, обнаружением научного содержания социологических теорий. Основным критерием истинности научного знания в соответствии с неопозитивистской позицией выступает **принцип верификации**. Большое внимание Лазарсфельд уделял также разработке **количественных методов** и основам их применения в социальных науках.

В целом можно сказать, что именно под непосредственным влиянием философии неопозитивизма сформировалось течение эмпирической социологии, важнейшие методологические принципы которой predetermined неопозитивизм. Центральной проблемой для неопозитивизма стала проблема демаркации между метафизикой и наукой.

Позитивистская программа устранения метафизики из культуры нашла свое продолжение в *логическом позитивизме* (Шлик, Карнап), который стал наиболее влиятелен в конце 20-х гг. XX ст. Логический позитивизм рассматривает науку как систему утверждений, в основе которой лежат "протокольные" предложения, описывающие чувственные переживания и восприятия субъекта. Основная задача ученого – логический анализ языка науки с целью устранения из него так называемых псевдоутверждений, к которым относились прежде всего постулаты философского характера.

Огромную роль в развитии позитивистской парадигмы сыграла школа *структурно-функционального анализа*, которая выросла на идеях Конта, Спенсера, Самнера, Леви-Строса, Кули. Основоположником структурно-функционального анализа считается английский социолог Рэдклиф-Браун, заложивший три основных постулата: "функциональное единство", "универсальный функционализм" и

"функциональная неотъемлемость". Развитие этих идей и в определенной степени их критический пересмотр связаны с именами американских социологов Т. Парсонса и Р. Мертона, которые в своих трудах ("Структура социального действия", "Социальная система" Парсонса и "Социальная теория и социальная структура", "Подходы к изучению социальной структуры" Мертона) разработали методологическую программу структурно-функционального анализа.

Эти и другие направления *позитивистской парадигмы* объединены в единое целое своей трактовкой реальности, человека, науки и целей исследования:

Для позитивизма *реальность* – это все то, что воспринимается посредством ощущений, что дано непосредственно в чувственном опыте. Повторяемость явлений позволяет упорядочить факты и установить закономерности.

Человек для позитивистов – это прежде всего рациональный индивид, подчиненный социальным законам, поведение которого детерминруется внешними обстоятельствами и изучается посредством наблюдения. При этом человек не обладает свободой воли, он является продуктом внешних условий жизни.

Наука, по мнению позитивистов, обладает следующими признаками:

- включает строгие правила и процедуры;
- дедуктивна, т. е. переходит от всеобщего/абстрактного к специфическому/конкретному;
- номологична, т. е. основывается на каузальных законах;
- носит опытный характер, т. е. опирается на знания, добываемые посредством ощущений, иначе говоря, ощущения являются единственным истинным источником знания;
- наука свободна от оценочных суждений, она отделяет факты от оценок.

Социальное исследование для позитивистов является инструментом изучения социальных событий, анализа их взаимосвязей с целью раскрытия и объяснения закономерностей, знание которых позволяет контролировать события и предсказывать их появление.

Конец XX ст. характеризуется особым вниманием к проблемам языка и несет в себе значительный заряд критики позитивистской доктрины с ее болезненной "квантофренией" и "тестоманией", как писал П. Сорокин. Как теория позитивизм деградировал, но в качестве методологии он сохраняет влияние. Несмотря на критику, позитивистской

парадигмы, безусловно, избежать сложно.

1.1.2. Интерпретативная парадигма

Идея естественнонаучной рациональности, которую выдвинул позитивизм, нашла не только сторонников, но и противников. Критика позитивистских постулатов была связана в первую очередь с вопросом о специфике социогуманитарного познания, которая вытекала из своеобразия социально-культурной реальности человеческого бытия. Критике подверглись позитивистские постулаты об идентичности всех видов научного познания и универсальности научной рациональности.

Первым, кто попытался разрешить эту проблему, был В. Дильтей. В своих трудах ("Введение в науки о духе", "Описательная психология" и др.) он подразделяет всю область знания на науки о природе, в которых действует объяснительный принцип, и науки о духе, в которых должен действовать принцип понимания. При этом исходный позитивистский тезис меняется на прямо противоположный: социальные законы в силу своей специфичности совершенно не похожи на законы природы, их познание предполагает особые приемы исследовательской деятельности.

Основы новой, интерпретативной, парадигмы были заложены в творчестве немецких исследователей Г. Зиммеля, Ф. Тенниса и М. Вебера.

Интерпретация (от лат. *interpretatio* – толкование, разъяснение) – "когнитивная процедура установления содержания понятий или значения элементов формализма посредством их аппликации на ту или иную предметную область, а также результат указанной процедуры" (*Новейший философский словарь*, 1998, 270). Интерпретативная парадигма не представляет собой однородный пласт, а включает разные направления, где в равной мере значим вклад символического интеракционизма, феноменологии, этнометодологии и герменевтики.

Символический интеракционизм. Современные концепции символического интеракционизма развивались в результате усвоения и переработки идей Дж. Мида, который изложил большинство своих основополагающих идей в книге "Разум, Я и Общество". Он сводил содержание социальных процессов к взаимодействию индивидов в группе и в обществе. Реальность является продуктом взаимодействий людей. Люди основывают свои действия на той сумме значений, которую они приобретают в процессе общения. Коммуникация осуществ-

ляется при помощи особых средств-символов, к которым Мид относил жесты и язык.

Сторонники Мида (Г.Блумер, И.Гофман, М.Кун, Д.Льюис, Р.Смит, А.Строс, М.Стайкер и др.) следовали главному тезису: социология имеет своим объектом процесс символического взаимодействия. В рамках направления существуют различные исследовательские школы, как, например, драматический подход (И. Гофман) и "рефлексивная социология" (Э. Гоулднер). Однако, несмотря на разнообразие течений, можно выделить несколько принципов символического интеракционизма, разделяемых всеми учеными данного направления:

- Люди, в противоположность низшим животным, наделены способностью мыслить.
- Способность мыслить формируется социальным взаимодействием.
- В социальном взаимодействии люди узнают значения и символы, позволяющие им применять человеческую способность мыслить.
- Значения и символы позволяют людям отчетливо разграничить человеческое действие и взаимодействие.
- Люди могут модифицировать или изменять значения и символы, которые они используют, на основе собственной интерпретации ситуации.
- Люди могут делать эти модификации и изменения из-за способности взаимодействовать с собой.
- "Переплетенные" модели действия и взаимодействия образуют группы и общества.

Акцентированное внимание к коммуникативным формам обнаруживает себя в методах исследования, призванных проникать в смысл человеческих действий. Поэтому получаемое знание пронизано человеческой субъективностью, от которой исследователь не должен отрезаться.

Феноменология. Основы современной феноменологии заложил Э. Гуссерль. Для него главной проблемой была природа нашей способности осознания самих себя и окружающего мира. Феноменология сосредоточивается на исследовании очевидного, необходимо принимаемого на веру. В феноменологии существуют различные течения, которые по-разному понимают сознание. Оно является средством и объектом феноменологического исследования. Несмотря на отрицание понятия объективного мира, феноменология полностью не отвергает его существование, она лишь доказывает, что окружающая действи-

тельность обнаруживается в сознании и через сознание. Феноменология пытается проникнуть к конечным основаниям всякого опыта и описать их, используя особый метод – феноменологическую редукцию.

Феноменологическая философия служит основой переориентации социологического анализа. Основоположником феноменологической социологии является А. Шюц. Наиболее значимые идеи Шюца излагаются в его основном труде "Феноменология социального мира". По мнению Шюца, предметом социологии должен быть жизненный мир. Свою социологию Шюц называл "понимающей социологией". Она включает субъективную компоненту в объяснительные схемы. Задача социологии состоит в описании и выявлении процесса конституирования социального мира. По мнению ученого, именно феноменология выводит социологическое знание из тупика естественнонаучных моделей исследования на путь превращения социологии в специфически гуманитарную науку.

Этнометодология. Этнометодология занимает промежуточное положение между символическим интеракционизмом и феноменологией. Она опирается на принцип единства субъекта и объекта описания. Поэтому общество как объективное явление для нее не существует. В теоретических построениях этнометодологии (Г. Гарфинкель, А. Сикурел, Х. Молотча и др.) акцент делался на активном, творческом характере человеческого поведения, его способности организовать социальную среду в повседневной жизни. Наиболее целостную систему представляет концепция этнометодологии Г. Гарфинкеля, изложенная в его книге "Исследования по этнометодологии". Здесь предпринята попытка распространить методы социальной антропологии и этнографии на всю сферу общественных дисциплин.

Критически оценивая позитивистскую парадигму, Гарфинкель подчеркивал, что позитивисты упускают из виду то обстоятельство, что в процессе объяснений в духе "самообоснования" создается мир, являющийся предметом их исследований. Происходит это потому, что толкования позитивистов не выходят за рамки так называемого здравого смысла.

Необходимо подчеркнуть, что в центре любого из гарфинкелевских толкований и определений этнометодологии и проблематичных феноменов находится язык. Это главный механизм, посредством которого индивиды описывают свои действия. Гарфинкель понимает язык

весьма широко, включая сюда не только язык слов, но и язык символов, жестов, ритуалы, манеры и т. д.

Герменевтика. Герменевтика в своем первоначальном виде означала истолкование текстов. В настоящее время она представляет собой направление в гуманитарных науках, для которого главной является проблема понимания и тесно связанная с ней проблема языка. Герменевтика рассматривает понимание как условие социального бытия. При этом процесс понимания мыслится как бесконечный, что воплощается в принципе герменевтического круга.

Основными положениями герменевтики являются принципиальная открытость интерпретации, неотделимость понимания текста от самопонимания интерпретатора, связь внутреннего смысла явлений духовной жизни с логикой развития и историческим контекстом культуры.

С точки зрения герменевтики "понимающие" процедуры существенно дополняют "объясняющие". Эти подходы значимы для социогуманитарных наук, где субъект включен в предмет познания и происходит постоянный диалог текстов, личностей, культур, ценностных установок.

Это направление неоднородно. Философская герменевтика раскололась на онтологическую (М. Хайдеггер), методологическую (Э. Бетти) и гносеологическую (П. Рикер). Будучи плюралистичной и предлагая различные варианты исследовательских моделей, *интерпретативная перспектива* не изменяет основным принципам. *Реальность* интерпретативисту не дана непосредственно, а является продуктом взаимодействий и интерпретаций людей. Она субъективна, а не объективна, она существует для тех, кто ее "видит".

Человек занимает центральное место, ибо сама реальность и социальный мир создается им. Для большинства теоретиков данной школы не существует всеобщих законов, ограничивающих поведение индивидов. Этим возрождается "гуманистическая" традиция (как антипозитивистская реакция на объективизм, игнорирующий творческую субъективность).

Наука идеографична, т. е. описательна. Знания не отделимы от оценочных суждений, ибо ценностный нейтралитет невозможен. Не одни лишь ощущения являются источником знаний. Гораздо важнее понимание смыслов и интерпретаций. Используемый наукой подход является индуктивным, т. е. переходящим от специфического ко все-

общему и от конкретного к абстрактному. В аксиологической сфере провозглашается ценность "понимающей" (несциентистской) науки.

Цели социального исследования не имеют прямой инструментальной ценности. Исследование ориентировано на интерпретацию и понимание причин социальных поступков индивидов – смыслов, которые конституируют процесс взаимодействия.

1.1.3. Критическая парадигма

Критическая парадигма выступает в лице таких направлений, как критическая социология, теория конфликта, марксизм и феминизм, которые характеризуются следующим образом.

Критическая социология. Собираемый термин "критическая социология" используется для обозначения теоретических построений представителей Франкфуртской школы, к числу которых принадлежат М. Хоркхаймер, Т. Адорно, Г. Маркузе, Ю. Хабермас. Представители этой школы включили в сферу социологического анализа общие проблемы культуры в их связи с политической практикой. Для данного направления характерны широта исследовательской проблематики и нетрадиционность подходов. К теоретическим источникам критической социологии могут быть отнесены марксизм и психоанализ, положения которых явно присутствуют в построениях франкфуртцев.

Адорно считал, что традиционные логические методы, характерные для естественных наук, неприемлемы в сфере социального познания. Основной целью социальных наук является постижение мира субъективности. Это возможно на путях "диалектической критики", основные положения которой Адорно изложил в докладе "О методологии социальных наук", с которым он выступил на ежегодном съезде социологов ФРГ в 1961 г.

Значимость идей Франкфуртской школы с течением времени возрастает, что объясняется неутраченной актуальностью поставленных ею проблем.

Теория конфликта. Теория конфликта возникла как реакция на широкое распространение позитивизма. Выступившие с критикой его теоретической основы – структурно-функционального анализа – ученые опирались на наследие К. Маркса, Л. Гумпиловича, Г. Зиммеля. Особый вклад в развитие теории конфликта внесли работы Ч. Миллса, Л. Козера, Р. Дарендорфа, каждый из которых разработал свою конфликтную модель общества.

Несмотря на то, что единой теории конфликта не существует, необходимо отметить огромный вклад представителей данного направления в развитие критической парадигмы в целом.

Марксизм. В настоящее время в нашей стране марксизм утратил доминирующий теоретико-методологический статус в гуманитарных науках. Однако было бы неразумно отрицать те ценные идеи, которые заложены в учении Маркса и Энгельса. Речь идет прежде всего о материалистическом понимании истории, материалистической диалектике, концепции целостного человека и социально-критической направленности познания.

В марксизме присутствует очевидное стремление к позитивному социальному знанию, которое, однако, своеобразно компенсируется общим критическим подходом к действительности. Для понимания основополагающих идей марксизма большое значение имеют такие труды К. Маркса, как "Нищета философии", "Восемнадцатое брюмера Луи Бонапарта", "К критике политической экономии", работы Ф.Энгельса "Крестьянская война в Германии", "Анти-Дюринг", "Происхождение семьи, частной собственности и государства".

Феминизм. Явление феминизма чрезвычайно многообразно. Это течение объединяет различные теоретические подходы, направления и школы. Определяющей характеристикой феминизма является тезис о подчиненном статусе женщин и необходимости "уравнивания" полов. В центре феминистских исследований условия жизни женщин и властные отношения между мужчинами и женщинами.

Сторонники феминизма по-разному смотрят на причины угнетения женщин. Можно выделить четыре типа феминистских теорий: либеральный феминизм (Дж. Батлер), радикальный (С. Файерстоун), марксистский (У. Прокоп) и социалистический (Дж. Митчелл). Согласно либеральному феминизму, основная причина угнетения женщин в обществе заключается в гендерной социализации. По мнению радикальных феминисток, главным злом является патриархат, т. е. власть мужчин над женщинами. Марксисты виновником эксплуатации женщин объявляют капитал, а социалисты считают, что и патриархат и капитализм извлекают выгоду из подчинения женщин.

Хотя критическая парадигма допускает различные вариации, ее приверженцы едины в главном – в отношении к реальности, человеку, науке и целям исследования.

Реальность для критической парадигмы сложна и разнообразна.

Она создается людьми и поэтому противоречива по своей природе, конфликтна и изменчива. Реальность является продуктом исторического процесса, который представляет собой смену различных систем эксплуатации. Критические теоретики считают, что важны не только субъективные смыслы, но и объективные отношения. Таким образом, в понимании реальности критическая парадигма занимает промежуточное положение между объективизмом и субъективизмом.

Для позитивистов *человек* не больше чем отпечаток внешних условий, интерпретивисты, наоборот, подчеркивают свободу индивидов, создающих в процессе взаимодействия социальный мир. В свою очередь, критические теоретики считают, что люди поработаны и ограничены культурными и социальными рамками. *Индивиды* обладают большим потенциалом творчества, однако "задавлены" социокультурными детерминантами и властными структурами.

Наука в критической парадигме имеет ярко выраженную социально-прагматическую ориентацию: она призвана не только объяснять мир, но и изменять его.

Цель социального исследования – раскрывать реальные отношения, разоблачать мифы и иллюзии, преодолевать ложные верования и идеи, показывать, каким должен быть мир и как его можно изменить. Критическая социология объясняет социальный порядок таким образом, что ясно – в нем самом заложены глубинные причины его развития.

Мы провели сопоставительный анализ основных парадигм (позитивистской, интерпретативной и критической), создающих тот теоретико-методологический континуум, в котором оказался социальный исследователь XX в.

1.2. ПОСТМОДЕРНИСТСКАЯ МОДЕЛЬ КАК АЛЬТЕРНАТИВНАЯ ПЕРСПЕКТИВА

Модернизм – крупное художественно-эстетическое явление XX в., – выступил по отношению к социуму как культура отрицания, связав себя тем самым с так называемой традицией воинствующего анти-традиционализма. Поставив под сомнение возможности прежних культурных структур адекватно отображать реальность, модернизм создает новый язык и, таким образом, как бы перекодирует культуру, делая творчество способом познания мира и *новым мировоззрением*.

Язык модернистов включает в себя такие художественные средства, как "поток сознания", ассоциативный монтаж, коллаж, "освобождение" цвета и стилевое новаторство. Это ведет к деконструкции живого языка на всех его уровнях – фонетическом, синтаксическом, лексическом, а также речевой деятельности, например письма. Именно модернизм стоит у истоков поэтики "открытого произведения" путем включения зрителя и читателя в процесс творчества (НФЭ, 1998, 438). Иначе говоря, модернизм пришел к нам с верой, что понимание социального опыта не только возможно с помощью искусства, но и является его прямым делом. Художественно-эстетическое движение и породило свой *гранднарратив*, то есть теорию, основными категориями которой стали понятия *мимезис*, *репрезентация*, *идеология* и *субъективность*.

Смысловым ядром теорий репрезентации является тезис о том, что реальность – это продукт дискурса, который ее не воспроизводит, не дублирует, не "списывает" с образца, не (ре)презентирует, а конструирует (конституирует, кодирует). Кодирование придает реальности особый смысл. Таким образом, репрезентируется не реальность, а ее субъектная конструкция. Даже в том случае, когда знак иконичен (как, скажем, телевизионный текст), из реальности можно извлечь лишь то содержание, которое *мы* вложили в нее. За материальным скрывается идеальное.

Теории мимикрии строятся на признании того, что образ (имидж) является отражением референта. В обществе, в котором имидж истинен, а реальность сомнительна, взаимоотношения между образом и реальностью находятся как бы в состоянии болезни. Существуют целые индустрии тиражирования образов, что все больше усугубляет эту болезнь и делает аудиторию объектом манипуляций.

Любопытно, что использование теорий репрезентации и мимикрии в одном исследовании нарушает традиционные методологические границы. Так, теории репрезентации нередко используются критическими подходами, в то время как теории мимезиса – позитивистской перспективой. Это наводит на мысль, что новизна исследовательских подходов или решений в том, что они *интерпарадигмальны*, то есть в них наблюдается смешение критического письма (литературоведческое и "кино/театроведческое" направление), "анатомического" семиотического анализа (структурно-функциональное направление: расщепление формы и содержания).

Теории субъективности переводят репрезентацию из социального мира идеологий в частный мир сознания. Идеологическая репродукция и репрезентация становятся частями одного и того же процесса (Fiske, 1996).

На этой почве вырос **постмодернизм**.

В настоящее время сохраняется определенная многозначность термина "постмодернизм". За этим словом могут "стоять" следующие реалии: 1) особый, характерный стиль; 2) движение, сформированное в 60-е, 70-е или 80-е гг. в соответствии с развитием определенных средств коммуникации и технологий; 3) условие или средство типизации всего набора социоэкономических факторов; 4) особый способ философского исследования, который ставит под сомнение данные философского дискурса; 5) особый тип "политики" (социального или асоциального поведения) и, наконец; 6) независимая форма культурологического анализа, сформированная всеми вышеназванными факторами (Collins, 1992, 327). Причем общей тенденции и определенности в этом вопросе не наблюдается.

В определенном смысле типичным для современного мира является такое положение вещей, когда "иметь мнение о постмодернизме предполагает не наличие знания о нем, его генезисе и современном состоянии, а простое декларирование вашего отношения к нему: "Вы за него или против" (Arac, 1987, 284). Впрочем, тенденция не описывать, а критиковать указывает на то, что постмодернизм — это также и идеологический дискурс, в котором описание неотделимо от оценки.

В постмодернизме можно выделить два направления. Они различаются тем, как понимают свою социокультурную роль: либо как героический период революционных экспериментов, призванных трансформировать всю культуру, либо как период элитизма. Одним постмодернизм видится в качестве неоконсервативного "люфта", для других это уход от субъективного (закрытого в скорлупе своего "я") "мира авангардной изнанки" (Коллинз) в реальность будней, где истина не рациональна (Графф), *и не документальна*. Познание требует своего рода изоляции. Место познающего субъекта — быть в "самоизгнании", а язык (форма) и техника (стратегия) не средство достижения результата, а сам результат (ср. взгляд Барта на роль художника, удаляющегося от общества и стремящегося достичь совершенства в своем ремесле, создав новый язык, новую технику письма, где сама техника, сам процесс творчества и есть реальность).

Таким же образом определяется место дискурса в познании реальности. Дискурс – это такая же реальность, как предметный мир, как субъекты и другие дискурсы в их взаимодействии. Наш мир – это стиль, а стилизация есть сама жизнь. Стиль облекается в определенную форму, и эта форма (типовое решение стиля) также претендует на то, чтобы быть реальностью. "Ничто не заменяет нечто", всему есть место и все должно учитываться в познании. Причем вокруг царит плюрализм, и говорить надо скорее не о стиле, а стилях и, соответственно, – типах, дискурсах, мирах. Уже не о двух сторонах знака идет речь ("знак – двуликий Янус, одно лицо которого обращено к реальности, другое к понятию о реальности"), а о сосуществовании множества миров реальных и виртуальных. Эти "расплодившиеся" миры реализуются во множестве акций (практик) и изучаются множеством методик.

Реальность в постмодернизме выступает как бы с вопросительным знаком (где она?). Ее нет и в то же время она есть во множестве вариантов, планов, аспектов: в факте и артефакте, которые не составляют дихотомию, так же как виртуальное не противопоставляется реальному. Декларируемая постмодернизмом потеря реальности – это скорее потеря связи между ее объектами, признание того, что мир фрагментарен и бессистемен. Поэтому он не поддается оценке, к нему неприменим идеологический критерий. Реальность покрывает все – и внезапное и знаковое пространство. Реальность равна имиджу, а имидж реальности. Это конструкция без структуры, текст "без дисциплины". Это – просто реальность.

Человек в постмодернистской модели исчезает как индивид, но возрождается в стиле и типе, в знаке и поведении. Он – сама реальность и в то же время продукт речевых практик, многообразных дискурсов. Его самость формируется дискурсом (своим и чужим) и обнаруживается в нем. У него много лиц, ролей, образов. "Потеря" субъекта такая же игра, как и потеря реальности.

В описании человека и реальности постмодернизм использует новые категории, не имевшие самостоятельного значения в первых трех перспективах (позитивизме, интерпретативной и критической парадигмах) – знаковая реальность и знаковый субъект.

Знаковая реальность. Знак в постмодернизме почти сакрален. Он вездесущ. Знаком может быть все. Поэтому и текст становится знаком и перестает восприниматься как заданная структура. Более

общие формы, такие, как "жанр", "средство передачи", "цикл", сливаются с содержанием, то есть перестают различать означаемое и означающее.

Знаковое поведение. Появляется новый стиль – пастише, под которым понимается "чистая" стилизация (несущая новое, свое собственное содержание), стилизация ради стилизации (ср. этот подход с традиционными, трактующими стилизацию как репрезентацию чего-то, где стилизация – подчиненное понятие).

Наука в постмодернизме как бы спорит сама с собой. Она отказывается от гранд нарратива, но в то же время порождает неограниченное множество других теоретических конструкций, что способствует дальнейшему развитию и обогащению категориального аппарата. Получают развитие такие понятия, как текстуальность и текстура, дискурс и дискурсии, дискурсивные практики и технологии, то есть все то, что связано с изучением вербального, виртуального мира, дополняющего мир вещей. Характерно, что рождение этих теорий происходит как бы параллельно, при этом исследователь не пользуется скальпелем и не препарировывает действительность. Побеждает стремление не нарушать целостность мироздания. Отсюда полное неприятие анализа, который расщепляет и убивает живое. Изучение реальности в постмодернистской перспективе – это изучение всего, что в ней есть. Поэтому понятен интерес к так называемому case study – изучению отдельных случаев (характерно, что даже и тогда, когда материал достаточно широк, к нему можно относиться как к эпизоду, варианту, единичной структуре).

Цель исследования – ухватить, удержать, увидеть многое в малом, малое в большом: в капле воды – все мироздание, а мироздание – в капле. Изучать мифы как реальность и реальность как миф.

Ученые, работающие в рамках данного направления, исходят из ситуации теоретико–методологического плюрализма. Постмодернизм в каком-то смысле свел воедино все посттеории, как то: постструктурализм (структура+функция), постпозитивизм (факт, событие+текст, дискурс) и то, что можно было бы назвать посткритицизмом. Статус всех методологий уравнивается. Растет осознание "параллельности" научных парадигм и программ. Происходит открытие интердисциплинарных шлюзов. Наука, культура, искусство уравниваются в своем познавательном и сущностном "ранге". По мнению ряда ученых, постмодернизм может послужить фундаментом для построения "новой

башни из слоновой кости" – четвертой перспективы (см., например, Lather, 1991). Впрочем, вряд ли резонно говорить о башне: у этой четвертой перспективы есть здоровое начало – она принимает в свое русло неограниченное множество теорий, но главное, она может быть критична также и по отношению к себе самой, вплоть до самоотрицания.

Важным, на наш взгляд, уроком постмодернизма является признание "многоголосья" в науке и первостепенной роли знакового ряда, а значит, и дискурсного прочтения всех социально-гуманитарных наук. Соответственно, возрастает значимость наук и теорий, ориентированных на знаковые системы и порождаемые ими продукты – тексты, дискурсы, дискурсии (практики).

Нам представляется, что серьезную конкуренцию постмодернизму может составить разработанная нами казуально-генетическая теория. Эта исследовательская программа (перспектива) объединяет множество практик и открывает новые методики, часть которых представлена в данной книге.

Действительность с позиций казуально-генетической теории – максимально широкое понятие. Это весь объективный, определенным образом упорядоченный фон речевой деятельности субъекта, весь содержательный план языка. Если говорить более конкретно, то это массив вещей, фактов, событий, как реальных (порожденных природой и вовлеченных в практическую деятельность человека), так и знаковых (порождаемых человеком). Их организуют (упорядочивают) в процессе социально-речевого взаимодействия конкретный индивид, социальная группа и социум в целом, иначе говоря, они осмысливаются нами в диапазоне от индивидуального до типового. Выступая для индивида в виде упорядоченного знания, реальность всегда конкретна и исторически ограничена, но в то же время она постоянно открыта для "пересмотра" (переоценки и преобразования), а значит, имеет историческую перспективу. Это единство потенциальной открытости и реальной ограниченности отражает взаимодействие двух параметров — предметного и субъектного (как в социальном бытии, так и в знаковой стихии). Абсолютное движение (категориальный вектор) и относительный покой (феномен) формируют содержательный, духовный пласт реального мира. Именно такая (динамическая, предметно и субъектно представленная) действительность является для нас источником, основой знаний и отношений.

Субъект не менее подвижен. Его динамика обеспечивается социальным и речевым взаимодействием людей в практической и знаковой деятельности. Мы осознаем себя в социуме (речевое поведение) и социум в себе (историческое или языковое поведение). Субъект для нас – это часть действительности, ее преобразующая сила и генератор идеальных образов.

Наука (речь идет о науке, которая может назвать себя текст или дискурс-центричной) стремится к познанию реальности (как знаковой, так и внезнаковой) и места субъекта в ней, добиваясь этого с помощью структурирования и логического конструирования. Причем, структурируя объект, мы рассматриваем его не как механическую сумму элементов, а как систему: каждый элемент существует лишь в связанном, упорядоченном пространстве целого. Структурный и конструктивный подходы взаимно подкрепляют друг друга. Мы моделируем объект исследования и таким образом получаем его теоретический аналог (идеальный объект). Конструирование исследовательской модели – это, с одной стороны, средство отображения языковых явлений и процессов, а с другой – способ проверки эффективности методологии, ее способности раскрыть реальную картину общения.

Цели исследования заключаются в поиске нового знания. Оно не только открывает те или иные закономерности, но и устанавливает сферу их действия (меру предмета).

Эти категории получают в лингвистической семиотике (науке о языковых знаках) специфическое преломление. *Знаковая реальность* с позиций каузально-генетической теории – также максимально широкое понятие. Это весь знаковый фон системных и функциональных значений intersубъективного общения, а значит, это и действительность как таковая, однако представленная уже в некоей знаковой упорядоченности (языковая картина мира). Универсальной и наиболее сложной знаковой реальностью является язык, который имеет как социальный, так и индивидуальный диапазон варьирования значений в исторически заданных рамках. *Каузально-генетическая теория* исходит из признания сложных и цельных фактов речевой деятельности (коммуникации). Текст, газету (газетный номер, газетное издание), книгу, фильм, телепередачу можно исследовать в рамках этой теоретической модели с тем же успехом, что и более простые языковые знаки, такие как слово и предложение. Однако мы ни в коем случае не отождествляем их. Это знаки разных уровней, но на их содержание влияют одни и те же факторы и фактумы (результативные причины).

Именно поэтому они подчиняются правилам системной и иерархической субординации, имеют свое линейное воплощение. Но что остается принципиально важным, так это то, что в каждом случае они обладают некоей завершенностью, а значит, остаются цельными языковыми знаками. Эти знаки также обладают как предметной (референтно-деятельностной), так и субъектной (речеповеденческой, кортежной) мотивацией и являются, таким образом, знаками языкового опыта как социума в целом (социально-дифференцированного, типового опыта), так и конкретных индивидов в частности, непосредственными знаками речевой, а значит, социальной деятельности.

Нельзя сказать, что понятие "*знаковый субъект*" является "традиционным" для методологических программ. Однако оно может и должно занять центральное место в исследовании языковой и речеповеденческой реальности. По сути, эта категория отражает факт знаковой заданности субъекта. Человек непосредственно использует знаки как орудие мышления и орудие общения, соответственно маркируя ими не только предметы практической деятельности, но и коммуникантов, в том числе и самого себя, свою индивидуальность и свой социальный статус, свой особый стиль и свой стилиевой регистр. Таким образом, субъект как бы раздваивается: с одной стороны, он автономная личность, а с другой – знак, функция, и все его действия и оценки подчинены этой социальной роли (роли родителя, представителя группы, партии, нации и пр.), выстраивающей (в качестве доминантной причины) его поведение.

Соответственно и *текст-центричная наука* в этом контексте прочитывается несколько по-иному. Она стремится к познанию знаковой реальности и места знакового субъекта в ней, а значит, ее внимание неизбежно сосредоточивается на речевой практике и языковом опыте. Таким образом, каузально-генетическая теория погружает нас в содержательную среду языка (сложные языковые знаки, факты речевой деятельности) с учетом как статичности знака (знак как результат деятельности), так и его динамики, то есть открытости.

Казуально-генетическая теория носит формализованный характер, но это не недостаток ее, а преимущество. Благодаря своей многоаспектности и обобщенности она в состоянии "вместить в себя" практически все богатство методологических подходов и философских дискурсов, свести мозаику взглядов и практик в единую картину, стать мощным стимулом развития новых перспективных научных направлений.

1.3. Я И ДРУГОЙ В ФИЛОСОФСКОМ ДИСКУРСЕ

Философию можно определить как теоретизированную власть. Философы претендуют быть правителями в сфере знания. История философии от Платона и до Ницше и сам ее дискурс ярко свидетельствуют об этом. В этом смысле нервом философии является тема отношения Я и Другого, своего и чуждого. Философский концепт Другого – индикатор сдвигов микрофизики власти. Актуальность его в дискурсе философии XX в. объясняется как раз формированием нового типа власти в эту эпоху, и теоретизировать ее основание возможно именно посредством исследования этого концепта. Философия – создание новых фундаментальных программ мышления, которые используются затем сферой общественности (или повседневности).

Философия всегда находилась под угрозой солипсизма. В этом проявлялась сущностная черта организации философского опыта, появившаяся еще в Древней Греции, но ставшая непременным атрибутом философствования после Декарта. Декарт учит, что философия начинается с культивирования одиночества: Я – вне мира, без других людей и даже без многих черт собственной личности. Я обладает только собой самим. Овладение всеми этими внешними по отношению к Я феноменами (преодоление одиночества) становится путем и целью философии. Ситуация изменяется в XIX и XX вв. Главные проекты философии в это время – те, которые пытаются преодолеть ту тенденцию философской мысли, которую ей придал Декарт. Результатом работы философов этой эпохи выступило разнообразие представлений об организации философского опыта. Через это разнообразие проявляется новая программа организации философского опыта, подразумевающая фиксацию своей конкретной включенности в мир и общения с другими людьми. Философия начала освобождаться от магии неразрешимой логической загадки, заданной Декартом, – все вывести из Я. Но тут же она столкнулась с другими трудноразрешимыми проблемами, одной из которых стала проблема отношений с другими людьми при организации философского опыта. Не является ли современное философствование игром Другого над Я? Может, напротив, оно возникает как поле борьбы за автономию Я от Другого? Наличие Другого вовсе не избавляет нас от солипсизма, напротив, опасность впадения в него возрастает. Именно поэтому так важно ответить на вопрос, кто такой Другой для философствующего и какова его роль в самом процессе философствования.

Цель данной статьи – зафиксировать основные черты конституирования Другого в дискурсе философии как отражение современной рефлексии и формируемого типа власти. Я претендую описать, каким образом субъект философского дискурса XX в. учится отказываться от своего права исключительного владения этим дискурсом. Или, если угодно, эта статья – о формировании нового типа дискурсивных разрывов, сквозь которые проступает не Я (как это имело место у Мишеля Фуко), а Другой. Такая постановка вопроса следует и из самого контекста проблематики Другого: ее разнообразие и зачастую скудная теоретичность требуют выявления всего поля философских высказываний о Другом и каталогизации основных порядков, задаваемых ими.

1.3.1. Другой в дискурсе философии XX века

Кажется достаточно парадоксальным, что философия "открывает" бытие Другого только в XX в. – бытие, известное каждому с самого рождения. Однако, конечно, философ "открывает" Другого иначе, чем он известен всякому нормальному человеку. Каждый с самого рождения обнаруживает себя в окружении конкретных других людей и именно ими он занят. Другой же для философа – идеальная фигура или тип. Но как таковой Другой присутствовал и до XX в. Еще Кант говорил об отношениях с Другими в "Лекциях об этике", а Гегель даже ввел в "Феноменологии духа" тему взаимоотношения двух самосознающих субъектов, в процессе которого и возникает власть. Значимость "открытия" Другого в XX в. – в том, что проблематизируется *сущность* Другого, соразмерная сути Я по всем фундаментальным философским вопросам – в областях гносеологии, логики, психологии, социологии, культурологии и даже теологии. Другой меняет свой гносеологический статус, из материала познания превращаясь в его исток. Этот ход мысли открывает новую перспективу философского осмысления социальности, альтернативную господствовавшей со времени философской классики. Отныне социальность рассматривается как формирующаяся перекрестием взглядов и действий позиций, а не как создаваемая анонимным взглядом или действием или, напротив, чрезмерно индивидуализированными людьми. Изменяется структура мышления: теперь уже не социальность – априори Другого, а Другой – априори социальности. Анонимность же или индивидуализация повседневности осмысляются как только возможные формы социально-

сти, формы, которые не являются единственными или оптимальными.

Более детальное описание программы осмысления Другого, выдвинутой в XX в., должно основываться на рассмотрении ее различных презентаций в дискурсе конкретных философских концепций. А в XX в. можно зафиксировать фундаментальные стратегии дескрипции Другого – диалогическую и феноменологическую.

1.3.2. Диалогика Ты

Диалогическая философия, "прорыв" которой наблюдался в начале XX в., был наследником эпохи модерна. Множество философов почти одновременно (в основном, в 1920–1930 гг.) предлагали проекты нового типа рефлексии, подвергая острой критике весь прежний образ философии. М. Бубер, М. Бахтин, Ф. Эбнер, Ф. Розенцвейг, О. Розеншток-Хюсси и многие другие различными путями выстраивали, в сущности, один образ "новой мысли", которая характеризуется "Я – Ты логикой" и отказывается от прежней субъект-объектной схемы познания. Диалогист претендует на то, чтобы встречать Другого (как Ты) и из диалога с ним (идеальным или реальным Другим) переосмыслить саму структуру мира. Диалогист при этом претендует говорить с конкретным человеком, а не рассматривать универсального субъекта, или, как его называл Эбнер, "идеального" и "абстрактного Я". Сквозь призму диалогического мышления мир – цепь событий, а не вещи, организованные пространством и временем. Событие предшествует всякой рационализированной "объективности". Картина мира возникает только из особого события. Событие ни в коей мере не конституируется некоторыми теоретическими структурами, напротив, они производны от нее. Диалогическая жизнь и дорефлексивная полнота – вот основные смыслы, закладываемые диалогистами в концепт "события" или эквивалентные ему. Согласно диалогистам, рефлексия не способна увидеть всю полноту события, она фиксирует только его дериваты. Функция философии, поэтому, – критика и элиминация из образа события неподлинных рационализаций и трактовка его как отношения Я и Другого.

Один из интереснейших диалогистов, *Эбнер*, в своей философии избегал абстрактности, и именно этим, вкупе с его "дилетантизмом" (он был школьным учителем-самоучкой), объясняется "освежающее влияние" его "пневматологии духа" на современную ему философскую мысль (*Махлин*, 1995, 159). С его точки зрения, осознание человеком

себя как субъекта или Я определено отношением с абсолютным Ты (Богом) в религии, и только религиозная практика – гарант того, что его человек – никогда не *solus ipse*. Окружающие люди опознаются мной как Другие только в силу нелепой аналогии их с Богом. В любом случае они – только слабые "отблески" абсолютного Ты, и именно поэтому секуляризация сознания приводит к изоляции Я. Так возникает современное Я – Я гениев и сумасшедших. Все отличие между гениальностью и помешательством заключается лишь в том, что гений определяется Ты как идеалом, постоянно скрытым за горизонтом будущего, а безумец общается с произведенным самим его сознанием Ты. Формирование Я всегда определяется абсолютному Ты, Я – лишь путь к нему; сознание может не признавать это, но не может избежать.

По Эбнеру, Я во всех своих определениях (например, как мышление) – результат выхода человека за свои пределы (Эбнер, 1997, 38). Поскольку же это трансцендентирование происходит в основном через слово, то человеческое Я имеет принципиально языковую природу. Абсолютное Ты дает человеку язык как некоторое послание (или задание), как откровение, которое бесконечно разворачивается нами в конкретном общении. Именно поэтому основной формой знания для него становится грамматика.

Подлинное Я, по Эбнеру, полностью ограничено Другим (Махлин, 1995, 167). Бог – это внимание ко мне, от которого я не могу уклониться, он неизбежен: "...что бы человек ни говорил и кому бы он ни говорил, Бог слушает" (Эбнер, 1997, 39). Человек не может говорить с собой, не говоря с Богом. Такой пан-аудизм лишает Я всякой самостоятельности перед Другим и абсолютизирует власть Другого над Я. Более того, Я превращается в модус Другого. В религии Я окончательно постигает себя как инобытие Другого. В определенном смысле, философия Эбнера – Гегель наоборот. Это подтверждает и многочисленные влияния Кьеркегора, которые она обнаруживает.

Диалогический проект ярко репрезентируется **Бубером**, вероятно, наиболее известным представителем этого направления. Некоторые пункты его версии диалогизма близки эбнеровской, например, то, что Бог должен рассматриваться как "мое абсолютное. Напротив, как мой "абсолютный другой" (Бубер, 1995, 379), но в то же время Бубер критикует Эбнера за унификацию Ты (Махлин, 1995, 171) и редукцию всякого Ты к божественному (Бубер, 1995, 434). Бубер предлагает понимать Ты в любом его проявлении как неповторимое, и только из

контекста отношений с ним.

Буберовский диалогизм наиболее известен противопоставлением двух моделей отношения Я и чуждого: Я – Оно и Я – Ты. Для Бубера Я вообще не может существовать вне включенности либо в отношении с миром (в познании), либо – с Другим (в диалоге). Познание представляется обследованием поверхностей вещей, при котором Я свободен и властвует над явлениями мира. Диалог же с Другим знаменует собой выход за пределы отношений власти. В диалоге и познании проявляются "основные" онтологические движения, конституирующие мир, – соединение и разъединение (Бубер, 1992, 309).

Бубер предлагает целый реестр отличий Оно от Ты. В частности, Оно дано вкупе с прочими Оно, множество которых складывается в один бесконечно большой ряд объектов (мир), а Ты уникально и "безгранично", распространяется на весь мир: "Не то, чтобы не было ничего другого, кроме него, но все другое живет в его свете" (Бубер, 1992, 298– 295). Оно – периферия, Ты – центр; Оно – мгновение, а Ты – вечность. Смысл Оно определяется мной, Ты же дает мне свой смысл самоутверждения" (Бубер, 1992, 342), воспринимая чуждое как средство для своих целей. Невозможно познать Другого, не сведя его к Оно. Ты и Оно принципиально противоположны по всем параметрам – и столь же различна презентация Я в отношении к ним.

Бубер не абсолютизирует диалог с Ты, признавая естественное чередование его с познанием: "...каждое Ты в нашем мире обречено превратиться в Оно" (Бубер, 1992, 303). Я должно постоянно воспроизводить "хрупкое" проявление Ты, чтобы реализовать, собственно, самого себя.

Бубер пишет о трех сферах диалога: в рамках природы (доречевое, предстает как "встречное движение"); в рамках сообщества (речь позволяет людям обмениваться Ты: "Мы можем давать и принимать Ты" (Бубер, 1992, 296) и на уровне духовных сущностей – прежде всего с Богом (безмолвие, пронизывающая речь). Это разграничение на сферы может быть приложено и для описания отношения с Оно, однако в Оно специфика, например, человека по отношению к вещи не проявляется. Несмотря на предположение Бубера о необратимости Ты в Оно в Боге (Бубер, 1992, 340), следует заметить, что религия далеко не всегда реализует диалог с Богом, подменяя его восприятием Бога как идола. Истинное же отношение к Богу есть как бы интеграл всех

когда-либо возникавших подлинных отношений: "Каждое единичное Ты – прозрение вечного Ты" (Бубер, 1992, 340).

Кроме того, Бубер различает Ты как врожденную идею и Ты как встречаемую в опыте реальность. Первое происходит от Бога (как вечного Ты) как след в душе, позволяющий Я выйти за пределы чисто предметного (или – объективного) рассмотрения вещей и других людей. Любое событие, связанное с Ты, – дар Бога, его невозможно найти преднамеренно.

Поскольку, по Буберу, прежний дискурс философии инфицирован объектностью, чтобы уточнить концепт Ты, необходим новый дискурс (Бубер, 1995, 97). В его произведениях можно встретить три разных образца дискурса: мифологическая речь, микродиалоги и проповедь с притчами. Мифологическая речь представляется по образцу Ветхозаветного повествования. В такой речи, как считает Бубер, обретаются "изначальная" мудрость и единство бытия. Однако против этой речи говорит трансцендентность Другого: не говорит ли вместо него представляющее себя им Я? Если же принять идею боговдохновенности письма, то Я лишается своей речи под диктатом Другого. Мифологический язык не может быть диалогом еще и потому, что в мифологическом сознании нет структуры Я – Другой. А поэтому этим языком, конечно, нельзя сообщить истину диалога. Микродиалоги (в той форме, в которой они приводятся, например, в "Я и Ты") – действие мифологического первосубъекта, а не след Другого. Они монолитны в своей эстетичности, а Я и Ты в них – просто симуляция. К тому же они совершенно неинформативны. Проповедь, наименее оригинальный тип дискурса Бубера, как может показаться, диалогически продуктивна, поскольку ограничивает Я перед Другими. Но откуда возникают эти ограничения? Вспомним вдохновенный возглас М. Экхарта: "Если бы здесь не было ни одного человека, я должен был бы сказать ее этой церковной кружке!" (Экхарт, 1930). Я ограничивается своими претензиями и представлением об идеальном адресате, а не о конкретных Других. В проповеди Другой как таковой также молчит. Сама множественность Ты свидетельствует о превращении в Оно. Слушающие проповедь – объекты моего манипулирования.

Наиболее адекватным дискурсом для диалогизма является, конечно, диалог. Но Бубер не находит этого решения, да и вообще не ищет адекватной формы дискурса, поскольку ищет путь за пределы мышления вообще; для него важна не речь, но переживание, в кото-

ром разрыв между словом и существованием устраняется. Для него нет никакой проблемы в том, что дискурс становится ареной борьбы властей, поскольку для него дискурс несамостоятелен и определяется подчинением внешним силам: субъекту или глубинному отношению, а потому его анализ, в сущности, "ничего не прибавляет" (Бубер, 1995, 102).

Это представление о дискурсе, позволительное в начале века, непозволительно в конце. Поэтому диалогизм Бубера должен быть подвергнут тщательной ревизии на метафизичность.

Бахтин разрабатывает теорию Другого на материале литературной критики, с апелляцией к творчеству Достоевского. В дискурсе последнего, как считает Бахтин, Другой показан в своей инаковости, не превращается в маску для Я или экземпляр психологии (Бахтин, 1994а, 21), это говорит о новом отношении к человеку: "О нем нельзя говорить, – можно лишь обращаться к нему" (Бахтин, 1994а, 161).

Бахтин выделяет два отношения с Другим: абсолютная власть над ним и диалог. В первом случае, например, в монологическом романе, Другой объективирован до состояния вещи, целостной в пространстве и времени, а Я, напротив, предельно "открыто" незаконченно (Бахтин, 1994б, 176). Монологическое представление о Другом сводит его к прошлому, он рассматривается как самоотождествленный, действительно воплощенный, в отличие от постоянно изменяющегося и абстрактного Я (Бахтин, 1994б, 191–193). Монологизм полностью подчиняет Другого Я, воспроизводя схему взаимоотношений раба и господина у Гегеля.

Другой превращается в цельность особой операцией Я, которое вначале воображает себя Другим, а затем накладывает таким образом познаваемый кругозор Другого на естественно познаваемое его окружение (Бахтин, 1994б, 107). Другой здесь – пассивность, оформляемая моей эстетической деятельностью, подвластный мне объект (Бахтин, 1994б, 118–188).

Но на этой монологической почве возникает новое отношение к Другому – диалог. В диалоге Другой постигается как аналогичный Я, и только через коммуникацию как Я, так и сам Другой обретают смысл. В диалоге Другой не завершается, поскольку он не познается, но вопрошается и сам отвечает (Бахтин, 1994а, 183–275). Другой предстает как самосознающий, лишенный законченности, это – бесконечная функция, он никогда не равен себе (Бахтин, 1994а, 49–50).

Диалог с Другим осуществляется на почве последних вопросов как диалог идеологических позиций, и Другой вбирается сознанием как точка зрения; внутренняя речь становится нарезкой чужих слов (Бахтин, 1994а, 143, 185, 252, 178).

В анализе произведений Достоевского Другой эксплицируется как *герой* (Бахтин, 1994б, 248). Специфика творчества Достоевского в том, что "сознание героя дано как *чужое* сознание, но в то же время оно не опредмечивается, не закрывается, не становится простым объектом авторского сознания" (Бахтин, 1994а, 14). Но при этом нельзя сказать, как это делает Бахтин, что голос самого Достоевского участвует в диалоге героев. Диалогичность героев искупается смертью автора.

Модель взаимоотношения автора и героя в произведении соответствует описанию диалога Я и Другого. Идеальное отношение между автором и героем – дистанцированность, свобода обоих, но чаще всего автор либо властвует над героем, либо подпадает сам под его власть. Есть три формы потери автором "внезаходимости по отношению к герою": герой завладевает автором (например, как авторитет); автор завладевает героем (вкладывает в него себя); герой – сам свой автор (самозавершенность) (Бахтин, 1994а, 100–103).

Бахтин пишет, что в идеальном состоянии "автор действительно оставляет за своим героем последнее слово" (Бахтин, 1994а, 52). Чтобы принять это утверждение Бахтина, нужно совершенно иначе воспринимать феномен героя – как структуру сознания, а не как модифицированного человека. Дискурс Достоевского позволяет читателю произвольно развивать образ героя – и тем самым последнее слово отдается читателю. Это же касается и самостоятельности героя, это – совершенно иная конструкция дискурса. Заметим, что не герой – причина изменения структуры, а структура симулирует самостоятельность подсистемы. Действительного Другого в дискурсе Достоевского нет, но есть его симуляция – которая тем продуктивнее, чем более герой – одна из сторон сознания каждого, причем такая, которая в каждом содержится только в свернутом состоянии. Смутные образы самого себя, из периферии сознания врывающиеся в его центр, – вот кто такие Другие Достоевского.

Именно это заставляет Бахтина не ставить вопрос об адресате автора или об его реальных взаимоотношениях с Другими: Другой для Бахтина, как и само Я, – идеальность, герой – ментальная маска, а ав-

тор – процесс смены масок. Достоевский имитирует диалог, в чем достигает даже большей удачи, чем если бы проводил реальный, поскольку репрезентация репрезентативнее, если полностью сосредоточена на внешнем.

Соответственно и освобождение от властности в отношениях с Другим – только иллюзия, за которым кроется полное превосходство сознания над Другим. Герои Достоевского не диалогичны, а одиноки, а если вступают в отношения с Другими, то буквально ментально насилуют их. Сам Бахтин заметил, что подпольщик ненавидит свое лицо, ощущая в нем власть Другого (*Бахтин, 1994а, 140*), но почему же он не сделал из этого вывод, что подпольщик отрицает Другого? Достоевский писал не о наилучшем диалоге, но, напротив, об ужасе судьбы современного общения. Достоевский действительно рассматривает человека как пару (*Бахтин, 1994, 39*), но это – не рай, а ад для него.

Опыт Бахтина показывает, насколько глубоко должен быть изучен вопрос различия Другого как идеальной и как опытной фигуры, а также то, что проект диалогизма далеко не всегда позитивен даже при претензии на позитивность. В то же время, конкретность анализа Другого у Бахтина позволяет выйти за пределы идеологичности предшествующего диалогизма и детально прояснить различие классической (монологической) и альтернативной (диалогической) стратегий дискурса.

1.3.3. Феноменология Другого

Обращение родоначальника современной феноменологии Э. Гуссерля к проблематике Другого в "Картезианских медитациях" вызвано поиском выхода из ситуации гносеологического солипсизма, выступающего наследием картезианской философии. Как известно, и сам Декарт избегал солипсизма апелляцией к абсолютному Другому – Богу. Для Гуссерля апелляция к Богу неприемлема, поскольку она реабилитирует некий вариант элиминируемой им "объективности", а именно – религиозную. Но Другой как гарант преодоления солипсизма Гуссерлем приемлется. Это видно уже в самом названии: Гуссерль претендует не идти собственным путем рефлексии, а подвергнуть ревизии и модернизировать философствование Другого человека – Декарта.

Феноменология Гуссерля выдвигает ряд ограничений произволу сознания, что и позволяет ей претендовать на звание "строгой науки". Основное ограничение – феноменологическая редукция, лишение зна-

чимости всякого опыта, претендующего на "объективность", и описание его как конституируемого сознанием. Сущность редукции хорошо передана словами Гуссерля: "Все, что может быть как-либо представлено и удостоверено, есть я сам или принадлежит мне самому как мое собственное" (Гуссерль, 1998, 223). Редукция – формирование особой установки сознания по отношению к миру, которая характеризуется предельной отрешенностью, необходимой для "чистоты" феноменологических описаний. Сознание видит мир как сферу осуществления власти Я, прежде всего власти семантики. Это же, правда, создает трудность обоснования их всеобщности или даже просто значимости, поскольку в феноменологии актуален только один субъект описания (редукция исключает коммуникацию). Гуссерль не ограничивает сферу действия редукции, он избирает другой путь рефлексии: обоснование значимости феноменологии в мире требует феноменологического обоснования самого этого мира. Мир должен быть постигнут как не объективный и не субъективный, но интересубъективный мир. Любая объективность или субъективность должна быть прояснена из интересубъективности.

Понятие *интерсубъективности* вводится Гуссерлем для раскрытия нового типа достоверности. Познавая опытный мир субъективно, Я, тем не менее, воспроизвожу определенную часть программы его познания, которая общеобязательна для всякого познающего. Мой опыт познания мира – вариант широкого спектра возможных субъективных опытов, обладающих идентичной или общей структурой. Интересубъективность и есть такого рода общность, которую Гуссерль называет также "социальной субъективностью".

Познать интересубъективность исключительно из рефлексии над своим опытом мира, по Гуссерлю, нельзя, поскольку они принадлежат к разным порядкам (интерсубъективность – порядок порядков, в который мой опыт входит как частный порядок). Интересубъективность значит, что мой опыт отсылает не к какой-то "объективной" реальности, кроющейся "за" ним, а лишь к другому возможному (аналогичному) опыту (Гуссерль, 1994, б). Таким образом, не Другие существуют в мире, а мир возникает "между" Другими и мной. Поэтому познание интересубъективности осуществляется через тематизацию чуждого и Другого.

Гуссерль, рассматривая вопрос о Другом, с самого начала описывает, как сознание конституирует Другого (Гуссерль, 1997, 49): исследу-

дую Другого, я обязан (феноменологическое обязательство) осознать его как продукт моей творческой активности. Другой создается как отражение или аналог Я, но не в полном смысле (Гуссерль, 1998, 190–224). Собственно Другим делает его *чуждое*, находящееся в его основании, но в то же время в Другом заявляет о себе универсальная структура intersубъективности и intersубъективного мира, что позволяет говорить о том, что "чуждое" – черта не мира, а intersубъективной общности. Продуцирование Другого осуществляется через удвоение ("конфигурирования в виде пары") Я (Гуссерль, 1998, 215–216). Другой может быть описан в своей чуждости мне, только если чуждое редуцировано. В "Парижских докладах", прототипе "Картезианских медитаций", Гуссерль подтверждает это ("чуждое" переведено как "другое"): "...необходимо абстрагирующее лишение другого значимости и истолкование всех тех смысловых слоев окружающего меня мира, которые появляются для меня благодаря значимому опыту другого" (Сартр, 1995, 26). В том же смысле он говорит об "имманентной трансцендентности" мира (Гуссерль, 1998, 206–208).

Для Гуссерля первичное исследование Другого должно разрешить вопрос о том, как предмет моего опыта вдруг может оказаться другим человеком. Для обоснования такого события Гуссерль вводит различие живым *телом* (Leib) и *корпусом* (Corper). Живое тело — это "мое" тело как центр мира, данного как совокупность корпусов. Оно всегда здесь-и-сейчас, оно – Внутреннее или "Это", посредством которого возможно всякое Внешнее или "То". Первоначально Я находит Другого в своем опыте как корпус (Гуссерль, 1997, 67), но затем Я постигает этот корпус как аналог своего корпуса, из чего следует, что Другой – такое же живое тело, как Я. Другой – гипотеза.

В качестве критики гуссерлевского проекта следует отметить, что свой корпус Я не дан, но выводится из знания, что меня воспринимают Другие, либо при посредничестве вещей (зеркало). Но даже вещь не может мне ничего сказать о себе, если я не знаю, что отражаю именно Я, а это знание дают мне Другие. Познание своего корпуса всегда недостоверно, но без Другого немислимо. Корпус – это предмет моего опыта, каким я не могу стать для себя. Мой корпус – всегда псевдо-корпус. Кроме того, Другой вообще никогда нормально не постигается человеком как вещь, он постигается сразу как живое тело. Изначальное общение с Другим никогда не может быть описано как тотальная власть над Другим – скорее уж наоборот.

"Телесное" открытие Другого переходит в эмпатическое, где Другой раскрывается в "более высокой психологической сфере" (Гуссерль 1998, 232), первичная общность Я и Другого находит необходимое продолжение во вторичной (иначе они, как монады, будут просто вещами-в-себе) (Гуссерль, 1997, 83). Вторичная общность подразумевает обоснование Других как психофизических существ, обнаруживающих "взаимное-друг-для-друга-бытие", в которое Я включен как член сообщества. Из общности возникают различные типы обществ или культур. Стержень обоснования "своим" будет прослеживаться и здесь, поскольку всякое другое сообщество будет лишь вариацией моего – Гуссерль даже более радикален, когда заявляет, что существует единственное сообщество (Гуссерль, 1998, 265). На этой ступени возникает собственно психическое: "Трансцендентальное "Я" – это как раз область телесного само-опыта (понятого во всей его полной конкретности), которая в любой момент может, лишь изменив отношение, превратиться в психологический опыт "Я" (Гуссерль, 1989, 38), а также Другого (Бубер, 1995, 68).

Позитивно в таком рассмотрении Другого – то, что он раскрывается через структуру его предвосхищения – через горизонт возможных опытов ("аналогическую аппрезентацию", неразделимую с презентацией), через "царство открыто-бесконечных возможностей подступа" к Другому (Гуссерль, 1998, 213–250). Негативно же то, что Гуссерль исследует проблему Другого, пользуясь понятийным аппаратом, выработанным при описании сознания *solus ipse*, в результате чего Другой оказывается мистификацией, маской абсолютного Я. Это показывает, что проблематика Другого должна разрабатываться не как экспликация проблематики самосознания, а во многом как ее фундамент, – то есть как самостоятельная исследовательская сфера.

По Гуссерлю, наличие Другого, рядоположенного мне, должно говорить о порядке субъективностей ("интерсубъективность"), в который я включен как частный порядок. Но поскольку это наличие конституировано мной, то оно не лучше подтверждает наличие этого порядка порядков, чем наличие всякой вещи, мной конституируемой в качестве "не меня". Полученное свободным варьированием фантазии "чужое" является не более чужим, чем "свое". Если я конституирую другие Я лишь с опорой на себя, то такие Я не могут ни в коей мере быть рядоположенными рефлексизирующему или включать его в свое число. Например, автор никогда, за исключением утонченных мисти-

фикаций, не ставит себя в ряд с героями (последовательное проведение такого опыта было бы чревато безумием). А это значит, что феноменология Гуссерля – дескрипция все же ненормального сознания (такого, для которого ненормальность стала *телосом*). В пользу этого говорит и претензия Гуссерля определить нормальность из себя: "я сам в конститутивном отношении являюсь изначальной нормой для других людей" (Гуссерль, 1998, 242).

Противоречие гуссерлевского проекта – в том, что он совмещает в понятии Другого два противоположных смысла: Другой как феномен, конституируемый мной, и Другой как гарант преодоления солипсизма. В первом смысле Другой – только феномен моего сознания: "Во мне я опытно познаю, узнаю Другого, он конституируется во мне – аппрезентативно отраженный, а не в качестве оригинала" (Гуссерль, 1997, 93). Другой смысл Другого: "то, что Я действительно вижу, не является знаком или пустой аналогией, отражением в каком-либо смысле, а Другим и при этом схваченным в подлинной оригинальности" (Гуссерль, 1997, 79), и как таковой Другой – уже не феномен моего сознания, а "монада", обладающая внутренним самоотношением, подобно первичной (моей). Этот Другой – не просто феномен моего сознания, но нечто большее, феномен другого порядка. Другой может быть гарантом тогда и только тогда, когда в нем есть то, что принципиально не может быть конституировано мной (и от чего мое конституирование зависит). Гуссерль же посчитал возможным обосновать конституирование неконституируемого.

Подлинной задачей исследования может выступать исследование "системы явлений Другого", в которой необходимо зафиксировать жесткую связь этих двух принципиально различных модусов Другого. Опыт Гуссерля показывает, что саму задачу проблематизации Другого надо ставить принципиально иначе: нужно не описывать полностью феномен Другого во всем его многообразии, а зафиксировать его как открытую структуру, в которой я не конституирую чуждое, а конституирую поле взаимодействия с неконституируемым чуждым.

Для того же, чтобы это сделать, необходимо ограничить действие фундаментального метода феноменологии Гуссерля – редукции. Именно этим путем и идет последующая феноменологическая мысль. При этом феноменология теряет свою претензию на фундаментальность, включаясь в поле взаимодействия других основных методов философии.

Постгуссерлевская феноменологическая мысль в основном адаптирует проблему Другого к тематике онтологии и социальности, практически не эксплицируя ее гносеологически. Наиболее важные фигуры этого направления, способствовавшие разработке темы Другого, – М. Хайдеггер, Ж.-П. Сартр и Э. Левинас.

Хайдеггер в "Бытии и времени" задал определившую все развитие постгуссерлевской мысли модель осмысления Другого, которая была реализована во всей полноте уже последующими философами. Для самого Хайдеггера перспектива, которую он наметил термином "Mitsein" ("Бытие-с" или "Событие"), во многом оказалась незадействованной, о чем свидетельствуют многочисленные попытки его последующей корректировки.

Хайдеггер предлагает рассматривать Другого не как гносеологический феномен, а как онтологический, то есть некоторый специфический род сущего, определяющий присутствие Я, и как такое сущее, в противостоянии власти которого Я обретает самостоятельность или индивидуальность.

Хайдеггер рассматривает отношение с Другими как столь же изначальное, как обнаружение себя в мире: "вот-бытие", как бытие в мире есть в то же время и бытие-друг-с-другом, точнее, "со-бытие" (*Хайдеггер*, 1998, 250). Я дано изначальное только через Других и добывается самостоятельности через противостояние им (*Хайдеггер*, 1997, 116–119). Другой возникает не как некоторое тело, а как бытие-в-мире, как озабоченная деятельность и ее продукты (*Хайдеггер*, 1997, 120). Забота – сущность отношения к Другому (даже если Я озабочен собой), и как раз она удостоверяет присутствие Другого (*Хайдеггер*, 1997, 121). Но при этом через заботу Другой либо лишается всякой самостоятельности, либо, напротив, становится свободным (*Хайдеггер*, 1997, 122), овладевает собой. Я всегда ориентировано на Другого, всегда уже понимает его – в этом смысле для Хайдеггера подлинной целью является не рассмотрение специфики сообщения с Другими, а обоснование выделения Я как самостоятельного.

Среди Других Я – Другой, но как таковой Я забочусь о сохранении дистанции с Другими, но это избегание власти Других оборачивается тотализацией власти Das Man – анонимной сущности Других, структуры бесконечного уравнивания повседневности ("Всякое превосходство без шума подавляется" (*Хайдеггер*, 1997, 127, 123–126). Такое "безвласти" выливается в безответственность существования Я.

Поскольку Другие (в том числе Я как Другой) заменимы друг другом, под вопросом оказывается сама индивидуальность.

Соприсутствие с Другими осуществляется преимущественно через болтовню, любопытство и двусмысленность. Это одновременно – способы неподлинного бытия (бегства Я от самого себя), что выявляется лишь тогда, когда Я обретает себя подлинным образом в осознании собственной конечности – единственного "дела", в котором невозможна замена одного человека другим. Конечность – та перспектива, в свете которой всякая власть Другого или даже обезличенная власть повседневного лишается всякого значения. Но это и не значит, что Я способно захватить эту отчужденную власть над собой – отныне власть над Я осуществляется самим бытием. Осознание своей личной конечности и есть та единственная редукция, с которой начинается подлинное философствование.

Позитив: преодоление узко гносеологической тематизации Другого, анализа Другого как онтологического феномена. Введение тем языка, традиции.

Негатив: Другой негативен как принадлежащий повседневности. Но ведь мы учимся даже своей смертности через Другого: изолируясь от Других, я совершенно точно и лишаю себя осознания своей смертности. Хайдеггер недостаточное внимание уделяет тому факту, что Другой – участник не только повседневности, но и индивидуальности.

Сартр рассматривает проблематику Другого в третьей части "Бытия и ничто". Другой исследуется через трансформацию бытия Я, вызванную его появлением, – через "бытие-для-Другого".

Питая феноменологические претензии, он все же отказывается от принципа редукции, что, с позиции Гуссерля, абсурдно, поскольку именно редукция – главное отличие феноменологии от "трансцендентального реализма" или познавательной наивности. Сартр предлагает принципиально иное понимание самой феноменологии. Он упрекает Гуссерля за то, что тот "сохранил трансцендентального субъекта, который сильно похож на кантовского субъекта. Другой был бы здесь в качестве дополнительной категории – которая позволяла бы конституировать мир – но не в качестве реального бытия, существующего по ту сторону этого мира" (Сартр, 1997, 148). Сартр предлагает скорректировать феноменологию, исходя из того, что "моя связь с другим с самого начала и фундаментальным образом является отношением бытия с бытием, а не познания с познанием, если солипсизм должен

иметь возможность быть опровергнутым" (*Сартр*, 1997, 156). Феноменология, таким образом, – описание сознания как выхода Я из себя, прорыва в мир ("экс-таз"). Собственно феноменологическая компетенция сохраняется только как положение о сознательности встречи с Другим. Нет никакой встречи с Другим до сознания или помимо его. Такая трансформация феноменологии уже позволяет поставить вопрос о встрече с Другим "в эмпирических обстоятельствах нашей фактичности" и рассуждать даже о конкретных людях (*Сартр*, 1997, 157–161). Сартр призывает, вместо обоснования гносеологической идеи Другого, понять, как уже осуществляется взаимоотношение с реальным Другим. Акцент ставится на *взаимоотношении с Другим*, а не на идее Другого. Сартр как эссеист и литератор претендует описать "конкретное отношение к Другому".

Специфика позиции Сартра проявляется в том, что, с одной стороны, Я создаю Другого, а с другой – Другой создает меня. Я одновременно могу постигнуть Другого (поскольку он – это Я), и не могу сделать это (т.к. он – Другой). Теоретически эта двойственность обосновывается тем, что отношение с Другим – конфликт, никогда окончательно не разрешимый, поскольку симметрия Я и Другого может быть устранена, только если один из них утратит сознание. Это – не просто борьба конституирующих субъектов, но конфликт бытия с бытием.

Исходя из этого, Сартр вводит в исследование Другого новые темы: эмоций, языка, моего тела как формируемого взглядом Другого (*Сартр*, 1988, 96).

Сартр предполагает историчность жизни сознания. Другой впервые обнаруживается в дезинтеграции мира ("утечке вещей"), в сопротивлении власти Я. Предположив существование Другого, подобного мне, Я вынужден признать, что власть Другого распространяется и на самого меня. Другой – чужой взгляд на мой мир и меня. Осознание поднадзорности изменяет бытие Я, оно становится бытием-для-Другого. "Я улавливаю взгляд другого внутри собственного акта действия как отвердение и отчуждение моих собственных возможностей" (*Сартр*, 1983, 95). П. Рикер интерпретирует это событие так: «Существование Другого, таким образом, констатирует мое "естественное падение", то есть движение, благодаря которому я падаю в мир и приговорен парировать и толкать» (*Рикер*, 1990, 35). При этом он использует метафору самого Сартра: "Мое бытие для-другого есть падение сквозь абсолютную пустоту в объективность" (*Сартр*, 1997, 167). Дру-

гой – как раз "абсолютная пустота", обеспечивающая мое "падение" в мир. Ранее сутью Я была свобода ("Ничто"); теперь суть моего бытия определяется Другим по его усмотрению. С этого времени я уже иначе предстаю перед собой – через посредство Другого: "Я существую для себя только как чистая отсылка к другому..." (Сартр, 1997, 164). А это – почва для модернизации проектов существования Я: их сущностью становится жажда "овладеть" взглядом Другого и использовать его для самоутверждения. Ситуация сложна, поскольку, во-первых, овладеть нужно взглядом в его произвольности (свободе), а, во-вторых, Другой также претендует овладеть мной: ситуация симметрична. Следствием становится принципиальная неполнота любого реализованного проекта бытия-для-Другого.

Основой отношения к Другому являются стыд, страх и гордость. В этих эмоциях реального отношения к Другому нет, оно только предвосхищается. Вслед за ними Я формирует первичные (любовь, язык, мазохизм) и вторичные (безразличие, желание, ненависть, садизм) отношения к Другому, в которых во всей полноте разворачивается конфликт, а также структуру "Мы" ("Мы-субъект" и "Мы-объект").

Неудачу первичных и вторичных отношений к Другому Я пытается восполнить, создавая совместно с Другим проект нового бытия – "Мы" (хайдеггеровское Событие). Однако и оно не становится основой онтологической структуры Я, так как Я уже выработало смысл Другого – "Бытие-для-другого предшествует и фундирует бытие-с-другим" (Sartre, 1971, 537) – и к тому же "Мы" – феномен психологический, а не онтологический. Таким образом, Другой не помогает Я обрести полноту бытия.

Позитивом программы Сартра является введение тем языка, эмоций, тела, генезиса отношений к Другому. Негативным, конечно, выступает сведение отношения с Другим к конфликту и нарушение последовательности описания: по Сартру, опыт выстраивается таким образом, что вначале есть изолированное свободное Я, которое затем входит, преобразуется конфликтом с внезапно появившимся Другим.

Основная претензия *Левинаса* – прописать взаимоотношение с Другим как онтологический феномен (в хайдеггеровском смысле) и как противоположность Повседневности ("Тотальности").

В своей работе "Время и Другой" он представляет соотношение Я и Другого как сетку бинарных оппозиций, в которую интегрированы как те структуры, интерес к которым традиционен в феноменологии,

так и те, значимость которых ранее отвергалась.

Другой описывается как феномен не "чистого" сознания, а "воплощенного" и "окультуренного" присутствия. В корне отношений с Другим – конфликт, поскольку он представляет все то, что противоположно основным атрибутам Я. Сущность Я прежде всего описывается Левинасом как власть существующего над актом существования (переинтерпретированные термины Хайдеггера *Sain* и *Sainde*) – власть, которая нам необходимо дана. Появление чуждого лишает Я этой власти – и радикальнейшим примером этого чуждого в этом смысле является смерть. Попытка овладения чуждым выводит Я из первоначального одиночества: чуждое, которым Я овладеваю ("принимаю на себя" – экзистенциально осмысливаю или персонифицирую), – становится Другим (Левинас, 1998, 79). Но в подлинном смысле чуждое никогда не осваивается. Другой – это миф. Миф, за которым – ничто. Ничто, или чуждое, которым я не могу овладеть. Непознаваемость чуждого граничит с познаваемостью мира посредством Другого как тайна со знанием – тьма со "светом". Во временном же плане чуждое дано как неопределенность будущего, делающая проблематичным всякое настоящее. Кроме того, Левинас дополняет эту бинарную структуру оппозицией мужского и женского, через которую он видит подлинными и взаимоотношения Я и Другого, любовь и рождение детей.

В последующих работах Левинас предлагает еще несколько важных атрибутов Другого, которые составляют части следующих оппозиций: тотальность/бесконечность и др.

Уточняя эту сетку атрибутов, Левинас должен был бы признать значимость также и оппозиции личное/безличное, переформулировав фундаментальное противопоставление в "чуждое" и тем признав Другого медиумом структуры. С этой корректировкой общая структура выглядит следующим образом:

Я	Чуждое
Присутствие	Отсутствие
Настоящее	Будущее
Единичное (одинокое)	Множественное
Властное	Обезоруживающее
Тотальное	Бесконечное
Мужское (мужественное)	Женское (женственное)
Познание	Тайна
Личное	Безличное

Негативными факторами этой концепции являются несимметричность, приводящая к проблеме дискриминации (например, оппозиция

мужское/женское) и гносеологическая непроясненность. Позитив – выделение атрибутов Другого, которые могут быть описаны как структура мышления, и регистрация двухаспектности человеческого опыта.

Чуждое как противоположное "размыкает" Я, а потому осмысление чуждого не может вестись исключительно в соответствии с принципом редукции, быть беспредпосылочным. Феноменология дает слишком односторонний анализ Другого. Она описывает Другого как Я – но не как другое. Это заставляет поставить вопрос: каким должно быть знание, чтобы описать Другого как такового?

1.3.4. Другой в различных сферах существования

Рассмотренные программы описания Другого в философии XX в. показывают, что Другой должен не производиться, например, как познавательная структура моего сознания, но обосновываться во всем многообразии его значимости для Я. Это обоснование должно быть сконцентрировано на сферах моего присутствия, которые образуются как результат взаимодействия с Другим. Аналитика власти как особой характеристики отношений с Другим должна проводиться прежде всего из различных образов взаимодействия с Другим.

Сфера *примордиальная*, в которой впервые возникают отношения к Другому, конституируется в сознании ребенка или архаического человека (если он все еще существует). Здесь Я впервые обнаруживает себя в мире как тот, от кого кто-то чего-то требует, как тот, кто соответствует или не соответствует требованиям кого-то, – как полностью подвластный конкретным Другим, и первично власть осмысляется как именно власть личностей. Культ личности соответствует наиболее примитивной форме организации взаимодействия с Другим.

С развитием сознания и культуры на основе примордиальной сферы возникает *повседневная*, которая характеризуется безличной властью. За властью Другого Я обнаруживает власть "вообще". Отныне все поле совместной обыденной жизни, вся повседневность рассматривается как подвластное Некто или даже Нечто (хайдеггеровское Das Man, фрейдистское Сверх-Я, марксистское Общественное сознание и пр.). Другой не обладает своей властью, но им пользуется Некто, таким же образом, как мной. Другой – носитель безличного нормативного образца поведения, и как таковой он властвует над Я, только если последнее не соответствует этому образцу поведения, но и Я может

властвовать над Другим, если становится лучшим носителем этого образа, презентантом Некто. Это бесконечное соревнование во власти над Другим не может принести удовлетворения. Моралист – тот, во власти кого все, но эта власть, по сути, – не его власть. Безличная власть, соответствующая сфере повседневности, наиболее ярко проявляется в правовом обществе, однако не в меньшей мере этот тип реализуется и в тоталитарных государствах.

В сфере повседневного существования Я встречает Другого не только как представителя Некто, но и как носителя альтернативной программы поведения. Это не всегда оппозиционер, стремящийся утвердить власть какого-то нового безличного абсолюта. Встреча Другого как индивидуальности формирует сферу *индивидуального* существования Я. Основной задачей Я здесь становится овладение самим собой как уникальным в диалоге с уникальным Другим. При этом Другой воспринимается как постоянно посягающий на мое Я, но в то же время тот, благодаря кому Я владею собой. Диалог – организация своего порядка во взаимодействии с развивающимися порядками Других. В диалоге возникает принципиально новая форма общности – интерсубъективная общность. Ярким примером политической организации, возникающей на основе этого типа властных отношений, является "открытое", либеральное общество, общество гетерогенных порядков.

По мере развития человеческого общества изменяется и статус философии как теоретизации властных отношений, и сама ее сущность как теоретизированной власти. В авторитарных обществах философия вообще подвержена жесткой инфляции и редукции к мудрости, поскольку знание рассматривается просто как одна из характеристик Другого, а мышление возникает как интериоризированный контроль, – здесь идеальности Другого соответствует моя реальность. В тоталитарных или правовых обществах философия претендует создавать универсальные абстрактные системы знания, поскольку в сфере повседневного Некто интериоризируется как основа мышления (мышление при этом может осуществляться и как диалог, если Некто персонафицирован, например, в качестве Бога). В "открытом" обществе философия претендует организовывать знание как конфликт или диалог порядков. Основой этого является интериоризация Других как носителей значимых позиций (авторитет) и конституирование во внутренней речи поля таких позиций (например, традиции), что предопределяет диалогический характер мышления. Только в этой ситуации,

когда тематизируется само различие порядков, дискурс философии
начинает определяться концептом Другого.

Часть вторая

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1. ЯЗЫК И ИДЕОЛОГИЯ: К ВОПРОСУ О ПОСТРОЕНИИ ТЕОРИИ ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ

2.1.1. Идеологии без языкового воплощения нет

Идеологии всегда изучались социальными науками, а не лингвистикой. Я же хочу предложить лингвистическое исследование идеологий. Основным аргументом такого подхода является то, что идеологии формируются и воспроизводятся посредством языка, т. е. в текстах, в дискурсе. Такие идеологии, как коммунизм, либерализм, феминизм, расизм или антирасизм, не были бы так сильны и не имели бы так много сторонников, если бы их идеи не воспроизводились в ежедневном дискурсе их лидеров и сторонников, не тиражировались средствами массовой информации.

Признание того, что в основе понятия "идеология" лежат некоторые базовые идеи, разделяемые социальной группой, требует систематического изучения основ социальной эпистемологии и того, как общество организуется в группы на основе общих целей, интересов, отношения к власти и пр. Причем только в общении члены этих групп приобретают, познают или меняют свои верования, завоевывают или стремятся завоевать новых сторонников, легализуют их, оберегают от конкурирующих групп. Иначе говоря, им необходимо слушать или читать, говорить или писать множество разнообразных текстов, и в процессе этой речевой деятельности реализуются их идеологические верования.

И хотя идеологии выражаются и воспроизводятся *не только* непосредственно речевой деятельностью, но и другими социальными практиками (например, с помощью дискриминации или лишения прав), мы можем смело утверждать, что идеологии без языка нет. Именно дискурсивная природа воспроизводства идеологий делает лингвистический подход неотъемлемым компонентом широких мультидисциплинарных исследований идеологического феномена (*Van Dijk, 1998*). Мы убеждены, что для построения интердисциплинарной теории идеологии необходимо *единение категориального аппарата трех дисциплин:*

- теории социального познания,
- теории дискурса,
- теории социальной структуры.

Последняя включает в себя исторический, политический и культурный аспекты.

2.1.2. Критическая лингвистика

К современной лингвистике всегда были причастны те (пусть это были единицы), кого волновали социальные проблемы и кто применял лингвистический аппарат для изучения особенностей функционирования языка в идеологических целях. Представители других наук всегда изучали, по меньшей мере, ключевые слова и словосочетания, характерные для идеологии в целом (см., например: *Edelman, 1977*). Современная лингвистика способна на большее и предлагает разветвленный категориальный аппарат для более адекватных лингвистических исследований идеологий.

Так, в конце 70-х гг. в Великобритании зародилась **критическая лингвистика**, внимание которой было приковано в том числе и к проблеме идеологического использования языка (см.: *Fowler, 1979; Kress, 1979; Meu, 1985*). Представители этого направления, вдохновленные работами социальных семиотиков и грамматическими исследованиями в русле систематической лингвистики М. Холлидэя, показали, что синтаксические структуры могут зависеть от идеологической ориентации пользователя языка. Например, выбор активного и пассивного залога в предложениях – это не только вопрос стиля или тематической последовательности предложений. Выбор залога нередко зависит от того, хочет ли говорящий подчеркнуть или "смягчить" ответственность за действия членов своей или чужой группы. Иными словами, такая переменная в лингвистике, как транзитивность (переходность), может быть следствием идеологически ориентированного описания отношения "Мы против Них и Их действий".

Исследования, проводившиеся в русле критической лингвистики в 1980–1990-е гг., вызвали к жизни более широкое интеллектуальное международное движение – **критический дискурс-анализ** (*Critical Discourse Analysis*). Представители этого научного направления придавали лингвистическим исследованиям идеологии приоритетное значение (*Fairclough, 1995; Fairclough, 1997; Van Dijk, 1993*). Появилось немало работ, посвященных использованию языка субъектами власти

и группами, а также изучению социальных и идеологических аспектов злоупотреблений на почве гендерных, расистских, этнических либо классовых различий, анализу лингвистических стратегий доминирующих социальных групп.

Недостаток многих из этих работ заключается не только в том, что авторы нередко прибегают к несколько упрощенным и устаревшим исследовательским подходам. Главное – отсутствие эксплицитной *теории*, связующей идеологию и язык. Отношения между языком и идеологией изучаются *ad hoc*, на уровне интуитивного понимания проблемы. Только зрелая теория лингвистических параметров выражения и производства идеологий способна раскрыть механизм "кодирования идеологии" (подробнее об этом см.: *Van Dijk*, 1998).

2.1.3. Идеология

Прежде чем мы рассмотрим отношения между языком и идеологией, необходимо сделать несколько замечаний о природе идеологий. После того как Дестю де Траси ввел в научный оборот термин "идеология", философы и обществоведы на протяжении двух веков пытались выяснить природу этого феномена. Маркс и Энгельс определили идеологию как "ложное сознание". Наиболее часто в истории развития социального знания идеология определялась как сомнительные, фанатичные верования, в противоположность истинам социальных наук. Такое отрицательное наполнение сохранилось во многих формулировках термина на английском языке, так же как и в разговорном английском. Идеологии продолжают трактоваться как ложные или, иначе, пристрастные верования: идеологии – это *у них*, а *у нас* – знания и твердое мнение. Это сохраняется и в современной социальной науке. Так, если доминирующие идеологии исследуются с позиций критической парадигмы, то они трактуются не иначе, как средство оправдания авторитарной власти, групповых интересов и неравенства.

Предлагаемый подход к идеологии носит более общий характер и в своей основе нейтрален. Значит, мы можем использовать его в процессе критического анализа, допуская возможность существования хороших и плохих идеологий в зависимости от того, какие ценности воплощаются ими в жизнь: соблюдаются ли права человека, осуществляется ли на практике принцип равенства, или эти бесспорные ценности грубо попираются. Это не означает, что общая теория идеологии теряет свой критический потенциал. Наоборот, признание факта

наличия идеологии как у тех, кто у власти, так и у оппозиции, открывает путь частным теориям идеологии, таким как теория сопротивления и оппозиции, идеологического конфликта и борьбы. Общая теория идеологии нам нужна точно так же, как нам нужна общая теория власти (которую в дальнейшем мы могли бы использовать при изучении случаев превышения власти с позиций критического анализа).

Определение идеологии в качестве *системы верований*, которые разделяются членами *группы*, является именно таким общим определением. Главная особенность идеологии в том, что она изначально *социальна* и тесно связана с коллективами социальных актеров, которые в свою очередь, являются структурными элементами организации социума. Актеры (индивидуумы) обладают идеологией, только будучи представителями группы. Это во многом похоже на взаимодействие *говорящие – язык*: как нет индивидуальных языков, так нет и индивидуальных идеологий (есть лишь их индивидуальные *пользователи*). ***Между идеологией и языком есть принципиальное сходство: они существуют только в рамках социальных групп или культурных общностей.***

Группы как коллективы социальных актеров (actors) имеют ряд отличительных черт. Среди них – специфическое межличностное общение членов группы, поведенческие модели, виды социальной деятельности, разные структуры и формы лидерства, организации, критерии членства, правила приема и исключения, материальные и символические ресурсы, отношение групп между собой и пр. Помимо этих "объективных" характеристик группы также имеют социально-психологические измерения: члены каждой группы объединены общими знаниями, мнениями, целями, у них общие нормы и ценности. Иными словами, ***члены группы реализуют различные виды (способы) социального познания или социальные репрезентации.***

Идеология – это один из видов (способов) социального познания. Однако мы не хотели бы уравнивать идеологию с каким-то конкретным знанием или мнением, разделяемым группой. Идеология – это *фундаментальные верования*. Рассмотрим ряд примеров. Обычно отношения равенства между мужчинами и женщинами рассматривают как идеологический постулат. В противоположность этому общее знание того, что машины имеют колеса, как и общее мнение о том, что убивать людей нельзя, в качестве идеологического обычно не рассматривается. Однако первый пример не является исключительно идеологи-

ческим, ибо представители феминистского движения (и те, кто с ними солидарен) основали на этом веровании идеологию, а также потому, что он указывает на социальные отношения вражды между женщинами и мужчинами в групповом и гендерном планах. В противоположность этому, нет такой общественной группы, которую генерируют споры о том, есть ли колеса у машин или нет, надо ли позволять людям убивать друг друга или не надо.

Таким образом, идеологическая структура группы обычно строится на глубинных (более фундаментальных) знаниях (вере), которые, конечно же, могут влиять на другие, более специфические знания (верования) членов группы. Так, расистская идеология строится на базовом знании о том, что человечество делится на расы, и убеждении, что превосходство имеет белая раса. ***Суммируя вышесказанное, я определяю идеологии как системы базовых знаний (верований), которые лежат в основе всех видов социального познания групп.***

Это определение в принципе отличается от тех, которые предлагают политология и другие социальные науки. Важно, однако, что оно стимулирует психологические исследования, указывая тем самым на необходимость ***дальнейшего анализа идеологии в терминах когнитивистики***: что собой эти "базовые верования" представляют? какова их структура? как они контролируют другие знания (верования) членов группы? В рамках данной статьи еще более важен вопрос: как эти базовые идеологические знания (верования) контролируют социальные действия в общем и вербальном взаимодействии людей и, в частности, в дискурсе и речи?

Осмысление этих проблем явно запаздывает. Недостаточно изучены структура и роль системы знаний, но еще меньше мы знаем о том, какова структура социальных мнений и отношений и как они функционируют (в когнитивном плане), не говоря уже о природе и структуре базовых идеологических знаний (верований), представляющих когнитивные системы, общие для всех членов группы. Нас не может удовлетворить уровень знаний современной психологии, социологии и лингвистики о том, каким образом формируется (структурируется) "социальный интеллект" членов группы. Детальное лингвистическое и дискурсное исследование могло бы пролить свет на механизм формирования социальных и когнитивных систем. Но для этого необходим методологический инструментарий. В этой связи представляется целесообразным рассматривать ***идеологию и ее***

структуру в качестве "групповой схемы" (schema). В ее основании – базисные категории, благодаря которым верования выстраиваются в систему, идентифицирующую группу: цели, нормы и ценности, критерии членства, модели поведения и отношение к другим группам. Базовые верования, организованные в такие схемы, управляют социальной деятельностью группы и ее членов и их социальными интерпретациями. С помощью "групповых схем" мы получаем ответ на фундаментальные вопросы: кто мы? что мы делаем? почему мы это делаем? как мы это делаем? и т. д.

Важно учитывать то, что "схемы" идентификации групп *не являются* идеологическими в рамках одной и той же культуры. Они приобретают идеологический характер для "внешнего" социума, иначе говоря, с позиции иной культуры или в более позднем историческом контексте. Верования, признанные всеми в данной культурной среде, не проводят границы между различными группами, а значит, не являются объектами идеологического конфликта или борьбы.

2.1.4. Идеология и язык

Если под идеологией понимать базовые верования групп, то встает вопрос принципиальной важности: как эти верования реализуются в языке и влияют на языковое функционирование?

Общим местом во взаимоотношении "язык – идеология" является то, что все верования, в том числе и идеологические, формулируются средствами естественного языка. (Здесь мы не будем брать в расчет то, что гипотетически могут быть "мыслимые", но вербально не выраженные "верования" – это имеет отношение к более общей проблеме взаимоотношения между языком и сознанием). Приняв исходное положение о том, что идеологии – это то, чему обучают, причем обучают эксплицитно (открыто), нам ничего не остается как признать то, что идеологические верования *должны* иметь выражение в каком-то языке или семиотической системе.

Если же данный принцип вербализации (языкового выражения) верен, то следует признать, что *идеологические пропозиции могут конституировать значение фраз, предложений или дискурса естественных языков.* Так как идеологии в целом носят абстрактный характер, а значит, свободны от контекста, то и предложения, которые идеология "формулирует", в целом будут общими, порождающими и безусловными (свободными от контекста), как в случае "мужчины и женщины созданы равными".

Опуская детали конкретного психологического процесса языкового порождения, мы вправе утверждать, что члены группы (и особенно идеологи), формируя групповую идеологию, выбирают прагматически значимые и подходящие пропозиции и используют их в качестве семантической репрезентации предложений дискурса.

Иной тип взаимоотношений между идеологией и языком наблюдается в случае верований (знаний, мнений) более "низкого" уровня (частных, ситуативных). Если базовые идеологические установки часто остаются имплицитными или эксплицитно известны только идеологам, рядовые члены группы могут достаточно хорошо ориентироваться в конкретных вопросах, как то: отношение к иммиграции (открывать двери нелегальной иммиграции или нет) или социальным льготам (должны ли женщины и этнические меньшинства иметь преимущества). Подобные мнения могут быть непосредственно выражены в дискурсе (особенно в аргументативном) и будут иметь общую порождающую структуру, в которой получают отражение группы и их характеристики. Однако выбор пропозиций таких идеологически связанных отношений (аттитюдов) ограничен прагматически и контекстуально: члены группы не станут излагать свои идеологические мнения в любой ситуации и перед любой аудиторией как априорные истины, а только в процессе обучения идеологии или пропагандистской работы и среди представителей определенных социальных групп.

2.1.5. Ментальные модели

Третий случай взаимоотношений "язык – идеология" связан с *особыми* верованиями. Это могут быть мнения о конкретных лицах, эпизодах, событиях, действиях или обстоятельствах (скажем, не об иммиграции в целом, а о конкретной группе беженцев, которые *именно сейчас* прибывают в страну, или же о конкретном случае гендерной дискриминации). Говоря языком когнитивистики, такие репрезентации конкретных верований принимают форму *ментальных моделей* (Johnson-Laird, 1983; Van Dijk, 1983; Van Oostendorp, 1999). Они не только конкретны, но и личностны. В личный опыт неизбежно "вмонтированы" ценности культуры. Иначе говоря, ментальные модели имеют культурологические ограничения. Их конкретные пропозиции формируют исходную информацию достаточно свободно, но не выходят за рамки порождающей системы (предложения приобретают зна-

чения в рамках конкретных событий, например, в рассказах о себе или в новостных либо редакционных материалах).

В связи с тем, что дискурс или вербальное взаимодействие сами по себе являются социальной практикой, идеологически укорененные верования могут влиять на контекст, ибо контексты сами являются ментальными моделями (*Van Dijk, 1999*). Такие идеологически зависимые контекстные модели могут, в свою очередь, контролировать порождение речевых актов и определять стратегии общения. В то время как ментальные модели событий, действий или людей, о которых говорят, позволяют нам выйти на уровень конкретных личностных мнений, то эти контекстные модели будут дополнительно контролировать то, *как* формулировать подобные мнения. Иными словами, ментальные модели обеспечивают два значимых (определяющих) интерфейса в отношениях "идеология – язык". Во-первых, они устанавливают связь между общим и специфичным (конкретным), между социальным и личностным, а значит, между группой и индивидами. Во-вторых, ментальные модели (определяющие контексты) диктуют отношения между языковыми структурами и социальными ситуациями, между пользователями языка и языковым использованием.

Это, в частности, указывает на взаимосвязь между общим и абстрактным, т. е. идеологией группы и конкретными социальными практиками – дискурсиями. Иными словами, теория вербализации идеологии (включающая семантику формулирования и лингвистику выражения мысли) не предполагает множество форм идеологического дискурса (как, например, дискурса о конкретных событиях). В этом случае идеологические пропозиции нуждаются, во-первых, в преобразовании в модель конкретного события (как то: личное мнение говорящего как представителя группы), а уже затем – в адаптации к конкретной контекстной модели, которая регулирует вербальное общение.

2.1.6. Вербализация идеологии

Теперь мы в состоянии сформулировать в адекватных терминах основные когнитивные и социальные ограничения речевой практики идеологов.

Семантика. Выше отмечались наиболее очевидные проявления вербализации, в частности случаи, когда (исходные) предложения прямо выражают общие положения идеологии или групповых аттитю-

дов, контролируемых идеологией. Мы убедились в том, что контекстуальные ограничения в этом случае сужают высказывание до уровня дидактического дискурса или пропаганды или же превращают его в элемент аргументативного дискурса, в котором пропагандируемое подвергается реципиентом сомнению. Иначе говоря, в своем каждодневном дискурсе у пользователей языка, представляющих определенные группы, нет необходимости выразить свое идеологическое мнение другим членам группы просто потому, что оно разделяется членами группы и является само собой разумеющимся. Более плодотворно обсуждение случаев применения идеологических принципов к другим ситуациям, группам, задачам или новым типам ситуаций. В дискурсе между членами группы логично использование пропозиций среднего звена, выражающих конкретные социальные аттитюды.

Психолингвистические механизмы, лежащие в основе порождения таких (аттитюдных) пропозиций (и это мы также отметили выше), не вызывают проблем. Они мало чем отличаются от того, как происходит отбор общего знания и как оно воплощается в текстах и устной речи: это, главным образом, независимые от контекста, общие (родовые) предложения, характеризующие группу или внутригрупповые взаимоотношения в самом общем виде.

Все эти случаи вербализации идеологии имеют прямое отношение к семантике референта (предметно-ориентированной семантике), т. е. определяются в терминах (общих) характеристик того, *о чем и о ком* идет речь. Семантика – это также выражение ангажированных ментальных моделей, таких, например, как рассказы или новостные материалы о конкретных событиях. В этом случае мы имеем дело с пропозициями, в которых выражено личное отношение (мнение) о любом из аспектов события, представленное в ментальной модели: о людях, их характерных чертах или взаимоотношениях, их действиях, а также о предметах или обстоятельствах.

Не только с когнитивной или социальной позиции, но также и с лингвистической точки зрения мы вправе задать вопрос о том, *любое* ли мнение нам подойдет и, в этой связи, нет ли ограничений на семантическое выражение идеологии. Мы уже видели, что идеологии – это произвольные верования. Они должны разделяться в обществе и быть организованы вокруг схем, которые идентифицируют группу и ее взаимоотношения с другими группами. Это также касается всех тех пропозиций, которые порождены идеологией или находятся под ее

контролем, а также тех конкретных мнений в персональных ментальных моделях, которые порождены частным опытом. Например, мы можем ожидать, что мнения в идеологическом дискурсе подразумевают – иногда имплицитно – поляризацию людей на "мы" и "они", акцентируют внимание на том, что у нас хорошо, а у них плохо, очерчивают круг "своих", высвечивают наши цели, нормы, ценности или ресурсы власти, которыми группа располагает.

Исходя из того, что идеологический дискурс – это изначально групповой дискурс, фокус семантического внимания неизбежно смещается на характеристики групп, находящихся в идеологическом конфликте. Это означает, что языковые пользователи, являющиеся членами группы, в случаях актуализации идеологического содержания (в процессе обучения, привлечения новых членов или пропагандистского воздействия) склонны фокусировать внимание на пропозициях, преувеличивающих различие между группами, равно как и на пропозициях, в которых обнаруживаются типичные категории групповых схем (критерии членства, типовые действия, цели, нормы, ресурсы и пр.)

Так, расистский дискурс преувеличивает различия во внешности или культуре "своих" и "чужих" и постоянно объясняет и устанавливает границы, кто включен в понятие "мы", а кто нет (в данном регионе, стране, городе или в его окрестностях). Он сравнивает также "их" нормы и ценности с "нашими" в выгодном для "нас" свете, он "волнуется" только о "наших" ресурсах (территории, доходе, жилье, рабочих местах, культуре и пр.). А еще дальше внимание сосредоточится на том, что же "они" делают не так, а "мы" так, и как "нашим" интересам угрожают "чужие".

Мы видим, что идеологически ориентированная семантика далеко не случайна. Контроль осуществляется как в семантическом плане – нашими собственными групповыми схемами (нашими верованиями), так и прагматически – с помощью групповых схем, которые мы внедряем в умы новичков или используем для воздействия на других членов группы. Таким образом, любая пропозиция, привлекающая общие пропозиции, которые, в свою очередь, являются пропозициями идеологических схем или могут быть извлечены из таких схем, является предпочтительной пропозицией в производстве идеологического дискурса. Отсюда следует, что темы (являясь пропозициями) управляют макроструктурами и порождают имплицитные пропозиции, которые они обычно подразумевают, но не утверждают и т. д.

Говоря языком прагматики, если контекст дискурса реализует идеологическую функцию (его назначение – обучение идеологии, ее пропаганда), то можно ожидать, что и в целом и в отдельных случаях все пропозиции семантической репрезентации ориентированы на формирование ключевых пропозиций идеологии.

Семантика обладает большим количеством специальных (часто риторических) шагов и стратегий, которые позволяют пользователям языка использовать антиномии и гиперболы, употреблять эксплицитное значение против имплицитного для описания "наших" действий позитивно, а "их" – негативно. Это относится к такому явлению, как топикализация той же поляризованной репрезентации, которая либо акцентирует детали, либо уходит от них, предлагая рассуждение о том, чем "мы" хороши, а "они" плохи. Иными словами, в зависимости от контекста семантические структуры идеологического дискурса могут быть функцией *структур* идеологий (более подробно семантический идеологический анализ и примеры представлены в кн.: *Van Dijk, 1995*).

Лингвистическая форма. Если мы принимаем в качестве исходной посылки, что идеологии и их пропозиции могут быть непосредственно или опосредованно (через особые модели) представлены как семантическая репрезентация идеологического дискурса, то и семантический анализ идеологического дискурса представляется нам очевидным и простым. Однако такая семантическая теория порождения идеологического дискурса нуждается, по всей вероятности, в подробном описании в терминах актуальных шаговых действий (см. также: *Levelt, 1989; Van Dijk, 1983*).

Мы предлагаем интегративную контекстуальную теорию ментальных моделей, которая позволяет нам решить, что из идеологических пропозиций или аттитюдов следует включать в семантическую репрезентацию (и объясняет, как пользователи языка это делают). Иначе говоря, недостаточно лишь предсказать или объяснить, какой вид пропозиций может быть включен в идеологический дискурс, необходимо также вербально выразить (*spell out*), какие из этих пропозиций (в каждом конкретном случае) *действительно* выбираются, а какие остаются имплицитными, в соответствии с условиями, определенной контекстной моделью (например, реципиент уже *верит* Н., говорящий знает, что реципиент находит его/ее заслуживающим доверия и т. д.).

Другими словами, на первом этапе своего развития лингвистическая теория идеологии еще находится в сетях когнитивистики и сфокусирована на отношения между социальными репрезентациями и ментальными моделями, с одной стороны, и семантическими репрезентациями – с другой. Что же касается собственно лингвистического подхода, для него характерна проработка проблемы возможного воздействия идеологий на лингвистическую *форму*. Мы уже затронули излюбленные в критической лингвистике примеры с так называемыми переменными, случаи использования в идеологических целях активно\пассивного залога, номинации (номинализации) или местоимений. Интересно, однако, рассмотреть, каковы исходные ограничения, лежащие в основе "ангажированных" вербальных выражений. Установив эти ограничения, мы сможем использовать наши знания на любом уровне, будь то фонологический, морфологический, синтаксический, лексический, а также при анализе различных форм невербального выражения (образа, фотографии, жеста, выражения лица и т. д.), лежащего в основе содержания (также: *Kress, 1990*).

В этой связи вернемся к знакомым примерам идеологически ангажированных языковых форм и рассмотрим их. Употребление активного\пассивного залога, номинализация, варианты местоимений – все связано с действующим лицом (актером) и описанием действия, точнее, с атрибутивными характеристиками ответственности. Употребление различных синтаксических форм во всех случаях служит для усиления или ослабления (*de-emphasize*), для фокусировки или затушевывания (*unfocus*) агента. Так, при номинализации фокусировка происходит на самом действии (акте), в то время как агент остается в тени (имплицитен). В пассивном залоге позиция агента может быть ослаблена, если к агенту обращаются, используя только неакцентированный обстоятельственный оборот ("by X" вместо возможного обращения с использованием номинативного оборота с грамматической функцией подлежащего), или, же сохраняется имплицитность пассива в отсутствие агента. Причем к агентам могут эксплицитно обращаться, используя всевозможные характеристики, а также указательные и личные местоимения. При этом реализуется не только функция когнитивной доступности в качестве дискурсного референта, но и функция идеологического акцента (*ideological emphasis*) на позитивные или негативные стороны действующего лица (актера) (см. также: *Van Leeuwen, 1995, 1996*).

Иными словами, степень формальной свободы и вариативности, которую допускают языковая система и контекст, может получить дальнейшее развитие благодаря идеологическим ограничениям, налагаемым на высказывание. Впрочем, здесь может быть и обратная зависимость. В случае, когда лингвистическая система не допускает формальной вариативности способов выражения, лежащих в основе пропозиций или прагматических функций, тогда очевидно, что подобные выражения не могут быть идеологическими, т. е. использоваться членами различных идеологических групп в тех или иных ситуациях.

Можно сделать предположение, что изначальные ограничения, лежащие в основе идеологических манипуляций лингвистической формой, характеризуются определенной двойственностью. Во-первых, предполагается наличие формального прототипа (аналога) семантической структуры, т. е. перевод, к примеру, агента и его включение в действие в рамках синтаксической структуры (что встречается в различных номинативных или предложных конструкциях, играющих роль подлежащего или других членов предложения, в начальных или конечных позициях). Другими словами, существует много способов формального "выражения" агента, и это разнообразие может быть идеологически ангажировано. Во-вторых, с помощью комбинации лексических единиц и синтаксических структур в лингвистические формы вкодировано не только конкретное семантическое "содержание", но также и семантическая структура.

Итак, значения и их аспекты могут быть акцентированы или устранимы, их можно сделать полярными (противопоставить) или ассимилировать и т. д. Многие свойства (модели) социальных событий, социальных актеров и их действий могут быть непосредственно закодированы в поверхностных структурных формах. Таким образом, завышенные оценки "наших" могут быть выражены (signalled) с помощью порядка слов и предложений, как то: топикализация, повтор, ударение, интонация и пр. Для формальной репрезентации "других" может соответствовать обратная закономерность. Приоритетные и фоновые семантические структуры, а также когнитивная оценка "нас" и "их" может, таким образом, найти косвенное формальное выражение в сигналах разнообразных поверхностных структур.

Нет необходимости напоминать, что подобные выражения не имеют единых интерпретаций, а являются контекстуально разнообразными и полифункциональными. Обычно они работают в тандеме с

семантической репрезентацией. Это, однако, совсем не так в случае, когда в подобные формы закодированы контекстные характеристики, как, например, свойства участников, окружения, действия или верования, которые значимы для коммуникативной ситуации. Иными словами, говорящие могут быть невежливы по отношению к реципиентам, используя особые языковые выражения (или интонацию), и тем самым непосредственно выражать идеологически маркированные верования (например, демонстрация отсутствия уважения мужчин к женщинам, белых к черным и т. д.). Иначе говоря, лингвистическая форма является *совместным* результатом кодирования семантических и прагматических "значений", и в обоих случаях идеологические ограничения, распространяемые на ментальные модели, могут со временем переходить в поверхностные формы, что свидетельствует о существовании таких изначальных структур, как межгрупповая поляризация, внутригрупповые предпочтения или унижение тех, кто не принадлежит группе.

2.1.7. Итоги

Когда исследованы основополагающие функции языка и характер отношений языка к когнитивным и социальным структурам, мы можем подойти к лингвистическому исследованию идеологии более системно. Если мы знаем, как идеологии репрезентируются, например в качестве групповых само-схем и определенных категорий (*as group self-schemata and specific categories*), то можно изучить, как эти пропозиции и структуры влияют на ментальные модели и как элементы ментальных моделей вписываются в семантические репрезентации и, в итоге, частично кодируются в различных типах поверхностной структуры. Когда известна природа пропозиционного, изначально свободного от контекста "содержания" идеологий, которое можно было бы переносить на *любой* контекст, семантический компонент лингвистической теории идеологии играет центральную роль. Действительно, очень мало дискурсных свойств может передать идеологическое содержание (кроме идеологий, определяющих взаимодействие участников *различных групп*), однако очень богатая система формальных вариаций может использоваться для "настройки" идеологических пропозиций на современный контекст и для выражения семантических структур, которые не нуждаются в эксплицитной интерпретации (такие, например, как агент, ответственность, превосходство и групповая поля-

ризация), но в то же время обладают очень важными идеологическими импликациями.

Мы только начали составлять карту различных свойств формального выражения идеологий. Именно разработка более рафинированной и лучше обоснованной лингвистической теории идеологии должна стать общей задачей лингвистов и специалистов, работающих в парадигме критического дискурса.

2.2. ДИСКУРСНЫЕ ПЕРЕКОДИРОВКИ: ПРЕДПОСЫЛКИ И СЛЕДСТВИЯ

Возникновение языка и его дальнейшую динамику обуславливают два наиболее общих фактора:

- 1) неоднородность и изменчивость мира – онтологической среды (или ниши);
- 2) неоднородность и изменчивость общества – социальной среды (или ниши).

Социальная и онтологическая среда intersubъективных взаимодействий с помощью языка составляет ядро понятия *дискурса*. Это понятие возникло в рамках *структурной методологии* (а именно – французского структурализма), где оно трактовалось как комбинация, "посредством реализации которых говорящий использует код языка" (*Структурализм*, 1975, 453). При анализе художественных текстов под дискурсом понимались все типы дополнительной информации, которая накладывается на основное повествование, например, фасцинативная, эмотивная, дидактическая и др.

В связи с разработкой *прагматической доктрины* (или парадигмы, как считает Ю. Степанов), которая охватила гуманитарные науки в 70–90-е гг. XX в., понятие дискурса начинает переосмысливаться: оно становится более широким, выходит за пределы имманентной структуры языка и имманентной структуры текста. Дискурс понимается уже как совокупность естественных факторов, которые сопровождают актуализацию той или иной знаковой системы, той или иной знаковой единицы, причем сопровождают таким образом, что модифицируют ее строение и ее функции. Известный польский специалист С. Грабяс определяет дискурс как "цепочку языковых действий, характер которых зависит от того, кто говорит, кому, в какой ситуации и с какой целью. Так, понимаемый дискурс представляет со-

бой вид социального взаимодействия, которое осуществляется с помощью языка" (*Grabias, 1997, 264–265*).

Общее направление эволюции языковой среды (онтологической и социальной) – **усложнение и дифференциация**. Во-первых, это связано со специализацией деятельности и все усиливающейся **партикуляризацией** функций и компетенций ее участников. Во-вторых, происходит процесс активного воздействия человека на среду, **создание артефактов**, их взаимодействие с фактами, в результате чего мир уже не тождественен экологической нише – он гуманизируется, "удваивается", включая и составляющую, которая порождена человеческим духом. Известно утверждение А. Вежбицкой, что язык – это окно в мир. Но язык – это и **часть мира**. Как указывает Т. Дридзе, «из самого социального характера "среды обитания" человека вытекает тот [...] факт, что продукты знаковой деятельности человека в процессе общения в виде изолированных знаков (символов) и текстов различного характера становятся полноправной частью указанной среды» (*Дридзе, 1980, 119*). Поэтому классические постулаты этнолингвистики в духе Э. Сепира требуют сегодня существенных уточнений.

В эволюции языка прослеживаются две полярные тенденции (на что указывал еще А. Пешковский):

- 1) тенденция к дифференциации (варьированию) и
- 2) тенденция к кодификации (в частности – креолизации).

Первая тенденция противодействует второй – препятствует разрушению целостности языкового сообщества в условиях всевозрастающей **энтропии** среды. Наше внимание будет сконцентрировано на том, как проявляется первая тенденция, как под влиянием дискурсных факторов варьируется актуализация одного и того же этнического языка или осуществляется переход от одного языка к другому.

В современной лингвистике распространено убеждение о том, что области языка и речи не конгруэнтны: не все, что есть в языке, отражается в речи, и не все, что есть в речи, запрограммировано в языковой системе. Одной из причин этого несовпадения **является варьирование** самого языка: он не только принадлежит народу как универсальное средство intersubъективного информационного обмена, а также фактор национального сознания, но и относится к разным по объему коалициям субъектов и даже (в меньшей степени) к отдельным индивидам. Речь конкретного говорящего обусловлена параметрами дискурса, поэтому она всегда соотносится не только с так называемым

общенародным языком, но и с теми социальными и индивидуальными вариантами, которыми субъект владеет.

Несмотря на то, что факт варьирования языка очевиден, нельзя не согласиться с Р. Бартом, что «социальное расслоение языка, хотя и признается, но на практике преуменьшается, сводится к различию "манер" выражения (арго, жаргон, смешанные языки). [...] Всякие разновидности языка воспринимаются как его промежуточные, неустойчивые, "забавные" состояния, как какие-то экзотические причуды его социального бытования» (Барт 1989, 520).

Одним из первых, кто не только признавал естественный характер варьирования языка, но и рассматривал его как частичное проявление билингвизма, был Р. Якобсон (Якобсон, 1985, 313).

Кодовое переключение, т. е. переход от одного варианта этнического языка к другому в сознании и речевом поведении монолингва или же переход от одного этнического языка к другому в сознании и речевом поведении билингва, исследовалось в социолингвистике (Белл, 1980, 141).

Особый интерес вызывают такие факты варьирования языка, где может быть определена (более-менее очевидна, хотя и не всегда осознаваема участниками речевого акта) дискурсивная мотивировка, т. е. динамика речевого поведения обусловлена коммуникативными условиями и тем видом взаимодействия, в которое, по терминологии Р. Барта, ангажирован речевой акт. Покажем это на примере рассказа А. Аверченко "Русское искусство". Русская актриса, оказавшись после революции 1917 г. в эмиграции, работает служанкой в доме барона. Встретив на улице Константинополя старого знакомого (от лица которого и ведется повествование), она предается сентиментальным воспоминаниям: *"Слушайте, простодушный! Очень хочется вас видеть. Ведь вы – мой старый милый Петербург! Приходите чайку попить"*. И вот герой появляется в доме барона:

– Что угодно?

– Анна Николаевна здесь живет?

– Какая?

– Русская. Беженка.

– Ах, это вы к Аннушке! Аннушка! Тебя кто-то спрашивает.

Раздался стук каблучков и в переднюю впорхнула моя приятельница, в фартуке и с какой-то тряпкой в руке.

Первые ее слова были такие:

– Чего тебя, ирода, черти по парадным носят? Не мог через черный ход приттить?!

– Виноват, – растерялся я. – Вы сказали...

– Что сказала, то и сказала. Это мой кум, барыня. Я его допрежь в Петербурге знала. Иди уж на кухню, раздевайся там. Недотена!

Связь языка с деятельностью состоит не только в том, что он используется в качестве средства передачи информации для регулирования действий участников, но и, по Р. Барту, включается, ангажируется в конвенциональную деятельность. В отличие от искусственных знаковых систем, естественный язык не только конвенционален, но и индивидуален: он органически входит в сознание и деятельность (практическую или психическую) конкретного субъекта. По словам Р. Барта, "тот или иной словарь и есть не что иное, как расчленение семантической массы под действием некоторого вида труда" (Барт, 1989, 523–524). Ангажированность языка проявляется в виде "двойной кодировки текста", как ее понимал Ю. Лотман (Лотман, 1981, 4).

Понятия этнического/ангажированного языка соотносимы с понятиями лингвистики/металингвистики в их понимании М. Бахтиным: лингвистика занимается языком как системой безотносительно к ее социальной актуализации, а металингвистика должна описывать функциональные свойства языка «в его конкретности и живой целокупности», т. е. такие, которые определяются специфически-диалогическими отношениями» (Бахтин, 1976, 210 – 211).

Важнейшим фактором, который обуславливает кодовые переключения, является прагматическая функция языка – его роль как средства регуляции поведения, прежде всего – средства воздействия на коммуникативного партнера и средства оптимизации собственных психических состояний. С прагматической функцией языка связано такое широко известное явление, как экономия речевых усилий говорящего. Например, прагматика речи лежит в основе роста номинаций, который характеризует развитие каждого социума и каждой культуры. Типографский термин *шрифт* можно было, в принципе, заменить выражением *комплект литер, необходимых для набора какого-нибудь текста*. С семантической точки зрения существительное и соответствующая ему развернутая дескрипция идентичны, но с прагматической точки зрения они существенно различаются: во-первых, своей оптимальностью – лексическая номинация более экономна,

удобна по сравнению с синтаксической (именно поэтому частые, регулярные номинации подвергаются лексикализации). Говорящий заинтересован не только в понятности и эффективности сообщения, но и в минимальных затратах на его производство. Во-вторых, лексическая номинация слабее испытывает влияние внутренней формы и, таким образом, более свободна в реализации своей семантики, что и обуславливает явление многозначности. Так, существительное *шрифт* дополнительно (а, например, при компьютерном наборе исключительно) употребляется как эквивалент дескрипции *графическая форма букв при письме, характер рисунка написанных букв*.

В динамичном, постоянно изменяющемся мире слово выступает не как знак с жестко детерминированным отношением к обозначаемому, но как знак, которому соответствует некоторое прототипическое содержание, а также некоторый прагматический алгоритм, программирующий его актуализацию в дискурсе. Разного рода прагматические ссылки, имеющиеся в содержании лексических номинаций, облегчают речевую деятельность, участники которой, как правило, присутствуют в дискурсе.

В свое время Е. Поливанов выдвинул идею, согласно которой в основе диахронических процессов в языке лежит принцип экономии ("лень человеческая"). Этот же принцип может быть положен в основу варьирования и специализации языка. Появление дискурсных форм этнического языка объясняется стремлением к упрощению текста, т. е. к экономии речевых усилий на уровне синтагматики. Такая экономия, правда, не проходит даром – синтагматическая компрессия текста оборачивается появлением новых субкодов – социальных или индивидуальных диалектов. Основным принцип кодового переключения (перекодировки) заключается в выборе такого кода, который в условиях конкретного дискурса (речевого взаимодействия) является максимально экономным (оптимальным).

Сказанное не всегда относится к перекодировкам в речевой деятельности билингва. Здесь переход от одного языка к другому может регулироваться иными, нежели принцип оптимальности, соображениями. Так, роман В. Набокова "Лолита" первоначально был написан по-английски. Автор признавался, что в работе над русской версией постоянно возникали серьезные языковые трудности, особенно во второй части, где много американских реалий. По мнению В. Набокова, русская версия романа получилась более громоздкой,

менее соответствующей замыслу.

В художественной трансляторике перекодировка нередко, а может быть, и всегда, связана с отступлением от принципа оптимальности – переход от одного плана выражения к другому неминуемо связан с модификацией, а именно – потерей какой-то части смысла. Переводчик стихов обречен на конфликт с исходным содержанием. Как не вспомнить в связи с этим рефрен А. Тарковского из стихотворения "Переводчик": *"Ах, восточные переводы... Как болит от вас голова..."*

Оптимизационные ресурсы языка возрастают вместе с увеличением степени его ангажированности, по мере того как круг коммуникантов, использующих тот или иной социолект, сужается. Если передача информации в рамках целого этноса (например, официальные правительственные сообщения в прессе) строго регулируется структурой языка, то при общении в небольших группах, а также при монологическом общении ("разговор" с самим собой) значительную роль при организации сообщения играют внешние по отношению к языку дискурсные факторы.

Градация степени ангажированности языка в цепочке *литературная норма – социолект – идиолект* связана не только с количественными, но и с качественными изменениями: если переход от нормы к социолекту осуществляется в рамках социальной коммуникации, то переход к идиолекту означает выход за рамки социальной коммуникации. Именно такую точку зрения и поддерживает Е. Кубрякова: "Поскольку содержание в таком случае неконвенционально, о языковом знаке как таковом здесь говорить не приходится" (*Человеческий*, 1991, 29).

С нашей точки зрения, на всех трех уровнях специализации языка (нулевом, или этническом, среднем и максимальном, или индивидуальном) наблюдается баланс двух факторов речевого поведения: заложенной в языке инвариантной структуры сообщения и среды. Социальная среда (а вместе с ней и знаковость сообщения) не исчезает на уровне идиолекта, потому что коммуникация – это лишь частный случай диалогичности, которая может быть реализована не только во внешней, но и во внутренней речи. Ученые школы Л. Выготского показали, что мышление имеет диалогический характер, оно протекает в форме внутренней речи и имеет социальный генезис: "Эгоцентрическая речь [...] возникает на основе социальной путем перенесения ребенком социальных форм поведения, форм коллективного сотрудни-

чества в сферу личных психических отношений" (*Выготский*, 1982, 56; см. также: *Библер*, 1975, 372).

Следует отметить, что Л. Выготский понимал внутреннюю речь как один из уровней перекодировки: "Внутреннюю речь следует рассматривать не как речь минус звук, а как совершенно особую и своеобразную по строению и способу функционирования речевую функцию, которая именно благодаря тому, что она организована совершенно иначе, чем внешняя речь, находится с этой последней в неразрывном динамическом единстве переходов из одного плана в другой" (*Выготский*, 1982, 331).

Впрочем, автоматизация слова в некотором интерактивном дискурсе в определенной степени угрожает его знаковости – слово становится как бы частью ситуации, занимает фиксированное место в его ролевой структуре. Таково слово в ритуале. М. Бахтин по этому поводу писал: "Если мы ничего не ждем от слова, если мы заранее знаем все, что оно может сказать, оно выходит из диалога и овеществляется" (*Бахтин*, 1979а, 301).

Динамические отношения между разными уровнями специализации языка не получают в литературе однозначной оценки. Согласно Г. Шпету, человек говорит с собой на языке других, а индивидуальная деятельность становится фактом для субъекта только тогда, когда она принимает общезначимые формы: "Человек понимает и себя, лишь удостоверившись в том, что его понимают другие" (*Шпет*, 1927, 16). Но есть и противоположная точка зрения, высказанная, в частности, П. Успенским: "Вы можете понять других ровно настолько, насколько понимаете самих себя и только на уровне вашего собственного бытия" (*Успенский*, 1990, 442). Возможно, в этих полярных трактовках проявляется различие двух моделей этнического языка, о которых пишет Г. Нецименко – стратификационной и коммуникативной (*Нецименко*, 1999, 20 и др.). Автор исходит из предпосылки, что развитие лингвистики в первой половине XX в. проходило под знаком системного, лангвового (ср. фр. *langue* – язык в теории Соссюра) подхода к языку, что означало преимущественную ориентацию на изучение имманентных закономерностей языковой системы. Этнический язык интерпретировался как единая, монолитная, строго упорядоченная система, включающая в качестве системообразующих компонентов соответствующие "формы существования". Результатом этого подхода явилось создание стратификационной модели языка, где отдельные страты отра-

жали поступательное развитие языковой материи, проходящей через разные эволюционные состояния: от территориального диалекта до вершины языковой иерархии – литературного языка. Стратификационная модель представляла собой диахроническую проекцию развития языка на плоскость его синхронного состояния. Эту модель также можно было бы назвать литературно-центрической, поскольку литературный язык здесь занимает главенствующее положение. Он рассматривается как единственная общеязыковая функциональная доминанта, способная обслуживать весь спектр как межличностной, так и общезтнической коммуникации. Литературный язык как самая престижная форма существования этнического языка представляет собой вершину языковой эволюции.

Предлагаемая Г. Нецименко коммуникативная модель этнического языка является паролевой (фр. *parole* – *речь* в теории Соссюра), т. е. ориентированной на функционирование языковых средств в коммуникативном пространстве социума. "Это как бы взгляд на язык извне" (Нецименко, 1999, 30).

Сущность данного подхода заключается в рассмотрении строения языкового пространства через призму взаимоотношений языковой системы с другой, связанной с ней системой коммуникации. На первом этапе построения модели проводится членение коммуникативного пространства, т. е. выделение ситуаций и сфер вербального общения – таких, как общегосударственное, региональное, местное, производственное, семейно-бытовое, ритуальное общение и др. Нецименко обращает, однако, внимание на то, что строгая закреплённость того или иного социального диалекта, или идиома, за той или иной коммуникативной сферой прослеживается далеко не всегда, "особенно, если принять во внимание специфику языковой компетенции индивидуума, его индивидуальное речевое поведение, а также ряд других моментов, нередко приводящих к возникновению зон функционального пересечения форм существования языка друг с другом" (Нецименко, 1999, 34). Вводится понятие коммуникативного ареала, который представляет собой комплексную категорию, для вычленения которой существенны: специфика коммуникативных функций, характер общения, адресат и др. В отличие от коммуникативных сфер, численность коммуникативных ареалов постоянна и равняется двум: с одной стороны, это ареал высших коммуникативных функций и, с другой стороны, ареал непринужденного повседневного общения. «Применение

понятия "коммуникативный ареал", – подчеркивает Г. Нецименко, – позволяет интерпретировать коммуникативное пространство как двуединую, т. е. бинарную, структуру, в составе которой вычленяются два глобальных массива, рельефно отличающихся друг от друга в функциональном (разрядка моя. – А. К.) отношении» (Нецименко, 1999, 35). Совокупность ареалов и составляет комплексное коммуникативное пространство.

Таким образом, моделирование структуры этнического языка осуществляется не снизу, как при микроситуациях общения, а сверху – через более обобщенную коммуникативную категорию.

Членение языкового пространства предопределяется членением коммуникативного пространства. "В силу этого проекция коммуникативного континуума с его бинарной структурой на плоскость вербальной коммуникации позволяет получить бинарное членение языкового пространства, в соответствии с которым каждый коммуникативный ареал имеет свое языковое обеспечение" (Нецименко, 1999, 37). Языковое обеспечение высших коммуникативных функций отличает регулируемое речевое поведение, которое контролируется не только внешней языковой цензурой (редакторская правка, соблюдение кодификации и пр.), но и речевой самодисциплиной субъекта. "Речевое поведение, характерное для второй подсистемы (языковое обеспечение непринужденного повседневного общения), отличается ослабленным речевым самоконтролем (иногда и полным его отсутствием), повышенной экспрессией, свободным потоком сознания и т. п." (Нецименко, 1999, 39).

Организуемыми принципами коммуникативной модели этнического языка являются:

1. Несубординативный характер модели – при оценке конкретного текста или же идиомы решающее значение имеет соответствие их нормы стандарту коммуникативной ситуации.

2. Конфигурация модели – коммуникативная модель – является плоскостной, горизонтальной, состоящей из двух рядом положенных подсистем: языкового обеспечения ареала высших коммуникативных функций и языкового обеспечения ареала непринужденного повседневного общения.

3. Обе подсистемы (равнообязательность и коммуникативная взаимодополняемость подсистем этнического языка) являются равно-

обязательными, поскольку, взятые в совокупности, они обеспечивают весь комплекс коммуникативных потребностей социума.

4. Изоморфность строения подсистем этнического языка – выделяемые в составе этнического языка подсистемы основываются на тождественном организационном принципе, в соответствии с которым языковые идиомы, входящие в состав каждой подсистемы, дифференцируются на центральные и периферийные. "В центре каждой из подсистем находится ее функциональная доминанта, т. е. идиом, который по своим субстанциональным и социолингвистическим параметрам оптимально соответствует функциональному назначению данной подсистемы – служить языковым обеспечением вполне определенных ситуаций общения" (Нещипенко, 1999, 51).

5. Континуальность системы этнического языка – подсистемы этнического языка взаимодействуют друг с другом; демаркационная линия между ее центром и периферией отсутствует, что обуславливает возможность внутреннего движения в самой подсистеме.

Каковы основные предпосылки и следствия дискурсных перекодировок? Им как раз и будут посвящены следующие разделы нашей статьи.

Соотношение парадигматики и синтагматики. В детском стихотворении Б. Заходера о мудрой сове читаем: "*Чем больше слушала слова, Тем меньше говорила...*"

Парадокс? Никакого парадокса! Напротив – железная семиотическая закономерность: с ростом парадигматики, т. е. общего наличного инвентаря знаков, сокращается синтагматика, т. е. оптимальное количество знаков в сообщении. Не зря ведь говорят, что чем меньше у человека запас слов, тем больше их понадобится для выражения самой незамысловатой мысли. Если, как отмечают исследователи (Белл, 1980, 192–193, 213), креолизация языка связана с редукцией его лексической и грамматической систем, т. е. с сокращением числа элементов, необходимых для выражения некоторого языкового содержания, то для анджированного языка, напротив, характерно увеличение парадигматики (т. е. добавление к уже имеющимся элементам общенародного языка новых единиц) и вытекающее из этого сокращение синтагматики. Подобное явление мы наблюдали уже на примере лексики *шриффт*. Языковое освоение специальной предметной области обязательно сопровождается прежде всего расширением словаря, созданием терминов, которые, во-первых, фиксируют в сознании но-

сителей языка специфические понятия и явления, во-вторых, позволяют редуцировать объем сообщения. Так, высказывание А. Реформатского *"Фонемы в системе языка образуют различные оппозиции"* за счет употребления терминов *фонема, система, оппозиция* имеет меньший объем, нежели содержащее ту же мысль высказывание, в котором данные термины толкуются через "семантические примитивы": *"Минимальные единицы языка со смыслоразличительной функцией в множестве языковых элементов, находящихся в отношениях друг к другу, которые образуют единство и целостность, обладают лингвистически существенными различиями планов выражения, которые соответствуют различиям в планах содержания."*

М. Мамудян выделяет два типа языковой экономии: экономию памяти и экономию усилий на уровне реализации высказывания (Мамудян, 1985, 51). Эти тенденции в действительности имеют противоположные направления: экономя словарный запас, субъект увеличивает объем текста, а, экономя усилия на уровне текста, он вынужден увеличивать словарь. В речевой практике, видимо, существует определенный баланс этих тенденций. В частности, одним из важнейших средств экономии памяти при расширении словаря является семантическая деривация – смысловые преобразования уже существующих лексем, ср. *стакан, палец, колено, кулак, головка, ухо, зуб* и т. п. как технические термины. Другим таким средством выступает регулярность словообразовательных процессов.

Редукция синтагматики в ангажированном коде объясняется и принципом компенсации, который действует благодаря прагматической актуализации речи: общность коммуникативного контекста, функциональная и психологическая связь коммуникантов позволяют избежать чрезмерной точности выражения, что обуславливает имплицитность содержания текста, в частности, так называемый ситуативный эллипсис. Тенденция к редукции синтагматики, вероятно, наиболее сильно проявляется на уровне идиолекта – в эгоцентрической речи, где, как пишет В. Библер, «пропускаются многие логические ходы, актуальные для языка информации, необходимые в процессе общения с "чужим" человеком, но совершенно не существенные, просто не существующие в действительном – для себя – обосновании истины» (Библер, 1991, 187).

2.2.1. Объем экстенционала знака

Дискурсная ангажированность языка сопровождается сужением класса возможных денотатов знака или, как принято выражаться в современной семантике после работ Я. Хинтикки, возможных миров. Во-первых, уменьшается объем понятия, лежащего в основе значения, при конкретизации и расширении содержания понятия, что вполне объяснимо конкретностью, локализованностью и, как правило, наблюдаемостью, доступностью той предметной области, по отношению к которой употребляется ангажированный код. Во-вторых, уменьшается многозначность, а в терминологических системах (например, в медицине), как известно, она сводится к минимуму.

В ангажированном языке знак с референтной точки зрения становится более определенным, а его отношения с обозначаемым материальным предметом – более фиксированными. Не случайно применительно к высокоангажированному поэтическому дискурсу А. Белый писал о феномене поэтической магии.

Уменьшение объема экстенционала знака в ангажированном коде наиболее ярко проявляется в возникновении индивидуальной семантики, когда, например, слово в идиолекте ("мое слово", по М. Бахтину) приобретает достаточно фиксированное неконвенциональное значение, часто благодаря актуализации внутренней формы, коннотаций и прочих компонентов фонового значения.

Индивидуальность, семантическая точность слова в идиолекте изменяет природу метафоры: многие семантические окказионализмы в поэтических текстах оказываются не результатом вторичной номинации (так называемого "переноса" значения), а результатом динамики обозначаемого – переходом к одному из возможных миров (Киклевич, 1992). Таковы скорее всего сочетания *трюмо бежит, земля ноздреватая* и тому подобное у Б. Пастернака.

Напротив, в языке креольского типа при скудной парадигматике знак должен быть максимально объемным, универсальным, его интенционал должен быть таким, чтобы на грани семантического выветривания осуществлялся наибольший охват его возможных референтов.

2.2.2. Степень синтетичности и аналитичности знака

Р. Белл пишет, что креолизация языка сопровождается тенденцией к аналитичности, в частности, к использованию изолирующих структур, служебных слов при частичной или полной редукции мор-

фологии (Белл, 1980, 213–214). Таковы, к примеру, метаязыки – символические языки логики и математики, язык "семантических примитивов" в лингвистике и другие, где отдельным компонентам смысла строго соответствуют отдельные знаки. Напротив, ангажирование языка сопровождается активизацией морфологических, в частности словообразовательных, процессов, что позволяет приспособлять уже имеющийся знаковый фонд к нуждам динамической по природе номинации.

Синтетичность и аналитичность – характеристики не только уровня грамматических (аффиксальных), но и уровня лексических (корневых) морфем. Так, номинация *волосы* синтетична, поскольку в одной лексеме содержится множество семантических множителей, составляющих структуру ее лексического значения, а, например, синонимичная номинация *длинные тонкие гибкие предметы, растущие по коже и не являющиеся частью тела* (пример А. Вежбицкой) аналитична. Лексикализация как переход от аналитических к синтетическим формам номинации всегда предполагает нахождение обозначаемого предмета в фокусе внимания общества, так сказать – в сфере его жизненных интересов. Именно в этом, функциональном аспекте Б. Норман анализирует происхождение слова *кибернетика* (Норман, 1987, 80).

С ростом парадигматики возможность выражения одной и той же мысли меньшим числом словоформ увеличивается, а это означает, что тем самым увеличивается содержание понятия, лежащего в основе каждой отдельной словоформы, и степень ее лексико-семантической синтетичности (синкретичности). Варьирование синтетичности может происходить в достаточно широком диапазоне. Уже упоминались метаязыки, где количество смысловых и формальных компонентов или совпадает, или стремится к совпадению. С другой стороны, как писал

К. Леви-Строс, "можно допустить, что существуют такие языки, где миф, как он есть, может быть целиком выражен одним словом" (Леви-Строс, 1985, 33). Максимальная степень синтетичности языка достигается в характерном для эгоцентрической речи семиотическом молчании, когда весь содержательный континуум заключен в одном-единственном формально нерасчленимом суперзнаке.

И тем не менее варьирование данного признака нельзя признать произвольным. Дело в том, что чрезмерно высокая степень синтетич-

ности требует закрепления за одной морфемой слишком большого числа сем, а чрезмерно высокая степень аналитичности обуславливает слишком большой объем и усложняет структуру высказывания. Оба эти явления связаны с нежелательной перегрузкой памяти и внимания носителей языка, поэтому, варьируясь в определенных границах, степень синтетичности/аналитичности языка обычно не достигает экстремальных значений.

2.2.3. Степень мотивированности знака

План содержания и план выражения знака могут в разной степени соответствовать друг другу. Полярными вариантами таких соответствий являются знаки-иконы и знаки-символы. Понятие внутренней формы как мотивировки знака как раз и означает, что план выражения зависит от смысла. Насколько очевидна, сильна, стабильна внутренняя форма знака, зависит от баланса двух противоположных тенденций языкового развития – в сторону всевозрастающей конвенциональности или в сторону всевозрастающей эгоцентричности.

Необходимость внутренней формы знака обнаруживается всякий раз, когда носитель языка сталкивается с новым, не известным ему знаком, усвоение которого происходит через толкование его формы. Такова "ложная" этимология – адаптирование чужого слова к структуре своего языка. Напротив, для ангажированного кода, где связь между знаком и денотатом очевидна, внутренняя форма избыточна. Тем самым, по мнению А. Исаченко, преодолевается противоречие между дискретностью знака и адискретностью денотата (Исаченко, 1958, 339–40). Предел символичности знака достигается в семиотическом молчании, универсальная форма которого максимально индифферентна к передаваемому содержанию.

2.2.4. Степень когнитивности знака

"Язык так же участвует в мышлении, как и в общении, оформляя мысль или фиксируя ее для индивида", – пишет А. Леонтьев (Леонтьев, 1969, 66). Мыслительная функция языка наиболее очевидна, когда форма его существования становится все более индивидуализированной. На уровне идиолекта язык сливается с психикой, пропитывается ее когнитивностью, эмоциональностью и экспрессивностью. Надъязыковые с точки зрения конвенционального кода компоненты семантики,

например прагматические и эпистемические пресуппозиции, импликатуры общения, фреймы, становятся полноправными элементами семантики языковых знаков, несущественная для лексического значения общенародного слова энциклопедическая информация в адаптированном языке становится существенной (Киклевич, 1992, 12–14). Так, общие сведения о доме как типе постройки в языковом сознании профессионального строителя дополняются специальными знаниями, без которых успешное использование этого слова в условиях специализированной деятельности исключено. Таким образом, традиционное противопоставление энциклопедической и языковой информации не является абсолютным. Интервал между этими видами информации сокращается по мере возрастания деятельности и специализации языка.

Синкретизм языка и личности, по М. Бахтину, воплощается в "голосе" (Бахтин, 1979а, 318). Р. Барт связывал то же содержание с понятием стиля: «Под именем "стиль" возникает автономное слово, погруженное исключительно в личную, интимную мифологию автора, где рождается самый первоначальный союз слов и вещей, где однажды и навсегда складываются основные вербальные темы его существования» (Барт, 1983, 310).

2.2.5. Степень бессознательности знака

Одним из видов бессознательного выступают "неосознаваемые регуляторы способов выполнения деятельности (операциональные установки и стереотипы автоматизированного поведения), обеспечивающие направленный и устойчивый характер ее протекания" (Краткий, 1985, 32). К данному типу бессознательного следует, видимо, отнести и языковую интуицию. Степень бессознательности знака – диспозициональная величина, зависящая от степени его сложности. В частности, языковая компетенция на долексических уровнях языковой системы в основном является интуитивной. Напротив, языковая семантика, в особенности лексическая, имеет в основном осознанный характер.

Сознательность/бессознательность знака варьируется в зависимости от степени его ангажированности. Включение языка в специализированный контекст увеличивает меру автоматизированности, прогнозируемости речевого поведения, а это и обуславливает рост бессознательности языковых процессов номинации и дистрибуции. Мак-

симальное сближение языковой семантики и индивидуальной психики в идиолекте приводит к тождеству языка и личности – язык растворяется в психосемантике, и рефлексия субъекта по поводу своего языка становится возможной лишь в той мере, насколько возможно вообще самоистолкование субъекта, что, к примеру, подтверждает психоаналитический анализ З. Фрейдом феномена забывания снов (Фрейд, 1990, 202).

Полемизируя с Ф. Тютчевым, А. Белый писал: “Живая речь есть всегда музыка невыразимого”. “Мысль излеченная есть ложь”, – говорит, в свою очередь Тютчев. И он прав, если под мыслью понимает он мысль, высказываемую в ряде терминологических понятий. Но живое, изреченное слово не есть ложь. Оно выражение сокровенной сущности моей природы (Белый, 1910, 429).

Таким образом, можно сделать вывод, что дискурсные перекодировки – это типичное, широко распространенное явление речевой деятельности, регулируемое целым рядом закономерностей, которые распространяются на все наше поведение. Освоение и специализация языка в дискурсе характеризуется следующими особенностями: а) рост парадигматики и сокращение синтагматики; б) редукция объема экстенционала знака; в) увеличение степени синтетичности знака; г) увеличение степени мотивированности знака; д) возрастание когнитивности знака и е) увеличение степени бессознательности знака.

2.3. ФУНКЦИОНАЛЬНО КОММУНИКАТИВНЫЙ ПОДХОД И ПРОБЛЕМЫ СТИЛЯ

Результаты и теоретические позиции, полученные и сформулированные в ходе масштабной исследовательской работы, позволяют ответить на вопрос, как соотносятся семантические и коммуникативные потенции языковых единиц в рамках речевых единств – высказываний и текстов (микротекстов), отражающих малые и большие фрагменты реальности.

Языковая картина реальности является результатом мысленного соприкосновения с множеством предметов и процессов, ситуаций и намерений. В этом запутанном клубке, где в объективной передаче информации о перечисленном многообразии вплетаются субъективные мотивы, должны быть вычленены механизмы, обеспечивающие коммуникативную функцию языка в полном объеме. Речь идет о

функционально-коммуникативном подходе к анализу языкового отображения в рамках теоретической программы “язык в действии”. Эта перспектива связана с разработкой нового направления в лингвистике, и по пути разработки предстоит, прежде всего, решить три задачи – уточнить проблематику, выработать и ввести в научный оборот понятийно терминологический аппарат, очертить эмпирическую базу исследований.

Функционально-коммуникативная парадигма встала перед лингвистикой не случайно, ее потребовала сама динамика языковой системы. *Под динамикой понимается* изменение свойств языковых единиц в зависимости от их реализации и взаимодействия в различных контекстах коммуникации. Нет сомнений, что исходным материалом служит *текст*, именно в нем реализуется коммуникативный потенциал языка. Уточним, что необходимая информация извлекается не из одного изолированного текста и даже не из некоего набора одинаковых по функциональному типу текстов, а из “*совокупностей различных текстов*” (Павлов, 1985, 8-9).

Функционально-коммуникативный анализ языка возможен только на *текстово-типологической* основе, широта которой позволяет раскрыть потенциал системных свойств языка, выявить закономерности включения языковых единиц, форм, структур в речевые единства – высказывания и тексты. Высказывания и тексты как образования функциональной сферы языка не представляют собой равнозначные величины: если высказывание обеспечивает “микрополе для языкового функционирования”, то текст создает “макрополе для функционирования единств (единиц)” (Бондарко, 1985, 24, см. также Колианский, 1984, 29-54). Иначе говоря, “текст есть релевантная (значимая) величина, в которую функционально встраивается предложение” (*Grundfragen der Kommunikationsbefähigung*, 1985, 69). Вследствие этого *взаимодействие формы и семантики* различных классов парадигматически заданных единиц, их типов, категорий, а также их связи с формальной и семантической организацией высказываний и текстов становятся главным объектом рассмотрения *в рамках и микро- и макрополей функционирования*.

Особенно важно сформулировать факторы, под влиянием которых в различных коммуникативных контекстах-ситуациях происходит развертывание информационного (коммуникативно-прагматического) потенциала языковых единиц с актуализацией их значений (Винокур,

1972, 32–33). Среди таких факторов первостепенное значение имеет *контекст* – не столько как внешне-формальное, сколько как *семантическое объединение языковых единиц*. Ему соответствует в коммуникативном плане понятие смыслового контекста. По мнению современных исследователей, *главным признаком смыслового контекста является прагматическая нагрузка*, т. к. он открывает “дверь” в прагматику (Арутюнова, Падучева, 1985, 7).

Раскрытие всего потенциала коммуникативно-прагматических свойств языковых явлений возможно только на основе наблюдения и сравнения их актуализации в различных семантических контекстах. Прежде всего, это требует ответа на вопрос, в какой функциональный стиль интегрирован данный текст, иначе говоря, какие языковые образцы реализуются в нем. Дело в том, что текст выстраивается по модели одной из существующих в языковом употреблении форм организации информационного содержания, т. е. по модели определенного функционального стиля (Гальперин, 1981). Это мнение разделяют не только отечественные, но и немецкие исследователи, когда утверждают, что каждое высказывание отмечено “штампом принадлежности” к какому-либо функциональному стилю (Püschel, 1980, 308). Все сказанное предполагает определенную исследовательскую программу: построить матрицу формально-семантических отношений между единицами и структурными звеньями языка и отслеживать их частотные варианты (Frequenzvarianten) на базе функционально-стилистической типологии текстов.

Функциональный стиль как исходное понятие анализа отнюдь не сводится к застывшим правилам и образцам. Ему свойственна “живая” динамика, которая отчетливо проявляется в феномене варьирования. В границах функционального стиля уместаются различные жанры, индивидуальные стили, тексты и микротексты вплоть до отдельных высказываний и даже отдельных актуализаций. Поэтому правомерно утверждение о том, что каждый текст неповторим и построен по определенным законам, отвечающим соответствующему функциональному стилю (даже его определенному жанру), коммуникативному намерению и тематической основе (Домашнев, Шишкина, Гончарова, 1983, 34).

Отсюда следует важный постулат – *единство лингвистики текста и функциональной стилистики*. Их тесная взаимосвязь практически признавалась исследователями, но теоретически это не была уза-

конена. В принципе, представители лингвистики текста иногда отвергали подобную связь и придавали тексту статус полностью автономного образования, что не позволяло создать единый комплекс лингвистики текста и функциональной стилистики. Его осмысление означает подчинение понятия текст понятию язык через понятие функциональный стиль (Одинцов, 1980, 51).

При формировании текста как единого коммуникативно-смыслового образования элементы языка, образующие однородный (гомогенный) инвентарь на каждом из уровней иерархической системы языка, вступают в неоднородные (гетерогенные) отношения в информационном пространстве текста: они дополняют, усиливают, нейтрализуют, даже заменяют друг друга, иначе говоря, охватываются процессом актуализации, при которой изменяются их схемы сочетаемости – кодифицированные правила, предписанные языковой парадигматикой. Иерархия текста как единой структуры существенно отличается от иерархии системы языка именно тем, что в текстовой структуре единицы, принадлежащие различным системно-структурным уровням, выходят за собственные рамки и включаются в текстообразующие комплексы языковых средств. В новом статусе и под влиянием коммуникативных мотивов на различных стадиях процесса актуализации соединяются их новые функции и значения, полностью подчиняясь уже не статике системы, а динамике функционирующего языка. Тем самым они как бы освобождаются от обязательного соответствия иерархической организации уровней в системной статике языка (*Kommunikationsbefähigung*, 1985, 76). Но это ни в коей мере не означает, что при функционально-коммуникативном подходе можно игнорировать языковую систему: динамика функционирующего языка в любом случае так или иначе корреспондирует со статикой его структурного устройства. Каждой единице языка присуща системно-парадигматическая детерминация и она как бы “дирижирует” ее реализацию в речи. Потенции начинают разворачиваться только в коммуникативном речевом образовании – тексте, причем всякий раз под влиянием изменяющихся целей и прагматических задач текстов, их микротекстов и даже отдельных высказываний.

В аспекте функциональных единств интерес представляют уже не сами стандартные единицы – слова, формы слов, словосочетания, типы предложений и т. д., а варианты их конкретного смыслового наполнения, т. е. семантические типы, эксплицитные и имплицитные

значения, коннотации, семантические и стилистические функции, так как именно они создают динамику языка, продуцирующую **коммуникативный смысл** – главный объект анализа. Часто принято считать, что анализ должен вестись от того или иного элемента в системе языка к реализации его семантической функции: функция объекта (элемента) следует из его места в языковой системе, и поэтому функциональный метод позволяет четче определить его место в этой системе. В целом функциональный метод должен базироваться и ограничиваться системным методом (Гак, 1985, 8–9). Но нельзя подвергать сомнению и возможность противоположного направления анализа – от тексто-семантической актуализации и реализованных функций единиц языка к их системно-парадигматическому статусу. С этим вопросом связаны разногласия, суть которых заключается в том, что одна часть исследователей предпочитает в своем анализе идти от функций, а другая считает исходным пунктом анализа парадигматику, закодированные в ней формы и статусы единиц (Helbig, 1989, 262).

Нам представляется, что оба подхода не противоречат друг другу: при анализе языковых единиц различных уровней системы учитывается их роль в тексте, когда вступает в силу специфика взаимодействия единиц, их семантическое влияние друг на друга при построении текста. Поскольку текст содержит различные смысловые контексты, информационный потенциал языковых единиц реализуется неоднозначно, вариативно. Это и позволяет говорить о законе коммуникативного варьирования смысла (Стернин, 1985): компоненты значения, включенные в семантическую структуру единиц языка как их потенциальные семы, переходят в актуальные элементы значения благодаря “работе” внутритекстового механизма актуализации. Актуализация охватывает все семантические процессы, сопровождающие введение языковых единиц в речь (см.: Хованская, 1984, 221).

Без прояснения понятия “актуализации” невозможно “заглянуть” и в механизм референции, играющий ключевую роль в коммуникации. Высказывания относятся к определенной реальности – материальным или абстрактным (идеальным) объектам (Арутюнова, 1982, 5). Смысловой контекст, актуализирующий коммуникативное содержание, включает два вида референциальных отношений: 1) к объекту (ситуации) и 2) к субъекту, причем как раз во втором случае реализуется связь с прагматическим фактором. Референция “работает” на идентификацию объекта, прагматика – на достижение коммуникативного

эффекта, запланированного автором влияния содержания речи на адресата (реципиента). Сложно представить, что какое-либо высказывание не несет в себе компонента влияния на партнера по коммуникации (Колшанский, 1984, 140). Стало быть, исследование референции (референтной соотнесенности) в ее связи с прагматикой должно находиться в основном проблемном узле функционально-коммуникативного анализа языка.

В подобного рода анализе невозможно пренебрегать аспектом стилистики (наряду с аспектами синтаксиса, семантики, словообразования). Его значение обусловлено тем, что познавательная деятельность не только является предметно-регистрающей, но и постоянно сопровождается оценкой предметов, лиц, явлений, выражением чувств, т. е. обладает целенаправленным прагматическим зарядом. Язык как средство коммуникации потому и неповторим, что он обладает способностью не просто отображать реальность или передавать рационально-логическое содержание познания (*Sprachnomination*, 1977, 27), а выражает и эмоциональное состояние человека (Слюсарева, 1981, 26), благодаря чему усиливается информационное воздействие на адресата. Это отчетливо проявляется как раз благодаря стилистике, с помощью таких ее категорий и средств, как экспрессивность, оценочность, эмоциональность, метафорические фигуры, специфика композиции, варианты структурных модификаций и др. С помощью стилистических средств коммуникативный смысл текста выстраивается в более сложное целое, чем этого требует предметно-логическое содержание. Каждое слово и каждый языковой элемент модифицируются различными смысловыми оттенками, и это нескончаемое смысловое варьирование создает настоящую динамику функционирующего языка (Лосев, 1981, 410). Очевидно, что при функционально ориентированном подходе стилистическая сторона вживания языковых элементов и их значений в текст, приспособление отдельных значений к условиям конкретного коммуникативного смысла, того или иного коммуникативного намерения должно выходить на передний план (Стернин, 1985, 7).

Когда речь заходит о стилистической стороне текста, мы не вправе ограничиться традиционными методами экспрессивной стилистики или более широко – современной лингвостилистики с ее самостоятельной частью – функциональной стилистикой. Было бы нелогично оставлять без внимания все то, что появилось в последние годы в рам-

ках направления, так называемой коммуникативной стилистики, которой, в частности, уделяют достаточно большое внимание лингвисты ФРГ. Ядром их концепции служит теория речевых актов (шире – теория речевой деятельности), использующая психолингвистику, частично этнолингвистику, при регулярном обращении к социолингвистике (Wildgen, 1977), (Sandig, 1986). В частности Б. Зандиг провозглашает учет особенностей социально-национальной общности пользователей языка на основе их единой этнокультурной ориентации.

Термин коммуникативная стилистика должен, по мнению ряда авторов (особенно Б. Зандиг), подчеркивать абсолютную зависимость стилистической концепции от прагматики. А сам стиль надлежит интерпретировать как объект прагматики. Но нельзя не признать, что новые формулировки и термины коммуникативной стилистики не многое добавляют к тому, что открыла лингвостилистика. Молчаливо адаптируются старые стилистические термины – предпочтение/выбор (Wahl/Auswahl), сопутствующее значение/побочное воздействие (Nebensinn/Nebenwirkung), стилистические функции/стилевое воздействие (stilistische Funktionen/Stilwirkungen), стилистические средства (Stilmittel) и др. Это фактически устоявшаяся стилистическая терминология, и новые работы ее ничем не заменяют. Терминологический набор используется в том виде, как он канонизирован в базовых работах по немецкой лингвостилистике (Sowinski, 1973; Fleicher, 1975; Riesel, 1975).

Немецкие лингвисты помещают свою новую стилистику на фундамент теории деятельности и действий, ориентируя ее именно на языковые действия с обязательным учетом фактора интенции. Стилистика рассматривается всего лишь как аспект деятельности и в этом видится ее связь с прагматикой.

Но некоторые положения коммуникативной стилистики заслуживают более пристального внимания. Плодотворна, например, идея о том, что стиль имеет двойственную природу, так как отражает особенности языка и способы его употребления. Различия в употреблении обнаруживаются через феномен варьирования. Его представляют в виде четырехступенчатой модели: 1) степень *синтаксического* варьирования, которая не влечет за собой изменения смысла; 2) степень *семантико-прагматического* варьирования, на которой неизменным остается коммуникативное намерение; 3) степень *риторико-прагматического* варьирования, когда по настоящему реализуют себя

стилистические техники; 4) степень *внутритекстуального* варьирования по внутренне присущим правилам частот и статических закономерностей.

Интересно и положение, согласно которому текст не организуется вокруг определенной, заранее смоделированной стилистической структуры. Наоборот, свою структурную организацию и семантико-стилистическую структуру текст получает в процессе его продуцирования с меняющимися коммуникативными намерениями. В результате структура текста как бы самопроризвольно приводится в соответствие с его темой и прагматической установкой.

Трудно, однако, согласиться с тем, что стиль не является языковой категорией, а привносится извне из чисто прагматических соображений, как об этом прямо говорит Б. Зандиг: “Стиль не является лингвистической величиной” (*Sandig, 1986*). Видимо, сознавая слабость этой позиции, другие исследователи вносят существенную поправку: в языке все элементы, функции и принципы структурирования выступают носителями определенного стилистического комплекса и являются языковыми составляющими стиля. Они намеренно встраиваются в текст или высказывание, в результате чего появляется общий стиль текста.

Представляется весьма интересным постулат новой стилистики, согласно которому стиль объединяет две составляющие – типизированные и индивидуализированные черты. По существу этим ставится вопрос об отношении компетенции и перформации к стилю. Компетенции соответствует типичное (т. е. стилевая стереотипность), перформация суммирует индивидуальные особенности. В текстах наблюдаются разного рода отклонения от диктата компетенции. А в общем плане стиль формируется за счет стереотипных индексов (в использовании языковых средств) и индексов перформативных (в структурировании текста).

Учет взаимозависимости компетенции и перформации необходим для любого стилистического анализа. Было бы неверно рассматривать стиль только в аспекте перформации, текучести, постоянного ситуативного приспособления его языковой стороны. Стиль несет в себе стабильность и определенность (стиль как компетенция), ибо суммирует образцы и правила, образующие ядро стиля, но вокруг ядра возникают функциональные отклонения и индивидуальные вариации – периферийные зоны. Эти периферийные зоны могут быть исследова-

ны только через соотношение с зоной стабильности в стиле. Взаимозависимость и взаимовлияние центральной и периферийных зон является проблемным комплексом стилистических исследований, а значит и функционально-коммуникативного описания языка.

Из сказанного не означает, что критика понятия “компетенция” во всех случаях непродуктивна. Справедливые критические замечания были высказаны в ряде лингвистических публикаций немецких языковедов (Г. Хельбиг и А. Хельбиг). Их позиция не отвергает того, что стилистическая компетенция есть некий “свод правил”, реализующихся в речевом потоке избирательно, в соответствии с требованиями ситуации. Если компетенцию трактовать как существующее в сознании говорящего (продуцента речи) представление о типах ситуаций, образцах поведения, структурах знания, типовом – стилевых принципах и техниках, то она размывается и становѣтся каким-то всеобъемлющим феноменом. Подобное расширительное толкование деформирует другие понятия: язык поглощается действием, которое, в свою очередь, сводится к стилю. Такая недопустимая расплывчатость формулировок априорно делает любое исследование непродуктивным.

Языковая динамика требует также разграничения понятий стилистическое построение текста (которое связано с фактором намерения продуцента речи – говорящего) и результат построения. Это последнее представляет собой уже сформировавшееся семантико-стилистическое единство, связанное с фактором прагматики. В принципе такое различие необходимо и актуально для исследований. Однако в новой коммуникативной стилистике право разграничивать понятия как бы закрепляется за реципиентом, и реализация этого права зависит от его способности дешифровки текста и декодирования стиля, продуцент же “выводится из игры”. На деле не все так однозначно: стилистические эффекты, входящие в результат мыслительной переработки информации, соотносимы одновременно с двумя позициями – продуцента и реципиента. Иначе не достигалось бы прагматического воздействия высказывания: реципиент принимает информацию, дешифрируя для себя стилистические нюансы с помощью ключа, который заложен в нее продуцентом текста.

Можно было бы считать теоретически плодотворным и *требование новой стилистики* проводить различие между понятиями стилистическое значение предложения, стилистическое значение высказывания в ситуации, стилистический смысл. Но на практике это разгра-

ничество вряд ли возможно. При анализе предложения, конечно, не исключается возможность установления стилистических компонентов, и стилистическое значение предложения может быть определено само по себе. Но понятие стилистического смысла входит в понятие коммуникативного смысла текста, и поэтому не может быть исследовано на уровне отдельного предложения или высказывания. Здесь требуется анализ именно текста, так как только в этом случае коммуникативный смысл представляет собой релевантную категорию.

Итак, в завершение правомерно подчеркнуть, что с языковой точки зрения коммуникативная стилистика не вносит чего-то принципиально нового в теорию и практику лингвостилистики. Ее представители пытаются лишь объяснять специфические случаи употребления единиц языка, пограничные точки взаимодействия лингвистики и психолингвистики (теория речевых актов), лингвистики и социолингвистики, частично и этнолингвистики. Привлечение этих наук, безусловно, полезно, но скорее для выработки общей теории употребления языка с прагма-коммуникативной точки зрения. Фрагменты такой синтетической картины представлены во многих работах лингвистов. Стилистика как отдельный аспект разработки служит отдельным, хотя и очень важным аргументом в пользу функционально-коммуникативного подхода к исследованию языка.

2. 4. ЖАНР: СТАТИКА, ГЕНЕТИКА, КОНВЕНЦИЯ

Общество находится в постоянном движении, трансформируются и изменяются и СМИ. Еще буквально 5–10 лет тому назад представление о жанре было другим, чем в наши дни. В 70–80-е гг. процессы жанрообразования были столь медлительны, что нередко говорилось о “каменном веке” в журналистике. В настоящее время распространенным стало явление замещения одних жанров другими, появляются и новые, так называемые синтетические жанры. Современные исследования в области жанров СМИ проникнуты духом жанроведческих работ М. Бахтина. И общепринятое в 70-х гг. среди исследователей СМИ определение жанров как устойчивых, обладающих повторяющимися сущностными и структурными признаками форм отражения действительности (см. здесь 4) в наши дни далеко не единственное и не столь однозначное.

Отчего же понятие жанра вызывает пристальный интерес? Дело скорее в том, что жанр – понятие многогранное. До сих пор среди исследователей нет однозначного мнения о его природе: жанр – это форма или содержание?

Традиционно полагают, что это форма. Нам бы хотелось уточнить значение понятия *форма*, ибо оно имеет немало разночтений. Из-за того, что в обществе сосуществуют различные уровни развития духовной и интеллектуальной культуры, форма часто берется в произвольном контексте и трактуется то с широких мировоззренческих позиций, то утилитарно, в узко-прикладном смысле.

Согласно буддистской концепции, форма тождественна пустоте. Это атрибуты-близнецы, форма есть пустота, пустота есть форма (форма – пустотна, пустота – форменна), нет формы помимо пустоты, нет пустоты помимо формы (Абаев, 1991, 95). Это значит, что, говоря о форме, мы говорим о чем-то еще непосредственно с ней связанном.

В разное время выдвигались в качестве предикатов формы определенные доминанты. Маймонид, во многом развивая традиции аристотелизма, рассматривал понятия *форма* и *материя* как соотносительные. По его мнению, появление и исчезновение тел обуславливается только состоянием материи, а форма, напротив, не подвержена исчезновению, она остается. Форма, свойственная материи, подготавливает ее (материю) для обретения другой формы, и состояние материи заключается в том, что она беспрестанно стремится к тому, чтобы каждую форму, ей присущую, отвергнуть и воплотиться в другую. Гете, например, писал, что глаз видит не форму, тогда как ее образуют только совместно свет (Hell), темнота (Dunkel) и цвет (Farbe), и это дает возможность глазу отличать предмет от предмета, части предмета друг от друга.

Мы предполагаем, что лингвистическим процессам в жанрообразовании свойственны те же самые элементы, но только номинируются они соответственно по-другому. Итак, нам думается, что свет сродни вещам, темнота – содержанию, а цвет сопоставим со стилем, окраской, эмоционально-эстетическим выражением.

Очень интересной показалось нам мысль В. Кандинского о том, что “форма... есть духовное существо со свойствами, идентичными с этой формой”. Для В. Кандинского форма не схематично и плоскомерно воссозданная структура, пространственно ограниченная лишь внеш-

ними очертаниями, а сложнейшая многоуровневая духовная организация, полная метафоричности, богатства выразительных возможностей.

Далеко не все исследователи жанров рассматривают форму как категорию подвижную, изменчивую, уходящую в сферу, еще далеко не познанную. Но мы никого не хотим обвинять в упрощенчестве, ибо на всех путях возможны интересные наблюдения и открытия.

Если рассматривать категорию жанра как форму, которой присуща особая пластичность, способность менять свою структуру, то становится понятно, откуда берутся так называемые синтетические жанры, которыми столь богаты СМИ.

Современные теоретики наделяют жанр различными атрибутами, которые никак не могут быть свойственны застывшему, статичному конструкту. Вот некоторые из суждений.

Д. Мак-Куэйл, например, говорит о жанре как о практическом инструменте, который помогает СМИ не останавливать свой “производственный процесс” и соотносить их конечный продукт с ожиданиями потребителя. Жанр помогает аудитории “планировать свой выбор”, являясь механизмом, посредством которого происходят отношения между двумя основными сторонами в массовой коммуникации.

Другой английский исследователь СМИ Эндрю определяет жанр как специфичный набор формул для ожидающего потребителя, благодаря которому он получает сертифицированный продукт (Эндрю, 1984).

Анализируя вестерны, Холл (Холл, 1980) говорит о том, что жанр зависит от использования определенного кода или смысловой системы, которая определяет значения среди пользователей данного кода (как в процессе кодирования, так и декодирования) в конкретной культурологической ситуации. Холл подчеркивает, что жанр способен генерировать множество вариантов, в которых, в свою очередь, узнается первичная, оригинальная, основная форма. И в этой своей идее он близок М. Бахтину, который специально исследовал генетический аспект жанра: “В жанре всегда сохраняются неумирающие элементы архаики. Правда, эта архаика сохраняется в нем только благодаря постоянному ее обновлению, так сказать, осовремениванию. Жанр всегда тот и не тот, всегда стар и нов одновременно. Жанр возрождается и обновляется на каждом новом этапе развития литературы и в каждом индивидуальном произведении данного жанра. В этом жизнь жанра. Поэтому и архаика, сохраняющаяся в жанре, не мертвая, а вечно живая, т. е. способная обновляться архаика. Жанр живет настоящим, но всегда пом-

нит свое прошлое, свое начало. Жанр – представитель творческой памяти в процессе литературного развития. Именно поэтому жанр и способен обеспечивать единство и непрерывность этого развития (Бахтин, 1994а, 3).

Исходя из этого, можно сделать вывод о том, что жанр обладает внутренними стимулами к обновлению и синтезу. Именно поэтому Мак-Куэйл различает в жанрах функции, форму и содержание. Все вместе участвует в производстве и прочтении текстов, придает им собственную логику, формат и язык.

Говоря о процессе жанрового синтеза, необходимо обратиться к особенностям современной культурной ситуации СМИ со свойственной им сиюминутностью, смешением тем, превращением единичного в тираж, жанры становятся адекватными социальными способами фиксации субъективного опыта. Они вбирают в себя все разнообразие культурной ситуации, о которой французский философ А. Моль сказал, что случайный подбор информации в газетах и журналах будет в конечном счете более достоверным портретом культуры, чем музей современного искусства.

Очень интересен феномен возникновения целых жанровых сообществ и групп. Академик Д. Лихачев писал о том, что жанры не живут независимо друг от друга, а составляют определенную систему, которая меняется исторически. Поэтому можно заметить не только изменения в отдельных жанрах, появление новых и исчезновение старых, но и изменения в их архитектуре. Системное единство целой группы жанров может служить показателем того, что существуют определенные закономерности в жанрообразовании.

Нередко о жанре говорится не как о системе признаков художественного и журналистского произведения, а как о *type коммуникации*, которому присущи три взаимосвязанных аспекта: нормативный, генетический и конвенциональный. Норма составляет суть традиционного подхода к изучению аспектов жанра и позволяет производить классификацию произведений. Эта категория впитала в себя принципы конструирования эпохи Возрождения и концепцию чистых жанров в эстетике классицизма. Но нормативная теория жанров статична. Жанр обладает творческой памятью, которая носит генетический характер. Генетический аспект имеет своего “сиамского близнеца”: эволюционный аспект, который подразумевает непрерывность мутаций, дающих каждый раз качественно иную модификацию.

Наконец, в жанровой теории значимым становится и конвенциональный аспект. Обычно под жанровой конвенцией понимают систему установок, явных или неявных договоренностей, существующих в сознании авторов и читателей. Тот факт, что наши жанровые ожидания оправдываются в процессе чтения, как раз свидетельствует в пользу существования подобных конвенций. В свое время В. Шкловский определил жанр как конвенцию между автором и читателем, как некий договор о принципах создания и восприятия произведения.

Обилие жанровых структур и их взаимопроникновение создает предпосылки для возникновения теории жанров, в которой изменение нормы перестанет быть исключением, а будет рассматриваться как императив литературного творчества.

Речевая деятельность воплощается в коммуникативных моделях. Каждая из них представляет собой узнавание речевого поведения, происходит в рамках коммуникативной модели. Однако поведение людей отражает и общие, и индивидуальные черты. Если жанр фиксируется социумом как некий инвариант, то его структурное развитие вариантно (в рамках заданного типа). Следовательно, жанр не охватывает всего многообразия речевого поведения, и дополняет его сценарий композиционная организация текста. Чаще всего жанр и понимается в единстве жанрово-композиционного построения.

В Webster's Third New International Dictionary отмечается, что жанр есть определенный тип или категория литературной композиции.

Сегодня под жанром очень часто понимается определенная категория дискурса любого типа, письменного или устного, с/без литературной аурой/ы. Когда мы слышим, что говорят о "жанре пресс-конференции президента", "новом жанре music video" или "успехе жанра шоу-игры", мы замечаем, что этот термин охотно эксплуатируют. Жанр становится ключом к целому ряду новейших (постмодернистских) текстов. В США он ассоциируется с формальным конструированием особых текстов – написания/говoreния посредством цифр. При этом жанр понимается как способ выбора языка.

Большинство филологов на Западе придерживаются мнения о том, что жанр есть форма, традиционно принятая в качестве использования ее для постоянного воспроизведения. Легенды и поговорки не изменили своего характера за всю памятную нам историю, у них своя литературная целостность, которая противостоит социальным вариациям и техническому прогрессу (Ben-Amos). Это единство обеспечи-

вается глубокой когнитивной структурой текстов. Что действительно поддается переменам, так это, конечно, роль таких текстов в обществе: колкая политическая сатира становится безобидными детскими стишками; мистическое заклинание, предотвращающее отделение души от тела, упрощается до формального ответа на чихание "God Bless You" ("Будьте здоровы"); а поговорки больше не играют той роли в общественном воспитании, как это было ранее.

Мы, проводя сугубо лингвистическое исследование, полагаем, что здесь можно говорить о внутренней трансформации жанра, а именно, о перегруппировке коммуникативного и денотативного (референтного) видов содержания. То, что было моделью, стало денотативной основой содержания, над которой надстраивается уже иное содержание. Жанр как содержательный аспект меняется, но как форма остается прежним. Иначе говоря, речь идет о потере знаково-кортежного содержания текстов при сохранении их денотативно-сигнификативного, т. е. предметно-ориентированного, содержания. Жанр есть знак, форма особого, только ему присущего содержания – форма, несущая информацию о речевом поведении, в рамках исторически определенного социума.

Разработчики функционального подхода в литературоведении больше акцентируют внимание на социокультурной ценности жанра. Малиновский, например, говорит о том, что фольклорные жанры играют важную роль в сохранении и выживании общественных групп, так как они служат социальным и духовным нуждам (*Малиновский, 1960*). Эта точка зрения чрезвычайно важна, так как речь идет о выходе исследователя на изучение речевого поведения дискурсных групп, от которого зависит стабильность/нестабильность его содержательной характеристики.

Различия в подходах к жанрам литературоведов и лингвистов можно проследить по следующим позициям:

1) в литературоведении классификация жанров используется ограниченно скорее для архивного или типологического удобства, в то время как для лингвистов она важна для обнаружения чего-то нового (жанр как метод, см. жанровый анализ);

2) литературоведов интересует целевое назначение жанра, тогда как для лингвистов он самоценен – важны его внутренние характеристики;

3) литературоведы акцентируют обобщающие свойства жанра, в то время как лингвисты находят в нем идентифицирующее, специфич-

ческосодержание. Впрочем, последнее характерно и для литературных критиков (в отличие от литературоведов). У литературных критиков есть особые мотивы, чтобы деакцентировать стабильность в силу того, что их деятельность состоит в том, чтобы показать как тот или иной автор разбивает традиционный штамп и таким образом становится значительным и оригинальным.

Так что же такое жанр для лингвиста? Какие жанровые процессы имеют место? Мы полагаем, что жанр и есть сама речь. Вслед за Тодоровым можно говорить о процессе генерации жанра, т. е. признавать, что жанр есть живой организм и либо воспроизводит себя в каждом новом речевом процессе, либо преобразуется в новые формы. Новый жанр есть всегда трансформация одного/нескольких старых жанров через инверсию, смещение, комбинацию (Тодоров, 1976, 161). Таким образом, существует не только парадигматическая, но и синтагматическая организация жанра. Современные исследователи отбрасывают общепринятую мысль о том, что жанры – это классы текстов. "В обществе рецидив некоторых дискурсивных свойств/качеств институализируется, а индивидуальные тексты производятся и постигаются (познаются) по отношению к норме (стандарту), которая конструируется в знаковом коде. Жанр, литературный или любой другой, есть не что иное, как кодирование дискурсивных свойств" (Тодоров, 1976, 162). В силу того, что общество постоянно выбирает предмет кодирования в ходе своего развития (ситуации общения), жанровые трансформации могут иметь место благодаря как институциональным факторам (их инициаторами могут быть учреждения, законы, обычаи и т. п.), так и индивидуальной дискурсивной практике.

Ценен тем, что он носит *высвечивающий*, а не *классификационный* характер. Это "коммуникативная система для использования писателями для написания, а читателями и критиками для чтения и интерпретации" (Фаулер, 1982, 286).

Наш подход к жанрам, который непосредственно исходит из каузально-генетической теории, заключается в том, что *жанры репрезентируют социальное взаимодействие*. Иначе говоря, жанр есть знак социального взаимодействия или коммуникативная форма. Как слово и группа слов выполняют номинативную функцию, так слова, организованные во фразу, текст, являются номинацией взаимодействия. Текст есть репрезент акта – одновременно функция и деятельность. Жанр дополняет наше видение плана содержания, и именно поэтому тысячу

раз прав Хоукес, который заявляет, что "мир без жанра невообразим и невозможен для постижения" (Хоукес, 1977, 101).

Самостоятельность жанра (как деятельности и функции) позволяет говорить и о самостоятельности кортежного содержания в тексте.

Речевое взаимодействие развивается линейно, что означает, что оно всегда как бы не завершено. Подтверждением этого является мысль Шаубера и Спольски (1986) о том, что "жанры формируют открытые целостности (open-ended set)". *Это кодированные наборы событий* в рамках социальных коммуникативных процессов. Узнавание этих кодов может стать сильным подспорьем как для понимания, так и для композиционных решений.

Характерно то, что теория жанров, которую строят лингвисты, максимально широка и включает в себя не только функциональную и репрезентативную текстовую данность, но и видение текста в качестве деятельности. Например, у этнолингвиста Хаймса (Хаймс, 1974, 61) жанры часто совпадают с речевыми событиями, хотя и могут рассматриваться (абстрактно) как независимые от них. Так, проповедь как жанр идентифицируется с церковной службой, но она может найти применение и в других ситуациях. Несовпадение деятельности и жанра (например, проповедь в несерьезной/юмористической ситуации) указывает на изменение жанра (юмористический текст).

Иной трактовки придерживается Савиль-Тройке (Савиль-Тройке, 1982), но у него жанр является видом. Специфика лишь в том, что он характеризует не событие, а тип коммуникативного события. Для лингвистов принципиально важно то, каким образом лучше интерпретировать и использовать метаязык жанра, так как этот вопрос тесно связан с операционализацией конкретных жанров в лингвистическом исследовании и с выявлением общего и индивидуального в них.

2.5. ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ КОММУНИКАЦИОННЫХ ПРОЦЕССОВ И ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

2.5.1. Коммуникация: сущность и структура

К середине XX в. оформились два основных подхода к изучению

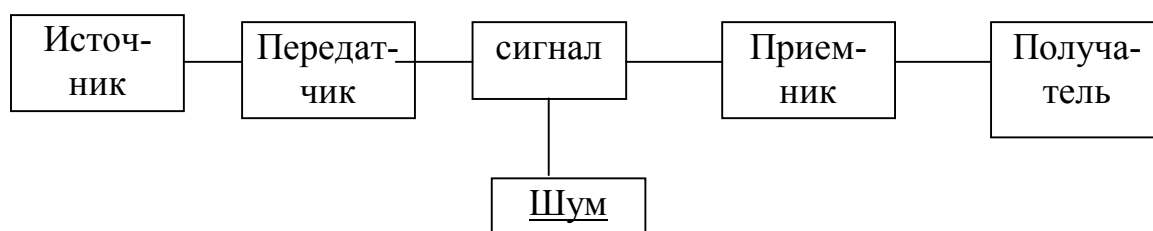
коммуникации:

1. **Деятельностный, или технологический**, рассматривает коммуникацию как процесс передачи сообщений и является объектом изучения таких наук, как социология, психология, политология. В центре внимания находятся проблемы кодирования и декодирования сообщений, разнообразные коммуникативные каналы, средства связи и пр. Коммуникация в этом случае рассматривается как процесс, целью которого являются *изменения в поведении или душевном состоянии получателя сообщения*.

2. **Когнитивный, или содержательно-интерпретативный**, рассматривает коммуникацию как процесс создания смыслов (значений) и обмен ими. Этот подход характерен для семиотики, лингвистики, культурологии. Интерес исследователей фокусируется на том, как сообщения и тексты взаимодействуют с людьми, как возникают смыслы и значения, как текст творит культуру. Основным результатом коммуникации в рамках данного подхода считается *понимание*.

В настоящее время оба подхода применяются синтетически как аспекты или инструменты единой исследовательской парадигмы.

Основы моделирования коммуникативного процесса заложены в работе Шеннона и Уивера "Математическая теория коммуникаций" (1949). Работая в лаборатории одной из крупных телефонных компаний, они вышли на создание теории, позволяющей определять возможности передачи максимального объема информации по тому или иному каналу. Одними из первых они предложили схему процесса коммуникации, претендующую на универсальность (Fiske, 1997, 22).



Авторы представили коммуникацию как линейный процесс, где *источник* принимает решение, какое сообщение должно быть послано, *передатчик* превращает его в *сигналы*, передаваемые по *каналам* к *приемнику*. Весь процесс происходит на фоне *шума*, т. е. всего того, что мешает передаче сигнала. Это может быть обычный механический шум в телефонной трубке, неудобный стул, на котором сидит человек

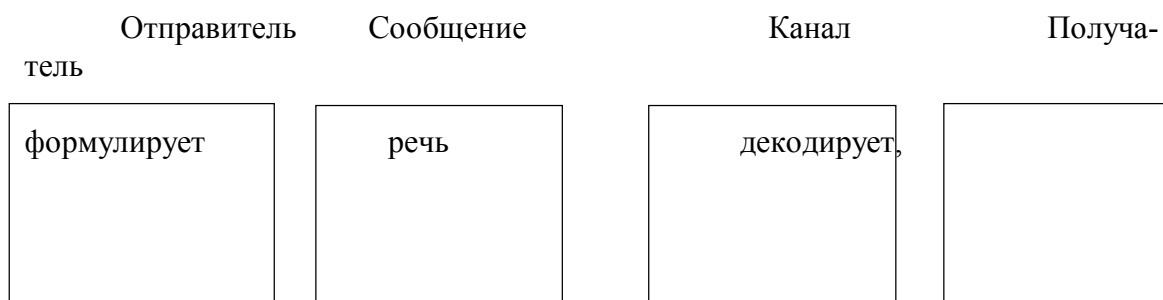
во время лекции, наконец, его собственные мысли, гораздо более интересные, чем слова лектора.

Предлагая данную модель, Шеннон и Уивер выделили три уровня исследовательских проблем:

- уровень А: точность в передаче символов (технические проблемы);
- уровень В: точность передачи смыслов через символы (семантические проблемы);
- уровень С: воздействие полученных смыслов на поведение получателя (проблемы прагматики).

Если проблемы уровня А решаются более или менее легко, проблемы уровня В легко определяются, но сравнительно трудно решаются, то проблемы уровня С – одни из самых сложных в социальном взаимодействии. Последние понимаются Шенноном и Уивером не только как манипуляция или пропаганда, но сюда включаются все виды эмоциональных, эстетических и нравственных реакций. При этом все три уровня не изолированы друг от друга, а лишь вместе дают ответ на вопрос, как сделать коммуникацию целенаправленной и эффективной.

В 40-е и 50-е гг. был предложен ряд моделей, которые уточняли и детализировали процесс коммуникации. Применительно к социальным коммуникациям наибольшую известность приобрела **модель Г.Лассуэлла**, которая описывается простой, но очень емкой формулой: *"Кто сообщает, что именно, по каким каналам, кому и с каким эффектом"*, ставшей в дальнейшем основой контент-аналитических исследований (см.: *Holsti, 19*). Схематично эту модель можно представить следующим образом:



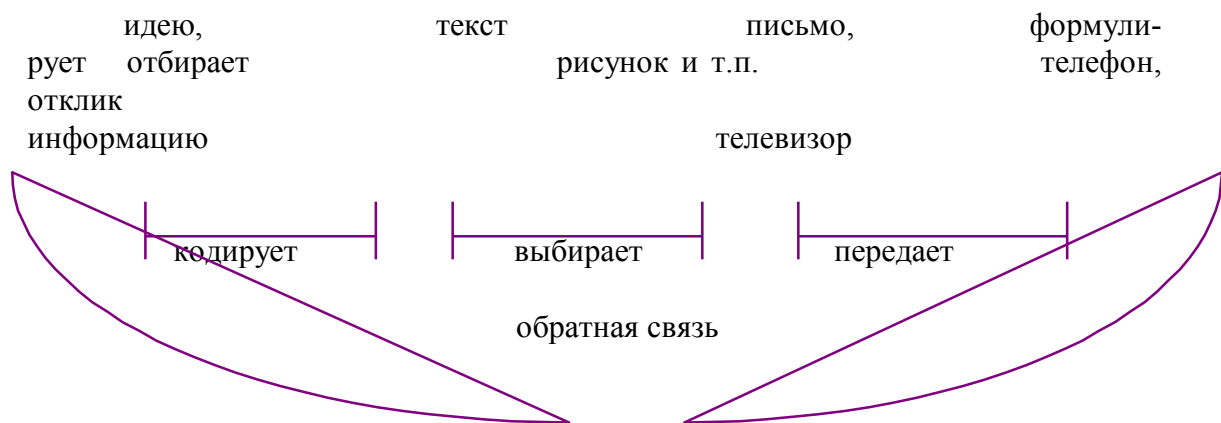


Рис.1 Модель процесса коммуникации

Мы видим, что процесс коммуникации состоит из четырех основных элементов: отправителя, сообщения, канала, получателя и осуществляется через создание сообщения, его кодирование, выбор канала, передачу по нему сообщения, декодирование и обратную связь. Таким образом, речь идет о системе, каждый элемент которой принципиально необходим для ее функционирования, а следовательно, *средство коммуникации* не менее значимо, чем его субъект и объект. Об этом еще в начале 60-х гг. писал канадский социолог М. Маклюэн, не без некоторого преувеличения утверждая, что средство передачи само по себе более важно, чем передаваемая им информация.

2.5.2. Политическая коммуникация

Сказанное выше вполне справедливо и по отношению к политической коммуникации. Последняя есть процесс общения больших социальных групп, а также отдельных людей в политике и по поводу политики. Коммуникативные практики формируют политическую коммуникацию, являясь ее материей, которая есть не что иное, как социальность, межсубъектность, речевая и деятельностная интеракция (взаимодействие) (см. об этом, например, в: *Панарин, Ильин, 1994, 9*) Таким образом, можно рассматривать политику как коммуникативную деятельность на всех уровнях – от личностного до международного.

Жизненно необходимой для эффективного функционирования политической системы является циркуляция в ней необходимой информации. Мы исходим из того, что *информация* в самом общем виде есть *отображение* элементов одного множества (природы, социума, человека) в другом множестве (слове, тексте, картинке). Информация

существует объективно, но актуализируется только в том случае, когда мы облачаем ее в ту или иную форму и, тем самым, интерпретируем. Информация – это всегда та или иная "версия" окружающего мира.

Политическая информация – это сумма сведений, способная дифференцированно отражать политическую жизнь общества во всех ее проявлениях. Политическая информация с точки зрения нужд политической системы является важнейшим ресурсом для целевого управления обществом. В этом смысле она включает в себя не только сведения о политике как таковой, но и о событиях в любых других сферах жизни (искусство, литература, личная жизнь и т. п.) в том случае, если они воздействуют на политический процесс.

Особенность политической коммуникации состоит также и в том, что зачастую субъектом и объектом коммуникации становятся большие социальные группы. Это придает информации, а значит и коммуникации, особый характер – публичность, т. е. неограниченный и надперсональный круг потребителей, опосредованное (разделенное в пространстве и во времени) взаимодействие субъектов коммуникации, непостоянный характер аудитории, которая в каждом случае складывается случайно в зависимости от интереса к конкретному сообщению (*Sutor, 1987, 5*). Кроме того, массовость коммуникации предполагает "сжатость", "свернутость" информации. При общении массовых субъектов неизбежны обобщения и потеря нюансов. Газета или телепередача обращена не к каждому в отдельности, а ко всем вместе.

Универсальным агентом политической коммуникации в современном обществе принято считать СМИ. Они выступают не просто как канал общения, бесстрастно передающий информацию от субъекта к субъекту, но являются посредником, (*medium*), преломляющим, интерпретирующим, окрашивающим информацию. Не случайно термины "средства массовой информации" и "средства массовой коммуникации" употребляются как синонимы.

Это связано с усилением интерактивности, увеличением социализирующих функций, пропагандистского потенциала, а следовательно, и степени интерпретации информации. Вместе с тем СМИ в качестве упомянутого специфического посредника осуществляют *социально-преобразующее отражение*. В этом смысле к СМИ применима известная фраза: "Они не могут предвидеть будущее, но они могут его сконструировать". В современном обществе СМИ престают быть

только средством связи, но становятся творцами информации, выступая в качестве самостоятельного субъекта.

2.5.3. Понимание и язык в политической коммуникации: постановка проблемы

Мы рассматриваем политическую коммуникацию как *субъект-объектное* отношение, включающее в себя транспортировку сообщения из пункта передачи в пункт приема. При этом само сообщение не является простым ("зеркальным") отражением социальной реальности: последняя всегда интерпретирована автором сообщения. У субъекта коммуникации существует свой образ мира, который определяется множеством факторов: от биологических и психологических до культурных, социальных и собственно политических. То же самое можно сказать и об *объекте коммуникации, т. е. получателе*. Между кодированием и декодированием сообщения существует определенный разрыв, который заполняется социальным опытом, повседневным общением и даже психотипическими особенностями субъекта восприятия. Последнее обстоятельство никак нельзя игнорировать, поскольку воспринимающий индивид играет конструктивную роль не только в дальнейшем распространении сообщений, но в самом конструировании содержания будущих сообщений.

Основным результатом сложного субъект-объектного отношения, где оба полюса находятся в постоянном изменении, является **понимание** в широком смысле этого слова. Для того чтобы диагностировать уровень понимания, нам необходимо выявить корреляции между образом мира отправителя и образом мира, который реально складывается в сознании получателя. Их полное совпадение, как, впрочем, и полное несовпадение, практически невозможно.

Акты политической коммуникации всегда сопровождаются различными шумами. Основными источниками шума (а значит, и причинами непонимания) в политической коммуникации можно считать: различия в стилях жизни коммуникантов, их личный опыт и психотипические особенности различия в уровнях грамотности, нарушения обратной связи в процессе коммуникации, намеренные искажения и помехи в передаче информации, семантические наслоения, невербальные преграды, т. е. все то, что не связано непосредственно со словами (внешность, улыбка, мимика, жест).

Преодолевая все эти помехи и преграды, можно существенно повысить уровень понимания. Фактически речь идет о том, чтобы общаться с людьми в привычном им стиле и на привычном языке.

Политический язык рассматривается нами как система знаков, фиксирующих политические явления и процессы. Понятно, что при наличии общего лингвистического пространства могут существовать различные политические языки. Так, обычно выделяют профессиональный язык политологов, язык политических ведомств, язык публичной политической речи, наконец, политические языки различных социальных групп. В каждом из этих языков содержатся свои мировоззренческие конструкции, системы убеждений и ценностей. Кроме того, мы можем говорить и о нормативном политическом языке, который обычно представлен в словарях как форма фиксации совокупного политического опыта. Сопоставление нормативного и актуальных политических языков необходимо для эффективного осуществления политической коммуникации.

Разумеется, политический язык является, прежде всего, средством для передачи политической информации. Однако это далеко не единственная его функция. Так, язык есть средство для навязывания властвующими своей воли всему остальному населению. В этом смысле можно говорить не только о языке власти, но и о власти языка. Постоянная дискредитация одних слов и понятий и придание ценности другим приводит к тому, что язык как вторая реальность способствует изменению первой реальности, т. е. самой политической практики. Таким образом, должное получает шанс стать сущим, желаемое – действительным. Скажем, если в текстах СМИ и иных политических сообщениях слово "парламент" употребляется не иначе как в критической тональности, то это приводит не только к формированию соответствующих установок в массовом сознании, но и реализуется в конкретных формах политического (в частности, электорального) поведения.

Политический язык может также служить формой политического протеста. Это хорошо видно на примере так называемых антиязыков, для которых характерно свое словообразование, своя морфология и синтаксис. В свое время антитоталитарный язык служил средством самозащиты общества. Так, у поляков ироничное отношение к некоторым политическим понятиям скрывалось в самом употреблении русских слов, или русизмов. Политико–протестную функцию выполнял,

да и сейчас зачастую выполняет, в нашем обществе белорусский язык. Хорошо известны также манипулятивные возможности политического языка. В его рамках легко создаются языковые версии тех или иных понятий, которые придают разные смыслы обозначаемым ими явлениям. Так "политический плюрализм" может быть превращен в "политическую вседозволенность", "суверенитет" – в "изоляцию", "демократия" – в "демократические игры", "политика" – в "политиканство".

Отличительной особенностью политического языка является также его образность и метафоричность. Выполняя императивно–убеждающую функцию, политический язык призван воздействовать не только на разум, но и на чувства. Этим объясняется его насыщенность иносказаниями, аналогиями, метафорами и т. п. Проецируя известный для объекта коммуникации образ на новые реалии, субъект подсказывает, настраивает, наводит на определенный тип решения и поведения. В последнее время в отечественном политическом языке произошел настоящий "взрыв" метафоричности и образности, который пришел на смену ритуальным речам и текстам советской эпохи. Эта ситуация еще требует своего изучения, однако уже сейчас можно констатировать и некоторые противоречия. Так, иногда в политической коммуникации пренебрегают условностью связи между метафорой и объектом. В этом случае метафора рассматривается как рациональный тезис, предполагающий определенные логические выводы.

Эти наблюдения показывают всю важность специального изучения политического языка.

2.5.4. Политический дискурс

Проблема понимания политического языка может и должна рассматриваться в контексте исследований политического дискурса. В последнее время в отечественной политологии стал весьма заметен интерес к дискурс-исследованиям.

Дискурс – это вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение действий, событий, фактов, высказываний относительно значимых аспектов социальной реальности. Понятие "дискурс" одним из первых использовал немецкий социальный философ Ю. Хабермас в начале 70-х гг. нашего столетия в контексте теории коммуникации. Он исходил из того, что через речь, а следовательно, через язык, может быть обсуждено все, что значимо для человека (в том числе, заметим, и сами структуры языка). В такого рода речевом взаимодействии становятся яв-

ными нормы, принципы, правила совместной жизни людей, обнаруживается отличие того, что есть, от того, что "должно быть".

Вслед за Хабермасом к изучению дискурсивных практик обращалось множество исследователей. В частности, американский социолог А. Гоулднер в своих исследованиях интеллигенции как "нового класса" обратил внимание на то, что одним из существенных его признаков является обладание культурой критического дискурса. Это не только некая специфическая речевая общность, но и часть культурного капитала, столь же значимая, как собственность на средства производства или деньги. Дискурс – это не просто обыденное говорение (хотя и оно может стать объектом исследования и источником информации), а речь по определенным правилам — с использованием отрефлектированных понятий и устоявшихся лексических единиц. Дискурс интеллигентов, рациональный и стандартизованный, построенный по общелогическим правилам, приводит, по мнению Гоулднера, к автономизации нового класса, который способен изменить жизнь социума.

В современном общественном сознании исследования дискурса весьма популярны. В свое время дискурс-анализ произвел своеобразную революцию в исследовательских практиках гуманитарных наук, соединив такие две сферы, как мир знакового содержания (отражения) и мир социального действия (поведения). Сегодня можно выделить множество направлений и концептуальных подходов в исследовании дискурса: от узко-лингвистических до культурологических в самом широком смысле этого слова.

В рамках обсуждаемой проблемы мы исходим из того, что понятие "дискурс" фиксирует содержательное единство текста и социального контекста. Дискурс – это речь, произносимая здесь и сейчас, в данное время и в данном социальном контексте. Таким образом, дискурс-анализ полагает своим объектом не только текст, но и экстралингвистические факторы: знания о мире, мнения, установки, цели, социальный опыт, образ жизни коммуникантов. Именно эти факторы и обеспечивают понимание текста (*ван Дейк, 1989, 121–122*). Исследователь дискурса не просто "раскладывает" текст на составляющие, но пытается обнаружить, почему один текст бывает понят, а другой остается за пределами понимания, почему в одних случаях коммуниканты слушают и слышат друг друга, а в других – говорят будто бы на разных языках.

Как известно, знание о мире у каждого человека организовано в определенные концептуальные системы, получившие название фреймов. Фреймы представляют собой некие рамки, в которые в определенном порядке укладывается новая информация о мире. Примером такой рамки может служить тот или иной идеологический концепт, сквозь призму которого человек приватизирует новую информацию. Так, информация о расширении НАТО на Восток в постсоветском обществе может рассматриваться одними как проявление агрессии империализма, другими как свидетельство всемирного заговора, третьими как торжество демократических ценностей и т. п.

Фреймы имеют конвенциональную (договорную) природу и, если у двух и более коммуникантов содержание фреймов или по меньшей мере концептов совпадают, т. е. вероятность понимания в той или иной мере. Если же сходства во фреймах у коммуникантов мы не наблюдаем, то понимание недостижимо.

Изучение дискурса особенно важно в политике. Не будет преувеличением сказать, что речь в политике – один из главных инструментов. Иногда это обстоятельство абсолютизируется исследователями. Как полагает немецкий политолог М. Хеттих, мы называем политикой то, что подразумевается под политикой самими людьми. Политика существует лишь в виде мышления, говорения, поведения. Разумеется, политику нельзя считать чисто вербальным продуктом, но и преуменьшать в ней роль языка также не стоит.

Заметим в этой связи, что дискурс-исследования носят не только строго академический, но и практический характер. Они могут и, по видимому, должны составлять основу для разработки эффективных социальных и политических технологий. При этом дискурс-исследования не могут и не должны претендовать на создание универсальных исчерпывающих объяснений сложной политической реальности. Однако без них невозможно составить более или менее полное представление о политическом процессе.

2.6. МНОГОАСПЕКТНОСТЬ ПОНЯТИЯ “ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОРРЕКТНОСТЬ” И ЕГО ИСТОРИЧЕСКИЕ КОРНИ

Сегодня, когда бы вы ни открыли англоязычную газету, вы не-

пременно заметите что-либо относительно понятия "политическая корректность". Вот лишь некоторые из таких заголовков: "University Faces Struggle in Political Correctness Debate", "It's a Sexist, Racist, Fatist, Ageist World", "Will Political Correctness Kill Free Speech Here Too?", "PC Language Wastes our PCs Breath" и пр. Это отражает значительный интерес к проблемам, связанным с понятием "политическая корректность", среди журналистов, пишущих по социально-политической тематике.

Дело в том, что ореол демократичности американского общества, открытого всевозможным переменам и впитывающего все мировые инновации, предоставляющего возможности человеку реализовать свои потенции практически во всех социальных сферах, и послужил благодатной почвой для появления разного рода общественных движений, таких, например, как движение за освобождение негров от рабской зависимости, движение против войны во Вьетнаме, движение за освобождение Анжелы Дэвис, против ядерных испытаний и многие другие, которые на разных этапах развития американской истории в разной степени не только затрагивали жизнь американцев, но и находили отклик в других странах мира.

Однако ни одно из них не стало таким всеобъемлющим, охватывающим все сферы жизнедеятельности американцев, как движение за "политическую корректность" (Political Correctness or PC) (Bryson, 1994, 423). Данное движение представляет собой социально-политическое течение, выступающее против экономического неравенства, дискриминации по этническим, возрастным, половым признакам, принижению положения женщин.

Непосредственное оформление данного движения как такового произошло вследствие усиления социальной активности расово-классово-гендеристских групп и борьбы широких слоев общества за права человека лишь в середине века, а первое упоминание данного термина в прессе датируется лишь 1991 г. (Bryson, 1994, 423), тем не менее, это движение имеет глубокие исторические предпосылки.

Своим возникновением движение за политкорректность обязано двум другим мощным движениям: за права женщин и за права афро-американцев. Основные вехи движения за равноправие афро-американцев включают в себя войну Севера и Юга, протест чернокожего населения против сегрегации, который возглавил Мартин Лютер Кин, создание Национальной Ассоциации за прогресс цветного насе-

ления (The National Association for the Advancement of Colored People) и, наконец, введение президентом Джонсоном в 1965 г. системы национально пропорциональных квот под названием "Affirmative Action", согласно которой на любом государственном предприятии США должно работать не менее определенного процента национальных меньшинств, и в первую очередь темнокожего населения. Эта система действует и по сей день (*Echols, 1991, 387*).

Женское освободительное движение (Women's Liberation Movement), или феминистическое движение (feminist movement), – это социальное движение, основными целями которого являются достижение равных прав для мужчин и женщин, предоставление женщинам права самоопределения в политической, экономической и общественной сферах жизни (*DELIC, 1992, 1486*).

Еще в XIX в. появилось движение за предоставление женщинам избирательного права, которое породило такие организации, как "Национальная Ассоциация женщин за предоставление избирательного права" (The National Woman Suffrage Association), основанная в 1869 г., и в том же году – "Ассоциация американских женщин за предоставление избирательного права" (The American Woman Suffrage Association). В 1890 г. эти организации объединились на основе общности цели в "Национальную американскую ассоциацию по борьбе женщин за равные избирательные права" (The National American Woman Suffrage Association).

Общими усилиями сторонники данного движения добились того, что в 1920 г. в Соединенных Штатах была окончательно принята конституционная поправка по предоставлению женщинам избирательного права (*Britannica, 1994, 631*). Именно в это время термин «феминизм» (от лат. femina – женщина) впервые вошел в употребление (*Echols, 1991, 393*).

Второй всплеск феминистического движения приходится на 60-е гг., когда женщины под влиянием трудов феминисток-теоретиков – француженки Симоны де Бувуар (ее книга "Второй пол", вышедшая в 1949 г. и призывавшая женщин к осознанию своего места в общественной жизни, стала бестселлером того времени), а позже американки Бетти Фридан (в ее книге "Женская мистика", вышедшей в 1963 г., осуждается безропотная женская покорность, пассивное место, отведенное в современном обществе) женщине по-настоящему осознали всю общественную несправедливость по отношению к себе и вплот-

ную стали заниматься такими проблемами, как продвижение женщины в политике, ее экономическая независимость, предоставление женщинам заработной платы, равной с мужчинами, вопросы воспитания детей, проблема абортов, освобождения от условностей взаимоотношений между полами и многие другие (Echols, 1991, 396).

Таким образом, первоначально узкие требования, связанные с утверждением всеобщего равного избирательного права для мужчин и женщин, переросли в более глобальные, охватив постепенно все сферы деятельности человека, такие, как экономика, образование, литература, психология и культура.

Современный феминизм несколько парадоксален: с одной стороны, его приверженцы подчеркивают необходимость равенства мужчин и женщин в различных его проявлениях, а с другой стороны – постулируют гендерные различия (Conklin, 1974, 58). Пропагандируется при этом как индивидуализм, так и гендерная солидарность. Тем не менее, возможно, именно эти противоречия позволили этому движению стремительно развиваться и, благодаря последовательной разработке общечеловеческих культурных, общественных и языковых проблем дать жизнь новому движению, обозначаемому как "политическая корректность" (ПК).

Основной целью данного движения является повышение социального статуса различных меньшинств — этнических групп, людей с физическими и умственными недостатками, сексуальных меньшинств, пацифистов и других индивидов, дискриминируемых в языковом употреблении. Придавая большое значение повышению социального статуса своих приверженцев, движение ПК призывает нас обратить внимание на языковые выражения, в которых используются элементы дискриминации человека по расовому, гендерному, возрастному или любому другому признаку, и избегать их употребления в данном языке в устной или письменной форме.

В качестве своих основных задач движение ПК рассматривает: во-первых, проведение активной политики языкового планирования, под которым подразумевается поддерживаемое государственными институтами сознательное и целенаправленное изменение норм языкового поведения с целью разрешения социокультурных проблем общества; во-вторых, освобождение английского языка от слов-угнетателей и его обогащение за счет новообразований, способствующих самоидентификации дискриминируемых групп (McConnel-Ginet, 1993, 125).

Таким образом, термином "политическая корректность" может обозначаться как общественное явление (движение ПК), так и его лингвистическое отражение (результат деятельности движения ПК, получивший свое развитие в языковой системе).

Философской основой понятия ПК явилась господствующая в Европе во второй половине XX в. убежденность о влиянии языка на сознание, мышление и поведение человека. Впервые об этой зависимости упоминается в трудах В. фон Гумбольдта, который говорил о языке как о промежуточном мире, находящемся между людьми и окружающим их объективным миром. По его утверждению, "каждый язык описывает вокруг народа, которому он принадлежит, круг, из которого можно выйти только в том случае, если вступаешь в другой круг" (цит. по *Березин*: 1984, 45).

Далее идеи Гумбольдта были подхвачены американскими этнолингвистами и окончательно сформулированы в так называемой гипотезе "лингвистической относительности" Сепира-Уорфа, вытекающей из постулата о связи языка и мышления, языка и культуры. Суть взаимосвязи языка и культуры объясняется тем, что структура языка определяет способ познания мира человеком, говорящим на данном языке. Так, например, носители данного языка будут одинаково оценивать определенные понятия и поступать определенным образом в определенных обстоятельствах.

Согласно другой версии, структура языка не определяет наш взгляд на мир, а лишь в определенной степени влияет на его формирование. Язык при этом является отражением системы ценностей и норм поведения данного народа.

Третья точка зрения, называемая нейтральной, гласит, что существует лишь незначительная связь между языком и культурой, если существует вообще (*Wardhaugh*, 1992, 218).

Э. Сепир, будучи сторонником первой точки зрения, признавал близкую связь между языком и культурой, утверждая, что они неразрывно связаны таким образом, что их нельзя постичь или оценить в изолированном друг от друга виде.

Его студент Уорф пошел дальше своего учителя, говоря о детерминированности связи между языком и культурой. По мнению Уорфа, говорящие на разных языках смотрят на мир по-разному в такой степени, насколько языки, на которых они говорят, имеют различную структуру. Язык при этом подобен экрану или фильтру в реальность, он определяет то, как говорящие воспринимают и организуют

мир вокруг себя, как естественный, так и социальный. Как утверждается, язык помогает нам сформировать наш взгляд на мир, определяет наш опыт; мы не просто используем его для передачи опыта. Язык не является сторонним наблюдателем, а навязывает нам определенные формы видения и мышления (*Carroll, 1956, 212, 214*).

Данная гипотеза была принята на вооружение сторонниками движения ПК и получила широкое распространение в форме афоризма, предложенного Р. Лакофф в ее работе "Язык и место женщины в нем": "Language uses us as much as we use language" ("Язык использует нас настолько, насколько мы используем язык") (*Lakoff, 1975, 47*). В настоящее время идеологические установки и прагматические цели движения отражаются в деятельности конкретных направлений ПК, главными из которых являются феминистическое и мультикультуристское.

Приоритетом феминистического крыла ПК является утверждение равенства полов и борьба с сексизмом в английском языке. Для этого предлагается отказаться от ряда традиционных слов, действующих в соответствии с тактикой исключения, т. е. не актуализирующих, по мнению реформаторов, мыслительный образ женщин, исключая их тем самым из поля зрения. Наиболее явными проявлениями сексизма являются так называемые "слова-угнетатели", например слово и полуаффикс "-man" в сложных словах типа *mankind, salesman, policeman, manpower*, а также генерическое местоимение *he*, традиционно считающееся нейтральным к полу заместителем существительных "общего рода" (*doctor, student, customer, lawyer*) в общих суждениях типа *A student usually sees his counsellor during his office hours* (*Martina, 1978, 134*). По мнению сторонников борьбы с сексизмами, слова заместители относятся в первую очередь к референтам мужского пола, вследствие чего женщины оказываются в положении маргинальных членов общества.

В качестве альтернатив предлагаются гендерно нейтральные обозначения *humankind, humans, police worker, workforce*, и т. п. Слово и полуаффикс "-person" рекомендуется для замены дискриминирующего "-man", а вместо генерического *he* – новообразование *he/she*, которое прямо указывает на равное представительство обоих полов среди денотатов имен "общего рода" (см. также: *Сакович, 1999*).

Лозунгом мультикультуристского направления является утверждение "All have rights" ("Все имеют права"). Поэтому главной целью этого направления является достижение переоценки тех качеств лич-

ности, которые традиционно считаются отрицательными (*McConnell-Ginet, 1993, 130*). При такой ориентации реабилитации подвергаются любые референты, типа человек с физическими, умственными либо косметическими недостатками или отклонениями от традиционных норм. Наиболее адекватное отражение такие идеологические установки находят в сочетаниях типа *motivationally dispossessed (lazy), mentally challenged (mad), physically challenged (crippled)*.

Немного особняком стоит проблема ПК, нашедшая отражение в публицистическом стиле, непосредственно связанная с такими понятиями, как политическая идеология и пропаганда. В данном случае под понятием "политкорректность" подразумевается политически корректный в идеологическом аспекте язык, т. е. язык (в данном случае – английский), выбор лексических единиц которого происходит с учетом их семантических особенностей, которые должны соответствовать господствующей в стране политической идеологии и служить укреплению последней.

В данном аспекте рассмотрения понятие ПК непосредственно связано с понятием "пропаганда", суть которого заключается в планомерном использовании любого средства общения для воздействия на умы и чувства данной группы людей с определенной, имеющей общественное значение целью, – военной, экономической или политической (*Стриженко, 1980, 21*). Следует отметить, что та или иная цель не всегда служит общественным интересам, а может быть направлена на реализацию интересов определенной группы людей либо отдельных личностей.

Сюда же примыкает трактовка ПК как обширного круга выражений, обозначаемого лингвистическим термином "эвфемизмы", трактуемого К. Алланом и К. Барридж в русле понятия "лицевых эффектов" как употребление, альтернативное неприемлемым выражениям, для того, чтобы избежать возможной потери лица: либо своего собственного, либо через причинение обиды – лица аудитории, либо какой-то третьей стороны (*Allan, Burridge, 1991*).

Как утверждает Барридж, то, что называют "неприемлемыми выражениями", обычно относится к табуированным темам и потому может также называться "терминами табу" (*Burridge, 1996, 42*). В своем первоначальном значении заимствованный из языка тонга термин "табу" означал запрещенное поведение, которое, в частности, считалось опасным для отдельных индивидов или для общества в целом. Тогда эвфемизм может быть буквально делом жизни или смерти.

Но в английском языке, по ее мнению, многих терминов-табу избегают, поскольку их употребление считается безвкусицей в определенном социальном контексте. Их избегают не из-за боязни физического или метафизического характера, но чтобы не вызвать потери лица говорящим путем оскорбления чувств своей аудитории. Некоторые при этом считают, что произнесение табуированных терминов может оскорбить их собственные чувства из-за предполагаемой неприятности или уродливости самих терминов-табу.

В современном западном обществе эвфемизм является типичным проявлением вежливости, а оскорбляющий язык (или дисфемизм) – это несколько большее, чем нарушение социальных условностей. Многие эвфемизмы являются альтернативами для выражений, которые говорящие или пишущие предпочли бы просто не использовать в определенных случаях.

С этой проблемой столкнулись составители словарей. В современную эпоху похвального равенства для всех существуют даже легально признанные санкции против использования того, что в широком смысле обозначается как "-истский язык". Теперь табу считается сексизм, расизм, эйджизм и религиозизм, поэтому сексистский, расистский, эйджистский и религиозистский язык не только контекстуально дисфемистичен, но и законодательно.

Язык ПК, будучи политически мотивированным, привлекает, вероятно, больше внимания и поэтому встречает больше сопротивления, чем большинство обычных эвфемизмов. Такие термины (как ПК, так и не ПК) политически нагружены. При этом мы имеем дело с эвфемизмами, которые возникают, или воспринимаются как непосредственный результат лингвистической интервенции. Ведь людям обычно не нравятся лингвистические перемены, особенно с налетом намеренной манипуляции. Враждебность также подогревается навязываемыми сверху кодексами речевого употребления и запретами на некоторые книги. Л. Барридж приводит пример передозировки ПК в яслях университета Ля Трууб в Австралии, где было запрещено употребление двадцати слов, рассматриваемых как оскорбительные, включая, что любопытно, такие слова, например, как *girl*, *boy* и даже междометие *shhhh*. Каждый нарушитель был обязан платить штраф в коробку для "грязных слов" (*Burridge, 1996, 43*).

Язык ПК, вследствие своей явно политизированной сущности, неизбежно будет как эвфемистичным, так и дисфемистичным. Такие слова, как *bastard*, могут использоваться в шутовском тоне, так же, как

и стоак для отдельных лиц может быть веселым эвфемизмом, отвлекающим от серьезности смерти, и его часто предпочитают гораздо более прямому обозначению die. Шутливый подход к смерти может быть оскорбительным только, если можно предположить, что собеседник сочтет его таковым.

Дисфемизм, или оскорбительность никогда не бывает внутренним качеством слова, но лишь того способа, которым это слово используется. Поэтому может пересматриваться пейоративная лексика, например такие слова как, bitch, witch, nigger, coloured, представляющие собой проявления сексизма и расизма и воспринимаемые как глубоко оскорбительные из уст лиц, не принадлежащих к данному кругу.

Слова также не остаются эвфемизмами надолго. Негативное восприятие, которое появляется у людей по отношению к тому, к чему бы это слово ни относилось, заканчивается контаминацией самого слова. Степень воспринимаемой контаминации варьируется в пределах от страха, отвращения, ненависти и презрения, с одной стороны, и лишь понижения социального уважения, с другой стороны. Такой процесс понижения социальной значимости можно проследить на примере слов, обозначающих "young woman". Слово "hussy", первоначально произошедшее от housewife, иллюстрирует это. И наоборот, обозначения мужчин остаются заметно стабильными.

Отсюда и постоянно меняющиеся цепочки слов, обозначающие табуированные понятия, – чем более строго табу, тем длиннее цепочка слов, его заменяющих. Только в английском языке отмечено более 2000 слов для обозначения "prostitute" (*Allan, Burridge, 1991*).

Можно проследить процесс быстрого разрушения слов, относящихся к разряду эйджизмов, т. е. обозначающих "old". Слова типа geriatric и senile, прежде вполне приемлемые по отношению к пожилым гражданам, стали в XX в. высоко уничижительными. Так, слово senior в словосочетании senior citizen заменило собой выражение old-aged pensioner еще не приобрело такой же негативной окраски, как у двух вышеупомянутых.

Дело в том, что никакой языковой термин не является внутренне дисфемистичным или эвфемистичным. Обычно выбор между альтернативными выражениями зависит полностью от контекста – это дело стиля. Соответственно значения слов и их ассоциации постоянно меняются в ответ на комплекс различных ситуационных факторов, и если один из них меняется, может соответственно измениться и язык, чтобы к этому приспособиться. Эти факторы включают отношения

между говорящими и их аудиторией, окружающую обстановку, предмет разговора и т. д.

Люди лишь вербализуют свои мысли и выражают свое отношение к окружающей действительности посредством языка. Многократная повторяемость одной и той же мысли или идеи с одинаковым смысловым содержанием в разных контекстуальных вариантах приводит к закреплению идеи за определенным словесным выражением, не требующим в дальнейшем смыслового повторения. Эта закреплённость смыслового содержания создает языковые стереотипы, адекватные определенным "нормированным" ситуациям разных видов человеческой деятельности. Так поведение и реакция аудитории могут оказаться предсказуемыми, что, в свою очередь, ведет к определенному видению картины реального мира: объектов, субъектов жизни общества.

Языковые стереотипы возникают в процессе формирования мыслительных стереотипов, но приобретают определенную самостоятельность и влияют на мышление, поскольку языковые выражения долговечнее выраженного ими мыслительного содержания (*Стриженко, 1980, 96*). Языковые стереотипы способны влиять на социальное поведение людей, укореняя таким образом в сознании определенные оценочные представления. Именно поэтому изучение таких социальных явлений, воплощаемых в языке, как ПК, дающее нам представление о ментальности и поведении людей данного общества, рассматривается нами как весьма актуальное.

Часть третья

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

3.1. ДВЕ ТЕНДЕНЦИИ В СЕМИОТИКЕ

Семиотика часто определяется как наука, изучающая системы знаков в природе и в обществе. Это приемлемое в общекатегорическом плане определение носит, однако, слишком широкий характер, ориентируется на исследование предмета, границы которого, по существу, могут простираются как угодно далеко. Но даже исключив из рассмотрения природный аспект и сузив, таким образом, предмет этой науки до знаковых систем в обществе, мы не много облегчим себе задачу. Дело в том, что различные области общественной жизни по-разному нуждаются в семиотическом обеспечении. По этой причине соответствующие им знаковые образования очень часто резко отличаются друг от друга не только инвентарем своих единиц или внутренней организацией, но и мерой их социальной признанности и, в конечном счете, функциональной мощности (ср. естественный язык и такое знаковое образование, как "язык цветов").

Но трудности связаны не только с проблемой границ семиотики. Еще много неустоявшегося и в области основных понятий, которыми она оперирует. Это относится даже к понятиям знака и системы знаков.

Краеугольные камни в здание новой научной дисциплины заложил швейцарский лингвист Фердинанд де Соссюр. 1916 г. – год выхода в свет его "Курса общей лингвистики" – можно считать датой рождения современной семиотики. В этой работе впервые был сформулирован основополагающий тезис о том, что "язык есть система знаков, выражающих понятия, а, следовательно, его можно сравнить с письменностью, с азбукой для глухонемых, с символическими обрядами, с формами учтивости, с военными сигналами и т. д. и т. п." (Соссюр, 1977, 54). Соссюр назвал открытое им направление семиологией, однако сейчас мы пользуемся в основном термином "семиотика".

Лингвистика для Соссюра "лишь часть этой общей науки", законы которой "будут приложимы к лингвистике". Заметим, что, по Соссюру, успехи в изучении языка находятся в тесной зависимости от осмысления "законов семиологии". Далее в "Курсе" эта мысль выражена еще более определенно: "Если мы желаем открыть подлинную приро-

ду языка, следует учитывать прежде всего то, что у него есть общего с другими системами того же порядка" (*Соссюр, 1977, 56*). Очевидно, что здесь мы оказываемся перед лицом противоречия: если семиологии как науки еще не существует и пока не открыты ее общие законы, то нельзя рассчитывать и на успехи в изучении языка. Но Соссюр пытается построить именно теорию языка. И находит в том, что интерпретирует язык в общесемиотическом плане, распространяя неявным образом лингвистические тезисы на другие знаковые области. И лишь в отдельных случаях обращается к иллюстрациям нелингвистического характера (игра в шахматы или элементы архитектуры).

Позже поставленная Соссюром проблема приобретает новые нюансы. Для многих его последователей статус лингвистики как фрагмента более широкой науки – семиотики представляется очевидным. Из такой посылки исходит, например, Датская лингвистическая школа. Ельмслеву кажется плодотворным и необходимым установить общую точку зрения для лингвистики и для "большого числа дисциплин от изучения литературы, искусства музыки, истории вплоть до логики и математики" с тем, чтобы в конечном счете "создать общую энциклопедию знаковых структур" (*Ельмслев, 1960, 363*). Еще раньше, в 30-е гг., подобные подходы обнаруживаются в работах представителей Пражского лингвистического кружка (главным образом в связи с изучением языка художественной литературы и фольклора). В некоторых случаях здесь проявляются идеи, источником которых могли послужить иные традиции. Таковы труды Богатырева и Карцевского, на которых лежит сильная печать русской научной мысли. В 1919 г., как можно судить по планам создания в Москве "Энциклопедии изобразительных искусств", четкое семиотическое видение обнаруживается у молодого Якобсона (*Якобсон, 1987, 418*). Но этот факт лишь подчеркивает обоснованность синтезирующего подхода к лингвистике и другим родственным ей дисциплинам. Когда, уже в 1973 г. Якобсон заявляет, что "лингвистика... это всего-навсего одна из основных частей семиотики" (*Якобсон, 1987, 81*), то в этой категоричности слышится не только почти дословно воспроизводимая формулировка Соссюра, но и давно определившееся собственное мнение.

Обратим внимание на два, казалось бы, взаимоисключающих момента в этом высказывании Якобсона. Словами "всего-навсего" лингвистика фактически приравнивается к другим составным частям семиотики, в то время как ее квалификация в качестве "одной из основ-

ных частей" (у Соссюра еще определеннее – "основной части") подчеркивает ее приоритетное положение в составе семиотики. В действительности, однако, здесь нет противоречия, поскольку в этой формулировке один и тот же предмет рассматривается с двух разных позиций. В плане внутреннего строения все семиотические образования принципиально схожи, в основе каждого из них, включая естественный язык, лежит знак, строевой элемент единой для всех семиотических систем природы. Но в плане функциональном они сильно отличаются друг от друга. Естественный язык оказывается несравнимым с остальными семиотическими образованиями, что находит выражение в его способности с достаточной полнотой интерпретировать при помощи своих знаков любую другую знаковую систему, в то время как обратная процедура невозможна. Это "противоречие" было, однако, снято на последующих этапах развития семиотики. Если, действительно, лингвистика представляет собой главную часть семиотики и если основанием для такой позиции является особая, всеохватывающая роль языка по сравнению с другими семиотическими образованиями, то выдвижение лингвистики на центральное место в семиотической теории оказывается вполне оправданным. Признание такой возможности содержится уже у Соссюра: "Язык – самая сложная и самая распространенная из всех систем выражения – является вместе с тем и наиболее характерной из них; в этом смысле лингвистика может служить моделью (*patron general*) для всей семиологии в целом, хотя язык – только одна из многих семиологических систем" (*Соссюр, 1977, 101*). Если учесть к тому же, что лингвистика уже давно сложилась как наука, выработала эффективный методологический аппарат с развитой системой понятий и соответствующей терминологией, то становится ясным, почему принцип "идти от семиотики к языку" до сих пор остается нереализованным, хотя благодаря новым данным в отдельных случаях общесемиотическая теория начинает оказывать воздействие на теорию естественного языка. Но это произойдет уже ближе к 90-м гг. Первоначально же, вместе с наступлением структурализма, основные и наиболее успешные попытки в разработке семиотической теории шли в обратном направлении, т. е. путем освоения и критики лингвистического наследия в интересах семиотики. Показательно, что наиболее интересные теоретические достижения в области семиотики связываются в это время с именами лингвистов. О некоторых из них мы уже упоминали. Вкратце охарактеризуем на нескольких

примерах, как выделась семиотическая проблематика некоторым другим известным лингвистам.

Одна из ранних попыток в этом отношении принадлежит Эрику Бёйссенсу. В 1943 г. он опубликовал книгу "Языки и речь", в которой кратко изложена целостная концепция семиотики на основе лингвистических, главным образом соссюровских принципов. Говоря словами Мунена, это было, пожалуй, первое введение в семиотику, где, помимо прочего, ставились задачи изучения "языка" театра и кино в качестве отдельных сфер выражения. Предлагаемое им решение одной из основных проблем семиотики – проблемы знака – покоится в значительной мере на соссюровских критериях. Для Бёйссенса знаком может считаться только такое средство, которое входит в систему "языка" (в соссюровском понимании этого термина, т. е. в противопоставлении "речи"). Знак, таким образом, носит конвенциональный характер, является социально признанным средством. Если с этой точки зрения подходить к искусству, то на стадии создания художественного произведения и его первоначального восприятия в нем не обнаруживается строго семиотической основы. Здесь нет общей обусловленности и общей признанности средств выражения, они характеризуются свойствами, которые (снова в соссюровском понимании) относятся к области индивидуальной речи.

Примерно такой же подход, но с более сложным и совершенным понятийным аппаратом, имеет место в работах Луиса Прието. Начав с исследования содержательной стороны естественного языка, т. е. с структурной семантики, он перешел к изучению других систем, таких, как дорожная сигнализация, морские коды, различные цифровые построения. Прието выделяет две категории фактов, связанных с этими системами и различаемых, как у Бёйссенса, в зависимости от их социальной признанности или непризнанности. В первом случае имеются в виду социально значимые факты, которые он называет сигналами. Сигналы эти, по его выражению, инструменты, функция которых состоит в организации общения.

"Все, что есть в окружающем мире и что обладает значением для человека, осуществляется через означающие сигналов и управляются благодаря им" (Rey, 1976, 90). Факты второй категории не имеют такой общепринятой инструментальности, они представляют собой указатели (*indices*), смысловое содержание которых лишено четких, заранее установленных границ и предполагает тем самым известную свободу

для толкования. Для Прието, может быть в еще большей степени, чем для Бёйссенса, подобные явления не могут служить предметом семиотики. В строгом смысле таковыми могут быть только сигналы как социально "освященные знаки".

Итоги поисков в духе Бёйссенса и Прието были, в известном смысле, подведены Жоржем Муненом в конце 60 – начале 70-х гг. Его книга "Введение в семиологию" (*Mounin, 1970*) обнаруживает своеобразные колебания между верностью доктрине Соссюра, с одной стороны, и с другой стороны, пониманием значения социально значимых кодов (ритуалы, дорожные сигналы и др.). Что же касается таких сфер, как изобразительные искусства, художественная литература и тем более общепринятые стили одежды, то Мунен, казалось бы, категорически отказывает им в специфическом знаковом выражении и выводит эти объекты за пределы семиотики как науки. Ведь в этом случае используемые средства выражения носят лишь указательный характер; тот, кто к ним обращается, – поэт, художник, скульптор – вкладывает в них субъективный смысл, не предназначенный для понимания другими. У этих элементов, таким образом, "что-то есть" в плане значения, пусть значения не явного, скрытого (*Mounin, 1970, 14*). И тут Мунен переходит на позиции компромисса, допуская "возможность существования особой семиотики – семиотики значения" (*semiology de la signification*) наряду с подлинной семиотикой, ориентирующейся на соссюровские критерии.

В сравнении с позицией Прието, это представляет собой еще более значительное отступление от теории Соссюра. По существу, семиотика значения допускает возможность поступиться принципом конвенциональности знака, чрезвычайно важным для Соссюра. Ведь для театра, живописи, кино, ситуаций социального поведения, говорит Мунен, еще не выявлены такие средства выражения. Они, возможно, вообще не будут выявлены и не войдут в обиход культурного сообщества. Но дело не только в вольном или невольном ослаблении требования к конвенциональности знака и в допущении возможности новой, нетрадиционной семиотики. Мунен готов пожертвовать приоритетом языка перед речью. Для него в качестве непосредственного предмета анализа важнее всего речевые произведения, тексты в качестве романа или театральной пьесы, живописной картины, скульптурного изображения и т. п. Можно заключить, что до конца 60-х гг. семиотика развивалась путем медленной и робкой корректировки соссюровской

теории. Это особенно заметно на фоне тех серьезных изменений, которые произошли в лингвистике под влиянием структурализма.

Первым, кто со всей определенностью обосновал необходимость значительного пересмотра соссюрских основ семиотики, был Эмиль Бенвенист. Ему удалось разрешить некоторые теоретические трудности, перед которыми остановились Бёйссенс и Прието, не решившиеся выйти за пределы начертанных Соссюром границ. Эти трудности были связаны с пониманием знака, т. е. того, что лежит в основе самой семиотики. Бенвенист неоднократно подчеркивал плодотворность для лингвистики соссюрского понятия знака. Именно в знаке он видел сущность языка, в его представлении эти понятия могли даже отождествляться. Вместе с тем Бенвенист обращает внимание на то, что действительность языка не ограничивается областью знаков. С ними сосуществуют и другие единицы, которые взаимодействуют со знаками и дополняют их: "Принцип знака нельзя считать единственным принципом языка в его функционировании для познания" (*Бенвенист, 1974, 89*). В отличие от Соссюра понятие языка у Бенвениста представлено уже в двух планах. Первый план соответствует соссюрским критериям, он предполагает единицы, которые четко оформлены. Они опознаются "всей совокупностью членов данного языкового коллектива", у каждого они вызывают "в общем одинаковые ассоциации и одинаковые противопоставления" (*Бенвенист, 1974, 88*). Второй план связан с представлением о единицах, которые, выполняя функции озадачивания, не обладают, однако, такой же степенью конвенциональности, как и собственно знаки. В семантическом отношении они зависят от многих непредсказуемых факторов, ориентированы на разные, индивидуально возникающие референты. Если единицы первого плана должны быть узнаны, то единицы второго плана – понятия.

В некоторых отношениях подход Бенвениста оказывается близок концепциям Бёйссенса и Прието, прежде всего признанием особой роли знака в структуре языка. Но и здесь обнаруживается, может быть, не сразу бросающееся в глаза различие: для Прието, например, только знаки соотносимы со структурой языка (или другой нелингвистической системы), для Бенвениста же – знаки являются "о з н а ч и в а ю щ е й основой языка" (*Бенвенист, 1974, 88*) (разрядка наша. – В. М.). Основой, потому что реально в означивании, как сказано выше, принимают участие и другие единицы. И как следствие из этого различия – различное понимание того, какие части формируют предмет семио-

тики как науки. Для Прието, как мы видели, это только такие образования, которые, как и естественный язык, основаны на системах сигналов (типа дорожных знаков светофора). Что же касается Бенвениста, то в сфере интересов семиотики он включает и такие системы, которые представляют собой "художественные способы выражения", т. е. системы, отвечающие критерию понимания, а не узнавания.

Отметим, что, говоря об означающих единицах второго, не строго знакового плана, Бенвенист чаще всего имеет в виду их использование говорящими. Иными словами, вопрос о "принципах языка" он переводит в плоскость речи. Ср: "Возникающие здесь проблемы связаны с ролью языка как производителя сообщений" или, еще более определенно: "Мы имеем в виду специфический способ означивания, который порождается *речью* (Бенвенист, 1974, 88) (выделено Бенвенистом).

Склонность к рассмотрению некоторых аспектов семиотики через призму речи обнаруживается и у более ортодоксальных последователей Соссюра. Когда Бейссенс трактует проблему знаков в терминах коммуникативного подхода, имплицитно допускаются речевые условия их реализации. Но дальше этого он не идет. Соссюровский критерий знаковости был слишком строгим, и слишком строгим было разграничение языка и речи, чтобы в 40-е или 50-е гг., когда структурализм набирал силу, можно было соединить, казалось, несоединимое – знак и речь. Имея в виду этот период, Бенвенист говорит о парадоксальности положения, при котором развитие семиотики языка было задержано "самим орудием ее создания – знаком. Нельзя было отказаться от идеи языкового знака без того, чтобы, тем самым, не отбросить самую важную особенность языка" (Бенвенист, 1974, 89). Он объявляет о завершении того этапа семиотики, который базировался на постулатах Соссюра, и о приближающемся периоде "второго поколения" семиотики. По его мнению, этот переход должен быть основан на отказе от понятия знака как единственного принципа, от которого зависит и структура языка, и его функционирование. Для этого необходима новая теория, которая ориентировала бы внутриязыковой анализ не только на собственно знаки, но и на факты означивания в плане речевого сообщения.

Эти подходы совпадали с теоретическими поисками других ученых. Еще в 1952 г., например, Косериу опубликовал работу, в которой предлагалось отказаться от двучленной формулы Соссюра –

"язык/речь" в пользу трехчленной – "язык/норма/индивидуальная речь". Понятие нормы, по Косериу, позволяет снять непреодолимую преграду между языком, который понимается как система отношений между знаками, с одной стороны, и речью как индивидуальной, не поддающейся системному анализу реализацией языковой способности. С другой: "Норма – есть система обязательных реализаций, культурных и социальных предписаний" (Coseriu, 1972, 98). Норма в известной мере освобождает говорящего от сковывающего воздействия системы языка и вместе с тем ограничивает свободу выражения индивида. Это своеобразная зона перехода от абстрактной идеальной формы к творческим языковым актам, опирающимся, однако, на возможности системы. Свобода и эффективность использования нормы зависит от характера отношений между системой и говорящим, иными словами, от уровня понимания говорящим того, какие возможности предоставляются ему системой, и его способностью использовать эти возможности.

Но и на почве французской лингвистики формулируются сходные тезисы, особенно в рамках теории дискурса, разработка которой в последней трети XX в. получила масштабный характер. И здесь преодоление сосюрровской схемы идет по линии, с одной стороны, смягчения оппозиции язык/речь и, с другой стороны, путем акцентирования роли носителя языка – человека. Как и у Косериу, здесь обозначилось сильное тяготение к экстралингвистической сфере, в частности, к тому, что у последнего называется культурными и социальными предписаниями.

Возвращаясь к Бенвенисту, отметим, что и для него культурные и социальные аспекты не могли не представлять большого интереса уже в силу того, что он пытался найти переход от состояния языка к состоянию речи и уделял особое внимание субъективным аспектам языковой деятельности, вычленяя в ней такие сферы, которые соотносятся с разными областями социальной жизни. С этой точки зрения понятен интерес Бенвениста к проблемам нелингвистической семиотики. Характерно и отличие, которое обнаруживается здесь в сравнении с его предшественниками. У Бёйссенса и Прието предметом семиотического исследования, как мы видели, могут быть только такие знаковые образования, которые, подобно естественному языку, опираются на системы сигналов (типа дорожных знаков светофора или морской сигнализации). И у Бенвениста подобные системы представляют собой

беспорные семиотические образования, поскольку они обладают подлинными знаками. Но, в отличие от Прието, он не исключает из сферы интересов семиотики и системы, представляющие собой "художественные способы выражения" (Бенвенист, 1974, 88).

Можно полагать, однако, что Бенвенист был готов идти еще дальше в том, что касается оценки семиотического статуса таких художественных единиц. Об этом свидетельствует, например, его замечание о том, что, "в средневековой культуре можно... выделить определенный набор иконических знаков, который соответствует тем или иным религиозным темам, известным теологическим или религиозным доктринам" (Бенвенист, 1974, 83).

Обращает на себя внимание также его сочувствующий интерес к семиотическим исследованиям Метца и Шеффера соответственно в области кино и живописи. Хотя подобные наблюдения не получили развития в работах Бенвениста, они предвещали новые возможности, которые открывались перед семиотикой. Для исследователей второго поколения ключевой категорией стала коммуникация. У Соссюра идея коммуникации не могла играть какой-либо существенной роли, он исключал какие-либо отсылки на внешние для системы языка моменты. Но имплицитно представление о коммуникации у него все же присутствует, в частности, оно предполагается тезисом о социальной природе языка и соответственно знака как его основного элемента. Хотя, по Соссюру, "язык не является функцией говорящего субъекта" и представляет собой лишь "продукт, который пассивно регистрируется индивидом", все же в своей речи "говорящий субъект использует код языка для того, чтобы выразить свою мысль". А чтобы слушающий мог понять говорящего, этот код должен быть для них общим. Именно в этом смысле язык предстает как "социальное учреждение", как виртуальный источник и условие коммуникации. Для Соссюра, таким образом, коммуникация как отношение говорящего и слушающего, как функция системы языка есть нечто внешнее для этой системы.

У Бейссенса, напротив, заметно стремление соединить систему языка и коммуникацию, связать их непосредственным функциональным отношением. И как следствие, в представлении о системе включается понятие говорящего и слушающего. Вот почему Бейссенс предлагает определить семиотику "как изучение способов коммуникации, т. е. тех средств, которые используются для воздействия на другого и которые признаются таковыми тем, на кого оказывается воз-

действие" (Rey, 1974, 290). В таком понимании соссюрская идея системы претерпевает существенные изменения.

Не менее четко такая же тенденция прослеживается у Прието. Он писал, что семиотика "изучает общие принципы, определяющие функционирование знаковых систем или кодов и устанавливающие их типологию" (Лангаж, 1968, 93). По мнению Рея эта формулировка вполне отвечает концепции Соссюра (Rey, 1974, 291), однако здесь очевидны признаки отхода от этой традиции. Прието делает акцент на функциональной стороне системы, семиотический анализ насыщается понятиями из области коммуникативной теории: соссюрское *langue* последовательно сопоставляется с понятием *code*, вводится оппозиция *emeteur / recepteur*.

Таким образом, влияние теории коммуникации на теорию семиотики сказалось в попытке рассматривать знаковую систему под углом зрения ее функциональных возможностей, т. е. способности служить инструментом в целях передачи информации. При этом оба понятия – коммуникация и функция – носят довольно общий характер. Порою они используются без какого-либо анализа их содержания и даже чуть ли не отождествляются. Так, для Прието и Мунена, например, функциональная сторона знаковой системы состоит именно в коммуникации. А так как коммуникация у них ограничивается сферой передачи мысли на основе конвенциональных знаков, то и функция языка или другой знаковой системы фактически представляется как логическое действие. Иными словами, коммуникация понимается как функция передачи мысли от того, кто посылает сообщение, к тому, кто это сообщение принимает.

Такое представление вообще очень распространено среди семиотиков и лингвистов. Вот, например, характерная формулировка: "Язык есть инструмент, при помощи которого мы общаемся, *передавая нашу мысль другому* (выделено нами. – В.М.) (Guiraud, 1968, 437). Но в действительности такое представление слишком схематично, оно далеко не исчерпывает разнообразные функциональные возможности языка. Даже Бейсенс отмечает, что говорящий не только сообщает что-то другому, но и воздействует на него. Теория функций оказала стимулирующее воздействие на развитие семиотики. Она помогла преодолеть соссюрские догмы и расширить понятие коммуникации.

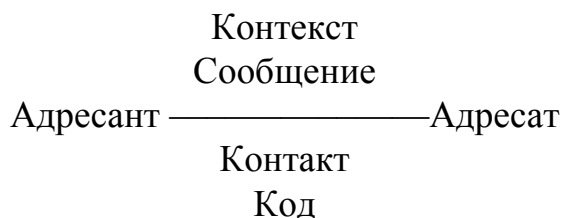
3.2. ТРАДИЦИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ:

НАРУШЕННОЕ РАВНОВЕСИЕ

Принципиальный вклад в семиотику внес Бюлер, австрийский ученый, сотрудничавший с Пражским лингвистическим кружком. В 1934 г. он опубликовал работу, в которой предлагалось свести все возможные применения языка к трем основным функциям: репрезентативной, экспрессивной, аппелятивной.

Первая из этих функций отвечает традиционному взгляду на язык как на средство передачи мыслей, информации, она ориентирует на *содержание* сообщения, вторая – экспрессивная – подчеркивает роль говорящего, его отношение к высказываемому, а третья – аппелятивная – обращена ко второму участнику общения, к слушающему.

Работа Бюлера сыграла важную роль в развитии теории функций. Он выделил три функции в соответствии с определенными факторами общения. Это был новаторский подход. До Бюлера, иногда, впрочем, еще и сегодня, выделение функций производилось на основе лишь семантического критерия. Хотя представление о магическом, фасцинирующем, людическом, дидактическом и т. д. применении языка в конкретных обстоятельствах может получить оправдание, в целом, однако, подобный набор функций вызывает впечатление расплывчатости и неопределенности. Намеченный Бюлером принцип позволил выйти на идею мотивированного отбора функций в их соотношении с элементами типового акта общения. Такая идея в более полном виде была осуществлена Jakobsonом. В работе 1960 г. "Лингвистика и поэтика" он предложил схему, которая, по его мнению, учитывает "основные компоненты любого речевого события" (Jakobson, 1975). Таких компонентов шесть:



Нетрудно заметить, что сюда могут войти и выделенные Бюлером компоненты. В схеме Jakobsonа они занимали бы места адресанта, адресата и контекста. К этому добавлены еще три элемента: сообщение,

контакт и код. Каждому из этих шести элементов соответствует одна из шести функций.

1. *Функция референтивная* (денотативная, когнитивная). Эта функция ориентирована на предмет (референт) сообщения, шире — на *контекст*, который включает в себя собственно предмет сообщения, а также обстоятельства и условия, известные говорящему и слушающему из их опыта или допускаемые тем и другим как объективные.

2. *Функция экспрессивная* (или эмотивная — наименование "эмотивная" предпочтительнее в силу многозначности и неопределенности термина "экспрессивный"). Эта функция акцентирует внимание на *адресанте* (говорящем), она подчеркивает отношение адресанта к высказываемому им содержанию, часто в форме, выражающей эмоциональное состояние говорящего.

3. *Функция конативная* особо выделяет *адресата*, подчеркивает его присутствие в акте сообщения. Она выражает намерение говорящего воздействовать на партнера, побудить его к действию. У этой функции есть грамматические примеры — формы повелительного наклонения.

4. *Функция фатическая* проявляется в сообщениях, которые направлены на установление, поддержание или прекращение общения. Это функция *контакта* (характерный пример — "алло" как начало телефонного разговора).

5. *Метаязыковая функция* связана с поиском средств, которые наилучшим образом соответствуют условиям данной ситуации, с учетом способности адресата адекватно понимать сообщение. Эта функция находит выражение, например, в фактах замены слова другим, если говорящий обнаруживает, что слушающий испытывает затруднения в понимании. Это часто наблюдается в разговоре с детьми или иностранцами. В более широком смысле это функция объяснения, на ней построена, в частности, практика толковых словарей: слова определяются при помощи других слов того же языка, или *кода*.

6. *Функция поэтическая* (эстетическая) обеспечивает особую потребность говорящего, связанную с оформлением сообщения. Она выражает «"направленность" на *сообщение*, как таковое, сосредоточение внимания на сообщении ради него самого» (*Якобсон, 1975, 202*) (выделено в тексте); может быть, было бы точнее говорить о направленности на "форму сообщения".

Выделение указанных шести функций носит относительный характер в том смысле, что в принципе каждое отдельное сообщение может предполагать акцентирование одной из них. При определенных условиях ту или иную функцию можно представить в чистом виде. Так проявляет себя, например, референтивная функция в строгом научном тексте, для которого объективное изложение фактов представляет суть сообщения. Но чаще всего в реальном общении различные функции взаимодействуют. Даже в научном тексте нельзя исключить возможность присутствия эмотивных или конативных элементов. Тем более это относится к проявлениям метаязыковой функции в научном тексте. Будучи способом толкования и пояснения, она способствует формированию и передаче объективной информации. Точно так же поэзию нельзя свести только к поэтической функции. Эта функция преобладает в словесном искусстве, в своих крайних формах она стремится к вытеснению других. Но и в этом случае она оставляет место, например, для выражения эмотивных или конативных установок.

Было бы упрощением полагать, что проблема функций или их взаимодействия актуальна лишь для таких видов речевой деятельности, которые, подобно науке или поэзии, характеризуются специфической интенсивностью мысли или, напротив, воображения и, как следствие, особым отбором способов и средств словесного выражения. Функциональное варьирование вообще свойственно языку человека, оно проявляется в той или иной форме, с той или иной мерой интенсивности во всех сферах речевой деятельности, при самых разных обстоятельствах общения.

Изложенные выше соображения заставляют особо рассмотреть вопрос о том, насколько представление о функциях соответствует понятию коммуникации и в какой мере оно соотносится с предметом семиотики. С традиционной точки зрения многое в концепциях Якобсона вступает в противоречие с понятием коммуникации. Ведь обычно коммуникация представляется как процесс передачи мысли (информации) и при этом на основе социально отработанных конвенциональных знаковых средств. Такова позиция, как мы видели, Прието и в значительной мере Бейссенса. При таком подходе лишь референтивная функция сохраняет интерес для исследователя.

Но еще Матезиус критически относился к тому, что Бюлер придавал чрезмерное значение репрезентативной, т. е. референтивной, функции в ущерб функции экспрессивной (см. об этом: *Horalek*, 1966,

42). В работе Якобсона эта позиция получает развернутую аргументацию. И хотя, по его мнению, референтивная функция является центральной для многих сообщений, он не склонен был приписывать ей монопольную роль: "Анализируя язык с точки зрения передаваемой им информации, мы не должны ограничивать понятие информации когнитивным (познавательным, логическим) аспектом языка. Когда человек пользуется экспрессивными элементами, чтобы выразить гнев или иронию, он, безусловно, передает информацию" (Якобсон, 1975, 199). Это замечание относится, очевидно, к эмотивной функции. Но то же Якобсон допускает в отношении других функциональных целей и, в частности, поэтической. У Якобсона мы находим новое понимание процесса коммуникации, осуществляемого на основе языка. Коммуникация уже не привязывается лишь к одной из возможных функций, она получает более широкое толкование с учетом различных целей, факторов и обстоятельств речевой деятельности. Прежде всего, это допускает усиление субъективного элемента. Классическое требование – "значение используемых в сообщении элементов должно быть единым и для говорящего, и для слушающего" – подверглось размыванию. Ведь эмотивная функция допускала для говорящего большую свободу в выборе средств с возможным отклонением от общепринятых способов, а для слушающего предполагались более сложные условия расшифровывания сообщения. Такую же картину демонстрирует поэтическая функция, которая не просто сильно ограничивает требование "общности средств для выражения", но в отдельных случаях ведет к полному отрицанию его, например, в некоторых направлениях поэзии.

Все это заставляет по-новому подойти и к определению задач семиотики. Если понятие коммуникации допускает более широкое толкование, чем это наблюдалось несколько десятилетий после Соссюра, то естественно встает вопрос о пересмотре основополагающих понятий этой науки. В первую очередь это касается ее границ, т. е. тех областей коммуникации, которые могут интерпретироваться как семиотические образования и таким образом составить предмет семиотики. Серьезного переосмысления требует также понятие главного строевого элемента семиотических образований – понятие *знака*.

Надо отметить, что основание для более широкого семиотического подхода мы видим не только в теоретических построениях Якобсона и близких ему по духу исследователей. Любопытно, что к этой про-

блеме часто обращались представители разных искусств, пытавшиеся осмыслить природу художественного "языка". Попытки эти делались с разной степенью глубины и последовательности и редко выходили за рамки интуитивных догадок. Тем важнее, что и с этой стороны поступали аргументы в пользу более широкого понимания коммуникации, ее знаковых оснований и полифункциональных, не только денотативных, целей. Сошлемся на несколько показательных примеров. Еще в XIX в. Новер, размышляя об особенностях языка балетного искусства, писал, что в некоторых ситуациях словесные средства не всегда способны достигнуть такой степени выразительности, какая подвластна порой другим искусствам, например танцу, особенно если речь идет о возвышенных чувствах. Говоря же о том, что в балете служит опорой для общения артиста и зрителя, Новер называет элементы движения и позы, которые, хотя и связаны с фактами природы и принципом имитации, носят все же условный характер. В этом смысле показательным его обращение к термину "знак" (*Noverre, 1807, 582*).

Когда вышел в свет роман Гюго "Собор Парижской богородицы" (1831), его суждения о развитии "языка" архитектуры могли производить впечатление характерной для него метафорической вольности. Сегодня они воспринимаются как семиотические озарения поэта: "Зодчество возникло также как и всякая письменность. Сначала это была азбука. Ставили стоймя камень, и он был буквой, каждая такая буква была иероглифом, и на каждом иероглифе покоилась группа идей, подобно капители на колонне... Позднее стали складываться целые слова. Водружали камень на камень, соединяли эти гранитные слогги и пытались из нескольких слогов создать слова. Кельтские дольмены и кромлехи, этрусские курганы, еврейские могильные холмы – это все каменные слова" (*Гюго, 1989, 140*).

Вообще "семиотический" элемент сильно ощущается в художественном мышлении многих французских писателей. Для них привычно обращаться к авторитету лингвистики и даже к таким способам выражения мысли, которые в иной культуре могли бы произвести впечатление излишней "научности" и книжности. В первые десятилетия XX в. этому могло способствовать широкое знакомство с работой Бреала "Очерк семантики", вышедшей в 1897 г. и перепечатанной в "Revue des deux mondes" – популярном среди широкой публики журнале. Такая особенность легко объяснима, когда речь идет лишь о публикациях, посвященных писательскому мастерству. Эрман, например, ссыла-

ясь на Бреалья и продолжая традицию Гюго, проводит параллель между особенностями литературного выражения и архитектурой Древнего Рима: "Синтаксис римлян напоминает их акведуки и храмы. Он прежде всего монументален. Каждое слово, подобно каждому камню, занимает место, которое оно должно занимать (*Hermant, 1926, 85*). И дальше: "Красота конструкции, будь то здание или фраза, проистекает главным образом или даже только из пропорций, гармонии и равновесия, и все это внушает чувство надежности и прочности".

А вот как испанский архитектор пытается семиотически осмыслить выразительные особенности своего искусства: "Архитектура определяется как система, позволяющая сложить и связать элементы по правилам, которые можно назвать синтаксическими. В речи существительное, глагол или прилагательное получают свое значение лишь тогда, когда они включаются в законченную фразу; также и в архитектуре пилястра или фронтон не имеют смысла и ничего не могут сказать о пространстве, если они не соотносятся с целым" (*Bofill, 1989, 156*).

Арагон, характеризуя творчество Матисса, пишет: "Если рассматривать картину как фразу, т. е. как сочетание выразительных элементов, приобретающее благодаря отношениям между этими элементами свой смысл, отличный от смысла каждого из них в отдельности, то представляется совершенно очевидным, что смысл этот зависит от самого способа сочетания, иначе говоря, – от синтаксиса картины" (*Aragon, 1978, 101*).

Подобные иллюстрации, число которых можно легко увеличить, показывают, как представители разных областей творчества обращаются к семиотическим представлениям, чтобы осмыслить основы художественного выражения. Разумеется, это происходит в отношении отдельных фактов, вне какой-либо строгой концептуальной схемы. Но то, что это носит широкий характер и затрагивает различные виды искусства, заставляет думать о неслучайности этой тенденции. Организация средств выражения в разных областях искусства опирается, очевидно, на некоторые общие принципы, которые ощущаются многими творцами и эксплицируются чаще всего в привычных понятиях, относящихся к естественному языку. Средства выражения в этих видах искусства воспринимаются ими как особые языки, отождествляемые с грамматикой и лексикой естественного языка. Это своеобразная стихийная семиотика, ее предметом оказываются явления, которые, как это мы видели у Бейссенса, Прието и Мунена, заведомо исключались

из сферы интереса традиционной семиотики. Но будущее оказалось на стороне именно такого подхода. Когда в разных областях гуманитарного знания ученые целенаправленно обратились к лингвистической методологии, семиотика получила сильный дополнительный импульс для своего развития.

Возможность семиотического подхода применительно к разным научным целям была блестяще продемонстрирована Лаканом и Леви-Строссом. Опираясь на лингвистические принципы своего времени, они использовали семиотический анализ в областях, которые, казалось бы, по своей природе не слишком соответствовали критериям знаковости, и ничто не сулило успеха. Тем не менее работы Лакана послужили фундаментом для развития особого семиотического направления в области психоанализа, а исследования Леви-Стросса внесли серьезный вклад в этнологическую науку, особенно в такие ее разделы, как диахрония и типология культур. Следуя в том же направлении, но применительно к языку, точнее к средствам выражения литературы и моделям социального поведения, Р. Барт публикует серию работ, которые, пожалуй, в наиболее яркой форме обозначили характерные этапы в развитии семиотики, начиная с сосюрровских истоков, через критику и отказ от сковывавших мысль постулатов к более широкому взгляду на сущность знака и его функции. Шаг за шагом утверждается многоаспектный подход к отношению знака и участников общения, что в конце концов ведет к провозглашению принципа многослойности семантики (означаемого), а также принципа самостоятельной роли материальной стороны (означающего) при функционировании знака. Очень важной для понимания того, как формировалась семиотическая концепция Барта, является работа "Основы семиологии" (Барт, 1975). Эта работа показательна и в более широком плане, как выражение новых ориентиров французской семиотики, преодолевшей узость подходов в духе Бёйссенса или Прието.

Во введении Барт подчеркивает, что он видит свою цель в использовании ряда аналитических понятий, "выработанных лингвистикой, исходя из предположения, что они обладают *достаточной* степенью общности, позволяющей приступить с их помощью к семиологическому исследованию" (Барт, 1975, 115). Действительно, в работе показано, как теория Соссюра (с учетом позиций Ельмслева, Бенвениста, Трубецкого, Фрея, Мартине) может работать на разнообразном материале, включая такой, как "языки" пищи или одежды. В соответ-

ствии с положением Соссюра о том, что в языке нет ничего, кроме различий, и что его организация опирается на систему оппозиций, Барт подробно рассматривает этот тезис через семиотическую призму, на основе классификации Кантино, которая, в свою очередь, восходит к концепции фонологических оппозиций Трубецкого. Здесь работают понятия привативной и эквивалентной оппозиции, нейтрализации оппозиций и т. д. (Барт, 1975, 149–157). Хотя ко времени данной публикации Барта уже были известны более значительные результаты о том, что касается оппозитивного анализа значимых единиц естественного языка (например: Pottier, 1964), соображения Барта оказались полезными в плане приложения этого анализа к разным семиотическим системам. Речь идет прежде всего о понятии коннотации, которое уже послужило ему теоретической основой для целой серии семиотических этюдов-миниатюр ("Мифологии") и которое в дальнейшем позволит ему значительно углубить общую теорию семиотики. Остановимся несколько подробнее на содержании, которое Барт вкладывал в понятие знака.

Эта категория проделала значительную эволюцию в его творчестве. Исходя из установок Соссюра и пытаясь расширить поле применения знака, Барт показывает отличие "семиологического знака" от "знака лингвистического". Он пишет: "Многие семиологические системы (предметы, жесты, изображения) имеют субстанцию выражения, сущность которой заключается не в том, чтобы означать. Очень часто такие системы состоят из предметов повседневного обихода, которые общество приспособливает для целей обозначения: одежда служит для того, чтобы укрывать от холода, пища предназначена для питания, и в то же время они способны означать. Мы предлагаем называть такие утилитарные, функциональные по своей природе знаки знаками-функциями" (Барт, 1975, 131). Сохраняя, как видим, соссюровскую идею о двусторонней природе знака (план содержания и план выражения), Барт по существу порывает с Соссюром в главном: для него знак представляет собой не конвенциональную, а *мотивированную* единицу, т. е. такую единицу, которая в ином применении уже была принята говорящими, укрепилась и фактически генерировала новый знак. Примечательно, что для Соссюра оказались неудобными такие единицы, как весы в значении "правосудие". Функциональная мотивация этого значения вступает в явное противоречие с идеей конвенциональности и таким образом подрывает основу знака. По Барту, здесь

имеет место особый механизм знакообразования. Чем глубже погружается анализ Барта в конкретный семиотический материал, связанный с разными сторонами жизни людей, тем резче проявляется его разрыв с сосюрговской традицией. Его все больше и больше занимает вопрос не столько о строении языка, сколько о его взаимодействии с обществом, о его роли в жизни человека, об обслуживании им потребностей культуры, особенно в ее творческих сферах, о воздействии человека на язык и языка на человека. Разумеется, все это отвечало логике развития науки в 60–70-е гг. Очевидная переключка концепции Барта с функциональной теорией Якобсона служит тому подтверждением. В семиотику Барт пришел из литературоведения, области, особо чувствительной и к языковой, и к культурологической проблематике. Он не мог принять отчуждения семиотики от жизни, от культуры, "технические" аспекты этой науки его мало интересовали. Более того, традиционное внимание ученых к семиотическим системам жесткой структуры и абсолютной функциональной предсказуемости, таким, как дорожная сигнализация или совокупность геральдических знаков, представлялось ему "смехотворным" (*derisoire*).

Все это объясняет, почему идея знаковости, занимая важное место в понятийном аппарате Барта, получает, в сравнении с традиционным подходом, новый акцент. Для него проблема знака не решается лишь в терминах "принято или не принято обществом", его скорее интересует, как рождается знаковое свойство, как этот процесс взаимодействует с жизненным опытом носителей языка, в каких средствах это находит выражение. Вот характерная иллюстрация из его "Мифологий": «В любой бытовой ситуации отсутствие вина поражает своей экзотичностью: когда г. Коти в начале своего президентства сфотографировался на фоне домашнего стола, на котором вместо бутылки красного вдруг оказалась бутылка "дюмениля", это всполошило весь народ, это казалось столь же нетерпимо, как король-холостяк. Вино выступает здесь как что-то вроде "государственной необходимости» (*Барт, 1996, 119*).

Здесь, разумеется, проявляется обычная для Барта склонность к острому слову, но, в сущности, мысль ясна: вино во французском обществе выполняет особую знаковую функцию, оно указывает на привычную национальную черту общения. Вино это не то, что пьют, а для этого может сгодиться дюмениль или минеральная вода. Оно социализировано как особый признак общения французов. Бытовая ситуация

в доме президента страны оказалась в противоречии с неосознанными ожиданиями соотечественников и была воспринята как нарушение устоявшейся знаковой ситуации.

Таких "сопряжений" бесконечное множество. Ввиду безбрежности этой картины, может показаться, что есть всего два способа ее осмысления. Во-первых, это возможность вернуться к сосюрговской схеме конвенционального, немотивированного знака и отбросить все то, что такими свойствами не обладает. Но этот путь уже изжил себя. Другая возможность была определена Бенвенистом как задача "второго поколения" семиотики: исследование не столько знаков в их системе, сколько того, как происходит означивание непосредственно в общении, в самой речевой практике. В целом этой задаче соответствует позиция Барта.

Акцентирование деятельностного момента получило обоснование, как мы видели, в необходимости преодолеть некоторые изжившие себя установки. Более широкому пониманию коммуникации отвечало новое представление о знаковых средствах. Помимо критерия немотивированности, догматический характер которого обнаружился очень рано, менее категоричным стало и требование социальной отработанности знака, его общепризнанности. Уже формула Бенвениста "гесоппи / compris" допускала возможность участия в коммуникации таких знаковых элементов, для которых не существует предварительного "договора" ("гесоппи") и достаточно быть "понятыми" (compris). "Второе поколение семиотики", в его представлении, должно было направить свой интерес на изучение комплекса вопросов, которые встают перед партнерами по коммуникации, *свободы и ограничений* в выборе средств при построении сообщения, с одной стороны, и *условий понимания и способов интерпретации* этого сообщения — с другой. Бенвенист указал на необходимость выхода за границы изолированной парадигматической единицы, без чего невозможно изучение означивания, порождаемого речью (т. е. в синтагматических условиях) и реализуемого в виде целостного смысла с учетом многообразных референтных связей как внутри речевого произведения, так и за его пределами.

В последние два-три десятилетия именно под таким углом зрения идет развитие семиотики, особенно в том, что касается исследований художественного текста. Можно сослаться в качестве примера на публикации Кристевой, выдвинувшей несколько плодотворных идей в

области изучения семиотики художественного текста. Это касается, в частности, процедуры анализа знаковых средств, манифестирующих межтекстовые связи, что позволило с опорой на идеи Бахтина сформулировать теорию интертекстуальности. Можно отметить также подмеченную Кристевой перестройку отношений означаемого и означающего в пользу означающего в некоторых семиотических сферах искусства. В соединении с теорией Якобсона, допускающей в определенных условиях усиление поэтической и эмотивной функций при соответствующем ослаблении денотативной, эта гипотеза Кристевой выглядит весьма правдоподобной. С ее помощью получают объяснение теория и практика некоторых направлений в культуре, например сюрреализма или абстрактного искусства, для которых, действительно, в высокой степени характерно гипостазирование эстетического и эмотивного начала за счет денотативного.

Однако в потоке исследований, выполняемых в русле "второго поколения семиотики", обозначились истораживающие моменты. Интерес к научной идее, охватывая массу исследователей, приобретает порой характер своеобразной интеллектуальной моды, со своими склонностями и предпочтениями или, напротив, отрицаниями и неприятиями. Переориентация на синтагматический аспект не ограничилась простым ослаблением внимания к парадигматическим основам языка. Наблюдается угасание интереса к той стороне знаковости, которая у Бенвениста характеризовалась свойством "гесонни".

Иными словами, "семиотика второго поколения", переключившись на преимущественное исследование творческих особенностей означивания, по существу отказалась от понятия социальной обусловленности знака, от изучения тех средств выражения, которые предполагают относительно устойчивую, общую для участников коммуникации знаковую базу. Любопытно отметить, что в работе Барта "S / Z", вышедшей в 1970 г. и соответствующей в полной мере критериям "семиотики второго поколения", внимание автора сосредоточено на многообразных проявлениях "текущего смысла", на игре намеков, неожиданных схождениях, возникающих в результате синтагматического регулирования средств выражения. Что же касается парадигматической стороны анализа, то здесь позиция Барта противоречива. Это обнаруживается в его оценках "культурного кода", т. е. кода, в котором общественно отработанный, исторически выверенный и закрепленный смысл знаков выражен особенно сильно. Ср., с одной стороны, выска-

зывание: «Без предшествующей Книги, без предшествующего кода не бывает ни желаний, ни ревности: "Пигмалион, в сущности, влюбился в одно из звеньев культурного кода"» (Барт, 1994, 89). Но это признание роли исторически обусловленного знака опровергается в другой части работы, где говорится о книжном происхождении подобных кодов (что, разумеется, верно, но ведь культурные коды формируются и переходят от одного поколения к другому и даже из одной цивилизации в другую прежде всего книжным путем). И когда Барт говорит далее о расхожих мнениях и прописных истинах, считая, что в этих кодах "и сконцентрирована бальзаковская устарелость" и что эта устарелость "является неотъемлемым свойством той самой Полной Литературы, которую подстерегает целое полчище смертоносных стереотипов, в ней же гнездящихся" (Барт, 1994, 227), то, по нашему мнению, все это отражает не столько критическое отношение Барта к бальзаковскому тексту, сколько позицию относительно семиотических основ художественного произведения и целей его анализа.

Первоначальное некритическое, безусловное принятие сосюрровской теории сменяется в некоторых концепциях "семиотики второго поколения" отрицанием одного из основных элементов этого учения – принципа знака. Там, где главной целью анализа становилось обнаружение скрытых отношений смысла, описание аллюзивной основы текста, оставалось мало места для изучения того, что по формуле Бенвениста, относилось к области признанных средств выражения. В этих условиях знаковость растворялась в единичном, случайном, неуловимом.

Такую позицию можно оправдать ссылками на право ученого или научной школы избирать направление исследований и ограничивать предмет изучения определенными рамками. Это и продемонстрировано очень ярко Бартом на примере анализа классической бальзаковской прозы. Еще больше доводов в пользу такой позиции дает "язык" некоторых течений искусства, особенно модернистского характера (сюрреалистическая позиция или абстрактная живопись). Другое дело, может ли все это служить основанием для абсолютизации подобного подхода?

Тезис Якобсона о том, что в каждом сообщении реализуется одновременно несколько функциональных целей, получило широкое признание среди семиотиков. Не вызывает возражения даже категорическая формула Барта о том, что "голой денотации" вообще не суще-

ствуется. Поскольку коммуникативные акты неотделимы от фактора субъекта, то выражаемые в них мысли в той или иной мере непременно осложняются дополнительными нюансами эмоционально-оценочной или эстетической природы. С другой стороны, с учетом того же постулата, нельзя допустить, что коммуникативное намерение, ориентированное на функции эмотивно-эстетического спектра, полностью свободно от рациональных аспектов. Денотативная часть такого сообщения может быть сколь угодно малой, казалось бы, вовсе отсутствует, но и в этом случае рациональный критерий так или иначе себя проявляет. Даже при допущении, что какое-либо сообщение бессодержательно с точки зрения смысла и, следовательно, лишено денотативной функции – нередкая ситуация при оценке некоторых произведений искусства, – это совсем не значит, что в других обстоятельствах, при ином наборе участников общения и в другое время в нем не обнаружится некий смысл.

Как бы далеко ни простиралась воля творца, его свобода в игре фантазии и в выборе способов выражения не может полностью выйти за пределы пространства, в котором он существует как член сообщества. Это сообщество живет по правилам, регулирующим поведение людей во всех сферах деятельности. Совместный характер носит и творческая деятельность в том смысле, что она предполагает не только творца и создаваемое произведение, но и того, кто является потенциальным потребителем этого произведения, будет ли это восторженный ценитель или непримиримый оппонент, искушенный критик или наивный профан. Даже "неведомый шедевр", творимый в уединении и не предназначенный стороннему взгляду, находит свою аудиторию.

Творческий акт – это акт коммуникативный. Здесь есть и адресант, и адресат. И есть сообщение, в котором непременно должны быть точки соприкосновения между миром творца и миром воспринимающего субъекта. Иными словами, должны быть элементы, на которых основывается произведение-сообщение и которые так или иначе отсылают к знаковому коду, общему для носителей данного языка и данной культуры. Так, очевидно, смотрит на проблему Бенвенист, когда он высказывается за такой подход к тексту, при котором, говоря словами Рея (Rey, 1976, 171), "чистая лингвистика", в сосюрвовском понимании языка как ее объекта, соединяется с принципами "лингвистики дискурса". Если этот тезис сопоставить с опытом Барта по анали-

зу бальзаковского текста, то эти две лингвистики должны в подобном анализе дополнять друг друга.

Такая позиция смыкается с характерным для нашего теоретического языкознания подходом, который с особой настойчивостью утверждался начиная с 60-х гг. в работах Будагова. Соглашаясь с тезисом о релятивности значения (и, следовательно, знака) в разных сферах человеческого знания и считая этот тезис одним из несомненных достижений науки XX в., Будагов в то же время отклоняет абсолютизацию этой идеи, которая, как это было у Ельмслева, в своей крайней форме, сводится к утверждению, что вещь имеет научное существование лишь в ее внутренних и внешних отношениях (*Ельмслев, 1960, 283*). Применительно к первоэлементам языка – словам и их значениям – эта позиция не просто означает гиперболизацию их зависимости от контекста, а равносильна отрицанию самостоятельного значения слов. По Будагову, "любые слова, а, следовательно, и их значения выступают как элементы общенародного языка, обычно понятные всем говорящим на данном языке людям. Это обобщенные категории... как бы поднимающиеся над отдельным контекстом" (*Будагов, 1961, 18; см. также: Будагов, 1976, 105*).

Из этого следует вывод: при изучении текста нельзя поступаться теми его элементами, которые определяются социальным опытом, обладают качеством известности как средства выражения и, таким образом, в той или иной мере выполняют как бы заранее приписанную им знаковую функцию. Ибо – снова обратимся к авторитету Рея – высказывание, будучи индивидуальным явлением, "не принадлежит только сфере, пусть глубокой, психологии, оно предполагает некоторые социальные правила, культурную семиотику, т. е. Историю..." (*Rey, 1976, 171*).

Часть четвертая

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

4.1. НОВОСТЕЙНЫЕ МЕДИА В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

Новости – важнейший компонент в жизни индивидуумов, групп, обществ и государств. Они ежедневно, по нескольку раз в сутки, представляют нам мир в его реалиях. И для того чтобы поток новостей не прерывался, для их производства работает много людей. Новости – это процесс, даже соединение многих процессов, благодаря которым "сырая информация" перерабатывается в новый продукт. Во время этой переработки происходит отбор того фактического материала, который становится "новостями", его редактирование, усиление, деформация, а иногда и манипуляция им.

Этот процесс – от события до его освещения в средствах массовой коммуникации (СМК) – называется *медиацией*. Медиация – это процесс интерпретации информации в соответствии с преференционными моделями тех, кто включен в репортаж события, а также в соответствии с характеристиками и приемами репортажа. То есть событие воплощается в слова или/и в картинку (скажем, телевизионные), оно обрабатывается в соответствии с требованиями медиума, с учетом времени, пространственного ареала и объема сообщения.

Один из теоретиков *массовой* коммуникации Д. Мак-Куэйл предлагает рассматривать медиацию как всего лишь метафору, в том смысле, что медиа находятся между нами и "действительностью", метафору, которая, в свою очередь, инициирует использование других метафор для характеристики сущностной роли медиа (*McQuail*, 1996, 65). По Мак-Куэйлу, медиация в разных коммуникационных теориях может значить разные вещи: от нейтральности в информировании через переговоры до манипуляции и контроля. Эти вариации закреплены в коммуникационных имиджах, отражающих различные способы связи с реальностью. Соответственно медиа могут рассматриваться, как:

- *окно*, открытое навстречу событиям (никто не вмешивается в процесс);
- *зеркало* событий в обществе и мире (имеется в виду правдивое изображение), хотя "угол" отражения зависит от материалов и зритель не всегда видит все, что мог бы видеть;
- *фильтр, вратарь или сторож* (отбираются одни факты и

мнения, но умышленно или неумышленно утаиваются другие взгляды и голоса);

- *указатель пути, гид или переводчик* ("разжевывают" то, что в ином случае может показаться загадочным или фрагментарным);

- *экран или барьер* (медиа отсекают нас от действительности, навязывая фальшивый взгляд на мир через эскапистскую фантазию или пропаганду).

Среди различных версий медиации в последние десятилетия наибольший интерес вызывает концепция *фильтра, вратаря или сторожа*. При этом разные школы и направления теоретической мысли склонны находить "фильтры" и "сторожей" как внутри медиа-институтов и организаций, так и снаружи.

Необработанная, или как ее еще называют, – сырая, информация, по сути является "изложением событий", т. е. приобретает жанровые признаки повествования, которые при условии применения ряда операций, становятся тем, что получило определение *новостийный дискурс*.

Уже из этого пунктирно очерченного процесса превращения информации в новости можно понять, что последние имеют селективную природу, на которую влияет огромное количество факторов. Одни из них проанализированы на микроуровне (исследование источников новостей, взаимоотношений репортеров и медиа, в которых они работают и др.), другие – на макроуровне (изучение влияния на медиа различных общественных институтов и шире – общества в целом, в частности, воздействие на массив новостей политиков, большого бизнеса, правительства), но следует отметить, что второе направление разработано менее основательно.

Содержание новостей зависит, в первую очередь, от тех, кто непосредственно участвует в их производстве: определяет их списочный состав – *повестку дня* (agenda setting) и осуществляет контроль в качестве "сторожа у ворот", тиражирующего или выпускающего новости в эфир.

Термин *повестка дня* используется для очерчивания разных приемов, с помощью которых СМИ сознательно или неосознанно дозируют информацию и структурируют общественные интересы. Этот феномен объясняется тем, что медиа, особенно их новостные блоки, могут фокусировать внимание публики на одних вопросах, игнорируя другие. Во-первых, повестка дня определяет, *какие* темы будут выне-

сены на суд широкой аудитории, во-вторых, **как** информация будет подана. Это связано с динамикой и диапазоном освещения событий, конструкцией, символикой сюжетов. Едва ли не главным является то, каким образом медиа устанавливают порядок подачи новостей (с точки зрения их значимости): контекстным полем, референционными фреймами и ограничениями. Это имеет особое значение для телевидения, поскольку линейная подача этого эпизода за другим неизбежна. Зрительская аудитория – в этом главный результат установления повестки дня – привыкает к этим медиационным условностям и усваивает, что порядок освещения событий идет "по убывающей" от самых важных к менее важным. В этом проявляется идеологическая власть медиа, их способность формировать суждения, мнения и оценки.

Значительный вклад в разработку теории концепта "определения повестки дня" и отслеживания его эффектов внесли М. Мак-Комбз и Д. Шоу (*McCombs*, 1972, 176–187; 1976, 78–89). Созданная ими модель медиа-эффектов позволяет проследить прямую корреляцию между объемом освещаемого материала и степенью его значимости в глазах публики: "Эта возможность когнитивных изменений у индивидуумов является одним из важнейших аспектов власти массовой коммуникации" (*McCombs*, 1972, 176–187; 1976, 78–89). Теоретические построения Мак-Комбза и Шоу критически анализировались в исследованиях ряда зарубежных ученых. Эту конструктивную критику можно классифицировать следующим образом.

В ряде публикаций отмечается, что модель Мак-Комбза и Шоу слишком упрощает процесс определения повестки дня, поскольку не учитывает "внешние", лежащие за пределами медиа факторы.

Многие исследователи справедливо подчеркивают, что существует, как правило, не одна, а несколько повесток дня: "Мы можем говорить о повестке дня институтов – политических партий и правительств. Существует важное отличие между определением повестки дня с помощью непосредственной коммуникации с публикой и определением повестки дня с целью воздействия на политиков", – пишут Д. Мак-Куэйл и С. Виндал (*McQuail*, 1993, 67), указывая тем самым на дуальную роль медиа, которые воздействуют на общественное мнение и на элиту. Мак-Куэйл и Виндал предложили свою модель, которая получила название "воздушный змей". В этой конструкции медиа выступают не только как носитель, но и как источник информации, т. е. наблюдается постоянное взаимодействие и взаимопроникновение

идей и предложений элиты с ожиданиями общественности ("со-ориентированный подход"). Впервые эту гипотезу высказали американские ученые Мак-Леод и Шеффи в статье "Межперсональный подход к коммуникационному исследованию" (*McLeod, 1973, 117–123*).

Модель Мак-Комбза и Шоу непосредственно связана с современными СМК, что, в свою очередь, порождает вопросы об их роли в определении повестки дня: сами ли медиа порождают ее и затем усиливают всеми доступными средствами, или делают это с учетом общественных ожиданий, или, наконец, обслуживают интересы элиты?

Мак-Комбз и Шоу вполне осознают открытый характер этих проблем и возможность различных подходов к их исследованию. В статье "Эволюция исследований повестки дня: рынок идей" (*McCombs, 1993, 73–87*) они отмечают, что это чрезвычайно плодотворный путь. Все, что связано с повесткой дня, позволяет углубить наше понимание механизма и роли массовой коммуникации в целом и политического дискурса в частности.

Процесс контроля за выпуском новостей "на публику" получил в англоязычной литературе выразительное название "gatekeeping", что можно перевести как "фильтрация". Этот термин родился в недрах американской социальной психологии и принадлежит К. Левину, который обнаружил, что в каналах коммуникации имеется ряд "ворот". Хотя работа Левина была посвящена изучению потребительского спроса, он провел аналогию с потоком новостей в массовой коммуникации, и термин стал широко использоваться при изучении различных аспектов информационных потоков.

Д. Уайт использовал идею Левина для анализа работы редактора газеты, отбирающего информацию для газетных новостей (*White, 1950, 73*). Он назвал его "мистер Сторожевик". Уайтовская модель этого процесса сегодня может показаться слишком упрощенной, потому что он анализирует только одни "ворота" и действия только одного "сторожевика", тогда как на деле процесс фильтрации значительно сложнее. На пути к широкой аудитории новости проходят через множество "сторожей", или "фильтров". Это могут быть официальные и неофициальные лица, и влияние на отбор новостей происходит как прямо, так и косвенно.

Значительные дополнения в модель Уайта внес Дж. Мак-Нелли, которого заинтересовал процесс медиации международных новостей (*McNelly, 1959, 176–181*). Исследователь обозначил несколько этапов,

через которые проходит информация о событии, пока она не приобретает новостийной формы. При этом он не остановился на стадии производства и презентации новостей, а проследил их дальнейший путь посредством устной коммуникации (например, между членами семьи). Среди "промежуточных сторожевиков", влияющих на медиацию события, Мак-Нелли называет зарубежного корреспондента, редакторов национальных или региональных бюро в стране, редакторов информационных агентств, редакторов новостей радио или телевидения, адресата (читателя/слушателя/зрителя), получившего эту новость и передавшего ее другим. Во время этого процесса, указывает Мак-Нелли, сообщение постоянно изменяется. Это было ценным наблюдением, но главное, чего не доставало в модели Макнелли, это определения тех критериев, в соответствии с которыми происходит селективный процесс.

Более детально модель селективной фильтрации разработана Дж. Галтунгом и М. Руж (*Galtung, 1965, 17–32*). Они выделили узловые пункты "конвейера" новостей. Вначале профессионалы СМК определяют: можно ли то или иное событие квалифицировать как новость. Затем в соответствии с установленными критериями новостийности происходит отбор сообщений и решается, как их подавать – отдельно или в комбинации с другими. В конечном счете, создается имидж того или иного события.

Центральным в этой модели являются критерии новостийности, или концептуализация тех ценностей, благодаря которым информация превращается в новости. Эти критерии таковы:

- **частотность:** уникальное событие, например, громкое убийство более новостийно, чем конъюнктура рынка, которая отслеживается изо дня в день;
- **амплитуда:** чем больше, тем лучше, чем драматичней, тем вероятней, что такой сюжет достигнет "порога ценности";
- **однозначность:** чем четче очерчены события и поданы без усложняющих компонентов события, тем более они "бросаются в глаза";
- **узнаваемость:** то, что этноцентрично, понятно в контексте данной культуры и релевантно, – события, наиболее тесно связанные с состоянием дел в стране;
- **соответствие:** насколько события отвечают ожиданиям людей;
- **удивление:** это своего рода антитеза узнаваемости и соответствия,

она работает в случае хороших новостей;

- **непрерывность:** постоянство рубрик или тематических блоков;
- **композиция:** необходимость "баланса", что составляет главную задачу продюсера или редактора дополнить повестку дня контрастными элементами (когда, скажем, преобладают зарубежные новости, "разбавить" их событиями внутренней жизни страны, или в случае наплыва негативных новостей выдать для контраста хорошую новость).

Галтунг и Руж сделали несколько важных наблюдений. Они, в частности, установили, что если новости касаются элитных стран или видных деятелей, то они в большей степени могут быть персонифицированными, и чем более негативным является событие по своим последствиям, тем скорее оно попадет на страницы газет, на радио или телевидение. Ярким примером может служить драматическая судьба принцессы Дианы (элитная персона, страна высокого международного ранга, громкие скандалы, негативность событий, трагический финал).

Дж. Танстолл адаптировал модель селективной фильтрации для анализа новостийных ценностей на телевидении. Он выделил четыре основных различия между ценностными ориентациями газетных и телевизионных новостей:

- На телевидении пальма первенства отдается визуальности. Присутствие отснятых на пленку материалов усиливает значимость новостийного сюжета.
- Предпочтительнее новостийные сообщения, включающие выход в эфир "наших корреспондентов", интервью или комментарий по свежим следам события.
- Телевидение использует сравнительно малую часть той информации, которая заполняет страницы газет, даже центральные сюжеты теленовостей отличаются динамизмом и краткостью.

Телевидение отдает предпочтение "жестким" документальным сюжетам (*Tunstall, 1971, 214*).

Британские исследователи П. Голдинг и Ф. Эллиот пошли дальше в разработке содержательных характеристик телевизионных новостей, стараясь их структуризировать и систематизировать. Они детально проанализировали структуру теленовостей, сосредоточив внимание на таких принципиальных моментах:

- Первое ограничение в построении новостей – лимит времени. Если сообщения лаконичны, можно в одном выпуске дать "разумный"

объем информации.

- Для того чтобы усилить интерес зрителей, используются два типа нарративной структуры: одна – "перевернутая пирамида" (воспроизводится модель газетной статьи, когда вначале идет самая важная информация, а затем второстепенная); другая – тематическое соединение отдельных новостей (своего рода тележурнал). Так, география может придать отдельным событиям тематическую связь.
- Чтобы помочь зрителям разобраться, какая новость главная, а какая второстепенная, добавляется имплицитный контекст. Для этого существует ряд психологических "ключей". Во-первых, длинное сообщение кажется более важным, чем короткое. Во-вторых, существенную роль играет порядок передачи разных сообщений: то, что идет "первым номером", важнее последующих новостей. В-третьих, существуют приемы анонсирования самых важных новостей в выпуске до или после программы. То, что новость важная, подчеркивается использованием в них документальных кадров, вспомогательных визуальных материалов (диаграмм, рисунков, фото и т. д.); развитием данного сюжета в комментарии или репортаже с места события.
- Важный элемент структуры новостей – "новостийные колышки" и "новостийные углы". "Новостийные колышки" – это солидные темы, на которые можно "навесить" какой-угодно материал, если он кажется интересным и "стоящим". "Новостийные углы" – это журналистский прием конвертации сырого материала в новостийную историю. Если "новостийные колышки" позволяют подробно разъяснить какую-либо новость, то прием "новостийные углы" используется для "инъекции" новостийности в событие, которое в противном случае "не дотянуло" бы до телевизионного стандарта. Это, естественно, требует творческой выдумки и профессионального мастерства.
- Неотъемлемой составляющей структуры новостей является использование вокабуляра. Ярлыки и фразы, несущие в себе "фиксированное" отношение к событию, отражают восприятие мира журналистом. За этим следует этап стереотипизации, которая влечет за собой неартикулированные концепты о людях и процессах. Контексты, в которых подаются новостийные сюжеты, могут быть имплицитными и эксплицитными. Имплицитные контексты создают ассоциативное поле или поясняют событие при помощи аллюзий. Эксплицитные контексты выступают, как правило, в комментариях

и теледиспутах с участием авторитетных экспертов.

- Последний аспект телевизионных новостей это визуальные элементы в выпусках. Сюда входит визуальный символизм, включая кинематографические приемы усиления тех или иных смысловых граней материала. Презентация политических фигур с наглядной акцентацией черт их характера, появление на экране рубрик, документальных кадров, слайдов, карт, схем и т. д. (*Golding, 138–145*).

Со времени исследований Голдинга и Эллиота телевидение существенно изменилось – преобразилась структура теленовостей, стало разнообразнее их содержание и форма. В том, что касается последней, достаточно вспомнить компьютерную графику, мультипликацию, приемы видеоигр и интерактивного вещания, которые были, например, применены американским телевидением во время освещения вооруженных операций в Персидском заливе. Вместе с прямыми репортажами корреспондентов CNN с места событий широко использовалась "срежессированная" пентагоном информация, и в результате политические новости превратились в инструмент манипулирования общественным мнением.

Процесс, который конституирует нарративный принцип подачи новостей в медиа, получил название "фрейминг" (от англ. *framing* – обрамление, помещение в рамку). Действительно, СМИ "обрамляют" реальность, и все, что не входит в эту рамку, остается за пределами зрительского внимания. По меткому замечанию Р. Энтмана, достаточно двадцати минут, чтобы вставить мир в заготовленный фрейм (*Entman, 1994, 63–72*). Для фрейминга существует много приемов. Среди них – *заглавие* новостийной программы и сопровождающая его музыка, диктор новостей, предварительно снятые на пленку и отредактированные сюжеты. Фреймы – это и *манера*, с помощью которой потенциально нейтральная информация получает политическую окраску.

По существу, фрейминг имеет много общего с определением повестки дня, потому что включает отбор, селекцию и нахождение приемлемых для новостей материалов по ряду критериев, воздействуя на аудиторию, что придает новостийному дискурсу манипулятивные возможности. Для успешной коммуникации, т. е. для завоевания внимания зрителей и привлечения их на свою сторону, нужно опираться на систему схем ментальных репрезентаций. Они управляют аудиторией, активизируя модели мировосприятия – "фреймз оф референс", благодаря которым легче усваивается новая информация.

Схемы построения и восприятия новостей были детально рассмотрены американской исследовательницей Д. Гейбер в работе "Как укротить информационный прилив". Хочется особо подчеркнуть, что власть фреймов не только в том, *что* они содержат, но и в том, *что* они "отсекают", устраняют из зоны общественного внимания. "Фрейминг – главная сила в демократическом процессе: именно элиты контролируют фрейминг" (Zaller, 1992, 119).

Рассмотренная нами *эволюция основных концепций и моделей новостийных медиа* последних четырех десятилетий XX в. позволяет проследить развитие западной научной мысли в этой области массовой коммуникации в целом и в аспекте политического дискурса в частности. Используя эти плодотворные идеи, можно и нужно продолжить теоретическую разработку проблем, представляющих первостепенный интерес как для новостийной журналистики, так и для исследования политического дискурса.

4.2. ЮМОР В ПОЛИТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ ПЕЧАТНЫХ СМИ

В толковых словарях можно встретить такие определения слова "юмор", как "понимание комического, умение видеть и показывать смешное, снисходительно-насмешливое отношение к чему-нибудь", или как "изображение чего-нибудь в смешном, комическом виде". "Смешное", в свою очередь, определяется как "вызывающее смех", а "смех" – как "голосовые звуки, выражающие веселье, а также насмешку, злорадство и другие чувства, эмоции". Таким образом, юмористический дискурс есть дискурс в высшей степени эмоциональный, одновременно и отражающий, и порождающий, конституирующий эмоцию, личностное отношение.

Эмоция как душевное переживание является непосредственным объектом исследования психологии. Однако *вербализованная эмоция (эмоция как вербальное событие)* – это объект пристального внимания практически всех гуманитарных дисциплин, так или иначе являющихся слагаемыми дискурс-анализа, – лингвистики, истории, философии, социологии, коммуникации, политологии, культурологии. Юмористический дискурс – явление безусловно интегративное. В нём мы находим и социальное и коммуникативное содержание, и семасиологическое и речеповеденческое. Он может актуализировать и объектную и субъектную ситуации общения. Юмористический дискурс – это всегда

событие: рождение и "коммуницирование" новой, неожиданной, спонтанной связи (внутренней или внешней). При этом мы осознаём, что происходит нечто парадоксальное: совмещаются трудно совместимые связи как между разными видами деятельности – языковой и речевой, познавательной и оценочной, практической и поведенческой, так и между их производными (столкновение фонетической и семантической сторон знака, возвышенного и низкого стилей, общепринятого и маргинального, бытового и профессионального и пр.).

Шутка/юмор не просто случайное (немотивированное) соотнесение неких реалий с известным аудитории словом или образом (вербализация события), а действие вполне позитивное – свободное проявление фантазии, обязательно несущее оптимистическую нотку, рассчитанное на понимание со стороны группы, а значит объединяющее группу вокруг этого эмоционального "фокуса". При этом юмористическая эскапада, не требуя от адресата особого умственного напряжения или душевных затрат, настраивает его на удовольствие и позволяет ему выплеснуть лишнюю энергию, снять напряжение. Юмор социален, идеологичен, коммуникативен.

Однако в политической жизни роль юмора значительно усложняется, становится многозначной и противоречивой. Юмористический дискурс включается в поле политической борьбы, независимо от того, является ли он проявлением скептицизма или, наоборот, воодушевления.

Юмор в политическом дискурсе – малоизученная область знания, хотя и с богатыми традициями. Возможность соединения политики и смешного – того, что есть, и того, что могло бы случиться, – мы находим в работах Аристотеля, Сократа, Аристофана. Однако в наши дни эта нить утрачена. Современность осознает политическую деятельность не в рамках *модальности*, а в рамках *преодоления противоречия*. Политический дискурс "втянут" во множество дуальных оппозиций (дихотомий), в которых для смешного практически не находится места. Оно перестает быть "действующим лицом" дискурсий, а становится инструментом манипуляции общественным мнением.

Вовлечение юмора в орбиту различных видов деятельности породило разные подходы к изучению этого явления соответственно разнообразным теоретическим схемам. Среди них – концепции несовместимости или превосходства психоаналитическая и психолингвистиче-

ская трактовка, прагматическая и когнитивная (концептуальная), семиотическая и культурологическая.

Исследование юмористического дискурса, политического юмора в том числе, непосредственно активизировалось в связи с усилением внимания к социальной истории и реальному политическому процессу, с рождением интердисциплинарных подходов и дифференциацией лингвистической науки.

Мы полагаем, что можно выделить *три направления исследования юмора в общественно-политическом дискурсе*:

1) исследования функциональной направленности юмора: а) место, цели, задачи, функции юмора в политическом дискурсе, б) взаимодействие юмора и власти с учетом адресанта и адресата в аспекте их взаимодействия, в) актуализация различных сторон содержания шутки (как то: прагматической, синтагматической и пр.), г) различные функциональные формы проявления юмора (специфика функционирования в социуме национально-культурных, этнических, возрастных и прочих стереотипов);

2) исследования структурной направленности: а) проблематика юмора в политике, б) языковые, логические, идентификационные и деятельностные содержательные аспекты юмора, в) формальные характеристики (жанры политического юмора);

3) динамические, комплексные исследования, а именно: а) многоступенчатые исследования отдельных случаев (ситуативных, временных, групповых, институциональных) и б) исследования отдельных случаев в режиме мониторинга с целью обнаружения тенденций.

Понятно, что третий тип исследования вбирает в себя первые два и использует выработанные ими исследовательские подходы и методики. Причем возможен вариативный набор таких методик, определяемый в соответствии с конкретными целями и задачами исследования, а также его материала.

Рассмотрим ряд вопросов, общих для трех исследовательских направлений.

Одной из центральных проблем в обсуждаемой нами области знаний (юмор и политика) является *проблема взаимоотношений юмора и власти*. Она находит свое отражение практически во всех видах речевой деятельности (письменной и устной, активной и пассивной), на всех ее этапах (интенция, реализация, результат), охватывает все элементы коммуникативной модели (адресант – текст – адресат).

Для выявления специфики функционирования юмора в политическом дискурсе и случаев актуализации в нем политического (властного) начала важно исследовать субъектную ситуацию общения: кто над кем смеется и кто есть эти "кто" (каковы статусы смеющегося и осмеянного). Здесь может помочь исследователю таблица, предложенная А. Бергером (*Berger, 1998, 8*):

Цель	Наш Статус	Мы смеемся над другими	Другие смеются над нами
Власть	Высокий	Равенство	Воздействие (манипуляция)
Власть	Низкий	Сопrotивление	Контроль

Как видим, в таблице учтены четыре ситуации общения, которые можно охарактеризовать следующим образом:

1) смеющийся, обладающий высоким статусом, смеясь (шутя), констатирует (утверждает) наличие равенства между общающимися;

2) смеющийся, обладающий низким статусом, смеясь (шутя), противостоит контролю над собой;

3) смеющийся, обладающий высоким статусом, смеясь (шутя), пытается воздействовать на нас (манипулировать нами);

4) смеющийся над нами, обладающими более низким статусом, смеясь (шутя), подтверждает (актуализирует) наш низкий статус и демонстрирует свою доминирующую позицию (контроль над нами).

Итак, юмор может быть и утонченным средством социального контроля доминирующих элементов общества, и в то же время формой сопротивления подчиненных элементов. По тому, что характерно для юмористического дискурса той или иной социальной группы, можно судить, с одной стороны, о ее реальном положении в обществе, ее силе, зрелости, а с другой стороны, о силе и зрелости ее оппонентов (*Berger, 1998, 2*).

Смех – сильное оружие. Умение пользоваться им и направлять на противника – индивида (субъекта политики), группу, институт, идею – входит в арсенал политической деятельности и является определенной формой власти. Если над политиком, институтом, идеей смеются, то значит этот объект юмора, возможно, имеет серьезные недостатки (пробелы) и трудноразрешимые проблемы.

Анализ субъектной ситуации общения в юмористическом дискурсе может быть дополнен анализом объектной ситуации общения, экспансиональной характеристикой текстологической "ткани" шутки. Иначе говоря, *юмор – это не только средство борьбы против кого-то, но также и аргумент за что-то/кого-то.*

В содержательном анализе юмора первостепенное значение имеет выделение ключевых идей. Пилотажное исследование юмора в современном политическом дискурсе позволило выявить ряд повторяющихся в разных ситуациях идей, которые можно рассматривать как *аргументативные идеи*, то есть идеи, вокруг которых строится аргумент, а параллельно рождается шутка.

1. Символ как аргумент: использование *слова-символа*, за которым стоит идея, группа, личность, институт, документ, гимн, торжественный день и прочее (как то: сакральные понятия или мифологизмы), и его деконструкция, не соответствующая ожиданиям. Примером может служить следующее прочтение (деконструкция) цветов российского флага: «Перебранка между двумя колоннами демонстрантов на манежной площади в Москве: "Вы, *красная* сволочь." – "Вы, *недобитки белые*." Выходит третья колонна. "А вы за кого?" – "Ни за кого. Мы *голубые*." – "Братцы, так чего же мы ссоримся? Ведь тут собрались все *цвета российского флага*"»

2. Секс как аргумент: использование ассоциаций сексуального плана как аргумент сильной или слабой позиции, а также такие приемы, как перенос, параллельные конструкции., например, импотенция – политическая импотенция (В. Черномырдин: "Говорят, что я делаю это из популистских соображений, чтобы поднять рейтинг или что-то там еще. У меня все в порядке, ничего поднимать не надо").

3. Инсценировка опроса или статистического анализа как аргумент (например, рейтинг политика в сантиметрах и килограммах – выпад обозревателя ОРТ С. Доренко против мэра Москвы Ю. Лужкова 5 декабря 1999 г.).

4. Национальные предрассудки или заниженный статус профессии как аргумент (уничижительные характеристики российских аграриев во время дебатов в Думе – "ветеринары", "костоломы"; "разоблачение" национальной принадлежности В. Жириновского: "мать русская, а отец – адвокат".)

Использование юмора в политических дискуссиях может преследовать как конструктивные, так и деструктивные, манипулятивные

или демагогические цели. Современный политический дискурс выступает чаще всего как дискурс власти и контрдискурсии. В результате реализуются две функции юмора – свободомыслия и насаждения повинения. Такой черно-белый подход к функциональному изучению юмора в политике восходит ко временам холодной войны и, бесспорно, обедняет реальную картину. Наличие других цветов не только возможно, но и необходимо, ибо оно снимает напряжение в обществе и сам юмор становится средством "выпускания пара". Впрочем, и этой функцией не исчерпывается диапазон юмора в политике. Как нам представляется, его функциональную многогранность могут раскрыть категории комического и трагического. Их взаимодействие порождает такие пары, как случай и неизбежность, свобода и детерминизм, оптимизм и пессимизм, выживание и разрушение, социальное и персональное, интеграционное и сепаратистское, банальность и серьезность, сниженность и возвышенность характера, удовольствие и боль, катэксис (выброс лишней энергии) и катарсис (очищение). Каждая из этих дихотомий указывает на возможность реализации посредством юмора различных идеологем и способов воздействия на аудиторию. Мы полагаем, что выявление функционального характера юмора в дискурсе власти и контрдискурсии – перспективный подход к изучению данного явления. Он позволяет расширить наше представление о политическом дискурсе в целом и его различных вариантах.

Другой возможный путь познания специфики юмора в политике с учетом его не столько функциональной, сколько структурной данности, – исследование с позиций так называемой *морфологической организации* (подход, предлагаемый по аналогии с работой В. Проппа "Морфология сказки"). Набор основных формообразующих элементов юмора (язык, т. е. код, логика, идентификация и действие) представлен в книге А. Бергера "Анатомия юмора" (*Berger, 1998, 18*):

- языковые компоненты – аллюзия, напыщенность, ирония, дефиниция, преувеличение, шутливость (веселость, игривость), оскорбление, инфантилизм, непонимание, сверхбуквальность, игра слов (головоломка), остроумие, высмеивание, сарказм, сатира;
- логика – абсурдность, случайность, ошибки, каталогизация, совпадение, аналогии, разочарование, невежество, повторение, неудача, непреклонность, тематичность/вариативность;
- идентичность – до того/после, бурлеск, карикатура, гротеск, эксцентричность, неловкость, разоблачение, имитация, мимикрия, им-

персонификация, пародия, стереотип, снятие маски, взвешивание (сопоставление);

- действие – погоня, хлопанье, скорость, время.

Здесь мы наблюдаем смесь жанровых, деятельностных и риторических начал, признание того, что юмор вербален (язык) и невербален (перформативен), экзистенциален (самодостаточен) и идеален (логичен). Это, в свою очередь, приводит к мысли о многоярусности и дополнительности методик, с помощью которых возможно изучение этого явления, неизбежности, в конечном итоге, дискурсно-аналитических подходов с учетом постмодернистских "новаций".

4.3. КОЛЛАЖ КАК ИНТЕГРАТИВНЫЙ ЖАНР

"Дозволенность" шутить по самым разным поводам, в том числе по поводу политических событий или политических функционеров, является атрибутом демократического общества. Политический юмор – это часть имиджа демократии. Примерами могут служить юмористические сериалы "Да, господин премьер-министр", уже давно занявший свою нишу на телевидении Великобритании, "Куклы", относительно новый, но уже достаточно популярный российский телепроект. В России начинает получать распространение также такая форма политической активности, как юморина или политический "хэппенинг" (это явление анализируется Левчиком в журнале "Социс", 1996. № 8). В целом, надо сказать, что российская аудитория достаточно благосклонна к такому виду политической деятельности, как балаганное представление, ибо оно дает аудитории своеобразную разрядку. С другой стороны, его используют манипуляторы общественного мнения, ибо на фоне производимой такими передачами разрядки легче внушаются "нужные" политические настроения. Впрочем, ситуация все равно остается достаточно напряженной, что демонстрируется сохранением и даже небывалым расцветом так называемого "чёрного" юмора (Социс, 1996. №7). Официальная белорусская печатная продукция не склонна к шуткам, особенно по поводу официальных событий и лиц. Здесь к печатному слову относятся трепетно, следуя пословице: что написано пером – не вырубишь топором. Единственным объектом юмора становятся лишь представители оппозиции.

На "официальном" полюсе шутка прорывается редко и лишь в живом общении с аудиторией (примером тому может служить замечание А. Лукашенко, выступившего перед депутатами российского пар-

ламенты в октябре 1999 г. о том, что не только "благодаря мужикам" повысилась рождаемость в Беларуси на 15 % за год, но и благодаря "усилиям" президента). В отличие от официальных печатных изданий в либерально-демократической прессе всегда есть место для иронической интонации. Более того, именно здесь появляется такой жанр политической иронии, как "стёб", когда ирония возникает по поводу любых ценностей и, как правило, бывает самодовлеющей и "перевешивает" другие оценки политических событий (см. материалы А. Федуты, публиковавшегося под псевдонимом М. Ж.).

Вместе с перестройкой в демократические СМИ пришли новые жанры, тяготеющие к "раскованности" и язвительной насмешке. Среди них – жанр "цитаты дня", который когда-то вела газета "Имя", а теперь "Навіны". Наполнение этого жанра – курьезные высказывания политиков, где обнаруживается сбивчивость мысли или происходит некое "саморазоблачение". Получили распространение политические карикатуры, коллаж (см.: "Имя", "Белорусская газета"). Коллаж оказался благодатным жанром для газеты, благодаря таящейся в нём загадке – в нём всегда есть место имплицитному содержанию, которое надо найти, вывести на поверхность, разгадать, "добыть". Радость успешного декодирования, увеличивает популярность жанра, ибо разгадка доставляет читателю удовольствие и повышает его самооценку.

Коллаж может использоваться и в газетных текстах. Это своего рода забавный или язвительный монтаж "неосторожных" высказываний политических деятелей, намеренное смешение жанров, случайных событий, сценариев, символики с целью получения качественно нового текста.

Мы провели исследование жанра коллаж на материале газеты "Имя", где он публиковался на последней странице практически каждого номера. Выборка составила материалы трех лет, а именно: 1995-й – год появления данного типа материалов в газете, 1996-й год – пик политических событий: выборы президента в России, референдум в Беларуси и 1999-й – год закрытия газеты. Деконструкция коллажей проводилась с помощью ряда текстологических методик. Основными такими методиками стали:

1. Идентификативно-интерпретативный анализ (рожденный в рамках каузально-генетической модели содержания текста), предполагающий установление предметно-деятельностного содержания материала: источника образа и композиционную основу коллажа, а так-

же определение того, какое развитие данный образ претерпевает по ходу конструирования коллажа;

2. Социально-ролевой анализ, с помощью которого анализировались реальные субъекты политики, так или иначе вовлеченные в текстуру коллажей.

В какой-то степени были задействованы методики:

3. Функциональная, предполагающая определение значимости как коллажа в целом, так и его различных элементов, и
4. Дискурс-анализ, уделяющий внимание контекстному прочтению анализируемых материалов.

Итак, посмотрим на результаты анализа, проведенного с опорой на данные методики.

Надо отметить, что юмор коллажа рассчитан на достаточно подготовленную аудиторию, но авторы в любом случае выбирают узнаваемую основу для композиции, куда привносят элементы, отличные от нее "по фактуре".

Исследование показало, что для коллажей *источниками* жанровых решений послужили: 1) фольклор (например, вариации на тему "Три богатыря" в номере от 15 ноября 1996 г.), пословицы и поговорки; 2) культурологические мифы советского периода, отраженные в плакатах ("Не болтай, будь бдителен"), прославляющие трудовые и спортивные достижения страны, рабочие профессии, тружеников села (см., например, в номере газеты от 20 мая 1999 г. "Прости, Родина! Опять не получилось!"); 3) художественные аллюзии, ссылки на произведения литературы, искусства, театральные постановки, кинофильмы (например, картины русских классиков Иванова, Васнецова, Кипренского, Мясоедова, Репина; художественные фильмы, среди которых "Девочка ищет отца"), балетные постановки, такие как "Весна священная", "Избранница" и др.; 4) геополитические штампы (см., например, номера от 15 ноября 1996 г. или 18 марта 1999 г.); 5) басни и ролевые характеристики представителей животного мира например, такие как слоны, носороги, лемуры, шимпанзе (см. номера от 23 марта, 13 мая, 7 июня, 11 и 18 октября 1996 г.).

Характерно, что если источником вдохновения первых коллажей (1996 г.) были главным образом фольклорная мифология, культурологические мифы советского периода, геополитические штампы, басни и ролевые характеристики животного мира, то в дальнейшем (и особенно в 1999 г.) таковыми стали художественные аллюзии.

Источник рождения коллажа тесно переплетается с его предметно-тематическим содержанием. И здесь мы увидели ряд закономерностей, например, появление образов животных в тех случаях, когда тема коллажа – непродуманность решений, следование не разуму, а животному инстинкту. Именно так завуалированно сообщает газета своему читателю о своем отношении к тем или иным политическим решениям или поведению политика.

Другое такое наблюдение – обыгрывание темы "политик старой закалки" или "политик из прошлого" на фоне плакатной фактурности представителей мирных профессий, бывших в почете в советские времена.

С образами старого времени (плакатами) связывается еще одна тема прошлого – цензура.

Соотношение темы и источника сродни соотношению темы и ее знаковой формы. Каждый элемент этой дихотомии обогащает предметно-деятельное содержание текстуры коллажа. В то же время абсолютная точность "показания" может быть губительна для глубины содержания, ибо в таком случае каждый элемент дихотомии "глушит" другого. Излишняя прозрачность формы максимально сужает тему, в то время как стремление "заострить" тему (т. е. свести ее до определенного минимума, до некоей достаточно просто формулируемой истины или псевдоистины) ограничивает набор форм, из которых происходит ее выбор.

Факт наличия такой тенденции – предпочтение при выборе формы (в нашем случае источника) такой, которая обладает качеством максимальной прозрачности – говорит о том, что коллаж строится как сообщение, в первую очередь воздействующее, актуализирующее оценочную (практическую) информацию. В таком случае можно говорить о данном типе коллажа не как об элементе дискурса СМИ в целом, а как об элементе, исключительно политического дискурса.

Посмотрим, что в этом отношении добавят нам другие методики, ибо данный вывод строится пока на результатах анализа материалов лишь с помощью одной идентикативно-интерпретативной методики.

Для более полной интерпретации содержания коллажа необходимо знать, также и то, какие роли приписываются политикам, оказавшимся вплетенными в текстуру материала. Из этого, можно будет судить и о значимости оных и об отношении к их значимости и статусу со стороны соответствующего издания.

Как мы увидели, для коллажа в газете "Имя" достаточно характерно сознательное смешение ролей, их взаимозаменяемость. Так, например, в коллаже от 26 января 1996 г. проводится аналогия между "доброжелательным" отношением Черчилля к сталинской России и Ельцина к лукашенковской Беларуси. Роли соответственно распределены так: Ельцин – в роли Черчилля, а Лукашенко – в роли Сталина. Причем о смешении ролей можно говорить в применении не к одному, а целой серии коллажей.

Бесспорно, в каждом случае наряду с использованием клише присутствуют авторские замечания, усиливающие оценку затронутых в теме ситуаций. Так, выделяется целая группа коллажей, в которых единственное главное, одно из главных лиц или одно из массовки – Президент РБ.

Вариативность ролей – подтверждение высокого статуса вовлекаемости в коллаж субъекта с его бесспорной значимостью для политической жизни страны. Приписываемые ему роли – это, в первую очередь, объекты сфокусированного внимания авторов и, как показывает анализ, объекты критического отношения.

"Прочитывание" роли вовлеченного субъекта происходит благодаря декодированию жанровых сценок, заполненных теми или иными субъектами в их взаимоотношениях и композиционных решениях субъект-объектной направленности, используемых в коллажах.

Причем если в первом случае декодировать роль каждого вовлеченного в коллаж субъекта помогает, опять-таки, соотношение жанровой специфики сценки с ее источником (позволяющим реконструировать сценку и роли всех в ней участвующих), то во втором – ассоциативная деятельность направлена на определение качественных характеристик объектов (атрибуты действий, объектов, костюмов, например, позиций и пр. А в обоих случаях – текстовое сопровождение коллажа.

В коллаже Лукашенко в задумчивости глядит на стол с грудой окурков. На смятой пачке сигарет надпись: "Parlament" и рядом ремарка: "Покурил". Очевидно, что речь идет о чистке парламентских рядов (29.11.1996).

Если между персонажами коллажа трудно предположить отношения "выше-ниже", вступает в силу тематический подход. Шесть политиков от оппозиции (Калякин, Шушкевич, Карпенко, Шарецкий, Гриб, Богданкевич) сидят на детских горшках. Так решается тема ин-

фантильности оппозиции (см.: "Имя" 02.08.96). Продолжая разговор о декодировании содержания коллажа, следует отметить также информативную значимость такой дихотомии, как тема коллажа – субъекты, которые становятся "героями" материала.

Юмор ситуативен. Смешным бывает то, подноготную чего мы хорошо знаем, иначе просто не поймём "отсылок". На знание контекста, свойств коммуникантов и фона делается упор в дискурс-анализе. Мы же в данном случае несколько ограничили свою задачу и проанализировали информацию вербального контекста рассматриваемых материалов.

Как мы выяснили, коллажи в большинстве случаев подкрепляются информационными и аналитическими материалами номера, и нередко служат напоминанием о состоявшихся или предстоящих событиях в политической жизни страны. И только если серьезных политических событий не происходит, то обыгрывается какой-нибудь курьез. Причем чаще всего во время событийных "антрактов" эксплуатируется образ президента в разных негативных "поворотах": человек из прошлого ("Усе на суботнік!"); самодовольный диктатор ("Я памятник себе воздвиг"); наконец, строитель, кузнец, инженер. Легко узнаваемые события маркируются парами: Лукашенко – Линг: провал в хозяйствовании; Лукашенко – Ельцин: проблема интеграции; Лукашенко – Шарецкий: проблема выборов президента. Анализ функциональной направленности материалов коллажей позволил сделать нам следующие *выводы*: 1) появление коллажей в каждом из номеров газеты "Имя" говорит о том, что повышенное внимание читателей к юмористическим рубрикам – одна их характерных тенденций определенной группы издателей и читателей сегодняшнего дня; 2) коллаж лаконичен и, формируя отношение читателей, "замещает" цепь логических выводов; 3) юмор (и коллаж в том числе) может служить ненавязчивым средством манипулятивного воздействия на аудиторию, направленного формирования ассоциаций, актуализации идеологически "нужных" значений.

Юмор – это дискрипция сегодняшнего дня. Надо лишь помнить, что коммуникативная ситуация влияет на его характер. Юмор СМИ отличается от юмора листовки. Последняя тяготеет к лубку, тогда как юмор газеты более тонкий. Он рассчитан на соавторство читателя, его способность достроить и самостоятельно осмыслить ситуацию.

4.4. ЗАГОЛОВОК КАК ИНДИКАТОР РЕЧЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Особую роль в информационном поле выполняют газетные заголовки. Вместе с демократизацией общества происходит раскрепощение журналистики, и материалы подаются броско, агрессивно, с известной долей эпатажа.

Заголовок является компрессионным текстом, призванным репрезентировать сообщение. После легализации многих тем и вторжения в газетный язык живой разговорной речи заголовок становится частью языкового творчества, своего рода игрой с задачей завоевания читательской аудитории. Кроме того, заголовок во многих изданиях является скрытой рекламой. "Комсомольская правда" несколько лет назад обратилась к читателям с вопросом о том, как они воспринимают заголовки. Это были заголовки вроде "Партия нового типа. Типы все те же" (о съезде коммунистов России), "Сидели три товарища" (о Плеханове, Шенине и Янаеве после событий, связанных с ГКЧП), "Мучительница первая моя" (о сложностях взаимоотношений учителей и учеников), "Как получить 200 МММиллионов" (о крахе финансовых пирамид) и т. д. Читательской аудитории понравилась активная форма подачи материалов.

Заголовок, сохраняя традиционные для себя функции номинации, побуждения к коммуникативному акту и сообщения, во многих случаях актуализирует также и эстетическую функцию. Он становится компрессионным текстом с культурным фоном, апеллируя к литературной (в широком плане) памяти читателей. Этим достигается значительное расширение спектра ассоциативных реакций. Рассчитанные на "просвещенное сознание" заголовки выходят за строгие рамки традиционного обозначения материала и с точки зрения плана содержания, и со стороны плана выражения. Таким образом, новое значение языкового знака, каковым является заголовок, достигается за счет изменения его смысловой и формальной стороны. Причем "генератором новизны" часто становится искажение именно формальной стороны, что порождает новое содержание. Новизна в заголовке достигается за счет того, что не сбывается прогнозируемое с позиции читателя сообщение. Таким приемом печатное издание создает себе дополнительную рекламу, пробуждая интерес к своим публикациям.

Итак, заголовок как текст-компрессия все чаще приобретает нетрадиционные, не свойственные для себя ранее "демократические" признаки. Среди них выделим следующие:

- **Выход за традиционные рамки шаблона** (клише), что обеспечивается за счет ввода элементов живой разговорной речи. К примеру, "Поддержат ли, однако, Ельцина оленеводы планеты?". В данном случае дешаблонизатором заголовка становится характерное для речи жителей Крайнего Севера слово "однако". Или: "Даешь выборы, в натуре!", где дешаблонизатором выступает жаргонное "в натуре" (в публикации говорится о неучастии в голосовании людей, находящихся в СИЗО).

- **Смешение элементов разных стилей**, что само по себе демократизирует язык заголовка. Это наблюдается, например, в заголовке "Шайка генпрокурора", где сталкиваются слова официально-делового и разговорного стиля (интервью у генпрокурора взято в бане);

- **Полисемантизация, доходящая до двусмысленности.** К примеру, в заголовке "Поймана на обрезании" актуализируется "этно-религиозное" значение отглагольного существительного, хотя в материале идет речь о воровке пуговиц в магазине одежды. Другой пример: «Подвели "Итоги"» (о претензиях к программе НТВ). Двусмысленность создается здесь соединением устойчивого выражения "подвести итоги" со значением глагола "подвести" ("не оправдать чьи-либо надежды, ожидания") и собственно названием телепередачи. Наблюдаются случаи столкновения в одном заголовке фразеологически связанного и свободного значений, причем "побеждает" всегда то, которое находится ближе к концу заголовка: "Партия нового типа. Типы все те же". Такая конкуренция значений разрушает ожидаемую клишированность заголовка (в его первой части) и определяет отношение автора к описываемым событиям. В других схожих примерах фразеологически связанное и свободное значение демонстративно соединяются сочинительной связью, хотя формально их может разделять точка: "Сергей отдал любимой сердце. И обе руки". Число, в котором находится существительное "рука", сразу исключает ожидаемое фразеологически связанное значение "отдать руку и сердце" и концентрирует внимание читателя на цели статьи – рассказать о несчастье, произошедшем с героем публикации.

- **Окказионализм** (авторский неологизм), являющийся приметой языкового творчества, как бы приглашением читателя поучаствовать в

языковой игре: "ВерТОЙОТОносец" (по созвучию с "вертолетоносец"). Или: "ПроТОРИнным путем" (политический комментарий о кабинете министров Великобритании). Совмещение в одном окказиональном слове двух значений (языковое основание для таких совмещений может быть различным) позволяет пробудить дополнительный интерес к публикации, снять, как это получилось во втором примере, налет официоза.

- **Текстовая реминисценция**, призванная оживить культурный слой памяти читателя. Журналист здесь становится еще и психологом. Он рассчитывает на радость узнавания текста читателем, хотя при этом ему приходится изменять формальную и содержательную стороны языкового знака: "Князь Кропоткин как шило в мешке русской революции". В этом заголовке наблюдается амфиболия (двусмысленность) за счет контаминации разных литературных цитат (названия статьи Ленина о Льве Толстом и усеченной пословицы, используемой к тому же с иным, грубоватым смыслом "как шило в задницу").

- **Экспрессия**, выражаемая как через традиционные формы (знаки пунктуации, шрифты, кегли, замещающие словесные формы выражения), так и через формальную и содержательную стороны языкового знака любого уровня (слово и его части, словосочетание, предложение и соединение в одном заголовке нескольких предложений). К примеру, "Бойкот Афгану. Будь он неЛАДЕН" – в заголовке использовано разговорное название Афганистана, а также чисто технический прием, позволивший автору материала создать этакий "кеглевый окказионализм" с целью сразу назвать причину объявления со стороны ООН бойкота Афганистану: укрывательство на его территории террориста Усамы Бен Ладена. Или: "Хорошую сцену закатил "Современник"!" — заголовок, экспрессивность которого реализуется и восклицательным знаком, и фактической ликвидацией значения "закатить сцену", т. е. "устроить скандал", от которого остается лишь форма, в то время как содержание вытеснено положительным имиджем известного театра. Благодаря этому образуется еще и семантический окказионализм "закатить сцену", т. е. "устроить прекрасный праздник по поводу юбилея театра".

Культурный фон газетного заголовка может вызываться различными структурно-семантическими средствами. Прежде всего, цитированием культурного текста (названий литературных произведений, знаковых статей, кинофильмов, стихотворных и песенных строчек,

творений художников, композиторов и т. д.): "Путевка в жизнь"; "Широка страна моя родная"; "Не ждали" и т. п. Буквальное воспроизведение художественного текста недостаточно эффективно, и нередко цитирование сопровождается заменой (субституцией) элементов при сохранении синтаксической модели: "Ну, рубль, погоди" (о белорусских "зайчиках"); «Глянь на "Волгу". Чей стон раздастся?». Кавычки уводят от некрасовского текста и приводят к проблеме выпуска автомобилей "Волга"

Если в основу заголовка положена стихотворная строка, то субституты сохраняют ритмическую структуру первоисточника: "Чтоб землю колхозу обратно отдать" (парафраз светловского "чтоб землю в Гренаде крестьянам отдать"); "Денежку в конверте, погоди, не шли" (обыгрывается стихотворение Б. Окуджавы); "Бери мешок, пошли домой"; "Броня крепка и танки сплавят быстро" (каламбуры основаны на популярных песнях) и др.

В заголовках "С кем вы, мастера прокуратуры?" и "Ваучериада, или бег на месте" сохраняется не только синтаксическая структура названий горьковской статьи и прокатного кинофильма, но и соблюдаются звуковые подобию формантов исходного элемента и субститута: "...мастера культуры – ...прокуратуры", "прохиндиада – ваучериада". Ср. также: "Крепче за берданку держись, шофер" (о проблеме грабежей на дорогах); "Батальоны просят рубля" (о невыплате денег в армии) и др. Подобные звуковые сходства, с одной стороны, обеспечивают узнаваемость читателем цитируемого источника, что само по себе является тонким психологическим ходом, а с другой стороны, придают частично измененной цитате элемент новизны и за этот счет дополнительную экспрессию (с оттенком ироничности).

Субституция одного из элементов первоисточника часто сопровождается окказиональным значением субститута: "В мордобой идут одни старики" (обыгрывается название кинофильма в материале о дедовщине в армии). Здесь игра смыслов происходит в плане семантико-синтаксической субституции устойчивого выражения "идти в бой", идентичной по форманту "идти в мордобой".

Сознательное искажение цитируемой фразы может происходить путем появления фоносубститута, когда в первоисточнике меняется лишь один звук (буква), но этого достаточно для изменения значения всей фразы в целом. В этом случае фоносубститут провоцирует новую семантику цитаты при ее несомненном "опознании" читателем: "Сом –

в руку" (о киргизской денежной единице); "Дай латы, друг" (о латвийской валюте); "Коль на выдумки хитер" (политический портрет Г. Коля, бывшего канцлера Германии); "Первый блиц комом" (о неудачном проведении шахматного блиц-турнира); "Чем Шорт не шутит", "И Шорт с ними" (обыгрывается фамилия английского гроссмейстера Н. Шорта); "Мы наш, мы новый миф построим" (строка из "Коммунистического интернационала", в которой фоносубститут и полученная при его помощи словоформа как бы призывают читателя не верить в "идеалы коммунизма").

Мы имеем дело с характерными случаями параномазийного сближения лексических единиц с одновременной текстовой реминисценцией. При этом создаваемый окказионализм также становится коммуникативным каналом, центром компрессионного текста: "Броненосцы в потемках" (при переосмыслении названия фильма С. Эйзенштейна произошло параномазийное сближение форм "броненосец" и "бровь" – публикация посвящена приверженцам брежневского периода правления в истории нашего государства); "Подпольный ворисполком действует" (в используемом названии кинофильма произошло параномазийное сближение форм "горисполком" и "вор" – материал о хищениях).

Распространены случаи усеченного цитирования с допускаемой субституцией каких-то элементов: "С миру по строчке" (вместо "с миру по нитке – голому рубашка"); "Панель не терпит суеты" (вместо "служенье муз не терпит суеты"). "Утопающие – дело рук спасающих" – перефраз выражения-плаката из романа Ильфа и Петрова. Как мы видим, среди заголовков такого типа обычны случаи неполноценных грамматических структур, однако они не создают сложностей для восприятия их читателем, поскольку недостающие элементы легко восстанавливаются и домысливаются.

Переосмысление усеченной цитаты, как правило, основано на многозначности входящих в него элементов: "Раньше сядем..." вместо "раньше сядешь – раньше выйдешь" (в материале говорится о досрочной встрече стран "семерки" в Давосе на экономическом форуме). В этом заголовке актуализируется значение "начать работу" вместо прогнозируемого "находиться в местах заключения".

В целом игра смыслами, понижение или повышение стиля заголовка, не соответствующее содержанию материала, является дешаблонизатором-популистом, работающим на привлечение внимания. Та-

кое изменение заметно или из текста самого заголовка, для чего могут использоваться, к примеру, кавычки и разные кегли, или оно раскрывается позднее, при прочтении первых строк материала: «Тоска "зеленая"» – кавычки переводят прогнозируемое значение устойчивого сочетания в иную семантическую плоскость – материал посвящен проблемам пограничников (цвет их погон и петлиц зеленый). Или: «"Травка" зеленеет» – кавычки вкупе с последующим текстом материала актуализируют жаргонное значение лексемы "травка" – "наркотическое вещество". Вообще многозначное слово может выступать в роли скрытого субститута, когда оно используется с иным, чем в тексте первоисточника, значением: "Внучка взялась за дедку". Несомненный намек на "Репку" (хотя там внучка бралась за бабу), но важнее, что глагол "взяться" становится скрытым субститутом, так как его прямое номинативное значение не используется, а подменяется значением "предпринимать какие-либо успешные действия в отношении другого лица" (в материале говорится о победе в шахматах 16-летней Ю. Полгар над 56-летним Б. Спасским).

Обычной стала практика расширения устойчивого сочетания за счет ввода в него новых элементов. При этом именно вводимый элемент берет на себя большую часть информационной нагрузки заголовка, поскольку это новый, неожиданный элемент в прогнозируемом читателем минитексте: "Красиво жить в СИЗО не запретишь" (информационный расширитель "СИЗО" – проблемы заключенных); "Век статуи Свободы не видать" (трудности выезда в США); "Эстонцы вспоминают Россию с цветным металлом в голосе" (незаконный вывоз цветных металлов из России в Эстонию); "Побег из рублевой зоны" (утрата Россией финансового влияния на страны СНГ).

Практикуется усечение цитаты с одновременным расширением оставшейся от неё части, причем и в этом случае информационный расширитель становится основным коммуникативным каналом между автором и читателем: "Скажи мне, кто твой ближневосточный друг..." (связи российских политиков со странами Ближнего Востока).

Возможно даже двойное цитирование, т. е. контаминация двух первоисточников в одном заголовке: «Великий почин: возвращение "Максима"» (используются названия работы Ленина и кинофильма). Закавыченное имя выводит план содержания заголовка на тему все большего распространения стрелкового оружия (в данном случае речь идет о пулемете) среди гражданского населения.

Наконец, отмечаются примеры буквализации устойчивого сочетания, т. е. фразеологизму возвращаются первоначально свободные значения составляющих его компонентов. Это также дешаблонизирует в семантическом плане заголовок, обновляет стираемое привычным употреблением значение сопологаемых единиц: "Траволта всех вывел на чистую воду" (в заметке рассказывается о фильме, в котором герой актера Д. Траволты спасается от нападения, уйдя по воде).

Таким образом, в постсоветской журналистике наблюдается демократизация языка публикаций. Это находит свое выражение, в частности, в газетных заголовках многих изданий демократического направления, стремящихся максимально приблизить язык своих публикаций к живой разговорной речи. С этой целью используются различного рода дешаблонизаторы, относящиеся как к формальной стороне языкового знака, так и к его содержательной стороне. При этом нарушение традиционной формы влечет за собой изменение в плане содержания, становясь, таким образом, выразительным средством. Культурный фон заголовка апеллирует к просвещенному сознанию читателя, вызывая разного рода ассоциации. Читатель оказывается втянутым в творческий процесс, так как ему предлагается не только получить и принять к сведению какой-то объем информации: его приглашают разделить радость от языкового творчества. Можно сказать, создается новая газетная традиция конструирования заголовка, и в этом смысле заголовок идеологизируется по-новому.

4.5. ПОЛИТИЧЕСКАЯ САТИРА ЛЕННИ БРЮСА

"Ленни Брюс был, несомненно, мучим личными амбициями, чувством обиды от унижений, испытываемых каждым эстрадным артистом (знаменитости вызывают любопытство и пересуды, но не уважение), и осознанием убогости, тупости и отсутствия таланта у исполнителей, воспринимаемых публикой как его ровня. Но другие силы приводили его в движение, и среди них никто, кажется, еще не упоминал силу поддержки его образованной аудитории, модных рецензентов, политических и культурных либералов. Последние принимали этого комика в качестве своего спикера (человека, озвучивающего их идеи) – на другом уровне, чем они это сами делали, конечно, – исполнителя, способного переводить насмешки над официальной моралью, не выходившие до сих пор за границы непрочитанной современной класси-

ки или литературных журналов с малым тиражом, в шумиху, которая могла бы действительно нарушить покой власть имущих" (*DeMott*, 1972).

Вопрос, на который мы должны ответить в отношении Ленни Брюса, – был ли он трагической или патетической фигурой? Странный способ характеристики комика. Однако Брюс не был ординарным исполнителем. В нем всегда было что-то вроде гнева, стремления бросить вызов общественной морали, род фанатизма, который, в конце концов, стал саморазрушительным и привел к его трагической гибели от передозировки наркотика.

Краткая биография. Ленни Брюс родился в Минеоле, Лонг-Айленд, 13 октября 1925 г. под именем Леонард Альфред Шнайдер. Его родители разошлись, когда ему было пять лет, и раннее детство он провел, переезжая от одного к другому. Он бросил среднюю школу и в восемнадцать лет поступил на флот, где провел четыре года, но быстро ушел, используя в качестве предлога гомосексуализм.

Джозеф Доринсон так описывает его в своей статье "Еврей-комики" ("The Jew as Comic") в книге Авнера Зива "Еврейский юмор": «Отказавшись от секулярного еврейского образования (*bar mitzvah*), Брюс стал "невеждой" (*an amharetz*). Испытывая недостаток этнической гордости или культурного каркаса, "Я" Брюса было в лучшем случае хрупким...» (*Dorinson*, 1986, 30).

Брюсу повезло на программе Артура Годфри "Ищем таланты" ("Talent Scouts program"); он показывал Э. Г. Робинсона, Питера Ло и Джимми Кегни и победил, в результате чего получил несколько приличных контрактов. Отправившись в турне, в дороге он встретил бисексуального стриптизера, называвшего себя "Хани" (Душка) Марлоу, на котором Брюс, в сущности, женился.

К концу 50-х он стал именем в шоу-бизнесе, в 1960 г. он заработал 150 тысяч долларов и продал почти 200 тысяч пластинок. Он умер 3 августа 1966 г. – для некоторых гений комедии, который был также мучеником свободы слова, а для других – сквернословящий и враждебно настроенный комедиант, которым на самом деле он не был. Это был его гнев, прорывавшийся наружу, который, возможно, отпугивал людей, – и его язык. По сегодняшним меркам язык Брюса не был экстраординарным, но сорок лет назад вещи были иными.

"Грязный язык" Брюса. Брюс сделал забавный комментарий по этому поводу: "Бог создал мое тело, и если я грязен, тогда несовер-

шенство лежит на совести производителя, а не продукта. Не перемещайте этот ярлык под страхом наказания" ("*God made my body and if I'm dirty, then the imperfection lies with the Manufacturer, not the product. Do not remove this tag under penalty of law*").

Здесь он связывает свое использование "грязного" языка с Богом, утверждая, что он просто инструмент своего создателя. Он также высмеивает ярлыки, которые можно видеть на подушках и матрасах, символически представляющие вездесущую и сильную руку правительства, гласящие, что удаление ярлыка "преследуется законом".

Как он однажды выразился, "если вы не можете сказать fuck, вы не можете сказать fuck правительство". По иронии судьбы его антиправительственное настроение было подхвачено политиками-консерваторами, такими, как Рональд Рейган в поздние годы, хотя с намного более чистым языком.

В поисках информации о Ленни Брюсе в Интернете я обнаружил, что его фото используется сегодня как иконка для тех, кто интересуется свободой слова. Его фото можно найти на многих сайтах, созданных теми, кто протестует против планов правительства регулировать содержание Интернета.

Роли Брюса. Джозеф Доринсон, профессор Лонг-Айлендского университета и тонкий аналитик еврейского юмора, рассматривает трудности Брюса в установлении собственной идентичности: "Не позволивший себя ассимилировать, но и не гордящийся своим еврейством, Брюс остался в состоянии чистилища. Он колебался между стремлением к святости и неизбежным чувством собственной испорченности... Ленни испробовал много ролей – хипстера (битника), человека андеграунда, героя контр-культуры, хаслера ("hustler"), наркомана, назойливой мухи, жертвы, сутяжника, сатирика, священника, еврея – пока он не погиб в ванной комнате в доме своей мечты в Калифорнии" (Ziv, 1986, 31).

Брюс не только играл много ролей в своей жизни, он делал то же самое и в своей комедии – воплощая целый ряд различных характеров. Как написал Бенджамен ДеМотт, Ленни "всегда взрывался множеством голосов – это был его неожиданный острый неистовый прорыв от себя к множеству персонажей" (DeMott, 1972, 94).

ДеМотт перечисляет некоторые из голосов Брюса. Среди них "ранний американский демагог", "деревенщина", "старый еврей", "беспристрастный комментатор", "старый маразматик", "малолетний

преступник", "лихой бандит", "британец", "немецкий агент", "религиозный лидер" и др. Именно с помощью этих голосов или персонажей Брюс создавал свою комедию. Это означает, что он мог создавать маленькие сценарии, касающиеся предметов, имевших для него значение, а не просто пересказывать смешные случаи или извергать остроуты ("one-liners"). В этом отношении Брюс превзошел современную эстраду ("stand-up comedy"), которая ушла от остроутов к характеристике и рассказыванию историй.

Например, обратите внимание на следующее: "Я испытываю нечто вроде сочувствия к проклятым мухам. Они никогда никому не приносили вреда. Даже зная, что они могут переносить болезни, я никогда не слышал о ком-нибудь, кто бы сказал, что он подхватил что-то от мухи. Моя кухня наградила двух парней триппером и никто даже не замахнулся на нее газетой".

Это умелое использование юмора, основанного на сравнении, которое ведет к забавному выводу: никто не шлепает женщин, которые распространяют болезни, газетой – так, как поступают с мухами.

Джон Коэн, который собрал сценки Брюса в книге "Самое главное у Ленни Брюса" ("The Essential Lenny Bruce"), писал в своем предисловии: «Мертвый Ленни Брюс был превознесен как великий сатирик "в традиции Свифта", как великий пародист, моралист, проповедник, даже как шаман, изгоняющий демонов из современного общества. Кем бы Брюс ни был – а прежде всего он был невероятно смешон, – благодаря двум обстоятельствам его работа была действительно эффективной: он был прекрасным поэтом и прекрасным драматургом. Он обладал фантастической способностью схватить совершенный образ в совершенный момент и передать его точно и неповторимо, и у него было прекрасное чувство формы и структуры» (Cohen, 1967).

Как заметил Коэн, одна из проблем чтения Брюса – в том, что у нас нет сценических моментов, чтобы с их помощью слова обрели комедийную реальность. Мы не слышим его голос, не видим выражения его лица, движений его тела, чтобы обогатить текст. Это, конечно, проблема с записыванием того, что говорит любой комик. Слова должны говорить за себя.

Проблема с Брюсом, я полагаю, в том, что, когда вы читаете транскрипции его эпизодов (термин, используемый Коэном для разнообразных монологов Брюса), они на самом деле не захватывают. По крайней мере, они не захватывают так, как материал других комиков.

Некоторые из его эпизодов умны и проницательны, но читать "Самое главное у Ленни Брюса" – это все равно что читать сборник грязных шуток: они более смешны, когда их рассказывают.

Одной из причин этого может быть и то, что они обнаруживают слишком открыто гнев Брюса. Согласно Фрейдю, юмор не может действительно процветать, когда налицо очень сильные эмоции. Юмор включает в себя скрытую агрессию, и, когда маска снимается, так как враждебность слишком сильна, юмор отступает. Психиатр Вильям Фрай предположил, что для юмора характерен "игровой фрейм" (play frame), говорящий, в сущности, "все это придумано (not real) или не-серьезно". Например, оскорбления не смешны, если только не появляется игровая рамка, которая говорит, в сущности: "Я — комик, и это не то, что я имел в виду". У Брюса, я думаю, "игровая рамка" постепенно исчезала, и его гнев и враждебность приходили на смену.

Энрико Бендуци, который управлял известным клубом "Голодное я" ("The hungry I") в Сан-Франциско, где выступали многие комики, цитируется в "Los Angeles Times" как говорящий о Брюсе: "Я не думаю, что он был комиком, правда, я думаю, он был проповедником". Именно это напряжение между его чувством юмора и его саморазрушительным гневом и враждебностью дало его выступлениям такой резонанс и такую власть. Но это было, как будто вы наблюдаете за саморазрушением личности, которое разыгрывалось как комедия, публично. Вооружившись этими догадками, давайте рассмотрим один из монологов Ленни Брюса.

Монолог Ленни Брюса. Посмотрим на примере одной из сценок (stand-up pieces) Ленни Брюса, как он создает юмор и какое воздействие его юмор оказывает на разную аудиторию. В следующем отрывке он говорит об установках, сложившихся у людей из других стран в отношении американцев:

"Поэтому нигде не любят американцев... потому что мы спали со всеми их матерями за плитки шоколада... [во время второй мировой войны]...

Если бы это общество было хоть капельку терпимым, если бы религия хоть немного выручала в данной ситуации, и этот акт хотя бы на самую малость был бы противоположностью тому, что называют пороком, и вы считаете, что это был действительно христианский акт продолжения рода, если это были сладкие объятия и поцелуи – смотрите: парнишка сходит с трапа самолета.

Британский голос: Это тот человек, который спал с мамой? О, да! Как Вы *поживаете?* Я не видел Вас *так* давно, и Вы такой *замечательный* человек. Вы, безусловно, сделали для мамы нечто *хорошее*. Я, конечно, хотел бы *поблагода-*

рить Вас – это, безусловно, был замечательный поступок. И, как я понимаю, кроме всего прочего Вы дали ей конфет.

Но мы не соглашаемся, что это славный поступок. Это грязный, непристойный акт. В сущности, это то, что скажет вам любая восемнадцатилетняя цыпочка или тридцатилетняя цыпочка, когда вы поведете ее куда-нибудь: "Ты не *любишь* меня, ты просто хочешь *переспать* со мной" ("*You don't love me, you just want to ball me*").

Парень: Послушай...

Девушка: Он был *милым* парнем – он не пытался волочиться за мной. Но ты не *любишь* меня, ты просто хочешь *переспать* со мной.

Парень: Что? Конечно, я люблю тебя – я не захотел бы спать с тобой, если бы я не любил тебя.

Девушка: Нет, нет. Если бы ты любил меня, ты бы отвез меня в Висконсин, чмокал бы меня в щечку, читал бы Библию всю ночь, ты бы отдалживал у меня деньги. Ты бы не хотел переспать со мной. Так не поступают с кем-нибудь, кого любят, так поступают с тем, кого ненавидят. По-настоящему *ненавидят*.

В самом деле, когда мы *действительно* ненавидим кого-нибудь, какое выражение мы используем? "*Пошел ты на... мистер!*" ("*Screw you, mister!*"). Если бы вас научили, что это был сладкий христианский акт продолжения рода, это была лучшая вещь, которую мы можем сделать друг для друга, вы бы использовали этот термин правильно и сказали бы: "*Вернись, мистер!*" ("*Unscrew you, mister!*")

Давайте рассмотрим некоторые техники Брюса, используемые в его монологах. Во-первых, мы видим использование непристойных выражений ("fuck") для того, чтобы "шокировать" людей. Во времена Брюса этот язык вообще не использовался в публичных выступлениях.

И даже сегодня многие исполнители считают, что это слишком сильно, хотя это обычное дело – слышать "F-слово" (как его иногда называют).

Во-вторых, это юмор как откровение (открытие, разоблачение). Брюс говорит о поведении американских военных во время второй мировой войны. Нет ничего необычного в том, что молодые люди, где бы они ни были, ищут женщин для секса. Брюс предполагает, что американские военные могли получать секс в обмен на что-нибудь тривиальное вроде плиток шоколада – что означает, что американские солдаты пользовались английскими женщинами.

В-третьих, Брюс создает сценарий с участием британского голоса. Мы не знаем, принадлежит ли этот голос мужчине или женщине, но то, что этот голос говорит, противоположно тому, что мы могли бы ожидать. Вместо возмущения мы слышим *благодарность* британского голоса американцу за то, что тот сделал для его матери (доставил ей

удовольствие). Таким образом, здесь есть элемент оборачиваемости. Мы могли бы ожидать, что британский голос будет возмущен. И мы также видим здесь использование диалектов в юморе. В диалекте нет ничего смешного: важно то, что говорится на диалекте.

Затем Брюс сталкивает британский взгляд на секс, который он характеризует как позитивный (хотя также немного нелепый и развиваемый до абсурдных заключений), с типично американским взглядом на секс как на "низкий, грязный акт". Он создает нового персонажа, архетипическую американскую молодую женщину, которая боится секса, считает, что все мужчины хищники, и говорит парню, с которым встречается, что он не любит ее и все, что он действительно хочет, – "переспать" с ней.

Мужчина у Брюса возражает, что причиной – единственной причиной – того, что он хочет спать с женщиной, является то, что он любит ее. Этот аргумент предполагает, что не существует мужчине-сексуальных хищников и что любой мужчина, который хочет спать с женщиной, хочет этого, потому что он любит ее. На это девушка отвечает перечислением некоторых конвенциональных для американцев выражений любви, достаточно безвкусных или нелепых. Она добавляет, что мужчины, которые хотят "поиметь" ("screw") женщин, в действительности ненавидят их. Ни архетипическая девушка, ни мужчина Брюса не могут приниматься всерьез; они оба – карикатуры.

Этот диалог между девушкой, которая думает, что мужчины только хотят "иметь" женщин, потому что они их ненавидят, и женщиной, которая думает, что занятия сексом в любом случае — выражение любви, приводит к тому, что в сущности является красной линией (а punch line) монолога. Это выворачивание наизнанку общеупотребимого оскорбления "пошел ты на..." ("screw you"), которое предполагает, что заниматься сексом – "лучшая вещь, которую мы можем сделать друг для друга". Брюс предлагает христианскую резолюцию отношений между мужчиной и женщиной – комическую противоположность "пошел ты на..." ("screw you"), то есть "выйди из"" ("unscrew you, mister").

Дестабилизирующая техника Брюса. В этом монологе есть что-то искусственное, так как Брюс создает фантастические характеры и абсурдные ситуации. Некто с Британских островов счастлив, что его или ее мать занималась сексом с американским солдатом за плитку шоколада. И архетипическая американская женщина говорит, что

мужчины, которые занимаются сексом с женщинами, поступают так только потому, что они ненавидят их. Но смешной ли это монолог?

Как я упоминал выше, у нас нет сценических моментов, которые Брюс привнес в этот монолог, выражений его лица, языка тела, использования разных голосов и диалектов. Даже в этом случае монолог поражает меня как умный, и возможно забавный, но на самом деле не смешной. Это, конечно, мое личное мнение. По мнению Мориса Чарни, то, что делал Брюс, должно было дестабилизировать аудиторию; т. е. он использовал "грязный" язык (непристойные выражения) и дикие идеи, чтобы выбить слушателей из привычного образа мышления, присущего среднему классу. Как писал Чарни (в книге "Комедия высокая и низкая: введение в опыт комедии"): "Идея оскорбления и дезориентации аудитории посредством остроумия известна по практике ночных клубов и кабаре. Ленни Брюс был одним из ее активных последователей. Посредством оскорбления пустые ценности среднего класса высмеиваются и подрываются. Теоретическая цель состоит в том, чтобы очистить зрителей, через их собственный смех, от всех ложных, ограниченных, материалистических представлений. Предполагается, что катарсис в комедии является также моральным и политическим, но он обычно выходит за пределы этической нормы, чтобы быть невесомым, эйфорическим чувством исполнения желаний. За моральной стороной комедии находится притягательная призрачная (dreamlike) зона чистого импульса и, следовательно, чистой свободы" (Charney, 1978, 106).

Свобода была тем, к чему Брюс стремился, но как доказала его жизнь – свобода может привести к саморазрушению. Чарни, как мне кажется, наделяет Брюса чрезмерным самосознанием и пониманием того, что его юмор несёт в себе.

Сравнивая два монолога: Ленни Брюс и Вуди Аллен. Монолог Брюса не обладает тем юмором, которым обладает типичный монолог Вуди Аллена. Брюс умен и интересен и демонстрирует небанальный взгляд на вещи, но я не нахожу его монолог очень смешным. Сравните диалог Брюса с типичным монологом Аллена:

"Я был вскормлен ложью. Мои родители обожали ценности Старого Света: Бога и ковры. Мы были слишком бедны, чтобы иметь собаку; так что мои родители пошли в магазин для поврежденных домашних животных и купили мне муравья. Мой район был настолько бандитским, что дети воровали колпачки с колес движущихся машин.

Они сломали мою скрипку и оставили этим во мне глубокий след. Я пошел в школу для эмоционально неустойчивых учителей. Я украд второе место во время игры в софтбол. Виноватый я вернулся к первому. Я сошелся с девицей, которая имела ребенка от будущего брака. Моя первая жена была недоразвитая; она утопила мои кораблики в ванной..." (Ziv, 1986, 39).

В этом монологе мы видим ряд чрезвычайно умных "гэгов", многие из которых основываются на типично еврейском юморе самоуничтожения, так как Аллен подтрунивает над собой разными способами. В отличие от Брюса он не обличает, его оружие – мягкая усмешка.

Ленни Брюс как политик-теоретик. В одном из своих монологов Ленни Брюс предлагает забавное объяснение тому, как возникает диктатура закона:

«Я представляю, когда это началось, они сказали: "Хорошо, мы собираемся обязать себя иметь некоторые правила... Я скажу вам, что мы будем делать. Мы проголосуем. Мы будем спать в районе А... Мы будем есть в районе Б... Мы будем выбрасывать мусор в районе С. Однажды ночью, когда все спали, один парень проснулся. Пау! Все его лицо было в дерьме, и он сказал: "Эй, в чем дело, я думал мы договорились... Нам придется сделать что-нибудь, чтобы поддерживать уговор, чтобы у него были зубы. Вот решение: если кто-нибудь будет бросать мусор на нас в то время, когда мы спим, он окажется брошенным в дом для мусора. Согласны? Эй, подожди минуту. Хотя мы придумали правило, как мы собираемся получить кого-нибудь, чтобы бросить этого кого-нибудь в тюрьму? Нам нужен кто-нибудь, кто бы заставил его – правоохранительные органы". Теперь они повесили это объявление на стене: ТРЕБУЮТСЯ СЛУЖИТЕЛИ ЗАКОНА. Парням, обратившимся за работой: "Послушайте. Вот в чем наша проблема, видите, мы пытаемся немного поспать, а люди продолжают бросать мусор на нас. Сейчас нам нужен кто-нибудь, чтобы бросать их прямо в дом для мусора. И мне поручено нанимать таких людей здесь, и, ах, вот в чем состоит работа. Видите ли, они не хотят идти в этот дом сами. И мы все согласны с этим правилом, мы утвердили его... мы собираемся бросать их прямо в дом для мусора". – "Так, понимаю. Я не могу это делать, так как у меня бизнес с этими задницами, и это мне не к лицу, вы понимаете. Ах... так что я бы хотел, чтобы кто-нибудь это сделал за меня, понимаете?» (Cohen, 1970, 207–209).

В этом отрывке Брюс предлагает довольно простую, вульгаризованную теорию появления власти, основанной на представительстве. Проблема, как он объясняет это, заключается в том, что те, кого мы выбираем представлять нас, скоро начинают командовать нами – потому что они имеют монополию на власть и потому что мы не заинтересованы в осуществлении власти.

«Так вот что я вам скажу: Вот дубинка и пистолет, и *вы* делайте это – но подождите, пока я выйду из комнаты. И когда бы это ни случилось, смотрите, я буду ждать в стороне здесь и я буду следить, ну, вы понимаете, и вы убедитесь, что вы надрали им задницы и бросили их туда. Теперь вы будете слышать это от меня сотню раз: чтобы делать эту работу, нужен определенный склад ума, ну, вы знаете, и все это дерьмо собачье, ну, вы знаете, но вы понимаете, это все дерьмо собачье, и вы просто надерите им задницы и убедитесь, что это сделано...»

И что теперь происходит? Теперь начинается бунт, или уличные шествия, все вопят, кричат. И вы видите там этого парня, который стоит с закатанными рукавами рубашки и дубинкой в руке, и люди кричат на него "Гестапо! Гестапо!" – "*Гестано?* Вы кретины, я – *почтальон!*" В этом еще одна большая проблема. Люди не могут отделить власть и людей, которым эту власть доверили (возложили)... фактически люди ходят на демонстрации не против Вьетнама – они ходят на демонстрации против полицейских. Потому что у них есть это понятие – что закон и исполнители закона одно и то же».

Брюс хочет сказать здесь, что это отождествление позволяет людям избежать или убежать от любой связи с жестокостью полицейских, хотя по большому счету полиция наше творение и мы отвечаем за то, что они делают. А что мы делаем, когда полиция случайно "выходит из-под контроля" и совершает преступные действия от имени закона?

В монологе Брюса, как мне представляется, не так уж много смешного. Там есть ошибка, совершаемая людьми, которые не узнают почтальона, когда видят одного из них. Но тогда зачем ему дубинка?

Эта ситуация кажется надуманной. Там есть его способ использования языка, который кому-то может показаться смешным, так как Брюс заставляет одного из своих персонажей получить "лицо полное мусора". Но там нет ничего сверх этого, исключая, возможно, фантазию о полицейском принуждении, возникающем из-за того, что кто-то получил мусором в лицо. Это юмор аналогии, и он едва ли смешон в данном случае. Возможно, люди считают этот монолог смешным, потому что они согласны с политикой Брюса и позволяют тонкому налету юмора одержать победу?

Может быть, лучше считать Брюса рассказчиком баек о политической морали, социальным сатириком, который использовал то, что

считалось тогда "грязным" языком, чтобы шокировать людей для того, чтобы они осознали реалии и аномалии современной политики – так, как он их видел? Некоторые из его сатир предназначались для самообслуживания, поскольку он был втянут в судебные разбирательства по поводу его использования языка. И он был также наркоман, что в конечном счете привело к саморазрушению Брюса.

Ленни Брюс и интеллектуалы. Бенджамен ДеМотт, профессор литературы из Амхерст колледжа, посвятил длинную статью обсуждению бродвейской пьесы Джулиана Барри "Ленни" и тех элементов американского общества, которые она отражает. Пьеса, как говорит ДеМотт, предлагает целый ряд понятий или того, что он называет "hip dogmas", заслуживающих внимательного изучения. Одна из них состоит в том, что среднестатистические мужчины и женщины не переносят правдолюбив и предпочитают жить с мифами и ложью о себе и обществе, в котором они живут.

Вторая идея, которую можно найти в пьесе, – человеческая добродетель – заключается в основном "в преодолении табу; чтобы быть по-настоящему цивилизованным, нужно сначала почувствовать лицемерие «правил приличия» ("standards of decency") и затем пробиваться к "принятию" импульса, желания и непосредственного выражения как священных, следовательно, подлежащих публичности» (DeMott, 1972, 90). Это ведет к третьей идее: "правильные представления проистекают из индивида: настоящий человек (the man of quality) не нуждается в учителях".

Мы видим здесь другое проявление традиционного американского верования, что "человек в естественном состоянии" ("natural man") обладает чем-то вроде элементарной мудрости и, таким образом, не нуждается в образовании. В самом деле, образование большей частью контрпродуктивно, так как оно наполняет наши головы всевозможными абсурдными идеями, многие из которых приходят от образованных мужчин и женщин из Европы. Так что тот факт, что Ленни Брюс бросил среднюю школу, помогает объяснить, почему его озарения были столь ценными. У него был природный ум, природный аристократизм.

Конечно, эту теорию трудно подтвердить, поскольку Брюс вырос в Нью-Йорке, а не на девственных землях Среднего Запада и был евреем впридачу.

ДеМотт утверждает, что ни одна из теорий по поводу Брюса в пьесе не является корректной. И он предполагает, что частью пробле-

мы Брюса было то, что интеллигенция Нью-Йорка и Восточного Побережья возложила на него бремя, а он был слишком хрупок, чтобы его нести. ДеМотт цитирует эссе английского режиссера Джонатана Миллера, напечатанное в "The New York Review of Books": "...мы, его спонсоры (те, кто его поддерживал), падкие на сенсацию публицисты, должны... нести часть ответственности за то, как все обернулось... Те из нас, кто поддерживал его в печати, были иногда слишком возбуждены или же слишком эгоистичны, чтобы заметить, что необразованное простодушие Брюса часто приводило его к тому, что он некритически принимал лесть заумных интерпретаций. За всей этой чепухой (hipster cool) нужно помнить, что Брюс был ... плохо образован и так страстно желал, чтобы его приняли и им восхищались образованные люди, что был иногда обманут слишком сложной программой, которую определенно настроенные интеллектуалы вычитывали в его поведении. Так как интеллектуальная поддержка его поступков росла, он начал принимать всерьез весь этот хлам, что он провозвестник новой морали".

Ирония судьбы Брюса в том, что его уничтожали и те, кто противостоял ему, и те, кто поддерживал его. То есть его "друзья" невольно помогали уничтожать его больше, чем служители закона и порядка, такие как окружной прокурор и полиция, которые преследовали его за непристойности и были, как он верил (возможно, справедливо), поставлены, чтобы достать его.

Брюс был единственным из еврейских комиков (jesters), кто может быть описан как трагическая фигура. У него был ужасный брак, он не чувствовал себя в безопасности (частично из-за недостатка образования), и он иногда удивлялся, неужели быть комиком это все, для чего он родился. У Сида Цезаря тоже были проблемы с алкоголем и наркотиками, но ему удалось после многих лет взять свою жизнь под контроль. Брюс, к сожалению, не мог справиться со своими проблемами с законом и со своими личными проблемами и в конце концов трагически погиб. По крайней мере, это то, во что многие верят. Нужно ли считать его смерть скорее трагической, чем патетической, трудно сказать. Можно утверждать, конечно, что любая смерть трагична и его смерть была определенно безвременна. Но также можно предположить, что его жизнь и смерть были по-настоящему патетическими, и это действительно довольно грустная история саморазрушения еще одного наркомана.

Когда я смотрю на фото Брюса, которое можно встретить на разных сайтах Интернета, я вижу лицо, поражающее меня как умное, но очень печальное, может быть, даже искаженное мукой. Это, конечно, не причудливое, улыбающееся или счастливое лицо.

Как бы то ни было, Брюс превратился в иконку, которую мы находим на многих web-страницах в Интернете – фигуру, символизирующую свободу слова, неприкосновенность наших свобод и сопротивление власти, которая преступает свои полномочия. Брюс, со своей жердочки в небесах (или куда там попадают комики после смерти?), должно быть, смеется в последний раз.

Часть пятая

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

5.1. СТРАТЕГИИ ЭЛЕКТОРАЛЬНЫХ ИССЛЕДОВАНИЙ

Среди исследовательских проблем, вызывающих особый интерес социологов, приоритетное значение имеет электоральное поведение. Это объясняется тем, что в информации нуждаются как политики и поддерживающие их группировки, так и широкая общественность. Учитывая специфику данных, получаемых в ходе электоральных исследований и деликатность целей использования, можно без сомнений утверждать, что цена ошибки социолога чрезвычайно высока. Тем не менее, такие ошибки нередки. Причины нес только в недостатке профессионализма исследователей, сколько в отсутствии надежных методик и технологий, учитывающих состояние электората на постсоветском пространстве.

Эффективность и качество изучения различных аспектов функционирования поля политики обусловлено рядом его особенностей. Мы имеем ввиду прежде всего:

- ситуацию постоянного противостояния;
- неустойчивость установок избирателей, непредсказуемость перемены мотивов их предпочтений и итогового выбора;
- интенсивное воздействие на субъектов поля политики внешних по отношению к данному полю факторов (экономических, бытовых, этнических, межконфессиональных и т. д.);
- степень проверяемости результатов социологических замеров (совпадение прогноза и итогов голосования).

Эти особенности не могут не регламентировать характера методических подходов, применяемых для осуществления электоральных исследований. Изучение событий, протекающих в границах политического поля, должно быть *непрерывным* и строиться по принципу "от выборов до выборов". Иными словами, сбор информации должен осуществляться *регулярно*, на протяжении всего обозначенного периода, а не только во время избирательных кампаний. Изучение электоральных предпочтений и причин их изменений, необходимые для анализа и построения прогнозов, предполагают серию замеров. Такие замеры должны проводиться как через равные интервалы (например, ежеквартально) на протяжении всего периода электорального иссле-

дования, так и в период особо важных политических событий. Неустойчивость электоральных установок определяет необходимость соблюдения такого требования к социологическим замерам, как их *точность*.

Сбор информации должен осуществляться в максимально короткие сроки. Наблюдения показали высокую степень “подвижности” мнений избирателей. В течение месяца позиции отдельных респондентов становились диаметрально противоположными. Достоверность результатов социологического замера, осуществляемого в оперативном режиме, значительно выше той, которая контролировалась при сборе информации в достаточно длительные сроки. Наиболее оптимальной представляется продолжительность электорального замера, не превышающая 5 – 6 дней.

В электоральном исследовании необходимо комплексное применение различных методов сбора информации. В целях повышения ее надежности и качества полезно использовать такие методы прикладной социологии, как *опрос, анализ документов и наблюдение*.

В процессе изучения мнений избирателей, а также при обнародовании результатов электоральных замеров и прогнозов социологвольно или невольно *вмешивается* в ситуацию, развивающуюся в границах поля политики. В этой связи требование *профессиональной корректности* становится важной особенностью электоральных исследований. Таким образом, *электоральные исследования являются особым видом прикладной социологии. Их предмет – характер и направленность действий субъектов поля политики в борьбе за власть*. Под субъектами поля политики подразумеваются политическая элита, органы власти и оппозиция, поддерживающие их политические партии, движения и блоки, а также рядовые избиратели. Противостояние и взаимодействие субъектов поля политики в процессе электоральных замеров фиксируются посредством изучения таких параметров, как политическое влияние, политическая культура, политическая активность, политический выбор, политическое участие и т. д.

Система электоральных исследований отражает потребность демократического общества в объективной, надежной и непрерывной информации о функционировании поля политики и границах возможного в борьбе за власть. Это предопределяет основные функции электоральных исследований: информационную, корректирующую, прогнозистическую и пропагандистскую.

Реализация информационной функции предполагает проведение электоральных исследований с главной целью – обеспечить политические институты общества достоверными сведениями об электоральной ситуации, которые могут лечь в основу принятия идеологических и управленческих решений. Результаты электоральных исследований используются и для проверки эффективности реализации принятых ранее решений с целью корректировки характера и направлений электоральной деятельности политических лидеров, институтов, а также кандидатов на посты в органах государственной власти. Таким образом, реализуется функция коррегирования.

Анализ данных электоральных замеров позволяет строить прогноз политических процессов. Прогноз возможен при соблюдении важнейшего условия: в анализе должны использоваться лишь результаты серий замеров, проведенных с определенным временным интервалом по сопоставимой методике и на базе одной и той же выборки в рамках единой генеральной совокупности. Другими словами, прогноз возможен только тогда, когда исследования позволяют зафиксировать ту или иную устойчивую тенденцию.

Пропагандистская функция электоральных исследований направлена на ознакомление широкой общественности с результатами социологических замеров. Ее реализация знакомит избирателей с ходом предвыборной кампании, помогает последним лучше ориентироваться в перипетиях политической борьбы, способствует повышению интереса к предстоящим выборам.

Полномасштабное, комплексное электоральное социологическое исследование, построенное по принципу "от выборов до выборов", можно разделить на три относительно самостоятельные и независимые фазы:

- предвыборное исследование;
- исследование в день выборов;
- послевыборное исследование.

Названные фазы неравнозначны как по своей продолжительности, так и по содержательной нагрузке.

В рейтинге фаз безусловным лидером является предвыборное исследование. Именно оно занимает все временное пространство "от выборов до выборов" и состоит из серии замеров, осуществляемых разными методами. Оно играет основную роль в информационном обеспечении субъектов поля политики в ходе их подготовки к очеред-

ным выборам. В отличие от предвыборного исследования в день выборов и после их окончания носят разовый характер, но их результаты являются важными для построения прогноза дальнейшего развития событий в рамках поля политики.

Специалисты по организации и проведению предвыборных кампаний считают, что подготовка к очередным выборам должна начинаться непосредственно в момент завершения предыдущих. Предвыборный процесс включает три стадии. Первую из них можно определить как *стадию пассивной подготовки к выборам*. Она начинается с момента завершения предыдущих выборов и завершается примерно за три месяца до начала очередных. Вторая стадия может быть названа *стадией целенаправленной подготовки к выборам*. В процессе ее осуществления политические группировки определяют стратегию и тактику предвыборной борьбы, формируют штабы и команды для работы с электоратом, анализируют возможности будущих соперников и т. д. Данная стадия длится примерно два месяца. За месяц до выборов начинается официальная предвыборная кампания. Кандидаты, их штабы и команды ведут активную работу с электоратом. Третью стадию определим как *“стадию активных действий”*.

Рассмотрим содержание и особенности технологии предвыборного электорального исследования на каждой из этих стадий.

На “стадии пассивной подготовки к выборам” осуществляются замеры общественно-политической ситуации. Как уже отмечалось, они должны проводиться с определенной частотой и с равными интервалами. Кроме того, могут осуществляться ситуационные замеры, фиксирующие реакции электората в момент важных для общества событий. Замеры общественно-политической ситуации выполняются в режиме мониторинга. Обычно используется метод опроса. Содержание инструментария повторяется в каждом из замеров на 70–75 %. С помощью и посредством таких замеров фиксируются:

- оценки электоратом экономической ситуации в стране и регионе;
- оценки собственного материального положения;
- мнения о перспективах экономического развития;
- оценка деятельности органов власти различных уровней;
- степень доверия оппозиционным силам;
- возможности участия в выступлениях протеста;
- поводы для таких выступлений;
- удовлетворенность конкретной деятельностью своего избранника;

– рейтинги политических деятелей и группировок.

Аналогичные замеры могут осуществляться и в моменты важных событий. В этом случае к блоку вопросов может быть добавлен вопрос, позволяющий определить отношение населения к “прогремевшему” событию.

Замеры общественно-политической ситуации, осуществляемые на базе сравнимого инструментария, позволяют проследить динамику настроений электората. Одной из особенностей замеров на стадии пассивной подготовки к выборам является определение жестких сторонников и жестких противников каждого из политических деятелей и каждого политического института. Хотелось бы подробнее остановиться на технике этого определения. В состав инструментария при замере общественно-политической ситуации, как уже отмечалось, включаются блоки вопросов для выведения рейтинговых позиций лидеров и политических группировок. Рейтинговые замеры могут проводиться несколькими способами. Целесообразно выделить три из них. Первый и простейший способ (назовем его “способ укола”) предполагает построение рейтингового ряда на базе данных, полученных после ответа на один вопрос. В данном случае такой вопрос формулируется либо “Кто из политических деятелей является для Вас наиболее авторитетным?”, либо “Если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье, то за кого бы Вы проголосовали?”. Ответы на вопросы такого типа дают определенное представление о позициях электората по отношению к ключевым субъектам политического поля. Однако подобные оценки по причине подвижности ситуации и неустойчивости установок и мотивации электората ненадежны. Следует использовать более достоверные варианты рейтинговых замеров. К ним относится метод “весов”. Здесь используются при сборе информации два вопроса: “За кого бы Вы проголосовали, если бы выборы состоялись в ближайшее воскресенье?” и “За кого бы Вы не проголосовали ни при каких обстоятельствах?”. Рейтинговый ряд строится на основе разностей отношений. Такой рейтинг более точен. Однако наиболее эффективен для целей электорального исследования рейтинговый замер методом “сита”. В ходе такого замера устанавливается отношение к каждому из политических деятелей и к каждой политической группировке посредством целого набора вопросов. Это позволяет избежать возможности случайного выбора респондента. В блок для такого замера входят следующие переменные:

- степень узнаваемости лидера (партии);
- уровень авторитетности;
- мера политической проходимости (возможность быть избранным);
- оценка конкретных действий в данный момент;
- вера в перспективу данного лидера (партии).

При обработке собранной информации производится группировка полученных данных. Формируются группы жестких сторонников (тех, кто поддержал конкретного лидера или партию во всех случаях) и жестких противников (тех, кто не поддержал ни разу). Рейтинговые замеры методом "сита" являются наиболее точными, так как в значительной степени снимают случайность оценок респондентов.

В ходе исследовательских работ на стадии подготовки к будущим выборам регулярно осуществляется и сбор информации методом анализа документов. Постоянно отслеживаются публичные выступления ключевых представителей политической элиты. Динамика анализа может показать степень последовательности политика в отношении ключевых проблем, меру его принципиальности и честности. Полученные данные могут использоваться на последующих стадиях предвыборной борьбы.

Еще более интенсивная социологическая работа осуществляется на стадии целенаправленной подготовки к выборам. Такая работа начинается с проведения так называемого базового опроса. Он является логическим продолжением серии замеров общественно-политической ситуации, выполнявшихся на всем протяжении предыдущей стадии в режиме мониторинга. Однако инструментарий базового опроса включает в себя еще несколько важных и специфических блоков. В их числе наиболее значимыми являются:

- намерение участвовать или не участвовать в предстоящих выборах и конкретные мотивы этого;
- степень доверия к различным каналам агитации;
- портрет желаемого кандидата;
- факторы, способные повлиять на выбор, на изменение решения, на степень активности в поддержке предпочитаемого кандидата.

Если базовый опрос осуществляется в начале второй стадии, то в ее середине организуется сопоставительный опрос, в котором повторяются практически все позиции инструментария базового опроса. Цель сопоставительного опроса – зафиксировать возможное изменение мнений избирателей по исследуемой проблематике под воздейст-

вием тех или иных агитационных и пропагандистских мероприятий. Если это необходимо, то может быть проведен и второй сопоставительный опрос. На стадии осуществления предвыборных мероприятий вырабатываются программы кандидатов, определяется тактика поведения при общении с электоратом. Основные позиции этих документов могут быть апробированы в ходе проведения фокус-интервью в фокус-группах, сформированных по различным социально-демографическим критериям. Здесь же может быть определено отношение к возможному кандидату.

Программные позиции кандидатов, откорректированные в ходе фокус-интервью, проходят еще одну апробацию. На финише второй стадии предвыборных действий организуются три экспресс-опроса: идеологический, политический и проблемный. Проведение таких опросов обязательно в том случае, если социологическая группа работает на конкретного заказчика. Идеологический опрос позволяет определить отношение различных групп избирателей к программе кандидата. В инструментарии замера перечисляются программные позиции и дается шкала отношения к каждой из них. Дальнейший анализ позволяет определить, какие группы избирателей будут позитивно воспринимать те или иные позиции, а какие нет. Аналогичным способом осуществляется и анализируется политический экспресс-опрос. В его ходе устанавливается характер отношения избирателей к органам власти различных уровней. Результаты опроса помогают кандидату и его команде определить, можно или нельзя критиковать те или иные властные структуры (вообще или по конкретным вопросам). Третий из серии экспресс-опросов – проблемный – строится на базе вопросника, включающего несколько открытых вопросов, с помощью которых выясняются проблемы, в наибольшей степени волнующие избирателей. Данные такого исследования дадут возможность кандидату или его доверенным лицам при встречах с избирателями продемонстрировать хорошее знание их насущных проблем.

Одним из важнейших параметров характеризующих общественно-политическую ситуацию является уровень социальной напряженности в обществе. Для его определения вводится показатель социальной напряженности (ПСН). Такой показатель является переменной величиной и выводится с использованием метода группировки данных, которые получаются в результате ответов респондентов на ряд специально сформулированных вопросов. Набор операционных понятий,

являющихся базой для построения вопросов и шкал, включает в себя переменные, отражающие основные жизненные проблемы населения и оценки – характеристики деятельности ведущих и определяющих ситуацию в обществе социальных институтов. Прежде всего, строится вопрос, позволяющий зафиксировать динамику изменения оценки респондентом своего собственного материального положения. Для этой цели в формулировку вопроса включается терминология, обозначающая фиксированную точку отсчета (напр., месяц, три месяца, год и т. п.). Для замера используется альтернативная шкала с достаточной мерой чувствительности (пяти или семи вариантная).

В нашей методике замера ПСН используется вопрос:

Как изменилось Ваше собственное материальное положение за последнее полугодие? (Следует отметить, что финальная фраза вопроса строится в зависимости от того, как часто производятся подобные замеры.)

В опросе используется шкала составленная в терминах “улучшение – ухудшение”:

1. Существенно улучшилось.
2. Немного улучшилось.
3. Не изменилось.
4. Немного ухудшилось.
5. Существенно ухудшилось.

Следующим параметром, необходимым для нахождения ПСН, является оценка респондентом актуальности или значимости для него тех проблем, которые определяют не просто уровень жизни, а то, возможно ли нормально жить в принципе. Набор переменных для построения вопросов может получаться несколькими способами. В их числе – динамический, экспертный и опытный. Первый способ означает выделение проблем, которые должны оцениваться респондентами, путем отбора по результатам разнообразных опросов, проводившихся ранее. В этом случае фиксируются и отбираются для создаваемой методики те параметры, которые, характеризуя серьезные жизненные проблемы, встречаются чаще всего. Вторым подходом предполагается отбор проблем с помощью привлеченных для реализации данной цели экспертов. В инструментарий включаются те проблемы жизни людей, которые получили наибольшее число выборов экспертов.

И, наконец, опытный способ. Его применение предполагает отбор параметров оценки исходя из факта крайне тяжелой экономической

ситуации в обществе. В этом варианте для построения вопроса привлекаются переменные, обозначающие возможность или невозможность удовлетворения респондентом минимальных потребностей, без которых немислимо физическое существование человека.

В нашей методике используется третий способ. Для замера применяется следующий вопросный блок:

Насколько актуальными для Вас и Вашей семьи являются следующие проблемы?

	Очень Актуально	Скорее актуально	Скорее не актуально	Не акту- ально	Затрудняюсь ответить
1. Невозможность купить необходимые продукты питания в связи с нехваткой денег	1	2	3	4	5
2. Невозможность купить необходимую одежду в связи с нехваткой денег	1	2	3	4	5
3. Невозможность купить необходимые лекарства и заплатить за медицинские услуги в связи с нехваткой денег	1	2	3	4	5

Третий параметр замера предполагает выявление отношения респондента к различным социальным институтам общества. В описываемой методике используется терминология “виновен – невиновен”. Это, с нашей точки зрения, наиболее удобный вариант связки данного блока вопросов с теми блоками, которые были описаны выше.

Итак, при замере ПСН используется и третий вопрос:

Если Ваша жизнь ухудшается, то как Вы думаете, кто в этом виноват прежде всего?

1. Парламент.
2. Правительство.
3. Президент.
4. Партии.
5. Местная власть.
6. Чиновничий аппарат.
7. Оппозиция.
8. Мафия.

9. Предприниматели.

10. Виноваты мы сами.

и так далее.

Таким образом, нами выделено три критерия, по которым должен осуществляться замер ПСН. Базовой точкой выступает блок вопросов об актуальности для населения названных жизненных проблем. Вопрос 1 используется как конкретизирующий, а вопрос 3 – как типологизирующий. Это означает, что с помощью вопроса 1 в группе людей с низким жизненным уровнем отсекаются все те, у кого этот уровень хотя бы немного улучшился по сравнению с предыдущим отрезком времени.

С помощью вопроса 3 в полученной группе неудовлетворенных жизнью отсекаются все те, кто не винит в этом органы власти всех уровней. Итак, мы осуществляем группировку данных с целью выделения *протестной группы* – “тяжелые материальные условия жизни, которые не улучшаются совсем и в которых обвиняются властные структуры”.

Опыт показывает, что численность группы неудовлетворенных уровнем своего материального положения может быть достаточно большой, однако, протестная группа – т. е. те, кто видит конкретных виновников своих проблем в лице власти, по своей численности значительно меньше.

Показатель социальной напряженности выражается отношением числа попавших в протестную группу к общему объему выборочной совокупности. В нашей методической разработке предусмотрены следующие градации, характеризующие ПСН:

1. Низкий уровень ПСН – до 10 %

2. Средний уровень ПСН – 11% – 20 %

3. Высокий уровень ПСН – 20% – 30 %

4. Уровень ПСН, находящийся на грани социального взрыва – 31 % и выше.

Итак, ПСН превышающий 30 % является критическим. Это обусловлено тем, что при численности среднестатистической семьи в три человека, полученная группа будет представлять практически каждую семью.

При анализе полученных данных учитывается насколько протестная группа разделяет позиции противостоящих органам управления сил (если такие силы реально существуют). В ходе анализа исследова-

тели могут установить логическим путем реальные возможности протестной группы и развитие событий в обществе в условиях увеличения и усиления, а также уменьшения и ослабления протестной группы.

На стадии активных действий, т. е. в период развертывания и хода официальной предвыборной кампании, сбор информации осуществляется с использованием методов опроса, экспресс-наблюдения и изучения документов. Цель социологических опросов – определить электоральные установки и зафиксировать их содержание. Инструментарий включает следующие параметры:

- намерение принять участие в голосовании (с выяснением степени его устойчивости);
- возможность изменить мнение о том или ином кандидате, если выбор уже сделан (с выяснением причин изменения мнения);
- рейтинговые блоки.

Замеры осуществляются каждые 5 – 6 дней, причем последний – за 3 – 4 дня до голосования. Данные замеров (с учетом их корреляции с данными предыдущих опросов) используются как для корректировки поведения кандидатов (такую возможность дает каждый из замеров), так и для осуществления генерального прогноза о результатах голосования. Прогноз производится за три дня до выборов. Ошибки социологических прогнозов случаются чаще всего по той причине, что не учитывается отказ от голосования части электората. Простейший, но вместе с тем достаточно точный прогноз может быть осуществлен с использованием динамики рейтингов кандидатов или политических группировок. При этом учитывается рассчитанное среднее колебание рейтинговой кривой за один день, что позволяет предположить, каким будет характер ее изменения в последние перед выборами три дня.

При расчете прогнозного результата не учитывается позиция избирателей, которые (предположительно) не примут участия в голосовании. Анкеты этих респондентов изымаются из массива. Как определяется такая группа респондентов? Отбор осуществляется по ответам на вопрос об участии в выборах. При этом в массиве остаются данные респондентов, объявивших о своем непреклонном участии: 75 % анкет (определенных путем механического случайного отбора) тех, кто объявил о том, что скорее всего примет участие в выборах; 50 % – тех, кто возможно примет, а возможно – нет; 20 % – тех, кто усомнился в своем участии и, наконец, 100 % анкет тех, кто твердо сказал нет. Число отсеиваемых анкет определялось опытным путем (в ходе многократ-

ных наблюдений за поведением электората в последние годы, а также по результатам ответов на вопросы, используемые в послевыборных замерах).

Для корректировки действий кандидатов используется информация, получаемая методами *экспресс-наблюдения* (на митингах, собраниях, в ходе других акций, в которых участвует кандидат) и анализа документов (содержания публичных выступлений политиков). Сбор такой информации осуществляется с применением традиционных процедур.

Именно так реализуются цели и задачи первой фазы электоральных социологических исследований. Следует отметить, что представленная нами технология предвыборного исследования применима в первую очередь при работе “на заказ”, с конкретным кандидатом.

Исследования в день выборов осуществляются с целью получения информации о ходе голосования. Эта информация используется телевидением и радио для ознакомления с ней широкой общественности. Опросы в день выборов могут выступать и как контролирующий фактор, который способен воспрепятствовать возможной манипуляции с результатами выборов.

Опросная работа осуществляется либо в течение всего срока голосования, либо дискретно (по два часа после двухчасовой паузы). Сбор информации проводится вблизи избирательных участков, причем опрашиваются, по возможности, все выходящие избиратели. Как правило, задается один вопрос: "За кого из кандидатов Вы проголосовали?". Социально-демографические параметры не фиксируются. Основные трудности социологов, решившихся проводить столь трудоемкое мероприятие, как исследование в день выборов, заключаются в отборе точек, в которых должна собираться информация. Число таких точек (если речь идет об исследовании на всей территории государства) должно быть примерно таким же, как число респондентов при работе по национальной выборке. Причем распределение числа мест опроса в каждой из точек также должно соответствовать числу гипотетических респондентов в этих точках. Такой подход влечет за собой серьезную для социологов сложность – значительное увеличение числа используемых для обычного опроса интервьюеров.

Важным условием успеха исследования в день выборов является соблюдение требования одновременности, (с учетом, естественно, часовых поясов). Справедливости ради следует заметить, что эффектив-

нее всего замер в день выборов может использоваться в небольших по территории странах. Для такого государства, как Россия, данный замер желательно осуществлять по регионам, т. е. объявлять результаты по каждому из часовых поясов в отдельности.

Последней фазой электорального исследования является послевыборная. Ее цель – получение информации об оценке населением “чистоты” проведения выборов, степени их демократичности и правовой приемлемости. В ходе послевыборного замера выясняется и расклад электоральных предпочтений. Его можно затем сравнить с реальными результатами. В процессе послевыборного исследования выясняются также мотивы выбора того или иного кандидата, мотивы участия или неучастия в голосовании, сроки и условия принятия избирателями окончательного решения, факторы, повлиявшие на это решение. Вся эта информация используется для подготовки к последующим выборам и референдумам.

Электоральные социологические исследования, выполненные на профессиональном уровне, являются высокоэффективным инструментом общества и политических институтов в реализации демократических прин

5.2. ТЕХНОЛОГИИ ПОЛИТИЧЕСКОЙ РЕКЛАМЫ

Влияние политической рекламы на ход избирательной кампании определяется не только в большей профессионализацией политической пропаганды, но прежде всего тем, что реклама стала решающим фактором политического процесса. В 70–80-е годы мастера политической рекламы были востребованы высшими инстанциями. Более того, противовес официальной партийной машине, их роль неизмеримо возросла. Они отвечали за всю кампанию в целом. Каждое публичное заявление или жест кандидата, независимо от того, преследует ли он этим какую-либо цель или нет, могут рассматриваться как часть кампании и должны быть включены в ее режиссуру.

Политическая реклама. В своей книге "Тридцатисекундная политика: политическая реклама 70-х" социолог М. Керн различает четыре типа политической рекламы. Мы предпочитаем рассматривать ее как единое целое, но можно заметить, что обычно на различных этапах политической кампании используются разные разновидности рекламы.

Анализируя политическую рекламу, Керн отмечает, что она претерпела в последние годы (1989–1996 г.г.) ряд изменений. Новейшие исследования показывают, что современная политическая реклама имеет гораздо большую сферу применения, чем просто ознакомление с позицией кандидата по различным вопросам. Она в равной мере уделяет внимание имиджу кандидата и пропаганде его программы. Р. Джоселин утверждает, что существуют четыре типа рекламы. Первые два, в основном излагают программу в виде призывных лозунгов, оценивающих прежнюю политику и рисуящую перспективу: иную роль выполняют предвыборные мероприятия ("ритуалы") и, наконец, самая важная процедура – рекламирование "лучшего из лучших лидера. Более поздние исследования кампаний по выборам Сената показали, что главной целью отбора и подачи материала в рекламе является создание образа кандидата.

Неоклассическая теория использования средств массовой информации утверждает, что четыре типа политической рекламы соответствуют четырем стадиям кампании: сначала "обкатывается" имя кандидата, затем демонстрируются его программы и позиции, далее следует атака, направленная на оппонентов, и, наконец, в конце кампании избирателей кормят обещаниями, которые греют их души.

Данный материал представляет собой главу из будущей книги Артура Азы Бергера "RUN IT UP A FLAG POLE" ("Поднять на флагшток").

В конечном счете, политическая реклама в предвыборных кампаниях ставит своей целью убедить избирателей сделать то, чего от них добивается человек, заплативший за рекламу, а именно: проголосовать за определенного кандидата, и только за него, и ни за кого больше. Когда рекламодатели платят за то, чтобы что-нибудь или кого-нибудь "поднять на флагшток", они ожидают соответствующей реакции от людей. Образно выражаясь, "кто платит, тот заказывает музыку". Но далеко не всегда эта музыка нравится людям либо убеждает их в необходимости "подпевать".

Нижеприведенная таблица показывает распределение типов политической рекламы на различных стадиях кампании (см.ниже). В самом начале кампании политик желает получить признание либо заставить избирателей соотносить свою личность с должностью, на которую он баллотируется. Далее приходит черед изложить программы и отношение к ней кандидата.

Тип рекламы	Предназначение
Презентация кандидата	Приступить к формированию положительного образа
Демонстрация программы кандидата	Идеологическая "вербовка"
Нападки на оппонентов	Антиреклама
Порция обещаний	Закрепление имиджа I кандидата

После этого политики используют нападки на конкурентов, организуя им так называемую антирекламу с целью загнать их в угол и заставить их перейти к обороне. Под занавес в дело идут несбыточные обещания с целью побудить избирателей голосовать за кандидата. Важно отметить широкое использование слов, начинающихся с буквы "I" как мнемонический прием, используемый с целью облегчить запоминаемость образа кандидата.

1998 г. Первичные выборы в Калифорнии: "виртуальная" кампания губернатора. Кампания калифорнийского губернатора в 1998 г. получила едва ли не легендарный статус. В ней принимали участие три кандидата от демократов. Вначале наименее известным из них был Ал Чекчи, бывший руководитель авиакомпании, потративший сорок миллионов долларов собственных денег, добиваясь выдвижения своей кандидатуры. Когда Дайана Фенстейн, сенатор от демократов из Сан-Франциско, решила не участвовать в выборах, в гонку вступила Джейн Хэрмен, член конгресса двух созывов. На выдвижение своей кандидатуры она потратила 15 миллионов долларов из своего кармана. 40 миллионов Чекчи – самая большая сумма, когда-либо потраченная кандидатом на непрезидентских первичных выборах. Третьим кандидатом был Грэй Дэвис, вице-губернатор штата, человек с двадцатилетним опытом работы в администрации. Он потратил 9 миллионов долларов (собранных денег) и в результате победил в состязании со своими оппонентами. Лозунг его кампании был блестящим: "Опыт не купишь за деньги".

Этим лозунгом ему удалось убить сразу двух зайцев: во-первых, был подчеркнут большой опыт работы Дэвиса в правительстве. Ал Чекчи, как выяснилось, несколько раз не голосовал на выборах и был новичком в политике. Хотя он купил себе признание за 40 миллионов долларов, но развернул антирекламу против Джейн Хэрмен, нейтрализовав ее как политическую силу и отстранив большое число избирателей от участия в выборах. Таким образом, он облегчил Дэвису путь к должности губернатора.

Лозунг Дэвиса отвечал настроениям калифорнийцев, считающих, что состоятельные люди не должны "покупать" выборы и начинать свою политическую карьеру с верхних этажей. Такое мнение, в частности, является реакцией на разнузданную и дорогостоящую кампанию состоятельного республиканца Майкла Хаффингтона во время выборов в сенат в 1996 году, которые с трудом выиграла Фейнштейн.

Калифорния – огромный штат с населением более тридцати миллионов человек. Единственный способ заявить обществу о себе, помимо упоминания кандидата в выпусках новостей, – это реклама, главным образом на радио и на телевидении (последняя наиболее весома). В рассматриваемой нами кампании имели место и дебаты с участием кандидата от республиканцев Дэна Ландгрена, но на практике все, что видели калифорнийские избиратели в начале кампании, была телевизионная реклама. Поэтому всю кампанию окрестили "виртуальной".

Вопросы, поднятые "виртуальной" кампанией.

1) Какое влияние на людей оказывают "очернительские" кампании? В опросах избиратели, как правило, заявляют о своем отрицательном отношении к негативным кампаниям, но итоги голосования показывают, что, тем не менее, они приносят эффект. Существует множество исследований различных предвыборных ситуаций, из которых можно сделать вывод, что негативные кампании, содержащие большое количество "атакующей" рекламы, эффективны. Отмечалось, что негативные кампании отключают большое число избирателей от голосования вообще, что явно на руку политикам типа консервативных республиканцев, возлагающих надежды на голосующее меньшинство (в отличие от либеральных демократов, ориентированных на массу избирателей). Возможно, калифорнийские избиратели отличаются от избирателей в других штатах? Или калифорнийцы установили новую тенденцию?

2) Что имеет большее значение – качество рекламы или ее количество? В ходе первичных выборов губернатора в Калифорнии в 1998 году каждый из кандидатов какое-то время был лидером. Сначала верх взял Чекчи благодаря своей блиц-рекламе. Затем в гонку вступила Хэрмен и на некоторое время заняла позицию лидера – до тех пор, пока не столкнулась с антирекламой со стороны Чекчи. Несколько позднее началась рекламная кампания Грея Дэвиса, которая вывела

его вперед и дала возможность продержаться на позициях лидера и победить с большим перевесом.

Девять миллионов долларов Дэвиса – значительная сумма, но это, конечно, ничто по сравнению с сорока миллионами Чекчи и пятнадцатью миллионами Хэрмен. Кампании в масштабе Калифорнии, особенно при выборах на такие важные и высокие должности, как губернатор, очень дороги, в значительной мере благодаря большому размеру штата и его огромному населению.

3) Что определяет успех – реклама или сам кандидат? Этот вопрос имеет особое значение. Голосуют ли избиратели сами по себе, или под влиянием рекламы, способной найти решающие аргументы и отвести оппонентов? В первичных выборах 1998 г. таким аргументом был опыт кандидата. Расчет делался на то, что калифорнийцы не верят новичкам. Рональд Рейган и большинство консервативных республиканцев, наоборот, пытались доказать, что опыт работы в администрации вреден, и чем меньше политик вращался в правительственных кругах, тем лучше.

Следует признать значимость политической рекламы, поскольку она в четыре раза эффективнее той информации, которую американцы получают из выпусков новостей. Политические новости в основном отслеживают лишь рейтинг кандидатов и не касаются различий в программе кандидатов. Впрочем, теленовости нередко становятся частью политической рекламы одного из кандидатов.

Пропаганда программы кандидата бывает двух видов: так называемая "платформная" реклама с изложением основных идей кандидата и реклама-лозунг. Эта последняя либо указывает на ключевое звено программы, либо делает упор на имидж кандидата. Пример рекламы-лозунга Эйзенхауэра в 1952 г.: "Я поеду в Корею". "Опыт не купишь за деньги", также реклама-лозунг, которая свела всю кампанию Грея Дэвиса к одной легко запоминаемой фразе.

Для позитивной пропаганды используются символы. Они формируют такое впечатление о кандидате, которое привлекает голоса избирателей. Желанны в первую очередь те кандидаты, которые ободряют нас, дают надежду, с состраданием относятся к бедным (или, по крайней мере, утверждают это), заставляют нас гордиться местом, в котором мы живем и Америкой в целом. Мы любим, когда кандидаты похожи на нас и осознают себя такими же, как мы, даже если различие существенно и социально-экономический статус кандидатов отличает-

ся от нашего, как говорят социологи, "на шесть ступеней шкалы доходов.

<i>Позитивные стимулы</i>	<i>Негативные стимулы</i>
Надежда на будущее	Отчаяние
Сострадание к нуждающимся	Холодность, отчужденность
Стремление сделать все необходимое	Вялость, инертность
Доверие	Изворотливость
Ностальгия по легендарному прошлому	Безразличие к прошлому
Близость	Отдаление
Ободрение	Мрачность, угрюмость
Местный патриотизм	Местный негативизм
Национальная гордость	Национальный позор

Чрезвычайно важны визуальные символы, кандидаты присваивают себе американские "знаки отличия" – национальный флаг, цилиндр (либо соответственно "синюю блузу" рабочих), знакомые пейзажи как фон на их фотографиях, "чисто американская" семья кандидата и т. д. В результате возникает прочная эмоциональная связь между самим кандидатом и символом, что позднее выливается в поданные за него голоса. Нельзя сказать, что язык имеет второстепенное значение, но в рекламе большая часть коммуникационной нагрузки лежит на физических символах. В значительной степени именно поэтому реклама стала господствовать в политике точно так же, как и во многих других сферах жизни американцев.

Смерть табачного билля. Выборы не единственная сфера приложения политической рекламы. Она широко используется группами интересов для воздействия на принятие решений в конгрессе. Одним из самых значительных и удачных примеров является рекламная кампания, проведенная сигаретными фирмами с целью сорвать табачный билль Мак-Кейна в сенате США.

На эту кампанию, получившую национальный размах на радио и телевидении, табачные концерны затратили 40 миллионов долларов. Деньги ушли на то, чтобы перевернуть общественное мнение в Америке и дать прикрытие сенаторам, ратовавшим за отмену законопроекта. Кампания в корне изменила как суть самого билля Мак-Кейна, так и условия дебатов по проблеме. Сигаретные фирмы утверждали, что билль Мак-Кейна, не попытка сократить курение среди несовершеннолетних, а очередной налог, которым некоторые "бюджетные" члены конгресса обложили американский рабочий класс. В рекламных материалах не говорилось ни слова о том, что этот налог будут платить

только курильщики (и тем самым избежатся от огромных медицинских счетов за лечение болезней, возникших вследствие курения), а не все общество. Билль Мак-Кейна характеризовался как вызов "американскому образу жизни".

Вот примеры слоганов "табачной" рекламы:

Вашингтон свихнулся, предлагая негодный старый бюджет.

Полтриллиона долларов новых налогов.

17 новых правительственных бюрократий.

Сигареты вздорожают до 5 долларов за пачку...

Огромные потери рабочих мест среди фермеров, розничных торговцев и в сфере малого бизнеса.

По иронии судьбы руководитель и проектировщик рекламной кампании, Картер Эскью в течение нескольких лет был связан с демократической партией и должен был поддержать гуманный законопроект. Вместо этого он запугивал американцев, что билль Мак-Кейна неизбежно приведет к разрастанию черного рынка сигарет, Эскью так объяснил свою тактику: "Сообщение отскакивает от сателлита – под сателлитом имеются в виду американцы – и возвращается назад к сенатору". Цель заключалась в том, чтобы оказать мощное давление на сенаторов.

Таким образом, реклама может использоваться не только для "продажи" политиков во время выборов, но также и в социально-политических целях. Если трезво рассудить, то 40 миллионов долларов – небольшая сумма для рекламной кампании, так как, потратив эти деньги, можно сэкономить миллиарды.

Табачная промышленность одержала победу над властями, желавшими принять билль Мак-Кейна и предотвратить распространение курения среди несовершеннолетних. Это конец табачного законодательства или всего лишь временная неудача тех, кто желает обуздать табачную индустрию? Поживем – увидим.

5.3. КОММУНИКАТИВНЫЕ СТРАТЕГИИ: КЛАССИФИКАЦИОННЫЙ АСПЕКТ

Обращение к исследованию политического дискурса СМИ, занимающего доминирующий общественный статус в системе дискурсной коммуникации, возможно и с позиций исследования коммуникативных стратегий субъектов политики.

Коммуникативные стратегии, применяемые участниками политических кампаний, могут исследоваться, преимущественно, в рамках двух основных подходов: реляционного и тематического.

К первому подходу можно отнести традиционно предлагаемую в американской теории и практике коммуникации классификацию стратегий политического дискурса на: атаку, защиту, продажу, игнорирование и перехват инициативы (я также...я лучше) (Martel, 1983, 62–63). Данные стратегии описывают речевые действия коммуникантов с точки зрения их отношения к последующим/предыдущим речевым действиям политического соперника. Их можно подразделить на инициальные и ответные.

К классу инициальных следует отнести стратегии атаки и продажи. *Атака* предполагает агрессивную направленность аргументов коммуниканта против позиций, личности или кампании его оппонента. *Продажей* называется стратегия политической коммуникации, в которой аргументы выглядят объективистски и в формально-смысловом плане нейтральны: с одной стороны, не защищают позицию коммуниканта, а с другой, не критикуют позицию оппонента.

К классу ответных относятся те стратегии, в аргументах которых дается оценка предшествующих речевых действий оппонента. *Защита* строится на отрицании аргументов, содержащихся в примененной политическим соперником стратегии атаки. Стратегия *игнорирования* сходна с продажей, т. к. используемые в ней аргументы не нацелены против аргументов политического противника, однако, по своей коммуникативно-функциональной направленности она является ответной объективизированной аргументацией на ранее использованные политическим оппонентом критические аргументы в адрес пользователя данной стратегией.

Если игнорирование служит целям “замалчивания” аргументов политического оппонента, то стратегия “я также... я лучше” применяется в том случае, когда политический аргумент оппонента является настолько выигрышным, что замалчивать его коммуникационно нецелесообразно. По своему элементарному аргументному составу она содержит речевые действия, выражающие согласие с выигрышным тезисом оппонента, и заверения, что пользователь стратегии, если только он добьется политической победы, воплотит данный тезис в жизнь более эффективно.

Ко второму, тематическому, подходу относятся попытки описать содержательную направленность стратегий политического дискурса (Trent, Friedenberг, 1998, 89–121). Тематические стратегии подразделяются на позиционные и конфронтационные.

К позиционным тематическим стратегиям следует отнести следующие.

Создание псевдособытий. Они отличаются от “реальных” событий тем, что их заранее планируют и разыгрывают, чтобы заполнить ими новостные блоки массмедиа. К таким псевдособытиям относятся различные “инициативы” политических деятелей, участие политиков в церемониальных актах и т. п.

Назначение на государственные или внутривластные посты. Эти шаги не оставят равнодушными средства массовой коммуникации. В результате создается впечатление политической активности и силы пользователя данной стратегией.

Создание специальных подразделений для исследования острых социальных проблем. Эта стратегия используется в политическом дискурсе для достижения нескольких целей. Прежде всего, пользователь получает репутацию политического деятеля, который понимает и стремится решить проблемы избирателей. Вместе с тем данная стратегия дает возможность повременить с занятием однозначной позиции по важному политическому вопросу, имеющему как сторонников, так и противников.

Распределение государственных или общественных доходов. Как и стратегия назначений, использование бюджетных средств на общественные нужды позволяет политику расширить число сторонников (потенциальных коммуникантов политического дискурса) и создать благоприятное информационное поле.

Проведение переговоров или консультаций с мировыми лидерами. Эту стратегию применяют первые лица государства, и все политические деятели, стремящиеся подчеркнуть свой вес на мировой арене. Стратегия призвана создать ее пользователю авторитет эксперта в области внешней политики.

Манипулирование социально-экономическими проблемами. Так как эти проблемы затрагивают жизненные интересы избирателей, политический деятель не может их игнорировать.

Выражение поддержки со стороны авторитетных лидеров. Эта стратегия имеет целью ввести пользователя в круг уважаемых, признанных политиков.

Превознесение успехов или критика в адрес других. Коммуникант политического дискурса должен быть способен продемонстрировать успехи, которых он добился за годы пребывания на государственном, партийном или общественном посту. Если ожидаемых успехов в какой-либо сфере нет, то он должен суметь доказать, что речь идет о маловажных проблемах или взвалить ответственность за провал на кого угодно. Перекладывать “с больной головы на здоровую” – обычная практика в политической борьбе. К этому приему особенно часто прибегают представители “конкурирующих” ветвей власти.

Позиция “над схваткой”. Эта стратегия дает ряд преимуществ коммуниканту: во-первых, в политических распрях подтверждает образ политика, действующего исключительно из чувства долга перед страной; во-вторых, факт наличия соперников придает коммуниканту дополнительный “вес”.

Суррогатное проведение политической кампании. Сущность данной стратегии заключается в умышленной концентрации коммуниканта на государственной деятельности, в то время как проведение его политической кампании поручается приближенным, включая членов семьи, министров или партийных функционеров.

Раздувание определенной внешнеполитической проблемы до масштабов международного кризиса. Хотя варианты данной стратегии используются политиками различного уровня, обычно наиболее эффективно она применяется первыми лицами государства. Ее цель – создать образ внешнего врага и сплотить избирателей вокруг лидера страны.

К конфронтационным тематическим стратегиям относятся:

Критика деятельности оппонентов. Это главная стратегия конфронтационного типа. Ее цель – вызвать сомнение в умах электората в способностях политического оппонента и неудовольствие положением дел в целом. Некоторые агрессивно настроенные коммуниканты выступают с требованиями расследовать деятельность оппонента, что должно уничтожить его в глазах избирателей.

Наступательная позиция в полемике. Эта стратегия предполагает активную коммуникативную атаку на политического оппонента путем задавания “каверзных” вопросов или выражения несогласия без каких-

либо конкретных позитивных предложений. С помощью этой стратегии у избирателей создается впечатление некомпетентности политического оппонента.

Призыв к переменам. Тематической доминантой данной стратегии является требование серьезных изменений политического курса или методов решения назревших проблем. (Это может касаться также частных политических программ, кампаний, модификации стиля администрирования и пр.).

Подчеркнутый оптимизм. Эта стратегия является естественным дополнением конфронтационного дискурса: критикуя оппонентов, политик не может не обещать, что он сможет обеспечить людям лучшее будущее.

Выступление в защиту традиционных ценностей. Хотя в конфронтационном подходе доминирует призыв к переменам, это, как правило, не означает переосмысления или отказа от традиционных ценностей. Выступая в защиту нравственных устоев общества и семьи, политик может рассчитывать на поддержку широкого круга избирателей, обеспокоенных ростом молодежной преступности и коррупции в структурах власти.

Имидж центриста. Исторический опыт показывает, что успех сопутствует, как правило, политикам, избегающим крайностей и отстаивающим в борьбе с конкурентами “золотую середину” – способность учесть интересы и запросы различных слоев общества.

Делегирование критики с целью отстранения от демагогической риторики. Демагогия и личностные выпады против оппонентов получили широкое распространение. Однако дальновидные политики сами предпочитают не пачкать рук. Как правило, они перепоручают эти акции (как то: проведение резких или язвительных нападок на своего политического оппонента) своим политическим коллегам, то есть “суррогатным” коммуникантам или для дискредитации соперников используют в СМИ заказные материалы.

5.4. ОПЕРАЦИОНАЛИЗАЦИЯ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ С ПОЗИЦИЙ КАУЗАЛЬНО–ГЕНЕТИЧЕСКОЙ ТЕОРИИ

Изучение политического дискурса предполагает не только знание того, какие стратегии используются в данном дискурсе и каковы их

типичные черты (а значит и то, как мы можем их классифицировать), но и знание механизма их функционирования. Последний включает, во-первых, сопричастные элементы содержания: (1) внелингвистические: (а) *психологические* (инициальные, речеповеденческие, иерархические), (б) *логические* (гносеологические, структурные), (в) *тематические* (семиологические, референтные); и (2) собственно лингвистические: (а) *языковые* (системные), (б) *речевые* (линейные) и (в) *речедеятельностные* (риторические). И, во-вторых, знание о том, как эти элементы соотносятся между собой в речетворчестве (текстопорождении и текстовосприятии), а также, возможно, и знание контекста их функционирования (вербального и невербального) с учетом национальной, профессиональной, возрастной, гендерной и прочей социально-ориентированной специфики и, соответственно, знание субъектной и объектной ситуации общения.

Все вышесказанное имеет непосредственное отношение к проблеме операционализации коммуникативных стратегий, проблеме, решение которой возможно на основе каузально-генетической модели речевого взаимодействия (см. работы: Ухванова, 1993, 1998; Oukhvanova, 1998).

Мы исходим из того факта, что коммуникативная стратегия – это не просто содержательный элемент текста, но своеобразный текст в тексте, который может быть самостоятельным объектом исследования. Причем, пересечение различных стратегий в одном тексте означает пересечение ряда текстов в рамках одного текстового образования

Мы полагаем, что основной содержательной дихотомией в структуре коммуникативной стратегии должна быть дихотомия "предметно-ориентированное/субъектно-ориентированное содержание", ибо стратегии представляют собой либо реляционную (субъект-субъектную), либо тематически-фокусированную (субъект-предметную) направленность.

Исходя из этой посылки, можно предположить, что **стратегии реляционного характера** (*атака, защита, продажа, игнорирование и перехват инициативы: "я также... я лучше"*), описывающие речевые действия коммуникантов с точки зрения их отношения к последующим или предыдущим речевым действиям политического соперника (инициальная или ответная реакция), безусловно **объективируют субъект**, рассматривают его в качестве объективной реальности, с ко-

торой надо что-то делать (нападать, защищаться от нее, игнорировать ее или же презентировать).

С другой стороны, **стратегии тематического плана**, описывающие их содержание, как позиционные, (1) например, *создание псевдособытий, назначение на государственные или внутривластные посты, создание специальных подразделений для исследования острых социальных проблем, распределение государственных или общественных доходов, проведение переговоров или консультаций с мировыми лидерами, манипулирование социально-экономическими проблемами, выражение поддержки со стороны авторитетных лидеров, превознесение успехов или критика в адрес других, позиция «над схваткой», суррогатное проведение политической компании, раздувание определенной внешнеполитической проблемы до масштабов международного кризиса*) так и конфронтационные; (2) например, *критика деятельности оппонентов, наступательная позиция в полемике, призыв к переменам, подчеркнутый оптимизм, выступление в защиту традиционных ценностей, имидж центриста, делегирование критики с целью отстранения от демагогической риторики*) всегда вне всякого сомнения **субъективируют объект**, делая его соподчиненным субъекту, его целям и задачам, выступают в качестве субститутов субъекта (недаром говорят, что дело само за себя говорит).

В обоих случаях (при концентрации внимания на объективированном субъекте или субъективированном объекте) анализ коммуникативной стратегии, рассматриваемой как текст в тексте, то есть в качестве сложного языкового знака, предполагает, *с одной стороны*, обращение к анализу как внешнего (экстенционального, невербального), так и внутреннего (вербального, виртуального, знакового) содержания. *С другой же стороны*, каждая из этих характеристик не является чем-то застывшим монолитным, а раскрывается и обогащается в речевой динамике. Этот процесс “схватывает” и обобщает каузально-генетическая модель плана содержания текста, именно ее мы и взяли за основу построения таблиц, отражающих возможные элементы операционализации изучаемых нами коммуникативных стратегий. Здесь мы рассмотрим таблицу, которая может быть использована для проведения анализа инициальных стратегий (таких, как *атака, защита, реклама, продажа*), то есть тех стратегий, предметом анализа которых становится объективированный субъект.

Какой бы ни была инициальная стратегия, она реализует себя через определение (идентификацию) того, на что нападают или что защищают. Причем это может быть не только реальный человек или группа людей, но и события, явления, предметы, ассоциируемые с этим субъектом. Определение (идентификация) получает знаковое развитие и поэтому в таблице в качестве элемента операционализации присутствует знаковая интерпретация объекта атаки, который мы представили как объективированный субъект ("ОС"). Далее, важно проследить, как "ОС" идентифицируется в реальном (внезнаковом) пространстве. Среди элементов этого плана мы выделили: "СО" с позиций его качественного и деятельностного выражения, а также пространственного (включенность в ситуационно-деятельностное поле) и временного.

Инициальные коммуникативные стратегии проявляют себя и в процессе собственно **риторической деятельности**, в которую, могут входить логические и эмоциональные компоненты. Сюда мы должны отнести:

- использование всякого рода переносов и уход от "прямых" значений (метафорический и/или метонимический язык, наклеивание ярлыков);
- актуализация однозначности (с помощью приема "экстраполяции") или многозначности, непомерно сложного, комплексного содержания, задаваемого некоей абстракцией или рождаемого ее "размытым" образом (мифологизация);
- трансформации грамматического или синтаксического уровней (риторический вопрос, обращение, маркированная модальность);
- введение эмоционально-окрашенной лексики (экспрессивность) или использование других способов актуализации отношения, то есть прагматического содержания (ирония, скептицизм);
- "эксплуатация" статистики;
- использование целого арсенала логических структур и алогизмов.

Все эти элементы операционализации (следует отметить, что список не является исчерпывающим) введены в таблицы, заполнение которых и представляет собой этап сбора данных. Образец таблицы представлен на стр. 22. Собранные в таблицу (в результате аналитического прочтения текста) языковые, речевые и экстралингвистические

факты подвергаются в дальнейшем сопоставительному анализу, в результате чего собирается (реконструируется) сама стратегия.

Иллюстрация исследования, проведенного по данной методике представлена ниже.

5.5 АНАЛИЗ РЕПРЕЗЕНТАЦИИ РЕЛЯЦИОННЫХ КОММУНИКАТИВНЫХ СТРАТЕГИЙ В ДИСКУРСЕ МОЛОДЫХ БЕЛОРУССКИХ ПОЛИТИКОВ

Объектом нашего внимания стали реляционные коммуникативные стратегии, причем как инициальные – "атака" и "продажа" (или "реклама товара"), так и ответные, в частности "защита". Тот факт, что в ответных стратегиях уже заложены инициальные стратегии, в частности, оценка (эксплицитная или имплицитная) противника и/или его действий, говорит о продуктивности их совместного изучения и возможности (а, пожалуй, и необходимости) их помещения в единые таблицы. Они могут быть считаны (проанализированы), как в непосредственном взаимодействии стратегий, так и, при необходимости, абстрагированно друг от друга.

Нам показалось интересным исследовать использование реляционных коммуникативных стратегий субъектами разной политической ориентации, в частности теми, кто представляет дискурс власти и контрдискурсии. Наш выбор остановился на молодых белорусских политиках – А. Лебедько, заместителя председателя, а ныне председателя Объединенной гражданской партии и В. Янчевского, лидера Белорусского патриотического союза молодежи (БПСМ). В частности нами были исследованы (1) две статьи А. Лебедько – “Лукашенко нужна конфедерация” в газете “Свабода” (С) от 14.05.1997 г. и “Белорусская оппозиция: штрихи к автопортрету” в “Народной воле” (НВ) от 21.01.1998 г. и (2) две статьи В. Янчевского (“Что по плечу молодым?”, опубликованной в газете “Советская Белоруссия” (СБ) 4 сентября 1997 г. и “БПСМ и молодые социалисты Сербии договорились о сотрудничестве” в газете “Знамя юности” (ЗЮ) за 7 апреля 1998 г.

Содержательно эти статьи, в каком-то смысле, являются программными (они дают представление о приоритетах и стратегиях каждой из двух политических организаций). Так, материалы А. Лебедько можно охарактеризовать с помощью дихотомии *"они/власть"* (1997г.) *мы/оппозиция* (1998г.). Идентификация ("презентация/реклама/ про-

дажа") идет в этом конфронтационном поле, соответственно и взаимодействие "атака-защита" позиционно задано этой основной дихотомией. Материалы В. Янчевского представлены в принципиально иной паре "мы/молодые" (1997г.) – "молодые Сербии" (1998г.). Не случайно выбран и временной период – 1997–1998 гг., ибо именно в это время происходило активное вхождение молодых людей в большую политику, именно тогда они определяли и свое отношение друг к другу и к власти, и, соответственно, наблюдалось некоторое переключение внимания СМИ – интерес к тому, что могут сегодня сказать и сделать молодые политики.

Нашей целью явилось изучение дискурса молодых политиков Беларуси с учетом его реляционных коммуникативных стратегий. Непосредственная задача заключается в том чтобы – (1) показать возможности аналитического изучения коммуникативных стратегий, а именно в их операционализации с помощью каузально-генетической содержательной модели; (2) выяснить приоритетные способы выражения коммуникативных намерений, заложенных в стратегиях общения; (3) провести сопоставительный анализ дискурса представителей различной идеологической ориентации.

5.5.1. Коммуникативные стратегии в дискурсе В. Янчевского

Материалы лидера (БПСМ) имеют ярко выраженную стратегию "рекламы" ("продажи"). Простой подсчет строк позволяет назвать здесь такие цифры как 76 % (СБ) и 81 % (ЗЮ). Помимо этой стратегии значимыми для данных статей явились также стратегии "атака" и "защита".

Заполняя таблицу, образец которой представлен выше (в разделе 5.4), а затем, анализируя ее содержание, мы смогли определить как именно реализует с содержательной точки зрения В. Янчевский данные коммуникативные стратегии.

Знаковая и оценочная характеристика. Как мы выяснили в результате сбора данных и организации их в таблицу, объективированным субъектом, непосредственным объектом, а также предметом разговора с читателями и информационным поводом для В. Янчевского в этих двух материалах явились реклама двенадцати позиций, атака на пять позиций и защита двух позиций, а именно:

I. РЕКЛАМА:

(1997г.)

- (1) БПСМ – оформившегося организационно, растущего, расплодившегося (первички, райкомы...), разрабатывающего молодежные программы по различным направлениям, качественно нового явления; организации, дающая возможность молодежи проявить самостоятельность;
- (2) райкомов БПСМ, в которых кипит жизнь;
- (3) материальной базы БПСМ, формирующейся с помощью спонсоров и молодежных организаций;
- (4) первых успехов БПСМ в создании центров занятости в районах;
- (5) положительной самооценки;
- (6) белорусов, которые хотят рассказать правду о РБ и сотрудничать с сибиряками;
- (7) себя лично, не привыкшего отсиживаться, отмалчиваться, призывающего к порядку, отказывающегося играть по нечестным правилам, говорящего правду, наживающего недоброжелателей;

(1998г.)

- (8) БПСМ, в поисках перспектив сотрудничества и совместного решения насущных проблем;
- (9) успешной поездки делегации БПСМ в Югославию, для заключения соглашения с СРЮ;
- (10) подписания договора о сотрудничестве между БПСМ и социалистами Сербии;
- (11) справедливой позиции Беларуси по косовскому кризису;
- (12) инициативы БПСМ по развитию сотрудничества с Югославией.

II. АТАКА на:

(1997г.)

- (1) бизнесменов, отдыхающих и оздоравливающихся;
- (2) тех, кто ничего не делает;
- (3) чиновничьи структуры, которые зажимают молодежь;
- (4) постсоветские границы, нарезанные по живому, разобщающие людей;

(1998г.)

- (5) нашу страну, правительство, не использующую возможностей в области оздоровления.

III. ЗАЩИТА:

(1997г.)

- (1) себя как лидера БПСМ, молодого, энергичного;

(2) того, как распределяются средства в БПСМ, выделенные государством, затраты идут на благое дело и окупаются.

Здесь обращает на себя внимание факт триединства объекта рекламы: "БПСМ-мы-я", причем "мы" определено в различных масштабах – от партии до страны в целом, что, надо сказать, редко встречается в современной ситуации кризиса самоидентификации, особенно характерного для молодежи. Мы полагаем, что здесь речь идет либо о становлении новой социальной субъектности (наполнение новым смыслом государственно-гражданской идентичности), либо о попытке актуализировать все те же традиционные ценности "советского человека". Выбрать один из вариантов мы можем, лишь включив в анализ материала другие параметры таблицы.

Оценочная характеристика, как и знаковая, идентифицируют объективированный субъект или объект стратегии. Так, определив, что в дискурсе В. Янчевского отдается предпочтение оценке деятельности, а оценка качеств используется крайне редко и фактически субстантивирует деятельностьную характеристику (*"нарезанные по живому границы"* – *"травма"*, *"болезнь"*, *"разрабатывают"*, *"организуют"* – *"конкретные действия"*), можно сделать вывод о том, что предмет разговора находится в динамике, что пока не видно результатов, а значит, рекламируется и защищается некоторая данность (что находит свое подтверждение в дальнейшем анализе). В тексте лишь в одном случае есть четко ориентированная характеристика качеств объективированного субъекта – это самооценка автора материала (*"молодой"*, *"энергичный"*).

Временная характеристика. Обращенность дискурса В. Янчевского в настоящее безусловна. Об этом говорит количественный подсчет употребления грамматического времени в текстах. Так, в тех материалах, где актуализировались изучаемые нами стратегии, мы обнаружили 17 случаев обращения к настоящему времени, 11 – прошлому, 6 – будущему и 4 – без указания времени. Причем, мы полагаем, что все эти случаи можно объединить такой характеристикой как спрессованное настоящее, ибо и прошлое и будущее, фиксированные в текстах, не дают большой временной разбежки, а лишь отражают современное состояние (*"за лето"*, *"нынешней осенью"*, *"после отпусков и каникул"*).

Пространственная характеристика. Объективированные субъекты и объекты реляционных стратегий в дискурсе В. Янчевского

предстают в определенном пространственном измерении, которое дает нам представление, во-первых, о том, строит ли адресант так называемые воздушные замки, занимается ли прожектерством (обоснованность прогнозов мы здесь не берем в расчет), и, во-вторых, о том, насколько мир адресата замкнут в себе и, если нет, то в каких взаимодействиях он реализуется – виртуальных (интертекстуальность), "тусовочных" (интерсубъектность) или же практически-деятельностных (интерсобытийность).

Стратегия "атака" максимально наполнена виртуальным содержанием. Адресант сражается с тем, чего как бы и нет. Они (оппоненты) лишь *пытаются диктовать свою волю*, и им же *остается лишь злословить*, без констатации, что именно это они делают. Соответственно, слаба и атака. Нет достойного противника, нет и победы.

Точно также виртуальна и стратегия "реклама". "*Будущая работа*", "*встреча*", "*ожидание наплыва*", "*создание центров отдыха и занятости молодежи в перспективе*") и пр. – все это, взятое абстрактно, льстит лишь тому, кто об этом говорит, но не тронет воображение адресата, которому уже много чего обещали. Впрочем, в дискурсе В. Янчевского это в какой-то мере "работает". Такие смоделированные ситуации не выглядят абсолютной фантазией или утопией, ибо привязаны к номинальной деятельности организации. По крайней мере, прожекты переводят дискуссию из поля идей в поле действий (что само по себе является сильным приемом для воздействия на широкую аудиторию), заставляет думать о социально значимых и материальных выгодах.

Применяя стратегию "защита", автор не сражается с ветряными мельницами. Адресант констатирует факты ("*лидерство среди молодежи*" и "*выделение средств государством*"), которые, впрочем, подаются без конкретизации, и создает впечатление масштабной деятельности БПСМ. Описание объективированного субъекта или объекта реляционной стратегии во взаимоотношении помогает определить приоритеты адресанта, его полюса ("герой-мишень"). Так выявляются две черно-белые интерсубъектные дихотомии: "*я и бездельники/недоброжелатели*", "*простой молодой человек*" и "*бизнесмены*"; и две сближающихся "величины": "*молодежь и БПСМ*", "*БПСМ и спонсоры*", "*президент РБ и мы*", "*сибиряки и белорусы*", "*БПСМ и молодые социалисты Сербии*" и т. д.

Как видим, политические оппоненты БПСМ не представлены вообще, атака в целом безадресна, а рекламируется организация не в поле политики, а в поле социально-ориентированной деятельности. Декларируемая сфера интересов молодого человека – досуг, спорт, работа, контакты с молодежью ближнего и дальнего зарубежья.

Интерсобытийность привлекает в дискурсе В. Янчевского реалии, носящие исключительно глобальный характер, как например, *“объединение РБ и РФ”*, *“чернобыльская авария”*, *“векторы международной политики РБ”*. К глобальным явлениям (религиозному дискурсу) тяготеет и интертекстуальность: *“Бог им судья”*, *“грех”*.

Риторическая характеристика. Текстура анализируемого материала и фактологична, и эмоциональна. Наличие цифр (*“образованы тысячи первичек”*), ссылка на даты, конкретный временной промежуток (*“нынешней осенью”*, *“за лето”*), логические приемы, как различного рода противопоставления, параллели, аллюзии; приемы ценностной пропаганды (*“общий вагон”: “любому нормальному человеку ясно, что мы не нахлебники”*); голая абстракция\констатация: *“все они [молодежь] давно истосковались по реальному делу”*) поддерживаются такими эмоциональными приемами, как метафоричность (*“вылить грязь”*, *“играть по правилам”*, *“диктовать волю”*), мифологичность языка (*новое вызывает отторжение, молодежь – простые работяги; “не по дням, а по часам”*), экспрессивность – слова-преувеличения, слова-усилители, слова разговорного регистра (*“полномасштабный”*, *“крупный”*, *“большой”*, *“горячее желание”*, *“в полную силу”*, *“очень”*, *“самое важное”*, *“главный”*, *“нахлебник”*, *“грех плакаться”*). Все это позволяет сделать текст образным, многогранным, а значит и более действенным.

Клише, используемые в дискурсе В. Янчевского, также определяют приоритеты адресанта, способствуют раскрытию его "я", самоидентификации. Складывается картина актуализации языка и реалий периода советской эпохи (*“зложил фундамент сотрудничества”*, *“взять на вооружение”*, *“обмен молодежными делегациями”*, *“молодежное строительство”*, *“первички”*, *“райкомы”*, *“обкомы”*, *“аппарат ЦК”*).

5.5.2. Коммуникативные стратегии в дискурсе А. Лебедько

Материалы зам. руководителя объединенной гражданской партии Беларуси А. Лебедько представлены тремя стратегиями *"атака"*, *"защита"* и *"реклама"* (*"продажа"*). Результаты исследования также были обработаны и помещены в таблицы. Анализ этой базы данных позволяет констатировать следующее.

Знаковая и оценочная характеристика. Непосредственным объектом атаки в большинстве случаев у А. Лебедько является конкретное лицо, как и предмет разговора с читателями и информационным поводом, а в остальных стратегиях – обобщенный субъект. Так в статьях обнаруживают себя:

I. АТАКА на:

(1997г.)

- (1) Лукашенко, президента Беларуси;
- (2) Лукашенко, склонного к фантазерству, алогичного;
- (3) Лукашенко как инициатора объединения Беларуси и России, главного интегратора славян;
- (4) конфедерацию России и Беларуси, неравноправное объединение субъектов, тяжеловесную конструкцию;

(1998г.)

- (5) Лукашенко как главу тоталитарного режима, укрепляющего авторитет с помощью силы и власти;
- (6) власть в лице белорусского "Красного дома", "президентского семейства" Лукашенко.

II. ЗАЩИТА

(1998г.)

- (1) оппозиции, проигравшей сражение за власть, но одержавшей моральную победу, обиженую, но честную и порядочную;
- (2) оппозиции, зависимой финансово от спонсоров, находящихся за пределами РБ;
- (3) оппозиции, преодолевающей трудности и анализирующей условия достижения власти.

III. РЕКЛАМА:

(1997г.)

- (1) оппозиции, поддерживающей либеральные преобразования, выступающей за интеграцию Европы, отстаивающей суверенитет РБ, добрососедские отношения с РФ, свободное передвижение людей, капитала, товаров, услуг (общий рынок)

(1998г.)

- (2) оппозиции – перспективной политической силы;
- (3) оппозиции, способной к консолидации (совместные выступления правых и левых в защиту демократии).

Знаковая и оценочная характеристики. Важно проследить, как называется и интерпретируется объективированный субъект (объект) реляционной стратегии.

Уничжительное и, в каких-то случаях, ироническое отношение к оппоненту/противнику, стратегия “атака“, на стадии номинации / называния – употребление инициалов вместо имени и фамилии – “А. Г.“; языковые ярлыки – “*объединитель всех славян*”; мифы – “*без А. Г. и митинг некому организовать*”; интертекстуальности – “*главный интегратор*“ и, на стадии интерпретации, – экспрессивность, ирония, прямые обвинения. Парадоксально восхваляются и рекламируются “свои“, оценка дается в основном субъекту, но не его действиям, так что остальные рассуждения кажутся излишними, ибо все уже сказано.

Временная характеристика. Очевидна обращенность дискурса А. Лебедько в будущее с сохранением значимости настоящего. Об этом говорит употребление грамматического времени в текстах. В материалах 13 случаев обращения к настоящему времени, 14 – к будущему, только 7 – к прошлому и 4 случая без указания времени. Вряд ли можно объединить (как мы это сделали в анализе дискурса В. Янчевского) все эти случаи такой характеристикой, как спрессованное настоящее, ибо, как отмечает А. Лебедько, “субъекты движутся на разных скоростях” (1998) и он лишь “надеется проснуться в суверенной Беларуси”. Желаемое будущее представляется слишком далеким, прошлое воспринимается как пройденный этап, как эпизоды политической борьбы. Хотя в статьях приводятся относительно недавние факты, они уже могут рассматриваться как факты истории (*Проиграв большинство сражений, оппозиция, тем не менее, продемонстрировала свое морально-нравственное превосходство над властью.*)

Пространственная характеристика. Объективированные субъекты и объекты реляционных стратегий в дискурсе А. Лебедько предстают в определенном пространственном измерении, анализ которого дает нам основание утверждать, что границы между реальным и виртуальным здесь чрезвычайно размыты.

Описывая рутинные события, в которые вовлечен президент (рабочий день и чем он заполнен), автор подает их так (и это касается уже жанровой, нарративной специфики материала), что они приобре-

тают некоторую сказочную или мифологическую окраску (*“Утром, когда надо будет демонстрантов разгонять, он – президент Беларуси, а вечером, когда необходимо “подушить в объятиях” американского посла или порассуждать о расширении НАТО, – он уже соправитель огромной страны”*).

Остановившись на интегративных тенденциях в РБ и РФ, он проводит параллели с арабским миром, что также переносит дискуссию из конкретики в область абстрактных реалий и параллелей, то есть в текстологическую, а точнее интертекстуальную материю. (*“Все эксперименты по объединению самостоятельных государств в форме конфедерации имели одну закономерность – фиаско ее инициаторов”*). Все это содержательно утяжеляет дискурс газетного материала и коммуникативные стратегии (в частности, речь идет о стратегии “атака”), значительно теряют свою эффективность.

Точно так же ослаблена стратегия “реклама”. Рекламируется “продается”, а точнее подается партия, которая говорит о своих интенциях и возможностях, но нет речи об их реализации. Дискурс гипотетичен. Таким образом, стратегия “реклама” лишь обозначена, но, в должной мере, не проработана.

В противоположность этому стратегия “защита” изобилует реальными фактами. Они выстроены зеркально: всякий негатив перекрывается позитивом. “Защита” подкрепляется такими содержательными характеристиками, как интересность, интерсубъектность, интерсобытийность и интертекстуальность (*“Каково наблюдать, как опальных депутатов принимают высшие должностные лица европейских государств”* или *“Мамонты в условиях жары долго не живут”*), которых так же много в “атаке” (*“одно дело быть равным по статусу Борису Николаевичу, и другое – стоять “на ковре” у Чубайса и отчитываться за темпы приватизации в республике”*), но практически нет в “рекламе”.

Риторическая характеристика. Текстура анализируемого материала представлена скорее эмоционально, чем фактологично. Практически ни один факт не остается без оценки. Актуализация отношения/оценки/эмоции осуществляется с помощью частого использования эмоционально-экспрессивной лексики (*“абсолютно необходимый”, “громадный”, “мощный”, “искусно выдавливать ностальгические слезы”, “очень нервно и болезненно”, “скорбеть”*), мифологичности (*“1998 год – это последний шанс оппозиции”*), наличием слов-ярлыков (*“советские пенсионеры”, “остальное “профессионалы” доделают”*),

риторических вопросов (*“стоит ли тащить в гору домашние тапочки или тульский самовар только потому, что к ним привык”*), приемов ценностной пропаганды и элементарной логики (употребление обобщающего местоимения *“все”* (*“все скандалы года”*) или фраз, заставляющих принять то, о чем говорится (*“нельзя не отметить”*), обращен к цифрам (*“230 тысяч чиновников”, “125 тысяч милиционеров”, “85 тысяч военнослужащих”, “300 ветеранов”, “35-40 % симпатизирующих респондентов”, “десятка два юных дарований”*)).

Ирония в дискурсе А. Лебедько используется практически во всех стратегиях, но наиболее активно в стратегии *“атака”*. С ее помощью в скрытой форме происходит высмеивание объекта, принижение его качеств и деятельности. Причем А. Лебедько использует как легкую иронию (по отношению к себе и близким по духу), так и жесткую, переходящую в сарказм (*“Конфедерация создает громадные возможности для новых президентских фантазий Лукашенко”*). В сочетании с эмоционально нагруженными словами и метафорами ирония является сильным средством в стратегии *“атака”* (*“Лукашенко очень нервно и болезненно отреагировал на призывы сойтись в объятиях федерации”*).

Модальность актуализируется в анализируемых текстах главным образом с помощью модальных глаголов, которые отвлекают внимание от действия в сторону отношения к нему, а следовательно и к субъекту, исполняющему это действие, причем в каждой стратегии есть своя специфика. Так, употребляя модальные глаголы *“нужен”* и *“может”* в стратегии *“атака”*, автор указывает на то, что оппонент/противник манипулирует реальностью, подстраивает ее под желаемую, использует в своих целях (*“Ох, как нужен властям скандал или Нужен только повод...” “Может таковым и станет дело Пурейко?”*). В случае *“рекламы”* модальное слово *“возможно”* помогает адресанту подать себя как человека, видящего возможности (*“Консолидация возможна не вокруг лидера, партии, а вокруг единых...”* или *“что может стать пусть и рыхлой, но основой консолидации и солидарности”*). А в случае *“защиты”* модальный глагол *“может”* помогает признать заведомо слабую ситуацию лишь частично (*“Может оно и так...”*), а значит он сеет сомнения в правильной позиции оппонента и, тем самым, готовит переход к *“атаке”*.

Метафоричность, образность языка помогает автору добиться нужных ассоциаций, подать информацию активно и, в конечном ито-

ге, сделать ее более действенной (“...серьезный недостаток ряда партий, у которых линия фронта и передовая в Беларуси, а генеральный штаб или главнокомандующий за ее пределами”, “Дальше последует резкое повышение температуры на политическом градуснике”).

5.2.3 Сравнение дискурса власти и контрдискурсии

Сравнительный анализ материалов В. Янчевского и А. Лебедько можно представить как дискурс власти и контрдискурсии. Сравнительный анализ трех реляционных коммуникативных стратегий *реклама, атака и защита* показал, что **дискурс власти** – это, прежде всего, дискурс, презентующий ее массам. Причем реализуется данная стратегия с учетом целого (организации или деятельности) и частного, отдельного (различных сторон, видов, направлений деятельности), лично (через персоналии и их окружение) и безлично (апелляция к мифическому простому человеку), фактологически и оценочно. При этом для дискурса власти важно настоящее и то, что происходило в недавнем прошлом и наступит в ближайшем будущем. Дискурс власти полон прожектов “на перспективу”. Будущее, как и прошлое, обозначается не датами, а чаще всего временами года, что внушает идею вечного “колеса”, постоянного возвращения на круги своя... Дискурс четко структурирован, ценностно определен, парадигматически организован (лексика однородна), последователен.

Дискурс власти (на примере молодежного дискурса) менее всего атакующий и по очень незначительным поводам защищающийся. Он не конкретизирует объект атаки, а скорее мифологизирует его, использует стереотипы обнищавшего ностальгически настроенного населения: (“*границы – это болезнь*”, “*бизнесмены – это те, кто оздоравливается и отдыхает*”). Защиты ищет лидер БПСМ, чьи личные качества и неблагоприятные финансовые дела подвергаются публичной критике.

Контрдискурсия – это, главным образом, атака на власть. Причем власть репрезентируется как одно лицо, либо некий монолит (“*Красный дом*”, “*семейство*”, “*люди президента*”). “Неподвижный” и персонифицированный объект атаки делается удобной мишенью. Навешиваются ярлыки (с использованием одиозных литературных героев и героев современных притч), используются клише, происходит и мифологизация зла, реальное переводится в виртуальное, то есть ре-

лии подгоняются под нужный “калибр”, подаются вместе с оценочной облоймой, поскольку голый факт "не стреляет".

Но к фактам приходится обращаться. Когда применяется стратегия "защита". Для данного типа дискурса (дискурса защищающегося) характерны качели – "вверх-вниз", "мы-они". И если "они" – это реальная власть, то "мы" – это морально-нравственное превосходство.

Для движений патриотического толка очень важное значение имеет нравственная составляющая ситуации и включение моральной оценки в дискурс. Обсуждение тем, касающихся общественных нравов, является базовым для консервативных общественных движений. Если дискурс власти ведет атаку в поле повседневной морали, то контрдискурсия, прибегая к морально-нравственной оценке, трактует ее либо максимально широко, либо узко, когда все сводится к политической морали. Этот достаточно сильный ход – основной козырь защиты.

Если в официальном дискурсе присутствует описание результативной деятельности, то оппозиция преподносит себя через цели, которые будут достигнуты, если она придет к власти. Это задается как качественная характеристика, но не характеристика деятельности, то есть в случае с контрдискурсией мы имеем дело с декларациями или проектами, что не позволяет рекламе быть достаточно эффективной. К тому же она безличностна и неопределенна во времени.

Таблица 1

		стратегия	1
<u>Знаковая характеристика</u>		идентификация субъекта (через номинацию)	2
		интерпретация субъекта	3
Оценочная характеристика		характеристика деятельности	4
		характеристика качеств	5
Пространственная характеристика	Субъект описывается в ситуации	реальной	6
		виртуальной	7
	Субъект описывается во взаимоотношении	интерсобытийность	8
		интерсубъектность (в противопоставлении)	9
		интерсубъектность (в отношении)	10
		интертекстуальность	11
Временная характеристика		прошлое	12
		настоящее	13
		будущее	14
		не фиксированное время (отсутствие указания на время)	15
Риторическая характеристика		экстраполяция	16
		метафоры, сравнения	17
		риторический вопрос	18
		"слова-ярлыки"	19
		мифы	20
		ирония, скептицизм	21
		маркированная модальность	22
		логические приемы	23
		экспрессивность	24
		обращение	25
		оперирование цифрами	26
	логические приемы	27	

Таблица 2

1	"реклама"				
2	БПСМ		мы (члены БПСМ)	материальная опора БПСМ	райком БПСМ
3					средоточие молодежной жизни
4	за лето БПСМ оформился организационно; растет; образованы первички, обкомы, райкомы ЦК	разрабатывает молодежные программы; работают службы занятости, спортивные клубы, центры досуга молодежи	работы предостаточно	находим спонсоров; создаем молодежные предприятия	в райкоме можно отдохнуть, позаниматься спортом, поучить информацию, защиту
5	–	конкретные действия БПСМ	–	–	–
6	организационное оформление БПСМ	результаты деятельности подразделений БПСМ	–	–	–
7	–	будущая работа БПСМ	ожидаем наплыва молодых в БПСМ	материальная опора БПСМ в перспективе	создание центров отдыха и занятости молодежи в перспективе
8	–	–	–	–	–
9	–	–	–	–	–
10	–	–	молодежь и БПСМ	БПСМ и спонсоры	молодежь и БПСМ
11	–	–	–	–	–
12	+	+	+	–	–
13	+	+	+	+	–
14	–	+	+	+	–
15	–	–	–	–	+
16	–	–	–	–	+
17	растет не по дням а по часам	–	–	предприятия заработают в полную силу	–
18	–	–	–	–	–
19	–	–	–	–	–
20	–	–	молодежь истосковалась по реальному делу	–	–
21	–	–	–	–	–
22	–	–	–	–	–
23	1	–	1	–	–
24	–	крупный	истосковался уже; предостаточно	–	–
25	–	–	–	–	–
26	+	–	–	–	–

27	+	-	-	-	-
----	---	---	---	---	---

Часть шестая

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

6.1. КОММУНИКАЦИЯ В ОРГАНИЗАЦИЯХ

6.1.1. Введение и обзор. Исследование макроуровневого текста организаций

В исследовании макроуровневого текста решающее значение имеет изучение его источника. Для этого следует обратиться к совокупности текстов, созданных политиком, политической партией, газетой или телевизионной программой за определенный период времени. В экономической области основными агентами, создающими текст, являются организации – государственные компании и фирмы или частные корпорации. Официальные тексты, созданные этими организациями, включают руководства по найму на работу, письма к акционерам, пресс-релизы, меморандумы и публичные выступления.

В таких странах, как Соединенные Штаты, где общение в письменной форме преобладает в бизнесе, подобный анализ может адекватно представить организацию как коммуникативную целостность, помимо этого, организацию также конституируют неформальные дискуссии, встречи и дебаты. Из-за социокультурных различий не во всех странах принято деловые отношения оформлять письменно, и, когда большинство договоренностей и контактов носят устный характер, анализ одних официальных текстов не дает адекватной картины.

Организации имеют для нас статус текста. Это исходная посылка нашего исследования. Традиционно организации определяются в терминах экономического производства (коллектив людей, который превращает сырье в продукцию) или альтернативно в терминах функциональной структуры (иерархия функций и ролей). Но организация может рассматриваться как макроуровневый текст, который является непрерывным процессом обмена информацией, отражающей всю совокупность действий, преследующих коллективную цель. Иначе говоря, организация конституируется высказываниями ее членов о своей совместной деятельности. Если этот непрерывный процесс коммуникации становится предметом анализа, то мы получаем информацию о том, как организации действуют в качестве властных структур. Власть и политические интересы существуют как в самой организации, так и

вне ее. Внутри коллектива индивидуальные и групповые интересы сталкиваются в борьбе за влияние на организационный процесс. За пределами своей структуры организации вносят вклад в экономическое благосостояние больших и малых городов. Они являются объектом налогообложения и должны получать разрешения от местных и федеральных правительственных органов. Многие крупные мультинациональные организации ведут переговоры с руководством штата, как если бы они были политическими структурами. Значимость организаций в политической сфере делает текстовый анализ важным для понимания динамики коммуникации в организациях.

Российско-американское сотрудничество является контекстом, в котором значимо неформальное общение. Трудности межкультурных контактов и характерное для русских предпочтение неформальных переговоров делают необходимым включить в анализ менее формальные тексты. В этой статье описываются два макроуровневых метода анализа неформальных текстов организации и говорится о том, как эти методы могут помочь нашему пониманию российско-американских проектов в политической сфере. В статье излагаются этапы исследовательского проекта, определяется и анализируется философия коммуникации 29 организаций, используется иерархический метод анализа для того, чтобы определить мотивацию старших менеджеров в организациях. И, наконец, результаты этих анализов суммируются, с тем чтобы продемонстрировать, как исследование подобного рода может помочь в понимании динамики организаций.

Масштаб исследовательского проекта. Цель исследования в том, чтобы изучить, как американские организации используют коммуникацию для преодоления препятствий в работе с российскими партнерами. В статье содержатся только результаты текстового анализа. Определенным ограничением данного исследования является то, что это взгляд только с американской стороны. Остается открытым вопрос о том, как российские партнеры используют коммуникацию, чтобы облегчить сотрудничество с американскими компаниями.

Выборка состояла из 29 организаций, расположенных в районе Среднего Запада США, сотрудничавших с российскими партнерами в период с 1989 по 1998 г. Данные собирались с ноября 1997 г. по март 1998 г. посредством одночасовых интервью со старшими американскими менеджерами, отвечающими за сотрудничество. (Процесс интервьюирования детально описывается в книге: Миллхауз, 1998).

Выборка включала сотрудников мультинациональных корпораций (26 %), организаций средних размеров (44 %), малых предприятий (19 %) и некоммерческих организаций (11 %). Представляемые компаниями отрасли производства существенно различались, но большинство выходило на российский рынок с дорогими технологическими продуктами. Компании работали в России где-то от двух до тринадцати лет, в среднем 6,4 года ($sd=3,1$). Для некоторых организаций это была уже не первая попытка работы с Россией. Количество людей, вовлеченных в сотрудничество, колебалось в пределах от 2 до 47 человек, в среднем за 11,1 года ($sd=7,9$, медиана=10).

Респондентов отличают высокая квалификация и большой международный опыт. Их средний возраст 49 лет. 85 % респондентов – мужчины, а среднее количество лет, проведенных в компании, – 14; 66 % респондентов имели опыт международной работы в мультинациональных корпорациях других стран.

6.1.2. Философия коммуникации. Определения и замеры

Первым шагом стало исследование философии коммуникации – стратегий, принятых организациями. Макроуровневый анализ демонстрирует функционирование текстов при создании организации. Исследование стратегии менеджмента, проведенное Бартлеттом и Гошалом (1989), было использовано в качестве теоретической модели анализа. Ниже мы предлагаем описание трех разных философий коммуникации, описание методов измерения и полученные результаты.

Философия коммуникации определяется как вера в цель и предназначение коммуникации, разделяемая сотрудниками организации и лежащая в основе их деятельности, она проявляется и постоянно присутствует в текстах организации. Тогда могут быть определены философия мотивации, а также форма и функции сообщений. Обычно в организации доминирует одна философия, но могут одновременно присутствовать несколько философий. В данной статье рассматриваются три философии: формализация, централизация и социализация.

Бартлетт и Гошал полагают, что организации выигрывали бы, активно используя все три философии для достижения стратегических целей. Они определили культурные предпочтения для отдельных философий коммуникации, т. е. межкультурное сотрудничество только выигрывает от использования нескольких философий, в то время как конфликт философий может вызвать в организации хаос и развал.

Формализация. Формализация – это философия коммуникации, которая, как обнаружили Бартлетт и Гошал, предпочтительна для американских мультинациональных компаний. Формализованная организация использует стандартизованные механизмы для коммуникации, включая правила, регулятивы и формы. Коммуникация в таких организациях иерархична, правила в них навязываются сверху, а участие нижних структур минимально. Само устройство организации может мотивировать действия сотрудников, ибо последние не нуждаются в жестком надзоре. Высшее звено управляющих сообщает правила сотрудникам, и те соответственно освобождены от принятия собственных решений на тот период, пока они не нарушают правил. Сотрудники общаются с высшим звеном управляющих часто в форме официального отчета с использованием цифровой информации, сообщая о том, как соблюдается каждое правило.

Увеличение бумажной работы – естественный результат формализации. Как обнаружил Ягер (1983), формализованные филиалы производят почти в два раза больше страниц отчетов и в 2,7 раза больше страниц указаний в месяц, чем организации, использующие социализацию. Формализация также ассоциируется с высоким уровнем производительности. Введенный Г.Фордом конвейер дает пример высокой производительности, обусловленной жесткими правилами взаимодействия. Балига и Ягер (1984) полагают, что фактором формализации является и время: чем дольше существует организация, тем более бюрократическими и формальными становятся процедуры. Высокая производительность и экономия составляют преимущества формализованной организации. Ее слабая сторона – отсутствие гибкости и заторможенная реакция на изменение внешних условий.

С целью измерения формализации в российско-американском контексте мы разработали процедуры, учитывающие опыт других ученых, построивших рейтинги организаций. Хедлунд (1981) для установления валидности данных соединил рейтинги с качественным анализом, создав своеобразный треугольный замер. В нашем исследовании формализация определена как тип партнерства, в котором российская сторона имела достаточную степень автономии в пределах правил и регулятивов, навязанных американской стороной. Российская сторона имела ограниченное участие в определении политики компании, но была свободна в осуществлении этой политики, поскольку не было постоянного контроля со стороны американского

партнера. Записи интервью были закодированы исследователем и независимым кодировщиком, который идентифицировал тексты, говорящие о наличии или отсутствии рутинных и формальных структур. Каждому интервью был приписан единый индекс (высокая или низкая формализация), который сопровождал большинство комментариев. Надежность кодировки была высока (Cohen's Kappa= .851, $N=27$).

Организации помещались в группу "высокая формализация", если респондент описывал свои отношения с российским партнером как рутинные, предсказуемые или же требующие отдельных форм и протоколов. Организации помещались в группу "низкая формализация", если респондент описывал эти отношения как постоянно изменяющиеся, зависящие от ситуации, нефиксированные или требующие обсуждения. Валидность была установлена, основываясь на отношениях между формализацией и другими переменными. Например, менеджеры высоко формализованных компаний были немногословны, когда их просили рассказать об опыте работы с русскими (Spearman $R= -.397$, $N=24$, p (2-tailed) $< .05$). Это связано с тем, что рутинные, стандартизированные действия не требуют интенсивного общения.

Централизация. Централизация как философия коммуникации широко используется японскими мультинациональными корпорациями (Бартлетт и Гошал, 1989). Эта философия также характерна для административного стиля советского периода в России. В централизованной организации используется более личностный подход к коммуникации, которая по-прежнему носит иерархический характер, но информация идет снизу вверх – от сотрудников к управляющей элите (центру), где принимаются решения, которые затем возвращаются к рядовым сотрудникам в виде приказов и распоряжений. За сотрудниками может быть установлено жесткое наблюдение, так как при отсутствии формальных правил они вынуждены обращаться к начальству за консультацией. Подобное устройство организации может мотивировать индивидов, поскольку они включены в процесс принятия решений, что нехарактерно для формализованных организаций.

По сравнению с формализацией централизация создает более гибкий код для текстов организации: она основывается на личных взаимоотношениях между управляющими и подчиненными. Решения могут быть приняты с использованием максимального количества информации, прошедшей через все ступени иерархии. В конечном счете постоянная потребность коммуникации может стать непреодолимой, и

принимающий решения центр будет испытывать информационную перегрузку. К сожалению, в научной литературе нет концептуальной ясности в разграничении понятий "бюрократия" и "централизация" (Минцберг, 1979). Существуют аргументы в пользу того, что управляющие, ориентированные "на человека", руководят более продуктивно, чем ориентированные "на производство" (Лайкерт, 1961).

В российско-американском контексте централизация выступает тогда, когда американская команда управляющих прямо вовлечена в дела партнера, сокращая уровень автономии российского персонала. Это было измерено с помощью ранговой типологии, разработанной Когутом (1983). Шама (1995) показал эмпирическую пользу данной типологии в случае переходной российской экономики. Большинство предыдущих исследований использовали список из пятнадцати типов решений, определяющих степень автономии, предоставляемой центром филиалам, а затем применяли инверсию, чтобы получить измерение централизации. Однако этот показатель обладал статистически нежелательными свойствами и был непригоден для малых компаний.

Респонденты самоидентифицировали правовую форму своего сотрудничества с Россией, и концептуальная валидность была приписана правовым дефинициям четырех категорий (понятий). Наименее централизованными были фирмы, строившие отношения с партнерами *на основе контрактов (contract relationships)*, так как российский партнер имел полную автономию и мог бесконтрольно нарушать условия контракта. Следующими в типологии были *совместные предприятия (joint ventures)*, в инвестировании которых участвовали оба партнера. Третья категория – *дистрибьюторские соглашения (distributor arrangements)*, в которых американская фирма разрешала российскому партнеру представлять компанию, основываясь на ее правилах и политике. Высший уровень централизации был представлен *дочерними предприятиями (wholly-owned subsidiary)*, действующими в России, но полностью подчиненными головной компании.

Социализация. Социализация – философия коммуникации, которую Бартлетт и Гошал (1989) связывают с восточноевропейскими транснациональными корпорациями. Для компании, использующей социализацию, характерны тщательный подбор (рекрутирование) сотрудников и непрерывная аккультурация тех, кто принимает решения. Чтобы передать им ценности и приоритеты организации, необходимо интенсивное межличностное общение, после чего менеджеры допус-

каются к выполнению своих служебных обязанностей с минимальным контролем над ними, т. к. установки и ценности компании стали неотъемлемой их частью.

Философия социализации является той силой, которая открывает дорогу творчеству и инновациям в организации. Творческий потенциал этой философии подтверждается исследованием Бартлетта и Гошала (1989), так же, как и ван Маанена (1976). Работникам необходимо дать свободу для поиска новых решений в условиях изменившейся ситуации, а не стеснять их жесткими правилами и заставлять в каждом случае ждать решения управляющего. Ягер (1983) выявил, что социализация предполагает большие расходы на перемещение между филиалами и центром и длительные, более формальные обучающие программы. Фирма, ориентированная на социализацию, производит меньше отчетов и письменных указаний, предпочитая межличностную коммуникацию. Хотя это самая гибкая и созидательная философия, она предполагает интенсивное общение, что делает ее дорогостоящей для использования в совместных международных проектах.

В данном исследовании под социализацией понимается обмен сотрудниками с российской и американской стороны с целью изучения языка и культуры друг друга. Используя предыдущее исследование для отбора переменных, мы объединили три индикатора в единый показатель с помощью факторного анализа: а) число дней в году, в течение которых происходило непосредственное общение между русскими и американцами (факторная нагрузка = .640); б) принятие на работу квалифицированных иммигрантов (да/нет, факторная нагрузка = .718); в) использование формального обучения (да/нет, факторная нагрузка = .758) (Ягер, 1983; Бартлетт и Гошал, 1989). Хотя эти три индикатора не коррелировали существенно между собой, они образуют один фактор методом главных компонент, позволяющий объяснить 50 % дисперсии. Для того чтобы сделать эти три координационных механизма сравнимыми в числовом выражении, индекс социализации был разделен на три порядковых категории: высокая ($n=8$), средняя ($n=10$), низкая ($n=11$) социализация.

Валидность порядковой переменной социализации определялась через отношения с другими переменными. Как и ожидалось из предыдущего исследования, корреляции показали, что представители фирм с высокой социализацией держатся на работе дольше (Спирман $R=.472$, $N=24$, $p<.01$) (Ягер, 1983) и им, как правило, есть о чем расска-

зать во время неформализованной части интервью (Спирман $R=.421$, $N=24$, $p<.05$).

Результаты. Выделены несколько философий коммуникации. Изучена их связь с представлениями американских менеджеров об успехе. Установлено, что, по сравнению с формализацией, которую предпочитают американцы, другие философии более эффективны применительно к российско-американскому сотрудничеству (см. табл. 1). В частности, сочетание централизации и формализации предполагает, что российско-американское сотрудничество может включать и взаимообогащение культурными стилями. Далее следует провести исследование на российской выборке, чтобы детально определить культурные предпочтения российских организаций. Наши результаты позволяют предположить, что такой философией может быть централизация. Неожиданно высокая успешность социализации наводит на мысль, что американцы и русские не ограничены в выборе управленческих стратегий. Вместо использования гибрида двух стилей в социализации существует возможность создать третью культурную стратегию посредством интенсивного взаимодействия и обучения.

По результатам исследования сочетание философий чаще приводит к успеху. Это, кстати, предполагали Бартлетт и Гошал (1989). Однако только одна из комбинаций оказалась действительно стратегически важной для достижения успеха. Это социализация в чистом виде. Этой стратегии следует уделить в будущем больше внимания в контексте российско-американских отношений.

Таблица 1

Оценка американскими менеджерами успешности различного сочетания философий коммуникации

Философия коммуникации	<i>N</i>	“Оценка успешности”
Отсутствует	5	20%
Только централизация	2	100%
Только социализация	4	75%
Только формализация	9	33%
Централизация и социализация	1	0%
Централизация и формализация	5	80%
Социализация и формализация	0	0%
Все три философии	3	67%
Всего:	29	52%

Организация производит сложные тексты, достаточно трудные для анализа. В данном разделе представлен один из методов текстового анализа. Философия коммуникации может также быть использована для определения мотивации, формы и функции институционализированных систем передачи сообщений, и этот мета-текст соотносится с оценкой социоэкономического здоровья компании. Этот второй метод текстового анализа предполагает более внимательное изучение коммуникативной мотивации старших менеджеров. Этот подход учитывает иерархическую структуру организации в определении того, кто устанавливает стандарты для производящихся текстов. В настоящем исследовании измерялись три типа мотивации старшего американского менеджера, отвечающего за российско-американское сотрудничество. В следующей части статьи получает дальнейшее объяснение связь текста и мотивации, даются определения трем типам мотивации и описываются методы их измерения. Данные были скоррелированы с философией коммуникации, чтобы продемонстрировать эффект взаимосвязи этих двух средств мета-текстового анализа.

6.1.3. Мотивация. Определение понятий

Мотивация – психологическое понятие, используемое в социальной науке для объяснения поведения людей. Хотя ученые трактуют этот термин по-разному, существует некоторое согласие в том, что мотивация связана с потребностью человека в достижении поставленной цели. На основе изучения различных аспектов мотивации (потребностей, набора желательных/нежелательных целей, характеристик ситуации) исследователи пришли к выводу, что существует конечное число архетипических целей, которые являются эмоциональными детерминантами для индивида (см. книгу: Мак-Клилланд, 1987). Голод – один из самых "легких", лежащих на поверхности мотивов.

Под влиянием крайнего индивидуализма большинство американских ученых рассматривают мотивацию в качестве "химического", или когнитивного, элемента индивидуальности человека, т. е. как независимый от ситуации фактор. Берри и Миллер-Погэйкер отмечают, что в русском представлении "человек никогда не бывает один, но занимает место в обществе, которое призывает его или ее выразить свои уникальные черты в форме индивидуальности" (Берри и Миллер-Погэйкер, 1995). Связь между индивидуальным ранжированием мотивов и групповым

влиянием на мотивационные потребности недостаточно учитывается в работах американских ученых. Но при всех разночтениях мы вправе использовать понятие мотивации за пределами психологии.

Текстовый базис мотивации. Политические импликации текстов российско-американских организаций прямо связаны с мотивацией, так как она является энергетическим компонентом действия. Психолог Мак-Клилланд определил текст или мысль как симптом пробуждения мотива и разработал научный метод извлечения мотивационных показателей из текста. Процедура была апробирована и валидизирована на протяжении сорока лет на разных культурных средах. Ее использование в российско-американском контексте помогает прояснить специфику функционирования текстов в организациях.

Прежде чем рассмотреть методологию Мак-Клилланда, необходимо объяснить текстовый базис мотивации. Мак-Клилланд, Кларк и Лоуэлл обнаружили, что члены экспериментальной группы рассказывают истории, драматический накал которых не совпадает с восприятием контрольной группы (Кларк и Лоуэлл, 1953). Фешбах пришел к заключению, что процесс рассказа дает эффект катарсиса и индивиды могут посредством текста удовлетворять свои мотивационные потребности. Очевидно, что мотивация и текст тесно переплетены.

Э. Борманн (1985) идет дальше, утверждая, что мотивация "живет" в тексте. Он выделяет резонирующие с аудиторией темы. Он показывает, как религиозные группы и политические партии мотивируют своих членов посредством набора драматических тем. Также организации используют драматические темы для мотивирования работников, что позволяет отслеживать политическое влияние организаций в обществе. Ученый разработал собственную методологию извлечения драматических тем из текстов, его идеи помогают прояснить отношения между коммуникацией и мотивацией.

Схема кодирования Мак-Клилланда. Много споров вызывает вопрос, осознают ли индивиды свою мотивацию. Многие ученые отождествляют мотивацию с осознанными целями и ценностями, измеряемых с помощью психометрических, интроспективных процедур. Мак-Клилланд (1987) не соглашается с подобной оценкой. Допуская, что цели и ценности могут осознаваться, он определяет мотивацию как эмоциональную реакцию, возникающую вне сферы сознания. Это объясняет, почему не коррелируют между собой данные, полученные в результате опроса и кодирования нарративов.

Для измерения различных мотивов было разработано множество схем кодирования (Смит, 1992). Настоящее исследование использует схему кодирования устного текста Винтера (1991, 1992, 1994), которая позволяет кодировать любой текстовый материал одновременно по трем типам мотивов: *достижение, принадлежность и власть*.

Отобранный словесный материал содержит драматические образы. Получить эмоционально яркие нарративы можно различными способами. У нас это были интервью лицом к лицу. Респонденту (старшему менеджеру, отвечающему за сотрудничество с Россией) предлагалось рассказать о его опыте. На одну историю уходило в среднем около 16 мин, для кодирования время было поделено на интервалы по 15 сек. Тексты кодировались автором и независимым кодировщиком в соответствии с процедурой, разработанной Винтером (1994) для обучения и контроля кодирования. Оба кодировщика прошли тестирование с более чем 75 % согласия, надежность кодировки между ними была высока (Кэптан карра: достижение =.73, участие =.75, власть=.70). С помощью процедуры валидации Винтера (1991) была обнаружена корреляция полученных данных с контрольным замером.

Методология, предложенная Мак-Клиландом и его школой, отлична от психометрической теории, и это расхождение нужно особо отметить. Психометрическая теория предполагает, что на каждый вопрос инструментария респондент отвечает независимо от ответов на предыдущие вопросы, и, следовательно, ответы респондента должны быть внутренне скоррелированы. Однако мотивационное напряжение каждого отрезка речи зависит от мотивов, которые были выражены раньше. Поэтому устные тексты не будут коррелировать между собой, если индивидуальные истории разделить на части и сравнить. Используя компьютерную имитацию, Аткинсон удалось показать, что оценки (высказывания) гипотетических субъектов могут не быть внутренне связными, несмотря на то, что их мотивация определена правильно. Поскольку о поведении лучше судить с точки зрения мотивационной, а не психометрической теории, нарушение внутренней связности не приводит к уменьшению валидности исследования.

Достижение. Мотив достижения может быть определен как удовлетворение, которое приносит успех в конкурентной борьбе при условии, что она подчиняется стандартным правилам. Сам термин является предметом острой критики, так как многие исследователи понимали слово "достижение" скорее в его повседневном значении, нежели в

том узком научном значении, которое дал Мак-Клилланд (1987). Мак-Клилланд (1984) признает, что ему следовало бы называть этот мотив "эффективностью", что соответствует приоритетам американской культуры (Хофстид, 1984). В повествовательных текстах мотивация достижения выступает в пяти эмоционально окрашенных образах (Винтер, 1994). Это: *позитивные прилагательные; цели их исполнения, предполагающие положительную оценку; акцентуация успеха в конкурентной борьбе; признание провалов и неудач; свидетельства оригинальности, особого почерка исполнения замысла.*

Показатели высоких достижений обычно ассоциируются с солидной позицией в бизнесе или предпринимательстве (Мак-Клилланд, 1961). Мотивация достижения является необходимой составляющей экономического успеха. При этом исключается ненужный риск, который может привести к краху.

Принадлежность. Мотив принадлежности можно определить как удовлетворение, полученное от дружеских контактов с людьми или группами. Этот мотив редко изучается в бизнес-отношениях: сказывается установка американской культуры, для которой социальная активность не является "работой" (Стюарт и Беннетт, 1991) – дружба и дело принадлежат разным мирам. В повествовательных текстах мотив принадлежности определяется в четырех драматических образах (Винтер, 1994). Они включают: а) выражение позитивных дружеских или интимных чувств по отношению к другим людям, нациям и т. д.; б) печаль по поводу разрыва дружеских отношений; в) компаньонскую деятельность и г) участие в воспитании. Исследований по мотиву принадлежности меньше, чем по мотиву достижения, но эмпирические факты наводят на мысль, что общительные индивиды лучше поддерживают межличностные контакты (Мак-Клилланд, 1987). Дружеские отношения являются критическим навыком для межкультурного общения. Хотя бизнес-партнерство не требует дружеских отношений, они органичны для русских, и это следует учитывать всем, кто участвует в российско-американском бизнесе.

Власть. Мотив власти можно определить как удовлетворение, которое дает возможность влиять на другого человека или группу, он мало исследован ввиду сложности. Если мотив достижения может быть смоделирован как линейная функция (Аткинсон, 1957), то мотив власти взаимодействует с другими факторами, такими как психосоциальная зрелость (Мак-Клилланд, 1975) и катарсис (Фешбах, 1961), что

делает его менее различимым в ситуации эксперимента. В повествовательных текстах мотивация власти определяется в шести драматических образах (Винтер, 1994). Они включают: а) силовые действия; б) контроль или управление; в) попытки склонять к той или иной точке зрения; г) непрошенный совет или поддержку; д) стремление произвести впечатление; заботу о славе, престиже, репутации; е) любые эмоциональные реакции на действия другого.

Проявления мотива власти связаны с политической деятельностью, педагогикой, психологией и журналистикой, где влияние является ключевым компонентом (Мак-Клилланд, 1975). Другие поведенческие корреляции включают готовность выдерживать физический риск и опасности, уважение к общепринятому авторитету и позитивные установки по отношению к дисциплине и самоконтролю (Мак-Клилланд, 1975). Исследование предполагает, что мотив власти отличается от стремления к превосходству и ассоциируется с организацией и управлением. Из трех мотивов власть имеет прямое отношение к политическому дискурсу. Определение мотива власти в нарративах, существующих в контексте российско-американского сотрудничества, позволяет установить связь между экономическими проектами и политическим процессом.

Результаты. Три мотивационных показателя были скоррелированы с тремя философиями коммуникации для того, чтобы определить связь между макроуровневыми коммуникативными структурами и мотивационным влиянием старшего менеджера. Результаты показали, что централизация и в меньшей степени формализация относятся к более высокому уровню мотивации достижения (табл. 2). Социализация значительно коррелирует с мотивом принадлежности.

Таблица 2

Корреляция Спирмана между философией коммуникации и мотивацией

	Централизация	Социализация	мализация
Достижение	.525**	.006	.300
Принадлежность	.207	.433*	-.271
Власть	-.063	.202	.113

Вторичный анализ учитывал другие корреляции трех мотивов и показал, что мотив власти существенно связан с частотой контактов американского и российского офисов (Пирсон R = .416, N=24, p < .05). При этом мотивация не коррелировала непосредственно с восприятием

ем успеха компании, возможно, их отношения опосредуются философией коммуникации.

В сумме эти результаты показывают, что мотивация старшего американского менеджера тесно связана с совокупностью коммуникативных стратегий. Вместе с результатами, о которых сообщалось выше, это позволяет внести коррективы в макроуровневый текстовый анализ организаций.

6.1.4. Заключение

Наш анализ показывает, что мотивация старшего американского менеджера играет решающую роль в определении философии коммуникации, которая используется в фирме. В свою очередь, философия коммуникации влияет на восприятие успеха компании на российско-американском рынке. Мы столкнулись с двумя стратегиями успеха. В то время как американцы предпочитают формализацию, мотивируемую достижением, русские склонны к централизации, которая мотивируется властью. Это означает, что успешное сотрудничество предполагает сочетание централизации и формализации. Характерно то, что соединение двух философий часто принимает форму дистрибьюторских соглашений. Российские дистрибьюторы руководствуются правилами и регулятивами, установленными американской стороной. В отличие от совместных предприятий и контрактных взаимоотношений, американский партнер активно участвует в процессе принятия решений по ведению бизнеса в России. Такие решения, как акцепт аккредитивов, выполнение сервисных соглашений или открытие рекламной кампании, контролируются американским руководством.

Второй пример успешной стратегии – это социализация, мотивированная принадлежностью, что предполагает низкую формализацию и низкую централизацию и требует смягчения культурных предпочтений сторон. В Европе стратегия социализации долго была эффективным средством осуществления межкультурного взаимодействия и может дать выход инновациям и творчеству.

В российско-американском сотрудничестве социализация принимает форму контрактных отношений, координируемых квалифицированными русскоговорящими американскими менеджерами. Эти менеджеры обладают значительной автономией в построении российской сети с привлечением иммигрантов, использованием интенсивно-

го обучения и международных поездок. Формальных правил и форм немного, вместо этого работники учат творчески решать проблемы на благо сотрудничества. Это справедливо даже тогда, когда набор российских сотрудников фактически происходит без участия американской стороны. Социализация – многообещающий подход, который может помочь русским и американцам оставить в стороне свои культурные предпочтения для более эффективной организации текстов.

Наконец, важно учитывать, как текстовые предписания в достижении экономического успеха влияют на политическую сферу. Американцы склонны ожидать, что правительственные постановления и указы должны обеспечить эффективное безличное взаимодействие с политическими структурами. Когда их ожидания не оправдываются, они начинают думать, что российская система не способна использовать американские стандарты в бизнесе.

Если российская политическая система организована по принципу централизации, тогда организации, вероятно, должны, постоянно взаимодействовать с правительственными органами. В этом случае рекомендуется сохранять открытые и централизованные коммуникативные каналы. Хотя такой тип коммуникации не привлекателен для американцев, имеющих высокий уровень мотивации достижения, он будет мотивирующим для тех, кто обладает высоким уровнем мотивации власти. Гибридная модель централизации и формализации может обеспечить компромисс, но потенциальная созидательная сила социализации в конечном счете, видимо, более эффективна на меняющемся экономическом рынке. Макроуровневый анализ открывает дорогу другим видам анализа и демонстрирует новые подходы в понимании того, как организации функционируют на уровне текстов.

6.2. ГУМАНИСТИЧЕСКАЯ ПЕДАГОГИКА И СОВРЕМЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Идеи гуманизма – мировоззрения, основанного на утверждении человека как высшей ценности, признающего его право на всестороннее развитие и проявление своих способностей – зародились еще в классической древности и оформились как достаточно стройное течение в XIV–XVI вв. в эпоху Возрождения. В глубину веков уходят и идеи гуманизации образования, т. е. приведения всего воспитательного процесса в соответствие с возможностями, а также возрастными и

индивидуальными особенностями обучаемых. Идеи гуманистической педагогики были заложены в трудах великих просветителей Я. Коменского, И. Монтессори, Г. Песталоцци и развиты в педагогических трактатах Ж. Руссо, Д. Дидро, Ф. Шиллера, И. Гете, Т. Джефферсона, Б. Франклина, Л. Ушинского, Н. Пирогова, В. Белинского, А. Радищева, А. Герцена и др. Каждый из них оставил человечеству учение, обогатившее все последующие педагогические системы. В результате каждая историческая эпоха давала мощный взлет культуры и развития человеческого потенциала. Одновременно углублялись ценностные ориентации образования, совершенствовалось его содержание.

Просуществовав от начала Истории до середины XX в., классический гуманизм (назван в соответствии с одноименной парадигмой исторического развития (*Субетто*, 1996, 5)) отражал коллективное мировоззрение эпохи космогенной, а затем техногенной цивилизации. Как объясняют многие исследователи (А. Субетто, В. Голубев, В. Казначеев, Е. Смирнов), сущность и трагедия их заключалась в том, что они развивались по пути стихийной, неуправляемой эволюции общественного интеллекта, допускающего определенную свободу человеческого бытия и мирохозяйствования. Основным принцип гуманизма – развитие человеческого в человеке – мог стать залогом создания модели общества, способного к самовоспроизводству.

Однако история свидетельствует о нереализованности его в практической деятельности. Долгое время насаждаемая идея первенствующей роли бытия над сознанием в ее догматической форме привела к недооценке сознания и идеологии духа, духовности (Лернер, Журавлев, 1994). В погоне за золотым тельцом человечество выработало, как утверждалось, более высокие и благородные цели и идеалы.

На самом же деле они не служили человечеству, а лишь отражали корпоративные интересы некоторого сообщества людей, зачастую не соотносимые с интересами общества в целом. Гуманистический принцип все для человека оказался удобным прикрытием меркантильных интересов. В соответствии с укоренившейся практикой человек становился не субъектом, а объектом воздействия государства, идеологии, социальной среды, школы, рассматривающих его не как самоцель, а как *средство* для достижения своих целей. Изобретаются иезуитские лозунги типа “цель оправдывает средства”, “любой ценой”, манипуляция которыми деформировала не только понятие средств, но саму цель действий. Человеческий разум трансформировался в соответствии с практи-

кой порочной деятельности, что в конечном итоге и привело к искажению сознания, своего рода зомбированию общественного интеллекта, выразившегося в неспособности человека самостоятельно мыслить, принимать решения, оценивать свои поступки с позиции общечеловеческой морали. В сложившейся системе эгоцентрического гуманизма образовался разрыв между общественным и личным, между желаемым и должным. Постепенно он заполнился социальной несправедливостью, повлекшей утрату морали, нравственности, духовности, культуры со всеми вытекающими последствиями (рост преступности, нигилизма, разрушение семьи, коррупция).

Не лучшим образом сложились отношения человека с окружающей средой. Неверно определив свое место в социоприродной среде обитания, провозгласив себя господином мира и приблизив себя к Богу, человек пренебрег объективными законами развития природы. В результате это привело к нарушению экологического баланса, к потоку региональных катастроф техногенного и социогенного происхождения (чернобыльская авария, последствия ядерных взрывов в Семипалатинске, Неваде, загрязнение крупных рек Европы, гибель лесов в Западной Европе из-за кислотных дождей, пересыхание Арала, загрязнение мирового океана радиоактивными отходами и т. п.).

Экологический кризис убедительно подтвердил, что этическая концепция тотальной власти над природой потерпела полный крах, ибо была лишена нравственной основы. Насилие над природой обернулось насилием над природой человека, а ущерб, нанесенный природе, бумерангом ударил по самому человеку.

Таким образом, мы подошли к концу XX в. в обстановке, которая характеризуется возрастающим катастрофизмом развития человечества, предвестником еще до конца не осознанного кризиса исторического развития цивилизации. Это не просто очередной социально-экономический кризис, но и еще до конца не осознанный кризис исторического развития цивилизации. Экзистенциалистский кризис (В. Франкл), смерть духа культуры (Н. Бердяев), деструктивность человека (Ю. Егоров) – так большинство философов, культурологов, психологов характеризуют духовную ситуацию конца XX ст.

Кризис современной цивилизации отражает наступившие пределы развития человечества в прежних формах мировоззрения и мирохозяйствования. Он символизирует собой предел либеральной модели общества и либеральному идеалу, сложившимся социальным институ-

там, в том числе системе образования. Это предел Человеку и Классическому Гуманизму, его разрушительное действие эволюционировало до своей противоположности – Антигуманизма. В сложившейся стихийной парадигме исторического развития мировая цивилизация погибнет. Такой прогноз в завуалированной форме был дан на конференции ООН по охране окружающей среды и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. Такого же мнения придерживаются многие ученые и политики, представители так называемого алармистского толка, среди которых профессор З. Бжезинский, профессор С. Хантингтон, а также ряд отечественных ученых. Так, например, Т. Пархалина пишет, что индустриальная технократическая цивилизация имеет мало шансов на выживание, если не будет ликвидирован дефицит бездуховности, существующий не только на Востоке, но и на Западе, если не будет совершен возврат к христианским ценностям, если не произойдет осознание всеми народами планеты своей принадлежности к определенной системе общечеловеческих ценностей, так же как и осознание себя частью единой энергетической системы Вселенной. Думается, что мы вступили в эпоху, когда должны формироваться процессы глобализации различных сфер человеческой деятельности, воспитываться терпимость к другим культурам. По мнению автора, должна формироваться интеррелигиозная цивилизация, ибо различные религии – это различные пути на одну и ту же вершину (Пархалина, 1995).

Следовательно, чтобы человечество выжило, оно должно отказаться от стихийно развивающейся энергетической цивилизации и перейти к *управляемой цивилизации общественного интеллекта и образовательного общества XXI в.*, знаменующего начало Неклассической истории (Субетто, 1996, 10). Как и много раз прежде, мы вновь оказались в начале пути, вновь подтверждаем мысль П. Чаадаева из его первого философского письма: мы так страшно движемся во времени, что с каждым нашим шагом вперед прошедший миг исчезает для нас безвозвратно.

Неклассический, или постклассический, гуманизм определяет коллективную и индивидуальную ответственность человека за судьбу всего живого на Земле, ибо только все люди сообща, их добрая воля, их нравственная деятельность и ответственность перед природой могут спасти мир. Это гуманизм, направленный на формирование человека, сознательно планирующего свое личное будущее в контексте развития всей цивилизации. Поскольку источником его являются гло-

бальные проблемы человечества и прежде всего проблемы выживаемости, гуманизм новой цивилизационной эпохи должен развиваться прежде всего в направлении, обеспечивающем гармонизацию отношений в системе Человек – Социум – Природа. При этом, как уже говорилось, необходима смена самого механизма социоприродных отношений: переход от стихийности к сознательности их формирования, от материальной детерминации к идеальной.

Новая гуманистическая парадигма знаменует собой переход от ЭГО-центризма к ЭКО-центризму, т. е. утверждает осознание человеком себя как органической части живой природы. Мы включены в макросистему природы в качестве духовно суверенной, но биологически зависимой от нее микросистемы, поэтому проблема выживания человечества состоит в том, чтобы сохранить себя от ее уничтожения (*Садовничий, 1995, 281*). Эту задачу сегодня должен осознать каждый.

Всевозможные формы общения с природой требуют определенного уровня *культуры*: экологической, правовой, нравственно-этической, культуры труда и быта. Для повышения общей культуры необходимы изменения в нашем сознании, мировоззрении, поведении, просвещении. Все это не приходит мгновенно, а формируется сознательно укладом жизни, семьей, но, прежде всего, системой образования, понимаемого как тождество обучения, воспитания и развития.

Таким образом, гуманизация общества включает в себя гуманизацию образования как ведущего механизма воспроизводства общественного интеллекта. Это означает усиление воспитательного начала в образовании, обеспечение его доступности широким слоям населения, превращение университетов, школ в центры культуры соответствующих микрорайонов, раскрытие таких функций образования, как социализация личности, социально-психологическая реабилитация молодежи и т. п. (*Субетто, 1996, 13*). Как видим, гуманизация приобретает свое подлинное содержание как культурно-образовательный процесс при опережающей функции культуры и образования по отношению к деятельности человека.

Говоря об ЭКО-центрической парадигме, утверждающей неразрывную связь экологии природы, экологии человека и экологии культуры как важнейших факторов духовно-нравственной жизни общества и личности, можно утверждать о необходимости формирования новой образовательной ЭКО-парадигмы. Уже самим своим названием ЭКО-образование предполагает тотальную экологизацию и глобализацию содержания образования, философии и мировоззрения. В свете ска-

занного *цель* общего образования на новой траектории его развития можно сформулировать как достижение нового качества образования в консолидированном социуме за счет возвышения человека, его духовности на основе восстановления гармонического, самоподдерживаемого развития взаимосвязанных систем: Человек – Социум – Природа (Селихова, 1999, 50). Впервые в истории выживание человека поставлено в зависимость от образования, роль которого настолько велика, что XXI в. объявлен ЮНЕСКО веком образования.

Задача современного образования – не просто готовить специалистов, профессионалов, но людей высокой духовной культуры, всесторонне развитых, обладающих своим мировоззрением, имеющих мужество пользоваться собственным умом (Кант, 1964, 27). Это важно, ибо принятие решения об использовании новых знаний иногда бывает важнее самих знаний. Обучение, особенно в вузах, должно быть инновационным, предвосхищающим, а педагогические технологии должны способствовать формированию гуманистического мышления. Задачи обучения должны трактоваться гражданским обществом с ориентацией на личность, на создание условий для ее развития, на освобождение от внешних обстоятельств и функциональной заданности (Егоров, 1996, 3). Иными словами, образование из способа просвещения индивида должно быть превращено в механизм развития культуры, формирования образа мира и человека в нем (Шадриков, 1993, 19).

Стоящие перед образованием задачи решаются через обновление его содержания на всех трех уровнях: общетеоретического представления, учебного предмета и учебного материала. До недавнего времени теоретическое представление о содержании образования строилось на прочной марксистско-ленинской методологической основе, а содержание учебного предмета сводилось к формированию практических умений и навыков. Воспитательные задачи решались в духе господствующей идеологии, отбор учебного материала осуществлялся в соответствии со сложившимся пониманием целей и задач обучения.

По прогностической концепции развития цивилизации основной акцент современного образования смещается на развитие человеческого потенциала (стратегическая доктрина передовых стран мира базируется на этой концепции). Практические же навыки служат средством достижения этой цели. В связи с этим нельзя не согласиться с мнением Л. Серебрякова о том, что достижения общечеловеческой культуры

должны пронизывать все содержание профессиональной подготовки студента. Поэтому гуманитаризация образования должна включать в себя как собственно гуманитарные знания, так и гуманитарную направленность специальных дисциплин (*Серебряков, 1994, 18–19*). Исследователь проблем высшего образования В. Карпова также считает, что человек должен состояться как личность через всестороннее образование на уровне достижений, которые накопило человечество, а реализовать себя как личность на одном из многочисленных поприщ профессиональной подготовки (*Карпов, 1992, 54*).

Особенностью современной гуманистической парадигмы образования является то, что она исходит из понимания содержания не как совокупности учебных предметов и их тематического наполнения, а включает в себя все виды аудиторной и внеаудиторной работы, в том числе ее организационно-методические аспекты. Соответственно содержание понятия гуманизации образования рассматривается как вся система жизнедеятельности субъекта, его гуманитарная среда обитания, как сфера воспроизводства целостной социально-культурной личности, интеллигентности и духовности (*Егоров, 1996, 35*). В таком понимании "гуманизация не ограничивается циклом определенных наук, а охватывает широкую сферу функционирования всего учебного заведения, начиная от административных норм, правил проведения учебного процесса, вопросов демократизации внутри вуза и кончая проблемами материальной обустроенности работы, быта и отдыха студентов и преподавателей" (*Арефьева, 1990*). Смыслообразующим компонентом всей общеобразовательной системы является принцип гуманизации, фокусирующий цель, содержание, формы образования.

В силу всеобщности охвата образовательной сферы, а также фундаментальности источников и принципов формирования (глобальные проблемы человечества), обновленная педагогическая идеология построения содержания образования может и должна основываться на принципах гуманизма в современном его понимании.

Гуманистическая модель образования строилась на основе идей гуманистической психологии 60–70-х гг (*Rogers, 1961; Maslow, 1968*). Наиболее ярким представителем ее был К. Роджерс. Он адаптировал общие идеи гуманистической психологии к процессу обучения и создал свою собственную концепцию, предпослав ей некоторые общие соображения. Главное из них состоит в необходимости учета психологических особенностей личности при организации учебного процесса.

По мнению К. Роджерса, традиционная психология видит свою задачу в контроле поведения, сознания и личности человека, превращая его в объект воздействия и манипулирования. Закономерным результатом явилось то смещение человеческого сознания и отчуждение человека от морали, духовности и культуры, о которых сказано выше. Не удивительно, что сегодня принято говорить о кризисе человека как причине общекризисного состояния цивилизации.

К. Роджерс предлагает свою систему взглядов на обучение. Принимая за основу разработанную им теорию особого вида психотерапии (центрированной на клиента), он распространяет ее основные принципы на процесс обучения. Они формулируются следующим образом: открытость общения (самораскрытие как учащегося, так и преподавателя); проявление всех потенциалов человека (реализация того, что заложено в человеке как возможность); целостный подход к развитию и обучению (интеграция интеллектуального, телесного и духовного начал); акцент на обучение через опыт (имитация на уроке реальных жизненных ситуаций, где сочетается развитие как эмоциональной, так и когнитивной сферы учащегося); индивидуальный подход, т. е. уникальный стиль обучения каждого человека (центрация на потребностях, интересах, эмоциях учащихся); изменение роли учителя (он – фасилитатор обучения, т. е. создатель определенной атмосферы в обучении, при которой учащиеся ощущают внимательное и поддерживающее окружение); предельно активная роль учащегося (самостоятельность в выборе того, чему, как и сколько он будет учиться); введение понятия “свободы учения” (рассмотрение личных качеств и особенностей поведения учителя через призму того, насколько они способны обеспечить учащимся эту свободу). Совокупность изложенных принципов позволяет говорить о построении гуманистической модели образования. В отличие от традиционного бихевиористского подхода, ключевые моменты этой теории следующие.

1. Человек, его внутренние ценности являются эпицентром новой парадигмы образования, высшей, абсолютной и самодовлеющей целью общественного развития.

2. Симметрия позиций; обучение осуществляется через равноправные партнерские взаимоотношения преподавателя и студента. Схема общения – децентрализация (отсутствие центрации на преподавателе).

3. Цели обучения определяет сам учащийся с помощью преподавателя. Роль преподавателя – недирективная. Он фасилитатор, консуль-

тант, обладающий большим опытом и компетенцией, правильным пониманием потребностей общества в той или иной сфере обучения.

Предложенная К. Роджерсом гуманистическая модель обучения не вызывает сомнений по своей сути. Однако некоторые положения нуждаются в эмпирической проверке в части универсальности подхода по отношению к различным возрастным группам обучаемых, содержанию обучения и пр. В последнее десятилетие делаются небезуспешные попытки всестороннего развития концепции гуманистического образования, включая различные сферы его функционирования и учитывая весь спектр социоприродных факторов, определяющих человеческое бытие. Так, например, широко известны гуманистические концепции образования профессора И. Зимней, А. Субетто, а также ряд авторских концепций.

Концепция И. Зимней (Зимняя, 1996, 26–27) основывается на следующих постулатах.

1. Человек – высшая цель и мера всех поступков.
2. Цель образования – формирование гуманистического способа мышления, всесторонне развитой личности, духовно зрелой, нравственной, профессионально компетентной, социально активной.
3. Переориентация обучения с сообщения знаний на организацию и управление учебной деятельностью самого студента, отличающегося целеполаганием и высоким уровнем учебной мотивации.
4. Учет личностных качеств как показатель гуманизации образования (интеллектуальные, поведенческие, мировоззренческие, деятельностные). Предполагается, что квалификационные характеристики специалиста должны фиксировать не только профессиональные, но и его личностные особенности.

Близкое понимание гуманизации образования общества мы находим и в авторской концепции А. Субетто (*Субетто, 1992, 156*). Это полицентристская система, включающая в себя культурно-образовательный центризм, человекоцентризм, социоцентризм и нравственно-духовный центризм.

Культурно-центристская гуманизация основывается на постулате о том, что культура и гуманизация – однопорядковые понятия. Гуманизация всегда является элементом культурной жизни общества, а культура всегда гуманистична. Она – основа достоинства народов и личностей, без чего немислима гуманизация среды. Задача образования – воспроизводство условий развития культуры общества и вос-

производство культуры личности. Гуманизация – приобщение к мировой и отечественной культуре. Культурные ценности носят общечеловеческий характер.

Человекоцентристская гуманизация нацелена на реализацию императивов личности в современных условиях отчуждения человека от истории и от природы. Важнейшим направлением этой стороны гуманитаризации является качество жизни как системы духовных, материальных, социокультурных, экологических и демографических компонентов.

Социоцентристская гуманизация образования – есть всеобучающее высшее образование, социально ориентированное, включающее элементы экономических, экологических, правовых знаний, предотвращающих невежественное насилие над Природой и Человеком.

Нравственно-духовное образование реализует процесс гуманизации через духовность и нравственность. Духовность включает в себя не только религиозность, но космопланетарность, космическое или аксиологическое начало жизни, в котором человек судит себя с позиций абсолюта: Бога, Космоса, Природы, Идеала, Всеединства человеческого. Духовность – это тот же диалог культур в общем поиске смысла жизни, это та Соборность, которая приводит к событию и спасает мир.

Таким образом, вся система образования, вся гуманистическая педагогика должна работать на изменение отношения к отдельной личности, на очеловечивание его нравственного и духовного мира, на повышение ответственности за судьбы всего, что является творением его рук и ума. Как верно заметил президент Союза латиноамериканских университетов, ректор Бразильского университета профессор Б. Шлемпер, события контролирует человек, поэтому именно от морально-нравственного поведения человечества будет зависеть ход проведения этих событий. Отсюда следует вывод, что ключевыми вопросами образования и общества в XXI ст. будут морально-нравственные, если только человечество намерено выжить на основе достоинства и справедливости. Морально-нравственное поведение человека приобретает дополнительную значимость, поскольку принятие решения об использовании новых знаний намного важнее, чем поиски научно-технических достижений (Канаев, 1992, 156–157).

6.3. УНИВЕРСИТЕТЫ КАК ОЧАГИ КУЛЬТУРЫ

Важнейшим параметром, определяющим сущность той или иной цивилизации, является уровень культуры, достигнутый данным сообществом. Важнейшим же компонентом формирования и распространения культуры является университет. Данное соотношение подчеркивает то высокое место, которое отводится университету и университетскому образованию в становлении современной цивилизации.

Термин культура в его нынешнем значении впервые появился в Европе в трудах мыслителей XVIII в. Монтескье, Вико и Хардера и до сих пор несет в себе огромную семантическую нагрузку (один американский социолог нашел для него около 500 значений). Наиболее подходящим для образовательных целей является понимание культуры как системы духовных ценностей, созданных и накопленных обществом во всех сферах бытия – от быта до философии (Пассов, 1998). В обыденном и научном сознании в понятие "культура" входит круг таких явлений, как наука, искусство, мораль, средства информации и пропаганды, право, политика, идеология, экология, образование и просвещение, религия. К какой бы сфере жизнедеятельности общества мы ни обратились, везде первостепенное значение приобретает общая культура народа. Это и культура труда и производства, культура дискуссий и политическая культура, культура общения и поведения. Практически все, с чем имеет дело сфера образования, входит в сферу культуры, определяемую как прогрессирующее самопроизводство общественного человека (Георгиева, 1992).

Термин "университет" (лат. *universitas*) первоначально употреблялся для обозначения сообщества или корпорации и лишь в XVI ст. стал употребляться для обозначения сообщества преподавателей и ученых. История университета имеет глубокие корни. Зародившись в эпоху западноевропейского средневековья, он просуществовал в Европе свыше 900 лет (в России – свыше 300) и во все времена был центром образования, науки и культуры, объединившим под своей крышей интеллектуальную элиту общества (Аврус, 1998). Философскому осмыслению феномена университета посвящен ряд работ европейских и американских авторов. Классическим является исследование В. фон Гумбольдта и Дж. Ньюмена, чьи идеи получили дальнейшую интерпретацию в работах К. Ясперса, Х. Ортеги-и-Гассета, М. Вебера, А. Флекспера, Р. Хатчинса, К. Керра и др. Идеи культурно-исторического осмысления явления университета нашли отражение в работах Н. Бердяева, Н. Пирогова, А. Герцена, К. Мангейма, С. Соловьева, В. Вер-

надского, а также в более поздних работах Н. Ладыжец, И. Захарова, В. Садовниченко, В. Сушко и др.

Исследователи в этой области рассматривают университет как явление европейской культуры. Вобрав в себя все лучшее, что было накоплено человечеством в области науки и образования, университеты превратились в "мощнейшие аккумуляторы знаний и духовно-нравственных ценностей" (Кукушкин, 1995).

Исторически формированию модели классического университета способствовали такие явления западноевропейской культуры, как интерес к рациональному знанию и логике в эпоху Средневековья; идеи прогрессивных мыслителей о развитии индивидуального сознания (Борищанская, 1986), прогресс науки XVII–XVIII вв.; примат рационального в европейской культуре XIX в.; развитие идей либерализма, выразившееся в стремлении создать правовое, демократическое государство; признание в качестве высшей ценности индивидуализма и личной свободы. На формирование концепции классического университета оказали влияние философское наследие эпохи Просвещения, немецкий идеализм, неогуманистическая философия (И. Фихте, Ф. Шлейермахер, Ф. Шеллинг). Различные направления в науке, ее институциональный облик, свойственные каждой эпохе, также повлияли на концепцию классического университета (Донскова, 1997). С университетами (особенно в Германии) тесно связано гуманистическое движение, что важно для понимания их роли в европейской культурно-духовной жизни.

Основание отечественных университетов произошло значительно позже европейских. Оно было заложено реформами Петра I, привнесшими в Россию европейские науки. Однако развитие отечественного университета отличалось определенным своеобразием религиозно-культурного характера. Первые шаги его развития проходили на фоне роста национального самосознания, появления интеллигенции, становления рационализма как мировоззренческой установки общества. Православная ветвь христианства не способствовала рационализации жизнедеятельности русского общества, формированию ценности индивидуализма, как это было, например, в Германии – стране с традиционным религиозно-протестантским мировоззрением, где университет был представлен в его классическом варианте. В силу этого российский университет развивался в контексте такой культуры, которая

тяготела больше к корпоративности, нежели к индивидуализму (Донскова, 1997).

Особенности генезиса отечественного университета, связанные с традициями российской государственности, состоят в том, что управление университетами в России принадлежало государству и все институциональные ценности формировались в условиях ограниченной автономии, в значительной степени сохраняя те основные традиции, на базе которых они эволюционировали. Последствием того, что деятельность университета была жестко вписана во внутрикультурный контекст и зависела от политического курса страны, является тот факт, что университету пришлось дважды выстраивать свои традиции – в имперский и советский периоды.

Несмотря на все своеобразие развития университетов, они всегда оставались оазисами культуры на всем образовательном пространстве Европы, создавая ту гуманистическую среду, где на основе определенной мировоззренческой общности и приверженности единой системе ценностей складывались взаимообогащенные формы общения, культуры и стиля мышления. В значительной степени благодаря университетам – как рассадникам культуры – произошел тот великий культурный синтез, из которого выросла европейская культура XIX–XX ст. Этот синтез произошел как результат встречи двух начал – восточноевропейского, напитанного духовной традицией Православной церкви, и западноевропейского, оплодотворенного традициями эпохи Реформации и Просвещения (Пархалина, 1995).

Характер современного этапа развития университетского образования отличается его институциональным укреплением и развитием. Динамичное и открытое для новаций последнее десятилетие XX в. ознаменовалось увеличением их численности, а также появлением нового типа университетов, главным образом технических и отраслевых, что явилось средством гуманизации и фундаментализации образования в целом. Появилось также понятие "исследовательский университет", "академический университет". Отмечая эту тенденцию в развитии отечественной высшей школы как положительную, представляется необходимым более точно определить особенности интересующего нас традиционного, или классического, университета.

Как показывает анализ литературы, понятие это не имеет четкого официального определения, однако чаще всего под ним подразумевается университет исследовательский, академический, являющийся

продолжателем традиций старейших европейских университетов. Наиболее существенными признаками классического университета являются следующие: **1)** классический университет представляет собой учебно-научный центр, реализующий на практике единство учебного и научного процессов. Для учебного процесса характерен большой удельный вес общенаучных и общеобразовательных дисциплин; **2)** классический университет – центр развития фундаментальных научных исследований в естественнонаучных и гуманитарных областях. Большинство направлений представлено известными научными школами. Характерна высокая интеграция с академическими учреждениями и отраслевыми университетами. Частью университетов являются исследовательские институты; **3)** университет является центром непрерывного образования, начиная со школьной скамьи: подшефные школы, специализированные классы, гимназии, колледжи, учреждения довузовской и послевузовской подготовки; **4)** университет – региональный центр научных исследований и подготовки специалистов для данного региона. Он обеспечивает решение экологических, социальных и экономических региональных проблем, тактических и стратегических планов развития; **5)** университет – информационный центр, осуществляющий издание научно-методической литературы, учебников, пропагандирующих естественнонаучные и гуманитарные достижения отечественной и мировой культуры, образования, литературы и искусства. Активная позиция в средствах массовой информации: в прессе, на радио и телевидении; **6)** университет – центр культуры. Он является нравственным камертоном общества и играет важную роль в просвещении населения. Сохранение общечеловеческих христианских ценностей, возвращение к морально-этическим истокам, присущим нашему народу, – это одна из основных задач университетского образования и духовного возрождения общества; **7)** университет – центр международного и межкультурного общения. Развитие международных научных контактов здесь базируется на совместных научных проектах отечественных и зарубежных ученых. Немалую роль при этом играют международные фонды, финансирующие на конкурсной основе современные исследования: ISF, INTAS, TACIS, INCOCOPER-NICUS.

Принято считать, что наиболее ценными традициями университета являются фундаментальность образования и его универсальность. Важным завоеванием новейшего времени является широкая

гуманитаризация знания – процесс, связанный с усилением влияния гуманитарных наук на все виды познания, что позволяет избежать односторонности в подготовке специалистов, преодолеть узкий профессионализм, более характерный для технических и отраслевых вузов. Соединение высокой профессиональной подготовки с гражданской ответственностью является залогом совершенствования самосознания, что очень важно, ибо университеты готовят интеллектуальную элиту и от того, насколько будет развито национальное и интернациональное сознание людей, определяющих социально-экономическую политику, будет зависеть будущее общества. Перед университетом ставится задача остановить процесс распада культуры, восстановить и развивать далее нравственность и духовность общества. Как отмечала по этому поводу ректор Санкт-Петербургского университета Л. Вербицкая, классический университет с его мощным интеллектуальным потенциалом может и должен не только противостоять негативным тенденциям размывания культурных ценностей, но и создавать их на основе исторической памяти национальных традиций.

Он должен способствовать преодолению раскола культуры на гуманитарную и техническую, устранить огромный дисбаланс между умственным и техническим развитием и гигантским отставанием морали, разрыв между обучением и воспитанием, приводящий к нравственной эрозии и прогрессирующему нигилизму в студенческой и преподавательской среде.

Все вышеперечисленные функции классического университета многократно усиливаются в настоящее время, когда на первый план выступают задачи поддержания мира и сохранения среды обитания человека. Наибольшую актуальность приобретает проблема формирования наднациональной общечеловеческой культуры, основанной на взаимопонимании, терпимости к инакомыслию, ко всему тому, что гасит национальный и религиозный шовинизм. Отмечая роль культуры как связующего компонента, английский ученый А. Тойнби писал, что культурный элемент представляет собой душу, кровь, лимфу, сущность цивилизации. Академик Д. Лихачев отмечал, что культура – цель развития отдельного человека, нации, страны и человечества.

Мир многолик и многообразен по образу жизни, культуре, философии. Есть Западная Европа – приверженец атлантической солидарности. Есть евразийское пространство, уникальную роль в котором

играет Россия. Существует исламский мир со своими традициями и менталитетом. В контексте европейской цивилизации можно также выделить несколько слоев культурной идентичности: общеевропейский, западно- и восточноевропейский, национальный, региональный. Европа, так же как и весь мир, – единое культурное пространство, органический сплав различий (*Садовничий, 1995, 381*), разнообразия, самобытности. Следовательно, чтобы сохранить старый и создать Новый Мир, необходимо сформировать поколение людей, воспитанных на принципах двойной лояльности: к своей стране и ко всему миру. Фактически это путь к формированию новой психологии и нового стиля мышления, к осознанию себя человеком Мира, единого и неделимого, человеком, несущим ответственность за судьбу не только своей родины, но и цивилизации. Эта благородная роль возлагается прежде всего на университет как высший по статусу и духу социальный институт и центр культуры. Как точно заметил один из крупнейших российских ученых-естествоиспытателей В. Вернадский, университеты всегда были одной из форм организации научной работы и главным путем проникновения ее в общечеловеческую культуру (*Вернадский, 1913*).

Чтобы оправдать надежду, связанную с университетами, им предстоит не косметическая, а коренная перестройка всего содержания обучения в соответствии с теми принципами, которые определяют его сущность. Учебные планы, содержание каждой вузовской дисциплины, технологии обучения должны соответствовать тем целям, которые ставятся жизнью и обществом перед системой образования. Одним из путей совершенствования содержания университетского образования является внедрение междисциплинарного подхода к обучению, углубление интеграции и расширение международного сотрудничества.

Как было показано выше, деятельность университетов с момента их зарождения строилась с учетом этого обстоятельства. В этом состоял смысл идеи всемирного университета как аккумулятора коллективного опыта университетов. Еще в середине прошлого века выпускник Оксфорда, ставший первым ректором Ирландского университета, профессор теологии Дж. Ньюмен, заглядывая в будущее, писал: "Я вижу цветущий университет. Сюда, словно на священную землю, к дому своих отцов и главному источнику своего христианства слетаются студенты с Востока, Запада и Юга, из Америки, Австралии, Индии, из Египта и Малой Азии с легкостью и скоростью средства передвиже-

ния, которое еще не открыто, и, наконец, но не в последнюю очередь, из Англии; все общаются на одном языке, имеющие одну веру, стремящиеся к одной великой мудрости; а отсюда, когда закончится срок их пребывания, возвращаются назад, чтобы по своей земле нести мир людям " (Newman, 1904–1914).

Идеи Ньюмена в значительной степени оправдались. Интеграционные процессы в сфере университетского образования сегодня принимают формы глобализации и регулируются такими международными организациями, как Евразийская ассоциация университетов, Конференция ректоров европейских университетов, Международная ассоциация университетов и др. Современные информационные технологии и глобальная компьютерная сеть Internet, внедрение в учебный процесс дистанционного обучения реально позволяют строить университет в виде единой управляемой системы. За этим большое будущее, ибо технообразование есть не только новый виток в развитии науки и техники, но и возможности формирования нового мышления, о котором говорилось выше.

В университетских кругах в последнее время широко дискутируется вопрос о степени разумности межуниверситетской интеграции. Многие ученые высказывают предостережения, связанные с негативными последствиями слепого копирования опыта любых, даже самых лучших университетов мира. Это чревато обезличиванием университетов, нивелированием национальной культурной идентичности, созданием неких гибридных мировых культур. Поэтому, реорганизуя структуру университетов, перестраивая их учебные планы и программы, формы обучения, целесообразно учитывать национальную самобытность и культурные традиции своей страны. Неприемлемость полной унификации объясняется и тем, что это лишит студентов права выбора наиболее привлекательной для них системы образования, что никак не отвечает демократическим принципам свободного общества (Кукушкин, 1995). Как известно, университеты на протяжении всей своей истории развивались на основе плюрализма мнений и разнообразия концепций. Не вызывает сомнений, однако, и тот факт, что интеграционные процессы будут продолжать играть важную роль в решении актуальных проблем науки и воспитания, коренных задач сохранения мира, поддержания равновесия экологических систем, гармонического развития личности, в обеспечении расцвета культуры.

6.4. РЕЛИГИОЗНАЯ КОММУНИКАЦИЯ: ЯЗЫК И ТЕКСТ

6.4.1. Филологические константы религиозной коммуникации и современное православное возрождение в России

Проблема "язык и религия" (и ее конкретизирующий аспект "язык Церкви") одна из тех, которые существенно отразились на облике постсоветского языкознания. Перестройка и либерализация советского общества (после 1985 г.), падение Берлинской стены (1989 г.), распад СССР (1991 г.) и возникшая в результате перед многими людьми идеологическая пустота привели к резкой активизации религиозной жизни. Уже в 1989 г. с небывалым для официально атеистического общества размахом было отмечено 1000-летие крещения Руси. В филологической сфере были проведены представительные конференции, посвященные истории переводов Св. Писания в *Slavia Orthodoxa*, роли церковнославянского языка и письменности в русской культуре, а также изданы труды, в заглавии которых слова *Библия*, *Евангелие* или *Апостол* больше не требовали эвфемистических замен.

В истории религий, в особенности религий Св. Писания (к которым относится и христианство), вопросам языка придавали вероисповедную значимость. Драматизм и парадоксальность связи языка и религии в том, что язык, будучи всего лишь коммуникативной техникой, оказывался способным быть предпосылкой (одной из предпосылок) и формой проявления *смысловых* религиозных противоречий. Перевод Писания нередко приводил не к распространению учения, а к содержанию его изменению. Потребность в новых переводах или новых толкованиях могла оказаться и проявлением и фактором еретических и диссидентских движений. Вот почему проблема "язык и религия" так важна для самой Церкви.

Филологические заботы Русского Православия развивались в русле общих языковых проблем, которые возникают в обществе, принявшем Св. Писание. Основная коллизия коммуникации в религиях Писания заключается *в противоречии* между стремлением людей удержать некоторый первоначальный языковой облик религиозно значимого текста Учения (или текстов – *Откровения, заповеди, Символа веры, службы, молитвы* и др.) и необходимостью обеспечивать тот или иной уровень усвоения Учения (понимания и передачи после-

дующим поколениям и/или иным этноязыковым группам верующих). Указанная коллизия в принципе неустранима, но в истории она проявляется с разной остротой и находит решения, в которых в разных пропорциях сочетаются созидание (обновление, "строительство") и охрана традиции (удержание, консервация, "ревность").

Коллизии, связанные с религиозной коммуникацией, имеют двойственный богословско-филологический характер, при ведущем значении богословских аспектов проблемы. Социально-политические условия, в которых Церковь решает свои филологические проблемы, оказывают решающее влияние на характер церковных и светских филологических исследований религиозной коммуникации (включая состав исследовательских учреждений, круг исследуемых проблем, интенсивность публикаций).

6.4.2. Неконвенциональное восприятие знака в религиях Святого Писания

Для понимания своеобразия религиозной коммуникации ключевое значение имеет феномен неконвенционального (безусловного) отношения человека к языковому знаку, т. е. представления о том, что *слово – это не условное обозначение некоторого предмета, а его часть, а может быть, и сущность*. Неконвенциональное отношение к знаку имеет место в фидеистическом, детском, иногда художественном сознании. Фидеистическое сознание склонно приписывать слову те или иные трансцендентные свойства – такие, как магические возможности; чудесное ("неземное" – божественное или, напротив, демоническое, адское, сатанинское) происхождение; святость (или, напротив, греховность); внятность потусторонним силам.

Представления о неконвенциональности знака в сакральном тексте создают характерную для религий Писания атмосферу особой, пристрастной чуткости к слову. Успешность религиозной практики (богоугодность обряда, внятность Богу молитвы, спасение души верующего) ставится в прямую зависимость от аутентичности сакрального текста; его искажение кощунственно и опасно для верующей души. Вот характерный пример того, как люди Средневековья могли воспринять исправление в конфессиональном тексте. В православном *Символе веры* читались такие слова: "*Верую... в Бога... рожденна, а не сотворенна.*" При патриархе Никоне (в середине XVII в.) был опущен

противительный союз *a*, т. е. стало: “Верую... в Бога рожденна, не сотворенна.” Эта правка вызвала острейшее неприятие противников церковных реформ Никона (будущих старообрядцев). Они считали, что устранение союза *a* ведет к еретическому пониманию сущности Христа – как если бы он был сотворен. Один из защитников прежней формулы дьякон Федор писал: “И сию литеру *a* в святии отцы Арию еретику яко копие острое в скверное его сердце воткнули.. И кто хошет тому безумному Арию еретику друг быти, той, якоже хошет, отметае ту литеру *a* из Символа веры. Аз ниже попысыяти того хошу и святых предания не разрушаю” (Субботин, 1981, VI, 12). Сравним оценку этого исправления иноком Авраамием: “Ты же смотри, яко по действию сатанинину едина литера весь мир убивает”. Отчаявшись вернуть прежнее чтение Символа веры – с союзом *a* (церковнославянское название буквы *a* – “азъ”), старообрядцы грозили никонианам адом: “И за единой *азъ*, что ныне истребили из Символа, последующим вам быти всем во аде со Ариемь еретиком” (Субботин, 1985, VII, 274).

Факты, вызванные неконвенциональным восприятием сакрального знака, известны в истории религиозных традиций христианства. Например, в латинском сочинении XI–XII вв. употребление слова *Deus* (Бог) во множественном числе расценивалось как кощунственная уступка многобожию, а грамматика – как изобретение дьявола: “Не учит ли она разве склонять слово *Бог* во множественном числе?”

С неконвенциональным восприятием знака связаны боязнь переводов Св. Писания на другой язык и вообще боязнь любых, даже чисто формальных вариаций в выражении сакральных смыслов, требования особой точности при воспроизведении (устном или письменном) сакрального текста; отсюда повышенное внимание к орфоэпии, орфографии и даже каллиграфии. Неконвенциональная трактовка знака в Св. Писании на практике приводила к консервативно-реставрационному подходу к религиозному тексту: исправление богослужебных книг по авторитетным древним спискам, толкование непонятных слов в лексиконах, орфографические правила и грамматики – все основные филологические усилия средневековых книжников были обращены в прошлое, к “святой старине”, сохранить и воспроизвести которую они стремились.

Таким образом, феномен неконвенционального восприятия знака является основным (элементарным) психолого-семиотическим механизмом, создающим саму возможность фидеистического отношения к

языку (речи). Это то зерно, из которого вырастает вера в волшебные и святые слова, орфографические распри или судебные преследования за грамматические погрешности в библейском переводе (Мечковская, 1998, 41–47). В оппозиции двух подходов (конвенционального и безусловного восприятия знака) неконвенциональное отношение – это маркированный член; напротив, восприятие знака как принятой условности отвечает обыденному сознанию, здравому смыслу и за пределами лингвосомиотики, как правило, не эксплицируется. Неконвенциональная трактовка знака в большей мере характерна для традиционалистов и религиозных фундаменталистов. Это во многом архаическая черта религиозного сознания.

6.4.3. Вопрос о языке Церкви: исследовательские аспекты и предметы религиозной полемики

Применительно к Русскому Православию круг лингвистических исследовательских и образовательных тем существенно шире, чем состав конфессиональных вопросов о языке. В религиозных дискуссиях встают вопросы, которые не подлежат лингвистическому решению: например, вопрос о языке литургии, проповеди, церковной публицистике, о том, на каком языке мирянам читать Библию и как относиться к переводам Св. Писания. Это вопросы внутренней жизни Церкви, и их решают сами верующие.

Другие языковые темы дискуссий в православии допускают "экспертное" (исследовательское) решение. Это вопросы о роли церковнославянского языка в истории русского литературного языка; о природе церковнославянского языка; об отношении к кириллице, гражданской азбуке и к орфографической реформе 1918 г.; о природе языкового знака (конвенциональная и неконвенциональная трактовка знака). Однако вера выше позитивного знания, поэтому лингвистические ответы на подобные вопросы могут быть неизвестны верующим или не обязательно приниматься ими во внимание. Вместе с тем для лингвистов интерес представляет и объективная картина и ее субъективное отображение (языковое сознание верующих): все это слагаемые исследуемой лингвистами реальности.

6.4.4. Континуум лингвистических позиций и его полюсы

В публикациях православных авторов на темы "язык Церкви" обозначилось несколько течений. На одном полюсе – реформаторское Сретенско-Преображенское братство во главе с московским священником о. Георгием Кочетковым, выступающим за литургию на русском языке. О. Георгий Кочетков является ректором Свято-Филаретовской московской высшей Православно-Христианской Школы, главным редактором журнала "Православная община" (выходит с 1990 г.) и газеты "Сретенский листок", руководителем Православного братства "Сретение". О. Георгий Кочетков не либерал, но с ним во многом солидарен С. Аверинцев, постоянный автор "Православной общины" и либерального "Нового мира". К просвещенному либерализму близки авторы "Нового мира", выступающие на религиозные темы (А. Архангельский, И. Роднянская, Р. Гальцева), некоторые авторы "Литературной учебы", православные авторы ежемесячного приложения к "Независимой газете" "Религии", Н. Струве, главный редактор "Вестника русского христианского движения" и директор православного издательства ИМКА-Пресс, чьи статьи, хотя и пишутся в Париже, однако являются если не фактом, то фактором русской духовной жизни.

К либерально-реформаторскому течению в Русском Православии близки Российское Библейское Общество (воссоздано в 1990 г., первоначально – *Библейское Общество Советского Союза*) и Библейско-Богословский Институт св. ап. Андрея (преемник Общедоступного православного университета, основанного в 1990 г. протоиереем Александром Менем). Библейско-Богословский Институт (ректор А. Бодров) издает с 1996 г. журнал "Страницы: Богословие, культура и образование" и популярный иллюстрированный альманах "Мир Библии" (№ 1–6).

Противоположный полюс – православный фундаментализм (в терминологии оппонентов также гипертрадиционализм, конфессиональный изоляционизм (Гальцева, 1997, 10), обскурантистский фундаментализм, одноязычная ересь (слова о. Георгия Кочеткова о стремлении фундаменталистов ограничить религиозное общение только церковнославянским языком (Кочетков, 1999)) – представлен в рубриках "Домашняя церковь" в журнале "Москва", "Свет разума" в "Нашем современнике", отчасти в журнале "Русская литература". Фундаменталисты критикуют не только Н. Бердяева, Г. Федотова, В. Соловьева и современных реформаторов и либералов, но и Патриарха и Русскую

Православную Церковь – за экуменизм и либерализм, за сужение использования и русификацию церковнославянского языка, за принятие в Церкви орфографии 1918 г.

6.4.5. Язык православной литургии

Служба Богу в храме, святая святых конфессиональной практики, в наибольшей мере охраняется "благочестивым консерватизмом" (Г. Федотов) и клира и мира. Московская патриархия стоит за церковнославянское богослужение. Вместе с тем ширится стихийное стремление приходских священников в какой-то мере русифицировать церковнославянский язык, звучащий в храме. Дальше всех по этому пути идет о. Георгий Кочетков. Свято-Филаретовская школа в 1994 и 1996 гг. издала два выпуска русифицированных текстов православного Богослужения. В предисловии к первому выпуску С. Аверинцев писал, что св. Кирилл и Мефодий, отвергнув "трехязычную ересь", защищали литургию на понятном народу языке: именно в этом (а не в увековечении церковнославянского языка) состоит подлинная верность делу солунских братьев (*Аверинцев, 1997*).

За литургию на русском языке выступает также русская православная эмиграция. Н. Струве в передовой статье "Вестника РХД" (1976) "К столетию русской Библии" писал: "Почему слово о спасении человеческого рода мы должны слушать на архаическом, искусственном, а тем самым и темном языке, а не на живой речи, на которой оно было произнесено и записано? [...] Юбилей русской Библии должен прозвучать призывом к каждому из нас ... и к Церкви в целом, дабы освободить в литургической жизни слово Божье от оков древнего и мертвого языка" (*Струве, 1992, 51*).

Однако большинство православных русских филологов высказываются за удержание в литургии церковнославянского языка. В этой позиции есть парадоксальная анахроничность: как известно, на Поместном Соборе Русской Православной Церкви 1917–1918 гг. духовенство допускало возможность литургии на народном языке, а через 80 лет, за которые русский язык еще дальше отошел от церковнославянского, светские филологи, разумеется, знающие позицию Собора, стоят за церковнославянский язык в храме.

Как объяснить этот парадокс? На Соборе 1917–1918 гг. духовенство знало реальное положение дел в приходах и стремилось прибли-

зять службу к прихожанам. Что касается современных филологов, то в их подходе преобладает романтизм и любовь к своему профессиональному знанию, стремление передать это знание, любовь к истории языка и, конечно, вузовский учительский оптимизм.

6.4.6. Споры о старых и новых библейских переводах

В проблеме "язык Церкви", в ее сегодняшнем русском ракурсе, вопрос о переводах Библии – наиболее тонкий и сложный вопрос. Разные авторы и переводчики по-разному определяют приемлемую меру "осовременивания" языка Библии, и в целом в вопросе о переводах Писания преобладает либерально-демократическая терпимость к инаковости. В специальной литературе полемика звучала главным образом в связи с оценками Синодального перевода 1876 г.

Известно, что еще на Соборе 1917–1918 гг. была признана недостаточность Синодального перевода. Собор учредил Комитет для "пересмотра и исправления русского и славянского текстов Библии" и "составления нового русского перевода Библии". Выдающийся библиист И. Евсеев, организатор и фактический руководитель Русской Библейской Комиссии (новообразованной в 1915 г.), выступил с радикальной критикой русского перевода Библии 1876 г.: "В нем [в переводе 1876 г. – Н. М.] вполне отразились все особенности не любимого детища, а пасынка духовного ведомства, и он неотложно требует пересмотра или еще лучше – полной замены [...] Язык этого перевода тяжелый, устарелый, искусственно сближенный со славянским, отстал от общелитературного языка на целый век: это совершенно недопустимый в литературе язык еще допушкинского времени, не скрашенный при том ни полетом вдохновения, ни художественностью текста" (Евсеев, 1995, 32).

Однако в конце XX в. в официальных православных кругах критика Синодального перевода не одобряется. К. Логачев, профессор Санкт-Петербургской Духовной академии и Ответственный секретарь Патриаршей-Синодальной Библейской Комиссии, называл критиков перевода 1876 г. "любителями головокружительной новизны", которые стремятся как "можно скорее самостоятельно изготовить антитрадиционную Новую Русскую Библию", и упрекал их в западничестве, слабом знании традиций перевода Библии и даже в "открыто провока-

ционных" утверждениях об отношении РПЦ к Ветхому Завету (Логачев, 1995а, 125; 239–240).

Однако жесткость подобных упреков скорее полемическая. Прежде К. Логачев не раз выступал за поиск и гибкость в вопросе о библейских переводах. В нескольких выпусках "Литературной учебы" (1991) он демонстрировал разные принципы перевода Писания: "славянизирующий" перевод "Послания апостола Павла", выполненный в 1906 г. К. Победоносцевым; Парижско-Брюссельский новозаветный перевод (созданный в среде русской эмиграции в середине XX в.), по своей нейтральной стилистике и богословским принципам близкий к компромиссным миссионерским изданиям. Логачев также опубликовал три своих опыта перевода: "Апокалипсис" и "Деяния" переведены с "Текста большинства" в "славянизирующей" манере, это, по терминологии Логачева, перевод, близкий к "буквальному", с "максимальной стилистической зависимостью от оригинала". Перевод "Послания к евреям", напротив, выполнен с более новых греческих изданий и "с уменьшенной стилистической зависимостью от оригинала".

Правомерность разных опытов перевода Библии близка православному филологам. Так, А. Алексеев писал, что в истории иудаизма и христианства до книгопечатания "перевод, редактирование, та или иная переработка текстов Священного Писания были одной из нормальных форм литературного быта", в то время как канонизация Писания и отказ от выработки более совершенного текста "иногда связан с особо конфликтными формами религиозного развития" (Алексеев, 1996, 49).

С. Аверинцев, не только философ и историк культуры, но и поэт, в том числе автор духовных стихов и переводов из Псалтыри и Книги Иова, не раз рассуждавший на темы о том, "до чего же трудно переводить библейскую поэзию" (Аверинцев, 1996, 1998), считает, что в каждую эпоху должен быть один канонический авторизованный Церковью перевод Библии (это необходимо прежде всего для точности цитирования). Для мирских же и общекультурных целей могут быть и другие переводы, не авторизируемые, но и не отвергаемые Церковью.

Профессиональные филологи, как правило, выступают за перевод, максимально *близкий* к церковнославянской традиции (Верещагин, 1994; Роднянская, 1997). Так, И. Роднянская идеальным русским переводом называет "славянизирующий" перевод Евангелия, принадлежащий К. Победоносцеву (Роднянская, 1997, 87). Е. Верещагин защищает идею "удержания" Кирилло-Мефодиевской традиции в (но-

во)русском переводе Евангелия: "... необходимо заменить написания слов, морфологию и частично перестроить синтаксис; сами же славянские лексемы, за исключением ошибочно переведенных (их немного, но они есть) и явно устаревших, могут и должны быть удержаны" (*Верещагин*, 1994, 146). Эта позиция совпадает с точкой зрения трех Библейских Комиссий (Патриаршей-Синодальной, Северо-Западной и Белорусской): говоря о принципах перевода Евангелия от Матфея на белорусский язык, Логачев указывает, что "было проведено максимально возможное сближение перевода с текстом Новозаветной части Елисаветинской Библии" (т. е. церковнославянской Библии 1751 г.), при этом «из различных методов перевода был выбран метод максимально возможного "пословного" перевода. Такой метод противостоит так называемому "динамическому эквивалентному" или "функционально-эквивалентному", активно внедряемому сейчас среди западных библейских переводчиков» (*Логачев*, 1991, 9–10).

В стремлении "удержать" церковнославянский язык в современной культуре есть утопический привкус. Сравним призыв Е. Верещагина в журнале "Русский язык в СНГ" (прежний "Русский язык в национальной школе", с 1993 г. – "Русская словесность"), обращенный не только к русским и не только к православным: "перед российской системой просвещения во весь рост встает задача: наряду с возвращением православной словесности вернуть в школу и в жизнь какое-то владение церковнославянским языком" (*Верещагин*, 1992, 10).

6.4.7. О церковнославянском элементе в истории литературного языка и культуры

В лингвистике, именно в истории литературного русского языка, это традиционный и центральный вопрос. В постсоветской русистике он нашел, наконец, свободное и спокойное решение. Замечательна в этом отношении статья Б. Успенского (1995). Для нее характерны две новых черты: во-первых, более широкое и гибкое понимание истории языкового развития общества, что предполагает больший учет вероятностной природы языка и стихийности культурных процессов и приводит в конечном счете к более реалистической трактовке истории языка; во-вторых, в новой концепции Успенского роль церковнославянского языка в истории литературного русского языка предстает

еще крупнее, еще значительно, чем прежде (именно в результате отказа от прежней излишней жесткости в трактовке оппозиции церковнославянского и русского языков).

В новой работе Успенского термин *диглоссия*, вокруг которого в 80-х гг. кипели полемические страсти, не употребляется, хотя суть взаимоотношений языков понимается прежним образом: два языка как "два взаимодополняющих регистра единой коммуникативной системы", объединенных "в одном сознании" (Успенский, 1995, 89). Вместо прежних строгих оппозиций со всей силой показано взаимодействие и постоянная изменчивость обоих языков. При этом церковнославянский язык уже не представляется автору языковым монолитом: язык существует в двух своих разновидностях. В терминологии Успенского это: 1) *стандартный* церковнославянский и 2) *гибридный* церковнославянский.

В новой концепции Успенского очень важно признание того, что "основная масса оригинальных текстов, созданных на Руси, написана именно на гибридном языке. Такого рода тексты обнаруживают стремление пишущих писать по-церковнославянски, однако это никоим образом не стандартный церковнославянский язык" (Успенский, 1995, 82). Прежде Успенский не подчеркивал с такой силой взаимосвязь, взаимопроникновение двух языков и органичность церковнославянского языка для русского: церковнославянский – это *свой* язык. Говоря по-русски, многое просто нельзя сказать без помощи церковнославянского. Если прежде Успенский больше говорил об ограниченности функций церковнославянского языка, то сейчас языковая ситуация, в его понимании, предстает как явление более стихийное, сложное, живое. Процесс гибридизации церковнославянского языка у восточных славян шел всегда – в той мере, в какой древнерусский книжник не переписывал канонический текст, а создавал свой собственный. Таким образом, Успенский предлагает различать два типа церковнославянского языка не по языковым признакам, а по жанру. Логически это уязвимо, но на практике полезно (ср. аналогичный случай: различение украинских и белорусских памятников по географии их создания).

Что касается роли церковнославянского языка в оценках фундаменталистов, то они видят в этом языке силу, сопоставимую с государством или политическим строем. Сравним: "...где сохраняется славянская литургия, там государство сильно не только духовно, но и ма-

териально (таковой была Великая Православная Российская держава). И наоборот, измена священным заветам святых просветителей привела к печальным последствиям в судьбе славян: татаро-монгольское иго на Руси, Смутное время, Наполеоново нашествие, нынешний распад и плачевное состояние восточного славянства, османское иго и его последствия на Балканах, несчастливая судьба западных славян, увлекшихся чуждыми духовными стихиями" (*Саблина, 1994, 198*). "Отсечение славянского языка изменило языковую ситуацию в целом: исчез священный язык – и изменилась иерархия ценностей, сместились все акценты и пропорции. То, что раньше гнездилось в языковом подполье и боялось выйти на свет, теперь нагло лезет в глаза и уши: нет священного – и нечего больше стыдиться" (*Камчатнов, 1996, 191*).

6.4.8. Отношение к орфографической реформе 1918 года

В глазах фундаменталистов связь церковнославянского языка с русским проявляется прежде всего в орфографии, что говорит о лингвистическом непрофессионализме авторов. Поэтому они отрицательно относятся к реформе 1918 г., ругают не только большевиков, но и церковных издателей и эмиграцию за постепенное принятие нового письма и ратуют за возврат к старой орфографии.

Сравним следующие высказывания, напоминающие "зачапки с латинниками" Иоанна Вышенского: "Разрушительное действие этого декрета на духовные основы русской культуры трудно переоценить. Под видом упрощения и приближения к разговорной речи (на деле оказавшегося приближением к жаргону Смердяковых) был произведен отрыв сначала орфографии, а затем и произношения русского языка от церковнославянского, всегда бывшего его духовным стержнем" (*Кудрин, 1998, 221*). Далее формулируются шесть пунктов из "условий исцеления", в том числе: [необходимо] "поставить в Государственной Думе вопрос о денонсации декрета Наркомпроса от 23 декабря 1917 г. и декрета СНК от 10 октября 1918 г. [...] Все эти действия должны сопровождаться глубоким всенародным покаянием в грехе преступного попустительства дьявольским силам, осуществившим почти вековое глумление над нашим языком, т. е. над душой нашего народа. В двадцать первый век мы должны войти со своим истинным, а не оскверненным языком" (*Кудрин, 1998, 222*). Автора особенно возмущает из-

менение написания слов *бессмертный* и *бесконечный*, эти "искажения" он называет "прямым кощунством".

А. Камчатнов, предлагая расширить издание книг на церковнославянском языке, считает, что их надо печатать не гражданским шрифтом, а кириллицей (Камчатнов, 1996). Вспоминаются старообрядцы, которые говорили: "Гражданская азбука – от антихриста".

6.4.9. Свят ли язык Церкви?

В христианском Писании и Предании нет догмата или канона о святости какого-либо языка. Однако в XVI–XVII вв. у ряда фундаменталистски настроенных православных авторов, особенно склонных к неконвенциональному восприятию знаков, и в частности, в полемике с "латинствующими" (у Иоанна Вышенского, Епифания Славинецкого, Евфимия Чудовского) встречаются слова о святости церковнославянского языка. Современные филологи трактуют вопрос о святости церковнославянского языка на основе сосюрховской дихотомии "язык и речь". Так, И. Роднянская не считает церковнославянский язык сакральным: "Сакрализация какого-либо одного языка (или немногих) в сравнении со всеми прочими – с христианской точки зрения вещь более чем сомнительная". Но вместе с тем поэзию на церковнославянском языке автор называет словесной иконой: "Церкви вручена на хранение словесная икона дивной красоты и глубочайшего смысла – богослужебная поэзия. И не просто на хранение – а на живую, продолжающуюся жизнь, точно так же, как икона, писанная красками, жива, намолена и чудовотворяща не в музее, а в храме" (Роднянская, 1997, 87–91).

Богословы и филологи Свято-Филаретовской школы считают, что признак сакральности языка присущ Ветхому Завету, но он несовместим со свободой Нового Завета. Таким образом, сакральный язык Ветхого Завета (понимаемый как "историческая", т. е. преходящая, сакральность) противопоставлен "подлинному языку новозаветной Церкви": «Да, сакральный язык затрудняет личностное общение, но он делает это не "со зла". Он оберегает человека от полноты реализации свободы и доверия именно потому, что знает, чем это грозит, какие подлинные, а не придуманные опасности осквернения и разращения таятся здесь для человека. [...] Сакрализация языка, это ложное благоговение перед словом, как бы берет его [небо. – Н. М.] в плен, по-

сколькx лишает его подлинного почитания – исполнения. Слова абсолютизируются, и Богу, пребывающему в Безмолвии, отказывают в месте. Таким образом, эта дурная сакрализация языка есть своего рода идолопоклонство, кумиротворение. [...] Если же мы хотим служить Богу в Евхаристии не на сакральном, а на подлинном языке новозаветной Церкви, мы должны понять, что эта полнота свободы и доверия в церкви – Богу и друг другу – предполагает и взаимную ответственность» (Зайденберг, 1998). "Концепт культового языка, совершенно неизбежный для язычества, требуемый логикой иудаизма и ислама, Церкви чужд по существу; ее подлинный язык — не горделиво хранимое свое наречие, но речь, внятная спасаемым" (Аверинцев, 1997, 10).

6.4.10. О природе языкового знака

Выше говорилось о том, что религиозные традиционалисты больше, чем религиозные реформаторы, склонны к неконвенциональной трактовке языковых знаков. Сходным образом философско-семиотические источники различий понимаются и православными фундаменталистами. Сравним: «Рассуждения о. Александра Борисова о языке богослужения в книге Побелевшие росы показывают, что он не отдает себе отчета о предпосылках своего сознания... В основе его рассуждений лежит теория об условности, конвенциональности языкового знака. Эта теория широко распространилась по всему свету и стала в буквальном смысле слова предрассудком массового интеллигентского сознания под влиянием лингвистического учения швейцарского языковеда Ф. де Соссюра. Это учение явилось плодом протестантского богословия, которое психологизировало все духовные, интеллектуальные и языковые явления» (Камчатнов, 1996, 190). Таким образом, природу фидеистического отношения к слову разные авторы понимают сходным образом, что оставляет возможность диалога и взаимопонимания.

6.4.11. Заключение

В Русском Православии и культуре конца XX в. проблемы языка Церкви обсуждаются более интенсивно, чем традиционные темы публичных дискуссий о языке или культуре речи (например, об отношении к заимствованиям, арго или диалектизмам). Острота проблемы

"язык Церкви" обусловлена тем, что она затрагивает, с одной стороны, религиозные чувства людей, а с другой – взаимоотношения Православия и его течений с властью, между собой и с другими конфессиями и религиозными номинациями. В современной России имеются условия как для решений в области религиозной коммуникации в духе соблюдения прав человека и веротерпимости, так и для углубленных собственно филологических исследований темы.

6.5. ВЗАИМООТНОШЕНИЕ СВЕТСКОЙ И ДУХОВНОЙ ВЛАСТИ: НА ПРИМЕРЕ ПОЛЕМИКИ ПЕТРА I И МИТРОПОЛИТА СТЕФАНА ЯВОРСКОГО

Данная статья представляет собой попытку положить на конкретный материал из истории русской культуры такую концептуально-теоретическую модель, которую можно было бы рассматривать в качестве универсального инструмента анализа феномена власти в коммуникации. В качестве базовых эпистемологических категорий (*Ионин, 1996*), т. е. основных теоретических концептов, характеризующих соответственно любое отдельное высказывание, языковую игру (*Лютар, 1998*), в которую оно включено, и великое повествование (*Jamesson, 1981*), в контексте которого становятся возможными и это высказывание и данная игра, будут понятия *текст, дискурс и нарратив*.

И тогда каждое высказывание может быть последовательно рассмотрено как текст, дискурс или нарратив, в зависимости от того, каким уровнем анализа мы ограничимся и на каком аспекте высказывания сосредоточим свое внимание: смысловом содержании, формальном построении или композиционном изложении, хотя все эти компоненты в речевой практике слиты воедино и присутствуют одновременно в каждом речевом акте.

Отсюда возникает необходимость привлечения понятий *смысла, стиля и сюжета* в качестве характеристик, присущих соответственно тексту, дискурсу и нарративу: смысл есть то, что высказывается и воспринимается, стиль – способ высказывания, а сюжет – последовательность применения этого способа в процессе высказывания.

При этом будем считать, что текст, дискурс и нарратив являются коммуникативными технологиями власти (КТВ) – средствами организации речевой деятельности всех социальных субъектов с целью дос-

тижения ими по возможности наиболее эффективного процесса не только обмена информацией, но и генерирования новых смыслов для установления и поддержания легитимного символического порядка в данном социокультурном пространстве (*Бурдые*, 1993). Это означает, что смысл, стиль и сюжет фиксируют на уровнях текста, дискурса и нарратива определенные закономерности проявления феномена власти в коммуникации посредством регуляции и контроля над процессами смыслопроизводства, формообразования и сюжетосложения (*Рябцева*, 1994).

Вероятно, при таком подходе мы достигаем некоторой идеализированной позиции в промежутке “между” отдельными речевыми актами, языковыми играми и символическими кодами, что позволит нам отчетливее и яснее увидеть характерные черты и специфические особенности действия коммуникативных *технологий* власти (*Халипов*, 1996) как средств генерирования смыслов, образования стилей и производства сюжетов. Попытаемся теперь осуществить анализ КТВ на материале из истории русской культуры в соответствии с предложенной моделью феномена власти в коммуникации. Обратимся ко времени правления Петра I и рассмотрим его полемику с митрополитом Стефаном Яворским.

Для начала зафиксируем историко-культурный контекст. Петр I “Великий” (1672–1725) – российский царь с 1682 г. и император с 1721 г. – был личностью противоречивой, и его вклад в историю России всегда оценивался неоднозначно (*Павленко*, 1990). Будучи известен прежде всего как “активный реформатор”, он существенно укрепил социальный строй. Преобразовав сословную жизнь и формы правления, он не изменил тип государства, а его политические представления вполне укладываются в самодержавные традиции московских властителей и российских царей (*Тихомиров*, 1998). Эта позиция определяла его отношение и к своим подданным, и к священнослужителям, и даже к собственному сыну, в которых он видел прежде всего орудия исполнения своей воли. Такая политика не устраивала многих из окружения царя, в том числе и митрополита Стефана Яворского, который был назначен на должность экзарха (местоблюстителя патриаршего престола) по воле самого Петра и оказался во главе церкви в самый драматический период ее истории: среди верующих продолжался раскол, в государстве возникла тенденция к “цезарепапизму” (вмешательству государства в дела церкви) и уже были подготовлены многочисленные реформы, подорвавшие экономическую и духовную само-

стоятельность церкви (Панченко, 1984). Митрополит поддерживал светские преобразования в сфере промышленности, науки, образования, военного дела, но церковные реформы не одобрял, хотя и открыто против них не выступал. В итоге он стал тайным сторонником патриаршества и примкнул к оппозиции, все надежды которой были связаны с царевичем Алексеем Петровичем как исключительно консервативным человеком, во всем противостоявшим своему отцу-преобразователю. Об этой симпатии митрополита свидетельствует его публичная проповедь на день великомученика Св. Алексия, когда Стефан назвал Алексея «единственной нашей надеждой». Петр этой проповеди не слышал, но ее запись была доставлена царю. Петр внимательно прочитал проповедь, отметил что-то пером. Не желая делать из Стефана мученика, государь не наказал его. Вместо этого он написал митрополиту письмо, в котором недоумевал, почему духовный пастырь, прежде чем укорять царя прилюдно, не поговорил с ним наедине. Стефан ответил покаянным посланием, писанным не чернилами, а слезами, и был оставлен на своем посту, хотя проповедовать ему царь временно запретил (Масси, 1996, 321).

Как отмечает М. Толстой, «Петр заподозрил святителя Стефана в расположении к царевичу... по следующему месту проповеди на 17 марта: "О, угодниче Божий! Не забуди и тезоименинника твоего, и особенного заповедей Божиих хранителя и твоего преисправного последователя... ты человек Божий: он тако же раб Христов. Молим убо, святче Божий! Покрый своего тезоименинника, нашу едину надежду". В той же проповеди были слова, которые Петр мог применить к себе: "Море свирепое, море – человеку законопреступный! Почто ломаеши, сокрушаеши и разоряеши берега? Берег есть закон Божий, берег есть – во еже не прелюбы сотворити, не вожделети жены ближнего, не оставляти жены своя; берег есть, во еже хранити благочестие, посты, а наипаче четыредесятницу; берег есть почитати иконы"» (Толстой, 1991, 669).

Как своеобразный ответ на этот упрек, Петр составляет обращение не непосредственно к Стефану, но к другим представителям высшего духовенства, желая получить их поддержку для привлечения царевича к суду и отречения его от престолонаследия: "Хотя довольно власти над сыном по божественным и гражданским правам имею, однако же боюсь Бога, дабы не погрешить ибо натурально есть, что люди в своих делах меньше видят, нежели другие в их. Тако ж и врач,

хотя б и всех искуснее которых был, то не отважится свою болезнь сам лечить, но призывает других. Подобным образом сию болезнь свою вручаем вам, прося лечения оной, бояся вечной смерти. Да взыщите и покажете от Св. Писания истинное наставление и рассуждение... дабы мы, из того усмотря, неотягченную совесть в сем деле имели". Светским лицам увещание от царя было в том же роде: "Не влаттируя, сиречь похлебствуя мне и не смотря на лицо, сделайте правду и не погубите душ своих и моей, чтоб совести наши остались чисты в день страшного испытания" (Толстой, 1991, 665). Как видим, и представитель светской власти и представитель духовной власти используют практически одинаковые методы передачи сообщений в форме не прямой (опосредованной) коммуникации, выбирая посредниками третьих лиц, якобы не заинтересованных в этом деле и способных молчаливо поддерживать или объективно свидетельствовать в пользу адресанта. Формально в роли адресатов выступают прихожане: для Стефана – духовенство и знать – для Петра, но истинным получателем остается сам Петр (в первом случае) или Стефан (во втором). При этом не имеет значения, что коммуниканты не общаются непосредственно друг с другом. Гораздо важнее, что они, хоть и опосредованно, обращаются друг к другу.

Учитывая эти обстоятельства, попытаемся выявить специфику организации речевой деятельности монарха и экзарха посредством КТВ и начнем анализ с интерпретации их высказываний *как текстов*. Для этого прежде всего выявим социокультурные предпосылки организации общения субъектов в их зависимости от социально приемлемых средств означивания высказываний (наделения определенным смыслом) через отсылку к конкретному референту. Вписанный в систему этих значений, эксплицитный пропозициональный модус сообщения становится текстом, т. е. одной из КТВ. В данном случае функции нормативно закрепленной системы означивания, придающей высказываниям Петра и Стефана *статус текста как КТВ*, выполняет Указ об отлучении царевича Алексея Петровича от возможности унаследовать царский престол. Петр издал этот указ в феврале 1718 г., провозгласив его Манифестом об отрешении непотребного сына от наследия престола исключительно для пользы государственной, который гласил: "...понеже мы лучше чужого достойного учиним наследником, нежели своего непотребного; ибо не могу такого наследника оставить, который бы растерял то, что чрез помощь Божию отец полу-

чил, и испроверг бы славу и честь народа Российского, для которого я здоровье свое истратил, не жалея в некоторых случаях и живота своего" (*Пушкарев, 1991, 243*). В итоге, сопоставляя проповедь Стефана в марте того же года и послание Петра к духовной и светской элите, можно отметить противоположную смысловую направленность этих высказываний. Стефан, стремясь поддержать царевича, принимает тем самым сторону оппозиции по отношению к царю и так совершает противозаконный акт. Речь митрополита, эксплицитно выраженная как обращение (проповедь) к прихожанам, имплицитно содержит в себе обращение к Петру и критику его методов проведения церковных реформ. Тем самым реплики властителей приобретают свой смысл в полной мере лишь при сопоставлении с указанным Манифестом (стратегически важным узлом пересечения референциальных связей) и уже в качестве текстов становятся элементами общего процесса коммуникации между светской и духовной властью в неявной, специфически опосредованной форме.

Далее при анализе высказываний Петра и Стефана как двух типологически контрастных дискурсивных практик мы выявляем их стилистические особенности. В данном случае инициатором взаимодействия выступает духовное лицо – экзарх Стефан. Стиль его речи определяется правилами проведения публичной проповеди и приведен в строгое соответствие с канонами церковной обрядности (православного богослужения). При этом система используемых им образов (метафоры берега и моря) опирается на Закон Божий, которым определены начала христианского благочестия, а среди них наиболее ценными для Стефана являются начала, связанные с соблюдением ритуальных предписаний. Именно в этом ракурсе наиболее очевидна критика Стефаном принципов отношения к церкви самого Петра как человека законопреступного (нарушающего традиции православия), поскольку царь, хотя и был, по всей вероятности, человеком верующим, к внешним формам обрядности относился без особого почтения (*Толстой, 1991, 637*). Вместе с тем в послании царя к знати мы встречаем ссылку на Св. Писание, страх отступить от которого якобы и движет Петром в его обращении к собранию и выдается за истинное коммуникативное намерение. В чем же тогда заключается причина столь радикального несоответствия подходов в интерпретации Св. Писания у Петра и Закона Божьего у Стефана? Ситуацию можно объяснить тем, что позиции коммуникаторов сформировались в различных культурных традициях:

"Взгляд Петра на церковь... образовался под влиянием протестантской канонической системы, с которой он познакомился во время своего пребывания в Голландии" (Тихомиров, 1998, 284). Стефан Яворский же при своем образовании, даже выступая в защиту патриархальных основ православия, всегда оставался приверженцем строгого догматического подхода к церковному канону, свойственного католичеству. Поэтому полемику Петра со Стефаном можно рассматривать как богословский диспут, возникший вследствие конфессионального расхождения двух различных систем христианского вероучения и их столкновения на почве православной традиции: "Так обе противоположные системы, исходя из противоположных принципов (возможной трактовки Библии. – А. С.), разошлись в две разные стороны. В каждом из этих двух направлений они доходили до утверждений, трудно примиримых с учением православной церкви" (Милюков, 1994, 178). Трудность, таким образом, заключается в том, чтобы выявить социокультурные механизмы, способные примирить их в русле единой традиции православия и поддержать идеологический баланс — равновесие властных стратегий в смысловом пространстве русской культуры. Именно эту проблему мы рассматриваем при переходе на уровень *нарратива* в общей системе КТВ в ходе дальнейшего анализа.

Здесь мы попытаемся обозначить структуру сюжета и композиционное построение высказываний монарха и экзарха как средств взаимосвязи элементов диалога в качестве общих повествовательных форм. В данной риторической ситуации композиция диалога представляет собой открытую систему или разомкнутую структуру, готовую включить в себя любые дополнительные речевые артефакты при условии, что они способны выполнять посреднические функции в коммуникации светской и духовной власти. Эта система организует все пространство коммуникации на основании принадлежности субъектов речи и их высказываний единому социокультурному стандарту в рамках сценария возможной последовательности вербальных сообщений как идеологической программы. Именно она обеспечивает на уровне интенционального обоснования взаимосочетание и согласованность речевых позиций социальных субъектов независимо от их принадлежности к тому или иному дискурсу. Эта программа может быть выявлена и зафиксирована как модернизированный вариант (версия) уже известной нам идеологемы Москвы как третьего Рима с учетом ее трансформации при изменившейся культурно-исторической

ситуации в эпоху правления Петра I. Ведь "в ряде случаев преобразования Петра могут рассматриваться как кардинальные переименования в рамках уже существующего культурного кода. Во многих идеях, на которых строилась система отношений петровской государственности с Западом, просматривается – то в виде полемики, то в форме продолжения, часто связанного с коренными трансформациями, – концепция Москва – третий Рим..." (Успенский, 1994а, 63). Именно эта идея империи становится определяющей в регулировании противоположных по смысловому содержанию и идейной направленности стилей дискурсов лютеранства и католичества в рамках традиции уже не столько православия, но русской теократии (Экономцев, 1992).

Таким образом, анализируя содержание высказываний Петра I и Стефана Яворского, мы можем сделать заключение, что такая форма коммуникации между ними свидетельствует о наличии в русской культуре специфической традиции взаимоотношений светской и духовной власти (Успенский, 1994а). Определяя ее основные характеристики в данном конкретном случае, мы фиксируем прежде всего отказ от формы непосредственного общения при установлении коммуникативных связей между монархом и экзархом, поскольку она осуществляется через посредников. При этом сфера интересов Стефана ограничивается этическими императивами (ценностями) и возможностью их сохранения в православной обрядности, что выдает склонность к консерватизму. Сфера интересов Петра – общественно-политические идеалы с точки зрения оптимизации проекта государственного устройства, что свидетельствует о радикализме царя. Здесь мы можем отметить некоторое равенство, удержание баланса между названными областями интересов: митрополит еще может найти возможность обращения если не к самому государю, то хотя бы к своим прихожанам в надежде быть услышанным, а император вынужден считаться с мнением духовной и светской аристократии. Но в самой коммуникации можно отчетливо зафиксировать переход стратегической инициативы и риторического превосходства от духовной к светской власти: малейшая попытка неповиновения (даже пассивного) жестко пресекается царем, хотя уже в большей степени риторически (переключение каналов коммуникации), чем прагматически (физическое устранение оппонента). Налицо ужесточение контроля и репрессий в коммуникативной сфере при явной либерализации сферы политической. Однако, сопоставляя этот "мягкий" поступок Петра (лишение возможности вы-

ступать) с возможностью более жестокого решения (лишение оппонента жизни), мы, тем не менее, считаем, что с точки зрения необходимости сохранения оптимальных условий коммуникации, т. е. возможности "прямой речи" в коммуникации, именно первый вариант действий Петра является более деструктивным для всей русской традиции взаимоотношений светской и духовной власти и свидетельствует о явном усилении "кризиса коммуникации" между ними.

Подводя итоги, мы можем отметить, что специфика **коммуникативных технологий** в русской традиции взаимоотношений светской и духовной власти на примере полемики Петра и Стефана выявлена при использовании понятий **текста**, **дискурса** и **нарратива**. И тогда: 1) на уровне смыслового содержания речи нормативные функции регулятора социальных связей в общении царя и экзарха выполняет **манифест** отлучения царевича Алексея Петровича от возможности наследования престола и управления государством; 2) на уровне формального выражения стиль их речи определяется двумя возможными способами интерпретации основных положений Св. Писания, данными в католической и протестантской традициях христианства; 3) на уровне композиционной структуры согласование их высказываний происходит в соответствии с логикой неосознанного следования основным положениям теократической доктрины о Москве как третьем Риме, которая выступает в качестве общего социокультурного фона любых возможных суждений, уже изначально вписанных в единый стандарт требований соответствия идеалу православного царства. К таким выводам мы пришли в результате использования разработанной нами концептуально-теоретической модели как инструмента социально-философского анализа феномена власти в коммуникации. Как нам представляется, полученный результат позволяет утверждать, что данную модель можно считать универсальным методом аналитического рассмотрения принципов организации технологических параметров власти при обеспечении процессов коммуникации в социокультурном пространстве.

Часть седьмая

КОНТЕНТ АНАЛИЗ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

7.1. КОНТЕНТ АНАЛИЗ: ЛОГИКА РАЗВИТИЯ МЕТОДА

В современном мире существует множество различных документов, благодаря которым хранится, распространяется и многократно используется информация. Эти документы представлены во всем текстовом многообразии. Среди них – отчеты, протоколы, доклады, таблицы, материалы печатных и электронных средств массовой информации, периодические издания различного вида, художественная литература, личные дневники, письма и даже театральные постановки, интермедии, художественные и документальные фильмы и многое другое. Эти свидетельства своего времени, наряду с индивидуальными особенностями, имеют социальные, национальные и типологические черты.

Документ/текст не только возможный, но и незаменимый источник информации для исследователя. Во всех социальных и гуманитарных дисциплинах его изучение практически всегда включено в один из этапов исследовательского процесса. Однако текст может выступать и в качестве самостоятельного предмета изучения.

В прошлом социальные науки изучали текст с помощью качественных или неформализованных подходов. При этом использовались общие логические операции (анализ, синтез, сравнение и т. д.). XX век противопоставил качественному (качественному) подходу, которому вменяли в вину субъективизм, количественный, или количественный, подход. В рамках последнего и зародился метод, получивший название контент-анализа. Он казался самодостаточным, поскольку область исследований ограничивалась исключительно текстуальными материалами.

Оставался вместе с тем незамеченным тот факт, что текст создается людьми и для людей, а значит, это поле не только семантики, но и речевого поведения, которое в не меньшей степени требует систематизации и обобщения.

Речевое поведение нельзя абстрагировать от качественных критериев и оценок. Это означает, что противоположные методы могут и

должны дополнять друг друга. Встречное движение качественного и количественного подходов – это признание включения объективного и субъективного как в субъект-объектные, так и субъект-субъектные отношения. В таком прочтении контент-анализ значительно расширяет возможности своего применения и становится атрибутом не только эмпирической социологии, но и приобретает ценность для гуманистики в целом.

7.1.1. Проблема дефиниций контент-анализа

Исторической родиной контент-анализа являются США. Широкое применение контент-анализ нашел в 30-е и особенно в 40-е гг. (Г. Лассуэлл, П. Лазарсфельд, И. Уилли, Н. Лейтс). Предпосылкой развития метода стал в первую очередь стремительный рост средств массовой коммуникации. Поэтому вполне естественно, что контент-анализ первоначально применялся для исследований текстов средств массовой информации, однако со временем его ареал существенно расширился.

Общественность впервые услышала о данном методе в связи с проходившим в 40-е гг. судебным процессом по делу американской газеты "Патриот". Издатели были обвинены в пронацистской пропаганде. Одним из доказательств в пользу обвинения стал отчет американского ученого Г. Лассуэлла. Выводы, содержащиеся в отчете, были сделаны на основе результатов контент-аналитического исследования материалов газеты "Патриот". Суд вынес решение о прекращении деятельности данного печатного издания, т. к. газета действительно в завуалированной форме пропагандировала нацистские идеи, что и показал контент-анализ ее материалов.

Исторически первой формой контент-анализа является "количественная" модель. Она понималась *как алгоритмизированный перевод объективной текстовой информации в количественные показатели с последующей статистической обработкой и обобщением результатов исследования*. Упрощенная схема выглядит следующим образом: многообразие текстов по интересующей исследователя проблеме сводится к набору определенных элементов, которые затем подсчитываются и анализируются. В этом заключается фрагментарность контент-анализа, имеющего к тому же дело только с манифестируемым, т. е. лежащим на поверхности, но не с латентным (потен-

циальным) содержанием. Последнее доступно только качественным методикам.

Достоинствами контент-анализа считают *объективность*, *систематичность* и *обобщенность*. Эти сущностные характеристики представляют собой принципы данного метода.

Объективность. Принцип объективности достигается при условии соблюдения алгоритмизированного (т. е. осуществленного по определенным правилам) перевода текстовой информации в количественные показатели. Следование этим правилам позволяет избежать субъективизма при идентификации и классификации элементов содержания. Соблюдение данного принципа предполагает такое точное и однозначное определение категорий и единиц анализа, чтобы разные аналитики, приложив их к одинаковому содержанию, получили бы одинаковый результат.

Наибольшая объективность достигается при компьютерном контент-анализе. Первые компьютерные программы были разработаны в 60-е гг. под руководством американского ученого Ф. Стоуна. При использовании ЭВМ идентификация элементов содержания осуществляется по чисто формальным критериям, тогда как в "ручном варианте" трудно избежать субъективности в процессе соотнесения категорий с единицами анализа. Поэтому существуют определенные способы контроля надежности методики, предполагающие особенно тщательный отбор и подготовку кодировщиков, параллельное кодирование одних и тех же текстов с целью установления расхождения между данными кодировщиков.

Систематичность. Принцип систематичности реализуется в том случае, если все исследуемое содержание будет проанализировано по единой методике. Не допускается частичный анализ, произвольное исключение из поля зрения тех или иных текстов. Так, например, исследователь не имеет права игнорировать материалы, не подтверждающие его гипотезы. Систематичность предполагает соблюдение всех правил отбора элементов выборочной совокупности, составляющих объект исследования.

Обобщенность. Принцип обобщенности состоит в том, чтобы получить из текста информацию о внетекстовой реальности (о событиях, фактах, явлениях и условиях реальной действительности, о коммуникаторе или о получателе информации).

Существуют три основных направления сопоставления текста и

объективной реальности. *Первое* – реконструкция событий на основе текста (в данном случае текст выступает индикатором объективной реальности). *Второе* – реконструкция стратегии коммуникатора (текст как индикатор коммуникативных намерений автора). И *третье*– реконструкция потребностей, интересов, ценностей аудитории (текст как индикатор предпочтений аудитории). Корректное сопоставление реальности и текста требует сравнения, поэтому в рамках одного исследования анализ содержания часто выступает в комплексе с другими методами.

Таким образом, при определении контент-анализа как исключительно количественной методики можно выделить следующие его характеристики: *квантитативность, фрагментарность, объективность, систематичность, обобщенность, учет только манифестируемого значения.*

Однако, несмотря на преимущества использования количественных методов, обнаружилась их недостаточность. Оказалось, что контент-анализ нельзя сводить исключительно к количественным процедурам.

Центральным моментом дискуссии, развернувшейся в научной литературе практически с момента возникновения этого метода и не утратившей своей актуальности, стали два вопроса: должен ли контент-анализ быть исключительно количественным методом и следует ли ограничиваться лишь изучением манифестируемого содержания?

Основное обвинение, которое выдвигают оппоненты "количественной" трактовки контент-анализа, заключается в том, что подобное ограничение метода ведет к сужению проблемного поля. Это понятно: при "количественном" подходе отбирается то, что можно измерить, подвергнуть статистической обработке, в то же время упускается из виду тот факт, что отсутствие тех или иных признаков является порой не менее значимым. Образно говоря, важно не только то, что есть, но и то, чего нет. Отсюда следует вывод, что более значимые результаты могут принести качественные методы (Kracauer, 1952).

Качественный анализ текстов определяют как получение заключений на основе присутствия или отсутствия определенных признаков в сообщениях. Основное преимущество данного подхода, как отмечает А. Джордж, состоит в том, что качественный анализ ограниченного числа значимых сообщений часто может дать "лучшие ключи к разгадке намерений отдельного коммуникатора в определенный момент

времени, нежели более стандартизированные техники" (George, 1959, 7).

Контент-анализ, используемый в качественном исследовании, имеет принципиальные особенности. Его сущностные характеристики: **открытость, коммуникативность, натурализм и интерпретируемость**. Американский исследователь Ламнек характеризует их следующим образом.

Открытость. Принцип открытости означает право исследователя вести изучение так, как требует сам объект, а не формы стандартизации. Следовательно, отсутствуют ограничения в методах сбора, анализа или интерпретации данных. Здесь нет строго ограниченного набора гипотез, нет операционализации.

Коммуникативность. Принцип коммуникативности предполагает, что структура социальной реальности определяется intersubъективным взаимодействием. Поэтому основная задача состоит в том, чтобы исследовать содержание коммуникации и объяснить его значение.

Натурализм. Принцип натурализма состоит в методологическом требовании изучать исследуемый объект в естественном (натуральном) для него окружении. Это находит свое выражение в сборе данных (они близки, насколько это возможно, к реалиям), в их анализе и интерпретации.

Интерпретируемость. Интерпретируемость является четвертым принципом "качественной" модели контент-анализа. Он тесно связан с принципом коммуникативности. Его смысл в том, что социальная реальность становится социетальной, т. е. характерной для всего общества, только через интерпретацию.

Естественно, что и качественный, и количественный подходы имеют свои плюсы и минусы. Поэтому в последнее время возрастает осознание значимости сближения двух парадигм и множатся попытки их синтеза. Исследователи делают акцент не на противопоставлении качественного и количественного анализа, а на их сочетании. Основной вывод следующий: контент-анализ должен использовать качественные и количественные методики так, чтобы они дополняли друг друга. При таком подходе *контент-анализ* – это метод качественно-количественного анализа массива документов с целью получения достоверной информации. Иначе говоря, **это многоцелевой метод исследования социальной реальности на материале текстов**.

С целью апробации такого подхода под руководством И.Ухвановой-Шмыговой были проведены исследования (с участием автора данного материала) по следующим темам: (1) "Тематический диапазон белорусских печатных изданий, ориентированных на женскую аудиторию"; (2) "Репрезентация женщин в общественно-политических изданиях Беларуси" – результаты обоих исследований опубликованы в Национальном отчете ПРООН "Женщины Беларуси в зеркале эпохи" (*Женщины*, 1997); (3) "Предметно-тематическое содержание общественно-политических изданий Беларуси" и (4) "Общественно-политические издания в речеповеденческом аспекте" – результаты этих исследований опубликованы в сборнике "Методология исследований политического дискурса" Вып. 1. (Мн., 1998 Разд. 6.2. и 6.3.). Представленные ниже теоретические разработки являются результатом осмысления вышеназванных исследований, а также тех, которые опубликованы в других разделах этой части данного выпуска.

7.1.2. Этапы контент-анализа

Процесс контент-аналитического исследования, как мы его видим, подобен процессу социального исследования в целом. Непосредственное наполнение этапов (шагов) имеет, однако, свою специфику, которая напрямую связана как с природой метода, так и с областью изучения. Конкретные стадии такого исследования обладают определенной содержательной и логической преемственностью.

Мы выделяем четыре этапа контент-исследования: подготовительный, полевой, подготовка к обработке и обработка информации, заключительный этап. Отметим, что в специальной литературе количество этапов варьируется. Среди них могут быть названы такие, как разработка программы контент-аналитического исследования, определение эмпирических объектов, разработка методики контент-анализа, пилотаж методики и проверка ее надежности, сбор первичной эмпирической информации, количественная обработка собранных данных; интерпретация результатов и формулировка выводов. Для нас необходимости в таком дроблении этапов не возникало благодаря тому, что предлагаемая интегративная модель контент-исследований опирается на каузально-генетическую теорию плана содержания текста (см: *Ухванова-Шмыгова*, 1993; *Oukhvanova*, 1997). Данная теория включает в себя элемент программирования содержательного анализа текста (динамическое прочтение модели), она определяет параметры возможных

эмпирических объектов (статическое прочтение модели), а также выявляет содержательную направленность текста, его основные категории в их взаимодействии, т. е. методическую сторону исследования (функциональное прочтение модели), предлагает теоретический фрейм для последующего анализа собранной информации. К тому же каузально-генетическая теория учитывает модель общения в ее полноте, а значит, и многоаспектность содержания текста (текст с позиций автора, текст с позиций аудитории, текст сам по себе и его возможные проявления в разных контекстах, т. е. диалектическую сторону взаимоотношения "актуальное – потенциальное содержание").

Рассмотрим каждый из шагов (этапов) такого контент-анализа в отдельности.

Подготовительный этап контент-анализа. Не умаляя значения каждого из существующих этапов, отметим, однако, что от качества работы, проведенной на подготовительном этапе, зависит эффективность исследования в целом. Подготовительный этап насыщен различного рода процедурами, носящими во многом теоретический характер. Именно на этом этапе мы определяем предмет исследования, ставим цели и задачи, разрабатываем гипотетический аппарат, выделяем категории анализа, формируем выборочную совокупность, т. е. составляем программу контент-анализа.

На практике ведущими в наших контент-аналитических исследованиях становились либо тема, либо проблема. Тем самым мы имели дело либо с *"тема-центричным"*, либо с *"проблема-центричным"* контент-анализом (см. описание специфики каждого в разд. 7.2.). Выбор той или иной основы предопределял судьбу контент-аналитического исследования: было ли оно интересно только на момент проведения исследования или становилось базой для последующего анализа. При этом контент-анализ "тематического" типа является более статичным, в то время как "проблемный" – динамичным. База данных последнего представляет собой основу для последующих замеров мониторингового характера. В то же время мы не оцениваем данные типы контент-анализа по шкале "хорошо – плохо". Речь идет всего лишь о возможных исходных посылах изучения содержания текстов/документов, которые, однако, в той или иной степени предопределяют операционализацию основных понятий контент-анализа. Ниже мы рассмотрим это на примере такой категории, как жанр.

Операционализация понятий является одной из наиболее значи-

мых процедур подготовительного этапа контент-анализа. В целом она представляет собой трансформацию выделенных понятий в индикаторы, которые можно эмпирически зафиксировать. Так, в случае опроса индикаторами будут являться вопросы анкеты или бланка интервью. В случае же контент-анализа индикаторами являются единицы анализа, которые, в свою очередь, представляют собой результат операционализации категорий анализа. Именно с составления списка категорий анализа, т. е. общих ключевых понятий, соответствующих целям и задачам исследования, и начинается процедура операционализации в контент-аналитическом исследовании.

Необходимо помнить о том, что методическая сторона реализации процедуры контент-анализа (определение категорий анализа, единиц анализа, единиц счета) связана с программными положениями исследования.

Несмотря на то, что выбор категорий анализа детерминируется в первую очередь предметом исследования, целями и задачами изучения, все же мы полагаем, что можно говорить о существовании некоторого набора универсальных категорий анализа, которые могут быть применимы практически в любом исследовании. Универсальность этих категорий определяется тем, что они конституируют и тематическое, и проблемное поле конкретного контент-аналитического исследования, позволяя учесть всю многозначность содержания текста.

К таким категориям относятся следующие понятия: *модальность, оценка, адресант, жанр, тип общения, форма аргументации, позиция*. В ряде случаев, если мы работаем с белорусскими средствами массовой информации, универсальностью обладает такая категория анализа, как язык, на котором написан материал.

Каждая из этих категорий подразделяется на ряд составляющих ее подкатегорий (переменных). Так, категория "язык" в контексте масс-медиа Беларуси предполагает две позиции – русский и белорусский язык.

В целом же перечисленные категории можно разделить на две группы: категории субъект-объектные (оценка, модальность) и категории субъект-субъектные (адресант, жанр, тип общения, форма аргументации, позиция). Субъект-объектные категории раскрывают предмет исследования, в то время как субъект-субъектные – характер репрезентации этого предмета, форму и тип взаимодействия коммуникантов (автора и читателя).

Традиционно эти категории понимались достаточно узко, мы предлагаем свою трактовку.

Субъект-объектные категории. Категория "оценка" трактуется нами в общеупотребительном смысле и предполагает следующие четыре позиции – положительная оценка, отрицательная, взвешенная и нейтральная (отсутствие оценки как таковой). Данная категория может быть прочитана и в субъект-субъектных характеристиках. С этих позиций она представлена в следующем разделе.

Категория "модальность" далеко не нова для контент-анализа, однако для нас важно отметить, что она имеет дело с полярными противоположностями: реальность – нереальность. Нереальность не означает отсутствие как таковое, а лишь восприятие реального как отсутствующего, т. е. речь идет об отношении к факту, а не о самом факте. Иначе говоря, значение явления либо нарочито принижается (факт его существования делается сомнительным или иллюзорным), либо завышается его реальный вес (малозначимое возводится в ранг абсолютно необходимого). В любом случае модальная характеристика текста отражает позицию субъекта, его отношение к жизненным реалиям. При такой трактовке категория включает следующие позиции: необходимо, возможно, желательно (все три позиции описывают событие как нереальное) и нейтрально (событие реально).

Модальность может пониматься и в более широком смысле – как соотносимость субъект-объектной и субъект-субъектной деятельности, как факт наличия, наряду со значением, значимости текста. Такое понимание модальности требует иной маркированности. Так, например, степень значимости газетных текстов измеряется с помощью таких категорий анализа, как размер материала, расположение в номере и на странице.

Эти две категории впервые были использованы нами при проведении контент-аналитических исследований в рамках работы над Национальным отчетом "Женщины Беларуси в зеркале эпохи", о котором шла речь выше.

Субъект-субъектные категории. Жанр – это "мимикрическая характеристика текста, нейтральное или, наоборот, активное выражение в социально значимой знаковой форме отношения автора к событию или к читателю" (Дылевский, 1998, 189).

Традиционно в журналистике принята классификация жанров на информационные, аналитические и художественно-публицистические

(очерки, эссе и т. д.). Однако сегодня практика мировой журналистики нарушает эти каноны. Так, все чаще встречаются материалы, в которых присутствуют два, а порой и все три компонента. Эти материалы можно назвать информационно-аналитическими.

Материалы информационного жанра – это небольшие по объему, детализированные, хроникальные сообщения, которые отвечают на пять вопросов – кто, что, где, когда, почему? Аналитические материалы – это значительные по объему тексты, в которых исследуется какая-либо проблема, содержатся конкретные выводы и рекомендации.

Представленные выше позиции категории "жанр" применяются в "проблема-центричном" контент-анализе. Если речь идет о "тема-центричном" контент-аналитическом исследовании, то эти позиции будут несколько иными. В данном случае "речеповеденческие маркеры" могут быть сведены до шести групп:

- репродукция актуальных событий (предметная картина современного мира) – воспроизведение реалий внутренней и международной жизни с анализом их причинно-следственных связей. Сюда вошли такие жанры, как (1) информация, (2) информационно-аналитический материал, (3) информация-полемика, (4) аналитика, (5) интервью, (6) фотофакт, (7) законодательные акты;
- зондаж общественного мнения (исследование ценностных ориентаций) – открытая трибуна политиков, общественных деятелей, представителей различных социальных и профессиональных групп. Сюда вошли: (8) письма читателей, (9) письма с редакционным комментарием, (10) полемические статьи, (11) мнение политиков, (12) письма о газете;
- активные жанры (прагматика как выражение идеологических и политических позиций печатного органа) – использование авторских материалов для распространения взглядов, оценок и поведенческих моделей. Сюда входит: (13) цитата; могут входить также публицистика, памфлет, очерк, фельетон, карикатура, коллаж;
- жанры-сателлиты (сопутствующие материалы): (14) фотография, дружеский шарж;
- культурологические материалы (актуалии и ретроспектива духовной жизни) – активизация национального самосознания, приобщение к мировой культуре, содействие саморазвитию личности. Сюда вошли: (15) страницы истории (исторический очерк), (16) художественная литература, (17) интеллектуальные игры, (18) развлека-

тельная информация;

- коммерческая реклама: (19) объявления, (20) заказные статьи, (21) самореклама (реклама газеты), (22) реклама (Дылевский, 1998, 180).

Категория "жанр" симметричным образом связана с категорией "адресант", т. е. субъектом мнения, автором материала. Здесь мы выделяем такие позиции, как редакция, агентство новостей, журналист, политик, читатель, эксперт. В отдельных случаях вполне уместна более серьезная детализация данных позиций (вплоть до персоналий).

При определении такой категории, как "*форма аргументации*", значимо выявление соотношения фактологических и эмоциональных средств аргументации. Фактологический тип аргументации означает, что материал опирается на объективированную информацию, т. е. "событийные аргументы". Мы намеренно употребили слово "объективированная" информация вместо "объективная", чтобы подчеркнуть тот факт, что воспроизводимое в тексте событие является следствием отбора фактов, лексики (лексических ярлыков, знаков) и способов подачи. В этом смысле на поверхности - признание самозначимости предмета коммуникации.

Эмоциональный тип аргументации означает, что стержнем материала является отношение субъекта коммуникации (адресанта) к происходящему. В этом случае авторское отношение заявлено открыто, оно концентрируется на одном из полюсов оценочной шкалы "хорошо – плохо" и имеет свою номинацию (лексическую, грамматическую, синтаксическую). В этом случае на поверхности – факт самозначимости субъектов общения, перенос отношения автора на аудиторию.

Смешанный тип аргументации соединяет оба подхода. Это словно двойной прессинг: фактологическая картина дополняется эмоциональной.

Впервые данная категория была использована в контент-аналитическом исследовании "Общественно-политические издания в речеповеденческом аспекте" и описана в сборнике "Методология исследований политического дискурса". Вып. 1 (*Методология*, 1998).

Категория "*позиция*" идентифицирует те интересы, которые представляет субъект мнения (автор или газета). Данная категория – это двойник категории "форма аргументации". Если в последней мы имеем дело с формальным содержанием, то в категории "позиция" непременно присутствует явно выраженным номинал (аргумент). Ее переменные – национальная, профессиональная, гражданская и сме-

шанная позиции. Впервые данная категория была использована нами в контент-аналитическом исследовании "Общественно-политические издания в речеповеденческом аспекте" и описана в сборнике "Методология исследований политического дискурса". Вып. 1.

Тип общения определяет характер взаимодействия коммуникантов (адресант и адресат). Данная категория отвечает на вопрос, насколько диалогичен, открыт текст, насколько он доступен. Для нее характерны следующие позиции: широкий демократический, узкий демократический, широкий авторитарный, узкий авторитарный тип общения. (Термины "демократический/авторитарный" не несут никакой идеологической нагрузки, для нас это просто маркеры).

Широкий тип общения характеризуется следующими параметрами: направленностью на максимально большую аудиторию, что выражается в высокой степени доступности (низкая цена издания, устоявшаяся периодичность, распространение через государственные службы или хорошо налаженную частную сеть, возможность подписки), а с лингвистической точки зрения – в доступности понимания (отсутствие узкопрофессиональной терминологии, разговорные обороты, ссылки на популярные тексты, широкое использование расхожих стереотипов, низкая степень имплицитности и коннотативности, опора на фоновые знания).

Широкий демократический тип общения имеет свою собственную нарративную специфику: диалогичность, приглашение к размышлению, открытость текста (возможность своих интерпретаций, домысливание того, что передает адресант, фактический отказ от "едиственно правильного" прочтения текста).

Широкий авторитарный тип общения – это назидательность, "авторитетность", в некоторых случаях – дидактичность, закрытость текста (отсутствие вариантов: "текст значит то, что он значит, и ничего более").

Для узкого типа общения характерны: меньшая степень доступности (высокая цена, "пляшущая" периодичность, ограниченное распространение) и ориентация на подготовленного читателя (специальная терминология, ссылки на "герметичные" тексты, большая степень имплицитности, актуализация дополнительной информации через возможные логические выводы, инференциальная семантика).

Узкий демократический тип общения имеет свою нарративную специфику: авторская маркированность текстов, композиционное и

жанровое своеобразие, особые речевые стереотипы. Такие тексты в целом характеризуются открытостью, т. е. возможностью различных толкований, но в то же время требуют внимательного прочтения.

Узкий авторитарный тип общения сохраняет такие нарративные черты авторитарного текста, как назидательность и закрытость, однако имеет иное интертекстуальное содержательное поле. Он рассчитан на элитные группы функционеров массовых движений и организаций.

Впервые категория "*тип общения*" была использована в контент-аналитическом исследовании "Общественно-политические издания в речеповеденческом аспекте" и описана в сборнике "Методология исследований политического дискурса". Вып. 1.

Следующим шагом является выделение *единиц анализа*, которые представляют собой элементы содержания, служащие в тексте индикатором интересующих исследователя явлений. Общепринято рассматривать в качестве единиц анализа отдельное слово или предложение, в некоторых случаях – суждение. Мы оперируем более сложными единицами анализа. В рамках наших исследований единицей анализа является текст в его целостности.

Принципиально важно также определить *единицы счета*, которые представляют собой количественную меру взаимосвязи текстовых и внетекстовых явлений. Наиболее общепотребимой является частота появления изучаемого признака в тексте.

Составление списка, в котором каждой категории и ее переменным (позициям) присваиваются определенные порядковые числа, является следующей процедурой подготовительного этапа контент-аналитического исследования. Для современных исследователей характерен такой подход к тексту, при котором последний выступает в роли "опрашиваемого" по специально составленной анкете. Анкета же представляет собой упорядоченный список категорий анализа. Каждая из них является отдельным вопросом, а ее позиции – вариантами ответов на данный вопрос. При этом важно отметить, что составленный таким образом список категорий анализа предстает как кодификатор в контент-аналитическом исследовании. На базе последнего и создается таблица контент-анализа. В социологической литературе представлены различные варианты таблиц контент-анализа (см: *Социологический*, 1991, 77–78; *Социология*, 1998, 519). Таблица, о которой пойдет речь ниже, является авторской разработкой группы исследователей Белгосуниверситета (И. Ухванова, Н. Елсукова, Н. Курилович).

Таблица контент-анализа

Анализируемые материалы	Категории анализа									
	№	1	2	3	4	5	6	7	...	П
п/п	1	2							п/п
1										
2										
П/п										

По вертикали в таблице перечислены порядковые номера категорий анализа из одноименного списка, по горизонтали исследователь отмечает порядковый номер анализируемого материала. В каждую из образуемых таким образом клеточек заносится номер переменной из списка категорий анализа.

На подготовительном этапе исследователь составляет инструкцию для кодировщика (кодировщик – это тот человек, который выполняет работу по сбору эмпирической информации, фиксируя единицы анализа). Этот документ представляет собой систему правил и пояснений. В нем излагается алгоритм действий кодировщика, даются описания категорий, единиц анализа и счета, правила их кодирования, приводятся соответствующие примеры из текстов, оговариваются возможные затруднения и спорные моменты.

На этом этапе определяется выборка контент-аналитического исследования, т. е. та часть генеральной совокупности, которую изучает исследователь. Границы генеральной совокупности (массива документов, объединенных общим признаком) задаются исходя из целей исследования и периодичности издания. При формировании выборочной совокупности из трех возможных стратегий: сплошного, случайного и направленного отбора – используются только две первые. Последний тип отбора исключается, т. к. мы не знаем о распределении признаков в генеральной совокупности.

В контент-анализе применяется многоступенчатый отбор. На первой ступени отбираются источники, на второй – собственно тексты. Устанавливаются временные границы изучения, т. е. определяются даты анализируемых сообщений. Чаще всего контент-анализ рекомен-

дуются проводить на годичной выборке. Это обычно 200–600 текстов для того или иного источника информации.

Полевой этап. Полевой этап охватывает сбор первичной информации. В контент-аналитическом исследовании он заключается в том, что исследователь или кодировщики (если речь идет о коллективном исследовании) заполняют таблицу контент-анализа, идентифицируя элементы содержания с предложенными категориями анализа.

Добавим, что в процессе работы с текстами следует использовать апробированные способы контроля надежности методики контент-анализа. Так, один и тот же текст анализируется по единой инструкции разными кодировщиками. При расхождении между данными кодировщиков не более 5 % можно считать, что методика позволяет получать устойчивые результаты. Также практикуется параллельное кодирование одних и тех же текстов, их обсуждение и вынесение согласованного решения в случае несовпадения мнений кодировщиков.

Этап обработки информации. По окончании работы с текстами (т. е. после полевого этапа) вся таблица контент-анализа будет заполнена цифрами. В этом ее основное преимущество перед другими разновидностями таблиц, т. к. в таком виде она уже готова к компьютерному вводу для последующей обработки массива данных с помощью получившего широкое распространение универсального статистического пакета SPSS.

Перед непосредственным вводом данных в компьютер таблица контент-анализа проверяется на полноту и правильность заполнения. Современные статистические пакеты, в том числе SPSS, предусматривают проверку данных на допустимые значения и логическую совместимость, автоматическое исключение вопросов, не относящихся к материалу, что позволяет значительно снизить количество ошибок ввода. Проверка данных осуществляется одновременно с вводом или после его завершения. В первом случае ошибки исправляются сразу же, во втором – исправление ошибок выделяют в отдельный этап (так называемая “чистка данных”).

На этом этапе исследователь также составляет логическую программу обработки первичных данных. Это задание дается программисту (если исследователь сам не обрабатывает данные на компьютере или “вручную”). В логической программе исследователь определяет глубину и диапазон анализа первичных данных. Наиболее часто речь идет о расчете линейного распределения по всему массиву, вычисле-

нии индексов и специальных коэффициентов для анализа документов (например, коэффициента Яниса; коэффициента удельного веса категорий, предложенного Алексеевым), построении таблиц сопряженности (корреляции) и т. д. Этот этап является общим для всех видов контент-анализа, поэтому мы не будем останавливаться на нем подробно.

Заключительный этап. Содержание данного этапа составляют процедуры интерпретации и анализа обработанного массива информации, а также составление итоговых отчетных документов.

На этой финальной ступени актуализируются в полной мере результаты подготовительного этапа, ибо методологическим инструментом анализа является программа контент-аналитического исследования. Именно программа исследования определяет глубину и диапазон анализа, а также тип итогового документа (будет ли это информация, аналитическая записка или отчет).

Опора на каузально-генетическую модель необходима и на заключительном этапе контент-исследования. Массив данных может быть проанализирован с различных позиций: в аспекте сиюминутной значимости или сущностного проявления, в аспекте значения результатов или их значимости, в аспекте самозначимости предмета анализа или его места в социальном взаимодействии. Важным проявлением анализа содержания может быть прочтение массива данных в аспекте "старое-новое", как то: старые темы и их новая "одежда", т. е. новое знаковое воплощение, либо, наоборот, новые темы и старая форма изложения. Это особенно значимо при проведении контент-анализа политического дискурса в переходный период (*Oukhvanova, 1996, 276*).

Описанные этапы образуют общую модель исследовательского процесса, которая позволяет уловить логику концептуального поиска и определяет наиболее значимые проблемные узлы контент-анализа на рубеже XXI века.

7.2. ИНТЕГРАТИВНАЯ МОДЕЛЬ КОНТЕНТ-ИССЛЕДОВАНИЙ

Количественный анализ текстов, так же как и качественный, претендует на научную состоятельность и надежность результатов. В том и другом случае исследование можно воспроизвести (повторить), его результаты допускают "аудит", т. е. проверку согласно правилам избранной или альтернативной процедуры. Оба подхода имеют дело с закономерностями (текстовыми регулярностями) и используются для

анализа продуктов культуры (т. е. артефактов), а не чего-то единичного, неповторимого (того, что мы относим к предметам искусства). Любая из этих процедур исключает возможность анализа текстов с позиций их моральной или эстетической ценности. Наконец, эти методы в принципе инструментальны, т. е. носят характер технологий с той лишь разницей, что опираются на различные базовые (теоретические) послышки. Так или иначе все они используются для того, чтобы ответить на вопросы: какова связь между содержанием, автором, социальным контекстом и получателем текста?

Это указывает на возможность совмещения качественного и количественного подходов. В частности, такой "симбиоз" оказался продуктивным при изучении текстов телевизионных новостей (*Collins, 1999, Glasgow Media Group, 1992, 65-80*); доминирующих форм (жанров) телевизионных передач (анализ культурных индикаторов Гербнера (*Gerbner, 1973, 557-573*), функций политической коммуникации (*Graber, 1976, 285-303*) и ряда других). Мы не можем, однако, избежать дискуссии о том, где находятся границы традиционного контент-анализа. Отмечается, например, что обычная практика подготовки системы категорий (даже с учетом ее полевой проверки) содержит в себе опасность субъективизма: исследователь, скорее, навязывает свою систему значений, чем берет ее из реального содержания текста. Селекция материала потенциально разрушает, а не реконструирует текст.

Контент-анализ на выходе как бы несет с собой новый текст, значение которого может и будет расходиться с оригинальным (исходным) материалом. Ограниченность произведенного контент-анализом содержания вызвана также тем, что это (в любом случае) искусственное "чтение", которого нет и не может быть в естественных ситуациях общения. Новое (генерированное анализом) значение не может быть соотнесено ни со значением автора, ни со значением аудитории, ни со значением самого текста в его целостности, а есть некий четвертый вариант. Отчет, предоставляемый контент-анализом, не реконструирует также и контекст. Внутренние отношения между референтами текстового содержания также могут быть потеряны из-за категориальности (абстрактности) подхода. Вопросы реальной сложности операционализации (однозначности) тематической направленности текстов, их знаково-контекстной определенности, стиля и интерпретативных ра-

мок также дополняют список проблем, ограничивающих возможности использования контент-анализа.

Смешение двух исследовательских парадигм (традиций) порождает новую традицию – традицию комплексных, многоцелевых, многоуровневых функциональных и полифункциональных исследований.

Разработка методологических и теоретических вопросов, связанных с построением интегративной парадигмы, требует введения новых понятий – *тема-центричного* и *проблема-центричного* типов контент-анализа, а также особого внимания к тому, что стоит за каждым из типов.

Контент-исследование всегда концентрирует свое внимание либо на определенной исследовательской теме, либо проблеме. Понятия "тема" и "проблема" не рассматриваются в аспекте широты-узости. Они оба достаточно широки и пересекаются друг с другом лишь на относительно небольшом участке, а именно на этапе вербализации, формулирования. Но если *проблема* уходит далее в область реконструирования, моделирования реальности, а затем поиска подтверждения этих искусственно построенных моделей в текстах, то *тема* – в область реконструкции, определения специфики самой реальности как таковой. Иначе говоря, проблема – это, скорее, гипотетическая, виртуальная реальность, которая вычленяется из социального контекста и приписывается тексту, а тема – это сама реальность в текстовой репрезентации. Первый подход сродни так называемому классу или типу парадигматических, или *системных*, исследований, в то время как второй – классу *функциональных* и *полифункциональных* исследований, где репрезентация изучается как одно из проявлений текстовой деятельности (понятно, что этим оно не исчерпывается).

Итак, одно из назначений тема-центричного контент-исследования – изучение специфики репрезентации реальности в текстах как документах, свидетельствующих о коммуникантах и их деятельности в аспектах национальной, этнической, расовой, гендерной, возрастной, социальной, профессиональной или/и любой другой актуализируемой (репродуцируемой) сферы.

Изучение специфики репрезентации реальности в периодических изданиях разных направлений сохраняет свою безусловную актуальность, ибо помогает изучению того, что представляет собой данный отрезок реальности как "в поле оценок" (выявление тенденции подачи явления в его идеологической окраске),

так и "в безоценочном пространстве", когда сама реальность во всем ее многообразии извлекается из ее многозначных трактовок. С другой стороны, такое изучение помогает увидеть направленность мнений и отношений, формирующих поведенческое поле субъектов коммуникации.

Изучение плана содержания текста СМИ с позиции их участия в современном коммуникативном процессе предполагает учет таких его функций, как отражение (когнитивная), конституирование реальности (организационная), формирование поведенческой заданности субъектов коммуникации, поиск исторической перспективы и ретроспективы (открытости и опоры на опыт поколений), осмысление социального и индивидуального опыта, вербализация (виртуализация), систематизация (закрытость). Иначе говоря, план содержания текста для нас – это не "одноклеточная" структура, а ряд параллельных структур в их функциональном взаимодействии, одновременность действия и поведения, наличие реальности и виртуальности.

Сложность структуры и противоречивость функциональной реализации данного явления, его одновременная открытость и закрытость, принадлежность к полю действия и к полю поведения, полю реальности и полю виртуальности требуют, в свою очередь, и усложнения метода его изучения.

Наш подход, учитывая неизбежное многообразие изучаемого объекта, способствует тому, что получаемые данные изначально не будут "мертворожденными", т. е. интересными только в ретроспективном плане, а открыты для новых интерпретаций. Иначе говоря, речь идет о том, что результаты контент-анализа становятся базой данных, от которой исследователь отталкивается в дальнейших исследованиях, что принципиально невозможно, если данные не отражают всей полноты содержания.

Любое явление представляет собой не только частный случай более общего отношения или тенденции, но оно ситуативно (то, что может быть для нас case study). Факт не существует вне отведенной ему функции. Так, если издание (газета), автор отводят ему эту функцию, то факт подстать этой газете (автору), т. е. "равен" ей, а не самому себе. Газета видит то, что видит. Газета делает из него то, что ей надо. Вопрос в том – что именно видит в данном конкретном факте газета, что именно ей надо. А также в том, какие газеты читаем мы, что надо нам, что становится ново для нас в

том или ином событии. И последнее, но не менее важное, – что передается, коммуницируется, независимо от того, кто и кому это передает, ибо "кто" может быть совсем не тем, за кого он себя выдает, а "кому" – совсем не той аудиторией, к которой обращался данный "кто".

Это значит, что текст так же значим для исследователя, как и сама реальность: он неоднозначен и требует интерпретации. Такой подход несколько отличается от традиционного отношения к тексту как к социальному документу, которое мы наблюдаем среди социологов-позитивистов. Текст для них – факт, равнозначный изучаемой реальности, а структура текста всецело подчинена структуре социума. Отсюда вытекает возможность нового подхода к выбору категорий анализа.

Такие категории могут быть сформулированы достаточно абстрактно, получая свое развитие в каждом конкретном тексте. Остановимся на "оценке", "позиции" и "актуальности". Предлагаем новую трактовку этих категорий, а именно: их прочтение в динамике взаимодействия субъект-объектных и субъект-субъектных характеристик (маркеры первых двух категорий при этом принципиально не меняются).

Оценка включает в себя, как минимум, две позиции: (1) *субъект-объектную* – с учетом того, как событие структурируется и оценивается автором (здесь важно то, что события не просто названы, а "проработаны", объяснены), и (2) *субъект-субъектную* – проявляется в тех материалах, где автор "обрабатывает" не событие, а читателей. Возможен также и третий замер. Это случаи, когда есть и то и другое (предмет разговора очень важен для автора, и он стремится задействовать все возможные пути воздействия на аудиторию: максимально развернуть предмет обсуждения и "втянуть" читателя в дискуссию). Здесь важна и иерархическая организация материала – какие имена привлекаются: те, кто знает предмет разговора (профессионалы), или те, кто пользуется доверием общества (кинодеятели, актеры, писатели, моральные авторитеты). Усложнение категории оценки позволяет выявлять особую значимость, "эксклюзивность" тем, событий, фактов и актуализацию различных сторон репрезентации события (функцию отражения и воздействия).

Позиция. Здесь мы можем выделить такие аспекты, как (1) собственная (позиция журналиста), (2) "заемная" (позиция журналиста через апеллирование к позициям других авторов, авторитетов или чи-

тателя) и (3) единство позиций: журналист идентифицирует себя с читателем (единый кортеж). Усложнение данной категории особенно интересно для исследований, посвященных темам, дискутируемым общественностью. Применение данной категории вводит элемент дискурс-анализа в контент-аналитические исследования.

Актуальность темы. Определяется с помощью следующих маркеров: (1) сиюминутная актуальность (заданная дейктичность текста: здесь, сейчас); (2) придание теме исторического статуса; (3) смешанный тип. С помощью данной категории фиксируется статус темы (события): то ли это "однодневка", то ли крупное и закономерное явление, то ли нечто, что не имеет пока своего статуса.

Важным фактором категориального обеспечения контент-исследования является сведение категорий анализа в *индексы*. Возможно выделение различных групп или классов индексов. Согласно каузально-генетической теории содержания текста, которая и определяет программу контент-исследования с учетом интегративного подхода, это могут быть субъект-объектные и субъект-субъектные характеристики, смысловые и сущностные, а также содержательные характеристики, ориентированные на значение и значимость текста. В данном случае мы берем за основу классификацию, построенную на дихотомии субъект-объектные – субъект-субъектные отношения, полагая, что она является наиболее перспективной для тема-центричных контент-исследований.

I. Индексы субъект-объектных характеристик содержания материалов: география интересов, тематический диапазон, структурированность, информативность, типологическая принадлежность.

II. Индексы субъект-субъектных характеристик содержания материалов: монологичность – диалогичность, открытость – закрытость, популярность – качественность информативность – аналитичность, информативность – дидактичность, собранность – дистанцируемость субъектов коммуникации.

Индекс "*география интересов*" фокусирует внимание не на месте события, а на том, *интересы* каких регионов, страны и мира затрагиваются в статье. В некоторых случаях эта информация домысливается, ибо не всегда география интересов указывается в статье непосредственно. Для нас важно, кто инициатор обсуждаемой темы или события, на каком уровне ведется обсуждение (одно дело, когда разговор ведет национальный лидер и совсем другое – местный функцио-

нер).

Индекс *"тематический диапазон"* указывает, в какой сфере сосредоточены *интересы*, отраженные в материале, как они поданы (избыточность/ограниченность). Маркируется степень (ранг) интересов.

Индекс *"структурированность"* является показателем зрелости издания (констатирует обретение изданием своего лица).

Индекс *"информативность"* складывается из прочтения во взаимодействии ряда индексов, таких, как: география интересов, тематический диапазон, структурированность.

Индекс *"типологическая принадлежность"* определяется как суммарная характеристика издания с учетом всех результатов индексирования.

Индекс *"монологичность – диалогичность"* состоит из таких категорий, как жанр, язык, позиция статьи.

Индекс *"открытость – закрытость"* определяется через такие категории, как авторская маркированность, форма аргументации, жанр.

Индекс *"популярность – качественность"* выводится из замера таких категорий, как форма аргументации, жанровая палитра, позиция.

Индекс *"информативность – аналитичность"* определяет взаимодействие и соединение жанров и форм аргументации.

Индекс *"информативность – дидактичность"* характеризует степень дистанцирования участников общения. Здесь активная роль принадлежит таким категориям, как жанр и модальность, при решающей роли последней.

Индекс *"соборность – дистанцированность субъектов коммуникации"* конструируется посредством таких категорий, как позиция, оценка субъект-субъектных отношений, жанр, терминология.

Появление индексов не случайно, ибо для нас важна внутренняя динамика исследования. Каждая из категорий имеет свои маркеры, т. е. свою логику построения, которая может пересекаться с другими категориями, образуя более общие понятия – индексы. При необходимости на этапе обработки данных мы всегда можем перейти от категории к индексу и обратно. Индексы позволяют получить суммарный портрет (образ) как события/темы, так и типологии издания (речевого поведения).

7. 3. ИНТЕГРАЦИЯ РОССИИ И БЕЛАРУСИ В ЗЕРКАЛЕ ПРЕССЫ

Взаимоотношения между Россией и Беларусью, интеграционные процессы и новые перспективы межгосударственного сотрудничества – эта проблематика находится в центре внимания российских и белорусских СМИ. Анализу репрезентации этой проблематики в белорусских и российских печатных изданиях разной ориентации было посвящено наше исследование. Материалом для изучения стали публикации девяти периодических изданий – "Звезда" (**Зв**), "Народная воля" (**НВ**), "Народная газета" (**НГ**), "Советская Белоруссия" (**СБ**), "Знамя юности" (**ЗЮ**), "Известия" (**Из**), "Независимая газета" (**НезГ**), "Аргументы и факты" (**АиФ**) и "Комсомольская правда" (**КП**) – четыре белорусских и пять российских газет. Данные газеты представляют собой как популярный тип изданий (**НВ, НГ, АиФ, КП**), так и издания смешанного (**СБ, ЗЮ**) и качественного типа (**Зв, НезГ и Из**).

Для изучения были взяты публикации, посвященные теме российско-белорусской интеграции, которые появились в перечисленных газетах в период с 30 марта по 5 апреля 1998 г. Всего таких материалов за данный период оказалось 24.

Целью исследования стало изучение специфики репрезентации интеграционных процессов между Россией и Беларусью в периодических изданиях разной политической и гражданской ориентации во всей ее полноте и противоречивости, включая деятельностный и поведенческий, реальный и виртуальный аспекты. Базу данных составили сведения:

- в каких событиях, ситуациях, проблемах, лицах была представлена интеграция России и Беларуси за этот период, взаимоотношения между Россией и Беларусью;
- какое развитие (степень глубины) они получили;
- в каких оценках (с учетом их интенсивности и ранжированности) были представлены;
- в каких знаках (парадигматическая и синтагматическая номинация) они предстали, какую роль знаковая номинация сыграла в их подаче;
- в каких коммуникативных моделях были представлены эти материалы (жанрах и формах) и насколько жанр и формат определяли: тему/ы материалов, их значимость, глубину/поверхностность;

- в каких кортежах они предстали, и кто в них доминировал – адресант или адресат, каким себя подавал адресант и каким в тексте просматривался адресат;
- как ранжировались эти кортежи по степени значимости;
- какое развитие эти кортежи претерпели.

Данное исследование текстов газетных изданий методом контент-анализа основано на признании того факта, что содержание любого текста двупланово и всегда имеет свою оборотную сторону: (1) раскрывая событие, газета раскрывает себя, свои цели, задачи, приоритеты, ценности, свое отношение к жизни, а также раскрывает то, кто ее читатель, каково ее отношение к своему читателю, на что она претендует; (2) раскрывая себя, свое отношение к миру, созидая своего читателя, газетное издание рассказывает нам о событиях.

Цель контент-анализа текста как социального документа, таким образом, значительно расширяется, ибо мы можем использовать данный источник не только для познания реалий социального бытия, отраженных в тексте, но и для познания этого события как события данной газеты, издания, а также для изучения специфики социального взаимодействия на уровне массовой коммуникации. Исходя из того, что каждое газетное издание конструирует вместе со своим читателем свою реальность, а вместе со своей реальностью своего читателя, мы, хотя и усложнили задачи исследования, однако вышли на уровень исследования динамического, а не статического содержания текста.

Сформулировав задачи и цели исследования, мы оказались перед необходимостью расширить основные категории анализа, чтобы они непосредственно отвечали характеру содержательной двусторонности анализируемых текстов – их обращенности как в сторону тематической, так и коммуникативной (типологической) заданности (подробное описание основных категорий исследования дано в предыдущих разделах).

Другой характерной особенностью исследования является то, что оно носит сопоставительный характер, причем также в двойной проекции. С одной стороны, это мониторинговое исследование, оно продолжает замер тех категорий, которые были сделаны ранее и получили свое отражение в материалах первого выпуска сборника "Методология исследования политического дискурса" (разд. 6.2 и 6.3). С другой стороны, данный контент-анализ смыкается с исследованием социальных процессов методом анкетного опроса. Тексты для нас – это самостоя-

тельные субъекты коммуникации, которые и подвергаются опросу. В качестве инструментария разработана анкета, с помощью которой этот текст "опрашивается". Анкета состоит из двух частей – основной и так называемой "паспортички". В последнюю входят не только название издания и дата выхода номера, но и тип, вид, а также другие значимые и соответственно индексированные нами ранее характеристики газет.

Таким образом, данное исследование текстов ряда газет Беларуси и России методом контент-анализа включает в себя сбор базы данных, которая затем анализируется с учетом возможных трансформаций целей и задач исследования.

В нашем исследовании таблица контент-анализа может быть развернута в **анкету**, которую можно представить следующим образом:

1. На каком уровне подается проблема интеграции в материале?

- а) на национальном уровне;
- б) на уровне столиц;
- в) на уровне регионов;
- г) в рамках СНГ;
- д) в рамках мирового сообщества.

2. О какой сфере интересов субъектов интеграции идет речь в материале?

- а) политической;
- б) социально-экономической;
- в) социально-культурной;
- г) экономической.

3. Как оценивается интеграция автором материала?

- а) положительно;
- б) отрицательно;
- в) взвешенно;
- г) нейтрально.

4. Как, по мнению автора, читатель оценивает интеграцию России и Беларуси?

- а) положительно;
- б) отрицательно;
- в) взвешенно;
- г) нейтрально.

5. Как в материале характеризуется актуальность интеграции?

- а) как сиюминутная;
- б) историческая;

- в) работающая на перспективу;
 - г) смешанный тип.
6. *Какие формы аргументации встречаются в материале?*
- а) фактологическая;
 - б) эмоциональная;
 - в) смешанная.
7. *С какой/ каких позиций автор освещает интегративные процессы?*
- а) общегражданской;
 - б) национальной;
 - в) профессиональной;
 - г) смешанный тип.
8. *Какую позицию приписывает автор читателю?*
- а) общегражданскую;
 - б) национальную;
 - в) профессиональную;
 - г) смешанный тип.
9. *Рассматривает ли автор читателя как единомышленника, демонстрируя свою позицию к интегративным процессам в качестве (отметьте те случаи, в которых такое рассмотрение присутствует)*
- а) общегражданская;
 - б) национальная;
 - в) профессиональная;
 - г) смешанный тип.
10. *В какой модальности подается интеграция?*
- а) необходимо;
 - б) возможно;
 - в) желательно;
 - г) нейтрально.
11. *На каком языке написан материал?*
- а) на русском;
 - б) на белорусском.
12. *Присутствуют ли в материале расхожие фразы, штампы и стереотипы?*
- а) да;
 - б) нет.
13. *В каком жанре написан материал?*
- а) информация;
 - б) информационно-аналитический материал;

- в) информация-полемика;
- г) аналитика;
- д) интервью;
- е) фотофакт;
- ё) законодательные акты;
- ж) письма читателей;
- з) письма с редакционным комментарием;
- и) мнения политиков;
- к) полемические статьи;
- л) цитата;
- м) страницы истории.

14. Кто является автором материала?

- а) журналист
- б) редакция, агентства новостей;
- в) читатели;
- г) политики;
- д) эксперт (ученый-аналитик, профессионал).

"П а с п о р т и ч к а"

15. Название издания:

- а) Звезда;
- б) Народная воля;
- в) Народная газета;
- г) Советская Белоруссия;
- д) Знамя юности;
- е) Известия;
- ё) Независимая газета.

16. Дата выхода материала

17. Тип издания:

- а) качественное издание;
- б) популярное издание;
- в) смешанный тип.

Результаты исследования показали следующее.

Из 24 публикаций в **НГ** и **Зв** было больше всего материалов (37,5 % и 29,2 %). Далее следуют **СБ** – 12,5 %, **Из** – 8,3 %. В **НВ**, **ЗЮ** и **НезГ** материалов было минимальное количество – по 4,2 %, а в **КП** и **АиФ** их не было вовсе.

В языковом плане материалы в белорусских газетах распределились так: 62,5 % на русском и 37,5 % на белорусском языках.

Наибольшее число материалов, посвященных российско-белорусской интеграции, было опубликовано 2 апреля. Они составили 70,8% всех материалов за анализируемую неделю, из чего можно сделать вывод, что эта тема рутинная, пишут о ней только по okazji, в связи с "красной" датой календаря, в данном случае 2 апреля – День Союза России и Беларуси.

Оценка. Несмотря на то что анализу были подвергнуты материалы в периодических изданиях разной политической и гражданской направленности, отрицательная оценка события отсутствует во всех перечисленных газетах. Почти в половине случаев интегративные процессы между Россией и Беларусью оцениваются авторами материалов позитивно (45,8 %), в четверти материалов (25 %) – оценка не дается вовсе, взвешенная оценка анализируемой темы характерна для 29,2 % текстов. Отсюда можно сделать вывод – эта тема многоаспектная, неоднозначная.

Выше речь шла о субъект-объектном характере оценки. Однако и при субъект-субъектном характере оценки, когда раскрывается не само событие, а отношение к нему, отрицательная позиция характерна лишь для 8,3 % исследованных материалов, а 50 % материалов опять-таки содержат позитивную оценку. В то же время надо отметить, что в 41,7 % материалов субъект-субъектная оценка интеграции России и Беларуси вообще не дается. Это связано, очевидно, с тем, что тема интеграции рассматривается не в национальном или социально-политическом аспекте, а в основном с точки зрения экономической выгоды.

Модальность. Характер анализируемых материалов поражает своей однозначностью: почти на 80 % (79,2 %) модальность определена в терминах "необходимо", в то время как в терминах "нейтрально" – лишь 4,2 %, а "возможно" – 16,7 %.

Почти в половине (41,7 %) исследованных текстов присутствуют те или иные общезначимые штампы и стереотипы.

Аргументация. Для 70,8 % материалов характерна смешанная форма аргументации, для 29,2 % – фактологическая. Эмоциональная форма аргументации в чистом виде отсутствует вовсе.

На первом месте среди **авторов текстов** – журналисты (37,5 %), на втором – политики (29,2 %), третье место заняли читатели (20,8 %). Материалы редакций и агентств новостей составили 8,3 %, а так называемая "экспертная информация" – только 4,2 %. Информация соста-

вила только 15,4 %, почти столько же информационно-аналитические материалы – 11,5 %, а собственно аналитика – 3,8 %. Столько же (3,8 %) занимают фотофакт и законодательные акты. Отсюда напрашивается вывод – тема профессионально-ориентированная.

Однозначно определить **позицию** субъекта мнения в исследованных материалах было достаточно сложно. Для 42,9 % материалов характерен смешанный тип (с различной дозировкой тех или иных мотивов), для 28,6 % – профессиональная позиция, а 19 % – общегражданская и 9,5 % – национальная. Отсюда подтверждение предыдущего вывода – тема профессиональна. Но при этом она и абстрактна, а также не раскрывает кортеж на индивидуальном уровне.

Актуальность дискурса интеграции также сложно было определить однозначно. Анализ показал, что для 56 % материалов характерен смешанный тип актуальности, для 36 % – "на перспективу", а на "сиюминутную" и "историческую" актуальность пришлось всего лишь по 4 % текстов. Контент-анализ демонстрирует, что на данный момент интеграционные процессы между Россией и Беларусью служат прежде всего экономическим интересам двух стран. Об этом свидетельствует "замер" текстов по категории "**сфера интересов**" – в 66,7 % материалов доминировала именно экономическая сфера, тогда как политическая и социокультурная составили соответственно – 18,8 % и 14,6 %. При этом в 53 % текстов обсуждались интеграционные процессы на национальном уровне.

Замер текстов по категории "**география интересов**" показал, что рассматриваемая нами тема не имеет в вышеназванных изданиях никакого отношения к мировому сообществу, то есть они никоим образом не связывают интеграцию России и Беларуси с международными интеграционными процессами. К тому же эта тема, в принципе, не рассматривается этими газетами и на уровне СНГ (исключением стали только официальные газеты Беларуси: **СБ** – 25 % и **НГ** – 16,7%). Для качественных изданий России и Беларуси интеграция – это вопрос, касающийся нации в целом (100% материалов в **НезГ** и 75 % в **Зв**). К этому блоку примкнула и белорусская негосударственная газета популярного типа – **НВ** (100 % таких материалов).

Таким образом, согласно результатам линейного распределения, СМИ демонстрируют, что именно "экономический знаменатель" служит и обоснованием и фундаментом интеграции России и Беларуси.

Нам кажется важным рассмотреть взаимосвязи ряда категорий, то

есть выявить корреляционные зависимости.

1. Форма аргументации и география интересов. В целом преобладает смешанная форма аргументации в материалах, рассматривающих интеграцию во всех географических регионах (2/3 материалов). Однако если анализировать оставшуюся треть (а именно она представлена фактологической аргументацией), то мы увидим, что материалы о столице в той или иной степени эмоционально окрашены, т. е. беспристрастных материалов не было вообще. Большинство же "сухих" материалов (факт и только факт) рассматривают интеграцию на национальном уровне. И в белорусских и в российских изданиях доминирует смешанная форма аргументации на всех уровнях (регионы, столица, СНГ): 71,4 % – в белорусских СМИ, 66,7 % – в российских. Оставшиеся материалы имеют фактологическую аргументацию: при этом интеграция в этих материалах рассматривается в российских газетах исключительно на национальном уровне. В белорусских изданиях диапазон рассмотрения проблемы более широк – он охватывает все уровни, кроме уровня столиц.

2. Позиция автора и география интересов. Результаты соотношения позиций автора с географическими интересами показывают, что самоидентификация белорусов никоим образом не выходит за рамки границ Беларуси, т. е. интегративные процессы в рамках СНГ полностью обезличены и касаются только профессиональной сферы (100 %). СМИ "в упор не видят" национальные и гражданские интересы на уровне столиц и регионов, эти интересы есть только на уровне Беларуси. В белорусских изданиях позиция автора материала более конкретна, детализирована, четко определена, в то время как в российских СМИ присутствует только смешанный тип.

3. Позиция статьи (к другому) и география интересов. Апеллируя к аудитории, а также учитывая место проживания читателей, авторы всех белорусских изданий остаются на гражданской позиции, освещая интеграцию на всех уровнях республики (регионы, столица, РБ в целом – по 100 %), но не выходят за ее границы (на уровень СНГ и мирового сообщества). Что же касается национальной самоидентификации, то аудитории отказано в этом на уровне столиц и регионов (таких материалов не было). Однако этот маркер присутствует на уровне страны, СНГ и в рамках мирового сообщества. При этом на всех уровнях, кроме СНГ, также представлены профессиональная позиция (4,8 %) и смешанный тип позиции (14,3 %).

Российские же СМИ, обращаясь к аудитории, рассматривают интеграцию только с позиций национальной самоидентификации в масштабе всей страны (100 % материалов).

4. Единство позиций и география интересов. В тех случаях, когда авторы статей подчеркивают свое единство с аудиторией, подтверждая значимость национальной позиции для материалов по интеграции, касающихся Республики Беларусь в целом (100 %), автор сохраняет верность и столице (25 % материалов о столице национально значимы в кортеже "автор-читатель"). Любопытно то, что неожиданно в том же кортеже "автор-читатель" гражданская позиция резко смещается в сторону регионов и СНГ: автор, объединяясь с читателем, как бы стремится видеть себя гражданином более крупного государства.

В российских масс-медиа мы наблюдаем следующую ситуацию: авторы материалов апеллируют прежде всего к гражданской позиции читателей из регионов и отражают смешанный тип позиции в национальном масштабе. Белорусские журналисты идентифицируют себя с читателями как с общегражданских, так и с национальных позиций, не забывая о смешанном типе позиции в масштабе страны. При этом общегражданская позиция смещена исключительно в сторону СНГ (100 % материалов) и совсем не затрагивает регионы в противовес российским изданиям.

5. Сфера интересов и география интересов. Бесспорными лидерами стали социально-экономическая и экономическая сферы интересов на всех уровнях отношений между Россией и Беларусью. Впрочем, надо отметить, что социально-экономическая сфера интересов характерна только для белорусских газет (81 % материалов). При этом белорусские газеты освещают социально-экономические аспекты интеграции на всех уровнях. В российских же СМИ доминирующей является экономическая сфера интересов. Она присутствовала во всех материалах, в том числе на национальном уровне – 66,7 % и на уровне регионов – 33,3 %. Параллельно с ней в этих же материалах была и другая проблематика – политическая и социально-культурная (по 30 %). При этом если в российских изданиях политические аспекты интеграции России и Беларуси рассматриваются только на национальном уровне (100 % материалов), то в белорусских изданиях политическая проблематика рассматривается на всех уровнях (национальном, региональном, столичном) кроме уровня СНГ. Причем на уровне столиц

в большинстве случаев (60 %) это были материалы, освещающие исключительно политический аспект интеграции.

Таким образом, в то время как российские СМИ "видят" интеграцию в целом как экономический союз, белорусские СМИ постоянно подчеркивают социально-экономические аспекты взаимоотношений Беларуси и России на пути к объединению.

6. Жанр и сфера интересов. Экономическая сфера интересов равно представлена в четырех жанрах: информация, информационно-аналитический материал, интервью и мнения политиков (по 20 %). В то время как материалы с социально-экономической сферой интересов поданы как интервью (35 %), мнения политиков (29 %) и информационно-аналитические материалы (12 %). Политический аспект интеграции также преимущественно представлен в жанре интервью (33 %), мнений политиков (22 %) и информации (22 %). Характерно, что весьма редко встречаются аналитические материалы как таковые (аналитики не было в материалах, освещающих политический и социально-культурный аспекты интеграции, и всего лишь по 6% при освещении социально-экономических и экономических проблем). Социально-культурная сфера представлена главным образом мнением политиков и цитатой (по 43 %). Следует отметить также малое количество фотоиллюстраций и законодательных актов.

7. Модальность и сфера интересов. Маркированная модальность была характерна для всех материалов, в то время как политический аспект интеграции подавался в нейтральной модальности. В маркированном варианте "необходимо" в 7–8 раз превышает "возможно" по всем тематическим блокам в равной степени. Вместе с тем "возможно" сохраняет свою относительную актуальность в материалах социально-экономической и экономической проблематики, превышая в два раза встречаемость этого вида модальности в материалах политической и социально-культурной проблематики. Модальность "необходимо" в материалах по социально-экономической и экономической проблематике встречается также более чем в два раза чаще модальности "необходимо" в материалах по политической и социально-культурной проблематике.

В российских СМИ экономическая проблематика подается достаточно разнообразно. В равной степени в ней присутствует вся маркированная модальность – "необходимо", "возможно", "желательно". Что касается двух других сфер, то политическая проблематика подана ис-

ключительно в модальности "необходимо", а социально-культурная – в модальности "возможно". В белорусских же СМИ политическая сфера интересов подается нейтрально.

8. Жанр и актуальность дискурса интеграции. Актуальность передается таким жанром, как цитата. Любопытно, что даже фотофакт ориентирован "на перспективу", а не "на момент". Требуется своего переосмысления факт подачи ретроспективы в жанре информации, что, впрочем, неудивительно, учитывая закрытость информации на разных этапах жизни нашего общества. В материалах "на перспективу" преобладают такие жанры, как интервью и информационно-аналитический материал (удельный вес каждого – 1/3), а также цитата (чуть более 1/5). Смешанный тип актуальности дискурса интеграции представлен в большей степени мнением политиков (29 %), а также цитатой, интервью и информацией (по 21,4 %).

9. Штампы и актуальность дискурса интеграции. Штампы появляются лишь тогда, когда материал "размыт" (нет конкретной привязки ко времени, а лишь "где-то маячит" абстрактная перспектива). Так, полное отсутствие штампов характерно для тех материалов, которые точно ориентированы на данный отрезок времени, либо когда есть необходимость осмыслить или переосмыслить прошлое.

Для российских СМИ характерно полное отсутствие штампов. В белорусских изданиях они присутствуют в 47,6 % материалов, в которых интеграция рассматривается либо как "дело будущего", значение которого можно оценить лишь "на перспективу", либо для ее аргументации (описания) используется смешанный тип актуальности.

В белорусских изданиях союз России и Беларуси представлен в таких штампах, которые акцентируют внимание на исторической связи процессов, происходящих в настоящем и направленных в будущее, как-то: "выбор народов России и Беларуси", интеграционные процессы "должны наилучшим образом отражать волю и чаяния двух братских народов" (Знамя юности. 01.04.98). Можно отметить, что такие выражения, как "воля братских народов", "братские страны", "братские российские и белорусские народы", союз как "естественное завершение стремления к восстановлению нарушенной исторической логики", "единая дружная семья", "тысячелетняя история славянской нации", "память народов бывшего СССР об общем славном прошлом", являются своеобразной визиткой государственных белорусских изданий, которые в большинстве случаев занимаются цитированием тех или

иных должностных лиц: А. Лукашенко, президент РБ, С. Линг, премьер-министр РБ, В. Долголев, заместитель Председателя Исполнительного комитета Союза Беларуси и России; В. Величко, министр РБ по делам СНГ (см: Звезда. 02.04.98, Советская Белоруссия. 02.04.98, Народная газета. 03.04.98.).

10. Жанр и дата выхода материала. Анализ поэтапной подачи материала показал, что с 30 марта по 2 апреля (т. е. накануне подписания договора) тема интеграции была представлена в изданиях исключительно в жанре интервью (100 %). Данный жанр сохранил свою значимость и далее на втором этапе (день празднования юбилея), удерживая равную позицию с таким жанром, как цитата (по 29,4 %). На остальные жанры – информация, мнение политиков и информационно-аналитические материалы – приходилось по 12 %. Фотофакт на втором этапе отсутствовал. На последнем этапе (постпраздничном) лидером становится мнение политиков (50 %) и информация (33,3 %). Полностью отсутствуют на последнем этапе аналитика, интервью, цитаты и законодательные акты.

Краткие выводы. Контент-аналитическое исследование материалов белорусских и российских печатных изданий показало, что печатные СМИ обеих стран репрезентируют интеграцию России и Беларуси как союз прежде всего экономический. Впрочем, необходимо некоторое уточнение. Так, если в российских газетах интеграция двух государств – это экономический альянс, то в белорусских СМИ акцент делается на социальной характеристике экономического "знаменателя" этого союза. Именно социально-экономическая сфера интересов представлена в подавляющем большинстве материалов белорусских масс-медиа (81 % материалов). Это значит, что, в то время как российские газеты дают некий безличностный и калькулируемый образ интеграции (т. е. говорят о последней как о выгодной для России сделке), белорусские газеты репрезентируют более личностную, можно сказать, более эмоционально окрашенную модель интеграции, постоянно подчеркивая то обстоятельство, что союз России и Беларуси служит интересам простых граждан двух "братских народов", отражает их надежды и чаяния, восстанавливает нарушенную каким-то злым роком историческую логику "славянского единства". Однако, когда речь идет об этой логике, интеграция выступает не как наше "сегодня" или наше "вчера", а как некая перспектива. Это показал замер материалов по впервые введенной в данный контент-анализ категории – "актуаль-

ность". Эта категория наиболее интересна в соотнесении с другой новой категорией – "терминология". Именно соотнесение обнаруживает противоречие между тем, о чем пишут газеты, и тем, как они пишут об этом (что характерно, в частности, для белорусских печатных изданий). Белорусские материалы изобилуют такими штампами, как: "тысячелетняя история славянской нации", "восстановление нарушенной исторической логики", "память народов бывшего СССР об общем славном прошлом". Однако эта риторика (в большинстве случаев поданная в цитатах) не затрагивает ни прошлого, ни нынешних отношений между двумя народами, а апеллирует исключительно к будущему.

Для белорусских масс-медиа характерно цитирование должностных лиц, отражение их мнения в интервью (максимально популярный жанр в белорусских газетах для освещения темы "интеграция"), что также "работает" на личностную репрезентацию союза двух стран. Российские же масс-медиа скупы на эмоции, их материалы носят прагматический характер, что подтверждается жанром (100 % материалов – это информация). Важно отметить отсутствие отрицательной субъект-объектной оценки интеграции в подавляющем большинстве проанализированных газет. Все материалы либо позитивно оценивают явление, либо дают ему другую оценку. С учетом того, что в 2/3 материалов доминирует экономический и социально-экономический аспект, можно сделать вывод, что оценка касается именно этой стороны интеграции.

Позиция газет (адресанта) в отношении интеграции в основном однозначна. Так, для **СБ** во всех случаях эта тема трактуется с профессиональных позиций (профессионализм адресанта, максимальное число интервью со специалистами – 57 %, привлечение мнения политиков – 14,3 %). А для **НВ**, **ЗЮ**, **Из** – 100 % материалов рассматривают интеграцию с привлечением всех трех аспектов (общегражданского, национального и профессионального). Впрочем, эти два типа (профессиональный и смешанный) составляют большинство материалов еще в двух газетах – **Зв** (75 %) и **НГ** (50 %). И только **НезГ** никак не обнаруживает своей позиции по отношению к интеграции.

Выше речь шла о гносеологическом (познавательном, информативном) образе интеграции в печатных изданиях двух стран. Однако использование новых категорий ("субъект-субъектная оценка", "позиция по отношению к читателю", "единство позиций автора и читателя") и рассмотрение их в соотношении с такими категориями, как "модальность" и "форма аргументации", позволяют описать кортежный

(коммуникативный, речеповеденческий) образ интеграции в печатных изданиях двух стран. В данном случае разговор идет о речевом поведении газет, о том, какие кортежи они представляли и кто доминировал в последних (адресант или адресат).

Мы не проводили различия между субъект-субъектной и субъект-объектной характеристиками модальности. Однако тот факт, что маркировалось в основном наличие модальных глаголов и выражений, свидетельствует о том, что речь идет о воздействии на аудиторию, стремлении вести диалог с читателем с позиций ментора (дидактический дискурс). Причем это характерно как для белорусских, так и для российских газет, и только две газеты – **Зв** и **Из** – половину своих материалов предлагают в ином ключе (дают читателю возможность выработать личностное отношение к теме интеграции). Дидактический дискурс газет подтверждается и формой аргументации материалов: отсутствуют чисто эмоциональные аргументы, доминирует смешанная аргументация даже в том случае, когда используются исключительно жанр информации (**Из**) и фактологическая аргументация (только **ЗЮ** и **Из** не прибегают к ней).

Общаясь с читателями, газеты воспринимают их "одномерно". **СБ** ведет диалог с читателем как с профессионалом (1/3 материалов) или как с гражданином (1/3 материалов). Остальные материалы никак не актуализируют позицию читателя. Отсутствие актуализации позиции характерно для **Из** и частично для **НГ** (89 %), **Зв** (86 %). И только в **ЗЮ** и **НезГ** 100 % материалов апеллируют к читательской аудитории. В ней видят либо представителей нации (100 % в **НГ**), либо представителей страны и нации (100 % в **ЗЮ**). Любопытно, что только три газеты поместили материалы, в которых актуализируется единство позиций автора и читателя. Это – **Из**, **НГ** и **Зв**. Однако если в **Зв** это единство представлено на национальной почве (14,3 %), то в **НГ** – на национальной (33,3 %) и общегражданской (11,1 %). **Из** отличаются от этих газет тем, что таких материалов в них 100 %. Газета ведет разговор с читателем как гражданин с гражданином, как профессионал с профессионалом и как представитель одной с ним нации.

Итак, как показал проведенный анализ, введение новых категорий оказалось плодотворным и способствовало оптимальному решению задач исследования.

7.4. КОРРУПЦИЯ И ЕЕ РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ В СМИ

О коррупции много говорят и пишут в средствах массовой информации западных стран. В некоторых посткоммунистических странах этот термин "коррупция" тоже успел набить оскомину. В этом смысле белорусские СМИ не являются исключением. Нельзя не заметить, однако, что в периодически оживляющихся дискуссиях на эту тему нередко производится подмена понятий, которая обусловлена сложностью самого феномена коррупции.

Многоплановость предмета исследования. В средствах массовой информации весьма часто одним и тем же термином определяются, с одной стороны, подарки и "благодарность" за выполнение мелким служащим его функций, с другой – скрытая от социума зависимость важнейших элементов системы государственного управления от теневых интересов. Несомненно, что в основе обоих явлений, которые определяются журналистами как коррупция, лежат одни и те же человеческие качества, но понятно также и то, что суть явлений и масштаб общественной опасности принципиально различны.

Другая важная сторона проблемы – коррупция в госдепартаменте. Один из законов Мерфи, касающихся политической истории, гласит: там, где злоупотребление властью возможно, оно будет иметь место. Данное положение полностью применимо к коррупции: новые и более широкие возможности для проявления коррупции в системе управления посткоммунистическим обществом с неизбежностью будут проявляться в расширении ее масштабов. Все основные, хотя и не всегда идеальные, антикоррупционные рецепты давно известны, а практические решения найдены. "Кнут" в виде учета, контроля, наказуемости и "пряник" в виде различных поощрений за честную работу – орденов, грамот или стабильно высокой заработной платы – эти методы использовались и будут использоваться руководителями различного уровня.

Проблема, однако, в том, что существует коррупция на вершине государственно-политической системы. Согласно еще одному закону Мерфи, всякая бюрократическая организация похожа на отстойник: самые крупные куски всегда стремятся подняться вверх... Самые крупные и лакомые ломти "коррупционного пирога" могут быть отрезаны, присвоены или использованы только теми, кто находится наверху, теми, кто обладает для этого соответствующими возможностями или наделяет нижестоящих такими возможностями. Иначе говоря, старый вопрос, который задавали еще в древнем Риме, "Кто будет

сторожить сторожей?" продолжает сохранять свою актуальность на рубеже второго и третьего тысячелетий.

Большая удача для государства и его народа, когда на вершине системы управления находится самый честный и самый неподкупный антикоррупционер (если это возможно в принципе). Но, к сожалению, практика показывает, что даже в странах, где существует сложившаяся и работающая система разделения властей, включающая контроль за правомочностью деятельности одной ветви власти другими ветвями власти, возможны коррупционные эксцессы. Одно из ярких подтверждений тому – уотергейтский скандал, разразившийся в свое время в Соединенных Штатах Америки. Итогом скандала стало то, что президент США Р. Никсон под угрозой импичмента вынужден был уйти в отставку. Причем сделал он это, вернувшись из зарубежной поездки, одним из последних пунктов которой, по весьма символическому стечению обстоятельств, стала Беларусь (в то время БССР). Пример США не является исключением. Достаточно вспомнить об акциях под названием "чистые руки", которые инициировались журналистами Италии и других европейских стран с развитыми демократическими традициями.

Рассматривая вопросы репрезентации коррупции в белорусских СМИ, нельзя не обратить внимание на еще одну сложность данной проблемы. Речь идет о специфике описания коррупции в переходных обществах, к которым, несомненно, относится и Беларусь. На этот аспект проблемы указывает венгерский исследователь Андраш Шайо, отмечая, что борцы за нравственность и юристы склонны рассматривать проблему коррупции в некоем вакууме, в отрыве от социального контекста. В то же время в ряде стран коррупция представляет собой эндемический микроб – она коренится в паутине социальных взаимосвязей. Не все из них безвредны, но и не все столь опасны. Андраш Шайо предлагает относить эти неформальные социальные взаимосвязи не к коррупции, а рассматривать их как проявление клиентелизма (Конституционное Право, 1998, № 4 [25]; 1999, № 1 [26]).

Это позволяет обозначить еще одну и, возможно, одну из наиболее существенных проблем репрезентации коррупции средствами массовой информации. Она заключается в том, что именно относить к коррупции и как ее оценивать. Специалисты никак не придут к "единому знаменателю". В подходе к проблеме коррупции почти всегда преобладает моральное осуждение. Но в ряде случаев оно полностью

отсутствует. Можно услышать мнение, что в условиях трансформации государства коррупция не только социально и экономически эффективна, но и демократична. Аргументация проста: коррупция открывает возможности для тех, кто в противном случае был бы отстранен от участия в экономическом процессе вследствие протекционизма.

Перечень проблем, осложняющих адекватную репрезентацию коррупции в СМИ, можно продолжать достаточно долго. Неопределенность приводит к тому, что трудно установить масштабы явления. Очевидно, что недооценка масштабов коррумпированности общества потенциально опасна. Это может вызвать ослабление превентивных мер. Но не менее опасно и преувеличение масштабов коррупции. В этом случае реакция может варьироваться от истерических сиюминутных акций силовых структур до чувства социальной безнадежности и апатии.

К проблеме репрезентации коррупции, особенно если это касается верхушки политической элиты, можно отнести и вполне обоснованные опасения людей, пишущих на данную тему, за свою безопасность. Отработанные технологии позволяют без особого труда интерпретировать попытку журналистского расследования коррупции в верхних эшелонах власти как покушение на честь и достоинство высших должностных лиц. При этом нельзя забывать, что в ряде переходных обществ покушение на честь и достоинство государственных персон может повлечь не только гражданско-правовую, но и уголовную ответственность, а надежды на беспристрастную и эффективную судебную защиту представляются в таких случаях маловероятными.

Интернационализация коррупции и борьбы с ней. Коррупция, вырастающая на национальной почве и нередко проявляющаяся в своеобразных национальных формах, не знает границ. Вирус коррупции, поразив одну страну, может проникнуть в другие государства. Возможности для этого многократно расширились во второй половине XX ст. в связи с интернационализацией мировых хозяйственных связей. Еще больше возможностей для распространения коррупции возникает при политико-экономическом объединении государств.

Нельзя не обратить внимание на усиливающиеся попытки борьбы с коррупцией, которые предпринимаются различными международными организациями: Организацией американских государств (ОАГ), Организацией экономического сотрудничества и развития (ОЭСР),

Всемирной торговой организацией (ВТО), Европейским Союзом (ЕС), Организацией азиатско-тихоокеанского экономического сотрудничества (ОАТЭС). Так, 29 марта 1996 г. 34 государства – участника ОАГ подписали Конвенцию по противодействию коррупции. Данная конвенция не только унифицировала уголовную ответственность за целый ряд актов коррупции, проявляющихся на национальном уровне, но, что более важно, распространила запрет на эти действия в международных деловых операциях. Этот международный правовой документ заслуживает упоминания еще и потому, что его положения носят для подписавших стран не рекомендательный, а обязательный характер. Принятие конвенции показало, что не только развитые, но и развивающиеся страны могут объединиться в борьбе против международной коррупции.

Несомненный интерес вызывают попытки ОЭСР предпринять скоординированные меры против интернационализации коррупции. С этой целью в 1994 г. ОЭСР приняла Рекомендации относительно борьбы со взяточничеством в международных деловых операциях. Рекомендации включали положение, по которому государствам-участникам предлагалось предпринять эффективные меры для предотвращения и искоренения взяточничества при осуществлении международных деловых операций.

Пример ОЭСР показывает, насколько сложной может быть борьба с коррупцией. После принятия упомянутых рекомендаций Комитет ОЭСР по налоговым вопросам изучил налоговое законодательство стран-участников. Данное исследование показало, что многие страны, входящие в ОЭСР, продолжали относить взятки, которые давались иностранным государственным служащим, к освобождаемым от налогообложения расходам на ведение бизнеса. В 1996 г. Комитет ОЭСР по международным инвестициям и многонациональным предприятиям проанализировал меры по реализации Рекомендаций и пришел к выводу, что необходимо более эффективно и скоординированно "криминализовать" взяточничество в отношении иностранных должностных лиц.

Попытка интернационализации усилий, направленных против коррупции, была предпринята также Организацией Объединенных Наций. По предложению Экономического и социального совета ООН (ЭКОСОС) Генеральная Ассамблея ООН приняла 16 декабря 1996 г.

Декларацию ООН против коррупции и взяточничества в международных коммерческих операциях.

Упомянутые попытки международной координации заслуживают внимания по трем причинам. Во-первых, они показывают, что эффективная унификация законодательства, направленного на борьбу с интернационализацией коррупции, вполне возможна. Опыт ОАГ подтверждает, что это может быть сделано в рамках союзнических отношений без какого-либо ущемления суверенитета стран-участниц. Во-вторых, достижение согласованных мер борьбы с коррупцией может быть достаточно сложным, если государства не берут на себя жестких обязательств и действуют лишь в рамках необязательных рекомендаций. В-третьих, опыт интернационализации борьбы с коррупцией как позитивный, так и негативный, весьма актуален для Беларуси, особенно в связи с подписанием 8 декабря 1999 г. договора с Россией о создании союзного государства.

Степень коррумпированности государственного аппарата России оценивается аналитиками по-разному. Встречаются весьма жесткие оценки. Одна из них была дана заместителем руководителя Счетной палаты РФ Ю. Болдыревым в ноябре 1999 г. на международной конференции, посвященной проблемам коррупции. По его мнению, в России налицо не та или иная степень коррумпированности государственного аппарата (в силу слабости власти, ее неспособности контролировать своих чиновников), а практически нескрываемая коррумпированность всей высшей государственной власти, всех ее ветвей. Более того, коррупция в средних и нижних управленческих эшелонах на протяжении последних лет сознательно допускается, если не стимулируется, что является, с одной стороны, одним из скрытых механизмов реального управления, а с другой – методом обеспечения собственной безопасности и несменяемости власти путем морального растряпания общества.

Эта картина дополняется весьма впечатляющим сливом компромата противоборствующих политических сил через конкурирующие российские СМИ.

Любое объединение государств, кроме несомненных выгод, порождает ряд требующих решения проблем. Объединение с государством, в котором имеется высокая степень коррумпированности, создает опасность диффузии коррупции. В случае объединения Беларуси с Россией, масштабность коррупции в которой не вызывает сомнений,

весьма актуальной становится проблема преодоления негативных аспектов объединительного процесса.

В связи с этим актуален вопрос: существуют ли в Беларуси какие-либо защитные механизмы, способные ограничивать национальную коррупцию и противодействовать расширению ее масштабов вследствие интеграционных процессов.

Кто "сторожит сторожей" в Беларуси? Прекращение существования Советского Союза, формирование в Беларуси собственных государственных структур, противоречивые попытки перехода от социалистической экономики к экономике, основанной на рыночных принципах, создали принципиально новую ситуацию в борьбе с коррупцией.

Своеобразную роль в борьбе с этим явлением сыграл избранный в 1990 г. Верховный Совет XII созыва. В нем были представлены настолько разнородные силы, что это не позволило достичь национального согласия для выхода из кризиса и реформирования страны. Все более острым становился конфликт между артикуляцией реформ, направленных на создание основ рыночной экономики, и их саботажем на практике.

Депутатскому корпусу Верховного Совета XII созыва не удалось выработать единую национальную стратегию развития и обеспечить последовательность в проведении антикризисной политики. Это привело к значительному ухудшению социально-экономических показателей в стране и резкому падению уровня жизни населения Беларуси. В 1993–1994 гг. значительную часть граждан страны волновало не только ухудшение материального положения, рост цен, преступности, некомпетентность властей. По проводившимся в то время социологическим исследованиям более половины опрошенных (до 65,5 %) считали, что в органах государственной власти в той или иной степени распространена коррупция.

Верховный Совет не мог игнорировать нарастающие антикоррупционные настроения в обществе и масштабы самой коррупции, значительно расширившиеся в том числе и в связи с проводившейся в стране приватизацией государственной собственности. В ноябре 1992 г. депутаты заслушали отчет генерального прокурора о борьбе с организованной преступностью и коррупцией. Принятое в этой связи постановление Верховного Совета (12.11.1992, № 1934-XII) констатировало малоэффективность мер, направленных на борьбу с коррупцией. Была

приостановлена приватизация. Соответствующим государственным органам, включая Контрольную палату, Прокуратуру, Комитет государственной безопасности, Министерство внутренних дел и Национальный банк, было поручено проверить законность передачи государственного имущества в собственность физических и юридических лиц в 1991–1992 гг., а также правильность оценки данных сделок. В случаях выявления нарушений предписывалось принять меры по возвращению имущества в собственность государства и привлечению виновных к ответственности. Одновременно началась проверка законности права государственных юридических лиц выступать в качестве кредиторов или гарантов кредитов для коммерческих структур.

15 июня 1993 г. Верховным Советом был принят первый закон, непосредственно направленный на борьбу с коррупцией – "О борьбе с преступностью в сфере экономики и с коррупцией" (№ 2399-XII).

Сам по себе закон был предельно краток: в нем всего лишь три статьи. Коррупция определялась здесь как наиболее общественно опасное явление, выражающееся в умышленном использовании лицами, осуществляющими функции представителей власти, а также находящимися на государственной службе, своего служебного положения для противоправного получения имущественных и неимущественных благ и преимуществ в любой форме, а равно выражающееся в подкупе этих лиц. Закон определял некоторые меры по борьбе с преступностью в сфере экономики и противодействию коррупции. Так, статьей 1 устанавливался запрет руководителям, другим должностным лицам и специалистам органов государственной власти и управления, Контрольной палаты Республики Беларусь, прокуратуры и судов, органов внутренних дел и государственной безопасности, руководителям государственных предприятий, учреждений и организаций, руководителям их структурных подразделений и иным должностным лицам:

- заниматься предпринимательской деятельностью, в том числе через посредников или доверенных лиц, а равно представлять интересы других лиц в государственных органах, в которых они состоят на службе;

- заключать сделки с негосударственными предпринимательскими структурами либо оказывать содействие этим структурам, если в них предпринимательской деятельностью занимаются члены их семей, близкие родственники или свояки.

Этой же статьей Закона должностным лицам было запрещено получать вознаграждения (пользоваться услугами в любом виде) за выполнение или невыполнение своих служебных обязанностей от граждан, а также от предприятий, учреждений и организаций, с которыми они не состоят в трудовых отношениях.

Вторая специальная мера, предусмотренная законом, устанавливала для должностных лиц государственных предприятий, учреждений и организаций обязательное представление деклараций о доходах, а также вкладах в банках и ценных бумагах, обязательствах финансового характера. Обязанность представлять декларации о доходах устанавливалась:

- при назначении на должность;
- при совершении должностным лицом или членами его семьи имущественных сделок на сумму, превышающую стократную минимальную заработную плату;
- при приобретении государственного имущества в собственность в порядке приватизации, за исключением квартир (домов) государственного или общественного жилого фонда, в которых они проживали.

Постановлением Верховного Совета (15.06. 1993 г., № 2400-ХП) Совету Министров Республики Беларусь было поручено в трехмесячный срок разработать и утвердить порядок представления должностными лицами государственных предприятий, учреждений и организаций деклараций о доходах. При этом непредставление декларации или умышленное представление в ней недостоверной информации являлось основанием для отказа в назначении на должность или освобождения от должности того или иного лица.

Здесь нельзя не отметить, что упомянутое ранее постановление Верховного Совета от 12.11.1992 г. включало еще одно важное решение, которое оказало весьма существенное влияние на политические процессы в Беларуси. Президиуму Верховного Совета поручалось создать депутатскую комиссию для изучения деятельности коммерческих структур, действующих при республиканских и местных органах власти и управления. Ныне действующий Президент Республики Беларусь проявил в этой ситуации немалое политическое чутье. Он добился того, что стал во главе этой комиссии. Широкие полномочия депутатской комиссии позволили собрать значительное количество материалов не только о деятельности коммерческих структур, образованных при республиканских и местных органах власти и управления. В

распоряжении комиссии оказались компрометирующие материалы на многих высших должностных лиц Беларуси.

Серьезная заявка на президентский пост была сделана председателем депутатской комиссии в связи с его докладом о коррупции в высших эшелонах власти на сессии Верховного Совета XII созыва. Результатом доклада стало смещение Председателя Президиума Верховного Совета С. Шушкевича. Символическое значение этого акта простиралось намного дальше простых кадровых перестановок в верхах и личной драмы спикера.

Принятие в марте 1994 г. Конституции Республики Беларусь открыло полосу выборов и референдумов. Несомненно, что наиболее существенное влияние на современное состояние общества, включая проблематику противодействия коррупции, оказали состоявшиеся в 1994 г. выборы президента и референдум 1996 г., после которого полномочия президента были значительно расширены.

Нельзя не отметить, что первые и единственные пока президентские выборы происходили в условиях углубляющегося кризиса. Голосуя на этих выборах, граждане Беларуси не только поддерживали лозунги сближения с Россией, государственного регулирования цен и обещания оживить промышленность, но и борьбу с коррупцией. Именно лозунг борьбы с коррупцией, выдвинутый А. Лукашенко, во многом способствовал его победе над В. Кебичем с огромным перевесом.

Состоявшиеся президентские выборы открыли новый этап в изменении организационно-правовых форм борьбы с коррупцией. В этой связи важно отметить, что еще до президентских выборов Совет Министров принял постановление "Об организационных мерах по усилению борьбы с преступностью и коррупцией" (7.04.1994 г., № 217). В нем констатировалось усиление в обществе напряженности, вызванной растущими масштабами преступности и расширением коррупции. Было учреждено Координационное совещание руководителей правоохранительных органов по вопросам борьбы с преступностью и коррупцией при Совете Министров Республики Беларусь.

Одним из первых документов, подписанных после президентских выборов, стал указ "О Службе контроля Администрации Президента Республики Беларусь и Комитете по борьбе с коррупцией в органах государственной власти и управления Администрации Президента Республики Беларусь" (2.08.1994 г., № 16). Этим указом упразднялся

Департамент экономического контроля при Совете Министров Республики Беларусь и его функции передавались Службе контроля Администрации Президента. Она была учреждена как орган президентского контроля за деятельностью центральных органов управления Республики Беларусь и органов исполнительной власти, за соблюдением субъектами хозяйствования нормативных актов в сфере экономики, использованием государственных средств и централизованно выделяемых ресурсов.

Второй структурой, учрежденной упомянутым указом, стал Комитет по борьбе с коррупцией в органах государственной власти и управления. Он создавался как структурное подразделение Администрации Президента, наделенное весьма широкими полномочиями, включая:

- контроль за реализацией важнейших программ экономического и социального развития Республики Беларусь в целях недопущения их невыполнения из-за проявлений коррупции;

- анализ и систематизацию информации правоохранительных, контролирующих и других органов о проявлениях коррупции со стороны руководителей государственных органов;

- координацию деятельности правоохранительных и контролирующих органов в области противодействия коррупционным процессам;

- сбор и анализ информации о фактах коррупции со стороны руководителей государственных органов, подготовку предложений о мерах реагирования на них;

- организацию и проведение по поручению Президента и главы Администрации Президента целевых проверок по вопросам, относящимся к компетенции Комитета.

Комитету было предоставлено право запрашивать и получать необходимую информацию от государственных органов, предприятий, учреждений, организаций и общественных объединений, а также проверять объективность рассмотрения правоохранительными и контролирующими органами материалов о нарушении законодательства руководителями государственных органов.

Указ № 16 вывел контрольную функцию из ведения исполнительной власти и позволил установить широкомасштабный контроль Президента за ситуацией в этой области. Тем более что руководители

вновь образованных структур назначаются и освобождаются от должности главой Администрации Президента.

Еще одной структурой, направленной на борьбу с коррупцией, стал учрежденный указом Президента (7.02.1997 г., № 136) Комитет по борьбе с организованной преступностью и коррупцией при Министерстве внутренних дел. Комитет был образован на базе управления по борьбе с организованной преступностью МВД. В качестве основных задач комитета были определены выявление, предупреждение и пресечение деятельности организованных преступных формирований, коррупции, а также раскрытие тяжких и иных опасных преступлений. Как и в случае с упомянутыми ранее структурами, назначение и освобождение от должности начальника комитета было отнесено к компетенции Президента.

Создание контролируемых Президентом антикоррупционных органов было дополнено принятием закона "О мерах борьбы с организованной преступностью и коррупцией" (26.06.1997 г., № 47–3). Он определил государственную политику в этой области. Главной задачей стало создание организационных и правовых основ борьбы с организованной преступностью и коррупцией и обеспечение при этом гарантий защиты законных интересов физических и юридических лиц.

В отличие от соответствующего Закона 1993 г., содержавшего всего три статьи, Закон 1997 г. состоит из 15 статей. В нем более детально регламентированы вопросы борьбы с коррупцией, которая получила достаточно широкое определение: "Коррупция – умышленное использование лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, или лицами, приравненными к ним, своего служебного положения и связанных с ним возможностей в целях противоправного приобретения для себя или близких родственников имущественных и неимущественных благ, льгот и преимуществ, а также подкуп указанных лиц путем противоправного предоставления им физическими и юридическими лицами этих благ, льгот и преимуществ".

Определение коррупции в Законе 1997 г. расширено путем включения в него положения о противоправном приобретении имущественных и неимущественных благ, льгот и преимуществ лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций, не только для себя, но и для своих близких родственников. Что касается видов и признаков преступных деяний, определяемых как коррупция, а также

уголовно-правовых мер наказания за нее, то, согласно статье 2 Закона, они устанавливаются Уголовным кодексом Республики Беларусь.

Закон 1997 г. содержит перечень лиц, уполномоченных на выполнение государственных функций, или приравненных к ним:

- представители власти, в том числе работники правоохранительных органов, судьи;

- депутаты Палаты представителей и члены Совета Республики Национального собрания Республики Беларусь, депутаты местных Советов;

- служащие государственного аппарата;

- лица, определяемые законодательством как должностные, в том числе в Вооруженных Силах Республики Беларусь и иных воинских формированиях;

- должностные лица субъектов хозяйствования, в имуществе которых доля государственной собственности является преобладающей.

Государственными органами, ответственными по Закону 1997 г. за борьбу с организованной преступностью и коррупцией, определены органы внутренних дел, государственной безопасности и прокуратуры, а с коррупцией – также органы Комитета государственного контроля, государственные налоговые органы, действующие в пределах своей компетенции. Государственным координирующим органом по борьбе с организованной преступностью и коррупцией определена Межведомственная комиссия по борьбе с преступностью и наркомагией при Совете безопасности Республики Беларусь. Кроме того, статьей 4 предусматривается создание специальных подразделений по борьбе с организованной преступностью и коррупцией в органах внутренних дел, государственной безопасности и прокуратуры.

Важной особенностью Закона 1997 г. стала фиксация мер, направленных на предупреждение коррупции. Для этого лицам, уполномоченным на выполнение государственных функций, или лицам, приравненным к ним, запрещается:

- вмешательство в деятельность других государственных и негосударственных органов, предприятий, учреждений и организаций, если это не входит в круг их обязанностей;

- использование своего служебного положения при решении вопросов, затрагивающих их личные интересы или интересы членов их семьи и близких родственников;

– предоставление необоснованных льгот и привилегий физическим или юридическим лицам или оказание содействия в их предоставлении;

– участие в качестве поверенных физических или юридических лиц по делам, относящимся к компетенции органа, в котором они находятся на службе (работе), или который им подчинен, либо деятельность которого они контролируют;

– использование в личных интересах или в интересах физических или юридических лиц информации, полученной при исполнении служебных обязанностей, если она не подлежит официальному распространению;

– отказ в даче информации физическим или юридическим лицам, предоставление которой предусмотрено правовыми актами, необоснованная задержка ее, передача недостоверной или неполной информации;

– неправомерная передача предприятиям, учреждениям, организациям независимо от форм собственности и физическим лицам государственных финансовых и материальных ресурсов;

– искусственное создание препятствий физическим или юридическим лицам в реализации их прав и законных интересов;

– выполнение оплачиваемой работы на условиях штатного со-вместительства, кроме преподавательской, научной или иной творческой деятельности;

– получение подарков в связи с исполнением служебных обязанностей, за исключением символических знаков внимания и символических сувениров при проведении протокольных и иных официальных мероприятий.

Существенной новацией стало включение в Закон положения, по которому ответственные должностные лица обязаны в срок не более одного месяца после вступления в должность передать на время исполнения своих обязанностей принадлежащие им ценные бумаги и имущество, от владения, использования и распоряжения которыми они получают доходы, в доверительное управление другим лицам в порядке, установленном законодательством Республики Беларусь.

Перечисленные Законом требования отражаются в соответствующих письменных обязательствах, согласие с которыми заверяется личными подписями этих лиц. Неподписание таких обязательств, а также нарушение перечисленных требований является основанием для отказа лицам в приеме на службу либо для увольнения.

Статья 9 Закона регламентирует представление деклараций лицами, уполномоченными на выполнение государственных функций. При принятии на службу (работу) они должны представлять декларации о доходах и имуществе, в том числе и за рубежом, в отношении себя и членов своей семьи, совместно с ними проживающих и ведущих совместное хозяйство.

В отличие от стран, где такого рода сведения могут или должны предаваться публичной огласке, в Республике Беларусь сведения о доходах и имуществе составляют служебную тайну. Их разглашение, если в содеянном не содержится признаков уголовно наказуемого деяния, влечет привлечение виновного лица к ответственности вплоть до увольнения. Данные сведения предоставляются только по запросам компетентных органов, перечень которых определяется законом.

Для борьбы с коррупцией Закон 1997 г. предоставляет специальным подразделениям чрезвычайные полномочия. Согласно статье 10, сотрудниками специальных подразделений еще до возбуждения уголовного дела может быть начата предварительная проверка финансово-экономической деятельности, имущественного и финансового положения лица, в отношении которого имеются достаточные данные, указывающие на его причастность к коррупции. Более того, предварительная проверка финансово-экономической деятельности, имущественного и финансового положения может быть предпринята в отношении других физических и юридических лиц, имуществом, средствами или именем которых это лицо распорядилось либо пользовалось.

Анализ изменений, происходивших в 90-е гг. в белорусском антикоррупционном законодательстве, позволяет сделать некоторые выводы. Во-первых, начиная с середины 1994 г. была произведена реструктуризация органов, включавшая создание новых структур, в задачи которых входит борьба с коррупцией. Все они либо непосредственно, либо опосредованно подчиняются Президенту Республики Беларусь. Во-вторых, нормативные акты, принятые в Беларуси в 90-е гг., дают властям необходимый инструментарий, позволяющий, при желании, достаточно эффективно бороться с проявлениями коррупции. Принятие новых нормативных актов позволило бы заполнить некоторые пустоты в антикоррупционном законодательстве. Но главным вопросом теперь является эффективность исполнения имеющихся нормативных актов. Наконец, принятие Конституции 1994 г., установившей президентскую форму правления в Беларуси, дополнения и измене-

ния, которые были внесены в Конституцию после референдума 1996 г., превратили Президента в фигуру, возможности которой для борьбы с коррупцией более чем достаточны.

Репрезентация коррупции в белорусских СМИ. Успешная борьба с коррупцией возможна лишь в условиях гласности. Как в этом участвовали белорусские средства массовой информации? Объектом исследования стали материалы трех газет, относящихся к качественному типу изданий и представляющих собой газеты разной политической ориентации: пропрезидентская "Советская Белоруссия" (СБ), оппозиционная "Навіны" (до 24.11.97 "Свабода") и наиболее интересная с точки зрения автора "Белорусская деловая газета" (БДГ). При этом решались следующие задачи:

– собрать базу данных о том, в каких событиях, ситуациях, проблемах, лицах была представлена коррупция в каждом из изданий в течение шести лет с 1994 по 1999 г., иначе говоря, получить информацию по ряду признаков: время издания, адресант (автор), сфера и география интересов, характер актуальности, оценка, форма аргументации, субъекты, язык, жанр, модальность, тип общения, позиция (см. определения данных категорий анализа в тексте исследования);

– описать образ коррупции, создаваемый данными печатными изданиями (на основе линейного распределения и корреляционных связей ряда признаков);

– определить зависимость создаваемого образа коррупции от политической ориентации издания и его типологических характеристик.

Основой стало предположение о том, что каждое из анализируемых изданий, исходя из его политической ориентации, создает свой образ коррупции.

Для исследования были отобраны материалы на эту тему, опубликованные с 1 января 1994 г. по 31 июля 1999 г. Выборка составила 621 материал. Из них в СБ – 366 материалов (59 %), в "Навінах" – 110 материалов (18 %) и в БДГ – 145 материалов (23 %). В том числе на белорусском языке было опубликовано 108 материалов (17 %), а на русском – 513 (83 %). При этом в СБ и "Навінах" публиковались материалы как на русском так и на белорусском языках, а в БДГ исключительно на русском.

Распределение материалов во временном интервале. В количественном отношении самым урожайным на материалы о коррупции был 1997 г. (65,5 %), на втором месте 1998 г. (59 %). Но в целом на-

блюдается устойчивое внимание к явлениям и фактам коррупции. За семь месяцев 1999 г. (январь – июль) было получено 47 % от всего количества материалов. По всем признакам 1999 г. считался самым "урожайным" в разработке темы коррупции.

Эта тенденция нехарактерна для всех трех изданий. В частности, в "Навінах" пик антикоррупционных материалов – 29 % приходится на 1994 г., а в дальнейшем оставался приблизительно на одном уровне (минимальный – 11 % в 1997 г., а максимальный – 15,5 % в 1998 г.). Однако в 1999 г. вновь обостряется интерес к данной теме (17 % за семь месяцев). Для **СБ** максимальным стал 1997 г. (27 %), минимальным 1994 г. (10,4 %), 1995 и 1998 гг. оказались практически равными (18 %). 1999 г. по подсчету за семь месяцев показал цифру 14 %, что меньше, чем в **БДГ**. В **БДГ** тема борьбы с коррупцией занимает стабильное место: 1994 и 1995 гг. приблизительно идентичны – соответственно 11 % и 13 %, 1996 г. – 7 %. Заметный, непродолжительный спад, в 1997 г. – 27,5 %, 1998 г. – 25,5 % и первые семь месяцев 1999 г. – 16 %, 1994 и 1995 гг. приблизительно идентичны (соответственно 11 % и 13 %), а 1996 г. показал самую низкую цифру за один год среди всех газет – 7 %.

Тематический диапазон. В половине отмеченных нами материалов коррупция является центральной, основной темой (50 % – в **СБ**, 47 % – в "Навінах", 52 % – в **БДГ**). В остальной части этого тематического блока о коррупции пойдет речь в связи с другими уголовными и экономическими преступлениями.

Сфера интересов. При маркировке материалов по этой аналитической категории (как и по всем другим, отмеченным звездочкой) допускалось фиксирование нескольких сфер одновременно, поэтому в процентном отношении общее число материалов по каждой из газет превышает 100 %. Во всех газетах доминирующей является правовая сфера (78 % – в **СБ**, и по 84 % – в "Навінах" и **БДГ**). Иначе говоря, материалы о коррупции подаются как правонарушения, подлежащие суровому наказанию (информация о раскрытии преступлений, в том числе и в самих правоохранительных органах, о принятых мерах – арестах и судебных разбирательствах).

Экономическая и политическая сферы интересов представлены в **СБ** соответственно 30 % и 12 % материалов, в "Навінах" – 15 %, в **БДГ** – 19 % и 6 %.

Сфера экономических интересов – это такие области, как банковская система, таможенные институты (не только белорусские, но и стран СНГ), производственная сфера в целом. Когда в материалах речь идет о политических интересах, то коррупция предстает как итог политических игр, как средство достижения и удержания власти, избавления от неугодных политических соперников. Здесь были также материалы о коррупции в СМИ, в политических партиях и объединениях.

Социально-экономическая сфера затрагивает жизнь каждого отдельного человека. На этом уровне коррупция практически не рассматривалась в "Навінах" и БДГ (всего по 3 % всех материалов). Не уделяли они внимания и социальной сфере. Коррупция выступает в скрытом виде (связи или "блат", например при поступлении в вузы страны), по 2 % – в "Навінах", в БДГ и СБ – по 4 %.

Социально-культурная сфера предполагает морально-этическую оценку коррупционных действий. Этот аспект СМИ практически проигнорировали (3 % – в "Навінах", 1 % – в СБ и 0 % – в БДГ).

География интересов. Материалы, рассматривающие коррупцию как международное явление, встречались только в двух изданиях – "Навінах" (6 %) и БДГ (5 %), но полностью отсутствовали в СБ. В таких материалах коррупция предстает как неизменный атрибут всех цивилизованных стран. Незначителен процент материалов о коррупции в рамках СНГ – около 3 % в БДГ, 2 % в "Навінах" и 1,1 % в СБ.

Пальма первенства принадлежит материалам, в которых коррупция рассматривается на национальном уровне. Такая тенденция в подаче темы характерна для всех трех газет. При этом в СБ 61 % таких материалов, в БДГ – 50 %, в "Навінах" – 39 % текстов.

Второе место занимают материалы о коррупции в регионах. Однако это характерно только для двух изданий – СБ (27 %) и БДГ (30 %). В "Навінах" преобладают материалы о "столичной" коррупции – 32 % всех текстов (региональные факты присутствовали в 244 публикациях). В СБ таких материалов 20 %, а в БДГ – 17 %.

Субъекты коррупции. Для всех изданий основными субъектами коррупции являются представители государственных структур экономики: экономическая элита, хозяйственники и руководители банков (41 % – в БДГ, 32 % – в СБ, 22 % – в "Навінах").

На втором месте по значимости оказались либо представители местной власти, либо субъекты не названы вовсе. Так, в СБ процент и

тех и других равен 27, в "Навінах" – соответственно 16 и 13, в БДГ – 13 и 20. Характерно, что "Навіны" обвиняют в коррупции самого Президента РБ (16 % материалов).

Все остальные виновные лица и структуры представляют достаточно большой спектр, однако их встречаемость менее 12 %. Так, для БДГ это – предприниматели и частные банки (11 %), ныне действующий парламент (8 %), МВД и Администрация Президента (по 6 %), Государственный таможенный комитет, прокуратура и суды (по 3 %), вузы (2 %). Для "Навін" это – Администрация Президента (12 %), МВД (9 %), предприниматели, частные банки (6 %), ГТК, Служба контроля, правительство (по 4,5 %), вузы (3 %). Для СБ это – МВД (8 %), предприниматели, частные банки и вузы (по 5 %), ГТК (4 %), парламент XII созыва и правительство, прокуратура и суды (по 1,4 %).

Характерно, что ряд субъектов коррупции называется лишь в СБ, но не встречается в "Навінах" и БДГ. Это – Шушкевич, Карпенко, Богданкевич (по 0,3 % материалов в СБ), Министерство обороны (2 %). С другой стороны, есть такие виновники, о которых молчит СБ, но говорит оппозиционная пресса. Это – Администрация Президента (6 % в БДГ и 12 % в "Навінах"), ныне действующий парламент (1 % в БДГ), Комитет Государственного Контроля (4,5 % в "Навінах"), Налоговый комитет (по 1 % в "Навінах" и БДГ), КГБ (по 1 % в "Навінах" и БДГ).

Характерно, что в коррупции оказываются обвиненными и сами СМИ, но такие материалы не превысили 1 % во всех анализируемых материалах.

Субъекты, реально действующие в ситуации. Здесь речь идет о тех субъектах, которые непосредственно участвуют в борьбе с коррупцией либо создают видимость этой борьбы.

Для СБ таковыми являются Служба контроля, КГК (30 %), прокуратура и суды (23 %), а также президент РБ (22 %). В 16 % материалов такие субъекты не названы. В остальных случаях это – МВД (7,4 %), Комиссия депутата А. Лукашенко (3 %), далее по 1,4 % – Администрация Президента, Налоговый Комитет и КГБ.

Для "Навін" в большинстве случаев такие субъекты не называются (45 %), либо в качестве таковых фигурируют прокуратура и суды. В остальных материалах это – КГБ (10 %), президент (9 %), БНФ и МВД (по 5,5 %).

БДГ отмечает антикоррупционную деятельность прокуратуры и судов (40 %), президента (15 %), МВД (12 %), КГБ (8 %), КГК (4 %),

а также БНФ, демократов (Карпенко, Богданкевич), государственных структур экономики, Администрации Президента – по 1,4 %.

Модальность. Материалы о коррупции подавались главным образом нейтрально (71 % – в СБ, 90 % – в "Навінах", 88 % – в БДГ). Впрочем, ряд материалов имел оценочную окраску. Так, 21 % материалов в СБ, 7 % в "Навінах" и 9 % в БДГ "диктовали" формы борьбы с этим злом (главным образом это были постановления, указы, законы).

Возможность искоренения коррупции отмечалась в СБ (8 %), в "Навінах" и БДГ (по 3 %). Материалы, в которых содержались рецепты как бороться с коррупцией встречались буквально в единичных случаях в СБ и БДГ (0,4 % и 0,3 %) и вовсе не встретились в "Навінах".

Жанр. Если в СБ преобладают жанр информации (25 %), информационно-аналитические материалы (20 %) и сообщения государственных органов (18 %) и лишь затем следует аналитика и интервью (по 11 %), законодательные акты (8 %), мнения политиков (4 %), то для оппозиционных газет значимость жанров была иной. В "Навінах" и БДГ больше всего информационно-аналитических материалов – по 41 %, второе место в "Навінах" принадлежит информации (32 %), а в БДГ – аналитике (31 %). На третьем месте стоит в БДГ информация (14 %), а в "Навінах" аналитика.

Актуальность. Для материалов о коррупции в целом не характерны исключительно ретроспективные или прогностические материалы. Последние представлены лишь 1 % публикаций в СБ. Как правило, имеет место смешанный тип актуальности, включающий также и сиюминутный аспект. Появление материалов о коррупции обусловлено конкретным событием, и лишь эти единичные факты они отражают. Таких материалов в СБ, БДГ и "Навінах" встретилось соответственно 23 %, 30 % и 46 %. Количество материалов, поданных в смешении вышеназванных аспектов, оказалось 76 % в СБ, 70 % – в БДГ и 54 % – в "Навінах".

Образ коррупции. Материалы о коррупции характеризуются активной авторской позицией. Это неизбежное зло (2 % в СБ, 5 % в "Навінах" и 1 % в БДГ однозначно утверждают это), но с ним можно и нужно бороться. Последнее мы встречаем в 75 % материалов (более 2/3) о коррупции в СБ. Несколько более скептична БДГ – лишь треть материалов (30,3 %) выдержаны в этом ключе. "Навіны" не видят пока

способа преодолеть коррупцию. В целом можно сказать, что оппозиционная пресса, по сути, отказывается “выстраивать” образ коррупции и искать противоядие. Таких материалов в БДГ – 69 % и в "Навінах" – 89 %. Для сравнения в СБ их всего 23 %.

Автор. Подавляющее большинство материалов о коррупции было написано журналистами (43 % – в СБ, 74 % – в "Навінах", 64 % – в БДГ). На втором месте оказались материалы редакций и агентств новостей (24 % – в СБ, 20 % – в "Навінах", 26 % – в БДГ). Впрочем, не менее важным источником материалов для СБ явились государственные органы и их представители – 19 % (для сравнения, в "Навінах" – 1 %, в БДГ – 1,4 %).

Письма читателей в количественном плане оказались более значимы для "Навін" (4 %) и менее значимы для СБ и БДГ (по 1 %). Материалы, содержащие мнение политиков о коррупции в СБ, БДГ и "Навінах", занимали соответственно 11 %, 5 % и 2 %. При этом надо отметить, что в большинстве случаев СБ опирается на мнение Президента РБ либо кого-то из его "команды". В "Навінах" – это национал-демократы, БДГ предоставляет трибуну для высказывания и тем и другим. Не фигурируют в качестве субъекта мнения общественные организации. Их представителям был отведен лишь один процент материалов в БДГ и ни одного в СБ и "Навінах". Редко предоставляется газетная трибуна экспертам-аналитикам в СБ и БДГ, соответственно 2 % и 2,2 %.

Позиция автора. Проблема коррупции поднимается в СБ как проблема гражданская, национальная и профессиональная, т. е. касающаяся непосредственно автора как гражданина, как представителя нации или как представителя той или иной профессии. В большинстве материалов наблюдаем “смешанную” позицию: в СБ – это 46 % материалов, БДГ – 50 %, в "Навінах" – 72 %. Не менее значим для СБ и БДГ сугубо профессиональный подход к обсуждению материала (соответственно 53 % и 50 %). Для сравнения, в "Навінах" таких материалов 28 %.

Чисто гражданская или национальная позиция при обсуждении коррупции нехарактерна для БДГ и для "Навін". Такие материалы можно встретить в СБ, да и то в единичных случаях.

Оценка. Материалы о коррупции подаются в эмоционально-негативном ключе в большей степени в газетах "Навіны" (28 %) и в СБ (14 %). Таких материалов в БДГ встретилось лишь 5 %. Подав-

ляющее большинство публикаций в **СБ** и **БДГ** носило взвешенный характер (соответственно 63 % и 73 %). Для "Навін" эта цифра 45 %. Безоценочных материалов было приблизительно одинаково: 23 % – в **СБ**, 22 % – в **БДГ**, 27 % – в "Навінах".

Форма аргументации. Газеты стараются избегать чисто эмоциональных форм аргументации. Таких материалов в **СБ** и **БДГ** по 1 %, в "Навінах" – 8 %. Но это не означает, что эмоции напрочь отсутствуют. Половина материалов во всех газетах это – "совмещение" фактов с эмоциями (47 % – в **СБ**, 44 % – в **БДГ**, 52 % – в "Навінах"). Другую половину составляют материалы, оперирующие только фактами и деловыми аргументами: 52 % материалов в **СБ**, 55 % – в **БДГ** и 40 % – в "Навінах".

Тип общения. Для подавляющего большинства материалов о коррупции в **СБ** и **БДГ** характерен широкий демократический тип общения (62 % и 83 % соответственно). В них нет узкопрофессиональной терминологии, преобладает разговорная лексика и коммуникативные модели, ссылки на популярные тексты, использование штампов, стереотипов, опора на фоновые знания, диалогичность. В "Навінах" таких материалов чуть больше половины (55 %), другая часть (45 %) представлена материалами, характеризующимися широким авторитарным типом общения. Это назидательность, "авторитетность", в некоторых случаях дидактичность, закрытость текста (отсутствие вариантов: "текст значит то, что он значит, и ничего более"), монологичность. Такие материалы встречаются также и в **СБ** (24 %), и в **БДГ** (10 %).

Часть материалов **СБ** (8 %) и **БДГ** (6 %) представлена узким авторитарным типом общения, который сохраняет такие черты авторитарного текста, как назидательность и закрытость, однако имеет иное интертекстуальное содержательное поле (специальная терминология, ограниченное употребление разговорных оборотов, ссылки на "герметичные" тексты, актуализация дополнительной информации через возможные логические выводы) и подготовленного читателя – он рассчитан на элитные группы функционеров массовых движений и организаций.

Узкий демократический тип общения представлен в **СБ** (6 %) и **БДГ** (1 %) и характеризуется открытостью, т. е. возможностью различных толкований, но в то же время требует внимательного прочтения; эти тексты имеют авторскую маркированность, композицион-

ное и жанровое своеобразие, особые речевые стереотипы (подробная характеристика данных типов общения представлена в первом выпуске данного сборника (*Методология*, 1998, 190–191).

Язык. Несмотря на то что газета **СБ** является двуязычной, все материалы о коррупции печатались исключительно на русском языке. Что касается **БДГ**, то она является газетой, издаваемой на русском языке. Газета "Навіны" в настоящее время публикует материалы на двух языках: 98 % материалов о коррупции были на белорусском языке и 2 % – на русском (это в основном письма читателей).

Часть восьмая

ТЕКСТ ПЕЧАТНЫХ СМИ КАК ОБЪЕКТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

8.1. КАЧЕСТВЕННЫЙ АНАЛИЗ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА. СОДЕРЖАНИЕ ФОРМЫ И ФОРМА СОДЕРЖАНИЯ

Газетная статья (газетный текст) в настоящее время – объект изучения для различных наук, таких, как лингвистика и речеведение (речевая коммуникация), социология и психология, методика и педагогика, а также ряда дисциплин, как, скажем, социо-, прагма-, этно- и другие разновидности лингвистики, семиотика или семиология, дискурстеория и др. Соответственно каждая из этих наук или дисциплин видит в данном материале свое: для одних – это документ, репрезентирующий реальность или какой-то ее аспект, для других – сама реальность в ее вербализированной (интерпретированной) форме, для третьих – вид деятельности. Так научно-практический интерес к данному объекту выводит нас в поле интердисциплинарных подходов и к выработке интегративных методик его изучения. Понятно, что *интегративные исследовательские технологии – это не сумма разных методик, а новые методики, использующие преобразованные категории различных подходов*. При этом мы видим в качестве изначально значимых – два принципа. Таковыми являются – принцип взаимодополняемости и принцип верификативности. Этими качествами обладают предлагаемые в данной части подходы к изучению плана содержания текста – анализирующие план содержания текста *от темы к знаку* и, встречное направление, – *от знака к теме*. Их назначение едино – определить план содержания текста. В то же время их направленность иная, и именно благодаря этому они дополняют и верифицируют друг друга – каждая проверяет и уточняет результаты другой.

В то же время данные подходы (от темы к знаку и от знака к теме) можно рассматривать и в качестве самостоятельных интегративных методик, ибо каждая из них состоит из двух, да и те имеют такую же двухъярусную композицию. Самостоятельность подходов может быть рассмотрена также и в аспекте кодирования-декодирования текста: адресант-ориентированный анализ текста – от темы к знаку, против адресат-ориентированного анализа текста – от знака к теме.

Рассмотрим оба подхода *как* с точки зрения их теоретического обоснования и развития, *так* и с точки зрения их практического использования.

Теоретические посылки. Философская, социальная, лингвистическая теории XX в. характеризуются преодолением полярности объективистских и субъективистских подходов и уходом от традиционных представлений противопоставления таких категорий, как: индивид – структура, субъективное – объективное, внутреннее – внешнее, теория – практика. Происходит переориентация практики, введение биполярных понятий – концепций, объединяющих и объективные и субъективные начала. Новые подходы характеризуются синтезом идей, единением ранее противостоящих концепций. Особое значение и статус приобретают два направления теории – феноменологическое (идентификационное) и герменевтическое (интерпретативное).

Мы исходим из того, что *план содержания текста являет собой встречу многих противоречивых начал*. Это, во-первых, сущностно-смысловое единство, т. е. единство сиюминутного, актуального, значимого для данного момента и извечного, безвременного, всегда узнаваемого содержания (соотношение времени и пространства). Во-вторых, это единство знания и отношения, информации и оценки, логики и эмоции (единство значения и значимости). И, наконец, это единство предметно-ориентированной и субъектно-ориентированной информации, т. е. единство предмета общения и субъектов общения: кто, о чем и с кем общается (единство структуры и функции, репрезентации и деятельности). Каждое из этих диалектических единств, в свою очередь, строится на своих, внутренне присущих им дихотомиях. Но и это не все. План содержания текста – это также единство статики (нечто данное, отдельное), функции (подчиненное, производное, особое) и динамики (соподчиненное, взаимодействующее, всеобщее), единство репрезентативного, функционального и деятельностного начал. Такую всеохватывающую (программирующую) модель содержания сложного языкового знака, каковым является текст, описывает **каузально-генетическая теория**, разрабатываемая автором данного материала.

Посмотрим поближе на одно из направлений, включенное в данную исследовательскую программу, – рассмотрение плана содержания текста в единстве предметно-ориентированной и субъектно-ориентированной информации, т. е. в единстве предмета общения (со-

общаемое) и субъектов общения (общающиеся), с учетом содержательного потенциала всех элементов структуры общения: кто, о чем, с кем и как общается.

Как предметно-, так и субъектно-ориентированная информация текста могут быть представлены в тексте двояко: 1) с позиции отражения реальности и социального взаимодействия и 2) с позиции конструирования реальности и социального взаимодействия. Во втором случае мы можем говорить о тексте как о виртуальной реальности и о виртуальном взаимодействии. Собственно говоря, текстовая деятельность и являет собой постоянное пересечение виртуальности и реальности. Это еще раз говорит о том, что текст – это все тот же двуликий Янус, одно лицо которого обращено в мир реальности, а другое – в мир знаковой реальности. Анализ плана содержания возможен и необходим не только на знаковом, но и на "надзнаковом" уровне. Иными словами, бесконечное доверие форме и изучение характера ее парадигматического и синтагматического (языкового и речевого) функционирования должно быть уравновешено своего рода "презрением к форме", конструктивным сомнением, ибо именно мы, общающиеся, оживляем ее, наполняя своей жизнью, своим опытом и отношением.

Такой дифференцированный подход актуален и продуктивен для многих исследовательских программ. В частности, мы можем говорить об его использовании:

1) в интердисциплинарных исследованиях. Текст стал объектом исследования практически всех гуманитарных дисциплин, что способствовало как рождению новых методик, с помощью которых исследуются различные аспекты содержания текста, так и пересечению старых. Примером такого пересечения и взаимообогащения являются дискурс-анализ и собственно текстологический анализ. В нашем регионе все большее развитие получает качественное направление социологических исследований, опирающееся на текст и доверяющее ему как социологическому документу.

2) в исследованиях плана содержания текста с позиций адресата, т. е. в аспекте декодирования текста. Для современного исследователя текст – это как бы блуждающая звезда: он – собственность адресанта, но в то же время текст живет благодаря адресату и в его интерпретации. Текст может рассматриваться и автономно: он как бы живет своей жизнью, имеет множество потенциальных смыслов, свое не только интересубъектное, но и интертекстуальное прочтение.

Перед тем как перейти к практическому анализу текстового содержания, остановимся еще на одном вопросе: что именно репрезентует или может репрезентировать текст.

Понятно, что картина мира, которую несет в себе текст, неоднозначна. Мы выделяем четыре ее разновидности: *мир субъект-объектных отношений* (предметно-деятельностная, фреймовая картина мира), *мир субъект-субъектных отношений* (картина социального взаимодействия, ценностный аспект), *знаковая картина мира* (мир субъект-объектных отношений в его знаковом воплощении, национально-языковой аспект) и *знаковая картина социального взаимодействия* (мир субъект-субъектных отношений, представленный в коммуникативных моделях, речеповеденческий аспект). И все это – план содержания текста. Все эти картины мира сворачиваются в тексте в процессе его порождения и могут быть развернуты, дешифрованы, декодированы, актуализированы в процессе восприятия текста.

Анализ предметно-деятельностной картины мира, представленной в тексте. Предметно-деятельностную картину мира, а точнее ее фрагмент, представленный в тексте, мы выявляем с помощью тем (тематических рядов, сетей, структур, иерархий). Соответственно изучение тематического содержания текста для нас есть изучение его предметно-деятельностной картины.

Текст изначально тематичен. Выявление темы/тем текста есть ее/их идентификация и интерпретация. Идентифицировать тему значит актуализировать ее значимость, интерпретация есть актуализация ее значения. *Актуализация значимости* предстает в факте оценки темы, ее ранжирования, т. е. определения места в иерархии других тем текста. *Актуализация значения* темы предстает в факте ее структурного (тематического) развития. Есть развитие – есть и тема. Нет развития – значит то, что могло бы стать темой, темой не стало. Иначе говоря, тема-тематический анализ текста прочитывается нами как ***идентификационно-интерпретативный***.

Исследуя текст с помощью идентификативно-интерпретативной методики, мы одновременно исследуем его структурную, линейную и иерархическую организацию. Так, завершение одной темы и рождение другой говорит о новом этапе текста. Причем каждый этап далеко не всегда совпадает с графическим делением текста на абзацы и части. Это мы видим в нашем случае.

Материалом для нашего практического анализа послужила статья из апрельского номера газеты "Аргументы и факты" (1999. № 8), озаглавленная "Лебедю трудно быть губернатором". Анализ содержания данного текста демонстрирует следующее. В тексте в первой части выделяются две темы, во второй и третьей – одна и в последней – еще две. Так, анализ показывает, что в первой теме первой части говорится (1) о Быкове (мы узнаем, что он, *"на заре учитель физкультуры", сейчас директор КРАЗа, когда-то поддерживал Лебеда, а теперь раскаивается*). Кстати сказать, тот факт, что взаимоотношения Быкова и Лебеда не столь однозначны, говорит о том, что уже здесь мы могли бы "взаимоотношение" выделить в качестве самостоятельной темы, но мы не сделали этого, ибо посчитали недостаточным рематическое развитие этой лишь намечающейся темы. (2) Вторая тема первой части – Центр (мы узнаем, что Центр – это новая сила, новое действующее лицо и что за ним стоят Бордюжа и Колесников, что первый как представитель Центра заявил об угрожающей обстановке в регионе, назвав ее криминальной, впрочем, смягчив эту мысль словами "как и везде", второй возглавляет кампании по проверке. Слово "проверка", в свою очередь, будет подхвачено, далее став тематическим, хотя и в другой терминологии, но это для нас в данном случае неважно. Среди рем данной темы можно обнаружить еще одно лицо – С. Кириенко (экс-премьер, изображал туриста, прибыл с визитом доброй воли), и эта фигура подается с позиции функции (контролер) и просматривается где-то на периферии Центра. Обе темы вполне прорисованы, обе существуют параллельно, не перевешивая ни в одну сторону.

Можно сказать, что вышеназванные темы сохраняют свое существование и далее, лишь уточняясь. Так, первая тема (1) перерастает в *сочетание Лебедь – Быков*, а вторая (2) во *вмешательство Центра*. Первая тема получает свою интерпретацию в следующих подтемах и ремах: (а) *ожидания Быкова от Лебеда* (пропрезидентских, т. е. про-Лебедьских действий, благодарностей); (б) *действия Лебеда* (осознал свою роль и отказался от предвыборных договоренностей); (в) *действия Быкова* (перекупка долгов угольщиков, обретение угля, алюминия и энергии). В результате последней информации изначальная тема "Быков" получает прямое развитие (так, Быков – это обладатель и КРАЗа, и угольного разреза, и Красноярской ГЭС). Развитие инфор-

мации *о сочетании Лебедь – Быков* подводит к мысли, что оно является *миной замедленного действия*.

Последние слова можно считать также тематическими, ибо вторая тема есть логическое следствие этого вывода, а значит, можно говорить о единой теме, которую можно назвать *"вмешательство центра с целью обезвреживания мины замедленного действия, какой являются Быков – Лебедь"*. Именно эта тема – "действия по обезвреживанию мины" – получает свое развитие. Так, ее ремами становятся действия против связки "генерал и бывший учитель физкультуры" (и надо сказать, что повторение этих слов в конце, а также спекуляция на определениях к слову "генерал" – вначале отставной, затем свадебный и, наконец, фронтовой – делают их тематическими. Эти действия – проверка законности приватизации и других материалов отчета с тем, чтобы найти компромат на Быкова. Так появляется связка Кириенко – Чубайс и победа Центра как победа правительства. В итоге мы можем развернуть вышеназванную тему во фразу "цель достигнута".

Каждый раз, продвигаясь в чтении текста, мы задавали себе вопрос: "Так что же тут главное, о чем повествует автор, что он сказал?" В дальнейшем мы перефразируем мысль, если она слишком пространна или подхватываем имеющееся слово в том случае, если оно конкретно, тематично, информативно. В нашем случае тематичными стали субъекты, ибо к ним автор обратился как к объектам описания: он не дал им слова, ни с читателем, ни с автором они никак не взаимодействуют.

Изложив идею, автор подал ее в определенной коммуникативной (речеповеденческой) форме. Мешает или способствует эта форма пониманию, подводит ли к основной идее или уводит от нее? Значимость ответа на эти вопросы возрастает, если соотнести их с еще одной группой вопросов: как именно читается статья? Анализирует ли читатель описанное или просто "скользит" по событиям, отдыхает и "общается" с газетой? Что имеет место в первую очередь – интеллектуальная или коммуникативная деятельность? Активен или пассивен читатель?

Анализ характера речевого поведения также важен для выявления тех тем, которые становятся предметом коммуникации. Перейдем к такому виду анализа.

Анализ специфики общения автора газетной статьи с читателем: жанрово-нарративный, лексико-стилистический, интертекстуальный и риторический анализ, а также анализ видов дискурсов и текстовых реминисценций. Коммуникативные модели – это то, в чем прячется или раскрывается (в зависимости от ситуации) наше отношение к собеседнику. Анализ текста с этих позиций (анализ формы общения) способен дать нам понять, как относится автор к нам и к тому, о чем он/она говорит с нами.

Знаковая картина социального взаимодействия предстает перед нами в системно- и структурно-функциональной данности (жанре статьи, характере нарратива, с учетом специфики наполняемости его структуры, лексико-стилистической характеристики используемых знаков), а также линейно- и иерархически-функциональной данности (с учетом интертекстуальных и социально-ролевых компонентов содержания текста).

Посмотрим, какой тип общения с читателем предложен в анализируемой нами статье. *Лексико-стилистический и риторический анализ текста, а также анализ видов дискурсов, текстовых реминисценций* показывает, что знаковый образ статьи представляет собой *смесь*:

- 1) воровского/криминального жаргона ("не уважает", "зачистили", "браток", "договориться по понятиям");
- 2) маргинальной лексики ("писать кипятком");
- 3) профессионализмов ("выставить компанию на процедуру банкротства", "толлинговая схема используемого глиноземного сырья");
- 4) просторечий ("по гроб жизни");
- 5) разговорной лексики (употребление "надо сказать" в значении "кстати", употребление союза "да" вместо "и", а также выражений "смешно сказать", "что он там наговорил – неизвестно");
- 6) штампов советской и постсоветской прессы ("визит доброй воли", "моральная поддержка");
- 7) устаревшей либо книжной лексики ("фаворит", "сыщик") иногда рядом с современными штампами ("порученец по ответственным делам");
- 8) риторических приемов ценностной пропаганды ("всякий здравомыслящий человек должен был понимать");

- 9) метафорического языка (рядом со словосочетанием "свадебный генерал" метафоричными становятся и словосочетания "отставной генерал", "фронтальной генерал");
- 10) нарратива сказки ("ни много, ни мало", "и вот тут...", "и пошел к своей цели другим путем", "и Центр вмешался", "и Лебедь там же");
- 11) общих мест, как-то: пословиц, поговорок ("таскать каштаны из огня");
- 12) стиля (структуры) тезисов, научной статьи, доклада ("Быков ждал, что Лебедь: а) ...; б) ..."; "красноярский уголь в отличие от... рентабелен, поскольку разрабатывается открытым способом: машины разгружают вагоны за 50 сек ...");
- 13) нарратива расследования ("для справки:...");
- 14) аллюзий, текстовых реминисценций (в том числе литературных – использование имени героя поэмы Гайдара "Мальчиш-Кибальчиш", вставки из фильма "17 мгновений весны", фразы "яд в уши" из пьесы Шекспира "Гамлет" и образа чистой попки младенца из рекламного ролика о памперсах).

Жанровый анализ. Самый первый взгляд на название рубрики статьи дает нам основание утверждать, что это жанр журналистского расследования, что поддерживают представленные вверху третьего столбика выделенные жирным шрифтом слова "для справки" и сама справка, данная курсивом.

Взгляд на текст с позиций его структуры (то есть выделенных частей и данных этим частям подзаголовков) подводит нас к другому суждению: Этот жанр – гадание на картах. Так, посмотрим на подзаголовки статьи: "Завязка. Как это было", "Разбитые иллюзии", "На чем сердце успокоится".

Чуть более требуется времени, чтобы понять, что это также жанр пьесы. Начало: обозначены все герои пьесы (выделены жирным шрифтом, чтобы не было сомнений, кто ее "герои". Концовка: описание того, что случится в будущем, описание мыслей главных героев (что знать автору не дано) с безапелляционной уверенностью (но кому, как не автору, – создателю персонажей – это знать!) ("Примаков воспользуется ...", "Быков... еще не подвешен, но это произойдет", "Не больше этого он думает ...", "Спустив гончих, он, конечно, думает..." и т. д.). Поддерживает в сознании читателя идею виртуальности, театральности происходящего и лексика ("но это другой персонаж"), а

также показная отстраненность автора (от того, что он пишет) вместе с актуализацией функции развлечения, просматриваемая при проведении лексико-стилистического анализа статьи.

Анализ статьи с позиции того, как реализуется каждый из заявленных жанров, а также как именно ведется нарратив, какие функции актуализируются в нем, показывает следующее.

Жанр журналистского расследования актуализировал функцию привлечения внимания, но раскрытие дела происходит через анализ виртуальной реальности. Так, может, это – своего рода сериал об известном сыщике? Нет. Заданный жанр себя не реализовал. Только обозначился. Жанр "гадание на картах" также не выдержан полностью. Таким образом, мы можем констатировать лишь наличие намека на каждый из вышеназванных жанров, но это ни одно, ни второе, ни третье, а значит, это своего рода коллаж – жанр, появившийся в наших СМИ относительно недавно и представляющий собой некую разновидность отстраненного письма – здесь есть все: и проблемы и скандалы, и всерьез и игра, и мы и они, и разжевывание и творчество (читатель складывает свой коллаж, начало которому положено также и картинкой – фотографией с изображением еще одного коллажа – столкнувшаяся пара автомобилей, а ниже – баранов, и вдали в тумане город с фабричными трубами). И опять мы наблюдаем столкновение объективной и виртуальной реальности. Такова наша сегодняшняя жизнь. Так рождается новая тема статьи – "это мы такие сегодня", поддерживаемая афоризмом, напечатанным крупным шрифтом в левом нижнем углу страницы, которую полностью занимает статья: "Нельзя допустить распродажу России. Лучше мы ее сами разворуем".

8.2. ВИРТУАЛЬНАЯ РЕАЛЬНОСТЬ ТЕКСТА В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ИССЛЕДОВАТЕЛЯ

Объектом нашего внимания является тематическая информация газетного текста с учетом ее знаковой репрезентации, другими словами, – виртуальная реальность текста.

Так как всякая виртуальная реальность строится не только на виртуальных объектах, но и на субъектах, нами был проведен коммуникативно-ролевой анализ персонажей текста с тем, чтобы выявить, кто из них становится субъектом коммуникации и влияет на то, какое содержание актуализируется в тексте и как происходит процесс обще-

ния с аудиторией. Параллельно мы стремились выявить, насколько активен или отстранен автор статьи от создаваемого им виртуального мира и к чему это в результате приводит.

Соответственно категориями нашего анализа стали:

- ключевой объект коммуникации (основная тема текста с учетом ее знаковой репрезентации);
- ключевой субъект коммуникации (кортеж общения, субъекты так, или иначе включенные в текст и влияющие на характер коммуникации).

Подчеркнем, что не всякий вовлеченный в поле текстовой коммуникации субъект может стать ключевым субъектом общения. Он или она могут быть просто персонажами текста, т. е. объектами коммуникации. Их роли и они сами описаны объективированно, но им не дано слова, у них нет роли в коммуникации.

Изучая знаковую репрезентацию ключевых субъектов и объектов, мы не могли не анализировать их значимость в статье по ходу ее развития. Иначе говоря, для нас важным было, в какой части структуры текста эти слова расположены.

В структуре газетной статьи традиционно выделяются: 1) заголовок; 2) "лид", или зачин, т. е. начало статьи; 3) тело статьи (body); 4) заключение.

Однако их роль в разных газетных жанрах различна. Если для новостной информации значимость зачина, т. е. начала статьи, превышает все остальные элементы структуры, то для аналитики значимость возрастает вместе с развитием текста. Соответственно и место ключевого субъекта и ключевого объекта. С учетом того, что анализируемая нами статья "Лебедю трудно быть губернатором" написана в жанре аналитического материала, понятно, что результаты анализа завершающего элемента структуры текста следует рассматривать с особым вниманием.

В своем исследовании мы использовали компьютерную программу KWALITAN, сегментируя текст и выделяя ключевые узлы текста (слова, словосочетания, предложения и фразовые единства). Результаты первого этапа анализа (определения ключевого объекта каждого структурного элемента текста) приведены в таблице 1.

Итак, выделенную ключевую синтагматически организованную лексику мы анализировали на предмет поиска ключевого слова или слов. В таблице они выведены в нижний ряд. Полученная линия клю-

чевых слов (объектов) всех значимых элементов структуры текста подводит нас к главному ключевому слову – последнему в образовавшейся цепочке:

Трудности (Лебеда). **Сюжет** (действующие лица: Быков, Лебедь, Центр). **Проблемы** (в отношениях Лебеда и Быкова). **Конфликт** (Быкова и Центра). **Власть**.

Таким образом, ключевым объектом коммуникации, а значит, и темой становится слово **власть**.

Далее перед нами встает задача определения ключевого субъекта коммуникации. Читая текст, мы обнаруживаем 10 персонажей, которые можно свести к четырем, ибо шесть из них представляют "Центр" и само слово "Центр" многократно фигурирует в тексте самостоятельно, т. е. в качестве такого обобщенного субъекта. Все субъекты вместе со словами-характеристиками и в соответствии со структурой статьи представлены в таблице 2. Итак, нашими персонажами являются Лебедь, Быков, Центр, автор статьи и читатель. Рассмотрим каждого отдельно.

Фамилия Лебедь встречается в тексте либо в окружении определений, которые характеризуют его с той или иной стороны: "Лебедь губернатор", "Лебедь генерал", "отставной генерал", "фронтовой генерал", "свадебный генерал" и т. д. Либо в окружении глаголов "даже помог", "осознал", "ни разу не был", "перестал отвечать на звонки", "морально обязан", либо глаголов в пассивном залоге: "спохватился слишком поздно", "испугался", "проконтролировать Лебеда". Все это указывает на то, что данная фигура так и останется персонажем. Автор его не цитирует. Только в одном случае автор дает ему слово, но при этом цитату обставляет таким образом, чтобы показать его двуличность и чтобы читатель не воспринимал его серьезно ("И вот тут Лебедь по-настоящему испугался и поехал в Москву. Что он там наговорил Примакову – неизвестно, но общественности Лебедь заявил ни много ни мало, что премьеру остается либо доказать свою состоятельность, либо уходить в отставку"). Из всего сказанного следует, что Лебеда автор ключевым субъектом коммуникации так и не сделал, хотя статья называется: "Лебеда трудно быть губернатором", но трудности Лебеда так и остались объектом, что и демонстрирует таблица 1.

Персонаж номер два – Быков. Его появление гораздо более частое, но остается, по существу, таким же, как и Лебеда. По отношению

к Быкову употребляются следующие определения: "на заре своей юности учитель физкультуры", "ныне председатель совета директоров", "слабоуправляемый", "контролирующий", и глаголы "ждал", "будет", "вынашивал", "понял". И хотя в определениях Быкова есть и такие, которые содержат его фамилию и указывают на полную ему принадлежность: "быковские юристы", "быковский уголь", "быковский алюминий", все равно у него нет ни одной цитаты, ни одного активного высказывания по отношению к кому-либо или чему-либо. По существу, его также автор не делает ключевым субъектом.

Персонаж номер три – Центр. Хотя этот персонаж выступает во многих лицах, судьба большинства из них такая же. Это значит быть окруженным определениями, причем в том числе и уничижительными ("Кириенко изображал туриста"). Вместо фамилий некоторые представители центра получают клички, как например: "железный Толик", "железный Примус". И все же один из представителей центра – Чубайс получает возможность прокомментировать одного из персонажей, а именно Лебеда: "Чубайс, и в этом он не оригинален, считает генерала непредсказуемым, а еще вернее – поддающимся влиянию". Однако высказывание Чубайса автор подает не в прямом цитировании, а в своем изложении, одновременно давая характеристику и самому Чубайсу: "он не оригинален".

Что же получается? Ключевые субъекты в данном тексте отсутствуют вообще? Анализ показывает, что это не так. Ключевым субъектом бесспорно становится автор, фамилия которого указана в конце, а его статус и цель в начале текста словами "журналистское расследование". Автор делает расстановку персонажей, включает их в сюжет и сам описывает проблему. Делая это, он сам задает вопросы и сам на них отвечает. И это повторяется во всех элементах структуры текста, кроме заголовка. Автор вводит дополнительную информацию под рубрикой ("Для справки"), комментирует и дает оценку цифрам ("одна любопытная цифра"), завершает материал, описывая со всей убежденностью будущие шаги своих персонажей. Эти элементы говорят об активности автора, несмотря на отсутствие прямых комментариев. И это дает основание оставить без комментариев последнее и основное ключевое слово в ряду ключевых слов – слово "власть".

Ассоциации, которые рождаются здесь, – это не только власть центра, но также и власть средств массовой информации. А скорее всего они выступают в одном лице (см. таблицы 1, 2).

Таблица 1

Элементы структуры			
	заголовок	зачин	"тело" статьи (1-я часть)
К л ю ч е в о й О б ъ е к т	<i>Лебедю трудно быть губер- натором</i>	<i>Завязка. Как это было</i> Сначала Быков публично зая- вил, что ошибся в Ле- беде и раскаивается Сюжет закрутился с новой силой с появле- нием нового <u>дейст- вующего лица</u> Центра Бордюжа заявил, что в Красноярске сложилась угрожающая крими- нальная обстановка Вскоре после этого вылетела комиссия Наконец, на прошлой неделе в крае побывал с "визитом доброй во- ли" Сергей Кириенко, незатейливо изобра- жавший из себя туриста Из-за чего вся эта шу- миха?	<i>Разбитые иллюзии</i> <u>Сочетание Лебедь-Быков</u> не могло не вызвать вопросов Проблема здесь в неадекватности ожиданий Быков ждал, что Лебедь (будет ко- вать предстоящий триумф, в хозяй- ственную жизнь края не полезет, бу- дет по гроб жизни обязан за оказан- ную в ходе выборов "моральную поддерж- ку") Генерал же считал, что Быков (будет "писать кипятком" только от того, что прикоснулся к самому Лебедю, поймет свое место в новой, послевы- борной ситуации) Анатолий Петрович (Быков) вына- шивал мечту: "Хотим контролиро- вать весь цикл –от добычи угля до производства алюминия" Когда Лебедь осознал, какая роль ему отводится, он отказался от пред- выборных договоренностей И Быков понял, что договориться с ним по человечески, "по понятиям", не получается, и пошел к своей цели другим путем Его фирмы перекупили долги уголь- щиков Губернатор оказывался же между быковским углем и быковским алюминием Лебедь по-настоящему испугался и поехал в Москву
	Трудности (Лебеда)	Сюжет (действующие лица: Быков, Лебедь, Центр)	Проблемы (в отношениях Лебеда и Быкова)

	Тематические слова
--	--------------------

Продолжение табл. 1

Элементы структуры	
"тело" статьи (2-я часть)	заключение
<p><i>Буря в тайге</i> *</p> <p>Центр вмешался</p> <p>Первое, что поднял Колесников, был четырехмесячной давности отчет счетной палаты</p> <p>Приватизация завода может быть признана незаконной</p> <p>Самое смешное, что полученная прибыль пошла иностранцам</p> <p>Масштаб уведенной прибыли позволяет требовать возврата денег через суд</p> <p>Комиссия Колесникова собирается поднять нераскрытые убийства последних лет</p> <p>На самого Быкова данных якобы нет (впрочем, сегодня нет, завтра есть)</p> <p>Анатолий Петрович (Быков)</p> <p>упоминается в деле о серии убийств бизнесменов</p> <p>Некоторые из убитых перед гибелью вступили с последним (Быковым) в конфликт на почве все того же алюминия</p>	<p><i>Чем сердце успокоится</i> *</p> <p>Красуголь отходит РАО ЕЭС (Чубайс)</p> <p>Задачей Кириенко было наглядно объяснить, что если будет <u>чужих</u> людей слушать, останется вообще ни с чем</p> <p>Но больше этого он думает об усилении власти</p> <p>Примаков воспользуется перешедшим в открытую фазу конфликтом, чтобы <u>потеснить всех</u></p> <p>Первый шаг – уголь края, который уже <u>принадлежит</u> РАО ЕЭС, фактически правительству</p> <p>Лебедь уже <u>морально обязан</u> правительству, И этот <u>долг</u> может стать не только моральным</p>
<p>Конфликт (Быкова и Центра)</p>	<p>Власть (Центра)</p>
Тематические слова	

Таблица 2

Заголовок	Лебедь	Быков
	<i>Лебедю трудно быть губернатором</i>	
Зачин Завязка. Как это было		Быков на заре своей юности учитель физкультуры Ныне председатель совета директоров, поддержавший Лебеда на выборах, раскаивается, что помог ему прийти в край
«Тело» статьи Разбитые иллюзии	Генерал же, строящий отношения на несколько иных принципах, привыкший людьми пользоваться, считал пока праздники да похмелье – Лебедь спохватился слишком поздно Когда Лебедь осознал, губернатор оказался бы между быковским углем и быковским же алюминием Лебедь по-настоящему испугался общественности, Лебедь заявил ни много ни мало...	Быков ждал, что Лебедь... в хозяйственную жизнь края не полезет – тебе верхки, мне корешки, тебе политика, мне бабки Быков будет "писать кипятком" только от того, что прикоснется к самому Лебедю Его фирмы перекупили долги, расчет быковских юристов был верен
Буря в тайге		Это не приговор Быкову, банку "Металэкс", контролируемому Быковым Быков упоминается в деле о серии убийств, осуществленных группировкой саянского братка Татарина Татарина с Быковым связывала дружба
Заключение Чем сердце успокоится	Чубайс считает генерала (Лебеда) непредсказуемым, а еще вернее – поддающимся влиянию	
Выводы	Пассивен, заявлен как главный герой, но подбор слов и последовательность их размещения в статье это отвергают. Его персоной привлекают потенциального читателя, однако реально он является только фоном.	Активен, с ним в связке употребляется много глаголов. Неоднозначен, ему даются противоречивые, иногда полярные характеристики. Для создания образа используется много профессиональной, криминальной и маргинальной лексики. Информации много, но к последнему структурному элементу текста он как активная фигура исчезает

Продолжение табл. 2

Заголовок	Центр	Автор-читатель
		<i>Журналистское расследование</i>
Зачин Завязка. Как это было	Новое действующее лицо - Центр Бордюжа заявил, что ... Комиссия во главе с 1-м замминистра внутренних дел Колесниковым Экс-премьер С. Кириенко, изображавший туриста	
«Тело» статьи Разбитые иллюзии Буря в тайге	Центр вмешался Первое, что поднял В. Колесников, был отчет счетной палаты, которая проверяла КраЗ Аудиторы пришли к выводу В МВД о Колесникове говорят как о сыщике от природы Еще комиссия Колесникова собирается поднять нераскрытые убийства последних лет.	Всякий здравомыслящий человек должен был понимать ДЛЯ СПРАВКИ (авторский раздел) В отчете есть еще одна любопытная цифра
Заключение Чем сердце успокоится	Что получается: по первому слову Лебеда Примаков бросился топить его врага Евгений Максимович не производит впечатление человека, чьими руками таскают каштаны из огня Вслед за Колесниковым еще один мирный посланник центра – С. В. Кириенко Его послал Чубайс, чтобы проконтролировать Лебеда Чубайс дал угольщикам 71 млн. рублей Гонца послал не железный Толик, а железный Примус Примаков воспользуется конфликтом, чтобы потеснить всех	Ведь сколько захватывающих вопросов во всей своей молчаливой красоте встает перед суперсыщиком В. Колесниковым. Например, сколько единичек и нулей было у предвыборной дружбы генерала и учителя физкультуры...
Выводы	Активен, присутствует во всех структурных элементах текста. Характеризуется нейтральной лексикой. Присутствует в тексте в прошлом, настоящем и будущем времени. Активность возрастает постепенно. И заключение (последний структурный элемент текста) – это исключительно информация о центре в ключе власти	Нет прямого обращения к читателю, но диалог с ним все-таки ведется на уровне вскользь оброненных фраз, дополнений и оценок. Использует прием, при котором не делает окончательных выводов и предоставляет читателю самому додумывать и оценивать ситуацию. Вместе с центром может рассматриваться как ключевой субъект коммуникации

8.3. НАЦИОНАЛЬНО-КОНСОЛИДИРУЮЩИЙ ДИСКУРС БЕЛОРУССКОЙ ПУБЛИЦИСТИКИ НАЧАЛА XX ВЕКА

Белорусские литераторы всегда были и остаются реальными субъектами политического дискурса. Слово писателя – это одновременно и слово, обращенное в глубь веков, голос традиции и, в то же время, слово прорыва, бунта, движения вперед. Именно писатель берет на себя тяжелую ношу трибуна, глашатая, пророка. Может, поэтому славянские народы видят в писателе цвет нации, ее совесть и боль.

На сегодняшнем этапе для белорусов актуален дискурс, получивший название дискурса единения или консолидации, пришедшего на смену дискурсу освобождения и возрождения. Целью последнего было привлечь внимание к национальным истокам: *кто мы, что мы, откуда пришли, чем отличаемся от других?* Цель нынешнего дискурса более прагматична: *что нас объединяет, что мы можем?* Так, вслед за отторжением и самоопределением возникает естественное стремление обрести внутреннюю силу и найти союзников. В этом состоит дискурс консолидации. Как он развивается, от чего зависит его успех? Мы не будем спешить с ответами, ибо хотим разобраться вначале с выбором алгоритма исследования. В этой связи мы посчитали необходимым проведение пилотажного исследования на материале, который обладает определенной целостностью, но в то же время разбит на некие этапы и представлен разными людьми.

Таким материалом для нас стал хрестоматийный для белорусской литературы начала XX в. цикл статей из газеты "Наша ніва", объединенных общим заглавием "З нашага жыцця". В частности, мы взяли две статьи белорусского поэта, публициста, сотрудника "Нашай нівы" **Сергея Полуяна**, журналиста **Винцука Титовича** и историка, публициста, писателя, академика **Вацлава Ластовского** (см.: *Наша ніва*, 1996, 507, 541, 557 и 591). Эти статьи были написаны в то время, когда белорусский народ получил шанс кардинально изменить свою историю. Белорусская публицистика активно обсуждала вопросы организации национальной жизни – создания национального государства, определения статуса национального языка и развития народного образования, т. е. весь комплекс проблем связанных с возрождением Беларуси. При этом не было до конца ясно, есть ли силы, способные превратить национальную идею в жизнь.

Приступая к исследованию, мы исходили из того, что качественный анализ этих текстов в какой-то степени поможет нам **реконст-**

руировать реальность того времени, проследить как, национальная проблема была представлена в дискурсе белорусских публицистов, какое развитие она получила. Это и явилось целью исследования. Непосредственными задачами стали: 1) определение тематического поля национально-ориентированного (национально-консолидирующего) дискурса начала века и его развитие в таких измерениях, как пространственное (структурирование тем), временное (линия тем), знаковое (обозначение тем и их интерпретация), риторическое (формирование поля воздействия на адресата) и оценочное (констатация ценностных ориентиров); 2) определение характера взаимодействия "писатель-читатель" в рамках дискурса национального возрождения, определение роли (ролей), которую (которые) на себя берет писатель, а также форм общения (жанровых приоритетов) и особенностей (характеристик) дискурса консолидации с позиций реализации коммуникативных стратегий. В связи с тем, что исследование носит пилотажный характер, мы преследовали и специальные задачи, основная из которых это – 3) апробация ряда методик качественного анализа текста в их самостоятельности и взаимодействии. В частности, для нас важно было, во-первых, определить, что именно дает каждая из методик, в чем ее специфика, эксклюзивность, значимость, во-вторых, каков результат взаимодействия методик, действительно ли они взаимодополняемы.

Значимость данного исследования мы видим в выходе за рамки сугубо литературоведческого или журналистского подходов (в рамках которых традиционно освещались материалы публицистики) в поле содержательного анализа с помощью лингвистических (каузально-генетических) и дискурс-методик с использованием элементов социально-ролевого, жанрового, риторического, коммуникативно-стратегического, идентификативно-интерпретативного анализа и анализа ключевых слов. Ряд этих методик еще только пробивают себе дорогу, другие уже давно зарекомендовали себя. Согласно нашей гипотезе, каждая из них фиксирует лишь один из аспектов плана содержания текста, а вместе же они более полно отражают реальность текста в его многогранности и полифункциональности. Стремление вовлечь в исследование самые разные подходы вызвано необходимостью получения более цельных и объективных результатов. Интегративный анализ, по нашему глубокому убеждению, позволяет ослабить субъективные акценты, присущие любому качественному исследованию *a priori*,

а именно: он может стать "проявителем" социальной реальности, отраженной в материалах вербальных социологических документов.

Это убеждение основано также на размышлениях более общего плана. Истина многолика, нет и не может быть единой правды в мире людей, живущих в разных исторических условиях, а значит, и по-разному воспринимающих будущее, но есть одна реальность, один мир, и он присутствует в пространстве речевой деятельности. При изучении этой вторичной, вербализованной реальности, т. е. дискурса, неизбежно разнообразие подходов. Только используя различные методологические парадигмы – позитивистские, интерпретативные (феноменологические, интерактивные, герменевтические), постмодернистские и соответственно различные методики, – мы можем охватить его во всей его целостности.

Сильная сторона интегративного исследования заключается, по нашему мнению, также и в том, что возможные сбои исследовательских технологий в отдельных случаях не перечеркивают результаты в целом, а в процессе многоступенчатого анализа высвечиваются как детали, так и общие тенденции. Одна методика спорит с другой, но и помогает ей. При этом важна определенная объективизация каждой из методик, формализация ее шагов, определение параметров, адаптация к анализу конкретных текстов.

Из вышесказанного складывается идея построения такого методического обеспечения исследования, которое бы было объективно по своей сути (последовательно/пошагово определено терминологически, допускает возможность повторения), обладало бы творческим потенциалом (с учетом возможности неоднозначных прочтений текстов использовало бы не одну, а ряд методологических программ, т. е. различные сочетания методик), и было бы, наконец, результативно (работала бы каждая методика в отдельности, и все они вместе).

Приняв во внимание все эти замечания, посмотрим на результаты многоступенчатого анализа вышеназванных текстов с учетом их взаимосвязанности.

Общая характеристика материала в современном контексте. "Наша ніва" (1906 –1916 гг.), редакторами которой все эти годы были братья Луцевичи, – вторая белорусская газета, увидевшая свет после революции 1905 г. (она приняла эстафету у газеты "Наша доля", 1905-1906 гг.), была возрождена в 90-е гг. нашего столетия в том же городе Вильнюсе (Вильно), где она и издавалась в начале века. Центральная

тема газеты оказалась "долгожителем" и вновь напомнила о себе в конце века – национальное возрождение, самостность, самосознание белорусов. Разница лишь в том, что авторами газеты в начале века были белорусы, проживающие на своей земле, а в наши дни она стала рупором белорусов, живущих за рубежом.

Выбранные нами для анализа тексты самостоятельны и самодостаточны, но, учитывая единый формат и принадлежность к одному циклу материалов, их можно рассматривать в качестве единого текста. Мы попытаемся совместить оба подхода, но начнем с последовательного анализа материала с целью изучения того, как развивался дискурс во времени. Итак, обратимся к ПЕРВОЙ статье С. Полуяна (№ 36/37), открывающей данный цикл материалов.

Идентификационно-интерпретативный анализ. Определяющие темы текста с учетом их значимости (иерархии) и значения (рематического/структурного развития) могут быть представлены такими тремя тематическими группами, как "мы-они" ("*мы-яны*"), "язык" ("*мова*") и "национальная жизнь" ("*національнае жыццё*"): 1) антитеза "**мы-они**" для С. Полуяна – это противопоставление узкой, вполне определенной группы людей широкой непосредственно не идентифицируемой аудитории, которую надо за собой вести, воспитывать, обучать и т. д.; в то время как 2) **язык** – это средство сохранения белорусами своей идентичности, а цель – это 3) полноценная **национальная жизнь** – организация (через язык) национальной школы, науки и культуры. Таким образом, все три темы смыкаются, будучи представленными единой денотатной картой/структурой с ценностной ориентацией по отношению к основе этой структуры: **языку** (объект) – **прочному фундаменту здания** (оценочная метафора, образ) – **залогу сохранности** (роль, функция). Такая усиленная метафорой, оценкой и функциональной характеристикой тема расширяет круг читательской аудитории, привлекая и тех, кто любит размышлять рационально, и тех, кто мыслит эмоциями. Таким образом, в первом тексте мы выделяем триединую тему в единстве речеповеденческого и объективированного содержания.

Анализ содержания текста через линию ключевых слов, отражающих ключевые объекты и ключевые субъекты. Данная методика впервые была описана в выпуске 1 (*Методология*, 1998, 200 – 204) и сводится к тому, что ключевые слова в тексте организованы не только парадигматически, но и синтагматически, а значимость места в

синтагме во многом зависит от жанровой специфики текста. Так, в новостных материалах важно первое, а в аналитических – последнее слово в цепочке языковых знаков. Определяя ключевые узлы текста, мы проанализировали материал на предмет поиска ключевого слова или слов в каждом структурном элементе текста (заголовке, зачине, "теле", заключении).

Полученная линия ключевых слов при анализе текстов газеты "Наша ніва" выглядит следующим образом: *"нашае жыцьцё"* → *"уласнае нацiональнае жыцьцё"/мы* → *"мова"* → *мы/голос-яны/грамада/народ/многiя* → *наш рух/гiстарычная сiла/задача"*.

С учетом того, что последним словом в цепочке стало слово "задача", а сам материал не является новостным, можно предположить, что именно оно обладает наибольшим тематическим весом в тексте, несмотря на тот факт, что оно встретилось лишь единожды. Тематичность и вес слова "задача" подтверждаются наличием многопланового тематического развития: с помощью 1) атрибутов, как напр., *задача "першая, неадкладная"* и 2) тематического развития в двумодальном ключе: реальность-нереальность (требование дать возможность национальному языку завоевать место в обществе, предупреждение, что без решения этой *задачи* невозможно построить *"будынак ўласнай нацiональнай iдэолёгii"*).

Надо отметить, что переход к этому главенствующему в тексте слову достаточно плавен и логичен. Так, очень быстро от *"нашае жыцьцё"* автор переходит к *"уласнае нацiональнае жыцьцё"*, поддерживая и закрепляя определение *"нацiональнае"* и в последнем абзаце помещая его рядом со словами *"глеба", "асобнасць", "рух", "iдэолёгiя"*, в то время как *"наша"* быстро перерастает в *"мы"*, и уже рядом с *"мы"* появляется тема *"мова"* с такими атрибутами, как *"бацькаўская", "спрадвечная", "нашай", "вашай"*, и глаголами повелительного наклонения *"не чурайцеся"* или вопросительной форме *"цi шануеце?"*.

Ряд слов, окружающих слово *"мова"*, многогранен, эмоционален, имеет полюсно-оценочную направленность. Так, *"мова"* – это и *"пытанне, вечна новае"* и *"вечна старае"* и *"выбар"*, она – *"бацькаўская, спрадвечная"*, но она и *"смешная", "нелюдская", около нее "праклён"*. Такой подбор слов образует семантическое напряжение.

"Мы" у С. Полуяна противопоставлено словам *"яны/грамада/народ/многiя"*, которых *"мы"* еще только завоевывает. *"Они"* пока не

активны, хотя *"маглі бы пачаць барацьбу ня толькі на паперы"*. Пассивность "их" противостоит активности "мы" и его перехода в "наше движение" (*"рух"*), "историческую силу", которая должна выполнить великую задачу. Со словом "задача" соотносятся слова "проблема, вопрос, язык" (*"праблема, пытанне, мова"*). Последнее слово появляется и пассивно (*"пра мову нашу беларускую"*) и активно (*"пытанне пра мову вылезе на першы план"*), и опять пассивно (о ней – *"мове" "думаюць"*, за нее *"сражаюцца"*), и вновь активно: она — *"аснова жыцці"*). Так, темы "мы-они" и "язык" подкрепляются дихотомией грамматической формы актив-пассив, объективируясь и объединяя речеповеденческий и семантический содержательные пласты. Но если "они" максимально объективируется, то "мы" остается ключевым субъектом коммуникации, и когда "мы" входит/отождествляется с *"народом"*, *"супрацоўнікамі газеты"* и *"грамадой чытацеляў"*, *"многімі"*, то тогда и им перепадает возможность стать субъектом. Изменчивость семантического наполнения "мы" создает впечатление его постоянного присутствия, в том числе и в *"грамадзе"*, *"народзе"* и т. д. От этого нагнетается общее впечатление о силе и вездесущности "мы", хотя в тексте есть признание автора в отстраненности "мы" от *"многіх"*. "Мы" в большинстве случаев – это неперсонифицированный, обобщенный персонаж. Именно на него возложена *задача*. Но "мы" – это и прямое указание на читателя. Переход "мы" от ключевого субъекта к ключевому объекту и обратно, единение объекта-субъекта, безусловно, информативно, тематично, содержательно, но в то же время и в определенном смысле манипулятивно.

Жанровый и социально-ролевой анализ. По всей вероятности, цикл *"З нашага жыцця"* не случайно начинается со статьи С. Полуяна, являющегося сотрудником газеты. Он часто обращается к своим читателям со страниц газеты и делает все, чтобы ввести их в новую тему. Автор поддерживает естественность общения с читателем, используя разговорный стиль. Так, уже самое первое его предложение структурно неполно (*"Цяпер ужо можна гаварыць і пра нашае жыццё"*). В том же ключе продолжается беседа. Широко используется разговорный синтаксис с характерным для него помещением союзов в начале предложения и даже в начале абзаца (*"Ешчэ..."*, *"І..."*, *"Бо..."*, *"Тады..."*), наличием неполных предложений (*"Залажылі газету"*, *"Дау перэсцярогу народу..."*), инверсией (прилагательное после существительного), использованием многоточий, тире, привычных

стереотипов ("*паклаушы руку на сэрцы*").

Жанр разговорного обращения сохраняется на протяжении всего материала, однако он претерпевает ряд изменений – становится все более жестким, динамичным. От собеседования, рассуждения он переходит к прямым вопросам, сожалениям, требованиям, утверждениям, постановке задачи. От интимности в начале – к призывам, ораторствованию перед массами в заключении материала. Слово носит эмоциональный, активный, творческий характер.

Мы не можем отнести этот материал к жанру "полемика", ибо здесь нет ни оппонента, ни оспариваемой темы. Проблема берется как данность, мнение только одно (словно, изначально всеми принимается).

Соответствуют жанровой характеристике и те роли, которые автор берет на себя, – нарративист и дидакт/учитель (1-2-й абзацы), обвинитель и моралист (3-й абзац), лидер, вождь, агитатор, трибун (4-й абзац).

Если посмотреть на роль автора в коммуникативной ситуации, то он предстает и как часть аудитории, и как ее противовес – активная, грамотная, обеспокоенная часть.

Риторический анализ. Отстаивая в статье право народа (в данном случае не всего, а только его образованной части) строить свой национальный дом, автор обращается к метафоре и метонимии. Проблема языка непосредственно связана с перспективой национальной независимости. Родной язык – неотъемлемый атрибут нации. Строительство национального дома, в свою очередь, является двойной метафорой и означает воссоздание утраченной государственности. Для усиления воздействия на аудиторию автор неоднократно использует такой риторический прием, как единоначатие ("*Толькі тады... Толькі адрадзіушы...; Шмат часу... Шмат чаго...; Назьбіралі... Назьбіраліся...*"). В статье также используется риторический прием "общий вагон", требующий от аудитории включения в общий кортеж: "*Паклаушы руку на сэрцы, ці усякі з нас...?*").

Анализ коммуникативных стратегий. В статье мы наблюдаем использование следующих коммуникативных стратегий: 1) призыв к переменам (автор провозглашает необходимость перемен в общественной жизни и указывает их направление); 2) подчеркивание оптимистического взгляда на будущее (пафос статьи оптимистический, автор подчеркивает, что много уже сделано, но основные изменения к лучшему впереди, если, конечно, читатели будут заодно с автором); 3)

выступление в защиту традиционных ценностей (призыв к переменам возможен, по мысли автора, только при сохранении родного языка, культуры, морали) и 4) атака. Последняя используется по отношению к той части общества, которую еще надо воспитывать и обучать, или к той части, которая все понимает, но еще недостаточно активна. И так как обе группы – потенциальные союзники, то прием "атака" выражен сравнительно мягко.

ВТОРОЙ текст, авторство которого также принадлежит С. Полуян (Наша ніва. № 38), продолжает разговор о *"нашам жыццці"*, однако здесь многое меняется.

Идентификационно-интерпретативный анализ. Здесь, хотя мы и наблюдаем сохранение темы *"мы"*, однако она получает несколько иную оценку и иное развитие. Так, впервые появляется "я", причем уже в первом предложении, хотя по ходу статьи сохраняется несколько растворенное, неопределенное "мы" ("наш/наша"), временами созвучное со словом "народ", чаще все же превращающее его (народ) в стороннего, с кем надо что-то делать, приучать (*"прывучаць"*) и всячески воздействовать на него, чтобы он вышел из спячки. Наряду с этим есть и другое развитие темы, которое не встречалось ранее, – народ, аудитория суживаются до понятия единичного: *"кожны беларус/ён/кожны з нас"*. Причем идентификация адресанта и адресата сопровождается определением врага – *"валадыры народа"*. Таким образом, тема субъекта как бы "проигрывается" в четырех вариантах: я / мы / ен и, наконец, яны (валадыры).

Объектная тема второго материала – **язык (мова)** – также выходит за рамки этой же темы первого материала, получая свое когнитивное развитие: язык как основа национальной науки, культуры, язык как печатное слово в ретроспективе (уходящее в историю) и перспективе (созидающее будущее). Впрочем, прошлое и будущее сами становятся темами статьи, своеобразным контекстом, рамками дискутируемого. Прошлое – причина проблем настоящего, а будущее пока ирреально и напоминает уравнение с многими неизвестными.

Анализ содержания текста через линию ключевых слов (отражающих ключевые объекты и ключевые субъекты) показывает следующую линейную зависимость: *"я/пытанне аб мове (крыніцах нашае мовы)"* → *"валадыры народа навязывалі/народ не абрусеу, не пасвятлеу"* → *"мы/мова, свет навукі, культура"* → *патрэбнасць і абавязак кожнаму дзейнічаць"*.

Здесь очевиден акцент на "призыв к деятельности" благодаря тому, что он завершает цепочку. Идея деятельности подкрепляется огромным количеством глаголов, призывающих что-то предпринять: *"шырыць", "прыбліжаць", "нехай ведае, расказвае", "каб рабіу"* и пр. Все это идет от "я", подчиняет себе другие темы, окрашивая их в черно-белые цвета: 1) *"валадыры народа"* со знаком минус – они, во-первых, обвиняются в том, что решали за народ его участь, отказываясь от национального языка и культуры и навязывая ему все чужое, во-вторых, изобличаются в слабости (ни в чем не преуспели); 2) "мы" – со знаком плюс (несущие свет, добро). Наша активность и наша правда (национальный язык) – залог нашей победы. Таким образом, язык становится средством размежевания ключевых субъектов текста, предметом их борьбы, залогом правоты. Этим и обеспечивается, во-первых, его центральное положение в тексте и, во-вторых, единство самого текста и его действенность.

Жанровый и социально-ролевой анализ. Начало этого материала (так же как и первого) подано в разговорном стиле, однако это стиль не устного слова, а письма. Автор как бы в переписке с единомышленником (в первых трех абзацах единомышленник не конкретизируется и можно подумать, что автор обращается к определенному читателю). В начале материала припоминается, что было в предыдущем "письме". Далее автор рассуждает, делает небольшой исторический экскурс, продолжает размышление, обращается как бы к себе и к тем, кто с ним солидарен. Здесь появляется несколько размытое "мы" и такое же размытое "они" – появление оппонента/противника, но полемика как таковая также отсутствует. Автор активен (инициативен), но его активность в большей части материала внутрикортежна (повернута вовнутрь, в себя, в свою группу). И только в конце материала, в последнем абзаце, автор как бы раздвигает рамки своего кортежа до национальных границ, и в то же время адресат выступает в единственном числе, то есть обращение адресно (*"Кожны беларус мусіць шырыць..."*). Мы и ранее отмечали особую значимость концовки материала. Удельный вес этого обращения многократно возрастает и жанрово меняется, звучит как речь, митинговое слово (обращение ко всем читателям разом и к каждому непосредственно).

Роли, в которых выступает автор, в принципе повторяются. Он – нарративист, учитель, моралист, констататор, а затем и вожак, трибун, обвинитель, а еще просветитель (дидакт). Несколько отличается лишь

их иерархия (удельный вес), но не последовательность. Впрочем, тот жанр и та роль, которые используются в конце материала (наставление, призыв к действию – трибун), в обоих текстах остается ведущей.

Риторический анализ. В статье автор широко использует риторические вопросы (*"А чаму гэта так бывае? можэ мы, беларусы, не здатны ні да якой навукі?"*); противопоставление, единоначатие и однокоренные слова (особенно значимы в начале абзацев: *"Прауда, што..."*, *"...бо прауда застаецца праудай"*, *"Не прауда, што..."*, *"Непрауда, бытцам..."*); метафоры (истоки языка = кузница, где *"можна было б з мовы вёскавога ўжытку, з мовы цёмных сялян выковаць мову культурнай нацыі"*); антонимы (*"жывая-мёртвая"*, *"свая-чужая"*); выделительные обороты (*"любоу да роднай зямлі, айчызны нашай"*); сравнения (*"мова яму жывой здаецца, а не мёртвай, як чужая"*).

Анализ коммуникативных стратегий. В статье используются инициальные стратегии, среди которых *"атака"* и *"защита"*, но они достаточно размыты. Впрочем, здесь *"атака"* более рельефная, яркая, чем в первом материале, но все равно подается как бы скороговоркой, "данностью", ибо направлена на исторического противника, тех, кто были душителями народа. Атакуя, автор вскрывает замыслы противника, используя при этом ряд ярких образов (*"Валадыры народа хацелі перарабіць яго на свой капыл"*, *"Жадалі, каб ён з матчыным малаком выссаў сьвядомасць належнасьці сваёй да чужой нацыі"*). Объект *"защиты"* множественен. Это: 1) необразованность белоруса (*"Як навука у чужой мове да беларуса дрэнна прыстае, то і ня можа ён быць асьвечоным, бо другой роднай навукі у вочы не бачыу"*); 2) потерянный народом язык белорусский (*назад да таго часу, калі на нашай зямлі панавала свая культура, загубленыя народом словы*); 3) школы, книги, которых не хватает (*трэба выкарыстаць як можна лепш, што ўжэ маемо*).

Помимо этого, в анализируемом тексте встречаются и такие тематические стратегии, как: 1) критика деятельности оппонентов (*"валадыроу народа"*); 2) наступательные позиции (*"Вось чаму, калі мы хочэм падняць наш народ с цемнаты няведанья, мы павінны несцьці яму яго родны сьвет навукі, не прыбраны ў чужую, хоць часам і пекную, апратку"*, *"Кожны беларус мусіць шырыць на Беларусі друкаванае слова ў роднай мове"*); 3) призыв к желаемым переменам (если дружно возьмемся за работу, *"тады мы зможам чым-колечы памагчы*

ў змаганні з беднасьцю і цёмнай народнай"). Здесь мы видим также раздувание оптимистического взгляда на будущее; 4) выступление в защиту традиционных ценностей. Делая экскурс в историю, автор подчеркивает тот факт, что когда-то народ имел великую культуру, был независим и признан в мире. Развитие науки и искусства на родном языке помогает народу консолидироваться, обрести утраченное достоинство.

ТРЕТЬЯ статья из газеты "Наша ніва" (№ 39), которая вошла в нашу выборку, написана Винцуком Титовичем.

Идентификационно-интерпретативный анализ. В материале В. Титовича центральное место занимают следующие темы:

- 1) *праціўнікі адрадзэньня культуры беларускай і мовы, баяры і шляхта, хто пускаець розныя баламутні і непрауды;*
- 2) *рух адрадзэньня;*
- 3) *мова – наш скарб, ранейшая за польскую і расейскую, за апошніе 200 - 300 гадоў не развівалася, яе сберег мужык і старыя кнігі";*
- 4) *мы, для каго гэта скарб наш багаты і пекны, дарагі і мілы нам за тое, што ён нам родны.*

Противостоящие "мы" и "праціўнікі адрадзэньня" являются активными субъектами дискурса В. Титовича. Есть еще одна противостоящая пара. Это исторически предопределенные субъекты – "баяры і шляхта", поменявшие свой язык на чужой, и "мужык", сохранивший свой "скарб", противостоящие друг другу "мы" и "праціўнікі адрадзэньня", гонители родного языка. В этом противопоставлении субъектной информации высвечивается основная тема материала – национальный язык, ее поддерживает фреймовая (контекстная) тема, которая не развивается, а лишь заявлена как данность – путь освобождения.

Анализ содержания текста через линию ключевых слов. Здесь мы можем выделить следующую линию ключевых слов: *"Праціўнікі адрадзэньня беларускай культуры – рух адрадзэньня → мова беларуская – мы"*.

Видно что, линия ключевых слов представлена двумя дихотомиями, причем названными в своей предметной и субъектной определенности. Тематически текст подан в противостоянии и единении: с одной стороны, действия отдельных субъектов (противников) противостоят такой силе, как движение ("рух"), из чего становится очевид-

но, что эта сила обязательно победит; с другой стороны, белорусский язык, который живет среди простого люда, хотя и приостановлен в своем развитии, но существует в дорогих автору письменных памятниках (книгах). Противостояние "противники (они) – движение (мы)" высвечивается в отношении к белорусскому языку. "Язык" помещен во фрейм взаимоотношений субъектов, и это субъективизирует тему, помогает последовательно выстроить полемику. Проблема языка обсуждается в обращении к самой широкой аудитории, включая "цёмных або збаламучэных", которых "трэба старацца асвецаць".

Итак, тема "мова" максимально субъективизирована или, другими словами, позиционна, релятивна, субъектно-фокусирована. Ее можно представить в качестве ключевого объекта коммуникации, в то время как ключевым субъектом, безусловно, является "мы".

Жанровый и социально-ролевой анализ. Третий материал, в отличие от первых двух, сразу начинается с нападок на оппонентов (противников), вина которых, в свою очередь, состоит в том, что они пренебрегают родным языком. Это, однако, не полемика, а, скорее, слово в защиту языка, яркое, образное с ретроспективой. Автор не полемизирует, а нападает и защищает. От кого? Это остается за рамками материала. Оппоненту не дают голоса. Ссылки на их материалы отсутствуют. Автор обращается к широкой аудитории читателей (есть только "мы" и "нашае"). Анализируя состояние национального языка и обращаясь к истории народа, автор уверяет читателей в своей правоте и призывает встать на его сторону, дабы вернуть национальному языку достойное место в общественном сознании. Материал написан в жанре призыва, в нем есть внушение, констатация, требование однозначного восприятия.

Основные роли автора: трибун, лидер, дидакт (учитель), представитель национальной элиты. Антиподами являются противники национального возрождения. Они выступают в качестве фона, на котором конструируются позитивные роли автора.

Риторический анализ. Текстура данного материала несколько отличается от других. Автор, полемизируя с неидентифицируемыми оппонентами, стремится быть фактологичным, и вся его эмоциональность заключена не столько в лексике, сколько в синтаксисе. Почти все предложения (не менее двух третей) начинаются с союза или относительного местоимения ("Каб..., Але..., Што-б..., А калі..., Так..., Бо..., Так сама..."). Этим достигается максимальная связь всех

предложений текста. Каждая новая мысль воспринимается как продолжение предыдущей. Тема укрепляется, становится максимально значимой, происходит не только объединение более мелких тем в одну-две основные, но и слияние субъектной и объектной информации. Когда после этого используется в очень небольших дозах оценочная лексика (только в последнем абзаце материала), то она синтаксически и линейно поддерживает ключевую тему ("*мова... скарб наш багаты і пекны... дарагі і мілы*").

В материале нет риторических вопросов или каких-то приемов ценностной пропаганды. Повторяются лишь такие риторические приемы, как единоначатие и противопоставление ("*Прауда.... Не прауда.... Непрауда...*"). Используются также выделительные конструкции, в частности помещение прилагательных после существительных или местоимений ("*мова наша*", "*культуры беларускай*", "*словы беларускіе*"). Тот факт, что этот прием используется только по отношению к одной из двух тем материала ("*мы/наш язык*"), еще подтверждает ее ключевую позицию.

Анализ коммуникативных стратегий. В статье используются инициальные стратегии, среди которых максимально значимы для В. Титовича *атака, защита и реклама/продажа*. Атака однозначна и направлена на тех, кого автор так и называет *противниками* ("*...што-б ні казалі праціўнікі нашы, зацемніць прауду яны не здалеюць*"). Защита строится исключительно на исторических аргументах ("*не віна нас... але віна станоу тых, каторыя панавалі над намі, ... багатейшыя станы, баяры і шляхта*") и актуализации эмоционального отношения к объекту. Реклама/продажа несет стержневую нагрузку. Здесь максимально значим знаковый ряд (номинация и интерпретация объекта с использованием богатого синонимического ряда, метафор, сравнений), а также доказательства от противного ("*мова...нам...дарага, як немцу немецкая, французу французская*"), актуализации прошлого ("*беларускі пераклад бібліі*"), интертекстуальности ("*об нашым слаўным прошлым кажэ беларускі песьняр Васіль-Васілек: слаўна наша прошласць...*").

ЧЕТВЕРТЫМ материалом этого цикла стала статья Вацлава Ластовского, псевдоним Власт (Наша Ніва, № 41).

Идентификационно-интерпретативный анализ. В материале В. Ластовского мы выделяем следующие тема-рематические блоки:

1) чехи, собирающие деньги для национальной школы;

- 2) белорусский народ, который задавила подневольная жизнь, лишила национальной гордости, сделала слугой, искалечила душу, привела к тому, что он начал стыдиться своего языка;
- 3) сын белорусского народа, побывавший за границей и расставшийся с отчим языком, отбросивший его как докуренную папиросу;
- 4) *"супольная грамадская справа"* – эта тема лишь заявлена как продолжение темы *"свядомасць нацыянальная"*, но не получает своего рематического развития;
- 5) действия каждого, в ком дух народа не погас, – гипотетические действия, так как они подаются в форме сослагательного наклонения с использованием слова *"нехай"*, которое употребляется четыре раза и завершается будущим временем и множественным числом: *"І – яны зложаць!"*);
- 6) *"цёмныя браты"* – на кого должно быть направлено действие тех, кто обозначен в теме 5 (*"нехай словам і дзелах сведчыць цёмным братам сваім, што і яны такія-ж людзі, як і іншыя"*).

Анализ содержания текста через линию ключевых слов. Линия ключевых слов данного текста представляет собой следующее: чехи (собирающие деньги на школу) → белорусский народ (в подневолье начавший стыдиться своего языка) → сын (отказавшийся от языка, побывав в свете) → каждый (в ком дух народа не погас) → неграмотные братья (кого надо учить). Анализ содержания текста через линию ключевых слов демонстрирует исключительную значимость субъектов, причем как в собирательном, так и индивидуальном планах. В фокусе внимания – неграмотные братья. За них автор борется, о них печется, они основной объект внимания и залог расцвета нации.

Социально-ролевой и жанровый анализ. Основные роли автора – нести знания (сообщать, информировать) о зарубежной жизни, демонстрировать/констатировать то, что есть у нас, анализировать ситуацию и далее учить, проповедовать, что именно надо делать, а надо делать так, как делают чехи и как делает он, автор, представитель сознательной части общества, публицист, писатель. Так следует поступать, так и будет – эти слова являются и запевом, и рефреном (они употребляются и в начале, и в конце статьи). Таким образом, позиция автора активна и последовательна, он выступает в качестве глашатая и провидца.

Соответственно этому выбрана жанровая палитра материала. Ста-

тья начинается с описания события в Чехии – новостной жанр ("*Прошлаго месяца верасня бургомістр горада Прагі выдау адозву да чэшскага грамадзянства...*"), продолжается в жанре рассказа, рассуждения ("*чэхі – народ сьветлы...*"), переходящего в вопрос ("*А у нас?...*"). Ответ подается в жанре аналитического материала. А далее следует призыв ("*Нехай-жэ...*"). И последний жанровый аккорд – вера в лучшее будущее, заимствованная из фольклорных источников (счастливый финал былин и сказок).

Риторический анализ. Текстура материала статьи В. Ластовского представляет собой плавный переход от фактологичности к эмоциональности, поднимающейся до своих высот – призыва к действию и констатации его неизбежности. Причем эта констатация носит фреймовый характер: вначале подается факт, который интерпретируется в оптимистическом духе, а затем происходит его экстраполяция – призыв к "*каждому свядомаму*" белорусу действовать под полную гарантию успеха. Посредством повторов материал достигает эмоционального накала, что делает его достаточно действенным.

Говоря о реализации/актуализации эмоциональной содержательной стороны статьи, можно сказать, что на нее работают оценочные метафоры (*аслепіць народ, кривавая сьлезіна*), уничижительные эпитеты и кавычки ("*кривы*" *сынок*), сравнения, используемые для актуализации отрицательной или положительной оценки (сын бросает отчий язык, "*як дакурэную папіросу*", чуждается "*тэй мовы, каторая песьняй калыскай лілася над ім з матчыных грудзей...*"), риторические вопросы и сослагательное наклонение.

Коммуникативные стратегии. В статье используются такие инициальные стратегии, как "атака" и "защита", а также "мы такие же...".

Специфика стратегии "атака" в данном материале заключается в том, что ее объект (объективированный субъект) не персонифицирован, а является собирательным образом ("*сын*"), который можно прочитать и как прямое обращение к читателю. Таким образом, здесь нет излишней размытости, неопределенности, что делает данную стратегию более эффективной. Впрочем, развитие (интерпретация) объекта атаки встречается лишь один раз, и это несколько сбивает атакующий порыв. Так, хотя определение можно назвать резким ("*кривы*"), но уменьшительный суффикс существительного ("*сынок*") снимает жесткость атаки, напоминает читателю, что он (сын/сынок) – свой (ребе-

нок) и за него надо бороться. Это подтверждается и дальнейшим использованием стратегии "защита": автор сам защищает того, на кого строчкой ранее нападал ("*Доугае паднявольнае жыццё селяніна зрабіла яго тым, што ...*"). Сама атака смягчается и напоминает беззлобное родительское ворчание ("*Да таго дайшло ўжо ў нас, — што сын, пабыўшы ў сьвеце, кідае мову...*").

Стратегия "мы такие же..." (как чехи) является в данном материале жизнеутверждающей. Это не перехват инициативы, а, скорее, всем поиски опоры (надо поступать именно так, потому что это делают во мире).

Среди конфронтационных тематических стратегий, встречаемых в тексте, можно назвать "занятие наступательной позиции" и "призыв к переменам" ("*Няхай ў кожным кутку Беларусі і на чужыне выйдучь лепшыя сыны бацькаушчыны нашае – выйдучь, падобна працавітаму аратаму, на глебу народную...*").

КРАТКИЕ ВЫВОДЫ. С помощью ряда качественных методик проанализированы четыре материала, образующих национально-консолидирующий дискурс. В результате проведенного исследования анализа можно сделать выводы как в отношении использованных методик, так и в отношении самого дискурса. Методики имели свою специализацию:

- 1) идентификативно-интерпретативная методика позволяет увидеть, как меняется **самоидентификация** субъектов консолидации;
- 2) анализ через линию ключевых слов помогает главным образом определить субъект-объектный **фокус** дискурса;
- 3) жанровый и социально-ролевой анализ, дополняемый структурным (структура жанра) и иерархическим (место роли в структуре материала), помогает найти **фрейм** материала и соответственно его замысел, а также определить типовой и личностный рисунок **взаимодействия "автор-читатель"**;
- 4) риторический анализ дает возможность определить степень **вовлеченности адресанта** в дискурс, а также то, насколько важно для адресанта **вовлечь читателя** в свой строй мыслей, выстроить с ним единый кортеж. Риторический анализ сфокусирован не только на **актуальной**, но и на **потенциальной информации**. Он помогает вскрыть ассоциативные ряды текста, истоки его многозначности и силы (воздействия), характер его функционирования в социуме;
- 5) анализ коммуникативных стратегий помогает вскрыть мотивацию порождения текста, определить его цели и задачи, оценить силу воздействия на те социальные круги, которым адресован текст.

Непосредственно о дискурсе консолидации начала века (в пределах инструментальных возможностей методик и с учетом их целевых установок) можно сказать следующее.

С помощью *идентификативно-интерпретативной методики* мы определили, что национально-консолидирующий дискурс уделяет много внимания самоидентификации субъектов, причем в этой самоидентификации наблюдается закономерный процесс: вначале "мы" настолько узко, что оно исключает всех, с кем надо взаимодействовать, другие, отличные от "мы", не оппоненты и не враги (их, выступающих под знаком "они" надо просвещать). Постепенно "мы" максимально расширяется ("народ"), а "они" начинает соотноситься только с врагами (хозяевами народа). И уже затем "мы" конкретизируется и идентифицируется, превращаясь из абстрактного "мы" в конкретное "я" (или "каждый"), а то, что раньше было "они", стало "сыном", то есть также конкретным, реальным и своим.

С помощью *линии ключевых слов* видно, как предмет разговора постепенно расширяет свои рамки: сначала задается тема дискурса (*задача*) и вытекающая из нее установка (*потребность и долг каждого действовать*), затем совершается переход в область самоопределения, т. е. определения субъект-предметного фокуса (*мы и наш язык белорусский*) и направленности субъект-субъектного взаимодействия (*каждый осознающий → неграмотные братья*).

С помощью *жанрового и социально-ролевого анализа* мы смогли определить следующее: автор изначально сохраняет сильную позицию, ибо не дает слова как оппоненту, так и коллеге, единомышленнику. Мы видим только одну сторону субъектной ситуации общения – адресанта. Он берет на себя чуть ли не все роли в общении – нарративист, моралист/обвинитель, дидакт/учитель, агитатор/трибун, лидер/вождь, собеседник, констататор. От статьи к статье он меняет последовательность и иерархию ролей, но ничего не добавляет к ним. В трех из четырех материалов меняется начальная роль (вначале это роль собеседника, затем обвинителя и уже в последнем материале – констататора), но постоянной остается функция концовки материала – это роль агитатора, трибуна, лидера, вождя. Именно роль человека, призывающего к действию, является ведущей, на ней строится каркас (фрейм) цикла, она лежит в основе авторского замысла и определяет взаимоотношение "автор-читатель".

Риторический анализ подтверждает, что ключевая проблема

данного цикла (как она была определена линией ключевых слов) заключается в идеологической установке: наша задача – вовлечь каждого сознательного белоруса в просветительскую деятельность, поднимающую нас и язык наш. В эмоциональном плане это боль, надежда и вера адресанта, он истово стремится убедить и повести за собой читателя. Для этого автор использует факты, эмоции, логические доказательства, ценностные приемы, манипуляцию.

И, наконец, *анализ коммуникативных стратегий* позволяет утверждать, что автор отводит для себя две позиции. Он вовлечен в проблему и одновременно как бы стоит "над схваткой", присваивает себе роль носителя правды, единственной и неподвластной времени. Он видит перед собой тех, с помощью кого (чьими руками) он это будет осуществлять: они становятся объектом его тематических коммуникативных стратегий ("призыв к переменам", "подчеркивание оптимистического взгляда", "выступление в защиту традиционных ценностей"). Он знает, на кого должно быть направлено действие (это объекты реляционной ответной стратегии "защита") и кого следует зачислить в разряд врагов ("реляционная инициальная стратегия "атака" и конфронтационная тематическая стратегия "заяятие наступательной позиции").

Вышесказанное позволяет сделать вывод, что дискурс консолидации начала века (на материале "Нашай Нівы") носил авторитарный характер – однозначный. Допускается существование одной-единственной правды, которую адресант обязан безоговорочно принять.

8.4. ОБРАЗ МИРА ЖУРНАЛЬНЫХ ИЗДАНИЙ

В данном материале мы преследуем две цели. Во-первых, наша цель подобрать оптимальное методическое обеспечение для гендерно ориентированных исследований печатных изданий. Во-вторых – провести непосредственное исследование с помощью отобранных методик двух русскоязычных журналов, издающихся в Москве и ориентированных на женскую аудиторию. Это – "Cosmopolitan" и "Marie Claire". Так как мы пользовались исключительно качественными методиками исследования, нам было достаточно изучить по одному номеру этих изданий. В частности, объектом нашего исследования стали июльский номер "Cosmopolitan" за 1999 г. и июньский номер журнала "Marie Claire" за 1998 г. Ключевыми понятиями нашего анализа стали "образ мира", "смысл", "тип социализации" и "тип издания".

В сознании человека под воздействием различных факторов фор-

мируются представления о социально-психологических качествах, которыми должна обладать личность при выполнении той или иной общественной роли. С точки зрения общества, одной из наиболее существенных является деятельность человека, связанная с воспроизводством рода, то есть та, в которой он проявляется как частное лицо. Образ мира, транслируемый со страниц гендерно ориентированных изданий, оказывает непосредственное влияние на мировоззрение индивида и таким образом способствует его социализации в рамках общественно одобренных норм, правил, духовных ценностей.

Под образом мира мы понимаем информационную модель реального мира, создаваемую каждым отдельным печатным изданием, которое, соответственно, категоризирует и структурирует (адаптирует) мир для своих читателей с определенных идейных позиций. По создаваемому образу мира, таким образом, можно делать выводы как мировоззренческого, так и идеологического характера. Понятие "образ мира" для нас имеет собирательное значение и представлено двумя позициями. Так, опираясь на каузально-генетическую модель содержания языкового знака, мы определяем в качестве основных составляющих *речеповеденческую* и *гносеологическую картины мира*, которые охватывают собой весь спектр субъект-субъектных и субъект-объектных отношений, имеющих место как в реальности, так и заданных виртуально (в знаковой форме).

Речеповеденческая картина мира в издании (речевое поведение издания) может быть определена как коммуникативно-ситуативная, где ролевые отношения между субъектами так или иначе представлены в знаковой форме (вербально). Отсюда для характеристики речевого поведения определяющими будут системные (лексические, морфологические, синтаксические, стилистические, жанровые) и иерархические (ценностные, релятивные) особенности текстов. Причем для разных изданий значимость тех или иных речеповеденческих элементов варьируется.

Гносеологическая картина мира печатного издания воспроизводит результат познания мира: каким видит мир данное издание и, соответственно, несет читателю, что включено в этот мир (в практику субъектов), а что отсутствует или присутствует лишь частично и где-то на периферии. И эта картина мира также материальна, представлена в знаке (вербализована), а значит, может быть считана. Читатель воспроизводит данную информацию через разнородные элементы из-

дания: информационные поводы, темы, текстовую организацию (структуры отдельных статей, рубрик, издания в целом), иллюстрации, рекламу. Таким образом, для определения специфики гносеологической картины мира издания необходимо проанализировать и интерпретировать все эти составляющие издания как сами по себе, так и в их взаимодействии. (Практический анализ исследований картины мира в женском издании см.: *Belarusian Women*, 1997, 112 – 117).

Отслеживание единичных проявлений тех или иных сторон содержания (аналитическая работа) мы будем сопровождать сопоставлением результатов (синтез) в поисках мотива, сверхзадачи, смысла. Смысл, по нашему мнению, – чрезвычайно важная категория изучения периодических изданий вообще и гендерно ориентированных, в частности. Наиболее прочным и долговременным воздействующим эффектом обладает не сюжет повествования (он, кстати, в большинстве случаев не имеет прямого, непосредственного отношения к читателям), не примеры "из жизни", а смысл, рождаемый сочетанием различных и разнохарактерных элементов издания. Таким образом, в нашем понимании смысл – это реляционное образование, с помощью которого образ мира, формируемый на страницах периодического издания, "входит" в мировоззрение читателей. Безусловно, он обладает мощной эмоционально-оценочной (прагматической) составляющей и, благодаря ей, воздействует на эмоции читателей, что способствует более прочному закреплению в их сознании задаваемого миропонимания, действующего либо в согласии с мировоззрением издания (что всегда ожидается адресантом), либо в противовес ему (что встречается не так уж редко). Безусловно, рождение смысла – процесс интимный, который проходит в соответствии с личностными качествами индивида. И все же мы беремся утверждать, что в отношении *м а с с о в о г о* периодического издания фундамент его образования задается социальными ориентирами, общими если не для всего общества в целом, то, по крайней мере, для относительно больших его коллективов (общностей). Его инварианты задаются теми рамками, в границах которых общество уже осмыслило действительность.

Теперь остановимся на понятии "тип социализации". Общеизвестно, что в ходе социализации индивид усваивает определенные социальные роли. Однако при этом опускается вопрос о том, что в структуре этих ролей имеется достаточно ярко выраженная оценочная компонента, которая дает возможность говорить о вариантах "испол-

нения" той или иной роли. Этот "надстроечный" (прагматический) элемент переживается индивидом в соответствии с его миропониманием (гносеологическим элементом). Хотя понятно и то, что эти переживания лишь до определенной степени индивидуальны. Диапазон их разброса всегда задается обществом.

Таким образом, тип социализации мы прочитываем как вхождение индивидуума в социальную реальность в процессе выбора, усваивания им социальных ролей, вживания в них и адаптации согласно своему образу мира. Однако в связи с тем, что для нас женская периодика – это не некий монолит, а набор определенного множества достаточно разнообразного, представленного разными типами текстов, необходимо различать и *типы социализации* – индивидуально воспринимаемые и переживаемые человеком, группами людей установки общества в отношении тех социально значимых ролей, которые им надлежит выбирать и выполнять как членам социального коллектива.

Функция социализации выделяется исследователями женской периодики как основная для такого рода изданий. Мы исходим из того, что существует прямая зависимость между категориями, и, таким образом, выделяем четыре типа таких изданий, которые выражают одновременно и тип социализации. В таком случае естественен следующий шаг – поиск соотношения между типом социализации личности и типом издания: 1) традиционный (или патриархальный), ориентированный на ценности семейной жизни; 2) проевропейский, для которого принципиально значима ценность личности, ее самостоятельность, успех в социуме; 3) смешанный тип, для которого характерно соединение несоединимого: патриархальных ценностей и ценностей личности; 4) реформаторский (или преобразующий), для которого характерен критический взгляд на реальность, пересмотр традиционных подходов, в частности к роли женщины в семье и обществе.

Методическое обеспечение нашего исследования – качественный анализ текста издания, причем мы исходим из того, что издание для нас – это единый текст. Причем единство не означает однородность. Под "одной крышей" издания здесь собраны и собственно текстовой, и так называемый зрительный ряд, в результате чего при восприятии издания оказываются задействованными и вербальное, и визуальное мышление. О специфике каждого говорит наличие разных методов изучения. До недавнего времени этот барьер преодолевала только семиотическая модель. Сегодня – это также и лингво-семиотическая –

каузально-генетическая модель. Ее преимущество переход от анализа к поэтапному, поступенчатому синтезу отдельных содержательных элементов знака (текста, издания). Именно поэтому она позволяет увидеть взаимопереплетение, взаимозависимость различных содержательных элементов издания, а также, что очень важно, их общую концептуальную обусловленность, равно как и прагматическую, речеповеденческую, а также знаковую и риторическую (дискурсную, в узком смысле этого слова).

Мы изучаем гендерно ориентированные издания, те, в которых аудитория дифференцирована по признаку пола. Эти издания представляют собой особый вид *с о ц и а л ь н о г о* дискурса. Они выводят гендерные установки общества на эксплицитный уровень, то есть улавливают, формируют и представляют то, что общественное сознание расценивает как *типично мужское* (мужской тип поведения, мужской тип мышления, мужской тип отношения к жизни и т. п.) и *типично женское*. Эти издания основываются на специфическом потоке информации, который в таком объеме не привлекается больше ни одним другим типом издания. Мы назвали его миром повседневного бытового и отнесли к нему события, качества, сущности, в которых и при которых индивид проявляется как личность. Этот поток информации охватывает собой внутренний, духовный мир человека, его миропонимание. Это мысли, чувства и переживания людей, непосредственно связанные с их повседневным бытием, с обыденными заботами и земными радостями.

Перейдем к рассмотрению действия механизма социализации, которым располагают гендерно ориентированные издания.

Анализ речеповеденческой характеристики журнала "Cosmopolitan". Речевое поведение журнала "Cosmopolitan" наиболее ярко характеризуют лексические и синтаксические особенности организации текстов. Обращает на себя внимание обилие глаголов в повелительном наклонении и обращение к читательницам на "ты": "*не прерывай, не говори, не уверяй, не возлагай, попытайся, не торопись, не перекармливай, делай ставку, выведи, покопайся, не паникуй, веди себя спокойнее и поменьше критикуй, дай, проверь себя, будь терпелива, не забывай, не давай, позволь, не бойся*". Такое сочетание превращает тексты журнала в монолог, к тому же с характером назидательности и мелочной опеки, благодаря чему происходит иерархическое разделение ролей, где журналист и журнал предстают "учителем", а читатель

"учеником".

Использование в текстах просторечной и жаргонной лексики – "*засела с ребенком на три года*"; "*натягиваешь драные джинсы*"; "*хозяйственную сумку в зубы, и вперед*"; "*ящик*" (о телевизоре); "*не вылезая из халата*"; "*прикид*" (об одежде) – придает текстам фамильярный характер, а в каких-то случаях еще больше усиливает эффект неравного общения. Эмоциональность текстов журнала, которая достигается употреблением слов с уменьшительно-ласкательными суффиксами (*новенькие, чистенькие*), большого количества описательных прилагательных, а также глаголов, наречий и существительных, описывающих и называющих эмоциональное состояние человека, его самовосприятие и восприятие окружающей обстановки: "*выглядит кошмарно*", "*перспектива ужасна*", "*отравляют жизнь*", "*портят нервную систему*", "*с огромным трудом вникаешь*", "*чувствовать себя потерянными и ненужными*", "*еще больше угнетает*", "*судорожно обзваниваешь*", "*ущербность*", "*боишься*", "*надменным взглядом*", "*грязища*", "*тихо ненавидишь*", способствует созданию представления о читательницах как о людях эмоционально неустойчивых, поскольку а priori считается, что эти качества и состояния присущи читательницам журнала. (Зачем бы они читали материалы журнала, если бы не могли "примерить" все это на себя?).

Еще одна отличительная черта речевого поведения журнала – наличие большого количества вводных предложений, которые представляют собой ссылку на мнение или опыт другой женщины с указанием только ее имени, реже профессии либо рода занятий "эксперта".

На основании сказанного мы можем сделать заключение о характере субъект-субъектных отношений, воспроизводимых речеповеденческой картиной мира журнала "Cosmopolitan": это отношения неравного общения, при котором один из собеседников эмоционально зависит от другого. И эта зависимость дает право лидеру общения поучать, наставлять, опекать.

Речеповеденческая картина мира журнала "Marie Claire" существенно отличается от описанной выше. И первое, что обращает на себя внимание, – использование в текстах большого количества лексики, называющей предметы, исключительные в своем качестве, выдающиеся из общей массы вещей и событий: "*элегантность*", "*утонченность*", "*изысканность*", "*стильная*", "*европейская женственность*", "*утонченных гармоний любви и отчаяния, жизни и смерти*,

света и тени", "желание подчеркнуть собственную индивидуальность", "самых смелых из вас", "изысканная картина о жизни красивой, умной, молодой женщины... ее любви и выборе", "последний гений XX века", "изысканный стиль жизни". В таком окружении даже сленг ("бешеные цены"), чрезвычайно редко встречающийся на страницах журнала, воспринимается не как стилистически сниженная речь, а как описание все той же исключительности. Преобладание в журнале нейтральной и книжной лексики, глаголов в изъявительном наклонении делает манеру общения "Marie Claire" информационно-отстраненной, родственной манере общения общественно-политических изданий. Воздействующая функция СМИ здесь проявляется не в виде директивных указаний. Читателям журнала не навязывают, а предлагают. Их информируют, а не убеждают. Иногда эта ориентация на равное общение подчеркивается специально. Но при этом журналист не прибегает к объединяющему местоимению "мы", а использует более тонкий прием. Например, рассказывая о дорогостоящем круизе по морю, журналист смягчает горечь недоступности для многих читателей журнала такого отдыха словами: *"Мне всегда хотелось разыграть для себя спектакль о жизни и путешествии сноба, каковым я на самом деле конечно же не являюсь, будучи исключительно скромным"*.

Обращает на себя внимание то, что журнал избегает использования лексики с окончанием женского рода. Исключений не делается даже в тех случаях, когда ее употребление не несет с собой снижение стиля. Так, Юлия Вишневецкая, собравшая первый в России музей старинных кукол, представляется читателям как *"создатель"*.

Итак, субъект-субъектные отношения, характеризующие речеповеденческую картину мира журнала "Marie Claire", проявляются через коммуникативную ситуацию общения на равных, спокойный, уравновешенный тон, акцентированность внимания на внешней стороне жизни, ориентированность на исключительность, индивидуальность. Сам журнал в одном из своих текстов определяет такую манеру поведения, как *"европейская женственность"*.

Анализ **гносеологической картины мира журнала "Marie Claire"** подтверждает правильность сделанных выше выводов по поводу характера социализации своих читательниц. На всех структурных уровнях гносеологической картины мира раскрывается и уточняется понятие *"европейская женственность"* в обозначенном в речевом поведении журнала ракурсе. Оно вбирает в себя такие характеристики,

как стильность, самостоятельность, сдержанная сексуальность (проявляется не через обнажение тела, а через его облачение), вдумчивая открытость и свобода действий, здравая, но без голого прагматизма, оценка действительности, "включенность" в реальность.

На уровне информационных поводов это проявляется в том, что героями материалов журнала всегда становятся реальные люди или события. Это не только известные представители мира искусства, но и обычные люди. Только в первом случае интерес вызывают судьба, мнение, собственно личность героя повествования; во втором акцент делается на социально значимой проблеме, в которую оказываются вовлеченными обычные люди (материалы *"Я родила в 15 лет"*, *"Голая правда стриптиза"*, *"Русские женщины в Париже"*).

Все материалы *"Marie Claire"* роднит общий смысл: посредством различных сюжетов в них воплощается идея исключительности, самостоятельности, индивидуальности. Например, под рубрикой *"Международный репортаж"* помещен рассказ о коренных жителях США – индейцах племени лакота, которые, несмотря ни на что борются за сохранение своей индивидуальности как народа: своего языка, традиций, культуры, мировоззрения, нравственных ценностей. В интервью и зарисовках, посвященных людям искусства, проводится мысль о том, что, выбирая жизненный путь, они неизменно следуют собственной индивидуальности. В рубрике *"Салон красоты"* речь идет об искусстве татуировки. Внимание читательниц акцентируется на том, что таким образом люди всегда стремились подчеркнуть свою индивидуальность. Героиней рубрики *"Стиль"* стала Юлия Вишневская – создатель первого в стране музея уникальных кукол, женщина стильная и самостоятельная. Даже для рецептов в рубрике *"Кухня"* характерна ориентация на нечто необычное, исключительное.

Отличительная черта журнала – отсутствие в нем традиционно *"женских"* тем. Многие из материалов *"Marie Claire"* могли бы быть напечатаны в изданиях, посвященных кино и театру, в субботних номерах общественно-политических изданий и, таким образом, быть интересными и полезными не только женщинам, но и мужчинам. А тема домашнего насилия раскрывается с известной долей аналитичности: в ткань повествования включены мнения тех реальных людей, которые оказались так или иначе причастными к произошедшей трагедии. Это, а также отсутствие однозначно высказанной позиции автора материала делает его *"объемным"*, непредвзятым, дает возможность читателям

самостоятельно сделать выводы.

Тема "женщина и работа" раскрывается в материале под рубрикой "Профессия". Рассказ о женщине – операторе пейджинговой связи, для которой эта работа – дополнительный источник заработка, сочетается с практической информацией о том, как получить место оператора, в чем заключается эта работа.

"Секс" как самостоятельная тема в журнале не существует. Но она вводится на страницы журнала через размышления, осмысление интимных отношений героями материалов, прежде всего известными и авторитетными личностями. Повышенная сексуальность поддерживается и авансами издания. Из семи заголовков, вынесенных на обложку рассматриваемого номера "Marie Claire", четыре так или иначе связаны с темой секса: "*Вуди Аллен: все о сексе*", "*Признание: я родила в 15 лет*", "*Он хочет вас такой*" (о женской одежде), "*Женский стриптиз: они продают себя*".

На уровне жанров общая концепция издания проявляется прежде всего в том, что реальная женщина – героиня повествования – сама рассказывает о себе. В противном случае журналист обязательно включает в свой текст ее реплики. А общая тенденция такова: в жанре интервью написаны материалы, в которых внимание читателей привлекается к личности героя. Жанру статьи отдается предпочтение тогда, когда речь идет о социально значимой проблеме – раннем материнстве, домашнем насилии, необходимости самоопределения личности.

Интересной особенностью журнала является не просто присутствие мужчин на его страницах, но та роль, которую они здесь играют. В данном случае имеются в виду не интервью со знаменитыми актерами, режиссерами и модельерами. В журнале получают слово обычные и реально существующие мужчины. Они вместе с женщинами высказывают свои мнения по различным вопросам. Например, в материале "*Голая правда стриптиза*" о своей профессии и самоощущении рассказывают девушки-стриптизерши, после чего приводится мнение мужчин – мужей, отцов, друзей – о работе, которой занимаются их дочери, жены, подруги. В другом материале – "*Он хочет вас такой*" – о предпочитаемом стиле в одежде рассказывают мужчины и женщины. Первые говорят о своих женах, вторые – о себе. Таким образом, на страницах журнала создается иллюзия отношений партнерства.

Зрительный ряд журнала "Marie Claire" представлен фотография-

ми реальных людей – героев материалов. Персонажи фотографий занимают продуманные фотографом позы, но тот факт, что на фотографиях запечатлены реальные люди, о которых идет речь в материалах, связывает фотографии с реальным миром. Эта связь с реальностью подчеркивается и тем, что во многих материалах упоминается о детях. Изображение детей есть и в рекламе.

Как и в других журналах, ориентирующихся на женскую аудиторию, реклама в "Marie Claire" представляет косметические препараты для ухода за внешностью. Однако во внутреннем контексте журнала она воспринимается как еще одно средство выглядеть стильно, подчеркнуть свою индивидуальность.

Для характеристики гносеологической картины мира журнала и типа социализации показательна его структура. Она имеет форму матрицы. Каждый из семи блоков ("Темы номера", "Клуб", "Мода", "Салон красоты", "Здоровье", "Стиль жизни", "Кроме того") содержит от 2 до 14 рубрик. Наибольшее число рубрик включено в блок "Темы номера", затем по убывающей – "Мода" (10), "Клуб" (5), "Стиль жизни" (4), "Салон красоты" (3) и "Кроме того" (3), "Здоровье" (2).

Рубрика "Профессия" помещена в блок "Клуб" (находится примерно в середине журнала) и занимает одну страницу. Это может свидетельствовать о том, что тема "женщина и работа" не рассматривается журналом как принципиально важная для его гносеологической картины мира. Вероятно, журнал расценивает эту часть жизни женщины как нечто второстепенное, необязательное, не имеющее решающего значения для ее социализации и самоутверждения. Скорее это относится к своеобразному хобби либо является чем-то вынужденным. Эту рубрику окружают такие рубрики, как "Музыка, кино" и "Стиль" (интервью с женщиной, работа которой нетривиальна, состоит в коллекционировании уникальных кукол и является даже не столько работой, сколько стилем жизни – обеспеченным, утонченным, неординарным).

А темами номера стали: материал о попытках индейцев лакота сохранить себя как народ; разговор с Вуди Алленом о его понимании жизни, любви, работы; зарисовка о творческой и личной судьбе актрисы Александры Захаровой; монологи близнецов о взаимоотношениях друг с другом; материал о бытовых и личностных проблемах несовершеннолетних мам; рассказ об актрисах кино, чей путь на съемочную площадку начался в детстве и потребовал от детей взрослых уси-

лий, эмоционального и физического напряжения, повлек за собой проблемы взрослой жизни; статья о предпосылках домашнего насилия; монологи супругов об имидже жены; монолог современной Золушки о роли настоящего мужчины в ее жизни; рассказ о четырех русских женщинах – независимых и "принимающих ответственность на себя", которые пытаются прижиться в Париже; повествование-размышление о совместном проведении выходных дней мужем и женой; взгляд на работу стриптизерши девушек-танцовщиц ночных клубов и оценка этой профессии мужчинами – их мужьями, отцами, близкими друзьями; рассказ о некоторых реальных пассажирах "Титаника" в свете личностных качеств, проявленных ими в момент трагедии; монолог известного ведущего телепрограммы о первостепенной роли работы в его жизни.

На наш взгляд, собрав в единый смысл смыслы всех составляющих гносеологической картины мира журнала, можно сделать заключение о характере субъект-объектных отношений, создаваемых на страницах журнала. Здесь "Marie Claire" проповедует активную позицию субъекта, его ориентацию на индивидуализм, самостоятельность, партнерские отношения, внимание к социальным проблемам.

Блок "Стиль жизни" добавляет к этому несколько ярких штрихов. Все четыре материала этого раздела: "Путь изобилия" и "Новости где и как можно отдохнуть" (рубрика "Путешествие"), "Дом у моря" (рубрика "Стиль жизни"), "Царство рыб" (рубрика "Кухня") – создают атмосферу блеска, исключительности, жизнерадостности, которой должна быть полна жизнь женщины журнала "Marie Claire".

На других основаниях строится **гносеологическая картина мира журнала "Cosmopolitan"**. Информационным поводом для него служат факты общественного сознания – распространенные в обществе мнения и суждения по тем или иным вопросам, проблемам, так или иначе связанным с женщиной. В анализируемом номере это трудности взаимоотношений со свекровью и родственниками мужа; проблемы, связанные с работой или учебой в мужском коллективе; сложность взаимоотношений с любимым мужчиной и т. п. Для этого издания реальные события и люди крайне редко становятся поводом для написания материала. Но даже тогда, когда в повествовании присутствуют реальные личности, они становятся лишь предлогом для обсуждения какого-либо факта общественного сознания. Примером может служить материал "Звездами не рождаются" – монолог четырех звезд рос-

сийского телевидения и эстрады, информационным поводом для которого послужило мнение, что женщина обязательно нуждается в поддержке со стороны. *"В детстве я только и слышала от всех, какая я худенькая"*, – говорит Алена Свиридова. *"В детстве я была полненькой"*, – начинает свой рассказ Юлия Бордовских. Эффект воздействия дополняется двумя фото каждой рассказчицы: одним, маленьким, черно-белым, времен детства и вторым, большим, цветным, на котором запечатлено современное состояние "звезды".

Поводом для написания материала "Дамы приглашают кавалеров" стало развенчание известного убеждения, что женщины всегда только жертвы курортных романов: *"принято считать, что все мужики – исключительно казаны, которые только и рыскают, а может быть, даже рыщут, чтобы соблазнить и покинуть беззащитную женщину-жертву. Я решительно отвергаю подобный тезис"*.

Хотя все эти материалы вроде бы имеют отношение к реальной жизни, в них нет ни одного "живого" примера, нет конкретных жизненных ситуаций. Стереотип сознания автор делает предметом разговора. Информационному поводу соответствуют и такие же "усредненные" советы, которые предлагаются читательницам в качестве рецептов от проблем. Из сорока материалов, помещенных в журнале, только пять имеют непосредственное отношение к реальным людям и событиям их личной жизни.

Тематически это издание интересуют только межличностные отношения и, прежде всего, взаимоотношения мужчины и женщины, а также сконцентрированность человека на собственном "я". Темы журнала можно представить в следующих обобщенных вариантах: женщина глазами мужчины и наоборот; секс.

На страницах журнала обязательно присутствует еще одна тема: женщина и работа. Но в этих материалах речь идет о том, как правильно написать резюме, как говорить с работодателем, чтобы произвести на него приятное впечатление и быть принятой на работу, как одеться на первое интервью. В анализируемом номере – это рассуждения о том, как важно держать себя в форме, когда временно потеряла работу. То есть по сути данную тему правильнее было бы назвать "женщина и безработица".

Тематическая ориентированность на собственную личность поддерживается и выбором героев для исторического материала, и отбором деталей. Текст "Тамара Карсавина. Легенда балета" сконцентри-

рован на взаимоотношениях прима-балерины антрепризы Сергея Дягилева с мужчинами, внешности, перипетиях личной жизни.

Основным жанром в "Cosmo" является жанр совета. Это приводит к тому, что женщина безмолвствует на страницах журнала. Она выступает в роли слушательницы и практически не говорит даже тогда, когда материал посвящен реальному человеку и он мог бы сам рассказать о себе. Такова зарисовка "Романтическая героиня" об актрисе Елене Захаровой. Исключение сделано в двух случаях. Об одном мы уже говорили: "звезды" эстрады и телевидения рассказывают о своем детстве. В жанре интервью написан материал "Царь-Лев" об актере Андрее Соколове.

Отличительная черта зрительного ряда – постановочность фотографий. Они сделаны в студиях, для фотографов позировали манекенщицы и фотомодели, чья одежда, позы, макияж, выражение лиц детально продуманы стилистами, что не обращало бы на себя внимание в ином окружении. Однако специфические информационные поводы "Cosmo" придают фотографиям, сопровождающим тексты, особый характер. Они иллюстрируют здесь не реальные события, а эмоции, вызываемые текстом.

Основной тематический интерес журнала – взаимоотношения с мужчинами – поддерживается и семантикой зрительного ряда. В издании крайне редки фотографии откровенно обнаженных тел. Но практически на всех снимках (не рекламного характера) подчеркивается женская сексуальность: через позу, посредством одежды, приоткрывающей определенные участки тела, выражение лица. Таким образом, тексты в сочетании с фотографиями создают в "Cosmo" ауру повышенной чувственности. Реклама в журнале традиционна. Она предлагает потребительские товары и услуги, которые применимы для ухода за внешностью. Но общая семантика журнала – сконцентрированность на взаимоотношениях с мужчинами и собственной внешности придает и ей соответствующий смысл: сделать все, чтобы быть как можно более привлекательной для мужчины.

Итак, субъект-объектные отношения, воспроизводимые на страницах журнала "Cosmopolitan", характеризуют субъекта как пассивного к проявлениям реального мира и погруженного в сферу отраженной действительности, чей интерес выстраивается вокруг взаимоотношений с мужчиной. И все это формируется в ирреальном мире распространенных в обществе мнений, убеждений, представлений. Отстра-

ненность от действительности подчеркивается и тем фактом, что в журнале отсутствует всякое упоминание о детях, как на вербальном, так и на визуальном уровне. Говоря образно, мир женщины, который выстраивается на страницах журнала "Cosmopolitan", – это кукольный мир, это искусно созданная иллюзия жизни. И все-таки есть что-то, что не позволяет нам безоговорочно отнести этот журнал к разряду дамских. Сконцентрированность журнала на психологическом восприятии женщиной окружающего мира и оппозиция распространенным в обществе представлениям дают основание предположить, что этот журнал рассчитан на аудиторию, взгляды которой еще только устанавливаются, и издание пытается внести в это становление некоторую долю оппозиционности. При этом, правда, не стремясь к кардинальным переосмыслениям заведенного порядка.

Итак, проанализировав два издания с помощью отобранных нами категорий, мы увидели механизм действия функции социализации гендерно ориентированных изданий. Объединив речеповеденческую и гносеологическую картины мира журнала "Cosmopolitan" и журнала "Marie Claire", определили образ мира, создаваемый на их страницах. А на основании последнего можно сделать краткие выводы о типах гендерно ориентированного издания.

Журнал "Cosmopolitan" сконцентрирован на фактах общественно-го сознания и настроен оппозиционно в отношении их. В то же время особенности речевого поведения этого издания дают основание предположить, что журнал рассчитан на аудиторию, взгляды которой еще только устанавливаются. И издание пытается внести в это становление некоторую долю оппозиционности. При этом, правда, не стремясь к кардинальным переосмыслениям заведенного порядка. Однако, на наш взгляд, он может быть отнесен к реформаторскому типу гендерно ориентированных изданий. Читателей этого типа журналов объединяет желание противостоять общепринятым нормам и правилам.

Журнал "Marie Claire" предлагает читателям сделать своим мировоззрением независимость в мыслях и поступках, взвешенность и партнерство в поведении, отношении к жизни, как к театральным подмосткам, на которых должны играть только яркие индивидуальности. Мы относим это издание к роевропейскому типу, т. к. считаем его атрибутивной чертой отсутствие открытого противостояния на фоне свободного развития личности. Соотнося со своей собственной жизнью образ мира этого журнала, читательницы либо стремятся оку-

нуться в мечту, либо подтверждают свой социальный статус.

8.5. СТРУКТУРА ПОЛЬСКОГО ПОЛИТИЧЕСКОГО ДИСКУРСА

В основу данного исследования положен антропоцентрический анализ политического дискурса, который вполне адекватно отображает мировоззрение его участников. Источником фактического материала стали современные польские СМИ разной ориентации (начиная с 1992 г.). Наряду с высказываниями самих политиков, учитывались мнения социологов, историков, философов, видных публицистов – всех, кто рассматривает слово как надежное оружие в борьбе за власть и "место под солнцем". К статье прилагается мини-словарь, содержащий "неоантропонимы", которые составляют богатый мир инвективных фразеологизмов как своеобразного средства повседневного общения политиков – новояза (существенные знания о польском новоязе и о языке политической пропаганды мы находим в многочисленных трудах польских ученых, например, см.: Bralczyk, 1987; Glowinski, 1990).

Многим в Польше казалось, что отмена цензуры приведет к разнообразию и обогащению языка, однако налицо факт сугубо одностроннего развития политического дискурса, в котором проявляется многообразие негативных эмоций вкупе с явным желанием морально уничтожить "инакомыслящих".

8.5.1. Детерминанты современного политического дискурса

Видный знаток языка политики М. Гловинский отмечает, что "коммуникативная ситуация в Польше хаотична. Люди часто не понимают языка политики" ("*Sytuacja komunikacyjna w Polsce jest zakłócona. Ludzie często nie rozumieją języka polityki*". – *Wpr.* 29.03.92).

В пространстве политического дискурса сталкиваются две парадигмы. В сатирической подаче они выглядят так: "Может создаться впечатление, что Польше угрожают представители иной цивилизации. Национально-христианская и народно-патриотическая Польша встала стеной на защиту Веры, Родины и Семьи против цивилизации либеральной, лево-коммунистической, жидо-масонской, позитивистско-постмодернистской" ("*Można odnieść wrażenie, że Polsce zagrażają przedstawiciele innej cywilizacji. Polska chrześcijańsko-narodowo-ludowo-*

patriotyczna stała murem w obronie Wiary, Ojczyzny, Rodziny przed cywilizacją liberalno-lewicowo-komunistyczno-masowsko-żydowsko-pozytywistyczno-postmodernistyczną". – GW. 30. 05. 97).

Переплетение различных концепций политики самым неблагоприятным образом отражается на языке. Процесс речетворчества происходит под влиянием маккиавелевских максим: *"цель оправдывает средства; кто не с нами, тот против нас!"*.

Польский политический дискурс после того кратковременного "очищения", которое принесла декларированная в 1989 г. свобода слова (Лассан, 1995, 7), сейчас впитывает разнообразные негативные эмоции. В условиях ожесточенной борьбы за власть слово становится средством расправы со всеми, кто "не с нами" В ходу утратившие изначальный смысл термины-пустышки: *этнос, христианские ценности, элита, демократия*. Они употребляются в разных, но всегда идеологизированных значениях. Без конца ссылаются *"на правду, которая едва жива в лапах ее чудовищно размножившихся пользователей"* (Р. Туг. 04. 11. 95). Сегодня поразительно актуальна мысль А. Михника: *«Кто напишет польские "Бесы"? – это проблема польской жизни во лжи о самом себе»* (Од. 1993. № 11).

Язык политики полон ненависти, агрессии и цинизма. Можно полагать, что все эти "врагомании" – это не стихийные вспышки с целью утихомирить попавших в экономическую яму граждан, им подсовывают "козлов отпущения". Этим, кстати, объясняется эпидемия отречений от "коммунистического прошлого". Все беды списывают на прежний режим, который, дескать, довел народ до нищеты. Этим занимаются и беспринципные конъюнктурщики и архитекторы нового манихейского порядка, в котором есть раса благородных господ (на языке противников – "солидарчуки", т. е. верховоды пришедшего к власти движения "Солидарность") и субраса недостойных, никудышных во всех отношениях плебеев (на языке противников "коммуняки"). Естественно, эти миры некоммуникабельны. Любая (в том числе – политическая) культура состоит в умении слушать, а значит – вести диалог. В польском политическом пространстве господствует крикливый, даже назойливый монолог, без малейшего желания понять друг друга.

Ожесточенность приводит к помрачению ума и проявляется в нежелании считаться с фактами. Это проявляется в очернительстве всего, что связано с памятью о Польской Народной Республике: *"Новая*

антикоммунистическая историография свидетельствует об историческом склерозе" (GW. 22. 03. 97). Уместно привести ироническое замечание известного писателя Редлинского: "Оценка ПНР новыми авторитетами однозначна: черная дыра в 1000-летней истории народа" (Pol. 08. 03. 97).

Человек становится личностью, если независимо от изменения жизненных обстоятельств сохраняет свое "Я" и не отрекается от прошлого. Это в не меньшей степени справедливо по отношению к нации, которая имеет не только право, но и обязанность учитывать свой исторический опыт. Разрывы и отречения ведут к эскалации ненависти, к расцвету фарисейства и цинизма.

Именно к этому пришла новая националистическо-католическая индоктринация, управляемая речевыми средствами насилия, человеконенавистничества, нетолерантности: "Засилие агрессивного национализма и расизма в сочетании с попытками преуменьшить всю серьезность положения вещей и оправдать его (Fala agresji o podłożu nacjonalistycznym i rasistowskim oraz chór bagatelizujących i usprawiedliwiających stan wypowiedzi". – W Kult. 21. 09. 97).

Любые существенные в жизни народа события вызывают в СМИ волну злобных нападок. Например, после утверждения в 1996 г. конституции (у власти находились тогда так называемые посткоммунисты) с правого фланга посыпались проклятия: "Конституция враждебна человеку... подрывает суверенитет Польши (Konstytucja jest skierowana przeciwko człowiekowi (...), przeciwko suwerenności Polski)". Представитель католической церкви заявил: "Мне больно, что парламент вновь ранит сердце Папы, принимая законы, деморализующие нацию (Boli mnie, że znowu z Parlamentu wysyłane są w serce Papieża kamienie w postaci ustaw demoralizujących naród)". Другой иерарх, выступая в парламенте, характеризовал конституцию с помощью изощренных словесных индоктринаций: "раздел Польши" ("rozbiór Polski"), "заговор против Отчизны" ("zspisek przeciwko Ojczyźnie"), "акция, направленная на восстановление тоталитаризма" ("działanie na rzecz odbudowy totalitaryzmu"), "контрабанда масонских идеалов" ("przemysany Bóg masonów") – (GW. 30. 05. 97).

Звучали и такие демагогические оценки: "спланированное и подготовленное нашествие атеизма" ("zaplanowana i zorganizowana ateizacja". – Pol. 09. 02. 96); "покушение на Бога" ("detronizacja Boga". – NP. 15. 03. 96); "сознательное отторжение Бога" ("świadome

rugowanie Boga z sumień Polaków". – Pol. 22. 06. 96). Еще несколько высказываний "поборников совести и правды": "Верующий поляк не потерпит людей, которым чужды и даже враждебны идеалы евангелизации" ("Polski chrzescijanin nie bedzie tolerował ludzi, którym obce, a nawet wrogie są ideały ewangelizacji". – Niedz. 12. 10. 97); "Помолимся, чтобы Польша стала действительно царством Христа" ("Modlmy się, aby Polska była rzeczywiście królestwem Chrystusa". – RM. 05. 10. 97); "Проповедники порнографии, морального релятивизма, абортотом хотя бы скорейшей смерти польского народа" ("Propagatorom pornografii, relatywizmu moralnego, aborcji, zależy na rychłej śmierci narodu polskiego". – RM. 31. 10. 96).

По этому поводу известный польский журналист П. Шубартович заметил, что правые силы, пришедшие к власти осенью 1997 г., пользуются "национал-католическим реквизитом"

Известно, что назойливая пропаганда вызывает в людях внутренний протест. Они инстинктивно чувствуют, что в агрессивных моралистах живут фобии и страхи невежественных обывателей. Надо согласиться с мнением, что *"всякая охота на ведьм то ли с правой, то ли с левой стороны мотивируется необходимостью защитить фундаментальные ценности"* (GW. 21. 01. 98).

По этому поводу хорошо сказал Л. Колаковски: *"Диктатура правды невозможна. Кто хочет установить истину с помощью диктатуры, тот устанавливает диктатуру и уничтожает правду"* (GW. 21. 11. 92).

Экстремисты любого толка пользуются одним и тем же инструментарием. В своей войне против атеистов и инаковерующих защитники религиозного государства прибегают к тоталитарным методам, в свою очередь, сторонники тоталитаризма широко используют иезуитские приемы. (В этой статье я сознательно чередую цитирование в польском оригинале и в переводе. Это делается в зависимости от возможности адекватной передачи смысла политизированных текстов).

8.5.2. Ментальность "победителей"

Накопившийся фактический материал заставляет задуматься над сущностью мировидения польского политического фундаменталиста, так как именно оно предопределяет способы словесного изъяснения. Лишний раз можем убедиться, что равно идио-, как и некогда социолект, выдает все тайны о нас, в том числе наши сокровенные стремле-

ния. Достоверным источником знаний о польских правых является специфический метаязык описания их жизненного пути. Надежным средством здесь оказываются иронически-разоблачительные кавычки. К ним, в частности, прибегает А. Михник. Характеризуя язык воинствующего национализма, он показывает, что в нем немало стереотипов то ли со знаком плюс, то ли со знаком минус: *"председатели национального дела", "этнически чистое государство"* (*Język agresywnego nacjonalizmu (...) jest wymierzony przeciwko obcym? także przeciw „zdrajcom narodowej sprawy”, którymi są wszyscy krytycy nacjonalistycznych liberałów. Ci ostatni szukają oparcia w religii i Kościele, by głosić swą wizję „czystego etnicznie państwa”. – GW. 05.07.94*).

Вербальная агрессия охваченных эйфорией "победителей" направлена, естественно, против ПНР, на которой „неоплеванного места не осталось": *"советская колония", "бандитская система", "преступное государство"* (*"Całe setki wypowiedzi o PRL pochodzą ciągle z tych samych szuflad: sowiecka kolonia rządzona przez bandycki system" (...), "PRL – okres zbrodniczy, PZPR" ("Польская Объединенная Рабочая Партия") – "organizacja przestępcza" (Tryb. 13. 05. 98)*). И еще из сюжета угроз: *"Całe PRL (...) też oskarżymy i uznamy, siłą naszej zwycięskiej koalicji, za zbrodniczą strukturę państwową"* (*NP. 15. 02. 98*).

Любое изменение в жизни страны, если оно происходило в момент, когда правые были "не у дел", принимается в штыки. Например, признание права на аборт вызвало у критиков взрыв негодования: *"это узаконенное умерщвление детей" ("ustawa o zabijaniu dzieci"), "геноцид", "охота на тех, кто не успел родиться" ("zabijanie niewinnych ludzi", "zabijanie dzieci poczętych", "ludobójstwo podlegające osądowi Narodu", "ustawa o zabijaniu najmłodszych Polaków". – Niedz. 01. 12. 98)*.

В наше время модно говорить о необходимости диалога культур, но он понимается исключительно как взаимодействие различных этносов. Однако "победители" отказываются вести диалог с инакомыслящими и рассматривают их как внутреннего врага. В результате происходит деление поляков на две группы: с одной стороны – "ramprepsy", т. е. молодые, жаждущие власти, "всезнающие" и "знающие лучше всех", страдающие политической односторонностью, непрофессионализмом, наглостью и кумовством; а с другой – "corregata tabs" – приверженцы закостенелых политических взглядов, пленники социалистической ментальности.

К счастью, есть рационально мыслящие политики, для которых экстремизм неприемлем. Если увлечься "расчетами" с прошлым, можно потерять будущее: *"правые партии дышат зоологической ненавистью ко всему, что можно подтянуть под рубрику "коммуняк" ("prawicowe partie dysza zoologiczna nienawiścią do wszystkiego, co można podciągnąć pod hasło "komuna". – GW. 01. 03. 98)*. Уместно привести суждение, под которым подпишутся здравомыслящие поляки: *"Не стану защищать ПНР, но отказываюсь принять лекарство, которое подсовывают декоммунизаторы, спекулирующие на чувстве справедливости" ("Bronic PRL nie będę (...) Odmawiam jednak połknięcia lekarstwa, jakie naszymu poczuciu niesprawiedliwości aplikują dekomunizatorzy". – GW. 04. 03. 98); ("Wielość pamięci o PRL jest miną, na którą z uporem władz dekomunizatorzy". – GW. 14. 03. 98)*.

Демократия невозможна без плюрализма позиций и мнений. Поэтому *"общественное сознание, как правило, не приемлет фальшивой схемы прошлого: пережившее надругательство, но несломленное общество против горстки палачей" (GW. 04. 03. 98)*. Учиться толерантности необходимо и католической церкви. В прошлые годы она была для большинства поляков очагом свободной мысли, надежным убежищем и защитником. К сожалению, после демократических перемен церковь заняла освободившееся после ухода ПОРП место... Это произошло прежде всего в ментальной сфере людей, привыкших к тому, что кто-то за них думает и указывает, что для них хорошо, а что плохо... *("Kościół szybko zaczął wypełniać lukę po PZPR (...) przede wszystkim w obszarach mentalnych ludzi przyzwyczajonych, że ktoś za nich myśli (...), wskazuje, co dobre, a co złe". – Tryb. 30. 01. 98)*.

Образно представил внутреннюю сущность польского политического дискурса А. Малаховски: *"Там, где окопались махровые ультра, таится бес раздора и мести, они соблазняют, совращают, берегут душу, убеждая в том, что ненависть является высшим благом" ("W prawicowych ostępach (w debрах) czaja się diabeł waśni (раздора) z szatanem zemsty, i kusza, i necą, i każą jątrzyć, wskazując nienawiść jako najwyższe dobro". – W Kult. 15. 02. 98)*. Следует добавить, что экстремизм обусловлен исторически, но правая политическая ориентация сильно укоренена в польской традиции. Национально-демократическая ментальность является здесь чем-то врожденным и отождествляется с католическим вероисповеданием. По справедливому замечанию Я. Щепаньского, "полякам свойствен национально-

католический синдром, а Польша является бездонным резервуаром всяких фальшивых, иллюзорных теорий" (*GW*. 10. 01. 99).

Для правых, как иронически констатирует И. Доманьски, *"большинство поляков – это чуждые, опасные демагоги-популисты, которыми руководят циничные оппозиционеры, готовые бессмысленно уничтожать и разрушать, вместо того чтобы спокойно и терпеливо поддерживать правительство в его нелегких начинаниях"* ("*większość Polaków, to obcy, niebezpieczni, demagogiczni populiści, sterowani przez cynicznych polityków opozycji, gotowi bezmyślnie niszczyć i grabić, zamiast spokojnie i cierpliwie wspierać ciężko pracujący rząd*". – *P Tyg*. 29. 09. 99).

8.5.3. Слово как конструкт политического дискурса

Наблюдая ход политических дискуссий в Польше, нельзя не отметить факт деструкции словесного материала, злоупотребление словом, наличие слов-"ломов". В исследуемом дискурсе немало элементов нового новояза, понимаемого как способ коммуникации власти с гражданами, как трансмиссия ощущаемой ею силы, которая позволяет реализовать политику по принципу "горе побежденным". Согласно классической дефиниции, новояз – это основа политического дискурса в более или менее тоталитарных, идеологически управляемых государствах. Возникает вопрос: то ли дефиниция неточная, то ли у нас возрождается новая, небывалая ипостась тоталитаризма? Слова быстро изживают себя, но остаются интонации, они живут в нашем подсознании, создавая благоприятнейшую почву для рождения новых негативных идиом.

Можно предположить, что новояз – это способ общения власти, которая *не допускает мысли о том, что она в чем-то не права и не справедлива*. Это синдром воинствующей некомпетентности, которая прибегает к разнузданной пошлости. Власть имущие не заинтересованы в подлинном общении с народом, они камуфлируют как свои интенции, так и свои деяния, используя слова-отмычки, слова-загадки, слова – дымовые завесы, наконец, слова-оборотни. Они обещают создать "новый прекрасный мир". Отсюда чрезмерно громкие тона, фразеология, лишенная внутреннего смысла, постоянная потребность в новой символике, целый арсенал средств дискредитации политических противников и вообще – "инаковерующих", и наконец, демонст-

ративная уверенность в незыблемости модели мироустройства, опирающегося на манихейское деление "свой" – "чужие".

Реалии новейшего политического сезона – это "иллюстрация" и "декоммунизация" как слова-ключи, дышащие жаждой мести, стремлением морально уничтожить "не наших". Власть ставленников "Солидарности", т. е. правых, поддерживается употреблением "ломовых" слов с двойной функцией: уничижения "врага" и возвеличивания "своих". Этой цели служат акцентированные выражения типа: *"настоящие поляки"*, *"настоящие католики"*, *"поляки-патриоты"* ("*prawdziwi Polacy*", "*prawdziwi katolicy*", "*Polacy-patrioci*"). Бросается в глаза постоянство "социовербальных" стереотипов. Ситуацию конца 1999 г. прекрасно характеризуют слова четырехлетней давности: *"Вновь словесная агрессия, обвинения, недоговорки и гниль. Ничего не изменилось по сравнению с коммунистическим периодом: тот же стиль, та же степень агрессии, те же идеологические трюки"* ("*Znów słowa agresji, potówień, niedotówień i gnojenia. Porównanie z komunistycznym okresem uderza podobieństwem stylu, stopniem agresji, tricków ideologicznych*". – Tryb. 21. 12. 96).

Речевые действия подчинены одной цели – производить "достоверную ложь". Наличие врагов консолидирует "партию власти". Это нашло выражение в неологизме *"нашесть"* ("*naszość*"), которая всегда лучше и правдивее любой *"иности"*. Здесь "мы", а там "они", мы лишь защищаемся от вражеских атак, от отравления чужими идеалами. Они – негодяи, изгои, навеки проклятые и обреченные. Согласно Э. Фромму, жажда иметь врага непреодолима. Кто не с нами, тот против нас – девиз политиков всех времен и народов, и прежде всего – политиков любого переходного в неизвестность периода.

Целесообразно напомнить, что "человеческое сознание работает словом, этим самым тонким, но и самым запутанным преломлением социально-экономической закономерности". Польский дискурс может служить наглядной иллюстрацией этого бахтинского наблюдения, причем "сознательная работа словом" сопровождается беззастенчивыми манипуляциями: все или ничего, кто не с нами, тот против нас, белое либо черное, третье не дано, ксенофобия и врагомания – это основное сырье, из которого создается ткань монолога вечно живых архитекторов "единственно правильного учения".

Эта негибкая позиция уязвима. Чем больше политической трескотни, тем меньше доверия она вызывает. Средний поляк все

больше убеждается в том, что в общественной жизни много мутной воды. Различные политические группировки разговаривают на разных языках, нет единства мнений ни по одному важному для страны вопросу.

С л о в а р ь

Антропонимы – окказионализмы как зеркало политизированного сознания.

Prawdziwi Polacy – настоящие поляки.

Prawdziwi katolicy – настоящие католики.

Katolicy – prawdziwi Polacy – католики – настоящие поляки. (Эти три номинации функционируют с 1992 г., их семантика отображает ментальность правых. Кстати, они соответствуют смыслу русского словосочетания "чистокровные русские".)

Polak-katolik VS "neoeuropejczyk" – поляк-католик или "новый европеец". (Это противопоставление введено самым высоким костельным иерархом в 1997 г., когда в Польше у власти были социал-демократы, именуемые у нас коммунистами.)

Pseudokatolicy – псевдокатолики. (Термин введен в 1997 г. католическими экстремистами с целью отмежеваться от всех "не своих".)

Patrioci – патриоты. (Слово с сугубо эластичной семантикой, меняющейся в зависимости от употребляющего субъекта.)

Zawodowi patrioci – записные патриоты. (Ироническое определение, относящееся к правым, которые считают себя "единственно правильными патриотами".)

Katolicy rytu mojseszowego – католики "от Моисея". (Пренебрежительный эвфемизм для определения крестившихся "незаконно" евреев.)

Zydownik powszechny – словосочетание с сильно пренебрежительными коннотациями, об актуальном (с осени 1997 г.) правительстве, в котором превалируют поляки еврейского происхождения.)

Bandycka żydokomuna – иудокommунистическая банда.

Polskojęzyczni tubylcy – польскоязычные туземцы. (Поляки еврейского происхождения.)

Zasłużeni szabesgoje-renegaci – заслуженные жидоренегаты. (Поляки в эшелонах власти, которые официально сотрудничают с поляками еврейского происхождения.)

Kryptomasoni – криптомасоны. (Все, "кто не с нами", т. е. с настоящими поляками-католиками.)

Podstepni wrogowie Polaków – злокозненные враги поляков. (Так говорят "настоящие поляки" обо всех остальных, т. е. – "не настоящих".)

Człowiek nie ochrzczony – нехристь, ирод, президент всех гэбэшников. (Адольф Гитлер, Иосиф Сталин.)

Brudnocy rycerze liberalizmu – рыцари либерализма с грязными руками. (Так говорят "настоящие поляки-католики" о своих политических противниках.)

Garstka sprzedawczyków – кучка предателей. ("Правильные и безгрешные поляки" – о правительстве ПНР.)

Komuchy VS solidaruch – "коммуняки" против "солидарчуков". (Представители двух лагерей, жители двух миров, между которыми нет никакой коммуникации.)

Kolaboranci z PZPR – коллаборационисты. (О бывших партийцах, о левой номенклатуре.)

Czerwone karaluchy komuny – красные "коммунотараканы", красные пауки. (О польских "коммунистах" и посткоммунистах.)

Neopoganie – новоявленные язычники.

Kundelki – инакомыслящие на языке церковных иерархов.

Bezbożni posłowie – безбожные депутаты. (Католические экстремисты, те парламентарии, которые осмелились голосовать за утверждение права на аборт.)

Rodzimi Tutsi i rodzimi Hutu – доморощенные тутси и хуту, левые сатанисты. (О "безбожных" сторонниках права на аборт.)

Kapuś – стукач. (Противник правых, человек левых взглядов.)

Szmata – отребье, "заслуженные" антикоммунисты. (Так говорят левые о консерваторах, правых фундаменталистах.)

Antykomunistci ostatniej godziny – антикоммунисты последнего часа. (О приспособленцах, которые успели вовремя отречься от своего прошлого.)

Aktywisci kruchtowi – активисты паперти, очумелые клерикалы. (О фанатичных слугах католической церкви.)

Faryzeusze – фарисей. (Антропоним, которым пользуются представители и левого и правого фланга.)

Rycerze słusznej sprawy – доблестные рыцари. (О бескомпромиссных правых и религиозных экстремистах.)

Gestapo – гестапо. (О польской полиции, когда она давит то ли "правую", то ли "левую" демонстрацию.)

Koltun – Колтун. (О политических недоумках, людях "без царя в голове".)

Перечень сокращений (с комментариями)

GW – "Gazeta Wyborcza" (ежедневная газета неолибералов, редактирована Адамом Михником. Вся редколлегия – это бывшие активисты "Солидарности" в восьмидесятые годы).

N Pol – "Nasza Polska" (главный орган воинствующих националистов-католиков, ежедневная газета).

Niedz – "Niedziela" (ультра-католический еженедельник).

Od – "Odra" (социокультурный журнал с многолетней традицией разумной трактовки мира и человека).

Pol – "Polityka" (нейтральный, в основном, социально-политический журнал-ежемесячник, но с некоторым левым социальным уклоном).

P Tyg – "Przegląd Tygodniowy".

RM – "Radio Maryja" (сугубо националистское радиовещание "поляков – настоящих католиков", согласно распространенному общественному мнению, они разжигают ненависть ко всем "чужим", особенно – к евреям).

Tryb – "Trybuna" (единственная левая ежедневная газета, она пользуется общественным уважением благодаря объективности оценок).

T Pow – "Tygodnik Powszechny" (католический журнал с богатейшей традицией, еженедельник. Благодаря необыкновенной личности главного редактора, он никогда в Народной Польше не был запрещен. Его характеризуют объективизм, разумность и широта мировидения, которые отнюдь не сводятся к пропагандированию католицизма).

W Kult – "Wiadomości Kulturalne" (левый журнал, который был закрыт в 1998 г. по распоряжению правого министра культуры, кстати, по несущественному предлогу).

Wpr – "Wprost" (правый ежемесячник, редактируемый бывшим коммунистическим деятелем, предназначенный для чтения предпринимателями и богатыми бизнесменами).

8. 6. МАРКИРОВАННОСТЬ ГАЗЕТНОГО ЯЗЫКА

История российской прессы в XX в. еще раз подтвердила известную истину о связи языка и общественного сознания. Советская пресса, созданная под идейным руководством КПСС, была "коллективным агитатором, пропагандистом и организатором" (В.И. Ленин) советского общества, формируя его морально-политическое единство с помощью особого партийно-канцелярского жаргона. В те недавние годы издавались многотысячными тиражами газеты, ориентированные на разные аудитории, к примеру, "Правда", "Комсомольская правда", "Пионерская правда". Язык этих изданий стилистически не был абсолютно однороден, потому что он определялся такими типологическими значимыми факторами, как возраст и интересы читательской аудитории.

Социолингвистический анализ русской прессы показал прямую зависимость языка разных типов изданий от их типологических признаков (политическая программа, тематическая характеристика, социальный состав читательской аудитории), от социально-исторических условий функционирования газеты, социально-психологических особенностей читательской аудитории (*Лысакова*, 1989, 25 – 26). Язык и стиль, таким образом, тоже являются типологическими маркерами, исследование которых позволяет определить тип издания.

Социолингвистический анализ советской прессы 1917–1984 гг. позволил выделить *социолингвистические переменные* (рубрики, заголовки, композиционно-стилистические блоки, лексические и синтаксические особенности текстов), по которым можно определить тип издания (*Лысакова*, 1989, 172). В настоящей статье мы используем эту

методику для определения политической маркированности современных газетных изданий левой и крайне левой оппозиции.

Материалом для исследования послужили газеты "Завтра" (№ 1 – 25, 30 – 51 за 1998 г.; № 1 – 12 за 1999 г.) и "Русский порядок" (№ 1 – 5 за 1998 г.; № 1 – 2 за 1999 г.).

Цель исследования – выявить языковые средства, создающие социальные диалекты крайне левой оппозиционной прессы.

Методика социолингвистического анализа требует учета экстралингвистических факторов. Поэтому, прежде чем анализировать языковые особенности газет "Завтра" и "Русский порядок", дадим краткую характеристику этим изданиям.

"Завтра" – еженедельная газета партий Народно-патриотического союза России (куда входят КПРФ Г. Зюганова и партия Г. Ампилова), рассчитанная на массового читателя. Издается в Москве с ноября 1993 г. Главный редактор – А. Проханов. Общий тираж 100 000 экземпляров.

"Русский порядок" – неперIODическое издание партии Русское Национальное Единство (РНЕ) А. Баркашова. Статус издания не установлен: газета или агитационная листовка. Издается во Владивостоке, Москве, Петропавловске-Камчатском, Самаре, Ставрополе. Зарегистрирована в 1992 г. Всего вышло 46 номеров. Общий тираж 1000 000 экземпляров. Главный редактор С. Полубояров. Формат 0,5 газеты "Завтра", 12 полос.

Характерные особенности издания – отсутствие рубрик; статьи и заметки значительного объема (в среднем одна статья занимает 2 - 3 полосы); из жанровых форм доминируют интервью, статьи и очерки, полностью отсутствуют тексты оценочного типа (памфлеты, фельетоны и т. д.); большое количество объявлений, содержащих информацию о времени и месте митингов партии РНЕ, о банковских реквизитах расчетных счетов РНЕ и т. д. Используется свастика и другая фашистская символика. В своем исследовании мы будем анализировать стиль рубрик, заголовков и текстов двух этих газет в период с июля по декабрь 1998 г. В течение этого времени вышло двадцать пять номеров газеты "Завтра" и два номера газеты "Русский порядок".

Для того чтобы более четко установить основные идеи, проповедуемые на страницах этих газет, назовем исходные положения идеологии, которая, с нашей точки зрения, находит отражение в этих изданиях. Так как газета "Русский порядок" имеет явную ориентацию на

атрибуты фашистской идеологии, вспомним основные положения фашизма, сформулированные Муссолини, а затем развитые итальянскими и немецкими идеологами. Социал-дарвинистское понимание жизни как биологической борьбы за существование.

1. Отрицание гуманистической самооценности индивида, подчинение человека тотальному целому – нации, государству, фашистской партии.
2. Расизм: уничтожение неполноценных народов – это способ обеспечить благосостояние своей нации.
3. Вождистская партийная диктатура занимает место демократии или общественного самоуправления.
4. Сохранение и поддержка частной собственности и "национально ориентированного предпринимательства" (*Тоталитаризм*, 1996, 511 - 514).

В отличие от фашистской, марксистская идеология провозглашала задачу всестороннего освобождения трудящихся. Коммунистическое общество должно быть основано на принципах интернационализма, замены частной собственности общественной, а государства – самоуправлением народа. В то же время переход от капитализма к социализму, по мнению марксистских идеологов, должен осуществиться посредством насильственного завоевания политической власти.

Анализируя исходные положения фашистской идеологии (Германия, Италия) и марксистской идеологии (СССР), большинство исследователей (В. Дробицкий, Н. Комолова, В. Дамье, В. Райх и др.) приходят к выводам, что основные различия между этими идеологиями заключаются в следующем. Во-первых, принцип интернационализма коммунистов противостоит принципу расизма фашистов. Во-вторых, имеет место различное отношение к наличию частной собственности в государстве. В-третьих, по-разному понимается роль каждой отдельно взятой личности в государстве (фашистские идеологи отрицали гуманистическую самооценность индивида).

Ни одна из анализируемых газет как органов соответствующих политических партий современной России, не является выразителем данных идеологий в чистом виде. Интересен тот факт, что лидеры большинства оппозиционных партий были выходцами из общества "Память" или имели к нему какое-либо отношение.

Общество "Память" было создано в 1987 г. и поначалу имело в своем составе коммунистические, монархистские, фашистские и анар-

хистские группировки. Политическая программа общества "Память" основывалась на следующих постулатах:

- восстановление русской государственности;
- возрождение православия как основы духовной жизни народа;
- возрождение русского крестьянства на основе трудовой собственности;
- соборность, т. е. идея воссоединения всех исконно русских земель на единой государственности и идеологии;
- восстановление русской национальной культуры;
- разоблачение "иудо-масонского заговора" как основы восстановления национальной и социальной справедливости.

Данный постулат полностью противоречит принципу интернационализма, за который ратовали марксистские идеологи.

Все перечисленные выше постулаты пропагандируются сейчас на страницах газет "Завтра", "Лимонка", "Черная сотня", "Русский порядок" и др. Таким образом, несмотря на некоторое различие в направленности рассматриваемых газетных изданий, можно говорить о частичном сходстве тех убеждений, которых придерживаются издатели.

Это сходство прослеживается при анализе рубрик, заголовков и текстов оппозиционных газет. *Во-первых*, имеет место значительный процент лексических единиц с религиозной семантикой и старославянизмов. Например, газета "Завтра" имеет рубрики "Символ веры", "Белая Русь", "Посольский приказ" и т. д. В газете "Русский порядок" А. Баркашов называет национал-социализм "царством Божиим на Земле", а русский народ – "особенным народом, особенность которого носит мессианский характер" (Русский порядок, 1998, № 1). *Во-вторых*, в газете "Завтра" иногда можно прочесть лозунги и призывы, явно фашистской направленности. Например, стихотворение "Еве Браун", восхваляющее деяния "великого фюрера" (Завтра. 1998. № 31). *В-третьих*, объединяющим звеном коммунистических и фашистских газетных изданий является их ярко выраженная антисемитская направленность, что нашло отражение в языке этих газет, в использовании соответствующих лексем. Например: российское жидо-масонство, "шестиконечные" демократы, израильские халдеи, Шекельгрубер. (Ефрейтор Шекельгрубер, он же Гитлер, погрузил Германию в фашистскую тьму. Набитый шекелями Березовский оплачивает вхождение в Кремль желто-коричневого фашиста. Внимание, грядет Шекельгрубер (Завтра. 1998. № 47)).

Остановимся более подробно на дифференциации социальных диалектов двух газет. Основное различие между этими изданиями заключается в их ориентации на различные читательские аудитории. Так, газета "Завтра" ориентируется на читателя с невысоким образовательным цензом. Целью ее является создание грубого, вульгарно примитивного образа, который надолго останется в сознании читателя и может побудить его к конкретным действиям против существующего режима. Е. Какорина отмечает, что социальный диалект газеты "Завтра" характеризуется низкой степенью информативной насыщенности, стремлением дать "вторичную" интерпретацию событиям, ярко выраженной оценочностью и апеллятивностью (см: *Русский*, 1996).

Большая часть рубрик газеты выполняет апеллятивную функцию и содержит значительный процент экспрессивной лексики. Например, "Сопротивление", "Партия измены" (под этой рубрикой публикуются заметки о лидерах демократических партий), "Блеф СНГ" (эта рубрика содержит статьи о "негативных" явлениях, связанных с функционированием Содружества Независимых Государств), "На русском направлении" и т. д.

Заголовки газеты также содержат эксплицитно выраженную оценочность. Например, "Истерия и вранье", "Ельцин – гарант беспредела", "Мы в вашем строю, генерал" (статья о генерале А. Макашове), "Гюрза под подушкой Березовского", "Галину Старовойтову застрелил демократ" и т. д.

Для представления оценочной информации широко используются такие жанры, как памфлет и фельетон, а также создаются новые для газетной полосы жанровые формы, например "обзывалки", специально искажающие имена первых лиц государства, и "абсурдные рассказы". Часто используются анекдоты, лозунги, пародии и стихи. Особенно популярны так называемые тексты "гражданской поэзии", которые публикуются под рубрикой "Круг чтения" и содержат откровенные призывы свергнуть существующий режим. Например, стихотворный цикл "Ты бросил вызов мировому злу", посвященный юбилею Саддама Хусейна (Завтра.1998.№14):

*Чтоб избежать бесчестья и позора
В родном Ираке раз и насовсем –
Любому, и предателю, и вору
Был краток твой вердикт,
Саддам Хусейн.*

*А мы примеру твоему не вняли,
Пустили демократов на порог
И Родину почти что потеряли,
В беде увязли с головы до ног.*

Следование принципам антиэтикета приводит к активному использованию разговорной и грубопросторечной лексики в текстах публикаций (Лысакова, 1989, 52). Например: *Они [телевизионные репортеры] покажут всех воров и мерзавцев из РАО ЕЭС, притаившихся после краха, а теперь с визгом ошпаренных кошек вцепившихся в изможденную страну* (Завтра. 1998. № 47).

Широко используются метафорические и уничижительные эвфемизмы, авторы стремятся дать оригинальные номинации первым лицам государства. Например: *президент – царь Борис, хозяин Кремля, "всенародноизбранный", "дед", БН, "объект", "тело" и т. д.; правительство – олигархи-махинаторы; С. Кириенко – "мальш", "пацаненок"; В. Черномырдин – медведь-шатун, газовик-затейник; Е. Гайдар – гладкий, как брюква; дума – половик, сплетенный из разноцветных тряпочек и др.*

Интересен тот факт, что оценочность в газете "Завтра" выражается не только лексическими средствами, но и средствами экспрессивного синтаксиса. В текстах используется ряд предложений, которые по своей структуре практически дублируют друг друга, так называемый синтаксический параллелизм (Лысакова, 1989, 33 – 34).

Например: *Они сделают так: две недели будут показывать похороны Старовойтовой, монтируя их с кадрами штурма Останкино и с Макашовым. Они будут показывать жертвенный "Соловецкий камень" с печальными старушками ... монтируя их с конгрессом НПСР, Зюгановым и казачьими полковниками в фойе Дома Союзов. Они будут демонстрировать трагическое лицо Березовского, которого хотели убить офицеры ФСБ... Они будут экспонировать дымящиеся крематории Майданека и дымок сигареты, которую курит русский мужик, присевший отдохнуть на пеньке* (Завтра. 1998. № 47).

Использование одинаковых синтаксических конструкций способствует выразительности текста, усиливая его воздействующую функцию: созданный образ многократно возникает в сознании реципиента и прочно укореняется в его подсознании.

Обратимся к анализу социального диалекта газеты "Русский порядок". Видимо, это издание ориентируется на читателя с более высоким образовательным цензом, чем газета "Завтра". Любой тезис, выдвигаемый на страницах этой газеты, имеет очень четкую, логичную систему доказательств. Так, в №1, в статье "Жрецы Люцифера – 2",

изложен очень любопытный взгляд на историю России от принятия христианства до наших дней, где все исторические катаклизмы объясняются деятельностью мирового масонства. Процент оценочной лексики в газете "Русский порядок" значительно ниже, чем в газете "Завтра". В текстах "Русского порядка" можно встретить большое число лексических единиц нейтрального и книжного стиля. Социальный диалект газеты "Русский порядок" создается широким использованием лексических единиц с семами "чистота расы", "порядок", "истребление", "уничтожение" и т. д., причем для них создаются положительные коннотации. Например: *дисциплина, военно-спортивное объединение, военно-спортивный лагерь, новый порядок, очистить русскую нацию* и т. д. (Русский порядок. 1998. № 12).

Интересно, что даже псевдонимы журналистов, работающих в газете, значимы в идеологическом плане. Например, псевдоним одного из часто публикуемых авторов *Малюта Скуратов* вызывает ассоциации, связанные с уничтожением большого числа людей.

Частотным словом в текстах "Русского порядка" является слово *ариец*, которое имеет положительную коннотацию. Арийская нация для сегодняшних членов партии РНЕ – это некий образец для подражания. Например: *Предания и легенды гласят, что еще в глубокой древности индоевропейцы (арийцы) принесли на Землю учение о разделении мира на Добро и Зло, четко проведя между ними разграничение.* (Русский порядок. 1998. № 1).

Для большей очевидности выводов представим все названные выше особенности газет в таблице.

Таблица 1

	"Завтра"	"Русский порядок"
Идеология	интернационализм (в сочетании с антисемитской направленностью); отрицание частной собственности; насильственный путь завоевания власти	расизм; наличие частной собственности; насильственный путь завоевания власти

Рубрики	<p>рубрики можно разделить на две группы:</p> <p>1) с высокой лексикой: "Символ веры", "Белая Русь", "Посольский приказ" и т. д.;</p> <p>2) с нейтральной лексикой или с лексикой сниженного характера, выполняющей апеллятивную функцию: "Партия измены", "Сопrotивление", "Блеф СНГ"</p>	Нет рубрик.
Заголовки	"Истерия и вранье", "Ельцин – гарант беспредела", "Мы в вашем строю, генерал", "Гюрза под подушкой Березовского", "Галину Старовойтову застрелил демократ".	"О национальном происхождении Иисуса Христа", "Угроза с Юга", "Шенгенская зона", "Жрецы Люцифера – 2", "Об израильском гражданстве политиков и бизнесменов России", "Москве пора заново обрусеть"
Особенности лексики	<p>наличие большого числа отрицательных оценочных сем сниженного характера.</p> <p><i>Олигархи – махинаторы</i></p> <p><i>Ошпаренные кошки</i></p> <p><i>Воры и мерзавцы из РАО ЕЭС</i></p> <p><i>Сожрали Россию</i></p> <p><i>Матерый чинуша</i></p>	<p>используется рациональная оценка:</p> <p><i>дисциплина</i></p> <p><i>новый порядок</i></p> <p><i>военно–спортивный лагерь</i></p> <p><i>арийская нация</i></p> <p><i>очистить русскую нацию</i></p> <p><i>масоны; иудо-масоны</i></p> <p><i>Малюта Скуратов</i></p>
Особенности синтаксиса	часто используется синтаксический параллелизм.	синтаксические структуры, характерные для научной речи

Как видно из сопоставления, социальные диалекты газет "Завтра" и "Русский порядок" не идентичны по своей семантике и стилистической окраске. Их социолингвистический анализ дает достаточно точное представление о политической ориентации их издателей.

Часть девятая

ОБЗОРЫ

9.1. ДИКТАТ РЫНКА ПРОТИВ СВОБОДЫ МЫСЛИ

(Д. Дадли "Университеты и глобализация:

критические перспективы")

В декабре 1998 г., роюсь на полках небольшого книжного магазина, который находится в подвале духовной семинарии при Университете Чикаго, я наткнулся на эту книгу. Уже первые абзацы вступительной статьи смутили меня своим необычным подходом к широко известным процессам объединения отдельных стран мира в единую экономическую, правовую и социальную систему. Преподавательницы университетов Канады и Австралии собрали под единым названием довольно разные по стилю и подходам к изложению проблем статьи, которые все же оказались объединенными одним стремлением – *искать новые пути развития университетского образования* в стремительно меняющейся ситуации структурных, иерархических и смысловых взаимоотношений между отдельными странами, группами стран и континентами.

Подобно тому как 1980-е годы прошли под влиянием философии постмодернизма, 1990-е знаменуются все усиливающимися идеями глобализации общества. *Термином "глобализация" определяются* процессы сближения стран и народов, распространения принципов демократии и рыночных экономических отношений по всему миру. Робертсон определяет глобализацию как "понятие, которое описывает *сжатие мира и усиление осознания мира как единого целого*" (Robertson, 1992). Одновременно с этими процессами происходит резкое возрастание национального самосознания среди народов, долгое время входивших в состав формальных (СССР, Югославия) или неформальных (страны Третьего мира) империй; стремление к самоопределению, самостоятельному национальному развитию, выражающееся иногда в экстремальных формах вплоть до самоизоляции.

Другой аспект современного этапа развития общества, связанный также с уровнем развития производства и средств сообщения (транспорт, связь), состоит в переходе от постиндустриального (информационного) общества к обществу знаний – такому этапу развития человечества, при котором основной ценностью и товаром становятся знания как продукт индивидуальной переработки информации (Harkins, 1996). Этот переход *ставит сферу образования* в особые условия, превращая ее из вспомогательного сектора, способствующего развитию производительных сил, в один из основных производительных секторов, ставит, по меньшей мере, в один ряд с производством товаров общего потребления. Соответственно процессы глобализации (а значит, и

глобальной стандартизации с одновременным сохранением индивидуальных – национальных особенностей) стран непосредственно касаются и деятельности системы образования – как в глобальном, так и в национальном масштабе.

Авторы – издатели книги "Университеты и глобализация" (представительницы университетского сообщества из Канады и Австралии) всерьез озабочены тем, как глобализация мировой экономики повлияет на управление и характер деятельности университетов. Их встревожило то, что университеты многих стран бросились в пучину глобализации, не рассмотрев всесторонне и не осознав последствий этих процессов для самих университетов, для их потребителей и партнеров, для всего академического сообщества.

Под обложкой этой книги собраны статьи ряда исследователей из многих стран – Канады, Австралии, США, Франции, Норвегии и других. Все они так или иначе рассматривают процессы глобализации в контексте их влияния на академическую жизнь – экономику деятельности университетов, построение учебных планов, взаимоотношения между профессорами и студентами, связи университетов с деловыми, политическими и культурными кругами отдельных стран и мирового сообщества, роль международных, наднациональных и мультинациональных корпораций, организаций, консорциумов, фондов, других инструкций. По мнению авторов-издателей, эта книга отличается от абсолютного большинства других книг на темы глобализации по меньшей мере в трех отношениях:

1) Авторы не безоговорочно считают процессы глобализации мировых экономических, политических и социальных отношений однородными и однонаправленными во всех странах мира. Практика глобализации имеет существенные различия в разных странах даже с примерно одинаковым уровнем экономического развития.

2) Авторы не безоговорочно полагают, что процессы глобализации, по крайней мере на современном этапе, будут одинаково беспрепятственными и выгодными для всех отдельно взятых государств и отдельных слоев населения.

3) И, наконец, авторы вовсе не считают процесс глобализации неизбежным и достойным приложения всех возможных усилий для его осуществления. Наоборот, они считают, что можно и необходимо искать альтернативы этому процессу с учетом реалий сегодняшнего дня и перспектив развития человечества.

На фоне многочисленных работ, посвященных уверенному маршу глобализации по планете, таких как книга Уотерса "Глобализация" (Waters, 1998), отстаивающая неизбежность и необходимость этих процессов, представляемый здесь сборник содержит неожиданные подходы к проблеме, вступает в дискуссию с, казалось бы, прочно утвердившимися понятиями и воззрениями, подвергает сомнению не только выводы из теории анализа целостной мировой системы, но и саму теорию. При этом, несмотря на заявленный круг рассматриваемых проблем, авторы не ограничиваются исключительно влиянием глобализации на академическую жизнь, а затрагивают и более глубокие пласты экономических, социальных и культурных аспектов, протекающих в мире и в отдельных странах процессов.

По структуре книга разбита на четыре крупные части, посвященные соответствующим проблемам. Каждая часть предваряется общим предисловием одной из авторов-издателей, в котором читателя заранее настраивают на манеру изложения и ведения дискуссии авторов отдельных статей. Вступительная ко всей книге в целом статья Д. Курри достаточно подробно реферировывает последующие материалы, задавая тон дальнейшему чтению, но не отбивая желания углубиться в представленные работы. Уже первые положения, высказанные здесь, довольно четко вырисовывают "антиглобализационную" позицию авторов и подчеркивают тревогу за дальнейшую судьбу университетского (не профессионального, а академического в философском смысле) образования в мире. Главная угроза, по мнению Д. Курри, исходит из практики "американизации" учебного процесса, т. е. перевода университетов на принципы прагматичности и коммерциализации в ущерб свободе академической мысли и гуманизации высшего образования. Повальное увлечение ускорением глобализационных процессов в университетах многих стран мира, безоглядное внедрение принципов рыночной экономики в академическую практику зачастую приводит к перекосам и неравноправию отдельных составляющих академической среды, появлению "элиты" и "чернорабочих" среди профессорско-преподавательского и административного состава университетов.

Значительную часть обсуждения авторы посвящают влиянию наднациональных организаций и международного капитала, в первую очередь таких могущественных финансовых агентов, как Всемирный банк, Международный валютный фонд, Организация экономического развития и другие. В отчете за 1994 г. о развитии высшего образова-

ния Всемирный банк потребовал от отдельных государств постепенно переходить от одного источника финансирования университетов к множественности источников – плате студентов за обучение, консультации и другие услуги, привлечению спонсорских средств; расширению коммерческой деятельности университетов. Соответственно и национальные правительства стали значительно больше внимания уделять внедрению рыночных отношений в академическую среду. Так, например, в отчете австралийской Консультативной комиссии по экономическому планированию, опубликованном в ноябре 1995 г., предложено "распространить на сектор образования и профессиональной подготовки практику микроэкономических реформ, направленных на маркетинговую экономику" (*University*, 1998). Государство постепенно сдает свои позиции, осуществляя приватизацию все большего круга экономических и социальных функций, бывших некогда его исключительной прерогативой, становясь "одним из конкурентов в ряду с крупным, средним и мелким бизнесом" и отказываясь от своей роли регулятора социальной и культурной сферы (*University*, 1998, 9).

Часть первая "Теоретические основы процесса глобализации" рассматриваемой книги содержит теоретическое описание и критический анализ глобализации как дискурса неолиберального капитализма. В ней проводится различие между глобализацией как процессом и глобализацией как идеологией, а также между глобализацией и интернационализацией. Например, университеты всегда были по своей природе интернациональными и в отношении учебных планов, и в отношении сообщества преподавателей и студентов. Однако традиционный смысл интернационального содержания академической деятельности сейчас подменяется практикой глобализации университетской деятельности, переводя ее на чисто коммерческие, рыночные отношения.

Две статьи этой части показывают, каким образом правительства Австралии, Канады, Великобритании и США реагируют на процессы глобализации. Эта реакция во многом сходна – сокращение государственной власти с передачей значительной ее части в руки рынка. Такое изменение политики осуществляется путем коррекции макроэкономической политики и проведения микроэкономических реформ, затрагивающих и государственный, и частный сектора. Университеты не стали исключением из этой общей тенденции.

Д. Дадли в своей статье "Глобализация и высшее образование в Австралии" рассматривает социальные, экономические и политические аспекты процессов глобализации, показывая, в частности, что экономическая глобализация является "дискурсивной конструкцией, отдающей предпочтение рыночным отношениям и свободной торговле, не сдерживаемым национальным регулированием" (*University*, 1998, 16). Новый мировой порядок, являющийся целью процесса глобализации, должен стать кульминацией следующих взаимосвязанных процессов развития:

- ориентирование по возможности всех государств мира на внедрение западной материалистической и потребленческой модели жизни;
- проникновение и чуть ли не гегемония западной популярной культуры во всем мире, в частности, в ее американском выражении и понимании;
- усиливающееся доминирование западных, в первую очередь, американских моделей производства и потребления;
- интеграция разных экономических систем мира в единый глобальный международный рынок;
- свободная торговля и новое международное перераспределение рынка труда.

Экономическая глобализация воспринимается как объединение национальных экономик в единую глобальную экономику, а государственная политика начинает определяться интересами международного рынка товаров и денег вместо национальных, социальных и/или политических приоритетов. Так, Д. Дадли сопоставляет теоретическое видение глобализации, представленное в работе Херста и Томпсона (Hirst, 1996), и ее практическое осуществление в ряде развивающихся стран, в том числе в Австралии. Херст и Томпсон представляют доктрину неоклассического либерализма, отстаивающую установление нормативных принципов во взаимоотношениях капитала и государственной власти, капитала и общества. *Они сводят глобализацию к дискурсу экономической, а не политической модернизации, считая ее антиполитической идеологией свободной торговли.* При этом глобализация отдает предпочтение экономической рациональности и капиталистическим отношениям перед демократическими и социальными принципами. В сущности, как говорит Д. Дадли, подобно теории модернизации, глобализационная практика состоит во внедрении неоклассической экономики и неолиберальной политики, облеченных в

термины экономического развития конца двадцатого столетия (*University*, 1998, 29).

Роль государства в процессах глобализации может проявляться в двух противоположных формах. Оно может стать активно *интервенционистским*, предпринимая стратегические меры для развития своей постфордистской экономики, развивая сферу образования и профессионального обучения, а также проводя активную политику формирования рынка труда. В этом случае образование становится одним из важнейших инструментов экономической политики. Однако государство может занять и минималистскую позицию *невмешательства* в построение неофордистской экономики, отдав задачи экономической реструктуризации в руки рыночных сил.

В случае Австралии правительства Хоука и Китинга проводили активную политику осуществления экономических реформ, включая расширение и совершенствование высшего образования, увеличение объемов знаний среднего образования, усиление роли формального сектора в сфере профессионального образования, а также развитие системы переподготовки, повышения квалификации и дополнительного образования в смежных отраслях науки и техники. Однако эти действия постфордистского характера проводились в контексте неолиберальной (неофордистской) экономики и социальной политики дерегулирования и приватизации, сокращения государственного финансирования на образование и профессиональное обучение. Ярчайшим примером постепенного внедрения в государственном высшем образовании Австралии коммерческих принципов стало введение платы за обучение, хотя бы и в форме отложенной уплаты налогов (так называемая "Схема поддержки высшего образования"— государственная программа, известная по аббревиатуре HECS).

С 1980-х гг. в образовательной политике Австралии преобладают соображения экономической рациональности из-за перспективной роли образования в реструктуризации австралийской экономики с целью повышения ее эффективности и конкурентоспособности в мировом масштабе. После 1987 г. образование в Австралии попало в фокус внимания правительства как стратегически важный инструмент для проведения микроэкономических реформ и создания общества с высококвалифицированной и высокооплачиваемой рабочей силой. Таким образом, экономический рационализм и теория развития человеческого потенциала стали ортодоксальным принципом развития системы

образования. В действиях правительства четко прослеживались две политические линии: проведение постфордистских микроэкономических реформ путем "инвестирования" в образование будущих высококвалифицированных рабочих для высокотехнологической экономики страны, а также осуществление самой "индустрии образования".

Исходной предпосылкой реформ были изменения в структуре и администрировании образования с целью более тесной интеграции его с "потребителями" – промышленностью и бизнесом.

При этом Австралия одновременно как бы следовала двум различным стратегиям – постфордистской, пытаясь осуществлять максимально жесткий контроль за проведением реформ и по мере сил защищать страну от вторжения капитала и дешевой рабочей силы извне, обеспечивать социальную защиту своих граждан, контролировать сферу образования непосредственно, и неофордистской, либерализуя взаимоотношения между различными отраслями (включая и образование), сокращая государственное финансирование учебных заведений и переводя академическую среду в режим свободного рынка.

Д. Дадли явно отрицательно относится к современному воплощению идей глобализации, и если в начале и середине своей статьи она пыталась более или менее хладнокровно и объективно обсуждать проблемы, связанные с этими процессами, то в последнем разделе, который многообещающе называется "Реальность намного сложнее", вместо определения дополнительных, не отмеченных ранее аспектов глобализации и ее последствий для национальной экономики, национального образования, она высказывает свое резко отрицательное отношение к этим процессам. Так, завершающий абзац стоит того, чтобы процитировать его полностью: "**Более того, *глобализация – это курс неограниченного роста, неограниченной индустриализации и неограниченной эксплуатации планеты.*** Поэтому она и в гуманном, и в социальном, и в экологическом отношении обречена" (Universities, 1998, 40). Логичным в выводах выглядит рефрен о необходимости усиления роли государства в адаптации страны к новым условиям глобального общества.

Следующая статья в этой части "Национальная политика в области высшего образования в условиях глобальной экономики" выглядит описательной по сравнению с предыдущей. Ш. Слотер, профессор Центра исследований в области высшего образования при Университете Аризона (США), почти беспристрастно описывает изменения в

законодательстве, практике и нормах деятельности университетов Австралии, Канады, США и Великобритании в условиях глобализации человеческого общества. Ценность этой статьи, в первую очередь для тех, кто занимается сравнительной педагогикой, заключается в добросовестном сравнении реформ, проводимых в упомянутых странах в ходе экспансии глобализационных процессов.

Автор пытается дать ответ на вопросы: какие силы стимулировали реструктуризацию высшего образования и научных исследований в 1980 – 90-е гг. в этих странах и как они проявлялись в национальной политике? Средствами для достижения цели Ш. Слотер выбрала в первую очередь официальные документы – изменения в законодательстве, политические декларации, но наряду с ними с большим интересом читаются мнения отдельных преподавателей и администраторов. В результате вырисовывается довольно четкая картина ситуации в системе высшего образования этих четырех стран:

- стимулирование увеличения приема студентов производилось с одновременным уменьшением финансирования высшего образования;
- увеличение/введение платы за обучение, отказ от прямого государственного финансирования либо его резкое снижение с одновременным развертыванием ряда программ (долгосрочных займов на учебу, целевого финансирования отдельных специальностей и пр.);
- переход к первоочередной поддержке колледжей и факультетов, ориентированных на удовлетворение нужд рынка;
- переход от фундаментальных исследований к прикладным;
- ориентация государственной политики в области высшего образования на всемерное содействие национальному экономическому развитию.

Ш. Слотер называет эти изменения национальной политики переходом к *академическому капитализму*, при котором университеты вынуждены ориентироваться на рынок в поисках внешних источников финансирования. И хотя реакция разных наций на процессы глобализации в каждом отдельном случае уникальна, политика в области высшего образования, в частности в вопросах его доступности, учебных планов, исследований, автономии преподавателей и университетов, во многом совпадает.

Рассматриваемые в этой статье страны находятся в стадии перехода от индустриального к постиндустриальному обществу, в котором высшее образование приобретает гораздо большее значение вследст-

вие интеллектуализации производства и всей общественной жизни. Экономика постиндустриального общества нуждается в меньшем количестве работников физического и рутинного труда, а кроме того, их умения и навыки в большинстве случаев потребуют усовершенствования или изменения уже через небольшой промежуток времени. Другими словами, традиционная связь высшего образования с карьерой в постиндустриальном обществе нарушается, становясь динамической и цикличной. На один уровень с материальным производством выходит предоставление услуг: наряду с изготовлением и усовершенствованием средств связи, сбора, обработки и распространения информации такую же важность приобретают и соответствующие услуги, рынок которых непрерывно расширяется и усложняется, а стоимость растет.

Глобальное распространение рыночных отношений в числе других факторов способствует развитию гибких производственных технологий, международной производственной кооперации и соответствующему росту мультинациональных корпораций. Причем этот рост происходит даже быстрее, чем национальный экономический рост наиболее развитых стран. Так, в США товарный оборот пятидесяти мультинациональных корпораций возрос с 28 % валового национального продукта (ВНП) в 1975 г. до 39 % ВНП в 1989 г. (Carrou, 1993).

Такие процессы глобализации и перехода к постиндустриальному обществу требуют первоочередного и приоритетного развития высоких технологий, а также подготовки квалифицированных работников с высоким творческим потенциалом и способностью к дальнейшему саморазвитию. Соответственно изменяются и подходы к организации деятельности системы высшего образования на национальном и международном уровне. Прагматичность ориентированной на рынок политики вынуждает правительства существенно сокращать расходы на высшее и профессиональное образование, одновременно стимулируя различными способами увеличение числа студентов, и дифференцировать финансовую поддержку университетов в зависимости от "рыночной ценности" выпускаемых специалистов и проводимых научных и прикладных исследований. Одновременно правительство, корпорации и наднациональные организации все больше воспринимают университетских ученых как производителей интеллектуального товара, имеющего определенную стоимость на мировом рынке, а не как исследователей, занимающихся свободным научным поиском и осуществляющих международный (бесплатный!) обмен идеями и информа-

цией.

Таким образом, сопоставление национальной политики в области высшего образования в упомянутых четырех странах позволяет выявить две противоположные тенденции:

- стремление правящих структур установить более жесткий контроль за деятельностью университетов для того, чтобы влиять на процессы формирования человеческого потенциала, необходимого для дальнейшего национального развития;
- подталкивание тех же университетов к большей финансовой самостоятельности в рыночных условиях, к поиску негосударственных источников финансирования учебного процесса и научных исследований.

Так, в Великобритании с 1980 по 1984 г. бюджетное финансирование университетов сократилось на 17 %, а в последующие годы сокращение составляло дополнительно 2 % в год. Одновременно лидеры британских деловых кругов в 1985 г. создали Совет по промышленности и высшему образованию – независимую организацию, поддерживающую университеты и в финансовом, и в организационном отношении. В 1992 г. правительство Великобритании заявило, что финансирование высшего образования должно рассматриваться как плата за предоставляемые услуги, а не как грант учебным заведениям в целом (Johnes, 1992).

В США университеты пользовались значительной свободой и ранее, получая от федерального правительства и правительств штатов значительные объемы финансовых средств и распоряжаясь ими в весьма мягких рамках предъявленных требований и условий. Но с 1970-х гг. размеры государственного финансирования в любых формах стали стремительно уменьшаться, что стимулировало конкуренцию между университетами в борьбе за “свободные деньги” и заставило их активнее сотрудничать с деловыми и промышленными кругами, искать финансовую поддержку и зарабатывать деньги, основываясь на принципах свободного рынка.

Реакция на процессы глобализации на национальном уровне прослеживается во второй части книги "Университеты и глобализация". Под таким заглавием собраны три очень разные главы, посвященные конкретным примерам политики отдельных государств (Канада, Норвегия, Франция и Австралия) в условиях усиливающейся экономической глобализации общества. Я не почувствовал разницы ни в тоне, ни

в манере и направлении изложения материала между этими главами и первой частью книги.

9.2. ПЛАН СОДЕРЖАНИЯ ТЕКСТА СМИ В ФОКУСЕ ВНИМАНИЯ ТЕОРИИ КОММУНИКАЦИИ **(по материалам 2 и 3-го изданий книги** **Д. Мак-Куэйла "Массовая коммуникация")**

Денис Мак-Куэйл – профессор Амстердамского университета и директор Фонда прессы Нидерландов. Его основные исследования посвящены СМИ. Мак-Куэйл также специализируется на изучении явления политической коммуникации, эффективности образовательного телевидения, содержания СМИ и аудитории. Его книга “Массовая коммуникация” претерпела на настоящий момент три издания и является учебным пособием, представляющим общее введение в проблему, охватывающее все разнообразие подходов к пониманию массовой коммуникации сегодня.

Явление коммуникации находится в постоянном движении и становится центральным в обществе. Поэтому, утверждает профессор, невозможно более исследовать эту сферу, исключительно опираясь на изучение традиционных СМИ или только с точки зрения социальных наук, какой является социология. Книга предлагает целостную трактовку основных составляющих СМИ: отправитель, сообщение, аудитория; описывает различные виды СМИ в современном обществе: телевидение, радио, газеты, кино, музыка, а также электронная, кабельная и спутниковая технологии. Представляя существующие теории СМИ, автор подчеркивает факт их безусловного влияния на значительно более широкое понимание общества и культуры. Третье издание книги более информативно, более развернуто и подробно, нежели второе, как с количественной, так и с качественной позиций. Темам уделено большее внимание, чем ранее. Включены главы по гендерным исследованиям, глобализации коммуникации, исследованиям аудитории и восприятию информации, структурам и учреждениям СМИ, а также развитию СМИ с учетом их воспроизведения.

Претерпевшими наибольшее изменение, с нашей точки зрения, являются главы, посвященные исследованиям плана содержания СМИ. Причины, по которым содержание СМИ столь интересно для изучения его исследователями из различных областей науки (от лингвистов до политических обозревателей), не случайны. Проявляемый

интерес объясняется двумя основными причинами: вниманием к потенциальному влиянию СМИ (как намеренному, так и произвольному) и желанием понять смысл обращения содержания к аудитории. Оба подхода имеют практическое обоснование с точки зрения специалистов массовой коммуникации.

Глава второго издания, под названием "Содержание СМИ: анализ; отражение реальности; жанры" посвящена плану содержания СМИ. Она представлена такими разделами, как: *О содержании СМИ; Цели содержательного анализа; Типы дискуссии и методы анализа; Содержание СМИ и реальность: унифицируя тему исследования; Жанры и форматы (характер, виды) СМИ; Жанр новостей*. Глава занимает в общей сложности 37 страниц краткого, почти тезисно изложенного материала. Каждой подстатье отводится немногим более печатной страницы. Автор, не вдаваясь в подробности (можно сказать, в конспектной форме, указывая и называя лишь значимые положения обозначенной в заголовке темы/проблемы), касается данной проблематики, насыщая текст множественными ссылками на известных в этой области знания ученых.

Подобная организация материала характерна для лекционного курса. Выбор данного жанра презентации материала помогает проявить такие характеристики текста, как полезность, информационная насыщенность, логичность. Текст интересен и понятен студенческой аудитории.

В том же ключе написан этот раздел и для третьего издания. Однако его, безусловно, выделяет большая обстоятельность, глубина, внимание к определениям основных исследовательских категорий, смена акцентов. Здесь автор стремится дать ответ на вопрос: *Зачем необходимо сегодня исследовать содержание СМИ?* Дискуссия открывается попыткой дать четкое определение феномена содержания СМИ. Если во втором издании содержание СМИ – это огромный, разнообразный и изменяющийся пласт материала, циркулирующего в средствах массовой коммуникации, четко ограниченный такими явлениями, как средства, время, место, категория и жанр, то в третьем – это огромный и бесконечно разнообразный пласт "сообщений" и "смыслов", находящихся в постоянном процессе передачи и восприятия их всеми видами различных средств коммуникации.

Различие между сообщением и смыслом является значимым для исследователя, ибо сам текст сообщения, напечатанный, звучащий

или нарисованный, – это то, что мы можем непосредственно наблюдать, так как он "фиксирован". А вот смыслы (значения), заключенные в эти тексты их создателями или возможной аудиторией, неразличимы и не фиксированы. В третьем издании автор широко привлекает результаты исследований, проведенных представителями школы "культурных индикаторов" (Синьорелли, 1990), для которых содержание СМИ – это всегда более или менее правдоподобное изображение культуры и общества, в контексте которых оно и производится. Таким образом, содержание СМИ может быть представлено как выражение доминирующих посланий общества. Как студенты, так и исследователи СМИ, считает автор, грешат зачастую тем, что слишком абстрактно рассуждают о содержании СМИ, что, впрочем, объясняется тем, что сообщения, производимые СМИ, часто оказываются слишком стилизованного и модельного (и даже "трафаретного") характера. Отсюда же делается неверная посылка, заключающаяся в том, что и основные качества и модели значений могут быть типизированы и описаны более или менее объективно. Ограниченность этого положения очевидна даже в том случае, если и его принять для объяснения специфических пластов содержания СМИ.

В центре дискуссии как второго, так и третьего издания находятся намерения создателей содержания СМИ. Так, во втором издании содержание СМИ рассматривается с учетом:

- 1) системного воспроизводства содержания СМИ и существующих типов учреждений СМИ;
- 2) общества / культуры, где оно (содержание) производится;
- 3) создателей и их намерений;
- 4) учреждений СМИ и специфики их работы;
- 5) языков, форматов и кодов, используемых для записи и передачи смыслов;
- 6) аудитории и ее интересов;
- 7) качеств данного содержательного пласта, определяемых по внешнему критерию;
- 8) возможного эффекта или эффективности, учитывая достижение определенной цели.

Все это так или иначе влияет на содержание материалов СМИ, формирует его, определяет его направленность и акценты, значимость и воздействующую силу.

Третье издание включает еще одно важное положение: отношение между сообщениями СМИ и реальностью. Этому существует несколько альтернативных объяснений. Наиболее распространенными являются размышления о том, должно ли содержание СМИ отображать реальность, и если да, то какую и чью реальность. Ответы на эти вопросы далеко не однозначны. Хотя бы уже потому, что содержание СМИ – понятие многогранное и включает в себя как собственно информацию во всех ее проявлениях, так и множество других материалов как, например, музыкальные фантазии.

Третье издание представляет интерес в связи с еще одной темой, которая получает свое развитие в разделе *"Критические вопросы и альтернативные дискурсы"*. Теоретические дискуссии по поводу содержания СМИ вынесли на поверхность большое количество категорий и форм, которые, однако, не раскрывают всей проблемы. Можно сказать, что до сих пор нет полной и ясной теории содержания СМИ. Равно как и нет единства мнений и по оптимальному методу его исследования, а также по способу анализа "текстов" СМИ, которые в свою очередь, сами становятся предметом теоретической научной дискуссии. И все же автор отводит приоритетное значение одной из категорий при изучении содержания СМИ – жанру. Категория жанра становится, по мнению автора, основным инструментом в анализе содержания СМИ, так как предлагает организующую структуру, позволяющую справиться с большим количеством материала, предлагаемого СМИ. Жанр также является еще одним шагом к пониманию того, как значение может быть выстроено из опыта чтения, просмотра и наблюдения.

И во втором и в третьем изданиях автор широко оперирует понятием дискурса, под которым автор вслед за Фиске понимает "язык, или систему представления (репрезентации), развитые в социуме, для создания и распространения согласованного набора смыслов (значений) о тематическом пространстве" (Fiske, 1997, 14). Мак-Куэйл продуктивно использует это понятие, анализируя всевозможные подходы к исследованию содержания СМИ. В частности, можно встретить следующие значимые для нас сравнения: дискурс и текст СМИ, дискурс и семиотический подход к содержанию СМИ, дискурс и наука информации, дискурс и анализ воспроизведения, дискурс и критические аспекты содержания. Однако свое развитие эти сопоставления во втором и третьем изданиях получают далеко неоднозначное. Так, если во вто-

ром издании автор замыкает обсуждение на содержательном анализе и его основных положениях, то в третьем издании автор переходит к обсуждению концепции культурологического текста и его смыслов. Это вызвано всевозрастающей значимостью культурологических исследований и их слиянием с уже существующими традициями исследований СМИ. По мнению автора, истоки культурологических исследований включают традиционный лингвистический анализ текстов, семиотику и марксистскую теорию. В центре культурологических исследований новые определения понятия "текст" СМИ. Так, термин "текст" может использоваться как в отношении к сообщению вообще (напечатанный документ, фильм, телевизионная программа и музыкальный хит-парад), так и в качестве "значимого результата встречи между содержанием и читателем" (Fiske, 1987).

Телевизионная программа, как отмечалось выше, становится текстом в момент ее "прочтения", когда взаимодействие с одной из ее зрительских аудиторий активизирует некоторые из значений, способных побуждать к чему-либо. Данное положение есть следствие того, что одна и та же телепрограмма может создавать множество различных текстов в рамках оформленных значений. Таким образом, "программа создается производителями (индустрией), а текст – ее читателем". Причем под словом "производитель" ("индустрия") понимается деятельность как "создателей СМИ", так и аудитории.

Особо следует отметить, что теория содержания СМИ скорее рассматривается с точки зрения его восприятия, нежели его производства или интуитивного смысла, что, впрочем, является еще и в значительной степени предметом дискуссии.

Понятно, что текст СМИ имеет много потенциально альтернативных значений, которые могут иметь различные прочтения. Поэтому текст СМИ является полисемичным, и полисемия есть необходимое качество по-настоящему популярной культуры СМИ. Чем больше потенциальных значений, тем выше становится вероятность обращения к разным аудиториям и к различным социальным категориям.

Многообразие смыслов текста имеет дополнительное значение: тексты конституированы многими языками и системами значений, что включает в себя коды костюма, внешнего вида, класса и рода занятий, религии, этнической принадлежности, места жительства, социальной принадлежности и т. п. Любое слово разговорного языка или при

взаимодействии в ситуации может иметь разные значения в отношении к одному или нескольким языкам (Newcomb, 1991).

Несмотря на полисемию, дискурсы некоторых типов содержания СМИ выполнены таким образом, чтобы можно было проконтролировать, придерживаться или направить процесс формирования понимания смысла. Данное утверждение истинно для модели кодирования/декодирования, разработанной Холлом (*The Determination of News Photographs*, 1973; *Coding and Encoding in the television Discourse*, 1980), в соответствии с которой декларируется существование "предпочтительного чтения", закодированного в тексте, – значения, которое должно быть, по замыслу его создателя, прочитано читателем. "Предпочтительное чтение" определяется анализом так называемого "открытого" содержания, которое как бы находится на поверхности, это буквальное в ореоле идеологической оценки.

Еще один термин, который автор вводит в дискуссию о смысловом содержании текстов, – интертекстуальность СМИ. И здесь мы узнаем о существовании, как минимум, трех уровней интертекстуальности. Для нашей дискуссии важным оказывается третий (по Фиске). Уровень создания (порождения) текста СМИ зрителями и репродуцируемый ими же в устной беседе.

Обсуждение системы кодирования смыслов, в свою очередь, привлекает категорию "интерпретативная группа". Членов такой группы объединяют жесты, выражения, форма одежды, образы или действия, смысл которых им понятен и устанавливается в процессе их употребления. Примерами таких групп могут быть группы любителей одного жанра СМИ, одного автора или исполнителя и т. д.

Здесь надо отметить, что все это материал третьего издания, в то время как во втором издании проблема кодирования как таковая не обсуждается, а только намечается. Так, в разделе *"Цели содержательного анализа"*, когда речь идет о *СМИ в рамках сообщения и восприятия*, утверждается, что для исследования необходимо описание содержания, которое одновременно будет и описанием аудитории, т. е. процесса декодирования. В разделе *"Содержание СМИ как свидетельство общества и культуры"* в интерпретации Розенгрена мы узнаем о школе "культурных индикаторов" и методе, который она предложила, основанного на долгой традиции соотнесения исторических изменений в обществе с доминирующими темами и образами содержания. Появление этого материала во втором издании лишь обозначает

тому, но не вводит в круг центральных. Ключевыми темами сегодняшнего исследования – и это со всей очевидностью демонстрируется в третьем издании – являются категории "закрытого" и "открытого" текста. Дискурс открытого текста не принуждает читателя к определенному и однозначному восприятию или интерпретации текста (см. об этом в кн. итальянского философа: Эко, 1979). Можно говорить о разной степени открытости. Так, репортажи новостей не назовешь открытыми, ибо их цель – привести к однозначному информационному финалу, а вот сериалы и мыльные оперы, как правило, имеют много вариантов "прочтения". Надо отметить, что текст телевидения имеет в массе своей значительно более открытый и неопределенный характер, чем текст отснятого на пленке материала, который мы смотрим в кинотеатре (см. об этом: Allis, 1982). Классификация текстов на открытые и закрытые принципиально важна, если учесть тот факт, что в ее основе – идеологическая подоплека.

Актуален раздел, трактующий текст как явление культуры. Здесь категориями анализа становятся нарратив, серийность, реализм, дифференциальное прочтение текстов, категория "гендер". Автор акцентирует внимание читателя на семи положениях:

- 1) тексты СМИ создаются совместно с читательской аудиторией;
- 2) тексты имеют разную степень кодирования;
- 3) тексты СМИ полисемичны: имеют много потенциальных значений;
- 4) тексты СМИ соотносятся с другими текстами (интертекстуальность);
- 5) тексты СМИ используют разные формы нарратива;
- 6) тексты СМИ обладают категорией "открытости/закрытости";
- 7) тексты СМИ реалистичны либо вымышлены.

Как во втором, так и в третьем издании особое место отведено лингвистике, которая сформировала основы для изучения "дискурсов культурологических текстов". Так, во втором издании данному вопросу посвящены несколько статей: *"Структурализм и семиотика"*; *"Структурный анализ жанра"*; *"Структурализм (или семиотика) в сравнении с содержательным анализом"*; *"Другие варианты и возможности"*, – где изложены основные исследования, заложившие основы важнейшего направления в развитии науки XX в. в целом и лингвистического учения в частности. Указывается на различие между структурализмом и лингвистикой: структурализм исследует не только конвенциональные вербальные языки, но и любую знаковую систему,

которой присущи в том числе и языковые характеристики, и рассматривает в большей степени избранные тексты и текстовые значения, нежели саму знаковую систему, в свете "порождающей культуры". Таким образом, здесь структурализм имеет дело как с толкованием культурологического, так и языкового значения, для функционирования которых знание о знаковой системе не является достаточным.

В третьем издании данной проблематике посвящен целый раздел, который содержит статьи (подразделы), представляющие прежде всего структурализм как направление, объясняющее то, *как* значение выстроено в тексте, и предполагает наличие определенных "языковых структур", состоящих из знаков, нарративов и мифов. Принято считать, что такие структуры находятся и управляются определенными культурологическими системами: более масштабными системами значений, референций и смыслов. Семиотика является более специфичной версией структурного подхода. Дальнейший материал раздела достаточно разнообразен и может быть представлен следующими пятью тезисами:

- 1) тексты имеют значения, "встроенные" посредством языка;
- 2) значения зависят от широкого культурологического и лингвистического фрейма референции (reference);
- 3) тексты представляют (репрезентируют) процессы сигнификации;
- 4) знаковые системы могут быть декодированы на основе знания о культуре и знаковой системе;
- 5) текстовые значения коннотативны, денотативны и мифичны.

Как во втором, так и в третьем изданиях большое внимание уделяется рассмотрению такого важного для понимания содержания СМИ феномена, как соотношение содержания СМИ и реальности. О значимости и характере подачи темы мы можем судить уже по заголовкам материалов. Так, во втором издании это – *"Содержание СМИ и реальность: общая тема исследования" (с.192–193); "Содержание СМИ и реальность: примеры" (с.193–196); "Теории отклонения от реальности (ухода от действительности)" (с.196–199)*. Соотношение "содержание / реальность" обсуждается во втором издании в рамках следующих восьми тем:

- 1) содержание часто классифицируется в соответствии с его степенью близости к реальности;
- 2) различие между фактом и вымыслом, прошлым и настоящим;

- 3) критерий, по которому измеряется и оценивается влияние коммуникантов, их учреждений и процесса производства на СМИ, обычно включает в себя понятие "отображение реальности";
- 4) гипотеза о воздействии СМИ: чем больше разрыв между опытом СМИ и иным опытом "реальной жизни", тем больше осуществляется воздействие СМИ;
- 5) оценочный критерий – соответствие реальности – основной критерий;
- 6) доминирующий способ повествования в настоящее время реалистичен или натуралистичен;
- 7) политический контроль (чем жестче надзор, тем больше внимания со стороны контролирующих органов по отношению к маргинальным категориям, таким, как "историческая драма" или "возможные аллегории", и тем больше использование критикой нереалистичных форм описания для выражения их мнения об обществе);
- 8) СМИ вынуждены быть избирательными и достаточно последовательными, и результат будет непременно пристрастным.

В рамках темы о теориях ухода от действительности, автор останавливается на таких теориях, как функциональная теория, теория гегемонии или "заговора" (социальный контроль со стороны заинтересованных классов или элит), организационная теория. То есть здесь мы видим, что для второго издания важна проблема как таковая: соотношение реальности и содержания. Для третьего – это качество и характер этого соотношения. Данной тематике посвящены следующие разделы: *"Реализм"* в части *"Культурологический текст и его смысл"*; *"Объективность новостей"*, *"Свобода и независимость"*, *"Отображение или искажение реальности"*, *"Критика нормы отображения реальности"* в части *"Дискурс воспроизведения СМИ"*. Таким образом, можно говорить о наличии в третьем издании качественной специфики взаимоотношения "содержание / реальность", представленной такими темами, как:

- 1) содержание СМИ может быть оценено в соответствии с социальными нормами;
- 2) наиболее релевантными критериями являются независимость, разнообразие, объективность и отображение реальности;
- 3) эти качества могут замеряться в содержании СМИ.

Для более глубокого понимания данного вопроса (соотношение реальности и содержания СМИ), а также в качестве дополнения к освещению темы о содержании СМИ глава *"Содержание"* третьего из-

дания дополнена разделом "*Содержание с позиций методологии критического анализа (Critical perspectives on content)*". Критическая методология основана на использовании категорий "общественные классы", "гендер" и "этническая принадлежность".

Критические подходы к исследованию содержания СМИ сводятся к следующим положениям:

- 1) типичное содержание СМИ воплощает в себе различия в обществе, особенно в отношении класса, пола, доминирующих идеологий, коммерциализма и других форм эксплуатации;
- 2) основной задачей анализа содержания должно стать раскрытие вышеназванных тенденций и показ того, как они работают.

Традиция критических подходов к исследованию, как описывает ее автор анализируемого нами учебного пособия, основана на теории марксизма и концентрирует свое внимание на отношении содержания СМИ к классовым различиям и конфликтам. Согласно теории марксизма, образ мира, принимаемый господствующим классом, "защит" в тексты СМИ и принимается более или менее лояльно соподчиненной ему аудиторией. Автор соотносит данную традицию с таким направлением, как *коммерциализм*, которое обязано своим происхождением прежде всего исследованиям содержания рекламы членами Франкфуртской школы. Последние рассматривали большинство форм массовой культуры как отчуждающие и эксплуатационные, "выставляющие вперед лживое сознание" (т. е. идеологию).

В контексте критического подхода к исследованиям содержания СМИ автор предлагает отказаться от иерархической концепции культуры как основы для критики (ибо иерархия сама является частью культуры). Критика прошлых лет, являясь эгоцентричной, отдает предпочтение достижениям "домашних" культурных традиций. Современные культурологические исследования доказывают, что, например, поп-культура является богатой и разнообразной в своих значениях и не может быть представлена в жестких рамках какой-либо формулы. Принятию таких позиций широко способствует культура постмодернизма (см. об этом в третьем издании, с. 104), вместе с которой исследователем введены в оборот новые категории и дополнительные качественные критерии, применяемые для описания популярных видов искусства и развлечений.

Данный подход представляет собой сильную доказательную базу для нового прочтения культуры в целом. Он не фальсифицирует, не

замещает старые, уже существующие, критические исследования массовой культуры и не устанавливает "тождество" всех культурологических форм. Он лишь открывает исследователю еще одно "измерение" для проведения анализа. При этом истинным остается утверждение о том, что культурологические формы могут иметь различия по некоторым "объективированным критериям и что существуют значимые системы культурных убеждений, которые включают в себя понятие иерархии оценок (часто не зависящей от актуального индивидуального прочтения)".

Значимо здесь и появление термина "культурологический стандарт", разработанного Шрёдером (1992), который предложил следующие три типа культурных стандартов:

- 1) эстетический (многомерное понятие);
- 2) этический (вопросы определения ценностей, целостности, намеренного значения и т. п.);
- 3) "экстетический" (измеряется степенью популярности, получаемого удовольствия и исполнительской оценкой – основные аспекты потребления).

И последний, безусловно, интересный и неоднозначный вопрос, которому профессор Мак-Куэйл в обоих рассматриваемых нами изданиях отводит особое место, – проблема **жанра**. Так, во втором издании этой проблеме посвящены разделы "*Жанры и форматы СМИ (Media genres and formats)*" и "*Жанр новостей (The news genre)*". И соответственно в третьем издании это – "*Жанры и типы СМИ*"; "*Жанр новостей*"; "*Структура новостей и ценностная иерархия новостей*"; "*Две версии последовательности новостей*"; "*Вопросы исследовательского метода*"; "*Традиционный анализ содержания*"; "*Сравнение качественного и количественного анализа*". Материалы, посвященные проблеме жанра, дают основания для таких выводов, как:

- жанры определяются в равной степени создателями и читателями содержания СМИ;
- жанр определяется по функции, форме и содержанию;
- жанр сохраняет и помогает развивать текстовые формы;
- жанр помогает процессу создания и чтения текста;
- жанры характеризуются их собственной логикой, типом и языком.

Жанр новости остается в центре внимания исследователя СМИ уже достаточно долгое время и характеризуется такими факторами,

как своевременность и “срок годности”, неожиданность, возможность предсказать тип (predictability of type), фрагментарность, сигнальность. Новости формируются в соответствии с принятыми ценностями. Новости интересны, фактоемки. Для нас интерес вызывает ценностная шкала западных СМИ, во главе которой стоит иерархия событий, далее – близость к реальности, ясность, краткость, относительность, “созвучие”, персонификация, негативность, значимость, драматизация, действие.

Разработанность жанра новости современными исследователями безусловна и уже сама по себе обозначает тенденцию к смещению фокуса внимания на другие жанры, что мы наблюдаем в третьем издании учебного пособия.

Актуальным как для второго, так и для третьего издания остается вопрос о методах изучения содержания СМИ, их классификации и спецификации. Так, автор выделяет количественный подход (метод содержательного анализа, характеризующийся фрагментарностью, системностью, экстенсивностью, вниманием к манифестируемому содержанию, объективностью). В свою очередь, качественный подход (структурный анализ здесь рассматривается в качестве доминирующего) характеризуется рассмотрением анализируемого материала как целостного образования, избирательностью, вниманием к потенциальному содержанию, субъективностью. При этом автор дает понять, что будущее он склонен отдать качественному подходу к исследованию, в частности, различным направлениям дискурс-анализа, который руководствуется другой системой значений в порождающей культуре, ибо использует метод анализа восприятия аудитории, который серьезно рассматривает положение о том, что читатель вовлечен в создание значения. Оба способа считаются необходимыми, как дает понять автор, для адекватного изучения материалов содержания СМИ.

9.3. АРГУМЕНТАТИВНАЯ КОММУНИКАЦИЯ (обзор литературы)

Человек разумный есть человек аргументирующий. Интерес к вопросам аргументации в нашем обществе сегодня бесспорен. Демократия едва ли осуществима без возможности открытого обсуждения воз-

никающих проблем. Самостоятельность мышления, умение отстаивать свою точку зрения и убедить слушателя, аудиторию, делового партнера в разумности вашей позиции, более того, сделать их вашими единомышленниками или, во всяком случае, изменить ситуацию общения таким образом, чтобы оппонент не препятствовал реализации вашей позиции, – так необходимые в нашем сегодня, – возрождают интерес к искусству красноречия – риторике, центральную часть которой составляет "подбор и максимальная целесообразность речевого оформления аргументов" (Калачинский, 1989, 4).

Определение аргументации в словарях. Среди определений аргументации мы находим следующие: причина убеждения, доказательство, довод (Толковый словарь живого великорусского языка, 1978); основание доказательства, часть доказательства, в которой заключается главная доказательная сила (Энциклопедический, 1890); довод, доказательство (Энциклопедический словарь, 1936); суждение, приводимое в подтверждение истинности другого суждения (Большая советская энциклопедия, 1970); приведение логических доводов для обоснования какого-либо положения, логический процесс, в ходе которого истинность какого-либо положения выводится из истинности аргументов (Кондаков, 1971).

В определениях вышеупомянутых отечественных словарей аргументация понимается как феномен из сферы логики: в отрыве от аудитории и коммуникативной цели, таким образом, не эксплицируется динамика взаимодействия и речевое воздействие в процессе аргументации.

При изучении британских и американских словарей обращает на себя внимание тот факт, что аргументация определяется как акт формирования доказательства (*Webster's*, 1953) и применения доказательств в дискуссии (*Webster's*, 1968), как методическое доказывание, дебатирование (*The Concise*, 1987), т. е. актуализируется процессуальность. Важно отметить, что аргументация в словаре 1953 г. издания относится к дискурсу убеждения, таким образом, обращается внимание на использование речи, взаимодействие коммуникантов, целенаправленность аргументации.

Интересно, что в словарях синонимов английского языка синонимический ряд слова "аргументация" намного больше количественно (число синонимов) и качественно (отражение лексики различных социальных слоев): спор, диспут, полемика, расхождение во мнениях,

перебранка, ссора, перепалка (Roget's, 1978), чем подобный синонимический ряд в словарях синонимов русского языка. Более того, в двухтомнике 1971 г. лексема "аргументация" отсутствует, хотя присутствуют слова: спор, дискуссия, диспут, дебаты, полемика, словопрения, препирательство, пререкание (*Словарь*, 1971). В достаточно новом словаре синонимов русского языка перечислены слова "аргумент", "аргументация", "аргументировать", однако синонимы связаны только со сферой логики: довод, обоснование, мотив, обосновать, доказать, подкрепить доказательствами (*Словарь синонимов русского языка*, 1995). Нет отражения употребления слова в различных коммуникативных ситуациях и социальных группах, чего нельзя сказать о словарях синонимов английского языка: дискуссия, диспут, расхождение, ссора, спор, полемика, пререкания, перебранка, размолвка, препирательство, конфликт, стычка, скандал, драка, потасовка и т. д. (*Oxford Thesaurus. A Dictionary of Synonyms*, 1991).

Заметим, однако, что уже в философском энциклопедическом словаре можно обнаружить определение аргументации как "способа подведения оснований под какую-либо мысль, действие с целью их публичной защиты, побуждения к определенному мнению о них" (*Философский*, 1989, 36), в котором мы наблюдаем три важных компонента, характерных для коммуникативного акта – цель (адресант), процесс (текст), аудитория (адресат).

И исключительно философы новейшего времени рассматривают аргументацию, выделяя в ней не только логический, но и коммуникативный аспекты, а также цель – принятие точки зрения реципиентом; обращают внимание на сложность, многозначность рассматриваемого феномена. Что интересно для лингвиста, в аргументативном процессе уже учитывается и языковая сторона (*Новейший*, 1998).

Современная теория аргументации. Исследование теории аргументации как отдельного направления происходит последние два три десятилетия. И не случайно, ведь разумные доказательства, доводы, представленные в виде аргументов, – это эффективное средство против эмоциональных призывов рекламы и политической демагогии. Умение разумно высказать свою точку зрения вызовет уважение образованного человека (если не убедит его), потому что разумным людям не нужно соглашаться во всем, чтобы уважать друг друга и мирно существовать.

Сегодня говорят о становлении новой теории аргументации, форми-

рующей на стыке логики, психологии, философии, лингвистики, социологии, риторики, герменевтики. Теория аргументации восстанавливает то позитивное, что было в античной риторике, и использует современные достижения гуманитарных наук.

Зародившись еще в античности, современная теория аргументации развивалась на западе. Основой послужила "новая риторика" Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки, аналитическая модель аргументации С. Тулмина, социальная эпистемология Ч. Вилларда, философская аргументация Г. Джонстона и др. На сегодняшний день аргументация является объектом исследования многих наук: философии, логики, психологии, риторики, лингвистики.

"Новая риторика" Х. Перельмана и Л. Ольбрехтс-Титеки, ориентированная на аудиторию и противопоставленная формальной логике, представляет собой "пример поисков неформального мышления и неформальной аргументации" (Агаян, 1987, 92). Х. Перельман различает доказательство и аргументацию: в то время как доказательство – это "выведение из истинных посылок истинного следствия, не зависит от аудитории и может использовать формализованный язык. Аргументация имеет же целью добиться, чтобы мнение автора стало мнением адресата... использует естественный язык" (Аргументация, 1992, 7). Аргументация стремится к достижению согласия со стороны аудитории, убеждает, а не принуждает, изменяя мнение слушателя, допуская разногласия. Область аргументации распространяется на сферу действия общественных наук, учитывая в процессе убеждения не только точные данные, факты, но и вероятностное и правдоподобное.

Модель аргументации, представленная С. Тулминым (более сложная, чем схема "посылка – заключение"), берет за основу рациональные процедуры юридической аргументации. С. Тулмин расширяет двучленную схему, добавляя дополнительные элементы, основным из которых является основание, гарантия (warrant). Основание, выражаемое в виде верований, принципов, допущений, является как бы "клеем", соединяющим доказательство с заключением, тем самым оно осуществляет логику аргумента, позволяет нам утверждать, что наши доказательства реально ведут к нашему выводу (Seyler, 1994).

Переход от фактов, данных (D) к заключению (C) осуществляется на базе основания (W), а также учитываются условия исключения и опровержения (R), возможные ограничители (Q) и поддержка для (W). Модель имеет вид (цит. по: Алексеев, 1991):

образом: в коммуникативном смысле использование языка соответствует формам использования языка, охарактеризованным в теории речевых актов как иллокутивные акты, а интеракциональные аспекты связываются с перлокутивным актом убеждения. Важно, что, используя концептуальный аппарат теории речевых актов, голландские ученые уделяют большое внимание контексту взаимодействия, который является "второстепенным" в теории речевых актов (об этом же см.: Франк, 1986, 366), а также не ограничивают анализ аргументации предложением, а исследуют ее на текстовом уровне.

Сложны взаимоотношения **аргументации и риторики**. С одной стороны, аргументы являются необходимой частью составленной по правилам риторики речи, ведь *центральную* часть риторики составляет подбор и максимально целесообразное речевое оформление аргументов, и действенность публичной речи во многом определяется именно аргументами. Риторический подход чаще всего рассматривает субъект-объектные взаимодействия оратора и аудитории и характеризуется направленностью на аудиторию. С другой стороны, для аргументации "риторика – это средство усовершенствования блеска аргументации" (Брутян, 1992, 177), т. е. аргументация пользуется риторическими приемами и методами.

Риторика, незаслуженно забытая у нас в течение почти ста лет (она являлась обязательным предметом в высших учебных заведениях Российской империи; до сих пор не потеряли своей актуальности труды К. Зеленецкого, С. Поварнина), переживает период возрождения (Зеленецкий, 1991; Поварнин, 1996). За последние десять лет созданы ряд учебников, пособий, методических рекомендаций, программ по риторике для экспериментальных школ, гимназий, лицеев (Кохтев, 1994; Михайличенко, 1994; Мурина, 1994; Львов., 1995; Далецкий., 1996; Мурашков, 1997). Хотя необходимо отметить недостаточность предложения учебников по риторике для высших учебных заведений.

Одним из элементов преподавания риторики является изучение текстов об ораторском мастерстве мыслителей Древней Греции и Рима: Аристотеля, Цицерона, Квинтилиана; отрывков из трудов по русской риторике: М. Ломоносова, В. Тредиаковского, А. Мерзлякова; извлечений из работ по академическому и лекционному, социально-бытовому, дискусивно-полемическому, судебному, духовному красноречию; также даются отрывки из речей известных ораторов (Русское, 1993; Русская, 1996). Однако недостаточно представлены приме-

ры применения мастерства владения словом в бытовых каждодневных ситуациях, делового, семейного, педагогического общения.

Аргументация и обучение. На западе аргументация является вузовским курсом. Например, анализ устной аргументации включен как обязательная дисциплина для студентов первого года обучения факультетов речевой коммуникации (напр. университет штата Миннесота, США). Курс включает написание работ, анализ аргументации в речах и статьях. Студенты выполняют упражнения по анализу доказательств, ошибок, роли языка в аргументативных контекстах. Цель курса заключается в развитии умений анализа аргументации, воспринимаемой студентами (*University, 1998; Class Schedule, 1998*). Изучение аргументации предваряет изучение риторики и является необходимым компонентом гуманитарного образования.

Проследим содержание дисциплины на примере нескольких учебных пособий, среди которых книги следующих авторов: Дж. Рейнарда (*Reinard, 1991*), Д. Сейлера (*Seyler, 1994*), К. Уинклера (*Winkler, 1993*), А. Уэстона (*Weston, 1987*). Изучая темы, рассматриваемые в учебниках, мы замечаем общие, повторяющиеся темы и эксклюзивные, определяющие специфичность курса. Среди общих обращают на себя внимание следующие: большое количество материала посвящено анализу аудитории, критическому мышлению и слушанию, аналитическому чтению, рассматриваются методы выбора и анализа темы. Отдельные главы посвящены подбору и описанию аргументов, их оценке и организации в публичной речи и коммуникации вообще, использованию визуальных материалов, анализу стиля и процесса презентации. Среди эксклюзивных тем (хотя вернее было бы говорить об акцентах того или иного курса) выделяются: роль языка и этоса в процессе аргументации, социальные аспекты аргументации. Все учебники снабжены текстами для анализа и дискуссий, характеризуются коммуникативностью и интерактивностью.

Аргументация и социум. Если аргументация является предметом исследования и изучения, то существует определенный социальный заказ на эти исследования. Знание того, как происходит изменение взглядов индивида и принятие им определенной точки зрения, позволяет: а) воздействовать на концептуальную картину мира и осуществлять власть; б) быть свободным от манипуляций; в) постепенно освобождаться от воздействия и становиться способным принимать самостоятельные, в том числе гражданские, решения. Тогда изучение ар-

гументации – это наука политическая, особенно актуальная во времена социальных перемен.

В развитии современного общества прослеживается тенденция к демократизации, а изучение аргументации как учебной дисциплины (у нас в курсе риторики) необходимо, чтобы учить молодое поколение отстаивать свою точку зрения, быть результативными, видеть цели аргументативных воздействий. Важно учить молодых аргументации, потому что "формирование человека как мыслящего существа можно назвать также периодом возникновения и образования его способностей аргументировать" (Брутян, 1992, 208).

Мы понимаем *аргументацию* как коммуникативную деятельность, имеющую целью убеждение в приемлемости каких-то положений, осуществляемую через построение текста в социальном контексте. Акцент на коммуникативность в процессе аргументации предполагает обмен информацией, адресата и адресанта, т. е. диалогичность и социальный контекст деятельности. Причем субъект и объект деятельности не зафиксированы и могут меняться коммуникативными ролями. Выделяют следующие социальные уровни, на которых происходит коммуникация: 1) внутриличностный уровень – внимание обращается на обработку информации, понимание, интерпретацию; 2) межличностный, внутригрупповой, например семья, уровни – коммуникация происходит в диадах или парах, важны проблемы формы дискурса, модели взаимодействия, вопросы контроля, иерархии, установление норм и границ влияния; 3) институциональный уровень – политическая система, предприятие; 4) общественный уровень (McQuail, 1996). Процесс аргументативной коммуникации может проходить на *любом* из уровней.

Учитывая, что аргументация представляет собой коммуникативный процесс и социальное взаимодействие, мы предлагаем ее рассматривать на основе *социальной модели аргументативной коммуникации* (см.: Reinard, 1991). Социальная модель подразумевает, что:

- выдвижение и восприятие доводов происходит в условиях противостояния;
- аргументирующие стороны нельзя поделить на "источников" и "реципиентов", так как процессы отправления и получения сообщения осуществляются всеми участниками;
- обратная связь в рамках схемы стимул – реакция описывает действия всех участников двустороннего процесса;

- аргументация осуществляется во времени;
- аргументация и ее оценка происходят в социальном контексте.

Исходя из модели, Дж. Рейнард приходит к следующим выводам: 1) все элементы процесса аргументативной коммуникации взаимосвязаны; 2) характер восприятия аргументов изменяется со временем; 3) один и тот же аргумент воздействует по-разному на различных реципиентов; 4) всякий аргумент (как и реакция на него) уникален; 5) любой обмен аргументами – это продукт внутреннего состояния аргументирующего и доступных в социальной среде аргументов.

Модель отчетливо указывает на неотделимость аргументации от процесса коммуникации.

Некоторые аспекты аргументативного дискурса. В области изучения логики аргументации и философской аргументации уже накоплен значительный материал. Рассмотрение же аргументации как текстопорождающей деятельности и аргумента как текста, текста – знака, текста – речевого поведения в социальном контексте, т. е. изучение аргументативного дискурса, по сути только начинается.

Восприятие текста невозможно без определённого запаса знаний: языковых, знаний о мире, прагматических знаний, т. е. знаний об особенностях дискурса. Иначе говоря, предполагается, что воспринимающий субъект знаний (адресант) знает не только язык (код), но также обладает и экстралингвистическими знаниями.

Исследование дискурса как изучение деятельности, формы и функционирования текста в социальном контексте представляет собой достаточно новое явление блока гуманитарных наук. Дискурс-анализ выявляет связь языка с внеязыковой действительностью и её исторической детерминированностью, а также глубинно соотносен с распределением социальной власти и иерархической структурой общества.

Среди важных элементов дискурса можно выделить такие его категории, как тема, речевая стратегия, языковые средства. Исследование понятия "речевые стратегии" происходит в рамках речевой коммуникации, но результаты научных исследований речевой коммуникации используются при обучении аргументации и общению с аудиторией.

В коммуникации стратегия рассматривается как осознание целей и определение средств их достижения с учетом условий, в которых осуществляется взаимодействие, например, ситуации субъектного и предметного взаимодействия. Среди стратегий аргументативного дис-

курса, включенного в политический дискурс, в теории и практике коммуникации выделяют следующие: атака, защита, продажа (аргументы выглядят нейтральными по отношению к своей позиции и позиции оппонента), игнорирование, перехват инициативы (*Martel, 1983, 62–67*). Сочетая несколько стратегий, возможно интенсифицировать или ослабить эмоциональный отклик и степень убеждения. Необходимо отметить, что стратегический подход определяет только общий ход аргументации, но конкретные ходы осуществляются в зависимости от предыдущей реплики и конкретных тактических ходов.

Говоря об организации аргументативного дискурса, важно отметить, что выделяются некоторые типичные модели, или шаблоны. Например, американский исследователь Мак-Коун (*Massoun, 1992*), изучая газетные аналитические статьи и подборки новостей, выделяет следующие модели организации аргументативного письменного дискурса: 1) "зиг-заг" – автор, будучи проппонентом, выстраивает аргументацию следующим образом: за – против – за – против – за; 2) будучи оппонентом – против – за – против – за – против; 3) "односторонний аргумент" – представляется одна точка зрения, а противоположной не дается; 4) "эклетический подход" – автор может выбрать некоторые пункты из противоположных позиций и скомпоновать их по своему усмотрению; 5) на первое место выносятся аргументы оппозиции, а далее следуют аргументы автора; 6) модель "подвергать сомнению" – аргументы оппонента подвергаются сомнению, но не осуществляется их прямого опровержения; 7) несогласие с точкой зрения, которая в основных положениях согласуется с точкой зрения автора, т. е. находится с ним "в одном лагере", также остается без прямого опровержения (*Massoun, 1992, 185–187*). Однако выбор конкретной речевой тактики зависит от интенции адресанта и от характера используемых аргументов.

Исследуя такой компонент речевого воздействия, как убеждение, цель которого трансформировать картину мира адресата, необходимо обратить внимание на силы аргументативного дискурса. В частности, П. Зернецкий, рассматривая речедеятельностное пространство конкретного дискурса языковой личности, выделяет речевоздействующие силы: аргументирующую, мотивирующую, прагматическую, аккумуляющую и приходит к выводу, что аргументирующая сила "является производной от величины вектора семантической информации, содержащейся в дискурсе", представляет собой основную речедеятель-

ностную силу дискурса (*Зернецкий, 1990, 63*). Следовательно, в функционировании аргументативного дискурса важны не только внешние характеристики текста, его поверхностная структура, социальный контекст, но и план содержания, семантика, являющаяся решающей в процессе убеждения.

Таким образом, можно сказать, что аргументация заявила о себе как отдельная дисциплина в поле гуманитарных наук и является как предметом обучения, так и объектом научного исследования.

9.4. ПОЛИТИЧЕСКАЯ КОММУНИКАЦИЯ

(Б. Макнэйр. "Введение в политическую коммуникацию")

Всеобщее избирательное право и средства массовой коммуникации преобразовали в начале XIX в. политический процесс. Политика, как и в прежние времена, осуществлялась замкнутой группой образованных и просвещенных мужчин, владевших собственностью. Вместе с тем возрастает роль масс в принятии решений как посредством участия в выборах, так и благодаря влиянию общественного мнения. Однако общественное мнение, как было отмечено еще Липпманом в 1922 г., можно сформировать и сфабриковать, им можно манипулировать в интересах элиты или контрэлиты.

В XX в. "стратегия убеждения" подчинила себе демократический процесс. По мнению Липпмана, центральным событием современности является революция в искусстве достижения консенсуса среди тех, кем управляют. Манипулятивная роль медиа подрывает политический процесс, превращая его в бессмысленное зрелище. Эту проблему исследует Б. Макнэйр в работе "Введение в политическую коммуникацию". Его интересует прежде всего природа и степень взаимодействия политиков и медиа. Это характерно для нынешней модели коммуникации, фокусирующей внимание на источнике контент-медиа (Goldenberg, 1984; Tiffen, 1989; Schlesinger & Tumber, 1994). Этот подход подчеркивает значение первичного материала и журналистской "продукции".

Работа богата фактическим материалом. В ней рассматриваются масштабные политические акции, включая всеобщие выборы в США в 1992 г., репрезентацию в СМИ войны в Персидском заливе и кампаний в защиту окружающей среды. Для нас особый интерес представляет взгляд автора на сущность политической коммуникации и его трактовка политической рекламы.

По мнению Макнэйра, политическая коммуникация – сложное явление, которое с трудом поддается определению, так как оба исходных понятия – политика и коммуникация – абстрактны и расплывчаты. В работе приводится ряд дефиниций. Так, Дентон и Вудворд, например, предлагают рассматривать политическую коммуникацию как публичное обсуждение вопросов, связанных с распределением общественных ресурсов и властных полномочий (кому предоставлено право принимать юридические, законодательные, исполнительные решения). Данное определение охватывает политическую риторику, но игнорирует акты символической коммуникации, которые приобретают все большую значимость. Американская писательница Д. Грабер (Grabert, 1981) идет дальше, предлагая для определения политической коммуникации термин "политический язык", что позволяет охватить не только риторику, но и паралингвистические знаки (например, язык тела) и действия (такие, как бойкот или уличные протесты). Дентон и Вудворд характеризуют политическую коммуникацию с точки зрения намерения коммуникатора повлиять на аудиторию. Они утверждают, что важнейшим фактором, делающим коммуникацию "политической", является не источник послания (и не его форма), а содержание и цель. С этим согласен Макнэйр. Он делает упор на интенцию политической коммуникации.

В результате мы получаем суммарное определение, включающее в себя следующее:

- все формы коммуникации, используемые политиками и другими "политическими актерами" для достижения определенных целей;
- коммуникацию, адресованную этим "актерам" публикой (избирателями);
- коммуникацию, которая содержится в газетных сообщениях и аналитических статьях.

Таким образом, в данное определение включен весь политический дискурс. Сюда входят не только вербальные сообщения, но и визуальные средства передачи смысла / значения (такие, как одежда, макияж, прическа).

Реклама является основным компонентом современной политической коммуникации, поглощая огромные финансовые и людские ресурсы. Это единственный формат, в котором политический актер может представить предмет обсуждения в самом выгодном для себя свете.

Очевидно, что целью рекламы является убеждение. Так, Р. Ден-

тон утверждает, что в Америке, благодаря возросшей роли телевидения, во время политических кампаний реклама стала самым популярным средством внушения и искусства. Это не означает ее "всемогущества". Политик контролирует кодирование рекламы, но не декодирование. Брошенные в массы сообщение, идея, фраза начинают жить самостоятельной жизнью, их переосмысливают и нередко отвергают. Рассматривая роль рекламы в американском обществе, П. Мартино отмечал, что в условиях жесткой конкуренции немногие товары могут на протяжении длительного времени пользоваться исключительным спросом. Чтобы сделать их привлекательными, необходимо индивидуализировать рекламный образ, наделить его богатством ассоциаций. Иначе говоря, создатель сообщения должен пытаться превратить *означающее* (signifier), с которым аудитория либо мало знакома, либо не знакома вообще, в знак, который обретает для потребителя смысл и станет рыночным стимулом. Существует ряд стратегий для достижения данной цели. Всех их объединяет то, что они "импортируют" знакомые аудитории значения. Рекламуемый товар присваивает значения других *означающих* (signifiers), бытующих в культуре социума или группы.

Успех обычной рекламы навел на мысль использовать точно такие же стратегии убеждения в политическом процессе, так как политика превратилась в своего рода торговлю, когда гражданам предлагается ряд политиков "на выбор".

Пытаясь ответить на вопрос, каков эффект политической рекламы, Макнэйр мобилизует обширный социологический материал. Так, согласно опросу, проведенному во время британских всеобщих выборов в июне 1987 г., три фактора повлияли на поведение избирателя (особенно на так называемых "плавающих", т. е. еще не принявших решение, но чей голос в конечном счете оказался решающим). Это:

- имидж политики партии (44 %);
- представление избирателей о ее лидере (35 %);
- собирательный имидж самой партии (21 %) (Worcester, 1991).

С другой стороны, ряд исследователей пришли к заключению, что лишь немногие люди меняют свою позицию под влиянием рекламы. По их мнению, реклама может только укрепить существующие политические установки и модели, но только в редких случаях способна их изменить.

Практика политической борьбы показывает, что умело сконст-

руированное политическое сообщение в той или иной степени результативно, с его помощью можно добиться желаемой реакции от аудитории. Стиль в одежде, прически и так далее в равной степени позитивно влияют на образ коммуникатора. Политик должен работать в рамках условностей, известных и понятных аудитории. Политический коммуникатор – это актер, и судить о нем аудитория будет (хотя бы частично) по качеству "игры".

США первыми освоили методы политической рекламы, и их опыт имеет значение для всех демократических стран. Даймонд и Бэйтс (1984) вычленили четыре этапа типичной американской политической рекламной кампании:

- основные личностные характеристики кандидата должны послужить отправной точкой для последующей информации. На этом этапе необходимо акцентировать положительные детали биографии (как-то: военные заслуги или выдающиеся успехи в бизнесе);
- политика кандидата (его политическая деятельность) должна быть представлена в обобщенных терминах с минимумом подробностей, но с эмоциональной нагрузкой;
- в критике оппонентов не следует быть слишком разборчивым (можно обыгрывать и вымышленные недостатки);
- наконец, кандидат должен быть воплощением ценностей и желаний электората.

9.5. ИСТОРИЯ, РЕПРЕЗЕНТАЦИЯ, ТЕКСТ (Ф. Джеймисон. "Политическое бессознательное. Нарратив как социально-символический акт")

Слово "интерпретация" – одно из ключевых в современной гуманистике, что объясняется, по-видимому, не только внутренней логикой развития гуманистики, но и социально-историческими факторами. XX век по праву считается веком катаклизмов и значительных сдвигов не только в экономике, политике, науке и технологии, но и в сфере сознания. Разрушение устойчивой картины мира и своеобразное ускорение исторического времени обуславливают тот факт, что жесткие логические схемы и стандартные модели утрачивают свой объяснительный потенциал, вследствие чего как никогда значимым с точки зрения ориентации в стремительно изменяющейся действительности

становится привлечение возможностей *интерпретации*.

В сфере философского знания эта ситуация проявляется в особой актуальности *принципа интерпретации*, так как любая более или менее оригинальная философская концепция явно или неявно предполагает собственный герменевтический проект (так же как и всякая достаточно продуманная стратегия истолкования предполагает эксплицитно или имплицитно солидную теоретическую основу). Однако этот постулат подвергается жесткой критике, особенно в рамках такого (гетерогенного по своей сути) образования, как постструктурализм. Здесь необходимо прежде всего упомянуть лакановский тезис о постоянном "скольжении" означающего над означаемым, альтюссерову критику "экспрессивной каузальности", дискредитацию проблемы значения в "Анти-Эдипе" Делеза и Гваттари, отказ от практики аллегорического истолкования в "Археологии знания" Фуко, а также критику "трансцендентального означаемого" у Деррида.

В этой связи полезно рассмотреть оригинальный подход к проблеме американского культуролога, одного из ведущих и наиболее интересных представителей западного марксизма Ф. Джеймисона. Речь идет о его книге "Политическое бессознательное. Нарратив как социально-символический акт". Как автора Джеймисона характеризует, во-первых, определенная пристрастность, так как постоянный акцент делается на преимущества и особые эвристические возможности марксистского подхода, во-вторых, достаточная дистанцированность по отношению к марксистской ортодоксии. Способность ассимилировать и виртуозно использовать разнообразный аналитический инструментарий заслуживает отдельного упоминания, так как при разработке собственной концепции автор использует методологический арсенал различных направлений, которые, на первый взгляд, кажутся несовместимыми. Он использует, в частности, архетипический анализ Н. Фрая, "кодификацию всей формалистской и семиотической традиции у Греймаса, наследие некоторых представителей христианской герменевтики, неценные исследования логики сновидений у Фрейда и логики "примитивного" повествования и *pense sauvage* у К. Леви-Стросса, не говоря уже о небезупречных, однако монументальных достижениях величайшего марксистского философа современности Д. Лукача" (Jameson, 1981, 12–13). Кроме того, в связи с обсуждением общих проблем истолкования в книге анализируются, сравниваются, оцениваются фактически все наиболее значимые современные интер-

претативные стратегии. При этом марксизм рассматривается как некий "нетрансцендируемый горизонт", который определяет каждой из этих явно антагонистических и несоизмеримых критических операций свое место, признавая их несомненную обоснованность в их собственных границах, и, таким образом, одновременно отрицая и сохраняя их (Jameson, 1981, 10).

Характерной особенностью текста является присутствие в нем по крайней мере двух взаимопереплетенных смысловых слоев. Пытаясь разрешить сугубо методологические вопросы, Джеймисон то и дело "соскальзывает" на уровень спекуляции, разбор практических проблем истолкования культурных текстов перемежается с изощренным анализом философских концепций и отдельных концептов. Иначе, мы имеем дело с исследовательской программой, которая проявляет особую заботу о своих теоретических основаниях, вследствие чего реально проделываемая автором работа выходит далеко за рамки поставленных задач, ограниченных рамками культурной и литературной критики. Поэтому рассмотрение интерпретативных процедур, предлагаемых в "Политическом бессознательном", будет далеко не полным, точнее, ущербным, без раскрытия их философской подоплеки. При рассмотрении концепции политического бессознательного мы опирались на теоретическую часть работы Джеймисона (*Preface; Ch.1 On Interpretation: Literature as Socially Symbolic Act; Conclusion: The Dialectic of Utopia and Ideology*), не касаясь "практических" глав, посвященных анализу текстов Бальзака, Гиссинга и Конрада.

По мнению Джеймисона, проблема интерпретации в проблеме составляет одну из "основных дилемм историцизма", которая в другой его работе, "Марксизм и историцизм", определяется как выбор между двумя взаимоисключающими позициями по отношению к прошлому: позицией Идентичности, связанной с опасностью упустить специфичность другой культуры, растворив ее в собственном культурном опыте, и позицией Различия, которая делает эту инаковость непреодолимым препятствием для понимания. Альтернативный выбор интерпретаторской позиции в определенном смысле неизбежен, так как всякий член человеческого сообщества сохраняет жизненную, никогда полностью не осознаваемую связь с прошлым, на которую указывает весь спектр возможных реакций по отношению к чуждому культурному опыту – от энтузиазма до игнорирования и скуки, которая парадоксальным образом оказывается наиболее верным индикатором болез-

ненной актуальности этой связи. Автор "Политического бессознательного" полагает, что только марксизм, как подлинная философия истории, дает адекватное разрешение дилеммы историцизма: события прошлого обретают постижимость, сохраняя при этом свою оригинальность, если они пересказаны в рамках единой и единственной великой коллективной истории. Иначе говоря, они, пусть в скрытой и символической форме, становятся частью "сражения" с целью вырвать царство Свободы из лап царства Необходимости, т. е. рассматриваются как "эпизоды единого, огромного и незаконченного сюжета", основным мотивом которого выступает борьба угнетателей и угнетенных. "Предназначение и необходимость доктрины политического бессознательного состоит именно в обнаружении следов этого непрерывного нарратива, в восстановлении на поверхности текста подавленной и захороненной реальности этой фундаментальной истории" (*Jameson, 1981, 9–20*).

С этой точки зрения, не существует текстов, которые не обладали бы социально-историческим измерением, причем подобная перспектива является приоритетной, а не просто одной из возможных. Однако речь идет не столько о банальной редукции специфики того или иного культурного документа к социальным условиям его возникновения, сколько о целостности, "тотальности", трактуемой как методологический предел, к которому должна стремиться интерпретация: в марксизме именно сфера социальности является тем последним, "нетрансцендируемым" горизонтом, в рамках которого все многообразие феноменов культуры обретает единую смысловую основу. Социальная жизнь "в ее фундаментальной реальности является единой и неделимой, сплошным взаимопереплетением, уникальным непостижимым и индивидуальным процессом, на уровне которого нет нужды изобретать способ соединить языковые процессы и социальные сдвиги или экономические противоречия, потому что на этом уровне они никогда не были разделены" (*Jameson, 1981, 40*).

Концепция Джеймисона предполагает процедуру такого анализа текстов, который бы выявлял во всех культурных феноменах существование "политического бессознательного". Другими словами, речь идет о разоблачении артефактов культуры как социально-символических актов.

Прежде чем мы перейдем к рассмотрению самой процедуры истолкования, необходимо уделить некоторое внимание проблеме *ре-*

презентации, на которую указывает постструктурализм. Для марксиста Джеймисона олицетворением действительности, нередуцируемой к любым нашим представлениям о ней, находящейся по ту сторону всевозможных концептуализаций, индивидуальных и коллективных фантазмов, оказывается История, понятие которой ставится в один ряд с такими концептами, как "Реальное" Лакана и "отсутствующая причина" Альтюссера. Парадоксальность статуса культурного документа заключается в том, что он, не будучи простым отражением реальности, сохраняет активное отношение к ней и оказывается способным втянуть ее в собственную текстуру. Не репрезентируя непосредственно свою социальную подоплеку, текст в то же время не может ее *не* репрезентировать. Если придерживаться терминологии самого Джеймисона, то текст можно трактовать как переписывание или реструктурирование первичного исторического или идеологического *подтекста*, который не может быть воспринят каким-то образом помимо текста, а потому сам нуждается в реконструкции. "История... не есть текст, так как она фундаментально ненарративна и нерепрезентируема, однако можно добавить, что история недоступна нам иначе, кроме как в текстуальной форме, или, другими словами, что к ней можно приблизиться только посредством первичной (ре)текстуализации" (Jameson, 1981, 82). Характерно, что при разработке собственной концепции Джеймисон (со ссылкой на Альтюссера) использует, по сути, тот же принцип: исследователь не претендует на соответствие его концептов некоему реальному положению вещей, не создает жизнеподобные симуляторы, но занимается "производством" понятия. Как мы убедимся, вследствие такой методологической установки многие вполне традиционные понятия марксизма приобретают совершенно неожиданный смысл.

Собственно *интерпретация* понимается у Джеймисона как операция, в рамках которой культурный объект подвергается аллегорическому переписыванию с точки зрения определенного господствующего кода (interpretive master code). (Отношение аллегорического прочтения к так называемым "имманентным" стратегиям составляет отдельную проблему). В качестве такого кода можно рассматривать сферу языка и коммуникации (в структурализме), желание (фрейдизм), темы экзистенциальной тревоги и свободы (классический экзистенциализм), темпоральность (феноменология), коллективные архетипы (юнгианство) и т. д. (Jameson, 1988, 149).

В рамках марксистской традиции в качестве такого кода выступает специфически трактуемый Джеймисоном *способ производства*. Аллегорическое переписывание текста происходит лишь на последнем этапе интерпретации, которая выстраивается в соответствии с идеей трех "горизонтов", или парадигм прочтения: *политической, социальной и исторической*. Каждый горизонт в то же время представляет собой определенную фазу или шаг истолкования, которому соответствует свой тип текстуального объекта, фактические границы которого лишь на первом этапе совпадают с границами конкретного текста: по мере того как в каждом новом горизонте происходит нарастающее расширение задействованного социального контекста, все в большей степени размывается иллюзорная целостность и автономность культурного артефакта, или индивидуального произведения. Так, уже на втором этапе объект перестает восприниматься как отдельное произведение и реконструируется на фоне диалога-противостояния классовых дискурсов, по отношению к которым текст выступает как "речь" (*parole*) в сосюрровском смысле.

Терминологически этот тип объекта обозначается как *идеологема*, т. е. мельчайшее интеллигибельное целое антагонистических по сути коллективных дискурсов. Будучи помещенным в последний горизонт, горизонт человеческой истории, трактуемой как единое целое, индивидуальный текст и его идеологемы претерпевают окончательную трансформацию и должны теперь интерпретироваться в терминах *идеологии формы*, т. е. как символические сообщения, исходящие от сосуществующих знаковых систем, которые, в свою очередь, суть следы или предвосхищения способов производства.

Основной принцип анализа в горизонте политического состоит в том, что индивидуальный нарратив, или индивидуальная формальная структура, схватываются как воображаемое разрешение реального социального противоречия. (Моделью анализа здесь выступает интерпретация особенностей ритуальной лицевой раскраски индейцев племени кадувео в эссе Леви-Стросса "*Структурный анализ мифа*".) При этом происходит спецификация отношения идеологии и культурных текстов и артефактов: "производство эстетических или нарративных форм должно рассматриваться как полноценный идеологический акт, суть которого состоит в изобретении воображаемых или формальных разрешений неразрешимых социальных противоречий" (*Jameson*, 1981, 79). Примечательно, что само социальное противоречие, "разрешаемое" на уровне формальных приемов текста, даже после его ре-

конструкции, по-прежнему должно пониматься как "отсутствующая причина", не поддающаяся концептуализации в тексте.

Организующими понятиями второго этапа интерпретации становятся категории социального класса, точнее – классового противостояния, так как в марксистской парадигме эти понятия трактуются соотносительно. Как и ранее, анализ осуществляется в терминах *противоречия*, однако, в отличие от первого горизонта, оно уже не ограничивается ситуацией индивидуального текста, но возникает в диалогической форме, в виде несовместимых требований и позиций антагонистических классов. Как уже было сказано выше, объектом анализа здесь оказывается идеологема или диалогическая организация классового дискурса, которая представляет собой «образование-амфибию, чьи сущностные характеристики могут быть описаны либо как возможность заявить о себе в форме псевдоидеи – понятийной системы или совокупности верований, абстрактной ценности, мнения или предрассудка, – или же в виде протонарратива, своего рода базовой (ultimate) фантазии о "коллективных героях", которыми являются противостоящие классы» (Jameson, 1981, 87).

Однако противостояние классовых позиций происходит только при наличии единого фона, семантические различия артикулируются лишь в пределах "всеохватывающего единства общего кода, который они должны разделять" (Jameson, 1981, 88). В данном случае организующим целым будет то, что в марксистской традиции обозначается как *способ производства*, хотя в контексте доктрины политического бессознательного это понятие приобретает нетрадиционный смысл. Прежде всего, способ производства не только сохраняет в снятом виде черты предшествующих социально-экономических систем, но также содержит в себе способы жизнедеятельности, которые станут доминировать в будущем. Поэтому господствующая формация – это не устойчивое состояние, а *процесс* самовоспроизводства, точнее, *борьба* за свое самосохранение. Одним из следствий этого теоретического новшества является отказ от всякого рода классификационных процедур, определяющих специфику культурного феномена через его принадлежность к тому или иному типу производственных отношений.

Таким образом, объект интерпретации не может быть чем-то застывшим и однозначным. На последнем этапе реконструкция осуществляется с помощью *культурной революции*. Это "момент, когда сосуществование различных способов производства становится ощутимо

антагонистическим, их противоречия перемещаются в самый центр политической, социальной и исторической жизни" (*Jameson, 1981, 96*). Индивидуальный текст, или культурный артефакт, видимость автономии которого разрушалась на предшествующих этапах истолкования, теперь реконструируется как "поле силы, в котором динамика знаковых систем отдельных способов производства может быть зафиксирована и понята" (*Jameson, 1981, 98*). Следует особо отметить, что на всех этапах мы не выходим за рамки "текста", так как речь идет не об эмпирических типах производства, а о соответствующих им способах символического производства, специфических способах идеологического кодирования. Иначе говоря, противоречия реальной истории трансформируются в противостояние различных знаковых систем. Новый текстуальный объект обнаруживает себя как *идеология формы* – "определенное противоречие специфических сообщений, исходящих от различных знаковых систем, которые сосуществуют как в пределах конкретного художественного процесса, так и в рамках социальной формации в целом" (*Jameson, 1981, 98–99*). В результате диалектического превращения форма начинает восприниматься как содержание, так что появляется возможность увидеть в формальных процессах "отвердевшее содержание", "носителей собственных идеологических сообщений" (*Jameson, 1981, 99*).

Анализ идеологии формы должен открыть такие архаические структуры отчуждения, как политическое господство и товарное "овеществление", которые доминируют в рамках "культурных революций", характерных для позднего капитализма, где все ранее существовавшие способы производства структурно соседствуют. Конечный горизонт вводит нас в пространство, где сама История становится последней причиной и основанием, а также нетрансцендируемым пределом как нашего понимания в целом, так и наших интерпретаций в частности.

9.6. РЕЧЕВАЯ КОММУНИКАЦИЯ: СЕКРЕТЫ УСПЕХА (международная конференция)

19–21 января 1999 г. в МГУ им. М. В. Ломоносова прошла международная конференция "Речевая коммуникация: секреты успеха", инициатива проведения которой принадлежала факультету иностранных языков МГУ. Состав участников этой конференции, среди которых были представители различных научных направлений и школ, и

тематика докладов свидетельствуют о большом интересе к проблемам речевой коммуникации в различных ее аспектах.

Бурные социально-политические процессы, происходящие на постсоветском пространстве и странах Восточной Европы, дали новый стимул исследованиям в этой области. Новые общественные условия способствовали расширению культурологической информации, интенсификации коммуникационных процессов, рождению новых информационных технологий, вызвали необходимость информационного обеспечения управления обществом и, в свою очередь, изменение приоритетов в овладении речевыми навыками при обучении как родному, так и иностранным языкам. Многогранность и интердисциплинарность речевой коммуникации, признание динамического взаимодействия знакового и реального мира – таковы исходные положения концептуального подхода к проблемам речевой коммуникации большинства участников конференции.

Механизм этого взаимодействия проявляется по-разному. Так, профессор М. Ильин в своем докладе на пленарном заседании рассматривает одну из моделей, "задающих схемы описания волн проявления и затемнения *смыслов*, расширения и сужения *значений* в ходе политических дискурсов", указывает, что "создание политических институтов (устойчивых структур действия), или *институализация*, находит выражение в *концептуализации* (выработке соответствующих понятий, когнитивных структур действия), а та, в свою очередь, в *лексикализации* (закрепление словесных выражений за *смыслами* – концептами, когнитивными структурами – и *значениями* – таксономиями институциональных практик)" (Речевая, 1999, б).

В докладе рассматриваются попытки словесно выразить логику отношений между регионами, а также между центром и регионами на основе использования слов *союз – федерация*. Данные примеры сопоставляются с некоторыми моделями концептуализации союзов и федераций в политической практике других стран и народов, и делаются предварительные выводы о степени нынешней федерализации и о ее характере.

Следует отметить, что в исследованиях последних лет изучение речевой коммуникации с точки зрения собственно лингвистических позиций все последовательнее дополняется исследованиями социолингвистического и культурологического аспектов общения, тем самым трансформируя проблемы речевой деятельности в глобальную

интегративную область.

Безусловный интерес с позиции межкультурной коммуникации представляет собой анализ невербальных средств выражения, за счет которых, как показали работы психологов, осуществляется от 60 до 80 % коммуникации. Деловая профессиональная коммуникация включает в себя такие составляющие, как межличностное деловое общение, протокол делового общения, разные стили коммуникации, стереотипы восприятия и т. д. Необходимость описания этих важных компонентов общения и включение их в процесс обучения не вызывают сомнения. В условиях текстовой коммуникации целесообразно говорить об *языковом пространстве текста*, под которым понимается комплекс языковых, социокультурных стереотипов, фоновых знаний, заключенных в тексте, а также психологических особенностей создателя этого текста (Речева, 1999, 22–23). Анализ языкового пространства текста дает возможность наблюдать не только межкультурные различия, но и изменение национально-культурных стереотипов поколения в рамках одной общности.

Для специалистов, профессионально занимающихся речевой коммуникацией, понимание и соответственно учет процесса передачи информации и оказания воздействия чрезвычайно важны. Помимо определенной информации о каком-либо факте большинство речевых актов содержат субъективное отношение говорящего к предлагаемой информации или указания на то, как сообщение должно восприниматься. Таким образом, в процессе коммуникации одновременно передается два сообщения – основное сообщение (денотатный аспект, информация, факты как таковые) и метасообщение (система сигналов вербального и невербального характера), которое накладывается на основное и указывает получателю на то, каким образом следует интерпретировать информацию. Описание и классификация типов метакommunikации позволит в дальнейшем провести полный анализ средств ее реализации (Речева, 1999, 40 – 41).

Преобладание речевого воздействия над информированием характерно для языка средств массовой информации. Определенная тенденция к смещению "информационного фокуса" ежедневных информационных выпусков новостей приводит к изменению их жанрово-содержательной спецификации. В основе смещения, по мнению С. Сметаниной, приемы модального преобразования действительности, когда комментарий ведущего к репортажному видеоряду актуализиру-

ет не столько локально-темпоральную и личностную отнесенность изображения, сколько его субъективную интерпретацию. Среди приемов "декодирования" новостийного дискурса средства, характерные только для телекоммуникации (интонирование, изобразительный ряд, приемы монтажа, рубрики-заставки, звуковые сигналы), а также собственно языковые средства (*Речевая*, 1999, 41).

Следует отметить, что при всем многообразии обсуждаемых проблем вопросы исследования идеологически актуализированных текстов – политического дискурса – определенным образом доминировали в докладах участников конференции. Современный человек, постоянно находящийся под воздействием СМИ, очень часто строит свою "картину мира" не на основе собственного опыта, а заимствуя ценностные установки из газет и эфира. Выявлением особенностей языка и построения текстов, позволяющих затемнять истину, создавать ощущение правоты и убедительности говорящего, занимается, как известно, область лингвистики, которую вслед за Х. Вайнрихом принято называть "лингвистикой лжи".

Профессор И. Милославский в своем докладе на пленарном заседании выразил надежду, что формы массовой коммуникации, в которых представлена достаточно очевидная ложь, уходят в прошлое, хотя жива и такая "коммуникация", в процессе которой участники имеют целью отнюдь не поиски истины, но "посрамление/торжество в глазах слушателей". На смену этим типам дискурса приходит тот, при котором производитель речи стремится создать у получателя представление о "положении дел", которое не совсем точно соответствует этому положению, но выгодно производителю. Такая возможность возникает в результате умелой эксплуатации несовершенства языка как средства коммуникации. Среди типовых приемов "лингвистической технологии полуправды". И. Милославский анализирует ссылки на источник информации (*из достоверных источников; наш источник, пожелавший остаться неизвестным; по сведению кругов, близких к правительству и т. п.*); гиперонимические отношения между словами, которые позволяют производителю речи скрыть точное обозначение участников ситуации (*руководство, кредиторы, работодатель, народ и т. п.*) и характер действий (в первую очередь, оценочные глаголы типа *совершенствовать, улучшить, добиваться, повышать и т. п.*, а также денотативно неясные безоценочные *бороться за, поддерживать и т. п.*); использование иностранных слов, бессубъектных конструкций и

деепричастных оборотов, которые позволяют избегать упоминания существенных компонентов обозначаемой ситуации, интерпретировать событие, обозначенное деепричастным оборотом как менее важное, не обозначать характера временных или логических отношений между двумя событиями (*Речевая*, 1999, 6–7).

Среди явлений, характерных для польской прессы последнего десятилетия, наблюдается излишняя терминологизация, употребление неоправданно большого количества заимствований, тенденция к употреблению неологизмов, значительную часть которых составляют так называемые "гибриды". Анализ языковых средств, наиболее распространенных в риторике определенных средств массовой информации, позволяет выделить основные образцы речевого поведения: "язык европейских ценностей", "язык христианских ценностей" и "язык популистских лозунгов" (*Речевая*, 1999, 43–44).

В изданиях, которые принято называть бульварной прессой, наиболее полно реализует себя бульварный тип речевого поведения, концептуальную основу которого составляет ориентация на речевую практику в сфере бытового, повседневного общения (*Речевая*, 1999, 39–40). Бульварный тип речевого поведения в устной публичной речи характеризуется использованием речевых практик и стратегий, которые специфичны для бытовой сферы и не являются нормативными для устной публичной речи. Бульварный тип речевого поведения представляет собой целостную речевую систему, оформленную как на уровне содержательной разработки текста, так и лексико-синтаксическом, а также уровне речевых действий и стратегий.

Проблемы, связанные с динамично развивающимся аспектом коммуникативной системы управления – "public relations" (PR), – обретают свой истинный статус и значение как с точки зрения их общественно-практической значимости, так и научно-теоретической обоснованности. Как известно, "публичных отношений" – одна из тех дисциплин, которая не сразу получила признание в странах СНГ. Переход общества к рыночным отношениям потребовал не только экономического переустройства, но и налаживания надежных информационных связей, обеспечивающих достоверные знания о реальных потребностях договаривающихся сторон.

В докладах, прозвучавших в секции "Практика PR", отмечалось, что в последние годы рынок PR-услуг динамично развивался и прошел немалый путь. Теперь ясно, что развитая система связей с обще-

ственно – одна из основных составляющих современного информационного общества, без которой нельзя обойтись правительственным и государственным учреждениям, частным предприятиям, политическим партиям и общественным движениям. По мнению М. Губарь, С. Бирюкова и Н. Вигальевой, представивших на конференции результаты своего исследования основных направлений PR-деятельности и методов ее осуществления в органах местного самоуправления, служба общественных связей является неотъемлемой частью управления на любом уровне власти и необходимость ее существования с целью создания положительного образа в глазах населения, налаживания обратной связи, информирования общественности о принятии решений осознается сотрудниками муниципального управления. Не менее важным представляется разработка PR-программ и PR-методик для осуществления внутриорганизационных изменений. Отмечая, что в современном мире создан и интенсивно развивается информационный рынок, где ведется борьба за потребителя, Л. Боброва анализирует в своем докладе, в каких формах реализуются цели PR через систему компьютерной сети Internet. Профессиональный информационный текст стал "продуктом высочайшей компьютерной технологии и образцом высокого мастерства словесного творчества, вместившим в себя накопленный человечеством опыт в области графики, печати и искусства слова. Web-тексты – эффективное средство общения, интереснейший объект для лингвистического исследования и ценный аутентичный учебный материал" (*Речевая*, 1999, 41–42).

В докладе профессора Л. Минаевой на пленарном заседании конференции отмечалась роль речевой коммуникации в создании корпоративного имиджа (*Речевая*, 1999, 8–9). Конструирование имиджа осуществляется при помощи как информационных и информационно-аналитических, так и рекламных текстов. Применение методов лингвостилистического и лингвопоэтического исследования к анализу текстов разного характера позволяет определить пути оптимизации создания корпоративного имиджа при помощи вербальных средств.

Вопросы обучения речевой коммуникации, от профессиональной подготовки "спичрайтеров" и обучения деловому общению до современных методов коррекции произношения, привлекли внимание участников конференции. Проблемы речевой выразительности, взаимодействие чувственного и рационального, соотношение доказательства

и внушения в риторической аргументации в общественно-политической сфере, в условиях международного делового общения – далеко неполный перечень вопросов, затронутых в обсуждениях и дискуссиях в ходе работы секций.

Участники конференции работали в шести секциях: "Обучение речевой коммуникации", "Межкультурная коммуникация", "Риторика", "Восприятие речи", "Массовая коммуникация", "Практика PR". В рамках конференции была организована дискуссия – "круглый стол", где шла речь о принципах и методах обучения речевой коммуникации. С большим интересом прошла встреча с представителями прессы и телевидения, которые в своей практической деятельности непосредственно сталкиваются с проблемами речевой коммуникации.

PRO FUTURO

Итак, вышли в свет два выпуска нашей книги. Их появление не случайно. Сегодня – в это время, характеризующееся кризисом идентичности не только индивидуумов и отдельных социальных групп, но и целых социумов, и соответственно поиском новых путей социального развития значительной группы стран, неудовлетворенных своим настоящим положением, переосмысливающих свой социальный опыт. Перед учеными, как никогда, стоит проблема не только углубления и уточнения различных подходов к изучению данных процессов, но и единения возможностей гуманитарных и социальных наук в их исследовании, в частности, изучении воплощения этих социально-политических процессов в текстах речевого поведения различных социальных групп. Отсюда и формулировка целей, вставших перед коллективом ученых, собранных *Belarusian University Media Group*, которая и подготовила настоящее издание к печати: (а) увидеть общественно-политический дискурс в качестве единого интердисциплинарного исследовательского поля; (б) провести своего рода "инвентаризацию" того, что есть у нас в гуманитаристике на данном этапе развития науки, в частности, в плане теоретических наработок; (в) определить общую перспективу новых исследовательских проектов; (г) провести ряд непосредственных практических исследований с использованием этого, переосмысленного в контексте интердисциплинарности, достаточно богатого наследия.

Подводя некоторые предварительные итоги (предварительные, ибо планируется продолжение выпуска книг данной серии), можно сказать следующее.

Безусловно, мы значительно продвинулись в общетеоретических вопросах. Так, если в Выпуске 1 были рассмотрены только четыре исследовательские программы, предлагаемые, в частности, в русле таких направлений, как коммуникативно-функциональный анализ, этнолингвистика, лингво-семиотика и прагматика, то в Выпуске 2 теория представлена уже семью направлениями. Среди них такие, как методологическое (парадигмальное) и философское, собственно теоретическое (представленное теориями так называемого среднего уровня) и семиотическое, а также коммуникативное, технологическое, специальное. Каждое из этих направлений, в свою очередь, получает свое переосмысление и развитие.

Несмотря на обилие работ практического характера, развитие общетеоретического исследовательского плана явилось основополагающим для данного выпуска. В этом отношении важно отметить проделанную работу над "Материалами к словарю" и дальнейшую проработку библиографического материала, в том числе предлагаемые тексты раздела 8 "Обзоры".

Так, раскрывая значимость наших дальнейших публикаций в Части 1 "Методологические и философские аспекты", нашей целью было взглянуть на общеметодологические аспекты с позиций их открытости как в поле самих себя, так и в теории среднего уровня и непосредственно в практике, показать, что спор вокруг того, есть ли один-единственный, правильный подход, может решаться в пользу множественности, терпимости. Поворот от мозаичности и, в каких-то случаях, хаотичности к собирательности и комплиментарности новейших теорий также заслуживает самого пристального внимания и понимания, так же как и взгляд на поли-, а возможно, и интерсубъектность (в отличие от интересубъективности), кортежность. Часть 2 "Теоретические аспекты" интересна своим поворотом к речеповеденческой доминанте и вербальной реальности, языковому коду при сохранении, однако, социальных и социетальных ориентиров, в центре которых – идеология, а точнее, идеологии и их конструирование, вербальная репрезентация как прямая составляющая. Тема части 3 "Семиотические аспекты", возвращая нас к опыту одной страны, обращена в будущее и открыта переосмыслению вершин семиогенезиса. Части 4 и 5, озаглавленные соответственно "Коммуникативные аспекты" и "Технологические аспекты", привлекают внимание ученых к новому повороту темы – повышению роли интеракции и построенных на ней исследовательских программ, необходимости совершенствования операционализационного мышления. Часть 6 "Специальные аспекты" переносит акцент с дискурса на дискурсии или речевые практики. А части 7 и 8 написаны в ключе непосредственного взаимодополнения, комплиментарности, исследуя поле общественно-политического дискурса со стороны качественного и количественного подходов, как бы продолжающих друг друга. Причем в поле качественных методик попадает ряд новых, рожденных в рамках каузально-генетической теории, заявленной еще в предисловии Выпуска 1, программной и синтезирующей.

Еще раз отметим, что каждая из частей развивает как поле теории, так и поле практики, иллюстрируя теоретические наработки, демонстрируя силу, а возможно, в каких-то случаях и слабость теории, а значит, необходимость ее дальнейшего осмысления.

В практических материалах мы исследовали как современные, так и исторические тексты. Присутствие последних в качестве материала анализа не случайно. Так, вопрос национально-ориентированного дискурса, безусловно, болезненный для современной Европы, и его изучение сегодня должно вестись максимально компетентно. Поэтому наше обращение к истории – это стремление максимально подготовиться к данному разговору на уровне методического обеспечения. Поэтому изучение современного национально-ориентированного, в том числе национально-консолидирующего дискурса, – тема наших следующих выпусков.

Наше дальнейшее направление деятельности мы видим в еще более детальной проработке, а точнее, в последовательном наполнении построенной нами в данных выпусках исследовательской модели "методологии/теории – методики/технологии – практики". В частности, в Выпуске 3 мы планируем уделить большее внимание специальным аспектам. В первую очередь это будут субъект-центричные (или субъект-субъектные, речекommunikативные) исследования – анализ жанров, ролей, стратегий, аргументов и др. в таких дискурсах, как дискурс масс (политическое кино) и дискурс элит (политический театр), дискурс групп (гендер, возраст, ценностная и политическая ориентация) и дискурс субъектов политики (стиль как индивидуум и имидж как типовой субъект). В Выпуск 3 будут включены также объект-центричные (субъект-объектные) и медиальные исследования – анализ концептов и сценариев, дискурс газет и телевизионных передач и соответственно дихотомия "дискурс консолидации" и "дискурс на размежевание/разрыв". В более далекой перспективе мы видим анализ видов речевой деятельности и более разнообразное поле дискурсий (реальных речевых практик).

Мы приглашаем исследователей к участию в новых выпусках.

БИБЛИОГРАФИЯ

- Аверинцев, 1996:* Аверинцев С. С. Стилистические проблемы библейского перевода // Православная Община. 1996. № 5 (35).
- Аверинцев, 1997:* Аверинцев С. С. О языке литургии // Язык Церкви. Вып. 2. М., 1997.
- Аверинцев, 1998:* Аверинцев С. С. Два слова о том, до чего же трудно переводить библейскую поэзию // Новый мир. 1998. № 1.
- Агаев, 1965а:* Агаев А. Г. К вопросу о теории народности. Закономерности социалистического развития народов в СССР. Махачкала, 1965.
- Агаев, 1965б:* Агаев А. Г. Народность как социальная общность // Вопр. философии. 1965. № 11.
- Агаев, 1968:* Агаев А. Г. Функции языка как этнического признака // Язык и общество. М., 1968.
- Агаян, 1987:* Агаян П. Ц. Критический философский анализ современных буржуазных концепций философской аргументации. М., 1987.
- Александрова, 1995:* Александрова З. Е. Словарь синонимов русского языка: практический справочник. М., 1995.
- Алексеев, 1991:* Алексеев А. П. Аргументация. Познание. Общение. М., 1991.
- Алексеев, 1996:* Алексеев А. А. Библейский перевод как форма религиозной деятельности // Перевод Библии: Лингвистические, историко-культурные и богословские аспекты: Материалы конф. М., 1996.
- Арагон, 1978:* Арагон Л. Анри Матисс. М., 1978.
- Арефьева, 1990:* Арефьева Г. С. Гуманизация и гуманитаризация высшего образования. М., 1990.
- Аргументация, 1992:* Аргументация в публицистическом тексте (жанрово стилистический аспект). Свердловск, 1992.
- Арутюнова, 1982:* Арутюнова Н. Д. Лингвистические проблемы референции // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 13. М., 1982.
- Арутюнова, 1985:* Арутюнова Н. Д., Падучева Е. В. Истоки, проблемы и категории прагматики // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16. М., 1985.
- Базиев, 1973:* Базиев А. Т., Асаев М. И. Язык и нация. М., 1973.
- Барт, 1975:* Барт Р. Основы семиологии // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.
- Барт, 1983:* Барт Р. Нулевая степень письма // Семиотика. М., 1989.
- Барт, 1989:* Барт Р. Избранные работы // Там же М., 1989.
- Барт, 1994:* Барт Р. S / Z. М., 1994.
- Барт, 1996:* Барт Р. Мифологии. М., 1996.
- Бахтин, 1979а:* Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. М., 1979.
- Бахтин, 1979б:* Бахтин М. М. Проблемы поэтики Достоевского. М., 1979.
- Бахтин, 1994а:* Бахтин М. М. Проблемы творчества Достоевского. Киев, 1994.
- Бахтин, 1994б:* Бахтин М. М. Работы 20-х годов. Киев, 1994.
- Белл, 1980:* Белл Р. Т. Социоллингвистика. Цели, методы, проблемы. М., 1980.
- Белый, 1910:* Белый А. Символизм. Спб, 1910.
- Бенвенист, 1974:* Бенвенист Э. Общая лингвистика. М., 1974.
- Березин, 1984:* Березин Ф. М. История лингвистических учений. 2-е изд, испр. и доп. М., 1984.

- Библер, 1975:* Библер В. С. Мышление как творчество. М., 1975.
- Библер, 1991:* Библер В. С. От наукоучения – к логике культуры. Два философских введения в двадцатый век. М., 1991.
- Болотоков, 1998:* Болотоков В. Х., Кумыков А. М. Феномен наций и национально-психологические проблемы в социологии русского зарубежья. М., 1998.
- Большая, 1970:* Большая советская энциклопедия. Т.2. М., 1970.
- Бондарко, 1985:* Бондарко А. В. К теории функциональной грамматики. М., 1985.
- Бромлей, 1970:* Бромлей Ю. В. К вопросу о сущности этноса // Природа. 1970. № 2.
- Брутян, 1992:* Брутян Г. А. Очерк теории аргументации. Ереван, 1992.
- Бубер, 1992:* Бубер М. Я и Ты // Квинтэссенция (философский альманах). М., 1992.
- Бубер, 1995:* Бубер М. Два образа веры. М., 1995.
- Будагов, 1961:* Будагов Р. А. К критике релятивистических теорий слова // Вопросы теории языка в современной лингвистике. М., 1961.
- Будагов, 1976:* Будагов Р. А. Человек и его язык. М., 1976.
- Бурдые, 1993:* Бурдые П. Социология политики. М., 1993.
- Ван Дейк, 1989:* Ван Дейк Т. А. Язык. Познание. Коммуникация. М., 1989.
- Верещагин, 1992:* Верещагин Е. М. ... Читал и любил читать Евангелие: Что входит в состав российской словесности? // Русский язык в СНГ. 1992. № 10–12.
- Верещагин, 1994:* Верещагин Е. М. Об удержании Кирилло-Мефодиевской традиции в (ново)русском переводе Евангелия // Переводы Библии и их значение в развитии духовной культуры славян: Материалы Междунар. Библейской конф., посвящ. 75-летию Русской Библейской Комиссии. Спб., 1994.
- Винокур, 1928:* Винокур Г. П. Глагол или имя? Опыт стилистической интерпретации // Русская речь. Новая. сер. Т. 3. Л., 1928.
- Волошинов, 1993:* В. Н. Волошинов. Фрейдизм. М., 1993.
- Выготский, 1982:* Выготский Л. С. Избранные сочинения. Т. 2. Проблемы общей психологии. М., 1982.
- Гак, 1985:* Гак В. Г. К типологии функциональных подходов к изучению языка // Проблемы функциональной грамматики. М., 1985.
- Гальперин, 1981:* Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981.
- Гальцева, 1997:* Гальцева Р. Опыт словарной статьи о Сергее Аверинцеве // Лит. учеба. 1997. № 5–6.
- Гербик, 1998:* Гербик Л. Ф. Слово *народ* в русском языке // Полилог. Вып. 1. Минск, 1998.
- Гибш, 1972:* Гибш Г., Форверг М. Введение в марксистскую социальную психологию. М., 1972.
- Громов, 1997:* Громов И. А., Мацкевич А. Ю., Семенов В. А. Западная социология. СПб., 1997.
- Гумилев, 1967:* Гумилев Л. Н. О термине "этнос" // Доклады отделения и комиссий Географического общества СССР. Вып. 3. Л., 1967.
- Гумилев, 1998:* Гумилев Л. Н. Этногенез и биосфера Земли. 2-е изд., испр. и доп. Л., 1989.
- Гуссерль, 1989:* Гуссерль Э. Феноменология // Зарубежная феноменология и экзистенциализм. Ч. 1. Киев, 1989.

- Гуссерль, 1994:* Гуссерль Э. Идеи к чистой феноменологии. М., 1994.
- Гуссерль, 1997:* Гуссерль Э. От Я к Другому. Минск, 1997.
- Гуссерль, 1998:* Гуссерль Э. Картезианские размышления. СПб., 1998.
- Гюго, 1989:* Гюго В. Собор Парижской богородицы. Л., 1989.
- Далецкий, 1996:* Далецкий Ч. Б. Практикум по риторике: Эксперимент. учеб. пособие для старших классов гимназий, лицеев, колледжей и школ гуманитар. профиля, а также гуманитар. вузов. М., 1996.
- Даль, 1978:* Даль В. Н. Толковый словарь живого великорусского языка. М., 1978.
- Дешериев, 1965:* Дешериев Ю. Д. К вопросу о функциональном и внутривидовом развитии младописьменных языков народов СССР в советскую эпоху // Развитие литературных языков народов Сибири в советскую эпоху. Улан-Удэ, 1965.
- Дешериев, 1966 а:* Дешериев Ю. Д. Закономерности развития и взаимодействия языков в современном обществе. М., 1966.
- Дешериев, 1966 б:* Дешериев Ю. Д. Языки и народы СССР // Языки народов СССР. Индоевропейские языки. Т. 1. М., 1966.
- Дешериев, 1967:* Дешериев Ю. Д., Корлэтяну Н. Г., Филин Ф. П. Социолингвистика и проблемы развития общественных функций языков мира // Проблемы языкознания. М., 1967.
- Дешериев, 1976:* Дешериев Ю. Д. Развитие общественных функций литературных языков. М., 1976.
- Дешериев, 1977:* Дешериев Ю. Д. Социальная лингвистика. К основаниям общей теории. М., 1977.
- Джунусов, 1966:* Джунусов М. С. Нация как социально-этническая общность людей // Вопр. истории. 1966. № 4.
- Джунусов, 1969:* Джунусов М. Об изучении нации как социально-этнической общности людей. Фрунзе, 1969.
- Домашнев, 1983:* Домашнев А. К., Шишкина И. П., Гончарова Е. Л. Интерпретация художественного текста. М., 1983.
- Дридзе, 1980:* Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980.
- Дылевский, 1998:* Дылевский И. А., Ухванова-Шмыгова И. Ф. Газета как единица анализа // Методология исследований политического дискурса. Вып. 1. / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998.
- Евсеев, 1995:* Евсеев И. Е. Собор и Библия // Уч. зап. Рос. православ. университета ап. Иоанна Богослова. 1995. № 1.
- Егоров, 1996:* Егоров Ю. Я., Костин Т. И., Тихонов М. Ю. Современное образование: гуманитаризация, компьютеризация, духовность (философско-методологические аспекты). М., 1996.
- Еемерен, 1992:* Еемерен Франс Х. Ван, Гроотендорст Р. Речевые акты в аргументативных дискуссиях: теоретическая модель анализа дискурса, направленная на разрешение конфликта мнений. СПб., 1992.
- Ельмслев, 1960:* Ельмслев Л. Прологомены к теории языка // Новое в лингвистике. Вып. 1. М., 1960.
- Жарикова, 1980:* Жарикова Т. А. Контент-анализ – социологический метод. Владивосток, 1980.

- Женщины, 1997:* Женщины Беларуси в зеркале эпохи: Национальный отчет. Минск, 1997.
- Здравомыслов, 1968:* Здравомыслов А. Г. Функционализм и его критика // Информационный бюллетень. Сер. 6. Переводы, рефераты. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. М., 1968.
- Здравомыслов, 1970а:* Здравомыслов А. Структурно-функциональный анализ // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
- Здравомыслов, 1970б:* Здравомыслов А. Функционализм // Там же.
- Зеленецкий, 1991:* Зеленецкий К. П. Исследование о риторике. М., 1991.
- Зернецкий, 1990:* Зернецкий П. В. Четырехмерное пространство речевой деятельности // Язык, дискурс и личность: Межвуз. сб. науч. тр. Тверь, 1990.
- Зимняя, 1996:* Зимняя И. А. Гуманизация образования – императив XXI века // Гуманизация образования. Вып. 1. М., 1996.
- Ивин, 1997:* Ивин А. А. Основы теории аргументации. М., 1997.
- Ионин, 1996:* Ионин Л. Г. Социология культуры. М., 1996.
- Исаев, 1968:* Исаев М. И. Нация и язык // Вопр. истории. 1968. № 2.
- Исаченко, 1958:* Исаченко А. В. К вопросу о структурной типологии славянских литературных языков // Slavica. 1958. XXVII. № 3.
- Калачинский, 1989:* Калачинский А. В. Аргументация публицистического текста. М., 1989.
- Калтахчян, 1966:* Калтахчян С. Т. К вопросу о понятии "нация" // Вопр. истории. 1966. № 6.
- Калтахчян, 1967:* Калтахчян С. Т. Критика социальных и гносеологических корней психологических теорий нации // Вестн. Моск. ун-та. 1967. Сер. 3.
- Каммари, 1964:* Каммари М. Д. Язык и нация // Вопросы развития литературных языков народов СССР в советскую эпоху. Алма-Ата, 1964.
- Каммари, 1970:* Каммари М. Нация // Философская энциклопедия. Т. 4. М., 1970.
- Камчатнов, 1996:* Камчатнов А. М. Сакральный славянский язык в Церкви и культуре. № 4. М., 1996.
- Канаев, 1992:* Канаев Н. На подступах к XXI веку // Высшее образование в России. 1992. № 3.
- Кант, 1964:* Кант И. Сочинения. Т. 6. М., 1964.
- Карпов, 1992:* Карпов П. И. Психолого-педагогические основы многоступенчатой подготовки в вузе: Докт. дисс. СПб., 1992.
- Киклевич, 1992а:* Киклевич А. К. Фреймы в толковом словаре // Современные проблемы лексикографии. Харьков, 1992.
- Киклевич, 1992б:* Киклевич А. К. Художественный текст и теория возможных миров // Художественный текст: онтология и интерпретация. Саратов, 1992.
- Козлов, 1967:* Козлов В. И. Некоторые проблемы теории нации // Вопр. истории. № 1. М., 1967.
- Колшанский, 1984:* Колшанский Г. В. Коммуникативная функция и структура языка. М., 1984.
- Кондаков, 1971:* Кондаков И. И. Логический словарь. М., 1971.

- Кохтев, 1994:* Кохтев Н. Н. Риторика: Учеб. пособие для 8–11-х кл. учеб. заведений с углубленным изучением гуманитар. предметов, а также для лицеев и гимназий. М., 1994.
- Краткий, 1985:* Краткий психологический словарь / Ред. А. В. Петровский, М. Г. Ярошевский. М., 1985.
- Кривенко, 1993:* Кривенко Б. В. Язык массовой коммуникации: лексико-семиотический аспект. Воронеж, 1993.
- Кудрин, 1998:* Кудрин В. Условие нашего исцеления. М., 1998.
- Кун, 1975:* Кун Т. Структура научных революций. М., 1975.
- Лазарева, 1993:* Лазарева Э. А. Системно-стилистические характеристики газеты. Екатеринбург, 1993.
- Лассан, 1995:* Лассан Э. Дискурс власти и инакомыслия в СССР: когнитивно-риторический анализ. Вильнюс, 1995.
- Левада, 1970:* Левада Ю. Структура социальная // Философская энциклопедия. Т. 5. М., 1970.
- Левинас, 1998:* Левинас Э. Время и Другой. Гуманизм другого человека. СПб., 1998.
- Леви-Строс, 1985:* Леви-Строс К. Размышления над одной работой Владимира Проппа // Зарубежные исследования по семиотике фольклора. М., 1985.
- Леонтьев, 1969:* Леонтьев А. А. Язык, речь, речевая деятельность. М., 1969.
- Лиотар, 1998:* Лиотар Ж.-Ф. Состояние постмодерна. М.; СПб., 1998.
- Логачев, 1991:* Логачев К. И. О текстологической основе нового белорусского перевода Библии и переводческом методе, примененном при его создании // Евангелие Господа нашего Иисуса Христа: На четырех языках: эллинском, славянском, российском и белорусском с параллельными местами. Минск, 1991.
- Логачев, 1995а:* Логачев К. И. Что стоит за "программой отторжения" Русской Библии 1876 года // Библия и возрождение духовной культуры русского и других славянских народов: К 80-летию Русской Северо-Западной Библейской комиссии (1915–1995). СПб., 1995.
- Логачев, 1995б:* Логачев К. И. Христианское Священное Писание в России // Там же.
- Лосев, 1981:* Лосев А. Ф. Знак. Символ. Миф. М., 1981.
- Лотман, 1981:* Лотман Ю. М. Семиотика культуры и понятие текста // Ученые записки Тарту. гос. ун-та. Вып. 515. Труды по знаковым системам; Вып. 12. Структура и семиотика художественного текста. Тарту, 1981.
- Львов, 1995:* Львов М. С. Риторика: Учеб. пособие для 10–11-х кл. М., 1995.
- Мазнева, 1990:* Мазнева В. Структура газетного жанра. М., 1990.
- Мамудян, 1985:* Мамудян М. Лингвистика. М., 1985.
- Масси, 1996:* Масси Р. К. Петр Великий: В 3 т. Т.3. Смоленск, 1996.
- Махлин, 1995:* Махлин В. Л. Немецкий Кьеркегор // Филос. науки. 1995. № 1.
- Мейстер, 1991:* Мейстер Э. Духовные проповеди и рассуждения. М., 1991.
- Мерло-Понти, 1990:* Мерло-Понти Предисловие к "Феноменологии восприятия" // Зарубежная феноменология и экзистенциализм. Ч. 3. Киев, 1990.
- Мертон, 1968:* Мертон Р. К. Явные и латентные функции // Информационный бюллетень. Сер. 6. Переводы, рефераты. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. М., 1968.

- Методологические, 1973*: Методологические и методические проблемы контент-анализа. М., 1973.
- Методология, 1998*: Методология исследований политического дискурса. Вып. 1 / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. Минск, 1998.
- Методы, 1980*: Методы сбора информации в социологическом исследовании. М., 1980.
- Методы, 1985*: Методы анализа документов в социологическом исследовании. М., 1985.
- Мечковская, 1998*: Мечковская Н. Б. Язык и религия: Лекции по филологии и истории религий. М., 1998.
- Милюков, 1994*: Милюков П. Н. Очерки истории русской культуры: В 3 т. Т. 2., ч.1. М., 1994.
- Мисоужников, 1993*: Мисоужников Б. Я. Хроматическое пространство в формальной и содержательной структурах // Гуманитарные науки: из опыта теоретической интерпретации. СПб., 1993.
- Михайличенко, 1994*: Михайличенко И. А. Основы риторики. Учеб. пособие. М., 1994.
- Мурзукова, 1995*: Мурзукова Т. Г., Нечаева И. В. Краткий словарь иностранных слов. М., 1995.
- Мурина, 1994*: Мурина Л. А. Риторика. Учебник для 10-11-х кл. общеобраз. шк. Мн., 1994.
- Нагель, 1968*: Нагель Э. Функционализм в общественных науках // Информационный бюллетень. Сер. 6. Переводы, рефераты. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. М., 1968.
- Наумова, 1998*: Наумова С. А., Ухванова И. Ф. Особенности политического дискурса в белорусских СМИ // Вектор: МИПИ (Международ. ин-т полит. исследований). М., 1998.
- Наша ніва, 1909*: Наша ніва. Факсимильное изд., Вып. 2. Вільня, 1909.
- Нещименко, 1999*: Нещименко Г. П. Этнический язык. Опыт функциональной дифференциации. На материале сопоставительного изучения славянских языков. Мюнхен, 1999.
- Никольский, 1976*: Никольский Л. Б. Понятие функции // Никольский Л. Б. Синхронная социолингвистика (Теория и проблемы). М., 1976.
- Новейший, 1998*: Новейший философский словарь / Сост. А. А. Грицанов. Минск, 1998.
- Новый, 1993*: Новый большой англо-русский словарь: В 3 т. М., 1993.
- Норман, 1987*: Норман Б. Ю. Язык: знакомый незнакомец. Минск, 1987.
- Одинцов, 1980*: Одинцов Н. В. Стилистика текста. М., 1980.
- Осипов, 1998*: Осипов Г. В., Москвичев Л. Н., Кабыща А. В. и др. Социология. Основы общей теории. М., 1998.
- Павленко, 1984*: Павленко А. М. Русская культура в канун Петровских реформ. Л., 1984.
- Павленко, 1990*: Павленко Н. И. Петр Великий. М., 1990.
- Павлов, 1985*: Павлов В. М. Понятие лексемы и проблемы отношений синтаксиса и словообразования. Л., 1985.
- Панарин, 1994*: Панарин А. С., Ильин В. В. Философия политики. М., 1994.

- Парсонс, 1968а:* Парсонс Т. Новые тенденции в структурно-функциональной теории // Информационный бюллетень Сер. 6. Переводы, рефераты. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. М., 1968.
- Парсонс, 1968б:* Парсонс Т. Современное состояние и перспективы систематической теории в социологии // Там же.
- Пархалина, 1995(ред.):* Прогностическая концепция целей и содержания образования // Общеввропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов / Под ред. Т. Г. Пархалиной. М., 1995.
- Поварнин, 1996:* Поварнин С. И. Спор. О теории и практике спора. СПб., 1996.
- Пушкарев, 1991:* Пушкарев С. Г. Обзор русской истории. М., 1991.
- Рекс, 1968:* Рекс Дж. Проблемы функционализма // Информационный бюллетень. Сер. 6. Переводы, рефераты. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. М., 1968.
- Речевая, 1999:* Речевая коммуникация: Тез. междунар. конф., Москва, 19–21 янв. 1999 г. М., 1999.
- Рикер, 1990:* Рикер П. Экзистенциальная феноменология // Зарубежная феноменология и экзистенциализм. Ч. 3. Киев, 1990.
- Рогачев, 1966:* Рогачев П. М., Свердлин М. А. О понятии "нация" // Вопр. истории. 1966. № 1.
- Роднянская, 1997:* Роднянская И. Язык православного богослужения как препятствие к раскультированию современной России // Лит. учеба. 1997. № 5–6.
- Российская, 1998:* Российская социологическая энциклопедия / Под общ. ред. Г. В. Осипова. М., 1998.
- Руденский, 1998:* Руденский Е. В. Социальная психология: Курс лекций. Новосибирск, 1998.
- Русская, 1996:* Русская риторика: Хрестоматия. М., 1996.
- Русское, 1993:* Русское красноречие: Хрестоматия. Зап. Урал, 1993.
- Рябцева, 1994:* Рябцева Н. К. Коммуникативный модус и метаречь // Логический анализ языка. Язык речевых действий. М., 1994.
- Саблина, 1994:* Саблина Н. П. Церковнославянский язык в XX веке. М., 1994.
- Садовничий, 1995:* Садовничий А. П. Университеты и гуманитарная Европа // Общеввропейский процесс и гуманитарная Европа. Роль университетов / Под ред. Л. Глухарева и В. Страды. М., 1995.
- Сакович, 1999:* Сакович Т., Середа Л. Проблема гендерных стереотипов и их укоренение в общественном сознании англоязычного общества // Женщина. Образование. Демократия. Минск, 1999.
- Сартр, 1983:* Сартр Ж. - П. Бытие и ничто (фрагменты) // Филос. науки. 1983. № 3.
- Сартр, 1988:* Сартр Ж.- П. Первичное отношение к Другому: любовь, язык, мазохизм // Проблема человека в западной философии. М., 1988.
- Сартр, 1995:* Сартр Ж. - П. Бытие и ничто. (Заключение) // Филос. поиск. 1995. № 1.
- Сартр, 1997:* Сартр Ж. - П. Бытие и ничто (глава "Существование Другого") // От Я к Другому. Минск, 1997.
- Селихова, 1999:* Селихова Г. В. Современное состояние и будущее эволюции образования // Образование и наука. Третье тысячелетие: Материалы междунар. конф., посвящ. 275-летию Санкт-Петербург. гос. ун.-та. СПб., 1999.

- Серебряков, 1994*: Серебряков Л. Е. Философская культура учителя // Пед. образование. 1994. Вып. 10.
- Словарь, 1971*: Словарь синонимов русского языка. Т.1 – 2. Л., 1971.
- Слюсарева, 1981*: Слюсарева Н. А. Проблемы функционального синтаксиса современного английского языка. М., 1981.
- Современные, 1980*: Современные методы исследований средств массовой коммуникации. Таллин, 1980.
- Соссюр, 1977*: Соссюр Ф. Курс общей лингвистики // Соссюр Ф. Труды по языкознанию. М., 1977.
- Социологический, 1991*: Социологический словарь. Минск, 1991.
- Социологический, 1998*: Социологический энциклопедический словарь / Ред. координатор Г. В. Осипов. М., 1998.
- Социология, 1998*: Социология / Под ред. А. Н. Елсукова. Минск, 1998.
- Стернин, 1985*: Стернин И. А. Лексическое значение слова в речи. Воронеж, 1985.
- Стриженко, 1980*: Стриженко А. А. Роль языка в системе средств пропаганды. Томск, 1980.
- Струве, 1992*: Струве Н. А. Православие и культура. М., 1992.
- Структурализм, 1975*: Структурализм: "за" и "против" / Ред. Е. Я. Басин, М. Я. Поляков. М., 1975.
- Субботин, 1881*: Субботин Н. И. Материалы истории раскола за первое время его существования. М., 1881. Т. VI; 1885. Т. VII.
- Субетто, 1992*: Субетто А. И. Гуманизация российского общества (авторская концепция). СПб.; М., 1992.
- Субетто, 1996*: Субетто А. И. Императив гуманизации общества и образования: к неклассическому гуманизму. Вып. 1. Набережные Челны, 1996.
- Тавакалян, 1967*: Тавакалян Н. А. Некоторые вопросы понятия "нация" // Вопр. истории. 1967. № 2.
- Тепляшина, 1997*: Тепляшина А. Н. Методологические основы жанрообразования в СМИ // Логос. Общество. Знак (к исследованию проблемы феноменологии дискурса). СПб., 1997.
- Тихомиров, 1998*: Тихомиров Л. А. Монархическая государственность. М., 1998.
- Толстой, 1991*: Толстой М. В. История русской церкви. Спасо-Преображенский Валаамский монастырь, 1991.
- Уайтэкер, 1968*: Уайтэкер Ян. Характер и значение функционализма в социологии // Информационный бюллетень. Сер. 6. Переводы, рефераты. Структурно-функциональный анализ в современной социологии. Вып. 1. М., 1968.
- Успенский, 1990*: Успенский П. Д. Психология возможной эволюции человека // Заблуждающийся разум? Многообразие вненаучного знания. М., 1990.
- Успенский, 1994а*: Успенский Б. А. Отзвуки концепции "Москва – Третий Рим" в идеологии Петра Первого. М., 1994.
- Успенский, 1994б*: Успенский Б. А. Царь и Бог // Избранные труды. Т. 1. М., 1994.
- Успенский, 1995*: Успенский Б. А. История русского литературного языка как межславянская дисциплина // Вопр. языкознания. 1995.
- Ухванова, 1988*: Ухванова И. Ф. Семантический анализ текстов лозунгов перестройки // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4. 1988. № 3.

- Ухванова, 1992: Ухванова И. Ф., Богушевич Д. Г. Актуализация потенциального содержания текста и типы речевого взаимодействия // Весн. Беларус. ун-та. Сер. 4. 1992. № 2.
- Ухванова, 1993: Ухванова И. Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. 1993. № 3 (Киев).
- Ухванова, 1998: Ухванова И. Ф. Смысловые и сущностные параметры политического дискурса в фокусе внимания исследователя // II Международная конференция "Язык и социум". Минск, 1998.
- Ухванова-Шмыгова, 1993: Ухванова-Шмыгова И. Ф. План содержания текста: от анализа к синтезу, от структуры к системе // Философская и социологическая мысль. 1993. № 3.
- Ухванова-Шмыгова, 1998: Ухванова-Шмыгова И. Ф. Газета – аудитория: типология речевого взаимодействия (на материале белорусской печати) // Методология исследований политического дискурса. Вып. 1. Мн., 1998.
- Ученова, 1982: Ученова В. В. Метод и жанр: диалектика взаимодействия // Методы журналистского творчества. М., 1982.
- Федотова, 1988: Федотова Л. Н. Контент-аналитические исследования средств массовой информации и пропаганды. М., 1988.
- Философский, 1989: Философский энциклопедический словарь. М., 1989.
- Философский, 1997: Философский энциклопедический словарь. М., 1997.
- Франк, 1986: Франк Д. Семь грехов прагматики: тезисы о теории речевых актов, анализе речевого общения, лингвистике и риторике // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 17. М., 1986.
- Фрейд, 1990: Фрейд З. Психология бессознательного. М., 1990.
- Фролов, 1997: Фролов С. С. Основы социологии. М., 1997.
- Фролов, 1997: Фролов С. С. Функции социальных институтов // Фролов С. С. Основы социологии. М., 1997.
- Хайдеггер, 1997: Хайдеггер М. Бытие и время. М., 1997.
- Хайдеггер, 1998: Хайдеггер М. Прологомены к истории понятия времени. Томск, 1998.
- Халипов, 1996: Халипов В. Введение в науку о власти. М., 1996.
- Ханазаров, 1953: Ханазаров К. Х. Язык и нация. М., 1953.
- Хованская, 1984: Хованская З. И. Стилистика французского языка. М., 1984.
- Человеческий, 1991: Человеческий фактор в языке. Язык и порождение речи / Под ред. Е. С. Кубряковой. М., 1991.
- Шадриков, 1993: Шадриков В. Д. Философия образования и образовательная политика. М., 1993.
- Шпет, 1927: Шпет Г. Внутренняя форма слова. М., 1927.
- Эбнер, 1992: Эбнер Ф. Выдержки из дневника // Философско-литературные штудии. Вып. 2. Минск, 1992.
- Эбнер, 1995: Эбнер Ф. Из записных книжек // Филос. науки. 1995. № 1.
- Эбнер, 1997: Эбнер Ф. Слово и духовные реальности (фрагменты) // От Я к Другому. Минск, 1997.
- Экономцев, 1992: Экономцев И. Н. Православие, Византия, Россия. М., 1992.
- Энциклопедический, 1890: Энциклопедический словарь / Под ред проф. И. Е. Андреева. СПб., 1890.

Энциклопедический, 1936: Энциклопедический словарь "Гранат". М., 1936.
Якобсон, 1975: Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: "за" и "против". М., 1975.
Якобсон, 1985: Якобсон Р. Избранные работы. М., 1985.
Якобсон, 1987а: Якобсон Р. Вопросы поэтики. Постскрипtum к одноименной книге // Якобсон Р. Работы по поэтике. М., 1987.
Якобсон, 1987б: Якобсон Р. Футуризм // Там же.

Allan, 1991: Allan K., Burrige K. Euphemism and Dysphemism: Language used Shield and Weapon. New York: Oxford University Press, 1991.
Arac, 1987: Arac J. Critical Genealogies. New York.: Columbia University Press, 1987.
Atkinson, 1957: Atkinson J. W. Motivational determinants of risk-taking behavior // Psychological Review. 1957. № 64.
Atkinson, 1992: Atkinson J. W. Motivational determinants of thematic apperception // Motivation and personality: Handbook of thematic content analysis / C. P. Smith (ed.). Cambridge: Cambridge University Press. 1992.
Baliga, 1984: Baliga B. R., & Jaeger A. M. Multinational corporations: Control systems and delegation issues // Journal of International Business Studies, 1984. № 15 (2).
Barlett, 1989: Barlett C. A. & Ghoshal S. Manaing across borders: The transnational solution. Boston: Harvard Business School Press, 1989.
Berelson, 1952: Berelson B. Content analysis in communication research. Glencol Ill: Free Press, 1952.
Berger, 1998: Berger A. A. Media Research Techniques.: Sage Publications, 1998.
Bofill, 1989: Bofill R. Espace d'une vie. Paris, 1989.
Bormann, 1985: Bormann E. G. The force of fantasy: Restoring the American dream. Carbondale, IL: Southern Illinois University Press, 1985.
Britannica, 1994: The New Encyclopaedia Britannica: Miccropaedia Ready Reference, Vol. 12. Chicago-London, 1994.
Bryson, 1994: Bryson B. Made in America. London: Secker and Warburg, 1994.
Burrige, 1996: Burrige K. Political Correctness: Euphemism with Attitude // English Today. 1996. Vol.12. № 3.
Caroll, 1956: Caroll J. Language, Thought and Reality: Selected Writings of Benjamin Lee Whorf. Cambridge, Mass.: MIT Press, 1956.
Charney, 1978: Charney M. Com,edy High and Low: An introduction to the Experience of Comedy. London, 1978.
Cohen, 1967(ed.): The Essential Lenny Bruce / Cohen J. (ed.): Ballantyne Books, 1967.
Collins, 1992: Collins J. Glasgow University Media Group. The bad news books // Reading into cultural studies / M. Barker and A. Beezer (eds.). Routledge, 1992.
The Concise, 1987: The Concise Oxford Dictionary of Current English. Oxford University Press, 1987.
Conklin, 1974: Conklin N. Toward a Feminist Analysis of Linguistic Behavior // University of Michigan Papers in Women's Studies. 1974. January 1.
Coseriu, 1972: Coseriu E. Sistema, norma y habita // Teoria del linguistica general. Madrid, 1972.
DeCharms, 1968: DeCharms R. & Carpenter V. Measuring motivation in culturally disadvantaged school children // Research and development toward the improvement of

- education / H. J. Klausmeirer, & G. T. O'Hearn (eds.), Madison, WI: Educational Research Services, 1968.
- DELIC*, 1992: (DELIC) Longman Dictionary of English Language and Culture. G.B.: Longman, 1992.
- DeMott*, 1972: DeMott B. "Lenny Bruce: Case Continued..." // Saturday Review, 1972. March 25.
- Dorinson*, 1986: Dorinson J. The Jew as Comic: Lenny Bruce // Jewish humor / A. Ziv (ed.): Mel Brooks, Woody Allen, 1986.
- Echols*, 1991: Echols A. Feminist Movement. // The Reader's Companion to American History. Boston: Houghton Mifflin Company, 1991.
- Edelman*, 1977: Edelman M. J. Political language: Words that succeed and policies that fail. New York: Academic Press, 1977.
- Entman*, 1994: Entman R. Framing: Towards Clarification of a Fractured Paradigm // Journal of Communication. 1994. Spring.
- Entwisle*, 1972: Entwisle D. To dispel fantasies about fantasy-based measures of achievement motivation // Psychological Bulletin. 1972. № 77.
- Fairclough*, 1995: Fairclough N. Critical discourse analysis. The critical study of language. London: Longman, 1995.
- Fairclough*, 1997: Fairclough N. L. & Wodak R. Critical discourse analysis // A multidisciplinary introduction. Vol. 2. Discourse as social interaction. T. A. van Dijk (ed.) Discourse Studies. London: Sage, 1997.
- Feshbach*, 1961: Feshbach S. The stimulating versus cathartic effects of vicarious aggressive activity // Journal of Abnormal and Social Psychology. 1961. № 63.
- Fiske*, 1997: Fiske J. Introduction to Communication Studies. London and New York, 1997.
- Fleischer*, 1975: Fleischer W., Mischel G. Stilistic der deutschen Gegenwartssprache. Leipzig, 1975.
- Fowler*, 1979: Fowler R., Hodge B., Kress G., & Trew T. Language and control. London: Routledge & Kegan Paul, 1979.
- French*, 1955: French E. G. Some characteristics of achievement motivation // Journal of Experimental Psychology, 1955. № 50.
- French*, 1958: French E. G. Effects of the interaction of motivation and feedback on task performance // Motives in fantasy, action, and society / J. W. Atkinson (ed.). Princeton: D. Van Nostrand, 1958.
- Gallimore*, 1981: Gallimore R. Affiliation, social context, industriousness, and achievement // Handbook of cross-cultural human development / R. H. Munroe, R. L. Munroe & B. B. Whiting (eds.). New York: Garlands STPM Press, 1981.
- Galtung*, 1965: Galtung J. and Ruge M. The Structure of Foreign News: The Presentation of Congo, Cuba and Syprus in four Foreign Newspapres // Journal of International Peace Research. 1965. № 1.
- George*, 1959: George A. L. Quantitative and qualitative approaches to content analysis // Trends in content analysis / I. De S. Pool (ed.). Urbana: University of Illinois Press, 1959.
- Gerbner*, 1973: Gerbner G. Cultural indicators – the third voice // communications technology and social policy. New York : Wiley, 1973.
- Giraud*, 1968: Giraud P. Les fonctions secondaires du langue // Le langage. Paris, 1968.

- Glasgow Media Group, 1992*: Glasgow Media Group, 1992.
- Golding, 1989*: Golding P. & Elliot P. Making the News. New York, 1989
- Graber, 1976*: Graber D. Press and television as opinion resources in presidential campaigns // Public opinion quarterly. 1976. Vol. 40. № 3.
- Grabias, 1997*: Grabias S. Język w zachowaniach społecznych. Lublin, 1997.
- Hammer, 1978*: Hammer M. R., Gudykunst W. B. & Wiseman R. L. Dimensions of intercultural effectiveness // International Journal of Intercultural Relations. 1978. № 2.
- Hedlund, 1981*: Hedlund G. Autonomy of subsidiaries and formalization of headquarters-subsidiary relationships in Swedish MNCs // The management of headquarters-subsidiary relationships in multinational corporations / L. Otterbeck (ed.). New York: St. Martin's Press, 1981.
- Helbig, 1986*: Helbig G., Helbig A., Sandig B. Stilistik der deutschen Sprache. Berlin (West) – New York, 1986.
- Helbig, 1989*: Helbig G. Kontroversen in der Valenztheorie // DaF. 1989. № 5.
- Hermant, 1926*: Hermant A. Letters a Xavier sur l'art d'écrire. Paris, 1926.
- Herzberg, 1959*: Herzberg R., Mausner B. & Snyderman B.B. The motivation to work. New York: John Wiley, 1959.
- Hofstede, 1984*: Hofstede G. Culture's consequences: international differences in work-related values (abridged ed.). Newbury Park, CA: Sage, 1984.
- Holsti, 1969*: Holsti O. R. Content Analysis for the Social Sciences and Humanities: Addison-Wesley Publishing Company, 1969.
- Horalek, 1966*: Horalek K. Les fonctions de la langue et de la parole // Travaux linguistiques de Prague: L'Ecole de Prague d'aujourd'hui, 1966.
- Jaeger, 1983*: Jaeger A. M. The transfer of organizational culture overseas: An approach to control in the multinational corporation // Journal of International Business Studies. 1983. № 14 (2).
- Jameson, 1981*: Jameson F. Political Unconscious. Ithaca, New York: Cornell University Press, 1981.
- Jameson, 1988*: Jameson F. Marxism and Historicism. // The Ideologies of Theory: Essays 1971–1986. Minneapolis: University of Minnesota Press, 1988. V. 2.
- Jameson, 1981*: Jameson F. The Political Unconscious. Narrative as a socially symbolic Act. New York, 1981.
- Johnson-Laird, 1983*: Johnson-Laird P. N. Mental models. Cambridge: Cambridge University Press, 1983.
- Kanfer, 1992*: Kanfer R. Work motivation: New directions in theory and research // International Review of Industrial and Organizational Psychology. Vol. 7 / C.L. Cooper, & I.T. Robertson (eds.). New York: John Wiley & Sons Ltd., 1992.
- Kogut, 1983*: Kogut B. Foreign direct investment as a sequential process // The multinational corporation in the 1980-s. / C.P. Kindleberger, & D. Autretsch (eds.). Cambridge, MA: MIT Press, 1983.
- Kracauer, 1952*: Kracauer S. The challenge of qualitative content analysis // Publ.Opin.Quart. 1952. № 16.
- Kress, 1979*: Kress G., & Hodge B. Language and ideology. London: Routledge & Kegan Paul 1979.

- Kress, 1990*: Kress G., & Van Leeuwen T. Reading images. Victoria: Deakin University Press, 1990.
- Lakoff, 1973*: Lakoff R. Language and woman's place. New York: Harper and Row, 1973.
- Lakoff, 1993*: Lakoff R. Language and the Woman's Place // Language in Society. 1993. №.2
- Langages, 1968*: Langages. Revue trimestrielle. 1968. № 37.
- Levelt, 1989*: Levelt W. J. M. Speaking: from intention to articulation. Cambridge, MA: MIT Press, 1989.
- Leonardo, 1977*: Leonardo da Vinci. I pensieri. Firenze, 1977.
- Likert, 1961*: Likert R. New patterns of management. New York: McGraw-Hill, 1961.
- Maccoun, 1992*: Maccoun W. On the Acquisition of Argumentative Discourse from the Comprehensive Point of View // Discourse and Language Education / Hatch E. M. (ed.): Virginia University Press, 1992.
- Martel, 1983*: Martel M. Political campaign debates. New York. London: Longman, 1983.
- Martina, 1978*: Martina W. What does "he" mean? Use of the generic masculin // Journal of Communication. 1978. № 28.
- McClelland, 1961*: McClelland D. C. The achieving society. Princeton, NJ: D. van Nostrand Company, 1961.
- McClelland, 1975*: McClelland D. C. Power: The inner experience. New York: Irvington, 1975.
- McClelland, 1984*: McClelland D. C. Motives, personality and society: Selected papers. New York: Praeger, 1984.
- McClelland, 1987*: McClelland D. C. Human motivation. Cambridge, MA: Cambridge University Press, 1987.
- McClelland, 1953*: McClelland D. C., Atkinson, J. W., Clark, R. A., & Lowell E. L. The achievement motive. New York: Appleton-Century-Crofts, 1953.
- McCombs, 1993*: McCombs V. T. and Shaw D. L. The Evolution of Agenda Setting Research: Twenty-Five Years in the Marketplace of Ideas // Journal of Communication. 1993. Spring.
- McConnel-Ginet, 1993*: McConnel-Ginet S. Language and Gender // Linguistics. New York, 1993.
- McLeod, 1973*: McLeod and Schaffe S. H. Intercultural approaches to Communication research // American Behavioral Scientist. 1973. № 16.
- McLuhan, 1968*: McLuhan, Marchall. Pour comprendre les media. Paris, 1968.
- McNelly, 1959*: McNelly J. T. Intermediary Communicators in the International News // Journalism Quarterly. 1959. № 27.
- McQuail, 1993*: McQuail D. & Windahl S. Communication Models for the Study of Mass Communication: Longman, 1993.
- McQuail, 1996*: McQuail D. Mass Communication theory. London: Sage Publications, 1996.
- Mey, 1985*: Mey J. L. Whose language. A study in linguistic pragmatics. Amsterdam: Benjamins, 1985.

- Millhous, 1998*: Millhous L. M. Organizational structures in Russian-American collaborations: The role of intercultural communication and of technology. Unpublished doctoral dissertation, University of Minnesota, Minneapolis, 1998.
- Mintzberg, 1979*: Mintzberg H. The structuring of organizations. Prentice-Hall. New York, 1997.
- Mounin, 1970*: Mounin G. Introduction a la semiologie. Paris, 1970.
- Noverre, 1807*: Noverre J. - G. Lettres sur les arts imitateurs en general et sur la dance en particulier. T.1.Paris, 1807.
- Oukhvanova, 1991*: Oukhvanova I. F. The pragmatic analysis of texts of printed mass media of authoritarian and democratic tendencies/ / Interaction of mass media, public and power institutions in democratization process. Materials of international colloquium. (In Russian and English). Minsk: Buelorusian State Unioversity, 1991.
- Oukhvanova, 1995*: Oukhvanova I. F. A newspaper and its mentality (pragmatical analysis of the content of printed mass media of Belarus of totalitarian and democratic tendencies // Political Reading. The Ukrainian-Canadian Quarterly. (In the Ukrain and English languages). 1995. № 2.
- Oukhvanova, 1996*: Oukhvanova I. F. Study of the Hierarchy of Values of the Written Mass Media Audiences in Belarus (Project Report) // Social Sciences in Transition. Bonn: Informationszentrum Sozialwiss, 1996.
- Oukhvanova, 1996*: Oukhvanova I. F. Study of the Hierarchy of Values of the Written Mass Media in Belarus // Social Science in Transition. Social Sciences Information Needs and Provision in a Changing Europe / H. Best, U. Becker, A. Marks (eds.).Vol. 4.: Bonn, Informationszentrum Socialwissenschaften, 1996.
- Oukhvanova, 1997*: Oukhvanova I. F. Cause – Genetic theory of text content // XVIth International Congress of Linguists. Paris. July 20 - 25, 1997. Abstracts. Paris: LACAN, 1997.
- Oukhvanova, 1998*: Oukhvanova I. F. Cause-Genetic theory of text content in its application to mass media text studies//Proceedings of the XVIth International Congress of Linguists.20-25 July 1997 / B.Caron (ed.) Paris: Pergamon. An imprint of Elsevier Science, 1998
- Oukhvanova (ed.), 1999*: Perspectives and Methods of Public and Political Discourse and Text Research. Minsk, Belarusian State University,1999.
- Pool, 1959 (ed.)*: Trends in content-analysis / Pool. I. de S. (ed.). Urbana: University of Illinois Press, 1959.
- Pottier, 1964*: Pottier B. Vers une semantique moderne // Travaux de linguistique et de litterature. Strasbourg, 1964.
- Puschel, 1980*: Puschel U. Linguistische Stilistik. Lexikon der germanistischen Linguistik. Tübingen, 1980.
- Reinard, 1991*: Reinard J.S. Foundations of Argument. Effective Communication for Critical Thinkers, 1991.
- Rey, 1976*: Rey A. Theories du signe et du sens. Lectures II. Paris, 1976.
- Riesel, 1975*: Riesel E., Schendels E. Deutsche Stilistik. Moscau, 1975.
- Roger's, 1987*: Roger's Theasurus of Synonyms and Antonyms. New York, 1978.
- Sandig, 1986*: Sandig B. Stilistik der deutschen Sprache.. Berlin – New York, 1986.
- Sartre,1971*: Sartre J.– P. Being and nothingness. N.ew York. 1971.
- Seyler, 1994*: Seyler D. U. Understanding Argument. A Text with Readings , 1994.

- Shama, 1995*: Shama A. Entry strategies of U. S. firms to the Newly Independent States, Baltic States, and Eastern European countries // *California Management Review*. 1995. № 37 (3).
- Show, 1972*: Show D. L. The agenda setting function of mass media // *Public Opinion Quarterly*. 1972. № 36.
- Sowinski, 1973*: Sowinski B. *Deutcher Stilistik*. Frankfurt/Main, 1973.
- Stewart, 1991*: Stewart E. C., & Bennett, M. J. *American cultural patterns: A cross-cultural perspective*. Yarmouth, ME: Intercultural Press, 1991.
- Suchland, 1985*: Suchland P. *Rückschau und Ausblick. Gedanken zur Eröffnung*. Tübingen, 1985.
- Sutor, 1987*: Sutor P. *Politik: Ein Lehr- und Arbeitsbuch für den Politikunterricht, neubearbeitete Auflage*. 1987. № 2. Paderborn, 1987.
- Theunissen, 1984*: Theunissen M. *The Other. Studies in the Social Ontology of Husserl, Heidegger, Sartre and Buber*. Cambridge, Massachusetts and London, 1984.
- Trent, 1983*: Trent J., Friedenbergr R. *Political campaign communication*. New York: Praeger, 1983.
- Tunstall, 1971*: Tunstall J. *Journalists at Work*. London: Constable, 1971.
- Ukhvanova 1998*, Ukhvanova I., Naumova S. The Salient Features of Political Discourse in the Belarussian Mass Media // *Vector. Belarussian Journal of International Politics*. 1998. № 1–2.
- University, 1998*: University of Minesota Fall 1998: *Class Schedule*: University of Minnesota Press, 1998.
- Urdang, 1991*: Urdang L. *Oxford Thesaurus. A Dictionary of Synonyms*. London – New York, 1991.
- Van Dijk, 1983*: Van Dijk T. A., & Kintsch, W. *Strategies of discourse comprehension*. New York: Academic Press, 1983.
- Van Dijk, 1993*: Van Dijk T. A. *Principles of Critical Discourse Analysis // Discourse and Society*. 1993. № 4 (2).
- Van Dijk, 1995*: Van Dijk T. A. *Discourse Semantics and Ideology // Discourse and Society*. 1995. № 6 (2).
- Van Dijk, 1998*: Van Dijk T. A. *Ideology. A multidisciplinary study*. London: Sage, 1998.
- Van Dijk, 1999*: Van Dijk T. A. *Towards a Theory of Context and Experience Models in Discourse Processing // The construction of mental representations during reading / H. van Oostendorp & S. R. Goldman (eds.)*. Hillsdale, NJ: Erlbaum, 1999.
- Van Leeuwen, 1995*: Van Leeuwen T. *Representing Social Action // Discourse and Society*. 1995. № 6 (1).
- Van Leeuwen, 1996*: Van Leeuwen T. *The Representation of Social Actors // Texts and Practices: Readings in Critical Discourse Analysis / Caldas-Coulthard, Carmen Rosa, & Coulthard, Malcolm (eds.)*. London, England: Routledge, 1996.
- Van Maanen, 1976*: Van Maanen J. *Breaking in: Socialization to work. // Handbook of work, organization and society / R. Dubin (ed.)*. Chicago: Rand McNally, 1976.
- Van Oostendorp, 1999 (ed.)*: *The construction of mental representations during reading / Van Oostendorp H., & Goldman S. R. (eds.)*. Mahwah, NJ: Erlbaum, 1999.
- Wardhaugh, 1992*: Wardhaugh R. *An Introduction to Sociolinguistics*. Oxford UK:

Blackwell Publishers, 1992.

Webster, 1908-1909: Webster N. Webster's Imperial Dictionary of the English Language and Complete Atlas of the World Being Authentic Unabridged Dictionary, Chicago, 1908 – 1909.

Webster's, 1953: Webster's New International Dictionary of the English Language Unabridged. Chicago, 1953.

Webster's, 1968: Webster's New Twentieth Century Dictionary of the English Language Unabridged. New York, 1968.

Weston, 1987: Weston A. A. Rulebook for Arguments., 1987.

White, 1950: White D. A. The "Gatekeepers": A Case Study in the Selection of News // Journalism Quarterly. 1950. № 36.

Winkler, 1993: Winkler C. Lines of Argument. For Value Debate., 1993.

Wildgen, 1977: Wildgen W. Kommunikativer Still und Sozialisation. Tübingen, 1977.

Winter, 1991: Winter D. G. Measuring personality at a distance: Development of an integrated system for scoring motives in running text // Perspectives in personality: Approaches to understanding lives / A. J. Stewart, J. M. Jr. Healy, D. Ozer, & R. Hogan (eds.). Vol. 3. London: Jessica Kingsley Publishers, 1991.

Wodak, 1989 (ed.): Language, Power and Ideology // Studies in political discourse / Wodak R. (ed.). Amsterdam: Bejamins, 1989.

Wright, 1986: Wright C. R. Mass Communication: A Sociological Perspectiv. New York, 1986.

Yenaer, 1988: Yenaer Semantik-Syntax-Symposium. Yena, 1988.

Zailer, 1992: Zailer J. R. The Nature and Origine of Public Opinion. U.S.: Cambridge University Press, 1992.

МАТЕРИАЛЫ К СЛОВАРИЮ

Агент (Agent) – лицо, иницирующее или осуществляющее деятельность.

Агенс (Agency) – способность инициирования или осуществления деятельности.

Актор (Actor) – любое лицо, вовлеченное в деятельность, в какой бы то ни было роли: агента, пациента, бенефицианта или другой.

Актуализация (содержания) (Content manifestation) – реализация потенциальных возможностей различных аспектов (видов, типов) содержания.

Адресант (Addresser) – автор устного или письменного сообщения (высказывания, текста, документа); коммуникант.

Адресат (Addressee) – получатель устного или письменного сообщения (высказывания, текста); коммуникант.

Артефакт. Речевой артефакт (Speech artefact) – представление о каком-либо высказывании, позволяющее интерпретировать его в качестве текста (в концепции Ф. Джеймисона).

Ассимиляция (Assimilation) – потеря культурной, религиозной или этнической идентификации при вхождении в более крупную национальную или конфессиональную группу. См. **идентификация**.

Генеральная совокупность – множество элементов, имеющих общую характеристику, указывающую на их принадлежность к определенной системе.

Голос автора (Voices) – сценический образ писателя, рассказчика, комедиографа.

Дискурс (Discourse) – 1) вербальное коммуникативное событие; 2) совокупность высказываний, организующих тот или иной вид деятельности; 3) социально обусловленная и культурно закреплённая система рационально организованных правил словоупотребления и взаимоотношения отдельных высказываний; 4) текст (устный или письменный) в социальном контексте, дающем представление об участниках и условиях коммуникации; 5) вид речевой коммуникации, ориентированной на обсуждение действий, событий, фактов, высказываний относительно значимых аспектов социальной реальности.

Дискурсивные разрывы – понятие, используемое М. Фуко для описания взаимоотношения дискурсов (исходя из гипотезы, что отношение дискурсов строится в большей мере по логике различия, чем тождества).

Дискурсивная практика – речевая деятельность, осуществляемая в соответствии с требованиями определенного типа дискурса в процессе его производства и воспроизводства.

Дискурсия – социально дифференцированная речевая практика.

Дискурс-исследования – способ составления более или менее полного представления об общественно-политическом процессе; основа для разработки эффективных социальных и политических технологий.

Политический дискурс – совокупность политических дискурсов социума: дискурса власти, контрдискурсии, публичной риторики, закрепляющих сложившуюся систему общественных отношений либо дестабилизирующих ее.

Юмористический дискурс – коммуникативное событие (текст + социальный контекст): рождение новой, неожиданной связи (внутренней и внешней) между разными видами деятельности (языковой и речевой, познавательной и оценочной, практической и поведенческой) и их производными (столкновение фонетического и семантического уровня знака, возвышенного и низкого стилей, общепринятого и маргинального, бытового и профессионального и т. д.).

Дисфемизм/пейоративная лексика (Disphemism/Pejorative vocabulary) – троп, состоящий в замене естественного в данном контексте обозначения какого-либо предмета более вульгарным, фамильярным или "снижающим"; противоположен **эвфемизму**; дисфемизм не внутреннее качество слова (в отличие от грязного языка), но лишь способ его использования.

Другой (the Other) – противостоящий субъекту партнер (или общество в целом), ограничивающий свободу личности и возможности самовыражения и самоосуществления индивида, элемент субъект-субъектной схемы познания и действия, пришедшие на смену субъект-объектной практике.

Повседневность (Routine life/everyday life) – конфликтное сосуществование с Другими (в отличие от организованных способов человеческого существования, таких как искусство, религия, наука и пр.).

Жанр (Genre) – совокупность выразительных средств текста, нейтральное или, наоборот, активное выражение в знаковой форме отношения автора к событию или читателю/слушателю; категория текста, характеризующаяся подвижностью, пластичностью, способностью менять структуру; практический инструмент, помогающий СМИ соотносить конечный продукт с ожиданиями потребителя; тип коммуникации, которому присущи три взаимосвязанных аспекта: нормативный, генетический и конвенциональный; категория дискурса любого типа – письменного или устного, с литературной аурой или без нее.

Теория жанров – изучение жанров с позиций нормативности (в статике), основанной на концепции "чистоты" жанра; генетическая характеристика, основанная на концепции "памяти", присущей всякому жанру, с учетом субъектов коммуникации, их системы установок, явных или неявных договоренностей.

Жанровый анализ – разновидность качественного анализа текста, определяющая характер речевого поведения адресанта, его отношение к миру фактов/событий и субъектов.

Знак языковой (Language sign) – слово, предложение, текст, газета, книга, собрание сочинений, вид словесности; дискретная самостоятельно функционирующая единица речевой деятельности, характеризующаяся многоплановостью и цельностью, представленная в единстве формы и содержания, значения и значимости; объект лингво-семиотического исследования, поддающийся аналитическому и синтетическому изучению, проявляющий себя с позиций статики и динамики (структуры и функционального бытия), как самостоятельный элемент речевой коммуникации и языкового процесса.

В рамках каузально-генетической теории знак рассматривается как информационный пакет, который имеет свою структурную, системную, линейную и иерархическую организацию; обладает самостоятельным референтным, знаково-референтным, кортежным и знаково-кортежным содержанием; семантически структурирован в рамках октаэдра, определяющего направленность его системных информативно-значимых отношений. Является одновременно знаком социального, интеллектуального (познавательного), языкового и речевого процессов, знаком языкового опыта и функционирования языка, знаком практической деятельности и коммуникации. Различаются простые (слово, предложение/высказывание, абзац/фраза) и сложные (текст, газета, книга) языковые знаки. Критерием различения служит степень самостоятельности значения и диапазон функциональных нагрузок (широта значимости) знака в речевой деятельности.

Идентификация (Identity) – согласованное представление о себе и о том, чем и кем ты являешься. См. **самосознание**.

Идеология (Ideology) – коллективное представление, социально разделяемая базовая когнитивная система группы, организующая **социальные репрезентации** ее членов о себе, своем месте в обществе и отношении к другим группам.

Идеологема – наименьшая доступная пониманию единица анализа антагонистических дискурсов различных социальных групп или классов (в концепции Ф. Джеймисона).

Идеологическая программа – совокупность норм и правил, регламентирующих различные виды деятельности (в том числе речевой) в рамках общей системы коллективных представлений (идеологии).

Имидж (Image) – ментальный конструкт; образ субъекта, конструируемый окружающими.

Интериоризация (Interiorisation) – процедура усвоения субъектом познания внешнего мира.

Интерсобытийность (Inter-event-ness) – актуализация ассоциаций, вызванных упоминанием в структуре текста событий, не имеющих прямого отношения к содержанию текста в целом.

Интерсубъективность (Intersubjectiveness) – общность познавательной структуры субъектов, обеспечивающая коммуникацию и взаимодействие.

Интерсубъектность (Inter-subject-ness)* – актуализация ассоциаций, вызванных упоминанием в структуре текста субъектов (прямо или косвенно), не имеющих прямого отношения к содержанию текста в целом.

Интертекстуальность (Intertextuality) – актуализация ассоциаций, вызванных упоминанием в структуре текста других текстов, не имеющих прямого отношения к содержанию текста в целом.

Исследование отдельного случая (Case study) – всестороннее, многоступенчатое исследование частного случая с выведением общих закономерностей, оптимальное поле для применения качественных методик (**технологий дискурс-исследований**).

Канон (Canon) – свод норм и предписаний, которым должны строго соответствовать способы поведения, выражения и т. д.

Картина мира (концептуальная модель мира), представленная в тексте (Text cognitive picture of the World/Text image of the environment)* – (по)знание (процесс и результат) взаимосвязи и взаимозависимости структур объективной реальности в их иерархии и значимости для субъекта, воплощенное в тексте.

Картина мира (предметно-знаковая), представленная в тексте* – (по)знание/узнавание (процесс и результат) знаковой номенклатуры текста с учетом ее ассоциативного (коннотативного) поля, а также взаимосвязи и взаимозависимости ее элементов, определяющих их валентность (способность сочетаться с другими знаками), а значит, и коллокативный ассоциативный пласт. Возможна дальнейшая детализация данного феномена по вышеуказанным направлениям.

Картина речевого поведения, представленная в тексте* – (по)знание/узнавание (процесс и результат) поведенческих реалий (специфики взаимодействия субъектов коммуникации) в их (1) иерархической данности и линейном развертывании, а также (2) речеповеденческих (жанрово-форматных и стилистических) реалий. Возможна дальнейшая детализация данного феномена на реальное и виртуальное (знаковое) поля, речеповеденческие поля (картины)

Каузально-генетический подход (Cause-genetic approach) – исследование плана содержания языка с позиций выявления факторных величин и их результатов как элементов генетического кода.

Каузально-генетическая теория – система знаний о плане содержания текста (супертекста, дискурса) с учетом динамики его развития, аналитической и синтетической направленности, кодирования и декодирования.

Каузально-генетическая модель (семантический октаэдр) – системная таблица элементов (типов, видов, аспектов) плана содержания текста (языкового знака), определяющая структурное место и системную организацию каждого из элементов; базовая каузально-генетическая модель плана содержания, включающая функциональные группы и подгруппы содержательных компонентов (дихотомий, триплетов, квадриумов) и их модели.

Квалитативный (качественный) анализ текста (Qualitative text analysis) – изучение текста в его "первозданном", неформализованном виде. Процесс изучения сводится к тем или иным видам интерпретации содержания текста: интерпретации *когнитивной, оценочной, знаково-системной* или *речевой* информации. Качественный анализ учитывает целостность текста, уделяет внимание его структуре, нацелен на изучение латентного (потенциального) значения содержания, основан на селективном отборе элементов анализа, носит иллюстративный характер, учитывает позицию адресата. Представлен открытым множеством методик, среди которых: жанровый, нарративный, социально-ролевой, риторический виды анализа, а также идентификативно-интерпретативный анализ знаковой репрезентации ключевых объектов и ключевых субъектов коммуникации (в линии текста), анализ коммуникативных стратегий. **

Квантитативный (количественный) анализ текста (Quantitative text analysis) – изучение текста в формализованном виде. Процесс изучения сводится к статистическому измерению содержания текстов/документов. Количественный анализ нацелен на исследование манифестируемого (актуализированного) значения содержания. Неотъемлемыми характеристиками такого подхода являются систематичность, объективность, обобщенность. Представлен такой методикой, как контент-анализ.

* Этим знаком помечена терминология, рожденная в рамках каузально-генетической теории

Код (Code) – легитимированное (официально одобренное) средство означивания высказываний.

Доминантный символический код – знаковая система или система производства знаков, которая обеспечивает всеобщее единство различных способов кодификации сообщений и способствует укреплению существующего социального порядка (в концепции Ф. Джеймисона).

Принцип кодового переключения – выбор кода, который в условиях конкретного дискурса является максимально экономным, оптимальным.

Коллаж (Collage) – комбинация разнородных элементов; забавный или язвительный монтаж "неосторожных" высказываний политических деятелей, намеренное смешение жанров, случайных событий, сценариев, символики с целью получения качественно нового текста; в нем всегда есть место имплицитному содержанию, которое надо найти и проявить.

Коммуникация (Communication) – личностное взаимодействие, акт общения, связь между двумя или более индивидами, основанная на взаимопонимании.

Коммуникация в организациях – условие функционирования организации; обмен информацией внутри организации, как на **формальном**, так и **неформальном** уровнях.

Формальная коммуникация в организации санкционирована организацией, ориентирована на нее.

Неформальная коммуникация в организации санкционирована социально и ориентирована не на организацию, а на индивидуумов, входящих в нее.

Организация – агент (институт), порождающий текст (макроуровневый текст), т. е. непрерывный процесс обмена информацией, которая отражает всю совокупность действий. организации и преследует общую цель; формируется дискурсом ее членов о совместной деятельности.

Философия организации – вера в цель и предназначение коммуникации, разделяемая сотрудниками организации и лежащая в основе их деятельности; стратегии, принятые в организации, среди которых выделяются: *формализация* (использует исключительно стандартизированные механизмы, как-то: правила, регулятивы, формы; иерархична по своей природе); *централизация* (также иерархична, но, благодаря использованию личностного подхода к коммуникации, характеризуется большей гибкостью кода для текстов организаций) и *социализация* (подбор команды и привитие ценностей организации тем, кто принимает решения; характеризуется интенсивным межличностным общением; открывает возможности для творчества и инновации).

Массовая коммуникация – процесс сообщения информации с помощью технических средств – средств массовой коммуникации (печать, радио, кинематограф, телевидение).

Межличностная коммуникация – любая интеракция, результатом которой является установление отношений между участниками общения; обмен информацией между индивидуумами либо между индивидуумом и малой группой с уче-

том факторов, воздействующих на адресата, или ответной реакции; взаимодействие между двумя индивидуумами с целью установления отношений или их поддержания; движение от безличностной коммуникации к личностно-ориентированной.

Философия коммуникации – вера в цель и предназначение коммуникации, разделяемая субъектами коммуникации и лежащая в основе их деятельности; основа для достижения стратегических целей, обладающая культурными предпочтениями; традиционно выделяются три философии коммуникации – формализация, централизация и социализация.

Политическая коммуникация – важнейший для целенаправленного управления обществом коммуникативный процесс, включающий в себя сведения как о политике как таковой, так и о событиях в любых других сферах жизни (искусстве, литературе, личной жизни отдельных людей и т. п.) в том случае, если они воздействуют на политический процесс; обладает такими характеристиками, как *публичность* (неограниченный и надперсональный круг потребителей), *опосредованность* (разделенное в пространстве и времени взаимодействие субъектов коммуникации), *непостоянность аудитории* (которая формируется случайно, в зависимости от интереса к конкретному сообщению); *компактность* продукта коммуникации (news as a package).

Религиозная коммуникация – взаимодействие субъектов коммуникации с Богом в обрядовых рамках своей конфессии или индивидуального мистического акта.

Жанры религиозной коммуникации – молитва, исповедь, свидетельство, проповедь и др.

Слово в религиозной коммуникации – языковой знак с позиции его содержательной ценности; субститут реалии, а возможно, и само знание о ней.

Конституирование (from the English word "to constitute") – процедура формирования субъектом содержания сознания.

Контекст (Context) – фрагмент **интертекстуальной, интерсобытийной** либо **интерсубъектной** реальности, являющийся непротиворечивым по отношению к общему смыслу анализируемого **текста**; семантическое объединение языковых единиц.

Контент-анализ (Content-analysis) – анализ содержания, многоцелевой алгоритмизированный метод исследования содержания коммуникации.

"Количественная" модель контент-анализа – алгоритмизированный (т. е. осуществленный по определенным правилам) перевод объективной текстовой информации в количественные показатели с последующей статистической обработкой и обобщением полученных результатов.

"Качественная" модель* контент-анализа – развитие количественной модели с позиций **каузально-генетического моделирования** содержания (например, разведение и учет гносеологического и речеповеденческого видов содержания текста).

Интегративные контент-исследования – сближение парадигм количественных и качественных методик анализа текстов в аспекте дополни-

тельности "количественной" и "качественной" моделей контент-анализа.

Кортеж (Cortege) – группа коммуникантов, вовлеченных во фрейм определенно-го речевого акта непосредственно (устное общение) или опосредованно (письменное общение) в их взаимодействии; оригинальная открытая изменениям, субъектно-ориентированная деятельность; отражение такой деятельности в стиле общения; компонент содержательного ядра текста (тж. **кортежное содержание**).

Критическая лингвистика (Critical linguistics) – анализ использования языка социальными структурами (главным образом такими, как система социального неравенства, власть и оппозиция).

Лингвостилистика – термин, объединяющий большинство современных направлений стилистики, как-то: **функциональная стилистика, стилистика текста, коммуникативная стилистика** (в противовес риторической стилистике – традиционному направлению, которое концентрирует внимание на художественных текстах); изучает языковую специфику любых **речевых единств** с позиции влияния языка на формирование (конституирование) **смыслов** с учетом их функциональной данности и взаимодействия; открыта интердисциплинарному прочтению.

Функциональная стилистика – направление лингвостилистики; изучает функционирование **речевых единств** во всех сферах речевой коммуникации.

Коммуникативная стилистика – направление лингвостилистики; изучает функционирование **речевых единств** с учетом личностных и социальных характеристик субъектов коммуникации; широко использует категориальный аппарат теории речевых актов (прагмалингвистики).

Стилистика текста – направление лингвостилистики; изучает функционирование **речевых единств** с позиции их структурной (формат) и аспектной (лексическая, грамматическая, синтаксическая содержательные компоненты) организации текста.

Функциональный стиль – подсистема общей системы языка, связанная с определенной сферой коммуникации.

Модальность (Modality) – отношение говорящего к содержанию текста и отношение содержания текста к действительности. Категория имеет дело с дихотомией "реальность – нереальность".

Модель (Model) – любая **структура**, используемая для интерпретации выражений естественного или искусственного языка; воспроизведение структуры во взаимодействии ее элементов

Ментальная модель – ментальная **структура** в эпизодической памяти (episodic memory), репрезентирующая событие, действие, план или опыт. Используется в качестве основы для интерпретации **дискурса**.

Постмодернистская исследовательская модель – альтернативная перспектива/парадигма по отношению к позитивистской, интерпретативной и критической; имеет два направления, различающиеся пониманием своей социокультурной роли (героический период революционных экспериментов, призванных трансформировать всю культуру, либо период элитизма): не-

оконсервативное (закрытый в скорлупе своего "я" мир "авангардной изнанки") и неопозитивистское (уход от субъективного в реальность будней); для постмодернизма характерно равное отношение к миру реального и виртуального; для него дискурс такая же реальность, как и предметный мир либо субъекты и другие дискурсы в их взаимодействии.

Нарратив (Narration/Story telling) – система социальной организации речевой деятельности в соответствии с общей языковой нормой, определяющей возможность бессознательной регуляции взаимоотношений различных типов дискурсов; **гранднарратив или "великое повествование"** (метанарратив) – форма организации различных типов знания с целью производства и воспроизводства социальных норм, их трансляции в рамках определенной культурной традиции, а также легитимизация способов их восприятия и интерпретации (в концепции Ж. Лиотара).

Номинализация (Nominalization) – выражение с помощью существительных или именных конструкций действий или событий, при которых их агент действия остается незазванным.

Номинация (Naming) – называние как процесс и как результат.

Парадигма (Perspective)¹ – фундаментальные проблемные теоретические положения, определяющие модель постановки проблем, их решения, дисциплинарная матрица (то, что объединяет и конституирует членов научного сообщества); теория, объединенная в единое целое мировоззренческой трактовкой реальности, человека, науки и целей исследования; в узком смысле – подход, теория, школа.

Позитивистская парадигма – теории (математическая социология, логический позитивизм, структурно-функциональный анализ), в которых установочный принцип получения знаний строится на признании сугубо научного (нефилософского) познания; отождествляет социальные законы и законы природы; принимает в качестве критерия истинности принцип верификации; основа для разработки количественных методов.

Интерпретативная парадигма – теории (символический интеракционизм, феноменология, герменевтика и др.), в которых установочный принцип получения знаний строится на признании исключительно философского познания (когнитивной процедуры установления содержания понятий и их аппликации на ту или иную предметную область); различает и противопоставляет социальные законы и законы природы; основа для разработки качественных методов.

Критическая парадигма – теории (теория конфликта, марксизм, феминизм), базирующиеся на идее социального, политического или гендерного неравенства и признающие необходимость преобразования природы и общества; установочный принцип получения знаний в таких теориях строится на признании как сугубо научного (нефилософского), так и философского познания; усматривает определенное единство между законами социума и природы, равно как и наличие некоторой специфики в каждом из них; наравне с количественными признает также и качественные методы.

Парадигма (Paradigm)² – совокупность языковых знаков, связанных парадигма-

тическими отношениями.

Парадигматические отношения – межзнаковые отношения разных уровней (морфологического, лексического, семантического).

Парадигматический фактор – системообразующий фактор ("принцип включения" языковых знаков в языковую систему).

Персонификация (Personification) – наделение феномена чертами личности.

Перформанс (Performance) – перевод явления в план действия. **Перформативные аспекты (Performance aspects/qualities)** – такие качества (аспекты) коммуникативной деятельности, как тембр голоса, чувство времени и другие, не воспринимаемые органами зрения.

Перформатив (Performative) – языковой знак (слово, предложение, текст), предъявление которого одновременно обозначает и производит называемое им действие.

Поле семантическое (Semantic field) – совокупность языковых (главным образом лексических) единиц, объединенных общностью содержания и отражающих предметное, понятийное или функциональное сходство обозначаемых явлений.

Политическая корректность (Political correctness) – социально-политическое движение, выступающее против экономического неравенства, дискриминации по этническим, возрастным, половым признакам; объект **дискурс-исследований**.

Прагматика (Pragmatics) – область деятельностного или функционального измерения **дискурса**.

Пропозиция (Proposition) – любая совокупность понятий (концептов), которую можно характеризовать как истинную или ложную, соотнести с реальным или воображаемым фактом.

Разомкнутая структура (Open frame) – композиционное построение диалога, позволяющее включать в процессе коммуникации потенциальных субъектов речи и использовать их в качестве посредников при передаче информации от адресанта к адресату.

Рационализация (Rationalization) – воспроизведение рациональной структуры феномена (его внутренних логических связей) с исключением всего случайного и привходящего. Рационализация в психологии – придание разумного вида бессознательным предпочтениям.

Редукция (Reduction) – сведение сложного к простому или "бритва Оккама" (сознательный отказ от умножения сущностей, опора на чувственные данные и элиминация излишних абстракций).

Реконструкция (Reconstruction) – восстановление объективной реальности на основе изучения текстов/документов, т. е. выявление того, что существовало до текста и что получило в нем отражение. Текст выступает как индикатор определенных сторон изучаемого объекта – действительности, автора или аудитории. Одно из основных направлений применения контент-анализа.

Реконструкция потребностей аудитории – движение от текста к чита-

телю, т. е. аудитории. Текст выступает в качестве индикатора потребностей, предпочтений и интересов аудитории.

Реконструкция событий на основе текста – восстановление реальных событий и ситуаций на основе изучения текста как индикатора реальности.

Реконструкция стратегий коммуникатора – движение от текста к автору. Текст выступает как индикатор предлагаемых автором ценностей, идеалов и коммуникативных намерений.

Репрезентация (Representation) – дискурсивная или ментальная структура, отражающая события, действия или ситуации в реальном или воображаемом мире.

Семантическая репрезентация (Semantic representation) – значимая структура предложения или текста, состоящая из локально или тотально связанных между собой пропозиций.

Социальная репрезентация (Social representation) – ментальные структуры, разделяемые членами группы или сообществами (знание, аттитюды, идеологии, нормы, ценности).

Референт (Referent) – реальный или воображаемый объект **референции**, то есть соотносительность выражения с реальным миром.

Референция – операция соотношения языкового знака с событиями реального мира, которые этот знак отражает.

Референциальная семантика, тж. истинно-функциональная, денотативная (**Referential semantics**, also: truth-functional, denotational) – семантика, базирующаяся на референции, то есть исследующая отношение между лингвистическим выражением и реальным миром в противоположность семантике значений (коннотативной), занятой исследованием концептуального значения текста.

Речевой акт (Speech act) – 1) реплика в качестве минимальной единицы речевой деятельности непосредственно в процессе высказывания; 2) коммуникативная деятельность или локутивный акт с учетом намерений говорящего; минимальная единица текстового уровня, выступающая в виде действия для достижения взаимопонимания между участниками коммуникации.

Речевое единство – высказывание (текст), рассматриваемое с позиций функционально-знаковой целостности (см. **языковой знак**).

Роль социальная (Role, social) – ожидаемый от субъекта способ действий в заданных обстоятельствах.

Самосознание (Sense of self) – представления о себе. См. **идентификация**.

Синтагма (Syntagma) – секвенция, знаковая последовательность как единство.

Синтагматический фактор – "принцип включения" языковых знаков в линейно-знаковый контекст.

Система (System) – сеть модельных (patterned) отношений.

Систематическая лингвистика (Systemic linguistics) – лингвистическая теория, иницированная М. Халлидэем, о функциях элементов текста (предложения) и их взаимодействии.

Смысл (Sense) – содержательное наполнение высказываний (текстов), зависящее от контекста их употребления в соответствии со специфическими требованиями и правилами данного типа дискурса.

Прагматика смысла (ценностная характеристика) – смысл есть там, где есть любовь, но попробуйте найти смысл в любви и вы потеряете всякий смысл.

Социальное – относящееся к социуму; категория гуманитарных наук.

Социальная роль – относительно постоянная и внутренне связанная система поступков (действий), являющаяся нормально одобренным образцом поведения для индивида, занимающего определенную социальную позицию.

Социальная напряженность (Social tensivity) – общественно-политическая ситуация, характеризующаяся актуализацией противостояния различных социальных групп и получившая отражение в дискурсе.

Показатель социальной напряженности – параметр, характеризующий общественно-политическую ситуацию.

Социальная семиотика (Social semiotics) – изучение вербальных и невербальных знаков в их социальном контексте.

Социетальное (Societal) – обозначение процессов и явлений, характерных для всего общества (социальное в предельно широком смысле).

Стиль (Style) – устойчивая система средств выразительности, используемая в качестве формы организации передачи сообщений в процессе вербальной коммуникации.

Компетенция – категория стиля, которой соответствует типичное, т. е. стилевая стереотипность.

Перформация – категория стиля, суммирующая индивидуальные особенности субъектов коммуникации

Стратегия коммуникативная (Strategy) – способ речевого общения коммуниканта, отраженный в тексте/конструируемый текстом; общая методологическая направленность исследовательской программы; последовательность ментальных или операционных актов: план (инициация текста) и реализация текста (стратегия как текст в тексте), воплощающих определенную цель или задачу. Изучение коммуникативной стратегии с позиций инициации предполагает включение в анализ таких элементов (категорий), как коммуникативные намерения, коммуникативный замысел, ценности, а также модели поведения коммуниканта. Изучение коммуникативных стратегий в рамках **каузально-генетической теории** предполагает включение в анализ таких содержательных характеристик, как знаковая (номинативная и интерпретативная), оценочная (оценка качеств, действий, состояния), реляционная/пространственная (интертекстуальная, интересубъектная, интересобытийная), временная и риторическая.

Реляционные коммуникативные стратегии фокусируют внимание на субъект-субъектном взаимодействии (субъектной ситуации общения); описывают речевые действия (речевое поведение) коммуникантов с точки зрения их отношения к последующим/предыдущим речевым действиям

субъекта (политического соперника); подразделяются на инициальные ("атака", "продажа"/"реклама") и ответные ("защита", "игнорирование", "я также, я лучше").

Атака – инициальная реляционная коммуникативная стратегия, предполагающая агрессивную направленность аргументов коммуниканта против позиций личности или кампании его оппонента.

Продажа/реклама – инициальная реляционная коммуникативная стратегия, в которой аргументы выглядят объективистски и в формально-смысловом плане нейтральны: с одной стороны, не защищают позицию коммуниканта, а с другой, не критикуют позицию оппонента.

Защита – ответная реляционная коммуникативная стратегия, основанная на негативной оценке предшествующих речевых действий оппонента; стратегия строится на отрицании аргументов, содержащихся в примененной оппонентом (политическим соперником) стратегии атаки.

Тематические коммуникативные стратегии – фокусируют внимание на субъект-предметном взаимодействии (предметной ситуации общения); описывают события, ситуации, в которые включены коммуниканты, с точки зрения их отношения (конструирования, позиционирования, персонифицирования) к реальным/виртуальным объектам или объективированным субъектам (политическим соперникам); подразделяются на позиционные ("создание псевдособытий", "назначение на государственные и внутрипартийные посты", "проведение переговоров или консультаций с мировыми лидерами", "манипулирование социально-экономическими проблемами", позиция "над схваткой", "суррогатное проведение политической кампании", "раздувание проблемы" и др.) и конфронтационные ("критика деятельности оппонентов", "призыв к переменам", "наступательная позиция в полемике").

Структура (Structure) – способ связи элементов или составных частей материального либо идеального объекта.

Семантическая структура (Semantic structure) – см. **семантическая презентация**.

Синтаксическая структура (Syntactic structure) – организация частей предложения или формальная структура дискурса.

Когнитивная структура (Cognitive structure) – организованный набор ментальных объектов, например, пропозиций.

Субъекты коммуникации (Communicators) – непосредственные (устное общение) или опосредованные (письменное общение) участники коммуникации; **адресант и адресат**.

Субъекты политической коммуникации – политическая элита, органы власти и оппозиция, поддерживающие их политические партии, блоки, рядовые избиратели.

Схема (Schema) – ментальная или дискурсивная структура, организованная с помощью иерархически выстроенного (ранжированного) набора конвенциональных категорий, например, нарративная схема (narrative schema), схема личности (person schema), схема группы (group schema).

Сценарий (Script) – композиция высказываний (последовательность изложения), фабула.

Сценарий (Scenario) – сюжетная схема, план, наброски; список действующих лиц.

Сюжет (Story) – логика развертывания повествования в рамках общей композиционной структуры текста.

Текст (Text) – сложный языковой знак, информационный пакет в единстве его формы и содержания, значения (предметного содержания) и значимости (субъектного содержания), процесса и результата. Возможны разные "прочтения" данного термина, на- пример: текст как зафиксированный в знаке практический опыт и речевое поведение конкретного субъекта, подчиненные единому замыслу и воспроизведенные как единое целое, воплощенный в знаке результат деятельности; текст как знаковый пространственно организованный процесс, воплощенный в знаке вид деятельности. Также текстовая деятельность, **дискурс**. Текст может быть изучен как динамическое явление (функциональная данность текста), как статическое явление (реальность и репрезентация), как знак (деятельностная характеристика).

Политический текст – вербализованная политическая деятельность во всех ее проявлениях, как знаковых/символических (номинативная и аккумулятивная деятельность), так и незнаковых (тексты/перформативы). Это понятие охватывает тематический объем и стилевые особенности политической активности, реализованные в языке и средствами языка.

Содержание текста, план содержания текста (супертекста) – совокупность смыслов (категориальных и феноменологических), типов, видов, аспектов содержания; письменное вербальное коммуникативное событие; совокупность осмысленных высказываний, содержащих определенную информацию и объединенных общей **темой**. Все компоненты содержания могут реализовываться как в индивидуальном (структурном, аналитическом) прочтении так и в совокупном "аккорде".

Текстовые реминисценции (Text reminiscences) – актуализация памяти об иных текстах в содержательной структуре сложного языкового знака (текста); "текст в тексте" (ср. **интертекстуальность**).

Тема (Theme) – основная идея текста. См. **рема**, а также **топик** (во многих случаях не проводится различие между понятиями "тема" и "топик").

Тема предложения/топик (Sentence topic) – основная линия повествования или его ключевое звено. Их назначение – предсказать/утверждать новую информацию (комментарий).

Дискурсная тема/топик (Discourse topic) – наиболее важная информация текста, формально представленная пропозициями семантической макро-структуры.

Тематизация (Topicalisation) – актуализация какой-либо информации в тексте, целенаправленное использование сообщений и фактов.

Теоретизация (Theorizing) – процедура выдвижения теории, а также введение в контекст теории нового понятия или феномена.

Технологии дискурс-исследований (Techniques of discourse research) – методики изучения текста как социального документа в качественной парадигме; способ извлечения значимой для понимания функционирования социума информации; разнообразные, главным образом интердисциплинарные, способы исследования текста, для которых характерно многообразие подходов к трактовке плана содержания текста: от простых, экстенсивных, манифестирующих до дескриптивных, интерпретативных, латентных; собирательный термин для качественных методик изучения текста, таких, как структурный анализ, системно-структурный, семиотический, семиологический, мифологический, анализ социальных индикаторов (символов), социально-ролевой, риторический, **перформативный**, нарративный, **жанровый**, речедействительностный, психоаналитический, критический, исторический, культурологический, **тема-рематический** (идентификативно-интерпретативный), анализ линии ключевых слов, **анализ коммуникативных стратегий**, **интертекстуальный**, анализ свободных ассоциаций, **интерсубъектный** (коммуникативный), прагма-, психо-, социо-, этно-, когнитивно-лингвистический анализ.

Интегративные исследовательские технологии – новые методики, использующие преобразованные категории различных подходов, отобранных на основе принципов взаимодополняемости и верификативности. См. **каузально-генетический подход**.

Тип (Type) – форма речевого общения коммуникатора.

Тип аргументации (Type of argumentation) – соотношение фактологических и эмоциональных средств аргументации, применяемых автором текста/документа.

Фактологический тип аргументации – использование объективированной информации, т. е. "событийных аргументов".

Эмоциональный тип аргументации – личностное отношение субъекта коммуникации (адресанта) к происходящему. Оно концентрируется на одном из полюсов оценочной шкалы "хорошо-плохо" и имеет свою номинацию (лексическую, грамматическую, синтаксическую).

Смешанный тип аргументации соединяет оба подхода – фактологическая картина дополняется эмоциональной.

Тип общения (Type of communication) – характер взаимодействия коммуникантов: насколько текст диалогичен, открыт и доступен. В зависимости от этого различаются типы общения: широкий демократический, узкий демократический, широкий авторитарный, узкий авторитарный (термины "демократический/авторитарный" не несут в данном контексте никакой идеологической нагрузки).

Узкий тип общения характеризуется меньшей степенью доступности текста и ориентацией на подготовленного читателя (специальная терминология, ограниченное употребление разговорных оборотов, ссылки на "герметичные" тексты, большая степень имплицитности, актуализация дополни-

тельной информации через возможные логические выводы, инференциальная семантика).

Узкий авторитарный тип общения сохраняет такие нарративные черты авторитарного текста, как назидательность и закрытость, однако имеет иное интертекстуальное содержательное поле. Он рассчитан на элитные группы функционеров массовых движений и организаций.

Узкий демократический тип общения отличается авторская маркированность текстов, композиционное и жанровое своеобразие, особые речевые стереотипы. Тексты в целом открыты, то есть допускают различные истолкования, но требуют внимательного прочтения.

Широкий тип общения характеризуется направленностью на максимально большую аудиторию, доступностью для понимания (отсутствие узко профессиональной терминологии, разговорные обороты, ссылки на популярные тексты, широкое использование расхожих стереотипов, низкая степень имплицитности и коннотативности, опора на фоновые знания).

Широкий авторитарный тип общения означает назидательность, "авторитетность", в некоторых случаях дидактичность, закрытость текста (отсутствие вариантов: "текст значит то, что он значит, и ничего более").

Широкий демократический тип общения имеет нарративную специфику: диалогичность, приглашение к размышлению, открытость текста (возможность различных интерпретаций, отказ от "единственно правильного" прочтения текста).

Топик (Topic) – глобальная (сквозная) идея текста. См. **тема**.

Топикализация (Topicalization) – перемещение любой части предложения в позицию, где обычно располагается тема (как правило, в начало предложения).

Философия диалога (Philosophy of the dialogue) – направление в философии XX в., преследующее цель создания нового типа мышления на основе феномена диалога и критикующее традиционное философствование за его монологичность. Основные представители – В. Библер, М. Бубер, М. Бахтин, О. Розеншток-Хюсси и др. Разработки диалогистов повлияли на феноменологию, герменевтику и экзистенциализм.

Фрейм (Frame) – лингво-когнитивная единица: совокупность языковых элементов, обозначающих определенный аспект концептуального или акционального целого; структура знаний, отражающая стереотипные ситуации; рамки, в которые в определенном порядке укладывается информация о мире (например, идеологический концепт).

Фрейминг – процесс конструирования нарратива с учетом специфики жанра.

Фрейм игры (Play frame) – осознание виртуального характера фрейма, приводящее к восприятию действий как несерьезных (например, внешне оскорбительные выпады комика).

Характеризация (Characterization) – изображение/создание образа.

Эвфемизм (Euphemism) – троп, состоящий в непрямом, "смягчающем" обозначении какого-либо предмета или явления (ср. **дисфемизм**).

Энтропия (Entropy) – мера неопределенности ситуации; смысловой или стилевой "распад" текста, его коммуникативная деградация.

Электоральные исследования (Electorate study) – область прикладной социологии; изучает характер и направленность действий **субъектов политической коммуникации** в борьбе за власть, а также электоральные предпочтения и причины их изменений, необходимые для анализа и построения прогнозов; функциями электоральных исследований являются корректирующая, прогностическая, пропагандистская.

Юмор (Humor) – см. **юмористический дискурс**.

Монолог сатирика (Stand up comedy) – текст, читаемый или проговариваемый сатириком со сцены; комическое произведение, написанное для эстрады и воспроизводимое со сцены.

Сравнительный юмор (Comparison humor) – комизм, указывающий на подобие между двумя различными феноменами.

Юмор аналогий (Humor of analogy) – необычные сравнения, используемые для порождения смеха.

Юмор принижения (Disparagement humor) – юмор, который унижает либо выставляет индивидуума или группу в негативном свете.

Язык (Language) – определенный класс знаковых систем (язык как абстракция); некоторая реально существующая знаковая система, используемая в социуме в определенное время и в определенном пространстве (язык как многочисленные реализации).

Языковая система – динамическое единство структурно определенных элементов языка.

Языковой знак – слово, предложение, текст, газета, книга, собрание сочинений, вид словесности; дискретная, самостоятельно функционирующая единица речевой деятельности, характеризующаяся многоплановостью и цельностью, представленная в единстве формы и содержания, значения и значимости; объект лингво-семиотического исследования, поддающийся аналитическому и синтетическому изучению, проявляющий себя с позиций статики и динамики (структуры и функционального бытия) как самостоятельный элемент речевой коммуникации и языкового процесса (см. **речевое единство**).

Стратификационная (языковая) модель – диахроническая проекция развития языка на плоскость его синхронного состояния, т. ж. литературно-центрическая.

Коммуникативная (речевая) модель – ориентированная на функционирование языковых средств в коммуникативном пространстве социума (язык извне), т.ж. диалект-центрическая.

-истский язык (-ism language) – сексизм, расизм, эйджизм и т. п. в языковом строительстве, воплощающиеся в специфической "групповой" лексике.

Политический язык – система знаков, содержащая определенные мировоззренческие конструкции, системы убеждений и ценностей; отражает и конституирует политические явления и процессы, которые получают свое отражение в словаре как форме фиксации совокупного политического опыта. Выделяют нормативные и актуальные политические языки, сопоставление которых необходимо для эффективного осуществления политической коммуникации. Можно говорить о существовании различных политических языков: языка политологов, языка политических ведомств, языка публичной политической речи, политических языков различных социальных групп.

Этнический язык – единая, монолитная, строго упорядоченная система, включающая в качестве системообразующих компонентов соответствующие формы существования (модели), такие как стратификационная и коммуникативная.

Языковая игра (Language game) – тип речевой деятельности, организованной в соответствии с конвенционально утвержденными правилами употребления и понимания высказываний (в концепции Ж. Лиотара).

КРАТКАЯ ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Амосова Татьяна Владимировна, магистрант, Институт Азии и Африки Московского государственного университета (Минск, Беларусь).

Бергер Артур Аза, доктор, профессор кафедры радиовещания и электронной коммуникации, Государственный университет Сан-Франциско (Сан-Франциско, США).

Булынько Диана Михайловна, аспирантка, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Глухов Геннадий Васильевич, доцент, заведующий кафедрой иностранных языков, Самарская государственная экономическая академия (Самара, Россия).

Глушак Тамара Степановна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретической грамматики и истории немецкого языка, Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь).

Гудкова Оксана Михайловна, научный сотрудник, Белорусский институт культуры (Минск, Беларусь).

Дейк Тойн ван, доктор, профессор дискурс-исследований, Амстердамский университет (Амстердам, Нидерланды), университет Помпо Фабра (Барселона, Испания).

Демьянчук Александр Петрович, докторант кафедры политологии, Национальный университет "Киево-Могилянская Академия" (Киев, Украина).

Диева Татьяна Михайловна, аспирантка кафедры ЮНЕСКО, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Дылевский Игорь Антонович, журналист, газета "Белорусская нива", (Минск, Беларусь).

Зернецкая Ольга Васильевна, доктор политических наук, старший научный сотрудник отдела глобальных международных стратегий, Институт мировой экономики и международных отношений НАН Украины, (Киев, Украина).

Зернецкий Павел Васильевич, кандидат филологических наук, доцент кафедры английской филологии, национальный университет "Киево-Могилянская Академия" (Киев, Украина).

Калюта Александр Михайлович, кандидат филологических наук, доцент кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Киклевич Александр Константинович, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Козел Татьяна Сергеевна, преподаватель кафедры иностранных языков, Гродненский медицинский институт (Гродно, Беларусь).

Коженевска-Берчинска, профессор, доктор наук, заведующая кафедрой глоттодидактики, Институт восточной славистики, Университет Ольштын (Ольштын, Польша).

Курилович Наталья Вячеславовна, аспирантка, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Лысакова Ирина Павловна, профессор, доктор филологических наук, заведующая кафедрой методики преподавания русского языка как иностранного, Российский государственный педагогический университет им. А. И. Герцена (Санкт-Петербург, Россия).

Елсукова Наталья Альбертовна, старший преподаватель кафедры социальной коммуникации, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Майборода Дмитрий Владимирович, аспирант, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Макаров Владимир Васильевич, доктор филологических наук, профессор кафедры лексикологии французского языка, Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь).

Макарова Елена Владимировна, кандидат филологических наук, профессор кафедры английского языка и речевой коммуникации, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Маркович Анна Александровна, аспирантка, Минский государственный лингвистический университет (Минск, Беларусь).

Манжула Галина Геннадьевна, преподаватель кафедры философских учений, Белорусская государственная политехническая академия (Минск, Беларусь).

Мечковская Нина Борисовна, доктор филологических наук, профессор кафедры теоретического и славянского языкознания, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Милхаус Лиза, доктор наук, доцент факультета коммуникации, Университет Вест Честера (Вест Честер, Пенсильвания, США).

Наумова Светлана Андреевна, доцент, заведующая кафедрой политологии и социологии, Республиканский институт высшей школы при Белорусском государственном университете, директор исследовательских программ Международного института политических исследований (Минск, Беларусь).

Оришева Оксана Михайловна, аспирантка, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Попова Алена Викторовна, менеджер совместного белорусско-итальянского предприятия "ЭКСАНИМО" (Минск, Беларусь).

Решетникова Нина Борисовна, кандидат педагогических наук, доцент кафедры риторики и методики преподавания языка и литературы, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Ротман Давид Генрихович, доктор социологических наук, профессор, директор Центра социологических и политических исследований, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Сарна Александр Янисович, преподаватель кафедры философии и методологии науки, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Середа Людмила Михайловна, кандидат филологических наук, доцент, заместитель декана филологического факультета отделения романо-германской филологии, Гродненский государственный университет им. Янки Купалы (Гродно, Беларусь).

Сирош Наталья Анатольевна, аспирантка, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Ухванов Виктор Никифорович, кандидат философских наук, доцент кафедры частного и европейского права, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Ухванова-Шмыгова Ирина Фроловна, доктор филологических наук, заведующая кафедрой английского языка и речевой коммуникации, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Хведченя Людмила Владимировна, кандидат филологических наук, доцент, заведующая кафедрой английского языка гуманитарных факультетов, Белорусский государственный университет (Минск, Беларусь).

Чижевская Елена Евгеньевна, аспирантка, Минский государственный университет (Минск, Беларусь).

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	5
ВВЕДЕНИЕ	7

Часть первая

МЕТОДОЛОГИЧЕСКИЕ И ФИЛОСОФСКИЕ АСПЕКТЫ

1.1. Позитивистская, интерпретативная и критическая парадигмы. <i>Н. В. Курилович</i>	11
1.2. Постмодернистская модель как альтернативная перспектива. <i>И. Ф. Ухванова</i>	21
1.3. Я и Другой в философском дискурсе. <i>Д. В. Майборода</i>	29

Часть вторая

ТЕОРЕТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

2.1. Язык и идеология: к вопросу о построении теории взаимодействия. <i>Т. ван Дейк (пер. с англ. И. Ф. Ухвановой)</i>	50
2.2. Дискурсные перекодировки: предпосылки и следствия. <i>А. К. Киклевич</i>	64
2.3. Функционально-коммуникативный подход и проблемы стиля. <i>Т. С. Глушак</i>	79
2.4. Жанр: статика, генетика, конвенция. <i>А. В. Попова</i>	88
2.5. Теоретические модели коммуникационных процессов и политическая коммуникация. <i>С. А. Наумова</i>	96
2.6. Многоаспектность понятия "политическая корректность" и его исторические корни. <i>Л. М. Середя, Т. С. Козел</i>	105

Часть третья

СЕМИОТИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

3.1. Две тенденции в семиотике. <i>В. В. Макаров</i>	114
3.2. Традиция и современность: нарушенное равновесие. <i>В. В. Макаров</i>	124

Часть четвертая

КОММУНИКАТИВНЫЕ АСПЕКТЫ

4.1. Новостийные медиа в политическом дискурсе. <i>О. В. Зернецкая</i>	139
4.2. Юмор в политическом дискурсе печатных СМИ. <i>И. Ф. Ухванова</i>	147
4.3. Коллаж как интегративный жанр. <i>И. Ф. Ухванова, С. А. Наумова, Т. В. Амосова</i>	153
4.4. Заголовок как индикатор речевого поведения. <i>А. М. Калюта</i>	159
4.5. Политическая сатира Ленни Брюса. © <i>А. А. Бергер (пер. с англ. Д. М. Булышко)</i>	165

Часть пятая

ТЕХНОЛОГИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ

5.1. Стратегии электоральных исследований. <i>Д. Г. Ротман</i>	178
5.2. Технологии политической рекламы. © <i>А. А. Бергер (пер. с англ. А. Козловской)</i>	190
5.3. Коммуникативные стратегии: классификационный аспект. <i>П. В. Зернецкий</i>	196
5.4. Операционализация коммуникативных стратегий с позиций каузально-генетической теории. <i>И. Ф. Ухванова</i>	200
5.5. Анализ репрезентации реляционных коммуникативных стратегий в дискурсе молодых белорусских политиков. <i>И. Ф. Ухванова, О. М. Гудкова, Г. Г. Манжула</i>	204

Часть шестая

СПЕЦИАЛЬНЫЕ АСПЕКТЫ

6.1. Коммуникация в организациях <i>Л. Милхаус (пер. с англ. Н. В. Курилович, Д. М. Бульинко)</i>	218
6.2. Гуманистическая педагогика и современное образование. <i>Л. В. Хведченя</i>	232
6.3. Университеты как очаги культуры. <i>Л. В. Хведченя</i>	242
6.4. Религиозная коммуникация: язык и текст. <i>Н. Б. Мечковская</i>	249
6.5. Взаимоотношение светской и духовной власти: на примере полемики Петра I и митрополита Стефана Яворского. <i>А. Я. Сарна</i>	262

Часть седьмая

КОНТЕНТ-АНАЛИЗ: ТЕОРИЯ И ПРАКТИКА

7.1. Контент-анализ: логика развития метода. <i>Н. В. Курилович</i>	271
7.2. Интегративная модель контент-исследований. <i>И. Ф. Ухванова</i>	286
7.3. Интеграция России и Беларуси в зеркале прессы. <i>И. Ф. Ухванова, Н. В. Курилович, Н. А. Елсукова</i>	293
7.4. Коррупция и ее репрезентация в СМИ. <i>В. Н. Ухванов</i>	307

Часть восьмая

ТЕКСТ ПЕЧАТНЫХ СМИ КАК ОБЪЕКТ КАЧЕСТВЕННОГО ИССЛЕДОВАНИЯ

8.1. Качественный анализ: теория и практика. Содержание формы и форма содержания. © <i>И. Ф. Ухванова</i>	329
8.2. Виртуальная реальность текста в фокусе внимания исследователя © <i>Н. А. Елсукова</i>	337
8.3. Национально-консолидирующий дискурс белорусской публицистики	

начала XX века. <i>И. Ф. Ухванова, Н. Б. Решетникова</i>	349
8.4. Образ мира журнальных изданий. <i>Н. А. Сирош</i>	366
8.5. Структура польского политического дискурса. <i>И. Кожневска-Берчинска (пер. с польск. И. А. Дылевского)</i>	380
8.6. Маркированность газетного языка. <i>И. П. Лысакова, Т. М. Диева</i>	390

Часть девятая

ОБЗОРЫ

9.1. Диктат рынка против свободы мысли (Д. Дадли. "Университеты и глобализация: критические перспективы"). <i>А. П. Демьянчук</i>	407
9.2. План содержания текста СМИ в фокусе внимания теории коммуникации (по материалам 2 и 3-го изданий книги Д. Мак-Куэйла "Массовая коммуникация"). <i>А. В. Попова</i>	417
9.3. Аргументативная коммуникация (обзор литературы). <i>А. А. Маркович</i>	429
9.4. Политическая коммуникация (Б. Макнэйр. "Введение в политическую коммуникацию"). <i>Е. Е. Чижевская</i>	438
9.5. История, репрезентация, текст (Ф. Джеймисон. "Политическое бессознательное. Нарратив как социально-символический акт") <i>О. М. Оришева</i>	441
9.6. Речевая коммуникация: секреты успеха (международная конференция). <i>Е. В. Макарова</i>	449
Pro Futuro	455
Библиография	458
Материалы к словарю	473
Краткая информация об авторах	479